ISSN 2587-6112
e-ISSN 2618-9488

Археология евразийских степей

№ 5 2025

ISSN 2587-6112
e-ISSN 2618-9488

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ
№ 5 2025

Главный редактор:
академик АН РТ, доктор исторических наук *А.Г. Ситдиков*

Редакционный совет:

Г. Атанасов, д.и.н., проф. (Силистра, Болгария); **А. Авербух**, д-р, (Париж, Франция); **Х.А. Афонсо Марреро**, проф. (Гранада, Испания); **Б.В. Базаров**, д.и.н., проф., академик РАН (Улан-Удэ); **Н. Бороффка**, д-р, проф. (Берлин, Германия); **Н.Б. Виноградов**, д.и.н., проф. (Челябинск); **А.Р. Канторович**, д.и.н., проф. (Москва); **В. Кожокару**, д-р хабилитат (Яссы, Румыния); **Н.Н. Крадин**, д.и.н., академик. РАН (Владивосток); **В.В. Напольских**, д.и.н., чл.-корр. РАН (Казань); **А. Самзун**, д-р. (Париж Франция); **В. Франсуа**, д-р хабилитат (Экс-ан-Прованс, Франция); **Р.Р. Хайрутдинов**, к.и.н. (Казань); **Е.Н. Черных**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Москва); **М.В. Шуньков**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Новосибирск); **Ю. Янхунен**, д.и.н., проф. (Хельсинки, Финляндия).

Ответственный редактор номера:
докт. ист. наук *А.М. Губайдуллин*

Редакционная коллегия номера:

Р.Р. Саттаров к.и.н. (Казань); **Т.Б. Никитина** д.и.н. (Йошкар-Ола); **Ф.Ш. Хузин**, д.и.н., член-корр. АН РТ (Казань); **З.Г. Шакиров**, к.и.н. (г. Биляр); **К.А. Руденко**, д.и.н., профессор (г. Казань); **Ю.А. Зеленеев**, д.и.н. (Йошкар-Ола).

Ответственный секретарь: А.С. Беспалова

Журнал основан в мае 2017 г.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–79080
от 28 августа 2020 г. выдано Роскомнадзором
Адрес редакции, издателя:
420012, г. Казань, ул. Бутлерова, 30
Телефон: (843)236-55-42
Адрес учредителя:
420111, г. Казань, ул. Баумана, 20
E–mail: archeostepps@gmail.com
https://www.evrazstep.ru
Индекс ПП754, электронный каталог печатных изданий
«Почта России»
Выходит 6 раз в год

Подготовка и издание журнала осуществлены в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа»

Учредитель: Академия наук Республики Татарстан
© Академия наук Республики Татарстан, 2025
© Журнал «Археология Евразийских степей», 2025

ISSN 2587-6112
e-ISSN 2618-9488

ARKHEOLOGIIA EVRAZIISKIKH STEPEI
ARCHAEOLOGY OF THE EURASIAN STEPPES
No 5 2025

Editor-in-Chief:
Academician of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **Airat G. Sitdikov**

Executive editors:

Georgy Atanasov, Dr. Hab., Prof. (Silistra, Bulgaria); **José Andrés Afonso Marrero**, PhD, Prof. (Granada, Spain); **Aline Averbouh**, Dr. (Paris, France); **Boris V. Bazarov,** Doctor of Historical Sciences, Prof., Academician of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude); **Nikolaus Boroffka**, PhD, Prof. (Berlin, Germany); **Nikolay B. Vinogradov**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Chelyabinsk); **Evgenii N. Chernykh**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Victor Cojocaru**, Dr. Hab. (Yassy, Romania); **Véronique François**, Dr. Hab. (Aix-en-Provence, France); **Anatolii R. Kantorovich**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Moscow); **Nikolay N. Kradin,** Doctor of Historical Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok); **Ramil R. Khayrutdinov**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Vladimir V. Napolskikh**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Kazan); **Anaick Samzun,** Dr. (Paris, France); **Michael V. Shunkov**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk); **Juha Janhunen**, PhD, Prof. (Helsinki, Finland).

Executive Editor:
Doctor of Historical Sciences, Professor **Airat M. Gubaidullin**

Editorial board:

Ruzil R. Sattarov, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Tatyana B. Nikitina,** Doctor of Historical Sciences (Yoshkar-Ola); **Fayaz Sh. Khuzin**, Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan). **Zufar G.Shakirov** Candidate of Historical Sciences (Bilyar); Konstantin A. Rudenko, Doctor of Historical Sciences, Professor (Kazan); **Yuri A. Zeleneev**, Doctor of Historical Sciences (Yoshkar-Ola).

Executive Secretary: Antonina S. Bespalova

Editorial Office Address:
Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation
Telephone: (843)236-55-42
E-mail: archeostepps@gmail.com
https://www.evrazstep.ru

The preparation and publication of the journal were carried out within the framework of the State program of the Republic of Tatarstan "Preservation of the National Identity of the Tatar People"

© Tatarstan Academy of Sciences, 2025
© Archaeology of the Eurasian Steppes Journal, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Саттаров Р.Р. *(Казань, Россия)*, **Зубов С.Э.** *(Самара, Россия),*
Дупчур Ч.И. *(Казань, Россия)*, **Салимгареев И.Ф.** *(Старокиргизово, Россия)*
К вопросу о датировке Старокиргизовского могильника пьяноборской культуры
в Икско-Бельском междуречье 8

Ивлиев А.Л., Анзулис Я.Е. *(Владивосток, Россия)* Приханковье (Западное Приморье)
в эпоху раннего средневековья 20

Кравченко Э.Е. *(Севастополь, Россия)* Исследования поселения пеньковской культуры
в среднем течении Северского Донца 31

Потемкина Т.М. *(Донецк, Россия)* Стержни с подвижными кольцами
на половецких изваяниях: новая интерпретация 51

Логинов Я.С. *(Казань, Россия)* Сабли Волго-Камья в VIII-X вв. 62

Брюхова Н.Г. *(Москва, Россия)* Сведения о могильниках Пермского Предуралья
(по материалам дореволюционных изданий) 70

Коваль В.Ю. *(Москва, Россия)* Фортификация Биляра 78

Турова Н.П. *(Тобольск, Россия)* Калачевидные височные подвески Юдинской культуры
по материалам могильника Вак-Кур 108

Кузнецов В.Е. *(Пермь, Россия)*
Привозные изделия в материалах городища Роданово (Пермский край) 116

Илюшин А.М. *(Кемерово, Россия)* Могила периода господства монголов в степях Евразии
(по результатам исследований кургана Бормотово-3 в Кузнецкой котловине) 128

Пластеева Н.А., Косинцев П.А. *(Екатеринбург, Россия)*, **Васильев С.К.**
(Новосибирск, Россия), **Дашковский П.К.** *(Барнаул, Россия),* **Саблин М.В.**
(Санкт-Петербург, Россия), **Тишкин А.А.** *(Барнаул, Россия)*
Экстерьер лошадей из сопроводительных захоронений в пазырыкских курганах Алтая 139

Скакова И.В. *(Москва, Россия)*
Индивидуальные знаки на плинфах ранневизантийского храма на городище Гиенос 152

Кирилко В.П. *(Симферополь, Россия)*
Фрагменты архитектурных деталей из раскопок Алуштинского могильника 164

Ушаков С.В. *(Симферополь, Россия)*
Варвары в позднеантичном-ранневизантийском Херсонесе: археологические материалы 171

Миргалеев И.М. *(Казань, Россия)* Были ли буддисты в Золотой Орде?
К постановке проблемы в историко-археологическом контексте
(на примере сведений «Умдат ал Ахбар» Абдулгаффара Кырыми) 186

Достиев Т.М. *(Баку, Азербайджан)* Еще раз о керамике «минаи»
из археологических раскопок городища Шамкир 192

Мустафаев М.М. *(Баку, Азербайджан)*
Изразцы XII–XIV веков из крепости Алиша (Азербайджан)» 203

Жанузак Р.Ж., Буранбаев Р.Н., Шербаев Р.К. *(Алматы, Казахстан)* Население Жетысу
в тюркское время (VIII–XI вв.) по данным краниологии (по материалам памятника Самсы) 215

Ошанов О.Ж., Атыгаев Н.А. *(Алматы Казахстан)*
Средневековые памятники Заилийского Алатау
(на основе этноархеологических исследований) 233

Археология средневековых городов Степной Евразии*[1]

Васильев Д.В. *(Астрахань, Россия)* Торговые связи города Саксина 244

Сагидуллаев Д.З. *(Уральск, Казахстан),* **Ситдиков А.Г.** *(Казань, Россия)*
Памятники Золотой Орды на территории Западно-Казахстанской области 252

---

* *Материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Археология средневековых городов Степной Евразии» (3–5 марта 2025)*

Лапшин А.С. *(Москва, Россия),* **Лапшина И.Ю.** *(Волгоград, Россия)* Результаты археологических исследований Водянского городища по материалам раскопок 2023–2024 ..262

Айбабина Е.А., Ломакин Д.А. *(Симферополь, Россия)* Мечеть средневековой крепости Арабат 276

Непомнящий А.А., Ломакин Д.А. *(Симферополь, Россия)* Конфликт «провинция – центр» в крымском измерении: соперничество Н. И. Репникова и Н. Л. Эрнста за лидерство в изучении средневекового города Эски-Кермен (1927–1929 гг.) 290

Хроника

Кузьминых С.В. *(Москва, Россия),* **Руденко К.А.** *(Казань, Россия)* «Работаю по-прежнему в области археологии»: письма В.Ф. Смолина Э.Х. Миннзу (1922, 1927, 1929 гг.) 299

Оруджов Э.И. *(Казань, Россия),* **Кузьминых С.В.** *(Москва, Россия),* **Шипилов А.В.** *(Казань, Россия),* **Черных Е.М.** *(Ижевск, Россия),* **Шурыгин В.Е.** *(Казань, Россия)* Андрей Алексеевич Чижевский и ананьинский мир в его жизни и научной судьбе 314

Баранов В.С., Валеева В.А., Волкова Е.В., Гирфанова К.С., Каплан П.Ю., Макласова Л.Э., Мухаметшин Р.Р., Садриев Н.Р., Ситдиков А.Г. *(Казань, Россия)* Музею археологии Республики Татарстан — 20 лет: итоги музейной деятельности в условиях учреждения академической науки 324

Критика и библиография

Боталов С.Г. *(Екатеринбург, Челябинск, Россия)* Рецензия на коллективную монографию «Средние Века (VIII – начало XIII вв.). Волжская Болгария. Финно-Угорский Мир. Кочевники Восточной Европы» (Том 5) из серии «Археология Волго-Уралья» в 7 томах. Казань, 2022 .338

Список сокращений.....350

Правила для авторов.....351

CONTENT

Sattarov R.R. *(Kazan, Russian Federation)***, Zubov S.E.** *(Samara, Russian Federation),* **Dupchur C.I.** *(Kazan, Russian Federation)***, Salimgareev I.F.** *(Starokirgizovo, Russian Federation)* The issue of dating the Starokirgizovsky burial ground of Pyany Bor culture in the Ik-Belaya interfluve 8

Ivliev A.L., Anzulis Ya.E. *(Vladivostok, Russian Federation)* Prikhankovye (Western Primorye) in the Early Middle Ages.....20

Kravchenko E.E. *(Sevastopol, Russian Federation)* Studies of a Settlement of Penkovskaya Culture in the Middle Reaches of the Seversky Donets River.....31

Potyomkina T.M. *(Donetsk, Russian Federation)* Rods with Movable Rings on Polovtsian Sculptures: a New Interpretation.....51

Logina Ya. S. *(Kazan, Russian Federation)* Sabers from the Volga-Kama Region in the 8th-10th Centuries.....62

Bryukhova N.G. *(Moscow, Russian Federation)* Details of Burial Grounds in the Perm Cis-Urals (based on materials of pre-revolutionary publications) 70

Koval V.Yu. *(Moscow, Russian Federation)* Fortification of Bilyar 78

Turova N. P. *(Тобольск, Russian Federation)* Kalatch-Shaped Temple Pendants of Yudino Culture according to materials from Vak-Kur Burial Ground.....108

Kuznetsov V.E. *(Perm, Russian Federation)* Imported Products in the Materials of Rodanovo Fortified Settlement (Perm Region).....116

Ilyushin A.M. *(Kemerevo, Russian Federation)* A Grave from the Period of Mongol Dominance in Eurasian Steppes (based on the results of studies of Bormotovo-3 Mound in Kuznetsk basin) 128

Plasteeva N.A., Kosintsev P.A. *(Ekaterinburg, Russian Federation)***, Vasiliev S.K.** *(Novosibirsk, Russian Federation)***, Dashkovskiy P.K.** *(Barnaul, Russian Federation),* **Sablin M.V.** *(Saint Petersburg, Russian Federation),* **Tishkin A.A.** *(Barnaul, Russian Federation)* Morphological Characteristics of Horses From Pazyryk Culture Kurgans In Altai 139

Skakova I.V *(Moscow, Russian Federation)* Individual Signs on Bricks from an Early Byzantine Temple in Gienos 152

Kirilko V.P. *(Simferopol, Russian Federation)* Fragments of Architectural Details from Excavations of Alushta Burial Ground.....164

Ushakov S.V. *(Simferopol, Russian Federation)* Barbarians in Late Antique-Early Byzantine Chersonesos: archaeological materials.....171

Mirgaleev I.M. *(Kazan, Russian Federation)* Were there Buddhists in the Golden Horde? Problem Statement in Historical and Archaeological Context (on the example of information from Abdulgaffar Kyrymi's Umdet Al-Akhbar).....186

Dostiyev T.M. *(Baku, Republic of Azerbaijan)* More information about Minai ceramics from the archaeological excavations of Shamkir fortified settlement 192

Mustafayev M. M. *(Baku, Republic of Azerbaijan)* 12th–14th Century Glazed Tiles from Alisha Fortress (Azerbaijan) 203

Zhanuzak R.Zh., Buranbayev R.N., Sherbayev R.K. *(Almaty, Kazakhstan)* The Population of Zhetysu in the Turkic Period (8th–11th centuries) based on Craniological Data (from the Samsy Site) 215

Oshanov O.Dzh., Atygayev N.A. *(Almaty, Kazakhstan)* Medieval monuments of the Trans-Ili Alatau (based on ethnoarchaeological studies).....233

Archaeology of Medieval Cities in Steppe Eurasia

Vasiliev D.V. *(Astrakhan, Russian Federation)* Trade Relations of the City of Saksin 244

Sagidullayev D.Z. *(Uralsk, Kazakhstan),* **Sitdikov A.G.** *(Kazan, Russian Federation)*
Golden Horde Monuments in West Kazakhstan Region.....252

Lapshin A.S. *(Moscow, Russian Federation),* **Lapshina I.Yu.** *(Volgograd, Russian Federation)* Results of Archaeological Studies at Vodansk Settlement based on Excavation Materials of 2023-2024.....262

Aibabina E.A., Lomakin D.A. *(Simferopol, Russian Federation)*
Arabat Medieval Fortress Mosque.....276

Nepomnyashchy A. A., Lomakin D. A. *(Simferopol, Russian Federation)* 'Province–Center' Conflict in the Crimean Dimension: competition between N. I. Repnikov and N. L. Ernst for leadership in the study of Eski-Kermen Medieval Town (1927–1929).....290

Chronicle

Kuzminykh S. V. *(Moscow, Russian Federation),* **Rudenko K. A.** *(Kazan, Russian Federation)*
"My work in archaeology continues": letters by V. F. Smolin to E. H. Minns (1922, 1927, 1929) ..299

Orudzhov E.I. *(Kazan, Russian Federation),* **Kuzminykh S. V.** *(Moscow, Russian Federation),* **Shipilov A.V.** *(Kazan, Russian Federation),* **Chernykh E.M.** *(Izhevsk, Russian Federation),* **Shurygin V.E.** *(Kazan, Russian Federation)* Andrey Alekseevich Chizhevsky and the Ananyino World in his Life and Scientific Fate.....314

Baranov V.S., Valeeva V.A., Volkova E.V., Girfanova K.S., Kaplan P.Yu., Maklasova L.E., Mukhametshin R.R., Sadriev N.R., Sitdikov A.G. *(Kazan, Russian Federation)*
The 20th Anniversary of the Museum of Archaeology
of the Republic of Tatarstan: the results of museum activities in the context of the academic science institution 324

Critics and Bibliography

Botalov S.G. *(Ekaterinburg, Chelyabinsk, Russian Federation)* Review On The Collective Monograph "The Middle Ages (VIII – Early XIII Centuries). Volga Bolgaria. Finno-Ugrian World. Nomads Of The Eastern Europe" (Vol. 5) From The Series "Archaeology Of The Volga-Urals" In 7 Volumes. Kazan, 2022 338

List of Abbreviations.....350

Instructions for Authors.....351

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.5.8.19

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ СТАРОКИРГИЗОВСКОГО МОГИЛЬНИКА ПЬЯНОБОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ИКСКО-БЕЛЬСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ[1]

©2025 г. Р.Р. Саттаров, С.Э. Зубов, Ч.И. Дупчур, И.Ф. Салимгареев

В статье рассматриваются вопросы датировки Старокиргизовского могильника пьяноборской культуры, расположенного в Икско-Бельском междуречье. На основе анализа археологического материала, полученного в ходе раскопок 1970-х годов и возобновленных исследований 2016–2025 годов, авторы предлагают уточненные хронологические рамки памятника. Особое внимание уделяется анализу погребального обряда, находкам бронзовых наконечников стрел и восьмерообразных застежек как хронологическим маркерам. Проводится сравнение Старокиргизовского могильника с другими ключевыми памятниками пьяноборской культуры, такими как Кипчаковский I могильник, что позволяет синхронизировать его нижнюю датировку. На основе анализа бус устанавливается верхняя дата могильника. В результате исследования обосновывается датировка Старокиргизовского могильника II в. до н. э. – I в. н. э. и подчеркивается его значение для понимания процессов формирования пьяноборской культуры в Сюньско-Бельском междуречье.

Ключевые слова: археология, ранний железный век, пьяноборская культура, Старокиргизовский могильник, хронологические рамки.

THE ISSUE OF DATING THE STAROKIRGIZOVSKY BURIAL GROUND OF PYANY BOR CULTURE IN THE IK-BELAYA INTERFLUVE[2]

R.R. Sattarov, S.E. Zubov, C.I. Dupchur, I.F. Salimgareev

The paper concerns the dating of the Starokirgizovsky burial ground of Pyanobor culture located in the Ik-Belaya interfluve. Based on an analysis of the archaeological material obtained during the excavations of the 1970s and the resumed studies of 2016-2025, the authors propose an updated chronological framework of the monument. Special attention is paid to the analysis of the funeral rite and the discovered bronze arrowheads and figure eight-shaped clasps as chronological markers. The Starokirgizovsky burial ground is compared with other key monuments of the Pyanobor culture, such as the Kipchaksky I burial ground, which has allowed to synchronize its lower dating. The upper date of the burial ground has been established based on an analysis of the beads. As a result of the study, the dating of the Starokirgizovsky burial ground to the 2nd century BC – 1st century AD is substantiated and its importance for understanding the Pyanobor culture formation processes in the Syun-Belaya interfluve is emphasized.

Keywords: archaeology, early Iron Age, Pyany Bor culture, Starokirgizovsky burial ground, chronological framework.

Пьяноборская археологическая культура, известная научному сообществу 145 лет, обладает значительным фондом археологических материалов, особенно по могильникам. К настоящему времени исследовано более 3350 погребений, относящихся к данной культуре. Несмотря на это, вопросы хронологии пьяноборской культуры остаются дискуссионными,

[1] Работа выполнена за счет гранта Академии наук Республики Татарстан, предоставленного молодым кандидатам наук (постдокторантам) с целью защиты докторской диссертации, выполнения научно-исследовательских работ, а также выполнения трудовых функций в научных и образовательных организациях Республики Татарстан в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Научно-технологическое развитие Республики Татарстан».

[2] The work was carried out at the expense of a grant from the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, provided to young candidates of sciences (postdoctoral fellows) for the purpose of defending their doctoral dissertation, performing research, as well as working in scientific and educational organizations of the Republic of Tatarstan within the framework of the State Program of the Republic of Tatarstan “Scientific and Technological Development of the Republic of Tatarstan”.

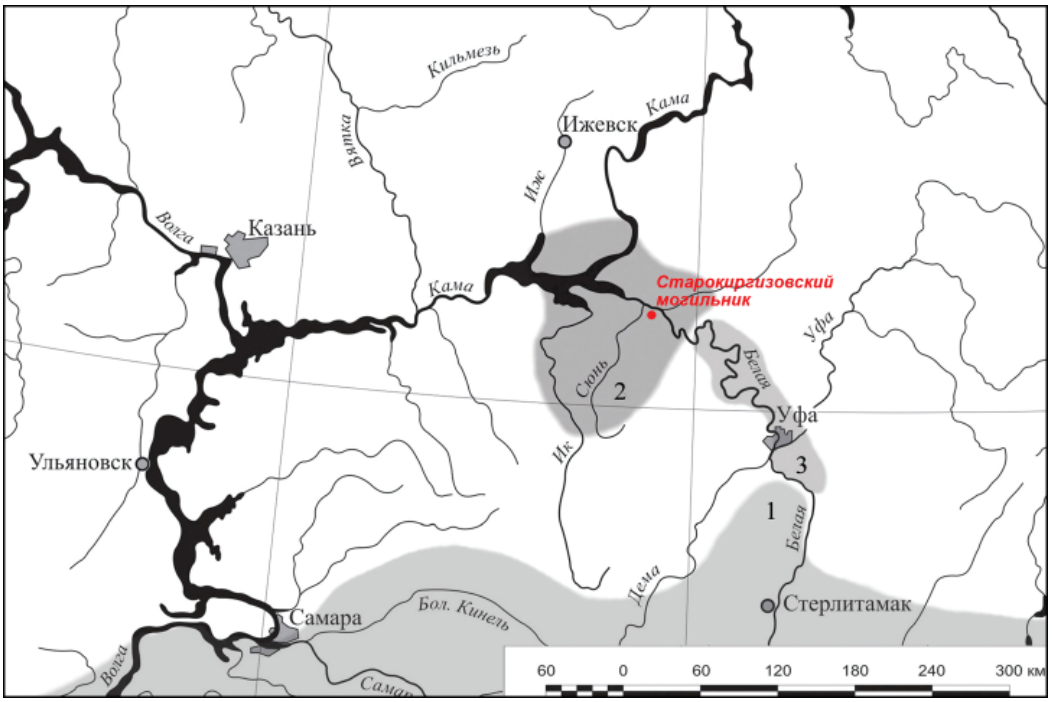

Рис. 1. Старокиргизовский могильник пьяноборской культуры на карте-схеме ареалов памятников кочевников-сарматов (1) и оседлого населения пьяноборской (2) и кара-абызской (3) культур

Fig. 1. Starokirgizovsky burial ground of Pyanobor culture on the area map of the monuments of Sarmatian nomads (1) and the settled population of Pyanobor (2) and Kara-Abyz (3) cultures

что обусловлено сложностью интерпретации имеющихся данных и отсутствием надежно датированных комплексов.

Для изучения пьяноборской культуры исследователи в разные годы выделяли опорные памятники, на основе которых строились хронологические схемы. Так, В.Ф. Генинг, датируя культуру в пределах III в. до н. э. – II в. н. э., использовал материалы раскопанных им Чегандинского II и Ныргындинского II могильников (Генинг, 1970, с. 89–93). Б.Б. Агеев, помимо пересмотра датировок Чегандинского II и Ныргындинского II, рассматривал и другие могильники, что позволило ему выделить раннюю стадию (II в. до н. э. – I в. н. э.) и позднюю стадию (II–III вв. н. э.) (Агеев, 1992, с. 79). Р.Д. Голдина выделяет Икский могильник как реперный для ранней стадии (II–I вв. до н. э.), а Ныргындинский II могильник – для средней (I–II вв. н. э.) (Голдина, Бернц, 2022, с. 491, 492). К заключительной стадии пьяноборской культуры (чегандинской – по версии В.В. Генинга, тарасовской – по Р.Д. Голдиной) (III–V вв. н. э.) она относит памятники мазунинской археологической культуры, соотнося их с мазунинским этапом, завершающим тарасовскую культуру. Тарасовский могильник, по мнению Р.Д. Голдиной, является опорным памятником для всей культуры (Голдина, Лещинская, 2022, с. 445), что вызывает вопросы, поскольку он не соответствует общей периодизации. Могильник не содержит захоронения II–I вв. до н. э. На этом основании представляется необоснованным предложение Р.Д. Голдиной о переименовании культуры в «тарасовскую».

Несмотря на значительный объем исследований, хронология раннего этапа пьяноборской культуры остается наименее изученной. Это хорошо показано в работах С.Э. Зубова и Р.Р. Саттарова (Зубов, Саттаров, 2018, Саттаров, Камалеев, 2022), А.А. Красноперова (Красноперов, 2009, 2014, 2017, и др.). Неразработанность хронологии вызывает определенные сложности при датировании новых материалов.

В 2025 году экспедицией Самарского национального исследовательского университета им. С.П. Королева, Казанского (Приволжского) федерального университета и Академии наук Республики Татарстан было завершено исследование Старокиргизовского могильника пьяноборской культуры, расположенного в Илишевском районе Республики Башкортостан (рис. 1). Полная изученность всей доступной территории могильника позволила

Рис. 2. Общий план Старокиргизовского могильника с указанием погребений с бронзовыми и железными наконечниками стрел
Fig. 2. General plan of the Starokirgizovsky burial ground indicating the burials with bronze and iron arrowheads

поставить целью данной работы определение хронологических рамок его бытования.

История изучения могильника началась в 1970 году, когда И.Б. Васильев и В.С. Горбунов зафиксировали наличие захоронений вблизи старого тракторного парка и пожарной части, после того как расширение грунтовой дороги привело к разрушению нескольких погребений. В том же году разведочные раскопки, проведенные А.Х. Пшеничнюком, подтвердили наличие пьяноборских захоронений. В 1972 году стационарные археологические раскопки продолжила экспедиция Башкирского государственного университета под руководством С.М. Васюткина, исследовав 51 захоронение (Васюткин, 1982, с. 125).

Исследования были возобновлены в 2016 г. Начало раскопок было инициировано И.Ф. Салимгареевым, учителем истории местной школы села Старокиргизово, в связи с разрушением памятника из-за незаконной разработки карьера. В течение пяти полевых сезонов (2016–2018, 2024, 2025 гг.) было изучено 138 погребений.

При анализе материалов для определения нижней хронологической границы могильника особое внимание привлекают следующие моменты.

Прежде всего, в северной части могильника выделяется участок с необычной планировкой: центральное, более глубокое погребение 89 окружено кольцом других захоронений. Эта планировка напоминает курганную, несмотря на отсутствие зафиксированной при раскопках насыпи. Подобное расположение погребений встречается в материалах Кипчаковского I курганно-грунтового могильника пьяноборской культуры II в. до н. э. – I в. н. э., однако полного круга вокруг центрального погребения там не образуется (Зубов, Саттаров, Тагиров, 2021, рис. 4, курганы 41и 54). Кольцевой обряд захоронений наиболее характерен для раннесарматских погребений Южного Урала III–I вв. до н. э. (Статистическая обработка…,

Таблица 1. Взаимовстречаемость наконечников стрел из погребальных комплексов Старокиргизовского могильника
Table 1. Mutual occurrence of arrowheads from the burial complexes of the Starokirgizovsky burial ground

№ п/п	Шифр погребения	Бронзовые наконечники стрел	Железные наконечники стрел	Костяные наконечники стрел
1	П.63	18		2
2	П.92	9		
3	П.57	6		5
4	П.51/72	5		
5	П.58	2		2
6	П.83	2		
7	П.35	1		
8	П.56	1		10
9	П.89	1		
10	П.84	3	1	1
11	П.23		14	5
12	П.53		6	19
13	П.18/72		5	42
14	П.17		5	
15	П.71		3	18
16	П.1-36/72		2	
17	П.43		2	27
18	П.20		2	15
19	П.2/72		2	1
20	П.2-25/72		1	
21	П.12		1	1
22	П.42		1	2
23	П.29			11
24	П.20/72			8
25	П.17/72			7
26	П.55			4
27	П.2/70			3
28	П.15/72			3
29	П.4-29/72			2
30	П.3/72			1
31	П.11-24/72			1
32	П.74			1
33	П.85			1
Итого		48	44	192

1997, с. 182), но в них погребения располагаются по кругу относительно центра кургана, а не центрального погребения (Садыкова. Васильев, 2001, рис. 1, 4, 9). Наиболее близким аналогом являются многомогильные курганы саргатской культуры, в которых вокруг центральной, крупной и глубокой могилы группами или по кругу расположены другие захоронения (Корякова, 1988, с. 48).

Второй важный момент – наличие в могильнике 10 погребений с бронзовыми наконечниками стрел (табл. 1, рис. 2–4), что позволяет предположить раннюю датировку. Эти погребения сконцентрированы компактно, преимущественно в северной и центральной частях могильника. В погребениях 35, 56 и 89 было обнаружено по одному бронзовому наконечнику стрелы. По два наконечника были найдены в погребениях 58 и 83. В погребении 84 было найдено три наконечника, в погребении 51/72 – пять, а в погребении 57 – шесть наконечников. Наибольшее количество, девять и восемнадцать, было обнаружено в погребениях 92 и 63, соответственно. В большинстве случаев бронзовые наконечники найдены вместе с костяными (четыре погребения), а

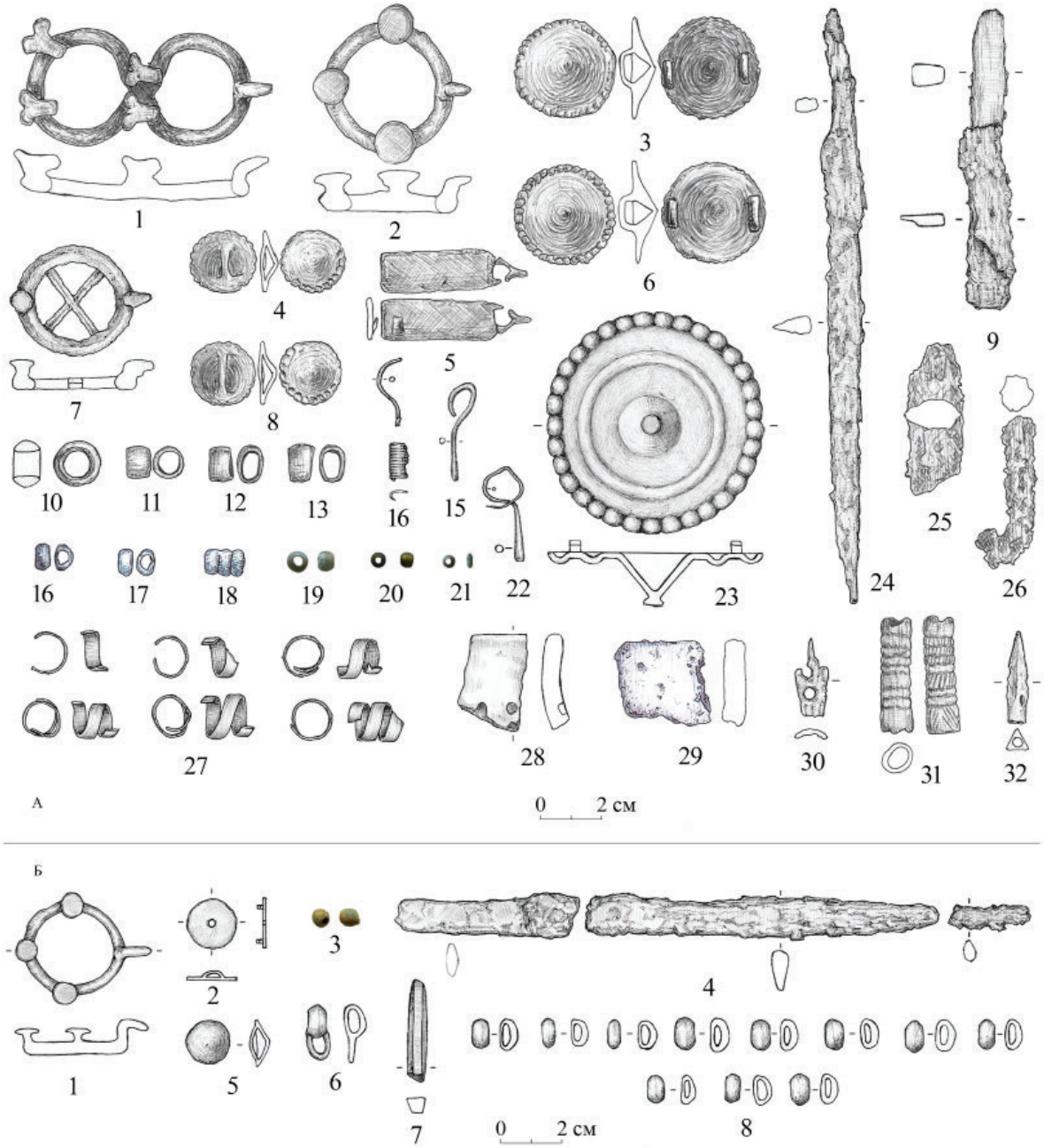

Рис. 3. Погребальный инвентарь Старокиргизовского могильника с бронзовыми (А) и бронзовыми/железными (Б) наконечниками стрел. А: 1-8, 10-18, 23, 27 - бронза; 9, 24-26 - железо; 19-21 - стекло с металлической прокладкой; 22 - серебро; 28, 29 - керамика; 30-32 - кость. Б: 1, 2, 5, 6, 8 - бронза; 3 - стекло; 4 - железо; 7 - кость.
Fig. 3. Burial inventory of the Starokirgizovsky burial ground with bronze (A) and bronze/iron (B) arrowheads. A: 1-8, 10-18, 23, 27 - bronze; 9, 24-26 - iron; 19-21 - glass with metal lining; 22 - silver; 28, 29 - ceramics; 30-32 - bone. B: 1, 2, 5, 6, 8 - bronze; 3 - glass; 4 - iron; 7 - bone.

в одном случае – с костяными и железными. Единичная находка бронзового и железного наконечников в одном погребении в очередной раз свидетельствует о быстрой смене типов вооружения и возможном влиянии сарматской военной традиции на пьяноборское население, подобно ситуации в Кипчаковском могильнике (Зубов, Саттаров, 2018, с. 213, табл. 1).

Бронзовые наконечники относятся к двум типам. К первому типу относятся наконечники стрел с трехлопастной с треугольной головкой и ровной базой с выступающей или внутренней втулкой. В одном погребе-

Рис. 4. Погребальный инвентарь Старокиргизовского могильника с железными наконечниками стрел: 1-16 - бронза; 17-42, 51 - кость; 43, 45, 52, 58-60 - железо; 45-48 - стекло; 49 - стекло с металлической прокладкой; 50 - шлак; 53-55 - керамика; 56-57 - камень.

Fig. 4. Burial inventory of the Starokirgizovsky burial ground with iron arrowheads: 1-16 - bronze; 17-42. 51 - bone; 43, 45, 52, 58-60 - iron; 45-48 - glass; 49 - glass with metal lining; 50 - slag; 53-55 - ceramics; 56-57 - stone.

нии встречаются втулки обоих типов (рис. 5: 13–21).

Ко второму типу наконечников стрел относится всего один наконечник из погребения 89 (рис. 7: 47). Этот наконечник отличается по форме от остальных и имеет сводчатую головку, лопасти срезаны под острым углом к втулке (тип 6 по классификации А.С. Скрипкина

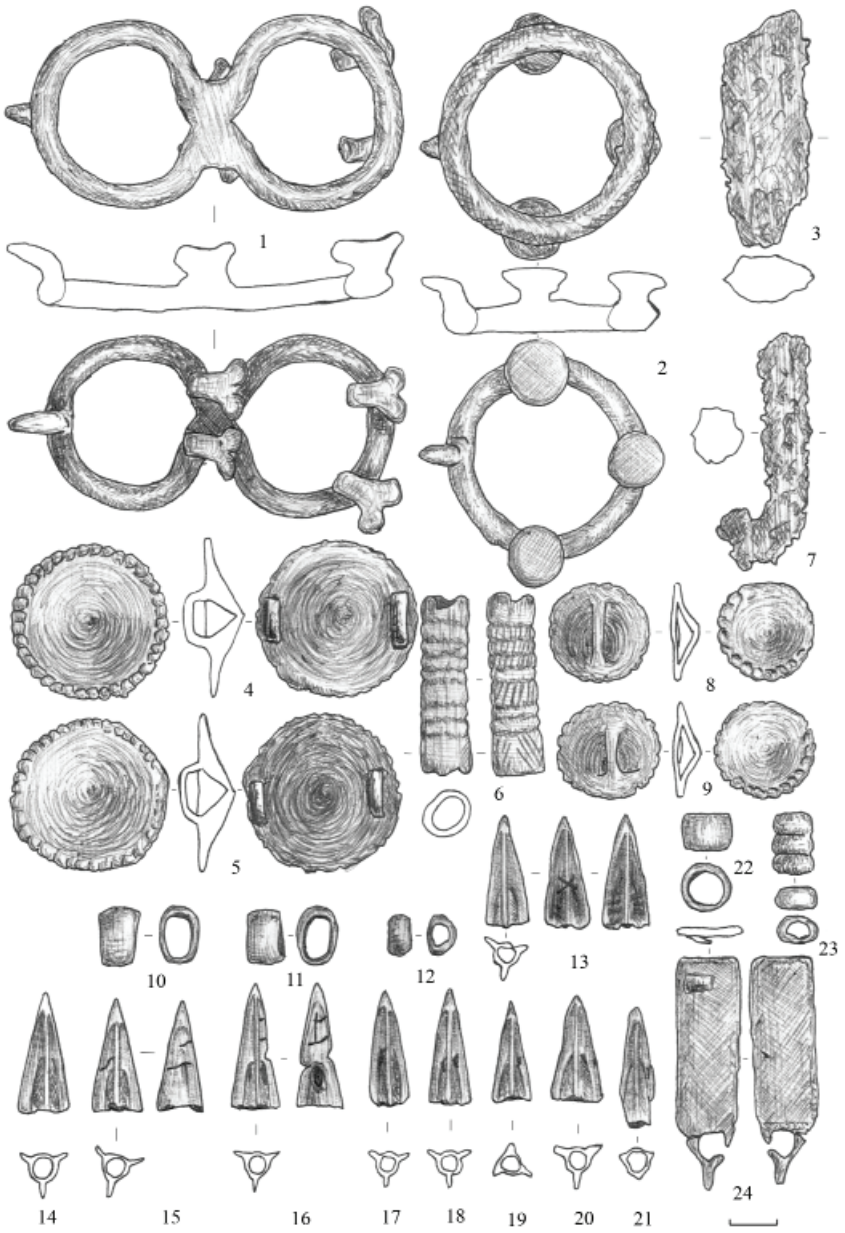

Рис. 5. Инвентарь погребения 92 Старокиргизовского могильника: 3, 7 – железо; 6 – кость; остальное – бронза.
Fig. 5. Inventory of burial 92 of the Starokirgizovsky burial ground: 3, 7 – iron; 6 – bone; others – bronze.

(1990, с. 70). Подобные наконечники ранее не встречены в комплексах пьяноборской культуры.

Единичные экземпляры бронзовых наконечников стрел из пьяноборских погребений имели длительное время бытования (Агеев, 1992, с. 70, 71, 74–75; Зубов, Саттаров, 2018, с. 213). Однако остается нерешенным вопрос относительно колчанов с бронзовыми наконечниками стрел. Вероятно, переход пьяноборского населения с бронзовых наконечников стрел на железные произошел в середине – второй половине I века до н. э., а к началу I века н. э. они получили широкое распространение (Зубов, Саттаров, 2018, с. 214).

В погребении 92 наряду с наконечниками стрел первого типа была найдена застежка в форме восьмерки. Ее выступы-«шпеньки» выполнены в форме стилизованной головы животного, возможно медведя (рис. 5: 1). Сами по себе восьмеркообразные застежки не являются хронологическими маркерами начального этапа пьяноборской культуры. Ключевое значение имеет их крупный размер, находки в мужских погребениях и сочетание с колчанами, содержащими бронзовые наконеч-

Рис. 6. Общий план Старокиргизовского могильника с указанием погребений с бусами.
Fig. 6. General plan of the Starokirgizovsky burial ground indicating the burials with beads.

ники стрел (рис. 3, 4). Пьяноборские восьмеркообразные застежки развиваются на основе заимствований сарматских форм во II–I вв. до н. э. (Саттаров, Камалеев, 2022, с. 242).

Наличие погребального обряда, близкого к отдельным элементам обряда Кипчаковского могильника (в частности, окружение центрального погребения другими захоронениями), значительное количество наконечников стрел (уступает по количеству погребений только Кипчаковскому I могильнику) (Зубов, Саттаров, 2018, табл. 1; Агеев, 1992, табл. Б), а также сочетание бронзовых наконечников и восьмеркообразной застежки в погребении позволяет синхронизировать его нижнюю дату с Кипчаковским могильником и определить в пределах II–I вв. до н. э. Однако имеющиеся данные не позволяют определить дату могильника с большей точностью.

Для определения верхней хронологической границы важны бусы, так как их поступление в пьяноборскую культуру в большей степени связано с первыми веками нашей эры (Саттаров, 2019, с. 11). Всего обнаружено более 30 типов бус по классификации Е.М. Алексеевой (одноцветное и многоцветное стекло, стекло с металлической прокладкой). Многие из них имеют широкие хронологические рамки, в основном в пределах I–III вв. н. э.[1] Для определения верхней даты хронологически значимыми являются бусы типа 193, обнаруженные в погребениях 78 и 91 (рис. 6; 7: 1, 16) – треугольные подвески, спаянные из разноцветного стекла, с полосами и зонами, направленными вдоль канала отверстия. Данный тип датируется I в. до н. э. – II в. н. э., но был наиболее распространен на рубеже эр (Алексеева, 1978, с. 43). Аналогичные бусы были обнаружены в материалах Старочекмакского I могильника – всего 24 экземпляра: 23 в погребении 24 и один в погребении 31. Погребение 24 особенно примечательно, поскольку именно там были найдены бусины этого типа в сочетании с бусами других хорошо датированных типов (Старостин, 1977, с. 14). Отдельно стоит отметить бусину в виде утки[2]. Эта форма редкая и не имеет полного соответствия в классификации Е.М. Алексее-

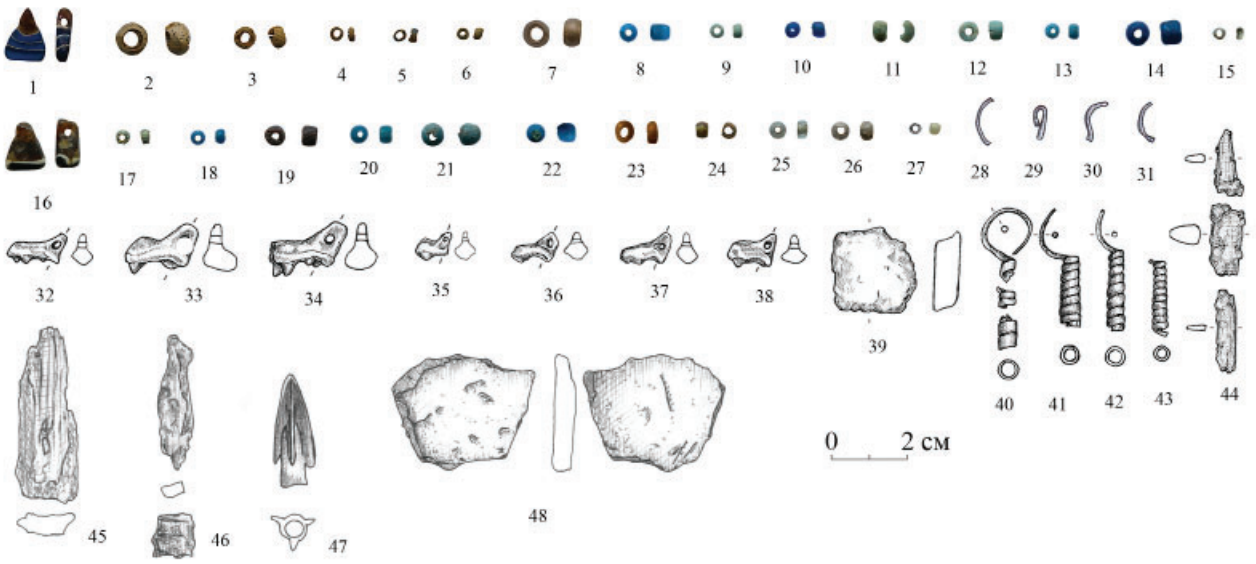

Рис. 7. Инвентарь погребений 78 (8-27, 32-44), 89 (45-48) и 91 (1-7, 28-31) Старокиргизовского могильника: 1-6, 8-22 - стекло; 7, 23-27 - стекло с металлической прокладкой; 28-31, 40-43, 47 – бронза; 32-38 - зубы собаки; 39, 48 - керамика; 44, 45, 46 - железо.

Fig. 7. Inventory of burials 78 (8-27, 32-44), 89 (45-48) and 91 (1-7, 28-31) of the Starokirgizovsky burial ground: 1-6, 8-22 - glass; 7, 23-27 - glass with metal lining; 28-31, 40-43, 47 – bronze; 32-38 - dog teeth; 39, 48 - ceramics; 44, 45, 46 - iron.

вой, но может быть отнесена к типу 188, датированному I–II вв. н. э. (Алексеева, 1978, с. 78). Ближайший аналог по форме, но изготовленный из египетского фаянса, происходит из могильника Красногор (к. 2/1936) в Южном Приуралье (Трейстер, 2018, с. 15, рис. 9: 2). Погребение Старочекмакского могильника датируется I в. н. э. Кроме этого, в погребальных комплексах Старокиргизовского могильника отсутствуют характерные для II в. н. э. элементы поясной гарнитуры, достаточно четко выделенные Р.Д. Голдиной и В.А. Бернц (2016).

Таким образом, хронологические рамки Старокиргизовского могильника определяются в пределах II вв. до н. э. – I в. н. э. Значительное число погребений с бронзовыми наконечниками стрел ставят Старокиргизовский могильник в один ряд с такими ранними памятниками, как Кипчаковский I, Уяндыкский I и Трикольский могильники. Анализ материалов рассмотренного могильника подтверждает точку зрения исследователей (Зубов С.Э., Красноперов А.А.), что Сюньско-Бельское междуречье было ядром формирования пьяноборской археологической культуры.

Примечания:

[1] Полной публикации бус Старокиргизовского могильника будет просвещена отдельная работа.

[2] Полной публикации бус Старочекмакского I могильника будет просвещена отдельная работа.

ЛИТЕРАТУРА

Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. 140 с.

Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья / САИ. Вып. Г1-12. М.: Наука, 1978. 120 с.

Васюткин С.М. Исследования пьяноборских могильников в западной Башкирии // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа / Отв. ред. В.А. Иванов, А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БФ АН СССР, 1982. С. 125–144.

Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч. 1. Чегандинская культура III в. до н.э. – II в. н.э. / ВАУ. Вып. 10. Свердловск; Ижевск. Уральский государственный университет им. А.М. Горького, 1970. 224 с.

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология погребений I–II вв. Тарасовского могильника // Поволжская археология. 2016. № 1 (15). С. 41–89.

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Могильники Среднего и Нижнего Прикамья // Ранний железный век / Археология Волго-Уралья. Т. 3 / под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: АН РТ, 2021. С. 475–502.

Голдина Р.Д., Лещинская Н.А. Пьяноборская культурно-историческая общность // Ранний железный век / Археология Волго-Уралья. Т. 3 / под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: АН РТ, 2021. С. 443–453.

Зубов С.Э., Саттаров Р.Р. Наконечники стрел пьяноборской культуры как хронологические маркеры (по материалам погребений Кипчаковского I курганно-грунтового могильника) // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: СГСПУ; ООО «Порто-Принт», 2018. С. 210–214.

Зубов С.Э., Саттаров Р.Р., Тагиров Ф.М. Кипчаковский I курганно-грунтовый могильник // Археология Евразийских степей. 2021. № 2. С. 261–300.

Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). Свердловск: Урал. ун-т, 1988. 241 с.

Красноперов А.А. К вопросу о хронологии пьяноборской культуры: заметки к констатации ответа // Древняя и средневековая археология Волго-Камья: сб. ст. к 70-летию П.Н. Старостина / Археология евразийских степей. Вып. 10 / Отв. ред. Д.Г. Бугров. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 92–105.

Красноперов А.А. Погребение №28 Икского могильника: к вопросу о ранней дате пьяноборских памятников // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 331–351.

Красноперов А.А. К вопросу о ранней дате пьяноборских памятников. Ч. 2: находки предметов вооружения и особенности погребального обряда // Археология Евразийских степей. 2017. № 4. С. 165–195.

Садыкова М.Х., Васильев В.Н. Поздние прохоровцы в Центральной Башкирии // УАВ. Вып. 3 / Отв. ред. В.К. Федоров. Уфа: НМ РБ, 2001. С. 55–80.

Саттаров Р.Р. Импортные предметы в пьяноборской культуре (конец II в. до н.э. – II в. н.э.). Автореферат дисс. … канд. ист. наук. Казань, 2019. 19 с.

Саттаров Р.Р., Камалеев Э.В. Бронзовые восьмеркообразные застежки как хронологические маркеры пьяноборской культуры // Поволжская археология. 2022. № 3 (41). С. 225– 247.

Старостин П.Н. Отчет о раскопках могильника «Старый Чекмак», проведенных осенью 1976 г. Казань 1977 // НФ МАРТ. Ф. 14, Оп. 1, Д. 139. 98 л.

Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. II. Раннесарматская культура (IV–I вв. до н. э.) / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: ИА РАН, 1997. 278 с.

Трейстер М.Ю. Фигурные пронизи и подвески из так называемого египетского фаянса в Евразии в I в. до н. э. - III в. н. э // Крым в Сарматскую Эпоху (II в. до н.э. – IV в.н.э.). Вып. 4 / Отв. ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: Благотворительный фонд «Наследие тысячелетий», ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН», 2018. С. 9–49.

Информация об авторах:

Саттаров Рузиль Раильевич, кандидат исторических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия): заместитель директора по научной работе, Институт археологии имени А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); sattarov.rr@rambler.ru

Зубов Сергей Эдгардович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории археологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева (г. Самара, Россия); guberfond@rambler.ru

Дупчур Чечен-оол Ильич, аспирант, Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан, (г. Казань, Россия); ch.dupchur@mail.ru

Салимгареев Ильгиз Фаритович, учитель истории филиала МБОУ СОШ им. Т. Назмиева с. Ябалаково СОШ с.Старокиргизово муниципального района Илишевский район Республики Башкортостан (с. Старокиргизово, Россия); sal00007@mail.ru

REFERENCES

Ageev, B. B. 1992. *P'ianoborskaya kul'tura (The Pyany Bor Culture)*. Ufa: Bashkir Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Alekseeva, E. M. 1978. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ia (Ancient Beads of Northern Pontic Region)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) GI-12. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Vasyutkin, S. M. 1982. In Ivanov, V. A. Pshenichniuk, A. Kh. (eds.). *Priural'e v epokhu bronzy i rannego zheleza (Cis-Urals Region in the Bronze and Early Iron Ages)*. Ufa: Bashkiria Branch of the USSR Academy of Sciences, 125–144 (in Russian).

Gening, V. F. 1970. *Istoriia naseleniia Udmurtskogo Prikam'ia v p'ianoborskuiu epokhu. Ch. I. Cheganinskaia kul'tura (III v. do n.e. – II v. n.e.) (History of Udmurt Kama Population in the Pyany Bor epoch. Part I. The Cheganda culture (3rd Century BC – 2nd Century AD)).* Series: Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Ural Archaeology) 10. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

Goldina, R. D., Bernts, V. A. 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 15 (1), 41–89 (in Russian).

Goldina, R. D., Bernts, V. A. 2021. In Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A.A. (eds.). *Rannii zheleznyi vek (Early Iron Age)*. Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 3. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 475–502 (in Russian).

Goldina, R. D., Leshchinskaya, N. A. 2021. In Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A.A. (eds.). *Rannii zheleznyi vek (Early Iron Age)*. Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 3. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 443–453 (in Russian).

Zubov, S. E., Sattarov, R. R. 2018. In Vybornov, A. A. (ed.). *XXI Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie (21th Urals Archaeological Congress))*. Samara: "Samara State University of Social Sciences and Education", "Porto-Print" Publ., 210–214 (in Russian).

Zubov, S. E., Sattarov, R. R., Tagirov, F. M. 2021. In *Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 261–300 (in Russian).

Koriakova, L. N. 1988. *Ranniy zheleznіy vek Zaural'ya i Zapadnoy Sibiri (sargatskaya kul'tura (The Early Iron Age in the Trans-Urals and Western Siberia (Sargatka Culture)).* Sverdlovsk: Ural State University (in Russian).

Krasnopeorov, A. A. 2009. In Bugrov, D. G. (ed.). *Drevniaia i srednevekovaia arkheologiia Volgo-Kamia (Prehistoric and Medieval Archaeology of the Volga and Kama Rivers Region).* Series: Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of Eurasian Steppes) 10. Kazan: Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences, 92–105 (in Russian).

Krasnopeorov, A. A. 2014. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Anan'inskii mir: istoki, razvitie, sviazi, istoricheskie sud'by (The World of Ananyino: Origins, Evolution, Relations, Historical Fate)*. Series: Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of Eurasian Steppes) 20. Kazan: "Otechestvo" Publ., 331–351 (in Russian).

Krasnopeorov, A. A. 2017. In *Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 165–195 (in Russian).

Sadykova, M. Kh., Vasiliev, V. N. 2001. In Fedorov, V. K. (ed.) *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik (Ufa Archaeological Bulletin)* 3. Ufa: National Museum of the Bashkir Republic, 55–80 (in Russian).

Sattarov, R. R. 2019. *Importnye predmety v p'ianoborskoi kul'ture (konec II v. do n.e. – II v. n.e.) (Imported Items in the Piany Bor Culture (Late 2nd century BC - 2nd century AD)*). Thesis of Diss of Candidate of Historical Sciences. Kazan (in Russian).

Sattarov, R. R., Kamaleev, E. V. 2022. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 41 (3), 225– 247 (in Russian).

Starostin, P. N. 1977. *Otchet o raskopkakh mogil'nika «Stariy Chekmak», provedennykh osen'yu 1976 g. (Report on the Excavation of the "Stary Chekmak" Burial Ground carried out in the Fall of 1976)*. Kazan. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Fund 14. Inv. 1, dossier 139 (in Russian).

Moshkova, M. G. (ed.). 1997. *Srednesarmatskaya kul'tura (Middle Sarmatian culture)*. Series: Statisticheskaia obrabotka pogrebal'nykh pamiatnikov Aziatskoi Sarmatii (Statistical processing of funerary

monuments of Asian Sarmatia). 2. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Treister, M. Yu. 2018. In Khrapunov, I. N. (ed.). *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n. e. – IV v. n. e.) II. 20 let issledovanii mogil'nika Neizats (Crimea during the Sarmatian epoch (II century BC – IV century AD)* 4. Simferopol: "Nasledie tysyacheletii" Publ., 9–49 (in Russian).

About the Author:

Sattarov Ruzil R., Candidate of Historical Sciences, associate professor, Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sattarov.rr@rambler.ru

Zubov Sergei E., Candidate of Historical Sciences, Samara National Research University. Moskovskoye shosse, 34, Samara, 443086, Russian Federation; guberfond@rambler.ru

Dupchur Chechen-ool I. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; ch.dupchur@mail.ru

Salimgareev Ilgiz F., Branch of the Municipal Budgetary Educational Institution Secondary School named after T.Nazmiev S. Yabalakovo secondary School S.Starokirgizovo of the Republic of Bashkortostan; sal00007@mail.ru

Статья поступила в журнал 07.09.2025 г.
Статья принята к публикации 09.10.2025 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.5.20.30

ПРИХАНКОВЬЕ (ЗАПАДНОЕ ПРИМОРЬЕ) В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

©2025 г. А.Л. Ивлиев, Я.Е. Анзулис

В статье рассматривается археологическая ситуация, сложившаяся в западном Приморье (Приханковье) в эпоху раннего средневековья. Предпринята попытка реконструкции культурно-исторических процессов во время распространения мохэской археологической культуры и образования государства Бохай. В качестве источников привлечены материалы археологических памятников, расположенных в российском Приханковье и в долинах рек Мулинхэ и Муданьцзян в Китае и данные письменных источников. В результате проведенного исследования выдвинуты два предположения. Первое о миграции мохэского населения (племени фуне) на территорию западного Приморья со стороны Дунбэя. Одним из признаков этого процесса, может быть, появление укрепленных городищ как линии фронтира. Второе предположение интерпретирует археологическую ситуацию периода государства Бохай, когда бохайские городища и селища, отсутствуют на территории Приханковья, но при этом «обступают» его с запада, юга и севера. По нашему мнению, такое расположение памятников отражает принцип удалённого управления, практиковавшийся в Бохае, при котором центральная власть управляла землями мохэ через местных вождей.

Ключевые слова: археология, мохэ, Бохай, раннее средневековье, Приморье, Ханка, Дунбэй, поселения, городища, миграция, племя фуне, округ Дунпинфу.

PRIKHANKOVYE (WESTERN PRIMORYE) IN THE EARLY MIDDLE AGES

A.L. Ivliev, Ya.E. Anzulis

The paper addresses the archaeological situation that developed in western Primorye (Prikhankovye) in the early Middle Ages. An attempt is made to reconstruct the cultural and historical processes during the spread of the Mohe archaeological culture and the formation of the Bohai state. The sources include materials from archaeological sites located in Russian Prikhankovye and in the valleys of the Mulinghe and Mudanjiang rivers in China and written sources. Two assumptions are put forward as a result of the study. The first one concern the migration of the Mohe population (the Fune tribe) to the territory of Western Primorye from Dongbei. One of the signs of this process may be the appearance of fortified settlements as a frontier line. The second assumption interprets the archaeological situation of the Bohai state period, when Bohai fortified and unfortified settlements were absent on the territory of Prikhankovye, but at the same time ‘surrounded’ it from the west, south and north. In our opinion, such arrangement of monuments reflects the principle of remote control practiced in Bohai, in which the central government controlled the lands of the Mohe through local leaders.

Keywords: archaeology, Mohe, Bohai, early Middle Ages, Primorye, Khanka, Dongbei, settlements, settlements, migration, Fune tribe, Dongpingfu district.

Введение. V–VI века н.э. – время, когда на Дальнем Востоке появляются многочисленные племенные группы *уцзи – мохэ*. Из археологических и летописных источников известно, что мохэ широко расселились по югу Дальнего Востока, осваивая разнообразные природные зоны и проходя различные культурно-исторические трансформации. В конце VII в. н. э. представители одной из крупных племенных общностей мохэ – сумо, а также примкнувшие к ним другие мохэ и оставшиеся после гибели в 668 г. своей государственности когурёсцы образовали государство, получившее после 713 г. название Бохай (Ивлиев, 2005, с. 452–453). Это государство, расширяясь, присоединяло новые территории, в том числе и некоторые приморские земли, ранее заселенные мохэ (Ивлиев, 2005, с. 461; Ян Цзюнь, 2007).

В Приханковье мохэское население появляется, предположительно, в конце V – начале VI в. н. э. Озеро Ханка, крупнейший пресноводный водоем приханкайской равнины, с древности было географическим ориентиром

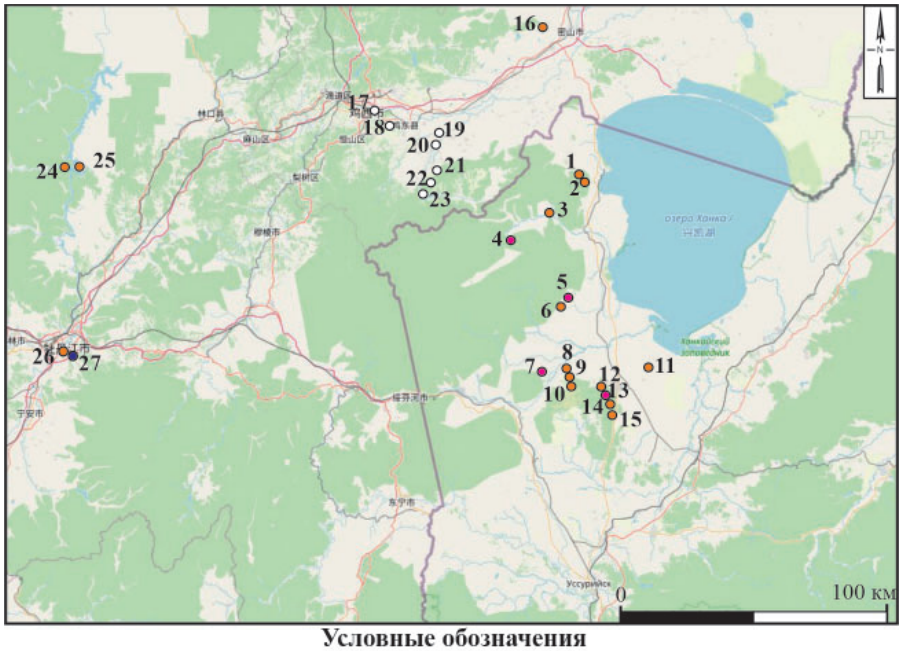

Рис. 1. Карта памятников мохэской археологической культуры в западном Приморье и восточном Дунбэе. **1**-Куркуниха-3, **2**-Поперечное-2,3, **3**- Комиссаровка, **4**-Дворянка-1, **5**-Новоселищенское городище, **6**-Новоселище-3, **7**-Нестеровка-3, **8-10**-Лукашевка-1,2,5-9, **11**-Новодевица-4, **12**-Хороль-2, **13**-Криничное, **14**-Хороль-4, **15**-Благодатка-4, **16**-Сяонаньшань, **17**-Наньдянцзы, **18**- Люмао, **19**- Чжансянь, **20**- Баоань сибэй, **21**-Цзиньчэн, **22**- Лулингоу, **23**-Бяньцзян, **24** - Хэкоу, **25**-Чжэньсин, **26**-Цзянси, **27** - Шичангоу

Fig.1. Map of the monuments of Mohe archaeological culture in western Primorye and eastern Dongbei. **1**-Kurkunikha-3, **2**-Poperechnoe-2,3, **3**-Komissarovka, **4**-Dvoryanka-1, **5**-Novoselischenskoye fortified settlement, **6**-Novoselische-3, **7**-Nesterovka-3, **8-10**-Lukashevka-1,2,5-9, **11**-Novodevitsa-4, **12**-Khorol-2, **13**-Krinichnoye, **14**-Khorol-4, **15**-Blagodatka-4, **16**-Xiaonanshan, **17**-Nandianzi, **18**-Liumao, **19**-Zhangxian, **20**-Baoan xibei, **21**-Jincheng, **22**-Lulingou, **23**-Bianjiang, **24**-Hekou, **25**-Zhenxing, **26**-Jiangxi, **27**-Shichanggou

для жителей Дальнего Востока, а во времена династии Тан упоминалось в хрониках как озеро Мэйто (Шавкунов,1968, с. 63). Возможные пути миграций населения в этот регион могли пролегать через среднегорья Восточно-Маньчжурской горной страны по низкогорным проходам, совпадающим с долинами рек Турга, Большие Усачи и Мулинхэ. Они соединяют межгорные впадины, расположенные по рекам Верхнее Мулинхэ, Муданьцзян и Сунгари и связывают Суйфуно-Ханкайско-Уссурийскую впадину с Центрально-Маньчжурской равниной и далее, через нее, с полупустынными равнинами Монголии и Северного Китая (Базарова, 2019, с. 9).

В работе предпринята попытка реконструкции культурно-исторических процессов, проходивших в эпоху раннего Средневековья в Приханковье (западное Приморье). Данная задача предполагает привлечение в качестве источника археологических памятников, расположенных по обе стороны хребта Пограничный: в российском Приханковье и в долинах рек Мулинхэ и Муданьцзян в Китае. Также использовались данные письменных источников – китайских династийных хроник, которые «не дают нам права что-либо категорично утверждать или отрицать, но предоставляют возможность выдвигать предположения» (Полутов, 2015, с. 181).

Мохэское население Приханковья

В Приханковье выявлено свыше двадцати поселений и городищ ханкайской локально-хронологической группы мохэской археологической культуры (Пискарева, 2005). Они располагались по склонам и на мысах сопок, окружающих равнину к западу от Ханки: некоторые примыкали к равнине, а другие находились на значительном отдалении от нее (рис. 1). Большинство памятников являются неукрепленными, с количеством западин, варьирующим от 3 до 38. На поселениях с большим числом западин наблюдается их линейное распределение, иногда в несколь-

ко рядов. Выделяются группы памятников, состоящие из крупного поселения и мелких поселков в радиусе 5–10 км вокруг него.

Городища в Приханковье располагались примерно на равном расстоянии 25–30 км друг от друга по линии с северо-востока на юго-запад, занимая небольшие возвышенности. Все памятники многослойные и содержат ранние отложения эпох неолита и палеометалла.

Городища различны по площади и особенностям фортификации. Самое маленькое – Дворянка-1, его площадь 0,15 га. С севера и востока укреплено двумя валами и двумя рвами, а в северо-восточной части укреплений есть разрыв шириной до 3,5 м. Высота валов и глубина рвов достигает 0,8 м, а ширина – 3 м. Валы сооружены из грунта и частично укреплены обломками коренных пород, вынутыми при рытье рвов (Клюев, 2006). Памятник многослойный, поздний этап относится к мохэской культуре, когда, предположительно, и появились укрепления.

Наиболее схожи городища Нестеровка-3 и Новоселищенское. Их площадь 1,1 и 1 га, они окружены невысоким (до 0,5 м) валом (рис. 2). На Новоселищенском городище вал сооружен путем насыпки грунта на поверхность, с которой сняли предварительно дерн, и таким образом сформировался и неглубокий ров. На вершине вала обнаружена яма с остатками столба, вероятно являющегося частью деревянного ограждения (Анзулис, 2022). Проход в городище выглядит как разрыв в валу на его юго-западном (Новоселищенское) или юго-восточном (Нестеровка-3) участке (Белов, 2021). В непосредственной близости от городищ находились поселения – на расстоянии 25–30 метров от Новоселищенского городища и 80–85 метров от Нестеровки-3. Археологические раскопки жилища на поселении рядом с Новоселищенским городищем подтвердили его принадлежность к мохэской культуре.

Городище Криничное отличается от остальных как по форме, так и по фортификации. Оно в два раза больше по площади (2,2 га), обнесено двумя валами высотой до 1,2 м, глубина рвов 0,4–1,2 м. Признаки входа в виде разрыва прослеживаются на юго-восточном участке. При исследовании на внутренней стороне внешнего вала выявлены остатки каменной облицовки (Анзулис, 2023).

В 2022 г. было исследовано укрепленное поселение Белые пески, расположенное у северо-западного побережья о. Ханка. По результатам исследований одного жилища исследователями сделан вывод о том, что «поселение может являться памятником, характеризующим синкретизм археологических культур польце-мохэ» (Артемьева и др., 2023, с. 81). Но опубликованный материал не демонстрирует признаков польцевской культуры: керамика представлена фрагментом лепного горшка мохэского типа и двумя фрагментами круговых сосудов. Такой набор может быть характерен и покровской культуре IX–XIII вв., и памятникам периода государства Бохай VII–X вв. Таким образом, выводы, касающиеся культурной принадлежности городища, преждевременны.

Жилища исследованы на пяти памятниках: по одному на поселениях Куркуниха (Окладников, 1964), Куркуниха-3, Новоселище-2 (Ермаков, 1989), три на Новоселищенском городище и одно на Криничном. Они сооружались в котлованах глубиной 0,35–0,6 м и площадью 15–25 м². Исследования на Новоселищенском городище продемонстрировали различия в площади и конструкции жилищ. Исследованы жилища площадью 37,7, 22 и 16 м². Первое – капитальная постройка с огороженным очагом, парными столбовыми ямами, обмазанными глиной полом и стенками, конструкция меньших жилищ включала четыре столбовые ямы по углам котлована и очаг в виде углубления (Анзулис, 2022).

Система жизнеобеспечения мохэского населения Приханковья включала земледелие (выращивались два вида проса и ячмень), животноводство (свинья, лошадь), охота и собирательство. Ведущим направлением было сельское хозяйство (Пискарева и др., 2019, с. 32). Продукция гончарства представлена лепными сосудами горшковидной и вазовидной форм, сосудами с вырезом. Известны малочисленные находки изделий из железа, бронзы, также встречаются каменные орудия, в том числе относящиеся к более ранним периодам, но со следами вторичного использования.

К западу от хребта Пограничный на берегах р. Мулинхэ и в предгорьях Восточно-Маньчжурского нагорья на территории Китая также известны археологические памятники, но раскопки на них не проводились. Они датируются в диапазоне от Хань до эпохи Южных и Северных династий (III в до н. э. – VI в. н. э.)

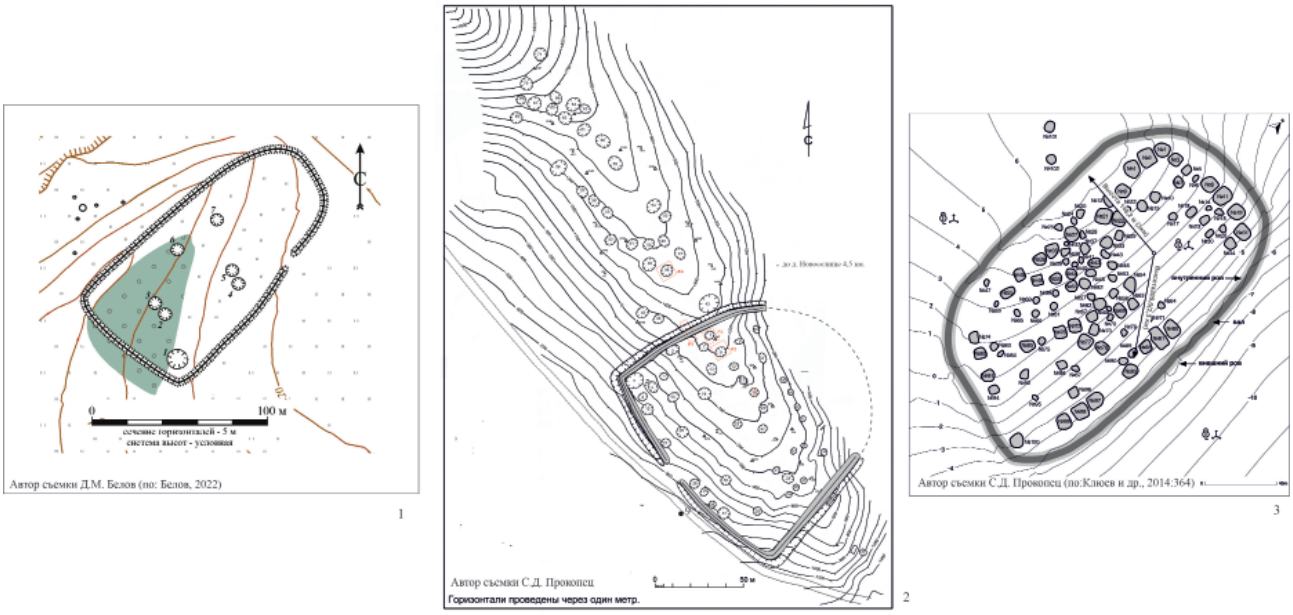

Рис.2 Мохэские городища западного Приморья.
Fig. 2 Mohe fortified settlements in western Primorye.

(рис. 1). Ближайшие изученные памятники, отнесенные к мохэской культуре, находятся примерно в 190 км от берега о. Ханка, на р. Муданьцзян.

В окрестностях г. Муданьцзян известны поселение Цзянси 江西 и могильник Шичангоу 石场沟. Поселение Цзянси включает отложения мохэской и бохайской культур. К мохэской относятся лепные сосуды вытянутых форм. Валик под венчиком сосудов орнаментирован оттисками, а тулово оттисками или налепными шишечками (Цзян Юйкэ, 1997, с. 46). Материалы могильника Шичангоу демонстрируют признаки культур хэйшуй мохэ и бохайской (Чжао Хунгуан, 2021, с. 45).

Севернее вышеописанных памятников и примерно в 180–200 км к западу от оз. Ханка, по р. Муданьцзян расположены поселения Хэкоу 河口 и Чжэньсин 振兴. Они занимают надпойменные террасы слева и справа от реки. На этих многослойных памятниках исследовано несколько мохэских жилищ-полуземлянок, получены коллекции керамических изделий, каменных, костяных и железных орудий (Хэкоу …, 2001).

Таким образом, на основе немногочисленных данных по восточному Дунбэю пока можно лишь констатировать наличие памятников как добохайского, так и бохайского периодов, а недостаточное количество материалов не позволяет проводить полноценный сравнительный анализ восточной части Дунбэя и Приханковья. При этом схожесть материальной культуры, как и родственность населения этих двух регионов, не вызывает сомнений. Это проявляется в особенностях материальной культуры: конструкциях жилищ, типах сосудов, дефиците металлических изделий.

Археологические исследования указывают на относительную плотность мохэских поселений в Приханковье, расположенных на возвышенных участках, соседствующих с равниной. Наличие укреплений, валов и рвов традиционно трактуется как свидетельство конфликтной обстановки. Однако отсутствуют свидетельства военных конфликтов на поселениях и городищах, боевые травмы в погребениях, предметы вооружения представлены единичными находками наконечников стрел. Расположение городищ на небольших возвышенностях, не дающих возможности обзора и контроля за местностью, как это характерно, например, для крепостей в районе среднего течения р. Раздольной, также наводит на мысль, что строительство укреплений могло быть обусловлено другими факторами.

2. Археологические памятники государства Бохай

На территориях, примыкающих к западному берегу о. Ханка, не выявлено археологических памятников, относимых к государству Бохай. Ближайшее – городище Высокое, расположенное у южного побережья озера

Рис. 3. Бохайские памятники в восточном Дунбэе: **1**-Аньсин, **2**-Баньлачэн, **3**-Дагокукайшань, **4**-Сяосыпиншань, **5**- Сяосыфаншань, **6**-Шичэншань, **9**-Гунлэси, **10**-Мулинхэ, **11**-Саньдаоши, **12**-Вэйдун, **13**- Чжэнъянбэй, **14** - Сидапобэй, **15**-Давэйцзыгоу, **16**- Баоань сибэй, **17**- Баоань. Бохайские памятники центрального и северного Приморья: **7**-городище Высокое, **8**-Марьяновское городище, **18**-городище Горбатка

Fig. 3. Bohai monuments in eastern Dongbei. **1**-Anxing, **2**-Banlacheng, **3**-Daguokukaishan, **4**-Xiaosipingshan, **5**-Xiaosifangshan, **6**-Shichengshan, **9**-Gonglexi, **10**-Mulinghe, **11**-Sandaoshi, **12**-Weidong, **13**-Zhengyangbei, **14**-Xidapobei, **15**-Daweizigou, **16**-Baoan xibei, **17**-Baoan. Bohai monuments of central and northern Primorye: **7**-Vysokoye fortified settlement, **8**-Maryanovskoye fortified settlement, **18**-Gorbatka fortified settlement.

Ханка (рис. 3) (Археологические..., 2007, с. 338–339). Этот памятник замыкает цепочку бохайских городищ, занимающих берега реки Илистой в центральном Приморье: Горбатка, Николаевка-1 и Николаевка-2. Однако в окрестностях Ханки известны средневековые памятники (рис. 3), культурная принадлежность которых остается неопределенной. На поселении близ с. Новокачалинск найдены круговая керамика с ячеистой выбивкой, железные ножи и наконечники стрел, а также черепица (Окладников, 1959, с. 113–114). Подобная керамика встречается в материалах средневековых культур Приморья: бохайской и николаевско-смольнинской.

В то же время бохайские памятники известны на территории современного Китая западнее и севернее оз. Ханка в долине р. Мулинхэ – левого притока Уссури (рис. 3). Вместе с памятниками нижнего течения р. Муданьцзян они находятся на северной границе бохайской культуры в Северо-Восточном Китае (Цзян Юйкэ, Чжао Юнцзюнь, 2021, с. 105–109). Согласно исследованию пространственного расположения бохайских городищ (Лю Хайян и др., 2002), долина Мулинхэ выделена в отдельную зону концентрации городищ, самую малочисленную из четырёх таких зон, насчитывающую, по их данным, семь памятников. К сожалению, авторы не указывают, какие конкретные городища имеются в виду. Согласно тòму провинции Хэйлунцзян «Атласа культурных ценностей Китая» (Атлас…, 2015), в долине Мулинхэ есть пять городищ, датированных бохайским временем. Если учесть, что Цзян Юйкэ и Чжао Юнцзюнь (2021) вслед за Ван Юйланом и Ван Хунбэем (1994) датируют указанное в «Атласе» как цзиньское городище Баньлачэн тоже бохайским временем, то всего здесь насчитывается шесть бохайских городищ. Следует отметить, что указанные городища, равно как и поселения этой территории, не исследовались стационарными раскопками, датированы только на основании их общего вида и подъёмного материала, их точная датировка и культурная идентификация могут претерпеть существенные изменения в ходе исследований в

будущем. Ниже приведем основные данные по бохайским городищам долины Мулинхэ в порядке их расположения с юго-запада на северо-восток.

Городище **Шичэншань** 石城山城址 на вершине горы Шичэншань муниципалитета Мулин, около 130 км на запад от Ханки. Городище прямоугольное в плане, длина восточной стены около 35 м, западной около 17 м, южной – 70 м, северной – 73 м. Стена городища построена навалом камней, её современная высота 2–5 м, ширина ворот около 2,5 м. Снаружи от северной стены есть ещё два каменных вала высотой около 3 м. В городе есть следы древнего колодца (Атлас…, 2015, с. 550).

Городище **Сяосыфаншань** 小四方山城址на вершине горы, в 500 м на восток от р. Лянцзыхэ. По определению китайских археологов это горное городище основано *воцзюй* в эпоху Чжаньго (V – III вв. до н. э.), а впоследствии существовало во времена Бохая, Ляо и Цзинь. Памятник состоит из двух городищ. Первое, окруженное каменным валом, находится на вершине горы, а второе, с земляным валом, сооруженным путем послойной трамбовки (способом *ханту*), – на её восточном склоне. Каменное городище образует в плане неправильную фигуру, следуя рельефу, длина его окружности 880 м. Современная высота вала 3,5–4 м, ширина в основании 11 м, на вершине – 2 м. В середине восточной стороны есть ворота. От них прослеживается дорога, ведущая в земляной город. Городище с земляным валом довольно крупное, в плане неправильной формы, периметр его вала 1342 м (в «Атласе» – 1344 м (Атлас… 2015)), наибольшая высота вала 2,5 м. Это городище делится стеной на северную и южную части (Хэйлунцзян, 1994, с. 125). Городище Сяосыфаншань отстоит по прямой примерно на 80 км на запад от Ханки.

Городище **Сяосыпиншань** 小四平山城 на вершине горы Сяосыпиншань (муниципалитет Цзиси). Форма в плане неправильная, периметр около 660 м. Площадь около 10000 кв. м. На восточной и северной частях городища обрывистые скалы, в юго-западной и западной частях – горный склон, там на относительно пологих местах навалом камней построена городская стена высотой примерно 1 м, шириной в основании 1,5–3 м. В восточной и северной частях есть около 70 западин, а в западной – древний колодец. Ворота устроены в южной стене. Памятник находится примерно в 100 км на запад от Ханки (Атлас…, 2015, с. 499).

Горное городище **Дагокуйшань** 大锅盔山山城на горе Дагокуйшань высотой 300 м над уровнем моря на левобережье р. Мулинхэ. Городище бохайского времени (в «Атласе» – Бохай, Ляо, Цзинь), его стена построена из земли и камней вдоль края горной вершины. В плане имеет форму копыта, периметр городища 1332,6 м. Современная высота стены 2–3 м, ширина в основании 7 м, на вершине – 1 м. В восточной стене, в самом низком месте юго-восточного склона, есть ворота. Тринадцать фронтальных и угловых башен располагаются в местах поворота стены. В западной части внутри городища есть большая сухая яма овальной формы, вероятно водохранилище. Примерно в 30 м на восток от неё есть действующий до сих пор колодец. Внутри городища много земляных и каменных платформ разных размеров. У основания южной стены есть земляная платформа площадью около 30 м², с которой открывается обзор на несколько десятков ли. Присутствует керамика бохайского времени без орнамента, найден венчик железного котла с шестью ручками (Атлас…, 2015, с. 504; Хэйлунцзян…, 1994, с. 127). Памятник находится примерно в 47 км по прямой на ЗСЗ от Ханки.

Городище **Баньлачэн** 半拉城址 в 1 км на север от села Баньлачэнцзы муниципалитета Мишань. В «Атласе...» это городище датировано эпохой Цзинь (1115–1234 гг.) (Атлас…, 2015, с. 501), однако в статье Цзян Юйкэ и Чжао Юнцзюня (2021) по материалам Ван Юйлана и Ван Хунбэя это городище определено как бохайское. В плане городище близко к квадрату, его длина с востока на запад 250 м, с севера на юг – 210 м[1]. Городской вал земляной, возможно сооружен способом *ханту*. Найдены фрагменты круговой сероглиняной и лепной керамики и черепицы с оттисками ткани (Цзян Юйкэ, Чжао Юнцзюнь, 2021, с. 109). Также найдены бронзовая чаша, монеты и фрагменты фарфора (Атлас…, 2015, с. 501), что указывает на существование городища и в цзиньскую эпоху. Памятник находится в 31 км на север от Ханки.

Городище **Аньсин** 安兴城址 на левом берегу Уссури, в 20 км на юг от устья Мулинхэ. Это самое северо-восточное из известных бохайских городищ. В плане оно квадрат-

ное, его периметр 409 м. Стены сложены *ханту*, современная высота южной стены 3 м. Не обнаружено ни ворот, ни фронтальных башен[2]. Собранная керамика в основном сероглиняная, есть горшки и пароварки (Атлас…, 2015, с. 503). В музее города Цзиси хранится черепица из Аньсин с типичным для Бохая оттиском прямоугольного штампа с надписью, а также фрагменты бохайских неглазурованных дисков черепицы с лотосами с лепестками в виде перевернутого сердца. Всё это свидетельствует в пользу бохайской датировки памятника. Городище Аньсин находится в 70 км по прямой на ССВ от Ханки.

Также известна серия неукрепленных поселений, относящихся к бохайскому времени, в долине Мулинхэ. Это поселения Гунлэси 共乐西遗址(муниципалитет Хулинь), Мулинхэ 穆棱河遗址(муниципалитет Мишань), Вэйдун 卫东遗址, Баоань 保安遗址 и Баоаньсибэй 保安西北遗址 (уезд Цзидун), Чжэнъянбэй 正阳北遗址 и Давэйцзыгоу 大苇子沟遗址 (муниципалитет Цзиси) (Атлас…, 2015).

Таким образом, на территории КНР расположено значительное количество бохайских памятников, с востока и севера обступающих Приханковье, тогда как в самом Приханковье такие памятники отсутствуют (рис. 3).

Обсуждение. В период раннего Средневековья Приханковье заселяют мохэ. Предположительно, они могли мигрировать с территорий, прилегающих к Восточно-Маньчжурскому нагорью с запада. Пока имеющиеся данные не позволяют делать заключения о причинах и характере миграций. Однако следует отметить, что в предшествующие периоды миграции земледельческого населения происходили с запада на восток и юго-восток и были вызваны похолоданиями, которые приводили к сужению ресурсной базы земледелия и вынуждали население искать более подходящие условия (Вострецов, 2013). Такое похолодание происходило и в период раннего Средневековья. По палеогеографическим данным, с начала IV в. (Андреев, Климанов, 1991) в Северной Евразии наступает продолжительный период похолодания и пониженного увлажнения, продлившийся до начала VII в. На территории восточного Китая с V по VII вв. н. э. отмечаются засушливые периоды (Jianyong et al., 2017, с. 41). На это время (конец V – начало VI в. н. э.) приходится появление мохэского населения в Приханковье. При близости материальной культуры населения по обе стороны хребта Пограничный, появляется и существенное отличие – на новых территориях мохэ строят укрепленные поселения. Это может указывать на социальные изменения у мохэ, поскольку такое строительство требует концентрации трудовых ресурсов и централизованного управления. Что касается функционального назначения городищ, то пока сложно связать его с военными действиями в связи с отсутствием признаков военной активности в археологических материалах. Среди возможных объяснений строительства городищ можно выдвинуть гипотезу об их функционировании в качестве территориальных маркеров. Не исключено, что они образовывали своего рода линию фронтира, разграничивавшую территории от отдаленных внутренних районов проживания автохтонного населения. Эта гипотеза косвенно подтверждается и тем фактом, что в восточном Дунбэе не зафиксированы мохэские городища в отличие от Приханковья. Возможно, что население, продвигаясь на восток, основывало свои поселения и городища на подступах к равнине.

По мнению ряда китайских исследователей, население территорий к западу от оз. Ханка – это мохэское племя фуне (Чжан Тайсян, 1988). С образованием и возвышением Бохая они были оттеснены на восток, а среднее течение р. Муданьцзян попало под контроль этого государства (Цзян Юйкэ, 1997, с. 47). Фуне как предполагаемое население западного Приморья указывается и в работе Цзинь Юйфу: «одно из семи племен уцзи Да Фуне располагалось на северо-восток от государства Бохай». Опираясь на «Синь тан шу», автор пишет, что во время правления У-вана и Вэнь-вана (практически весь VIII век) 18 раз приходили посольства фуне к танскому двору. В качестве дани послы фуне приносили лошадей, шкуры соболей и зайцев, зрачок кита (Цзинь Юйфу, 1982). После Вэнь-вана (794 г.) Бохай привлек и подчинил их, сношения племени с Китаем больше не возобновлялись. После Сюань-вана (20–30-е гг. IX в.) Бохай присоединил эти земли и учредил на них область Дунпинфу 东平府, а племя исчезает (Цзинь Юйфу, 1982, с. 236). Область Дунпинфу занимала часть исконных земель фуне, т. е. района вокруг оз. Ханка (Чжан Тайсян, 1988) и включала несколько округов, в том числе

округ Точжоу 沱州, о котором в «Повествовании о Бохае» «Синь тан шу» написано: «в народе особенно ценятся … … караси из озера Мэйто». Согласно исследованию, оз. Мэйто – это современное озеро Синкайху (Ханка), очевидно, что Точжоу должен примыкать к озеру Ханка (Чжан Тайсян, 1988).

Таким образом, из летописных источников следует что западное Приморье входило в состав Бохая, а археологически это не прослеживается, т. е. бохайские памятники отсутствуют на территории Приханковья, но «обступают» его с запада, юга и севера. Мы предполагаем, что это может быть связано с системой управления территориями, сложившейся в Бохае. По мнению Ян Цзюня, существовала довольно большая разница между мохэ, обитавшими на древних землях сушэней и сохранявшими традиционную культуру, и мохэ, основавшими Бохай. Эти различия определили то, что правители по-разному ими управляли. В отношении бохайцев они использовали систему округов и уездов, а землями мохэ центральная власть в основном управляла через местных вождей, стараясь не слишком вмешиваться во внутренние дела (Ян Цзюнь, 2007). В отличие от центральных бохайских земель, здесь территориальные административные органы Бохая были образованы не ранее конца первой трети IX века, соответственно, и продолжительность прямого управления со стороны этого государства была гораздо короче, что должно было сказаться и на наличии следов бохайской культуры на этой территории.

Заключение. Таким образом, в результате проведенных исследований выдвинуто два предположения:

1. Расселение мохэ на территории Приханковья в V – начале VI в. могло произойти вследствие миграции части населения из восточного Дунбэя. Одним из признаков этого процесса может быть появление укрепленных городищ как линии фронтира.

2. Отсутствие бохайских памятников в Приханковье, входившем в государство Бохай, должно отражать те факты, что местные племена были подчинены Бохаю только в конце VIII в., и на протяжении длительного времени центральная власть управляла этими землями через вождей подчиненных племен, и только в период наивысшего расцвета Бохая с конца 30-х годов IX века здесь им была учреждена территориально-административная единица – область Дунпинфу. Таким образом, материальная культура местного населения не претерпевала серьезных изменений или это происходило медленно.

Подтверждение или опровержение этих предположений может произойти только с продолжением исследований, поиском памятников и накоплением материала.

Примечания:

1 В «Атласе культурных ценностей Китая. Том провинции Хэйлунцзян» сообщается, что длина восточной стены 250 м, западной – 210 м, южная стена разрушена, от северной стены сохранилось 20 м (Атлас…, 2015). Однако описание городища, данное Цзян Юйкэ и Чжао Юнцзюнем по материалам Ван Юйлана и Ван Хунбэя, представляется более достоверным, его мы и приводим в тексте работы.

[2] Некоторые подробности об этом городище есть в работе Цзян Юйкэ и Чжао Юнцзюня: «Находится на холмах примерно в 15 км на юго-восток от 858-го госхоза в уезде Хулинь; в 1,5 км на восток от р. Уссури <…> Стены построены навалом земли вдоль края холма: восточная и южная относительно прямые, западная и северная имеют форму дуги. Южная стена состоит из трёх валов и трёх рвов. Остальные три стены двойные» (Цзян Юйкэ, Чжао Юнцзюнь, 2021).

ЛИТЕРАТУРА

Андреев А.А., Климанов В.А. Изменение растительности и климата междуречья рек Унгра и Якокит (Южная Якутия) // Ботанический журнал. 1991. Т. 76. № 3. С. 334–351.

Анзулис Я.Е. Новоселищенское городище: планировка и застройка мохэского города // Известия лаборатории древних технологий. 2022. Т.18. №3. С. 46–68

Анзулис Я.Е. Отчет об археологических раскопках на территории выявленного объекта археологического наследия «Городище Криничное» в Хорольском муниципальном округе Приморского края в 2023 г. // Архив ИА РАН. № 80805. 204 л.

Артемьева Н.Г., Макиевский С.В., Михальченко А.П. Новый памятник польцевской культуры в Приморье // КСИА. 2023. Вып. 272. С. 72–86.

Археологические памятники эпохи палеометалла и раннего средневековья Приморья (по материалам исследований 2006 г.) / Отв. ред. Н.Н. Клюев. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН; Сеул: Государственный исследовательский институт культурного наследия республики Корея, 2007. 398 с.

Базарова В.Б. К истории развития озера Ханка и Приханкайской равнины // Ханкайский альманах / Ред. П.Ф. Бровко и др. Владивосток: ДВФУ, 2019, С. 9–13.

Белов Д.М. Отчет о разведочных археологических работах в Пограничном муниципальном округе Приморского края в 2021 г. // Архив ИА РАН. № 78251.171 л.

Ван Юйлан, Ван Хунбэй. Гаогоули бохай гучэнчжи яньцзю хуйбянь (Собрание исследований городищ Когурё и Бохая). Харбин: изд-во Харбин, 1994. 1062 с. (На кит. яз.)

Вострецов Ю.Е. Влияние природных изменений на культурные события на рубеже бронзового и железного веков в Маньчжурии и Приморье // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 2 (22). С. 22–25.

Ермаков В.Е. Отчет об археологических работах в Ханкайском районе Приморского края в 1989 г. // Архив ИА РАН. № 15234. 72 л.

Ивлиев А.Л. Очерк истории Бохая // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы / Отв. ред. Ж.В. Андреева. Владивосток: Дальнаука, 2005. С. 449–475.

Клюев Н.А. Отчет об итогах археологических исследований в Анучинском и Ханкайском районах в 2006 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 21589. 141 л.

Лю Хайян, Фу Юйсинь, Инь Минхуй. Анализ пространственной структуры городищ Бохая танской эпохи и влияющих на неё факторов // Дили кэсюэ (Географические науки). 2002. Т. 42. № 6. С.1005–1014. (На кит. яз.)

Окладников А.П. Работы на Дальнем Востоке в 1956 г. // КСИИМК. Вып. 73 / Отв. ред. Т.С. Пассек. М.: АН СССР, 1959. С. 107–114.

Окладников А.П. Советский Дальний Восток в свете дальнейших исследований // ВИ. 1964. № 1. С. 44–57.

Пискарева Я.Е. Локальные группы мохэских памятников в Приморье // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы / Отв. ред. Ж.В. Андреева. Владивосток: Дальнаука, 2005. С. 419–438.

Пискарева Я.Е., Сергушева Е.А., Дорофеева Н.А., Лящевская М.С., Шарый-оол М.О. Хозяйство раннесредневекового населения Приморья (по материалам мохэской археологической культуры) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 1 (44). С. 25–36.

Полутов А.В. Уцзи-мохэ в китайских письменных памятниках «Вэй-шу», «Бэй-ши» и «Суй-шу» // Средневековые древности Приморья. Вып. 4 / отв. ред. Н. Г. Артемьева. Владивосток: Дальнаука, 2016. С. 180–243.

Хэйлунцзяншэн чжи. Ди ушисань цзюань. (Хэйлунцзян. Описание провинции Хэйлунцзян). Т. 53. Вэньучжи (Описание культурных ценностей) / Комитет по составлению региональных описаний провинции Хэйлунцзян Харбин: изд-во Хэйлунцзян жэньминь. 1994. 228 с. (На кит. яз.)

Хэкоу юй чжэньсин: Муданьцзян ляньхуашуйку фацзюэ баогао (Хэкоу и Чжэньсин: Отчет о раскопках в районе водохранилища Ляньхуа в муниципалитете Муданьцзян провинции Хэйлунцзян) / Институт культурных ценностей и археологии пров. Хэйлунцзян, Факультет археологии Цзилиньского университета (составители). Пекин: Кэсюэ, 2001. 178 с. (На кит. яз.).

Цзинь Юйфу. Бохайго чжи чанбянь (Хронологическая подборка материалов для описания истории государства Бохай). Чанчунь: издание редакции журнала «Шэхуйкэсюэ чжаньсянь», 1982. Т. 1-2. 646 с. (На кит. яз.)

Цзян Юйкэ. Муданьцзян шицзяо Цзянсиичжи дяоча цзяньбао (Краткий отчет об исследовании остатков поселения Цзянси в пригороде Муданьцзяна) // Бэйфан вэньу, 1997. № 1. С. 45-47 (На кит. яз.)

Цзян Юйкэ, Чжао Юнцзюнь Археологическое исследование северной границы государства Бохай // Мультидисциплинарные исследования в археологии. 2021. №1. С. 103–128.

Чжан Тайсян. Хэйлунцзян гудай цзяньчжи (Краткое описание Хэйлунцзяна в древности). Харбин: Хэйлунцзян жэньминь, 1988. 268 с. (На кит. яз.)

Чжао Хунгуан. Могильник Шичангоу в поселке Хуалинь-чжэнь городского округа Муданьцзян пров. Хэйлунцзян // Мультидисциплинарные исследования в археологии. 2021. № 1. С. 22–47.

Чжунго вэньу диту цзи. Хэйлунцзян фэньцэ (Атлас культурных ценностей Китая. Том Хэйлунцзяна) / Под общей редакцией Государственного управления культурных ценностей. Пекин: Вэньу, 2015. 675 с.

Шавкунов Э.В. Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. Л: Наука, 1968. 168 с.

Ян Цзюнь. Бохайго миньцзу гоучэн юй фэньбу яньцзю (Исследование этнического состава и распространения национальностей в государстве Бохай). Чанчунь: Цзилинь жэньминь чубаньшэ, 2007. 185 с. (На кит. яз.).

Информация об авторах:

Ивлиев Александр Львович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИИАЭ ДВО РАН (г. Владивосток, Россия); ivlieval2@gmail.com;

Анзулис Яна Евгеньевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИИАЭ ДВО РАН (г. Владивосток, Россия); 7yana7@mail.ru

REFERENCES

Andreev, A. A., Klimanov, V. A. 1991. In *Botanicheskiy zhurnal (Botanicheskii Zhurnal)* (3), 334 –351 (in Russian)

Anzulis, Ya. E. 2022. In *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy: sbornik nauchnykh trudov (Review of the Laboratory of ancient technologies: a collection of scientific papers)* (3), 46–68 (in Russian)

Anzulis, Ya. E. 2023. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh na territorii vyyavlennogo ob"ekta arkheologicheskogo naslediya «Gorodishche Krinichnoe» v Khorol'skom munitsipal'nom okruge Primorskogo kraya v 2023 g. (Report on archaeological excavations on the territory of the identified Krinichnoye Settlement archaeological heritage site in the Khorolsky Municipal District of Primorsky Krai in 2023).* Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, dossier 80805 (in Russian).

Artem'eva, N. G., Makievsky, S. V., Mikhal'chenko, A. P. 2023. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 272, 72–86 (in Russian).

Klyuev, N. A. (ed.). 2007. *Arkheologicheskie pamiatniki epokhi paleolita i rannego srednevekov'ia Primor'ia (po materialam issledovanii 2006 g. (Archaeological Monuments of the Palaeometal Period and the Early Middle Ages of Primorye (Based on Study Materials of 2006))*. Vladivostok: Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the RAS; Seoul: State Research Institute for Cultural Heritage of the Republic of Korea (in Russian).

Bazarova, V. B. 2019. In Brovko, P. F. et al. (ed.). *Khankayskiy al'manakh (Khanka Almanac).* Vladivostok: Far Eastern Federal University, 9–13 (in Russian).

Belov, D. M. 2021. *Otchet o razvedochnykh arkheologicheskikh rabotakh v Pogranichnom munitsipal'nom okruge Primorskogo kraya v 2021 g. (Report on exploratory archaeological work in the Pogranichny Municipal District of Primorsky Krai in 2021).* Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, dossier 78251 (in Russian).

Wang Yulang, Wang Hongbei. 1994. *Gaogouli bokhay guchenchzhi yan'tszyu khuybyan' (Collection of studies of the settlements of Goguryeo and Bohai)*. Haerbin: “Harbin” Publ. (in Chinese).

Vostretsov, Yu. E. 2013. In *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia (Bulletin of the Tomsk State University: History)* 22 (2), 22–25 (in Russian).

Ermakov, V. E. 1990. *Otchet ob arkheologicheskikh rabotakh v Khankayskom rayone Primorskogo kraya v 1989 g. (Report on archaeological exploration in the Khankai district of Primorsky Krai. 1989).* Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, dossier 15234 (in Russian).

Ivliev, A. L. 2005. In Andreeva, Zh. V. (ed.). Rossiiskii Dal'nii Vostok v drevnosti i srednevekov'e: otkrytiia, problemy, gipotezy *(The Russian Far East in Antiquity and the Middle Ages: Discoveries, Issues, Hypotheses).* Vladivostok: “Dalnauka” Publ., 449−475 (in Russian).

Klyuev N.A. 2006. *Otchet ob itogakh arkheologicheskikh issledovaniy v Anuchinskom i Khankayskom rayonakh v 2006 g. (Report on the results of archaeological research in the Anuchinsky and Khankaysky districts in 2006)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, R-1, dossier 21589 (in Russian).

Liu Haiyang, Fu Yuxin, Yin Minghui. 2002. In *Dili kexue (Geographic Sciences)* 42 (6), 1005–1014 (in Chinese).

Okladnikov, A. P. 1959. In Passek, T. C. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 73. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 107–114 (in Russian).

Okladnikov, A. P. 1964. In *Voprosy istorii (Issues of History)* (1), 44–57 (in Russian)

Piskareva, Ya. E. 2005. In Andreeva, Zh. V. (ed.). Rossiiskii Dal'nii Vostok v drevnosti i srednevekov'e: otkrytiia, problemy, gipotezy *(The Russian Far East in Antiquity and the Middle Ages: Discoveries, Issues, Hypotheses).* Vladivostok: "Dalnauka" Publ., 419–438 (in Russian).

Piskareva, Ya. E., Sergusheva, E. A., Dorofeeva, N. A., Lyashchevskaya, M. S., Sharyj-ool, M.O. 2019. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii)* 44 (1), 25–36 (in Russian).

Polutov, A. V. 2016. In Artem'eva, N. G. (ed.). *Srednevekovye drevnosti Primor'ia (Medieval Antiquities of Primorye)* 4. Vladivostok: "Dal'nauka" Publ., 180–243 (in Russian).

1994. Heilongjiang zhi. Di wushisan juan. Wenwu zhi (Description of Heilongjiang Province. Description of cultural properties). Haerbin: "Heilongjiang renmin chubanshe". (in Chinese)

2001. Hekou yu zhenxing: mudanjiang lianhuashuiku fajue baogao (Hekou and Zhenxing: Report on excavation of Lianhua water reservoir area in Mudanjiang Municipality). Institute of cultural relics and archaeology of Heilongjiang Province, Faculty of Archaeology of Jilin Univercity. Beijing: "Kexue" Publ. (in Chinese).

Jin Yufu. 1982. *Bohaiguo zhi changbian (Chronological compilation of materials for the history of the Bohai state)*. Vol. 1-2. Changchun: "Shehui kexuezhanxian" zazhi she. (in Chinese).

Jiang Yuke. 1997. In *Beifang wenwu (Northern Cultural relics)* (1), 45–47 (in Chinese).

Jiang Yuke, Zhao Yongjun 2021. In *Mul'tidistsiplinarnye issledovaniya v arkheologii (Multidisciplinary Research in Archaeology)* (1), 103–128 (In Russian).

Zhang Taixiang. 1988. *Heilongjiang gudai jianzhi (Brief description of Heilongjiang in antiquity).* Haerbin: Heilongjiang renmin chubanshe (in Chinese).

Zhao Hongguang 2021. In *Mul'tidistsiplinarnye issledovaniya v arkheologii (Multidisciplinary Research in Archaeology)* (1), 22–47 (in Russian)

2015. Zhongguo wenwu ditu ji. Heilongjiang fence (Atlas of Cultural Properties of China. Volume of Heilongjiang). Beijing: Wenwu chubanshe (in Chinese)

Shavkunov, E. V. 1968. *Gosudarstvo Bokhai i pamiatniki ego kul'tury v Primor'e (Bohai State and the Monuments of its Culture in Primorye).* Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Yang Jun. 2007. *Bohaiguo minzu goucheng yu fenbu yanjiu (Study of the ethnic composition and of the distribution of nationalities in the state of Bohai)*. Changchun: Jilin renmin chubanshe (in Chinese)

About the Authors:

Ivliev Alexander L., Candidate of Historical Sciences, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. Pushkinskaya St., 89, Vladivostok, 690001, Russian Federation; ivlieval2@gmail.com;

Anzulis Yana E., Candidate of Historical Sciences, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. Pushkinskaya St., 89, Vladivostok, 690001, Russian Federation;7yana7@mail.ru

Статья поступила в журнал 07.10.2023 г.
Статья принята к публикации 24.09.2025 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работ

УДК 903-910.3
ББК 63.4
https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.5.31.50

ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ ПЕНЬКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СРЕДНЕМ ТЕЧЕНИИ СЕВЕРСКОГО ДОНЦА[1]

© 2025 г. Э.Е. Кравченко

В среднем течении Северского Донца присутствует группа памятников пеньковской культуры, часть которых подвергались раскопкам. В 1990–1991, 2005 гг. исследования такого поселения велись на археологическом комплексе у с. Маяки Славянского р-на Донецкой обл. Были расчищены котлованы 5 построек и группа хозяйственных сооружений, материалы которых позволяют датировать поселение V–VII вв. Указанное поселение являлось самой ранней частью крупного памятника, расцвет которого приходится на хазарское время. Наличие в среднем течении Северского Донца группы памятников, существовавших в эпоху Великого переселения народов и, следующее за ней, хазарское время, представляет интерес. На многих поселениях этой территории, слои хазарского времени подстилаются слоем пеньковской культуры. На памятниках хазарского времени на поселениях буферной зоны между степью и лесостепью, и на граничащих с этой зоной степных просторах четко прослеживается славянское влияние. Ныне, на основании имеющегося археологического материала, сложно определить, как попали в среднее течение Северского Донца носители славянской традиции. Возможно, это население было перемещено из лесостепных территорий уже в период существования Хазарского каганата. При этом, нельзя исключать, что носителями славянской традиции могло являться автохтонное население, поглощенное выходцами из Степи и Северокавказского региона, которые пришли на рассматриваемые земли в VIII веке.

Ключевые слова: археология, Северский Донец, славяне, хазары, аланы, протоболгары, анты, поселение, печь, керамика, постройки

STUDIES OF A SETTLEMENT OF PENKOVSKAYA CULTURE IN THE MIDDLE REACHES OF THE SEVERSKY DONETS RIVER[2]

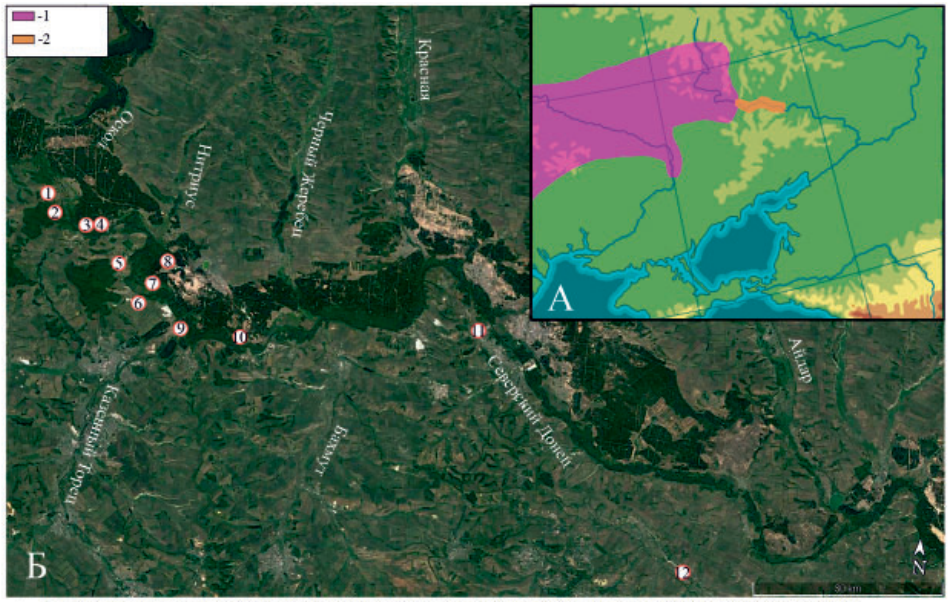
E.E. Kravchenko

The middle reaches of the Seversky Donets features a group of monuments belonging to Penkovskaya culture, some of which have been excavated. In 1990-1991 and 2005 such a settlement was studied at an archaeological site near Mayaki village, Slaviansk district of the Donetsk region. Foundation trenches of 5 buildings and a group of household structures were cleared, and the materials obtain allow dating the settlement to the 5th-7th centuries. This settlement was the earliest portion of a large monument which flourished in the Khazar period. The presence of a group of monuments which existed during the Migration and consecutively the Khazar period in the middle reaches of the Seversky Donets is an interesting phenomenon. At many settlements on this territory, layers of the Khazar period are bedded by a layer of Penkovskaya culture. Slavic influence is clearly traced on the monuments of Khazar period in the settlements of the buffer zone between steppe and forest steppe, and open spaces bordering this zone. Today, on the basis of the available archaeological material, it is difficult to determine how carriers of Slavic tradition got to the middle reaches of the Seversky Donets. Perhaps, this population moved from forest steppe as late as during the existence of the Khazar Khaganate. At the same time, it cannot be ruled out that the carriers of Slavic tradition could be the indigenous population absorbed by the native people of steppe and North Caucasus region, who reached to the lands in question in the 8th century.

[1] Работа выполнена в рамках Государственного задания Севастопольского государственного университета «Формирование и функционирование поселенческих структур населения Крыма от Средних веков к Новому времени по данным археологии и междисциплинарным исследованиям».

[2] The work was carried out within the framework of the State Assignment of Sevastopol State University "Formation and functioning of settlement structures of the Crimean population from the Middle Ages to Modern times according to archeology and interdisciplinary research"

Keywords: archaeology, Seversky Donets, the Slavs, the Khazars, the Alans, the Proto-Bolgars, the Antes, settlement, furnace, ceramics, buildings

А- 1 - восточная часть ареала распространения памятников пеньковской культуры (по О.М.Приходнюк, 1998)
2 - памятники пеньковской культуры в среднем течении Северского Донца
Б - Памятники пеньковской культуры в среднем течении реки Северский Донец (карта Google)

Рис. 1. Схема расположения памятников пеньковской культуры: А – общий ареал распространения пеньковских древностей (по О.М. Приходнюк, 1989); Б-схема расположения памятников пеньковской культуры в среднем течении Северского Донца (использована карта SASPlanet)

Fig. 1. Layout of monuments of Penkovskaya culture: A –general distribution area of Penkovskaya antiquities (according to O.M. Prikhodnyuk, 1989); B – Layout of monuments of Penkovskaya culture in the middle reaches of the Seversky Donets (using SASPlanet map)

В среднем течении р. Северский Донец присутствует значительное количество памятников, оставленных оседлым населением I тысячелетия нашей эры. Подавляющее большинство их относится к хазарскому времени. Эта группа отличается относительно хорошей изученностью и разнообразием (городища, селища, сезонные стойбища, могильники с различным обрядом погребения). Поселения более раннего периода встречаются реже. Небольшая группа позднескифских памятников была выявлена относительно недавно. Изучена она слабо (Обломский, 2020, с. 380). Несколько большее количество археологических объектов представлено поселениями киевской и пеньковской культур.

На факт наличия на территории региона «славянских» памятников указывал еще Н.В. Сибилев (Сібільов, 1930, с. 10–11). Во время разведок 1983 года[1] здесь был зафиксирован ряд селищ. В числе их были и поселения, ранее открытые Н.В. Сибилевым, у которого они фигурировали под другими названиями (Телегін, Духін, Кравченко, 1983, с. 8–11; Телегін, Духін, Кравченко, 1997, с. 144–145)[2]. В 80–90-е годы XX века автором выявлена группа пунктов с материалами пеньковской культуры (Дубовая Роща[3], Выла[4], Казачья Пристань[5]) (рис. 1: 4, 1, 9). Совместно с В.В. Цимидановым были найдены селища у озер «Кругленькое» и «Красноярское»[6] (рис. 1: 7–8) и проведена шурфовка поселения в урочище «Выдылыха» (рис. 1: 2).

Исследование этих памятников началось с работ М.Л. Швецова на селище, прилегающем к эталонному могильнику «Зливки», где был обнаружен слой пеньковской культуры (рис. 1: 10) (Швецов, 2018 а, с. 119, рис. 1: 1; 2018 б, рис. 5: 1). В 1986 г. начались раскопки в урочище Старица (рис. 1: 3), на котором был выявлен куст из трех поселений. Работы велись на самом крупном из них и продолжались с перерывами до 2010 года (Швецов, 2018 б, с. 175–177). В 1998–1999 гг. автором производились исследования поселения Казачья Пристань, на различных участках которого

были обнаружены позднескифский памятник и пеньковское поселение (рис. 1: 9) (Кравченко, Цимиданов, Кузин, 1998, с. 7; Кравченко, Мирошниченко, 2007, с. 43–50; Кравченко, 2012, с. 144–145). В 2005–2010 годах экспедицией под руководством А.В. Колесника изучался многослойный памятник в урочище Выдылыха, где присутствовали материалы пеньковской культуры и позднескифского времени (Хозин, 2007)[7]. Кроме этого, материалы указанного периода были обнаружены во время исследований городищ Донецкой группы. Так, при работах на Сидоровском комплексе (рис. 1: 5), относящемся к салтово-маяцкой культуре, найден ряд предметов предсалтовского времени (спинка фибулы гапоновского типа, амулет в виде кольца с выступами, увенчанного головкой, булавка с волютообразным навершием, удила с парными кольцами, панцирная пластина и др.) (Кравченко, 2020, рис. 204: 16, 206: 1, 208: 5, 210: 15, 18). Слоя указанного периода при раскопках выявлено не было. Тем не менее, он может присутствовать на каком-нибудь участке этого крупного памятника (например, на слабоизученных селищах 1 и 2).

Древности близкого типа были найдены и ниже по течению Северского Донца, на территории Луганской области. В 1972 году, во время разведок, проводимых Северско-Донецкой экспедицией[8], пеньковская керамика обнаружена в районе города Лисичанск (рис. 1: 11) (Швецов, 2018 б, с. 177, подстрочник). Материалы, близкие пеньковским, были выявлены К.И. Красильниковым при исследованиях могильника у села Новодачное Славяносербского района Луганской области (рис. 1: 12) (Красильников, Тельнова, 1997, с. 66–80; Красильников, 2001, с. 317, рис. 10). В целом все эти памятники входили в группу поселений, расположенных на юго-восточной окраине ареала распространения древностей пеньковской культуры (Приходнюк, 1998, рис. 1: 1)[9]. Представляется, что здесь находится гораздо большее количество поселений, часть которых еще предстоит открыть. Указанная группа узким языком спускается вниз по среднему течению р. Северский Донец, выходя за пределы границы лесостепи и углубляясь в степь (рис. 1). Такое пограничное положение делает эти поселения исключительно интересными в плане взаимодействия их населения с обитателями степи (Швецов, 2018 в, с. 192).

Один из памятников этой группы изучался на селище 3, входящем в состав археологического комплекса у села Маяки Славянского района Донецкой области (рис. 1: 6). В 1990–1991 годах автором и М.Л. Швецовым здесь был зафиксирован слой пеньковской культуры и расчищен ряд жилых и хозяйственных сооружений (Кравченко, Швецов, 1990). В 2005 году работы были продолжены (Кравченко, Цимиданов, Шамрай, Мирошниченко, Петренко, 2005, с. 7–19). В целом на селище 3 заложено пять раскопов: раскоп 1(П)/26 (S – 224 кв. м), раскоп 2(П)/27 (S – 880 кв. м), раскоп 3(П)/28 (S – 200 кв. м), раскоп 29 (S – 284 кв. м) и раскоп 30 (S – 36 кв. м)[10] (рис. 2: 1–2). О материалах, полученных в результате этих раскопок, неоднократно упоминалось в работах, хотя опубликованы они не были (Швецов, 2018 а, б, в). Тем не менее введение указанных данных в оборот представляет интерес, так как указанное поселение предшествовало появлению на этом месте крупного археологического комплекса, который существовал в течение всей эпохи Средневековья и играл одну из ведущих ролей в системе средневековых памятников среднего течения Северского Донца. Исследования велись раскопами, разбитыми, как в центральной части селища, так и на его окраинах. Это позволило получить общее представление о размерах памятника, его планировке, характере сооружений, а также дало достаточное количество археологического материала, характеризующего его материальную культуру.

Селище 3 находится на северо-восточной окраине археологического комплекса, на берегу Северского Донца. Оно занимает террасу, вытянутую вдоль берега реки по линии запад – восток. В западной части эта терраса пересекается Ложниковым Яром – глубокой, обводненной балкой, впадающей в реку. Культурные напластования, мощность которых достигает 2–2,5 метров, формировались в период от энеолита до Нового времени. Материалы раннего и развитого Средневековья залегали в рыхлом комковатом сильно гумусированном грунте с примесью мелкой меловой крошки, который шел до уровня 1 метра от современной поверхности. Этот слой подстилался осветленным глиной гумусом, плавно переходящим в глинистый материк. Из верхней части осветленного гумуса были пущены все комплексы пеньковской культу-

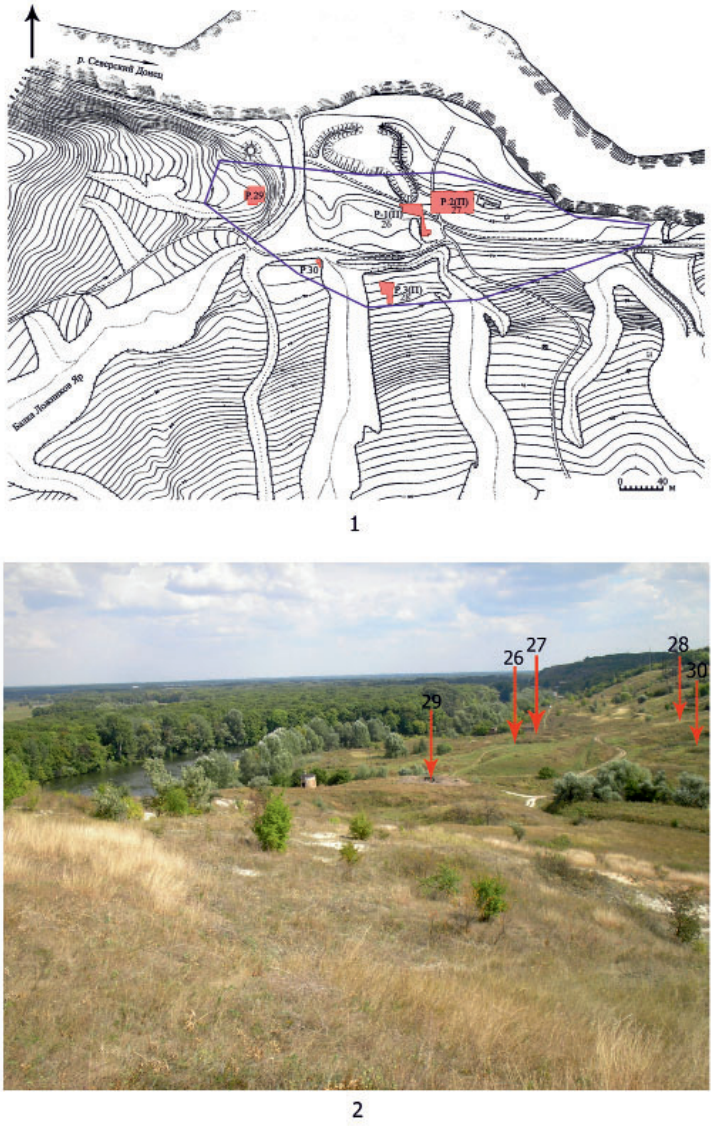

Рис. 2. 1-план селища 3 археологического комплекса у с. Маяки; красным обозначены раскопы. 2 – фото селища 3 (вид с юго-запада); стрелками показаны места расположения раскопов.

Fig. 2. 1 – Plan of the settlement 3 of archaeological monument near Mayaki village; the excavations are marked in red. 2 – photo of unfortified settlement 3 (view from the southwest); the excavation locations are marked by arrows.

ры[11]. Нижняя его часть содержала материалы эпохи поздней бронзы. Сооружения пеньковской культуры были зафиксированы в раскопах 26, 27 и 29.

Раскоп 26 (в отчетах раскоп 1«П») располагался в центральной части селища (рис. 2; 3: 1). К западу от него террасу прорезал Ложников Яр. К северу находится спуск в пойму Северского Донца. В связи с удобным расположением этого участка практически вся площадь раскопа была занята сооружениями разных эпох. В пределах раскопа 26 культурные напластования имели наибольшую мощность на территории селища, достигая 2,3–2,5 метров. Отложения пеньковской культуры были представлены слоем осветленного гумуса с примесью золы, мощность которого на различных участках раскопа колебалась от 0,2 до 0,5 метра (рис. 4: 2). Указанный слой фиксировался на уровне 1,3–1,8 м от репера и прослеживался пятнами. В слое и в комплексах более позднего времени, прорезавших этот слой, присутствовали фрагменты керамики (в основном стенки сосудов) и отдельные предметы (рис. 3: 5, 22). Площадь раскопа 26 была сильно повреждена хозяйственной деятельностью. Вдоль террасы пролегают коммуникации крупной фильтраторной станции, расположенной в устье Ложникова Яра. Земляные работы и аварии на подземных

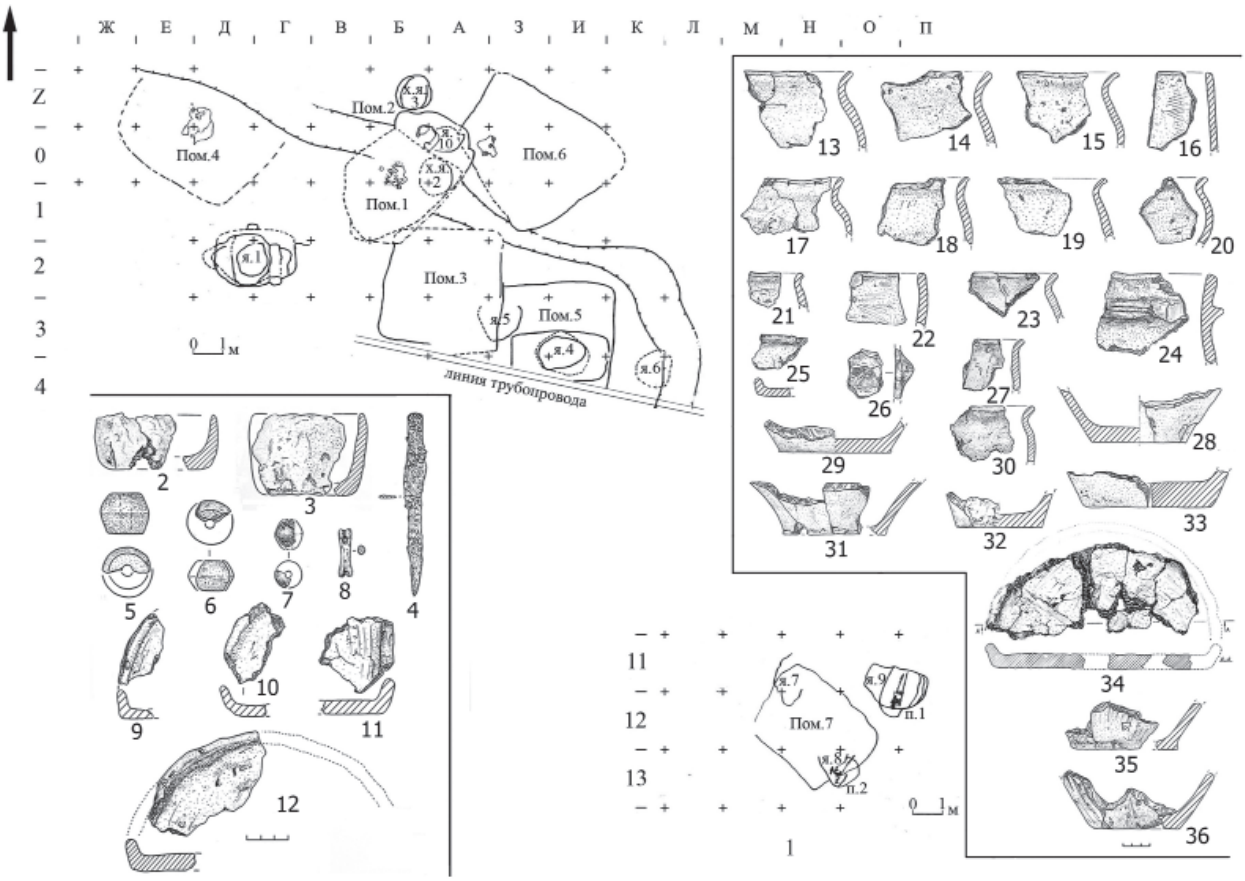

Рис. 3. 1 – общий план раскопа 26; 2-4, 7-21, 23-36 – помещение 3 раскопа 26; 5, 22 – культурный слой раскопа; 6 – помещение 5 раскопа 26.
Fig. 3. 1 – General plan of the excavation 26; 2-4, 7-21, 23-36 – room 3 of excavation 26; 5, 22 – cultural layer of the excavation; 6 – room 5 of excavation 26.

водоводах активизировали процесс ярообразования. Северный край террасы был разрушен глубокой канавой, прорезавшей культурные напластования до материка. В ее обрезах фиксировались археологические комплексы, что вызвало необходимость проведения охранных археологических исследований на этом участке. К пеньковской культуре относились три сооружения, представленные помещениями 3, 5 и 7.

Помещение 3 раскопа 26 находилось в южной его части, у склона с террасы в пойму. Заполнение комплекса было прослежено с уровня 0,8–1 метр[12] за счет наличия в нем фрагментов лепной керамики. Пятно комплекса фиксировалось на уровне 1,2–1,4 метра. Котлован дошел в поврежденном состоянии. Его северная сторона была прорезана сточной канавой. Южный край частично срезан траншеей трубопровода. Северо-западный угол поврежден помещением 2, а восточная стена перекрыта хозяйственной ямой 5. Оба комплекса относятся к хазарскому времени. С западной стороны котлован непосредственно граничит с помещением 5 (рис. 4: 1; 3: 1).

Судя по сохранившейся части, помещение представляло полуземлянку (размерами не менее 4×4–4,4 метра), ориентированную сторонами по странам света. Дно находилось на уровне 2 метров. Постройка имела столбовую конструкцию стен. Большинство столбовых ямок располагалось по периметру котлована. Одна из них находилась в центральной его части, что свидетельствовало о том, что данная постройка имела двускатную или четырехскатную конструкцию кровли. Пол помещения представлял собой золистую прослойку с древесными углями. В западной и центральной части котлована зафиксировано золистое пятно неправильной формы размером 1,8×2,2 метра, которое, вероятнее всего, являлось остатками очага. У восточной стенки находилась неглубокая яма овальной формы (0,9×1,1 метра), вытянутая длинной

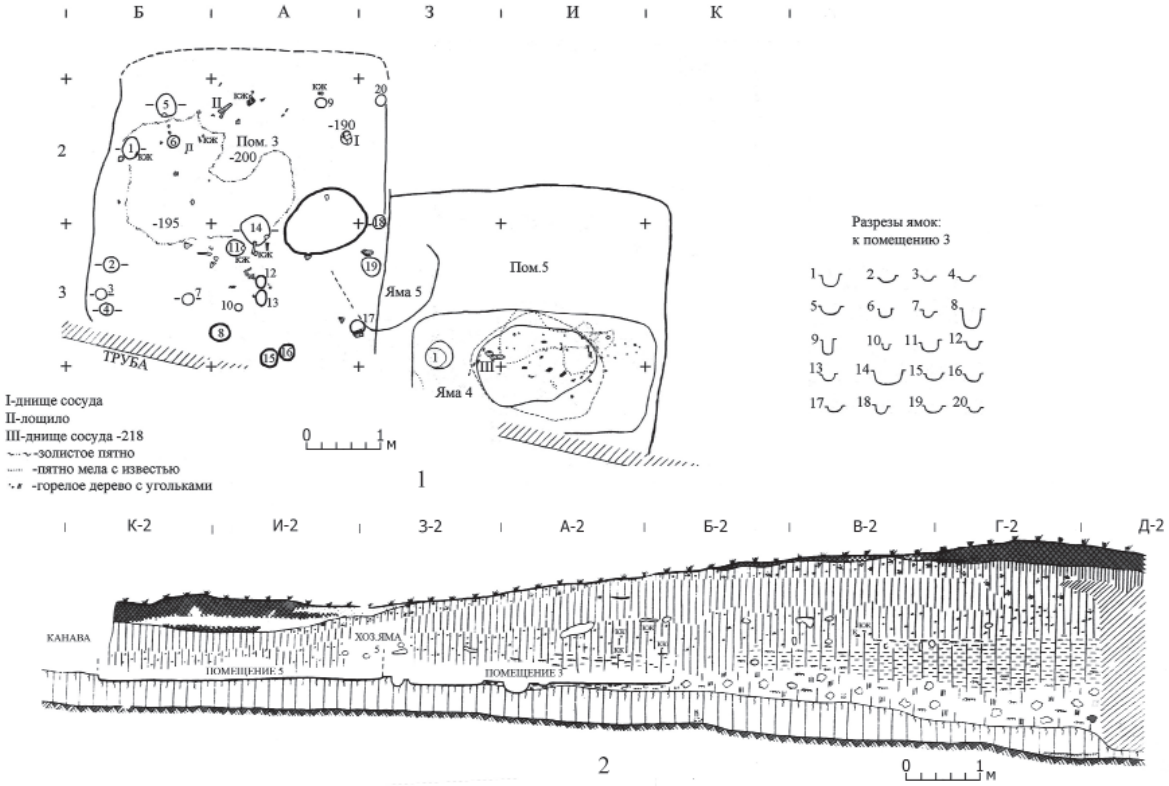

Рис. 4. 1 – план помещений 3 и 5 раскопа 26; 2 – разрез раскопа 26.
Fig. 4. 1 – Plan of rooms 3 and 5 of excavation 26; 2 – section of excavation 26.

осью по линии запад – восток с небольшим отклонением к югу. В пол котлована она была углублена на 0,1–0,15 метра.

В заполнении и на дне котлована обнаружено много находок: кости животных, фрагмент грузила (рис. 3: 7), железный нож с плоским черешком (рис. 3: 4), амулет, сделанный из фаланги зайца (?) (рис. 3: 8), и керамика, представленная фрагментами горшков, сковород и вотивных сосудиков. Горшки лепные, с примесью крупного шамота в тесте. Край венчика заполуовален и обычно слегка отогнут наружу (рис. 3: 13–15, 17–21, 23, 26, 29). Реже встречаются прямостоящие венчики (рис. 3: 16). За пределами котлованов в слое был выявлен фрагмент венчика, слегка загнутого внутрь сосуда (рис. 3: 22). Часть днищ имеет закраину (рис. 3: 31, 35). На внешней поверхности у некоторых донышек имеются грубые следы вертикального сглаживания (рис. 3: 36). Среди керамики присутствует фрагмент венчика зерновика с высоким подтреугольным в поперечном сечении валиком (рис. 3: 24). Сковороды имеют невысокий, слегка отогнутый наружу бортик (рис. 3: 9–12, 34). Вотивы сохранились фрагментарно. Представлены двумя сосудиками баночной формы с заостренным прямым или слегка загнутым внутрь венчиком (рис. 3: 2–3). Обращает внимание факт наличия в постройке фрагмента серолощеного кувшина со сглаженным коническим выступом, который находился на боковой части сосуда (рис. 3: 26).

Помещение 5 раскопа 26 (рис. 4) обнаружено в юго-восточной части раскопа при зачистке участка, прилегающего к помещению 3. Котлован сохранился не полностью. С южной стороны, по всей своей длине, он был обрезан траншеей трубопровода. Сохранившаяся южная часть прорезана хозяйственной ямой 4 (XI–XIII веков). С западной стороны котлован соприкасался с помещением 3 и был прорезан хозяйственной ямой 5 хазарского времени. Заполнение отличалось от заполнения помещения 3 более светлым цветом. Сохранившаяся часть котлована имела прямоугольную форму и была ориентирована стенами по странам света. Столбовых ям и отопительного сооружения обнаружено не было. Длина сохранившейся части котлована с запада на восток – 3,9 метра, а с севера на юг – 3,6 метра. Уровень дна 1,95–2 метра от современной

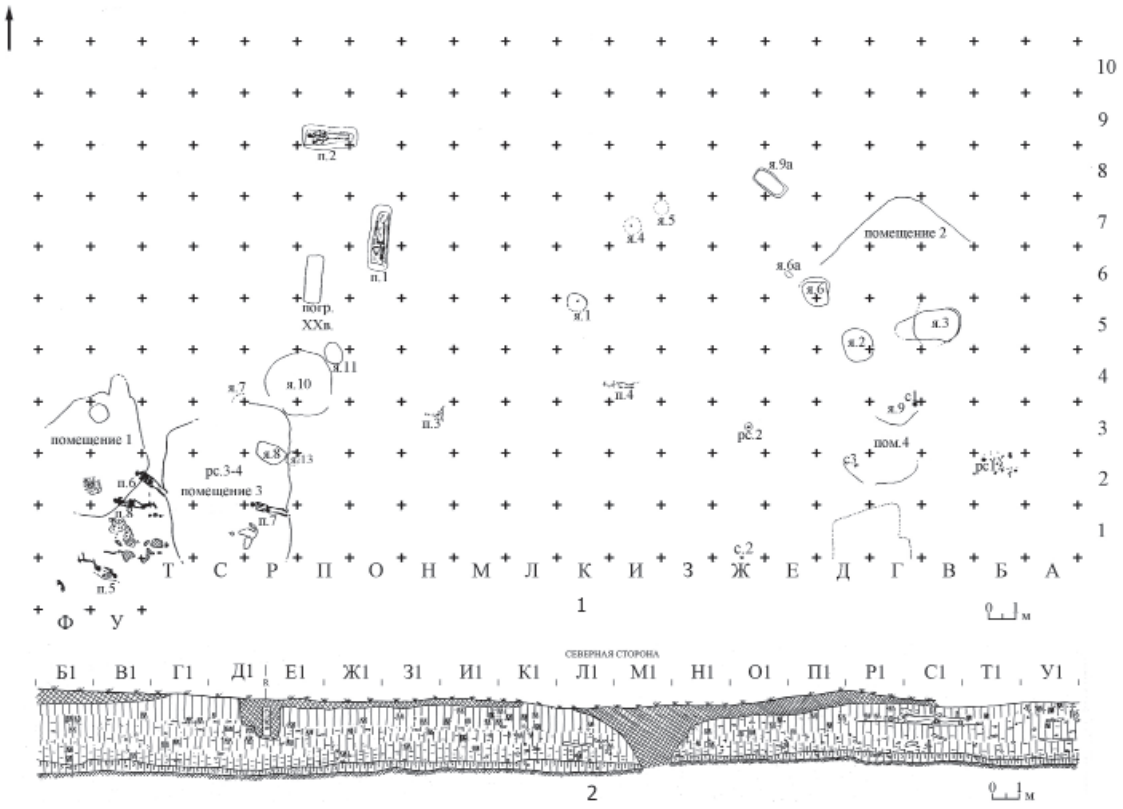
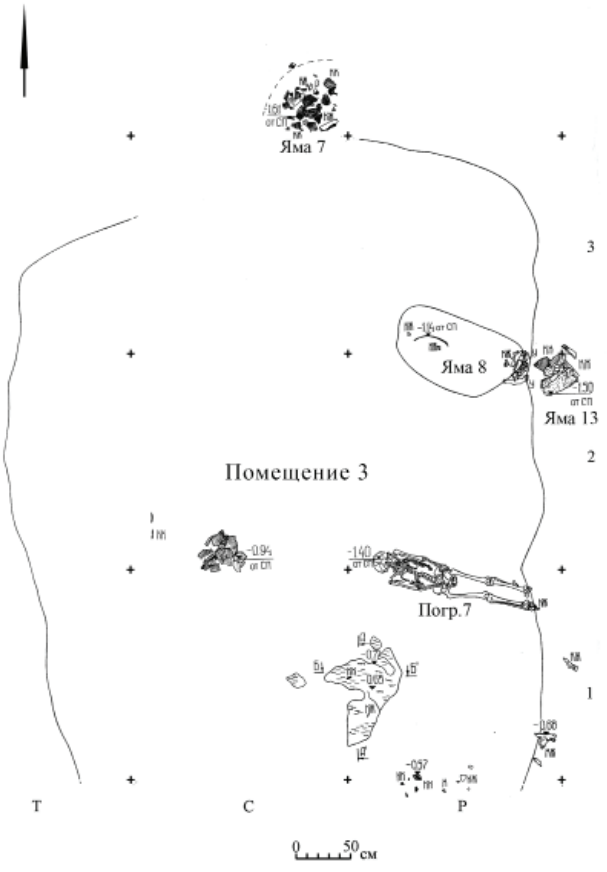

Рис. 5. 1 – раскоп 27, общий план; 2 – разрез раскопа 27 по бровке БУ-1.
Fig. 5. 1 – Excavation 27, general plan; 2 – section of excavation 27 along the edge of BU-1.

поверхности. Среди находок – кости животных, три небольших фрагмента сковородок и несколько мелких стенок лепных горшков. Кроме них, здесь был обнаружен фрагмент биконического пряслица с усеченными основаниями, орнаментированного крестообразными наколами (рис. 3: 6).

Помещение 7 раскопа 26. Расположено на расстоянии 19 метров к юго-востоку (азимут 140º) от южной стены помещения 3. Оно было прорезано хозяйственными ямами 7 и 8 хазарского времени. В верхней части заполнения ямы 8 было выявлено погребение 2 (рис. 3: 1). Контур пятна котлована помещения 7 слабо читался на фоне темного слоя раскопа. Он фиксировался с глубины 1,52 метра от современной поверхности. Котлован имел прямоугольную форму размером 4×3 метра и был ориентирован длинной осью по линии северо-запад – юго-восток. Дно находилось на уровне 2,13 метра. В заполнении котлована найдены два фрагмента керамики пеньковского типа. Следов столбовых ям и отопительного соору-

Рис. 6. Раскоп 27, план помещения 3.
Fig. 6. Excavation 27, plan of room 3

жения выявлено не было. Судя по указанным выше находкам и данным стратиграфии, котлован относился к пеньковской культуре.

Раскоп 27 (в отчетах – раскоп 2«П»). Располагался в 30 метрах к востоку от раскопа 26 на краю террасы и на склоне с нее в пойму реки (рис. 2: 1–2)[13]. Как и на соседнем участке, культурные напластования здесь имели значительную мощность (2,2–2,4 метра) (рис. 5: 2) и были повреждены поздними перекопами. Археологические комплексы читались нечетко. Слой пеньковской культуры сохранился пятнами на отдельных участках раскопа. Вероятно, он был разрушен в процессе функционирования поселения в более поздний период. По крайней мере, фрагменты сосудов пеньковской культуры были встречены в слое и комплексах на различных частях раскопа вместе с более поздними материалами (рис. 7: 2). Кроме этого, в слое были обнаружены обломки двух вотивных сосудиков (рис. 8: 1–2). На участках, где слой пеньковской культуры сохранился непотревоженным, его мощность не превышала 0,2 метра. В раскопе 27 к этому времени относится помещение 3 и группа хозяйственных ям (рис. 5: 1).

Помещение 3 раскопа 27. Котлован был зафиксирован в западной части раскопа. Контуры его были плохо различимы в темном слое и читались в виде слабо выраженного пятна, отличавшегося от окружающего грунта более темным цветом. Котлован прослежен не полностью: его южная часть на 0,2–0,3 метра выходила за пределы раскопа. Северная стенка была прослежена частично. В целом котлован имел подпрямоугольную форму и был ориентирован сторонами по сторонам света. Его прослеженная часть имела длину 5,8–6 метров при ширине 4,5–4,7 метра. Дно находилось на уровне 1,05 метра от современной поверхности (рис. 5: 1–2; 6). Котлован помещения был пересечен несколькими хозяйственными ямами (№№ 7, 8, 10, 13), содержавшими материалы хазарского времени. У восточной стенки его дно было прорезано погребением 7 золотоордынского времени. В южной части в заполнении, на глубине 0,65 метра, зафиксированы остатки очага с древнерусской керамикой (XI–XIII века). В заполнении котлована встречены немногочисленные фрагменты керамики пеньковской культуры и сосудов хазарского времени, которые могли просесть из вышележащих слоев. В центральной части на уровне 0,94 метра находились два развала сосудов: пеньковская остроребериая корчага (рис. 8: 7) и лепной горшок S-видного профиля с сильной примесью шамота в тесте (рис. 8: 4). На дне котлована следов столбовых ям зафиксировано не было. Собственно, и само дно в слое темного грунта было слабо

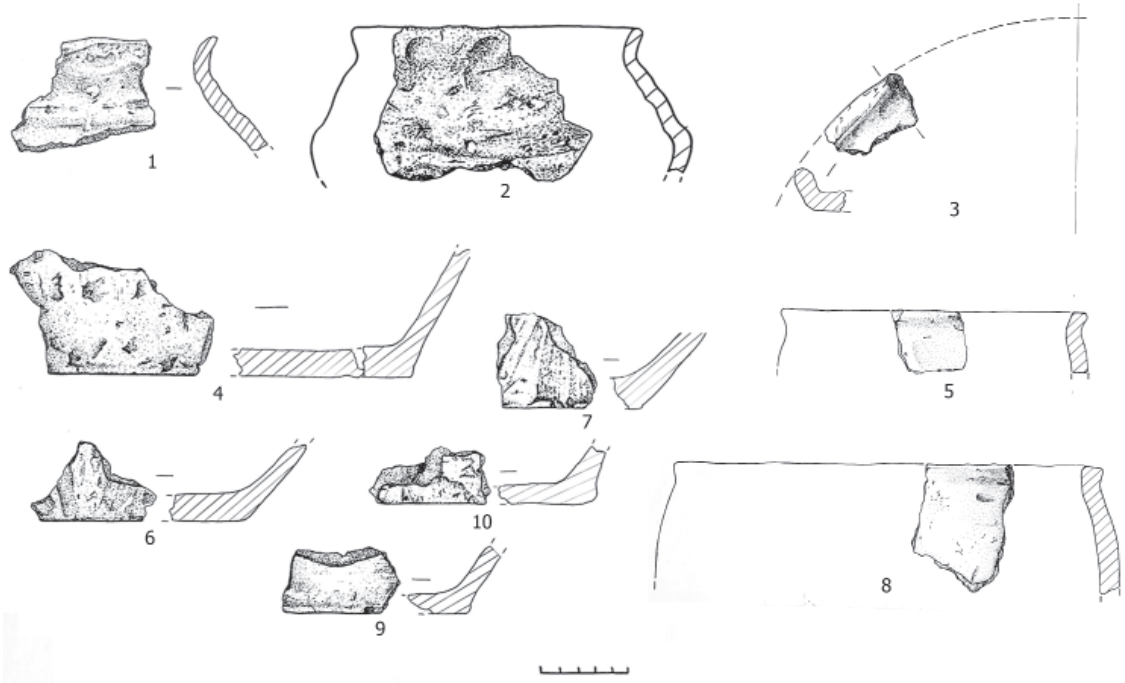

Рис. 7. Раскоп 27. Керамика: 2 – слой раскопа; 1, 3-10 – котлован помещения 3.
Fig. 7. Excavation 27. Ceramics: 2 – excavation layer; 1, 3-10 – foundation pit of room 3.

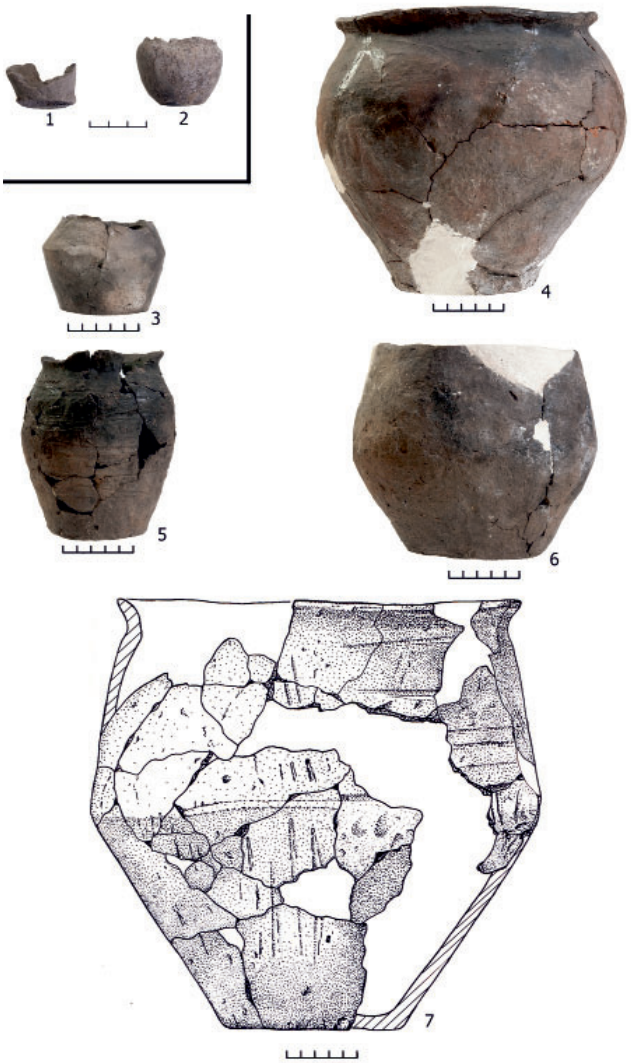

Рис. 8. Раскоп 27. Керамика: 1-2, 5 – слой раскопа 27; 3 – кв. Ж-1; 6 - хоз. яма 9; 4, 7 – котлован помещения 3.

Fig. 8. Excavation 27. Ceramics: 1-2, 5 – layer of excavation 27, 3 – sq. Zh-1; 6 – household pit 9; 4,7 – foundation pit of room 3.

различимо. Учитывая наличие пеньковской керамики в заполнении и на дне рассматриваемого комплекса (рис. 7: 1, 3–10), а также датировку хозяйственных ям и захоронений, прорезавших котлован, М.Л. Швецов отнес этот объект к пеньковской культуре.

Кроме описанного выше помещения в пределах раскопа 27 была выявлена группа хозяйственных ям (№ 2–4, 9), относящихся к интересующему нас времени. Находки в их заполнении в большинстве случаев невыразительны: колотые кости животных и немногочисленные фрагменты стенок лепных керамических сосудов. В хозяйственной яме № 9 был обнаружен горшок (рис. 8: 6). Вполне вероятно, что сосуд пеньковской культуры, найденный в квадрате Ж-1 (рис. 8: 3), также происходил из хозяйственной ямы, контур которой не был зафиксирован в темном культурном слое.

Раскоп 29 был расположен к западу от раскопа 26, на небольшой мысовидной площадке террасы, прилегающей непосредственно к склону холма, на котором находится городище. Раскоп был расположен в центральной части мыса, в 15 метрах к западу от склона к руслу Ложникова Яра (рис. 2: 1–2; 9: 1). Площадка террасы, где он находился, имела повышение к западу. Здесь располагался крутой и узкий участок склона, по которому пролегает дорожка, ведущая на городище хазарского времени. Указанный склон, вероятно, подвергся эскарпированию, а дорожка являлась одним из въездов на городище.

Культурные напластования раскопа 29 достигали двухметровой толщины. В пределах его территории слоев с материалами пеньковской культуры и хазарского времени обнаружено не было. Разрозненные фрагменты пеньковской керамики встречались в слоях X–XIV вв. и в заполнении впущенных из них комплексов. Вероятно, слой пеньковской культуры был срезан в хазарское время при подрезке склона во время строительства въезда на городище. В раскопе выявлена одна постройка интересующего нас периода.

Помещение 5 раскопа 29 (рис. 10: 1–2). Расчищено в западной части раскопа. Северный край его заполнения поврежден котлованом помещения 3 (XI–XIII вв.). При выборке этого участка наблюдалось скопление керамики пеньковской культуры. В квадрате Г-10, в пределах помещения 3, в слое на уровне 1,1 метра был найден обломок пальчатой фибулы (рис. 11: 1). Сохранился участок ее «головки», с двумя фигурными отростками. В квадрате В-10 на уровне 1,1 метра найден обломок оленьего рога со следами обработки (рис. 11: 4). В квадрате Г-11 присутствовал развал отопительного сооружения постройки – печи-каменки, сооруженной из обломков жерновов ручной мельницы и фрагментов лепных сосудов пеньковской культуры (рис. 9: 2). Нижняя часть печи находилась на уровне 1,14–1,15 метра и фиксировала дно котлована постройки. Печь была повреждена во время строительства помещения 3, край котлована которого прошел возле отопительного сооружения (рис. 10: 2). Внутренняя часть печи

1

2

Рис. 9. 1 – археологический комплекс Маяки, восточный склон с городища и раскоп 29;
2 – развал печи помещения 5 раскопа 29.
Fig. 9. 1 –Mayaki archaeological monument, eastern slope viewed from the fortified settlement and excavation 29;
2 –ruins of a furnace in room 5 of excavation 29.

была вымощена фрагментами керамических сосудов, многие из которых деформировались и ошлаковались вследствие воздействия высокой температуры (рис. 13: 1–5).

Котлован помещения 5 был вырыт в слое зольника эпохи бронзы, благодаря чему четкий его контур ни в плане, ни на бровках зафиксировать не удалось. Тем не менее границы постройки читались по материалу, компактно залегающему на одной глубине на этом участке раскопа. Этот факт обращал внимание, т. к. на остальной площади раскопа находки пеньковской керамики были единичными. Судя по находкам, помещение 5 представляло полуземлянку размерами не менее 5×4–4,5 метра, с печью-каменкой в северо-западном углу. Кроме фрагмента фибулы, обломка рога и каменного терочника треугольной формы (рис. 11: 2) в котловане помещения 5 встречено большое количество керамики. Основную часть ее составляют лепные горшки с примесью шамота в тесте. Часть этих сосудов реконструировалась графически, а один (рис. 11: 5; 12: 8) был собран полностью. Большинство сосудов представлено горшками. Несколько фрагментов S-видной профилировки относится к небольшим приземистым сосудам (рис. 12: 9, 12), которые Е.А. Горюнов определял как миски (Горюнов, 1981, с. 73, рис. 25). Орнаментация керамики бедная: ряд венчиков орнаментиро-

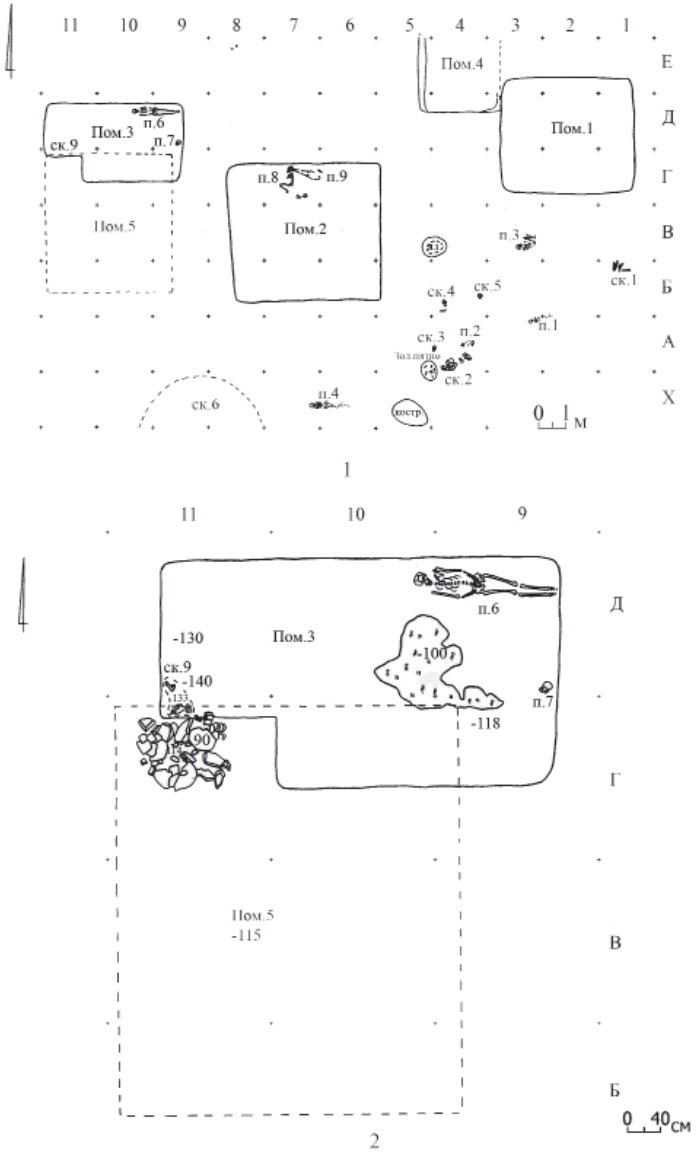

Рис. 10. 1 – селище 3, общий план раскопа 29; 2 – раскоп 29, план помещений 3 и 5.
Fig. 10. 1 – Settlement 3, general plan of the excavation 29; 2 – excavation 29, plan of rooms 3 and 5.

ван пальцевыми вдавлениями по краю (рис. 11: 7; 12: 6). Фрагменты крупного зерновика украшены под венчиком массивным подтреугольным в поперечном сечении валиком (рис. 12: 1). Достаточно часто встречаются сковороды (рис. 11: 3; 12: 2–3; 13: 6). Зафиксированы фрагменты крупного лепного таза (диаметр до 35 см) с достаточно высоким наклоненным наружу бортиком (высота 7 см), плавно переходящим к плоскому дну (рис. 12: 4).

Удалось реставрировать ручную мельницу, сделанную из крупнозернистого песчаника, из обломков которой был сложен корпус печи. Ее поставец, края которого рассыпались от воздействия высокой температуры, представлял камень (толщина до 5 см.) круглой формы (d. 38 см) с конически сужающимся книзу отверстием в центральной части (d. 10 см, внизу d. 5 см). Бегунок – массивный, подквадратный в плане (41×40 см) и конический (высота до 20 см) в поперечном сечении камень, имел плоскую рабочую поверхность. Несквозное отверстие для ручки находилось вверху, у края жернова (рис. 11: 6). Рабочая поверхность обоих камней была покрыта точечной набивкой.

Как видим, описанные выше постройки располагались на террасе, вытянутой вдоль берега Северского Донца. В раскопах 28 и 30, которые находились к юго-востоку от площадки террасы, слоя и комплексов пеньковской культуры выявлено не было. Судя по размерам сооружений и конфигурации террасы, общее

Рис. 11. Раскоп 29. Вещи из комплексов пеньковской культуры:
1 – бронза, 2, 6 – камень, 4 – рог, 3, 5, 7-8 – керамика.
Fig. 11. Excavation 29. Items from Penkovskaya culture complexes:
1 – bronze, 2,6 – stone, 4 – horn, 3, 5, 7-8 – ceramics.

количество жилищ на поселении могло достигать десятка. Факт же наличия стратиграфии в раскопе 26 (помещения 3 и 5) свидетельствует о том, что не все эти постройки функционировали в одно время. Наиболее вероятным будет предположить, что на террасе одновременно находилось 6–7 построек. Это совпадает с данными небольших пеньковских поселений, расположенных как в пределах рассматриваемого нами региона, так и на иных территориях, входящих в ареал распространения пеньковской культуры (Приходнюк, 1998, с. 22).

Отопительные сооружения были обнаружены только в двух постройках (помещение 3 раскопа 26 и помещение 5 раскопа 29). Последнее явление может быть связано с тем, что прочие постройки имели хозяйственное назначение. Факт отсутствия в жилищах отопительных сооружений фиксируется на ряде пеньковских поселений Днепровского Левобережья (Гавритухин, Обломский, 1996, с. 114–115). Собственно, отопление этих построек могло производиться при помощи каких-либо переносных отопительных приспособлений типа жаровен, неоднократно фиксирующихся на памятниках более позднего времени (Кравченко, 2020, с. 94). В качестве них могли использоваться крупные сковороды или тазы, близкие предмету, обломки которого были выявлены в помещении 5 (рис. 12: 4).

Обращает внимание, что на рассматриваемом поселении все хозяйственные ямы находились на восточной окраине селища (раскоп 27), за пределами построек. Подобная ситуация, когда хозяйственные сооружения сконцентрированы на одном участке памятника,

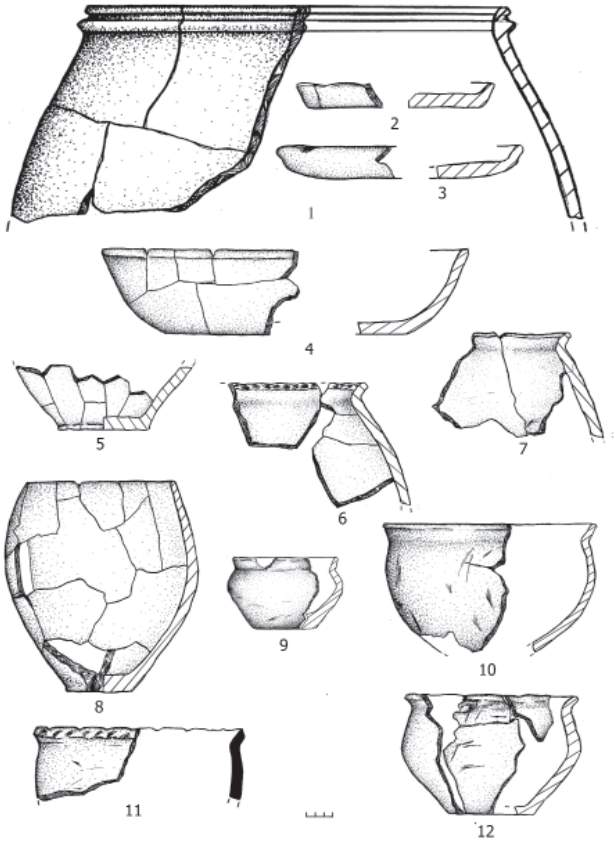

Рис. 12. Раскоп 29, помещение 5 – керамика.
Fig. 12. Excavation 29, room 5 – ceramics.

также встречается на пеньковских поселениях (Приходнюк, 1998, с. 22).

Таким образом, в устье Ложникова Яра проживала одна небольшая община. Хронологические рамки существования поселения позволяет определить выявленный в комплексах археологический материал. Ряд котлованов содержал мало находок, что усложняет вопрос их датировки. Наиболее ранние помещения были выявлены в центральной части террасы, в раскопе 26. К ним относятся помещения 3 и 5 этого раскопа. Размеры и форма помещения 3, его конструктивные особенности (наличие столба и открытого очага в центральной части котлована) сближают его с сооружениями киевской культуры и ранними пеньковскими жилищами (Горюнов, 1981, с. 37; Памятники…, 2007, с. 19–20; Приходнюк, 1998, с. 25; Гавритухин, Обломский, 1996, с. 114). В котловане помещения 3 находилось достаточно много лепной керамики, в том числе фрагмент пеньковского зерновика. Присутствовал здесь и фрагмент гончарного лощеного сероглиняного сосуда.

Помещение 3 находилось в стратиграфической связке с расположенным восточнее помещением 5 (Кравченко, Швецов, 1990, Табл. 7). Указанные котлованы имели близкую глубину и располагались параллельно друг другу, соприкасаясь краями. При зачистке прослежено, что помещение 5 было прорезано помещением 3, то есть было более ранним. В пользу ранней датировки помещения 5 свидетельствует и факт наличия в его котловане биконического пряслица с усеченными основаниями (рис. 3: 6).

К числу поздних сооружений относятся постройки, выявленные в раскопах 27 и 29.

В раскопе 27, в котловане помещения 3, обнаружены два развала сосудов, один из которых – приземистый горшок S-видного профиля (рис. 8: 4) – по своей форме стоит ближе к керамике более позднего периода.

В раскопе 29 жилище имело в качестве отопительного сооружения печь-каменку, сделанную из обломков ручной мельницы и фрагментов керамических сосудов, которыми была выложена ее внутренняя часть. На пеньковских памятниках Днепровского Левобережья данный тип отопительного сооружения встречается редко. Куда чаще печи фиксируются на территории Среднего Поднепровья (Гавритухин, Обломский, 1996, с. 115). Мельницу, из обломков которой был сложен корпус печи, по классификации Р.С. Минасяна, можно отнести к III группе (Минасян, 1978, с. 108–109). По своей конструкции она близка ручным мельницам, широко представленным на салтовских памятниках (Михеев, 1985, с. 77–78, рис. 27; Давыденко, Гриб, 2011, с. 255–256, рис. 11: 1, 12: 1–2; Колода, Горбаненко, 2002, с. 458–460, рис. 6: 1–3, 5–14). Тем не менее за счет характерной формы бегунка данный предмет отличается от салтовских ручных мельниц, верхние камни которых обычно более тонкие, а внешняя поверхность гораздо лучше обработана. Вероятно, рассматриваемый нами предмет представляет раннюю форму мельниц, широко представленных на поселениях салтово-маяцкой культуры.

Обрезок оленьего рога, найденный в помещении 5 раскопа 29, имеет следы обработки. Его острый край заполирован, а на тыльном конце присутствуют следы пиления, свидетельствующие, что эту часть собирались отрезать (рис. 11: 4). По всем признакам указанный рог представляет собой заготовку

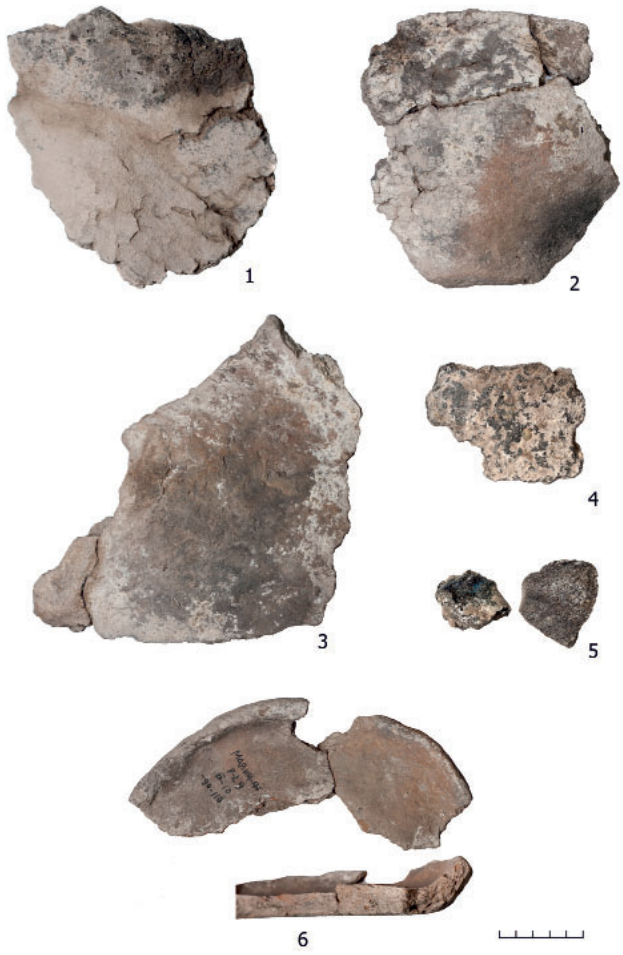

Рис. 13. Раскоп 29, помещение 5, керамика:
1-5 – фрагменты из конструкции печи, подвергшиеся деформации; 6 - фрагмент сковороды.
Fig. 13. Excavation 29, room 5, ceramics:
1-5 – deformed structural fragments of a furnace, 6 –fragment of a frying pan.

так называемого «острия» – предмета, находящего многочисленные параллели в салтовских древностях (Флерова, 2001, с. 71–73). Для памятников пеньковской культуры они, как будто, не характерны. Рог был выявлен у дна котлована вместе с многочисленной пеньковской керамикой. Более того, он найден за пределами участка, где часть котлована помещения 5 была повреждена постройкой более позднего времени, то есть случайное попадание этого предмета в котлован жилища исключено.

К датирующим предметам относится и обломок головки пальчатой фибулы т. н. «постготского» или «днепровского» типа, найденный в раскопе 29. Подобные предметы имеют достаточно широкий ареал распространения и хронологические рамки бытования. Их верхняя дата не выходит за пределы VII века (Гавритухин, Приймак, 2001–2002; Гавритухин, Обломский, 1996, с. 36). К сожалению, определить разновидность данного экземпляра по имеющемуся фрагменту представляется затруднительным. Вероятно, следует учитывать и тот факт, что предмет был найден в заполнении котлована помещения 3 эпохи развитого Средневековья, куда он мог попасть, как из пеньковской постройки 5, край которой прорезал это помещение, так и с прилегающего к ней участка, то есть из культурного слоя.

Таким образом, время существования поселения определяется V–VII веком, вероятно, вплоть до конца указанного столетия. Каких-либо явных материалов 1 половины VIII века в изученных комплексах обнаружено не было. При этом, в культурных напластованиях раскопа 27 присутствуют находки достаточно архаичной салтово-маяцкой посуды (рис. 8: 5), а в раскопе 29 (квадрат Б-10) обнаружен фрагмент лепного слабопрофилированного горшка, орнаментированного пальцевыми вдавлениями по краю отогнутого наружу венчика (рис. 11: 8; 12: 11). По своему виду он имеет сходство с лепной керамикой поселения «Полное» хазарского времени (Прокофьев, 2007, с. 218, рис. 5). Все это свидетельствует в пользу того, что на поселении могут присутствовать древности 1 половины или середины VIII века.

Рассматриваемое нами поселение, как и группа памятников, в которую оно входило, функционировало в отрезок времени, предельно насыщенный историческими событиями. Существование на граничащей со степью территории группы неукрепленных поселений в столь сложный исторический период, каким являлась эпоха Великого переселения народов, было невозможно без мирных или союзнических отношений с населением, под контролем которого находился в это время степной регион. О наличии у населения пеньковской культуры контактов со степняками неоднократно упоминалось авторами. О них свидетельствуют находки на пеньковских памятниках вещей степного происхождения, а также присутствие в степи материалов, связанных с пеньковским населением (Гавритухин, Обломский, 1996, с. 121–122; Швецов, 2018 б). На поселениях пеньковской культуры изредка встречаются остатки юртообразных построек (Гавритухин,

Обломский, 1996, с. 115, 122; Приходнюк, 1998, с. 25–27), которые были зафиксированы и на расположенном неподалеку поселении Старица/Богородичное 1 (Швецов, 2018 б, с. 176). Полиэтничное население, проживавшее на пеньковских памятниках, большинство исследователей связывает с племенами антов, упоминаемых византийскими источниками. Точки зрения различных авторов об отношениях антов с Великой Булгарией Кубрат-хана, о процессе формирования этого населения, о преобладании в его составе славянского либо неславянских, этнических компонентов являются предметом дискуссии (см. Гавритухин, Обломский, 1996, с. 108–111, 141–148; Приходнюк, 1998, с. 13–20 и другие).

При всем этом наличие в среднем течении Северского Донца группы памятников, существовавших как в эпоху Великого переселения народов, так и в следующее за ней хазарское время, представляет существенный интерес. Исследователями неоднократно отмечалось, что на поселениях салтово-маяцкой культуры Доно-Донецкого региона присутствуют следы славянского влияния (Плетнева, 1962; Колода, 1999, с. 71; Апареева, Красильников, 2001, с. 301; Красильников, 2001, с. 320; Прокофьев, 2007; Кравченко, 2020, с. 80–81, 138; 2022). По мнению авторов, в VIII–IX веках «этническая ситуация в степном Подонцовье характеризуется определенной смешанностью этнокультурных традиций, включающих в себя 4–5 этносов. Это прежде всего праболгары как основное ядро населения салтово-маяцкой культуры, затем прослеживаются следы аланского населения, признаки славян, компонент среднеазиатского этноса и, наконец, тюркоязычных кочевников» (Апареева, Красильников, 2001, с. 301).

Особенно четко следы славянского влияния проявляются в домостроительстве. На салтовских памятниках региона достаточно часто встречаются печи-каменки и глинобитные печи[14], широко распространенные на славянских землях. Корпус печей-каменок зачастую был сложен из нетермостойкого известняка, а топка изнутри вымощена керамическими фрагментами, уложенными на глиняную основу (Кравченко, 2020, с. 80). По своим конструктивным особенностям указанные печи имеют значительное сходство с описанной выше печью из пеньковского жилища, расчищенного в раскопе 29 на селище 3 археологического комплекса Маяки. Интерес представляет присутствие в регионе полуземлянок с характерным положением печи, находящейся при входе в постройку, с топкой, развернутой поперек этого входа (Кравченко, 2020, с. 71). Из прочего материала привлекают внимание лепные вотивы, достаточно часто встречающиеся на салтовских памятниках региона. Некоторые из них копируют формы салтовских сосудов (Кравченко, 2020, с. 96, рис. 175: 6). Тем не менее большая часть этих сосудиков не отличима от вотивов пеньковской культуры (Кравченко, 2020, с. 96, рис. 175: 1–5, 7–9).

Указанные данные свидетельствуют о том, что в хазарское время на рассматриваемых территориях наряду с болгарами, аланами и прочими этносами проживало славянское население. Его влияние вполне объяснимо на памятниках лесостепи, прилегающих к территориям, в пределах которых происходило формирование славянских культур. Тем не менее влияние славян достаточно четко прослеживается и в среднем течении Северского Донца, на поселениях буферной зоны между степью и лесостепью и даже на граничащих с этой зоной степных просторах. Показательно, что на многих поселениях, находящихся в пределах этой территории, напластования хазарского времени подстилаются слоем пеньковской культуры[15].

На основании имеющегося в распоряжении археологического материала ныне трудно говорить о том, как попали в среднее течение Северского Донца носители славянской традиции. Возможно, данное население переместилось (или было перемещено) из заселенных славянами лесостепных территорий уже в период существования Хазарского каганата (Прокофьев, 2007, с. 223). При этом не следует исключать и того, что носителями этой традиции могло являться автохтонное население, проживавшее в эпоху Великого переселения народов в буферной со степью зоне, которое было поглощено выходцами из Степи и Северокавказского региона, пришедшими на рассматриваемые нами земли в VIII веке. Так или иначе, славянское население вместе с аланами, булгарами и другими тюркскими группами приняло участие в формировании этнического облика жителей Доно-Донецкого региона хазарского времени и наложило свой отпечаток на их яркую и самобытную материальную культуру.

Примечания:

[1] Проводились экспедицией «Славутич» под руководством Д.Я. Телегина (Институт археологии АН УССР). В работах принимали участие сотрудник ДОКМ С.М. Дегерменджи, краеведы из г. Славянска А.И. Духин и А.В. Шамрай, а также автор данной работы.

[2] Поселения в урочище Панский Луг (рис. 1: 3) и Выдылыха (рис. 1: 2). Оба памятника находятся близ села Богородичное Славянского района Донецкой области. Панский Луг в литературе известен, как поселение в урочище «Старица» (Телегин, Духин, Кравченко, 1997, с. 145) или «Богородичное 1» (Приходнюк, 1998). Поселение Выдылыха повторно (после Н.В. Сибилева) открыто А.И. Духиным в 70-х годах XX века.

[3] У города Святогорск Донецкой области

[4] Близ хутора Пасека Изюмского р-на на границе Харьковской и Донецкой областей.

[5] Близ поселка Райгородок Славянского района Донецкой области.

[6] Окрестности Дробышевского лесничества Краснолиманского района Донецкой области.

[7] Из перечисленных выше памятников наиболее полно были опубликованы лишь результаты раскопок 1989 года на поселении Старица (Приходнюк, 1998; Обломский, 2002; Памятники киевской культуры, 2007; Швецов, 2018 б).

[8] Руководитель С.Н. Братченко.

[9] О.М. Приходнюк показывает восточную границу ареала распространения памятников пеньковской культуры чуть восточнее течения реки Оскол (Приходнюк, 1998, рис. 1: 1-2). В тексте указывается, что крайним юго-восточным памятником является поселение у села Богородичное (Приходнюк, 1998, с. 21).

[10] В работе приводится двойная нумерация раскопов. Первоначально авторами, работавшими на разных участках археологического комплекса, применялась собственная нумерация, что вызвало немалую путаницу, так как раскопы имели одинаковые номера. Попытка унифицировать нумерацию раскопов была произведена автором в 2008 году (Кравченко, 2008, с. 3-4, рис. 1). Здесь вначале даны номера, под которыми раскопы, фигурируют в отчетах исследователей. За чертой, приводятся номера, согласно общей их нумерации.

[11] На различных участках селища, за счет природных аллювиальных и делювиальных процессов, а также последствий хозяйственной деятельности человека, вызвавшей всевозможные повреждения культурных напластований, уровень залегания слоя с пеньковской керамикой несколько отличался. Указанные глубины являются отметками, сделанными на не поврежденных участках селища.

[12] Все глубины даются от современной поверхности. Отметки, произведенные от репера, указаны отдельно.

[13] Исследования на данном участке были связаны со строительством насосной станции. Этим был обусловлен ряд сложностей, возникших при их проведении. В связи с большим объемом работ, раскопки начались еще осенью 1990 года. Они носили ограниченный характер – на части площади раскопа велась разборка верхних слоев. В зимний период, когда археологические исследования были приостановлены, строители, без ведома исследователей, возобновили земляные работы: - на некоторых участках при помощи бульдозера был снят верхний слой грунта. В результате, часть комплексов полностью прослежена не была. Далее, работы пришлось вести параллельно со строителями, что отразилось на качестве полевой документации.

[14] Последние встречаются реже.

[15] В плане этого интерес представляет вопрос о верхней дате пеньковских древностей, который неоднократно поднимался авторами (см. Гавритухин, Обломский, 1996, с.119-120, 129-130). О.М. Приходнюк считал, что верхняя граница существования пеньковской культуры не выходит за конец VII века (Приходнюк, 1998, с. 40-60). В более поздней своей работе он допускал, что потомки пеньковского населения существовали и в начале VIII столетия (Приходнюк, 2001, с. 60). По мнению Е.А. Горюнова «верхняя граница пеньковской культуры приходится на конец VII – начало VIII вв., т.е. соответствует времени зарытия большинства «антских» кладов и гибели Пастырского поселения» (Горюнов, 1981, с. 81). Началом VIII века датировал верхнюю границу существования пеньковских древностей М.В. Любичев (Любичев, 1994, с. 129-134). Близкой точки зрения придерживался М.Л. Швецов (Швецов, 2018 б, с. 177).

ЛИТЕРАТУРА

Апареева Е.К., Красильников К.И. Славянские признаки у праболгар Среднедонечья // Актуальні проблеми вітчизняної і всесвітньої історії. Матеріали І Всеукраїнськоїнаукової конференції. Луганськ, 2001. С. 297–301.

Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст / РСМ. Вып. 3 / Ред. Г.Е. Афанасьев, И.П. Русанова. М.: ИА ПАН, 1996. 296 с.

Гавритухин И.О., Приймак В.В. Пальчатая фибула из Малой Рыбицы // Stratum Plus. 2001-2002. № 5. С. 91–99.

Горюнов Е.А. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л.: Наука, 1981. 136 с.

Давыденко В.В., Гриб В.К. «Государев Яр» - новый памятник X-XI вв. в среднем течении Северского Донца (предварительная публикация) // Археологический альманах. № 25 / Гл. ред. А.В. Колесник. Донецк: Бытсервис, 2011. С. 25–269.

Колесник А.В., Подобед В.А., Дедов В.Н., Литвиненко Р.А. О работах археологической экспедиции ЭТО «Фонд» при Донецком отделении Украинского фонда культуры в 1989 г. // НА ИА НАНУ. 1989/239.

Колода В.В. Раннесредневековые жилища Верхнего Салтова // Проблемы археологии Украины. Тезисы докладов научной конференции (21-23 октября 1999 г.). Харьков: ХГУ,1999. С. 70–71.

Колода В.В., Горбаненко С.А. К вопросу о средневековом земледелии (по материалам Верхнесалтовского археологического комплекса) // Stratum Plus. 2001–2002. № 5. С. 448–465.

Красильников К.И. Новые данные об этническом составе населения степного Подонцовья VIII – нач. X вв. // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2 / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2001. С. 303–322.

Кравченко Э.Е. Памятники начала нашей эры в среднем течении р. Северский Донец // Исследования по средневековой археологии Евразии / Отв. ред. К.А. Руденко. Казань: Школа, 2012. С. 142–153.

Кравченко Э.Е., Петренко А.Н., Шамрай А.В. Отчет об исследованиях на археологическом комплексе Маяки в 2008 году // Архив ИА НАНУ № 2008/82.

Кравченко Э.Е., Швецов М.Л. Отчет об археологических спасательных исследованиях на памятнике Царином городище в 1990 году // Архив ИА НАНУ № 1990/188.

Кравченко Э.Е., Цимиданов В.В., Кузин В.И. Отчет о работах археолого-этнографической экспедиции Донецкого областного краеведческого музея в Славянском районе в 1998 г. // Архив ИА НАНУ №1998/101.

Кравченко Э.Е., Цимиданов В.В., Шамрай А.В., Мирошниченко В.В., Петренко А.Н. Отчет о работах средневековой археологической экспедиции ДОКМ в 2005 г. // Архив ИА НАНУ №2005/25.

Красильников К.И., Тельнова Л.И. Грунтовый могильник у пос. Новодачное // Древности Подонцовья. Луганск, 1997. С. 66–80.

Любичев М.В. Контакты славян Днепро-Донецкого междуречья и населения Северо-Западной Хазарии в конце VII – начале VIII вв. // Древности. Т. 1 / Глав. ред. В.И. Кадеев. Харьков: Бизнес-Информ, 1994. С. 87–100.

Минасян Р.С. Классификация ручного жернового постава (по материалам Восточной Европы I тысячелетия н.э.) // СА. 1978. № 3. С. 101–113.

Михеев В.К. Отчет об археологических раскопках поселения у с. Маяки в 1964 г. // НА ИА НАНУ №1964/28

Михеев В.К. Отчет об археологических разведках и раскопках Средневековой археологической экспедиции Харьковского госуниверситета за 1972 г. // НА ИА НАНУ. 1972/79.

Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков: ХГУ, 1985. 147 с.

Обломский А.М. Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время (середина III – первая половина V в. н. э.) / РСМ. Вып. 5. М.: Наука, 2002. 255 с.

Обломский А.М. Материалы рубежа нашей эры на городище Битица в Сумской области (раскопки 1984-1986 гг.) и некоторые проблемы позднескифской археологии Лесостепного Поднепровья // Археологическое наследие. 2020. № 1 (3). С. 377–392.

Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н.э.) / РСМ. Вып. 10 / Отв. ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2007. 320 с.

Сібільов М.В. Старовинності Ізюмщини. Вип. 4. Ізюм, 1928.

Плетнева С.А. О связях алано-болгарских племен Подонья со славянами в VIII-IX вв. // СА. 1962. № 1. С. 83–94.

Приходнюк О.М. Пеньковская культура (Культурно-археологический аспект исследования). Воронеж: Воронеж. ун-т, 1998. 170 с.

Приходнюк О.М., Швецов М.Л. Отчет о работе Славянской экспедиции в 1989 г. / Архив ИА НАНУ № 1989/3.

Прокофьев Р.В. Поселение IX века на левобережье Северского Донца // Средневековые древности Дона: Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. II / Отв. ред. Ю.К. Гугуев. М.; Иерусалим: Гешарим, 2007. С. 215–239.

Телєгін Д.Я., Кравченко Е.Є., Духін О.Й. „Звіт про роботу на території Донецької обл. в 1983”// НА ИА НАНУ 1983/19а.

Телегін Д.Я., Духін О.Й., Кравченко Е.Є. Обстеження поселень епохи міді-бронзи і раньослов’янського часу на Сіверському Дінці // Археологія. 1997. № 2. С. 143–147.

Цимідanов В.В., Полідович Ю.Б. Охоронні дослідження у м. Святогірськ Донецької області у 2004 р. // НА ІА НАНУ 2004/235.

Флёрова В.Е. Резная кость Юго-востока Европы IX–XII веков: искусство и ремесло. По материалам Саркела-Белой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа. СПб.: Алетейя, 2001. 352 с.

Хозин С.Р. Гунно-сарматское поселение Святогорск X в среднем течении Северского Донца // Святогірський альманах 2007 / Отв. ред. П.В. Добров. Донецк: Донбасс, 2007. С. 69–74.

Швецов М.Л. Взаимоотношения степного и лесостепного населения в эпоху средневековья (на примере Подонцовья - Приазовья) // Евразийская степь и Донбасс в эпоху средневековья / Ред. М.Г. Крамаровский и др. Донецк: Донецкий Центр института востоковедения им. А. Крымского, 2018а. С. 117–121.

Швецов М.Л. Новогригорьевское погребение и этническая ситуация в Приазовье IV-VIII вв. // Евразийская степь и Донбасс в эпоху средневековья / Ред. М.Г. Крамаровский и др. Донецк: Донецкий Центр института востоковедения им. А. Крымского, 2018б. С. 172–184.

Швецов М.Л. Праболгары Подонцовья и Приазовья VII-XIII вв. – вопрос государственности? // Евразийская степь и Донбасс в эпоху средневековья / Ред. М.Г. Крамаровский и др. Донецк: Донецкий Центр института востоковедения им. А. Крымского, 2018в. С. 185–208.

Информация об авторе:

Кравченко Эдуард Евгеньевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела археологии «Института истории и археологии Византии и Причерноморья», доцент кафедры «Археология», Севастопольского государственного университета (г. Севастополь, Россия); sidae@mail.ru

REFERENCES

Apareeva, E. K., Krasilnikov, K. I. 2001. In *Aktual'ni problemi vitchiznyanoï i vsesvitn'oï istoriï. Materiali I Vseukraïns'koïnaukovoï konferentsiï (Current issues of national and world history. Proceedings of the first All-Ukrainian Scientific Conference).* Lugansk, 297–301 (in Russian).

Gavritukhin, I. O., Oblomsky, A. M. 1996. In *Gaponovskiy klad i ego kul'turno-istoricheskiy kontekst (Gaponovo Hoard and its cultural and historical Context).* Series: Ranneslavianskii mir. Arkheologiia slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 3. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Gavritukhin, I. O., Priymak, V. V. 2001–2002. In *Stratum Plus* (5), 91–99 (in Russian).

Goryunov, E. A. 1981. *Rannie etapy istorii slavyan Dneprovskogo Levoberezh'ya (The early stages of the history of the Slavs on the left bank of the Dnieper).* Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).

Davydenko, V. V., Grib, V. K.. 2011. In Kolesnik, A. V. (ed.). A*rkheologicheskii al'manakh (Archaeological almanac)* 25. Donetsk: “Bytservis” Publ., 25–269 (in Russian).

Kolesnik, A. V., Podobed, V. A., Dedov, V. N., Litvinenko, R. A. 1989. *O rabotakh arkheologicheskoy ekspeditsii ETO «Fond» pri Donetskom otdelenii Ukrainskogo fonda kul'tury v 1989 g. (About the work of the archaeological expedition of ETO Foundation under the Donetsk Branch of the Ukrainian Cultural Foundation in 1989).* Research Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. No. 1989/239 (in Russian).

Koloda, V. V. 1999. In *Problemy arkheologii Ukrainy. Tezisy dokladov nauchnoy konferentsii (21-23 oktyabrya 1999 g.) (Issues of Ukraine Archaeology. Abstracts of the Scientific Conference (October 21-23, 1999)).* Kharkiv: Kharkiv State University, 70–71 (in Russian).

Koloda, V. V., Gorbanenko, S. A. 2001–2002. In *Stratum Plus* (5), 448–465 (in Russian).

Krasilnikov, K. I. 2001. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov’ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 2. Donetsk: Donetsk National University, 303–322 (in Russian).

Kravchenko, E. E. 2012. In Rudenko, K. A. (ed.). *Issledovaniia po srednevekovoi arkheologii Evrazii (Studies in Medieval Archaeology of Eurasia)*. Kazan: “Shkola” Publ., 142–153 (in Russian).

Kravchenko, E. E., Petrenko, A. N., Shamray, A. V. 2008. *Otchet ob issledovaniyakh na arkheologicheskom komplekse Mayaki v 2008 godu (Report on the study of Mayaki Archaeological Complex in 2008).* Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. No. 2008/82 (in Russian).

Kravchenko, E. E., Shvetsov, M. L., 1990. *Otchet ob arkheologicheskikh spasatel'nykh issledovaniyakh na pamyatnike Tsarinom gorodishche v 1990 godu (Report on archaeological rescue studies at Tsarinoye Gorodishche monument in 1990).* Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. No. 1990/188 (in Russian).

Kravchenko, E. E., Tsimidanov, V. V., Kuzin, V. I., 1998. *Otchet o rabotakh arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii Donetskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya v Slavyanskom rayone v 1998 g. (Report on the activities of the Archaeological and Ethnographic Expedition of the Donetsk Regional Museum of Local Lore in Slavyansk district in 1998)*. Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. No. 1998/101 (in Russian).

Kravchenko, E. E., Tsimidanov, V. V., Shamray, A. V., Miroshnichenko, V. V., Petrenko, A. N. 2005. *Otchet o rabotakh srednevekovoy arkheologicheskoy ekspeditsii DOKM v 2005 g (Report on the activities of the Medieval Archaeological Expedition of the Donetsk Regional Museum of Local Lore in 2005).* Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. No. 2005/25 (in Russian).

Krasilnikov, K. I., Tel'nova, L. I. 1997. In *Drevnosti Podontsov'ya (Antiquities of the Don Region)*. Lugansk, 66–80 (in Russian).

Lyubichev, M. V. 1994. In Kadeev, V. I. (ed. in chief). *Drevnosti (Antiquities)* 1. Kharkov: "Biznes-Inform" Publ., 87–100 (in Russian).

Minasyan, R. S. 1978. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 101–113 (in Russian).

Mikheev, V. K. 1964. *Otchet o arkheologicheskikh raskopkhakh poseleniia u sela Maiaki v1964 g. (Report on Archaeological Excavations at a Settlement near Mayaki Village in 1964).* Research Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. No. 1964/28 (in Russian).

Mikheev, V. K. 1972. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh i raskopkakh Srednevekovoy arkheologicheskoy ekspeditsii Khar'kovskogo gosuniversiteta za 1972 g* (*Report on archaeological exploration and excavations of the Medieval Archaeological Expedition of Kharkov State University in 1972*). Scientific Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. 1972/79 (in Russian).

Mikheev, V. K. 1985. *Podon'e v sostave Khazarskogo kaganata (The Don Region in Khazar Khaganate)*. Kharkiv: Kharkiv State University (in Russian).

Oblomsky, A. M. 2002. *Dneprovskoe lesostepnoe Levoberezh'e v pozdnerimskoe i gunnskoe vremya (seredina III – pervaya polovina V v. n. e.) (Dnieper forest–steppe Left Bank in the Late Roman and Hunnic periods (mid-3rd - first half of the 5th century AD)).* Series: Ranneslavianskii mir. Arkheologiia slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 5. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Oblomsky, A. M. 2020. In *Arkheologicheskoe nasledie (Archaeological Heritage)* 3 (1), 377–392 (in Russian).

Oblomsky, A. M. (ed.). 2007. *Pamyatniki kievskoy kul'tury v leso-stepnoy zone Rossii (III – nachalo V v. n.e.) (Russian Forest-steppe zone Kiev culture archaeological sites (3rd – early 5th cent. A.D.)*. Series: Ranneslavianskii mir. Arkheologiia slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 10. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Sibil′ov, M. V. 1928. *Starovinnosti Izyumshchini (Antiquity Of Izyum Region)* 4. Izyum (in Ukrainian).

Pletneva, S. A. 1962. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 83–94 (in Russian).

Prikhodnyuk, O. M. 1998. *Pen'kovskaya kul'tura (Kul'turno-arkheologicheskiy aspekt issledovaniya (Penkov culture (Cultural and archaeological aspect of the study. Voronezh)* Voronezh: Voronezh State University Publ. (in Russian).

Prikhodnyuk, O. M., Shvetsov, M. L. 1989. *Otchet o rabote Slavyanskoy ekspeditsii v 1989 g. (The report of the Slavic Expedition' s work in 1989)* Scientific Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. № 1989/3 (in Russian).

Prokof'ev, R. V. 2007. In Guguev, Yu. K. (ed.). *Srednevekovye drevnosti Dona: Materialy i issledovaniya po arkheologii Dona (Medieval antiquities of the Don: Materials and studies on the Archaeology of the Don)* 2. Moscow; Jerusalem: "Gesharim" Publ., 215–239 (in Russian).

Telegin, D. Ya., Kravchenko, E. E., Dukhin, O. I. 1983. *Zvit pro robotu na teritorii Donets'koï obl. v 1983 (Report on work in the Donetsk region in 1983)*. Scientific Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. 1983/19a (in Ukrainian).

Telegin, D. Ya., Dukhin, O. I., Kravchenko, E. E. 1997. In *Arkheologiya (Archaeologiya)* (2), 143–147 (in Russian).

Tsymidanov, V. V., Polidovich, Yu. B. 2004. *Okhoronni doslidzhennya u m. Svyatogirs'k Donets'koï oblasti u 2004 r. (Conservation Research in Svyatogorsk, Donetsk region, in 2004).* Scientific Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. 2004/235 (in Ukrainian).

Flerova, V. E. 2001. *Reznaia kost' iugo-vostoka Evropy IX–XII vv. Iskusstvo I remeslo: (Po materialam Sarkela-Beloi Vezhi iz kollektsii Gosudarstvennogo Ermitazha) (South-East European Carved Bone in 9th – 12th Centuries. The Art and the Craft: (According to materials from Sarkel-Belaya Vezha from the collection of State Hermitage Museum))*. Saint Petersburg: "Aleteiia" Publ. (in Russian).

Khozin, S. R. 2007. 2007. In Dobrov, P. V. (ed.) *Sviatogirs'kii al'manakh 2007 (Sviatogorsk Almanac 2007).* Donetsk: "Donbass" Publ., 69–74 (in Russian).

Shvetsov. M. L. 2018. In Kramarovsky, M. G. (ed.). *Evraziyskaya step' i Donbass v epokhu srednevekov'ya (The Eurasian Steppe and Donbass in the Middle Ages).* Donetsk: Donetsk Center of the A. Krymsky Institute of Oriental Studies, 117–121 (in Russian).

Shvetsov. M. L. 2018. In Kramarovsky, M. G. (ed.). *Evraziyskaya step' i Donbass v epokhu srednevekov'ya (The Eurasian Steppe and Donbass in the Middle Ages).* Donetsk: Donetsk Center of the A. Krymsky Institute of Oriental Studies, 172–184 (in Russian).

Shvetsov. M. L. 2018. In Kramarovsky, M. G. (ed.). *Evraziyskaya step' i Donbass v epokhu srednevekov'ya (The Eurasian Steppe and Donbass in the Middle Ages).* Donetsk: Donetsk Center of the A. Krymsky Institute of Oriental Studies, 185–208 (in Russian).

About the Author:

Kravchenko Eduard E. Candidate of Historical Sciences, Sevastopol State University. Universitetskaya, str. 33, 299053, Sevastopol, Russian Federation; sidae@mail.ru

Статья поступила в журнал 06.09.2023 г.
Статья принята к публикации 26.12.2024 г.

УДК 94(477.7) "11-13" 1 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.5.51.61

СТЕРЖНИ С ПОДВИЖНЫМИ КОЛЬЦАМИ НА ПОЛОВЕЦКИХ ИЗВАЯНИЯХ: НОВАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ[1]

© 2025 г. Т.М. Потемкина

Статья посвящена новой интерпретации заостренных стержней с подвижными кольцами, которые иногда изображены на поясе половецких изваяний. В 1974 г. С.А. Плетнева отождествила заостренные стержни с плетьми и отнесла их к разделу оружия. Автор показывает, что реальные плети выглядят совершенно иначе, чем указанные предметы. Основываясь на многочисленных аналогиях, сделаны выводы, что на половецких скульптурах изображены бытовые многофункциональные вещи, которые могли использоваться кочевниками, скорее всего, в качестве кочедыков, «однозубых вилок», проколок мягких материалов, возможно, кудельных булавок и прочее. Подобные предметы в эпоху средневековья были широко распространены не только в кочевой степи, но и на территории Руси, Волжской Булгарии, а также в Швеции, восточной Прибалтике и Польше.

Ключевые слова: археология, половецкие изваяния, заостренные стержни с подвижными кольцами, плети, многофункциональные предметы, средневековые кочевники.

RODS WITH MOVABLE RINGS ON POLOVTSIAN SCULPTURES: A NEW INTERPRETATION[2]

T.M. Potyomkina

The paper considers a new interpretation of pointed rods with movable rings, which are sometimes depicted on the belts of Polovtsian sculptures. In 1974, S.A. Pletneva identified pointed rods with whips and attributed them to the weapons. The author shows that the appearance of actual whips is completely different from that of the specified items. Based on numerous analogies, it is concluded that the Polovtsian sculptures depict multifunctional household items that could have been used by nomads, most likely as pickaxes, 'single-pronged forks', piercers for soft materials, possibly tow pins, and so on. In the Middle Ages, such items were widespread not only in the nomadic steppe, but also in Russia, Volga Bogaria, as well as in Sweden, the eastern Baltic States and Poland.

Keywords: archaeology, Polovtsian sculptures, pointed rods with movable rings, whips, multifunctional items, medieval nomads

Половецкие каменные изваяния Восточной Европы – особый тип археологического источника, предмет междисциплинарных исследований. Корпус этих памятников уже много лет привлекает внимание исследователей, основная информация представлена в серии сводок (Плетнева, 1974; Крылова, 1976; Гераськова, 1991; Красильников, 1999; Красильников, Тельнова, 2000; Нарожный, 2003; Демідко, 2014; и др.). Дальнейшая разработка проблематики связана с публикацией новых материалов, критической оценкой прежних публикаций, развитием типологии и хронологии этих памятников, этнографических особенностей отдельных территориальных групп, семантических аспектов и др. (Ларенок, 2001; Пантелеев, 2011; Пилипенко, 2012; Прокофьев, Прокофьева, 2012; Онищенко, Бороденко, 2018; Потемкина, 2024; Лопатин, Лопатина и др., 2024).

По-прежнему важное значение имеет анализ аксессуаров убранства на изваяниях. Половецкая скульптура, несмотря на канонизацию характера изображения, фактически часто является персонифицированным образом с фиксированным семантическим статусом каждой детали. Определенную нагрузку в этом плане несет пояс и связанные с ним предметы. На так называемых «круглых статуях» развитого периода (XII – 1-я треть

[1] Работа выполнена в рамках государственной бюджетной темы «Актуальные проблемы древней и средневековой истории и археологии Донбасса» (рег. № 124012400356-4).

[2] The work was carried out within the framework of the state budget topic "Actual Problems of Ancient and Medieval History and Archaeology of Donbass" (Reg. No. 124012400356-4).

Рис. 1. Стержни с кольцами на половецких изваяниях: 1 – рисунки «плетей» (Плетнева, 1974, рис.9, 20-25); 2 – изваяние из станицы Старолеушковская, Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына, Краснодар (фото А.В. Евглевского); 3 – изваяние из села Ступки, ГИМ, Москва (фото А.В. Евглевского).

Fig. 1. Rods with rings on Polovtsian sculptures: 1 – drawings of 'whips' (Pletneva, 1974, Fig. 9, 20-25); 2 – sculpture from Staroleushkovskaya village, Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Reserve named after E.D. Felitsyn, Krasnodar (photo by A.V. Evglevsky); 3 – sculpture from Stupki village, State Historical Museum, Moscow (photo by A.V. Evglevsky).

XIII вв.) практически всегда есть изображение различных предметов, подвешенных к поясу. Это бытовые вещи (на мужских и женских скульптурах) и предметы наступательного вооружения (на мужских статуях). Наше внимание привлекла вещь, изображение которой встречается и на мужских, и на женских скульптурах (рис. 1). С.А. Плетнева (а вслед за ней и другие авторы) называет ее плетью (Плетнева, 1974, с. 31, 49, рис. 9, *20–25*, 20, *21*; Чхаидзе, 2016, с. 353) и относит к разделу оружия. Исследовательница отмечает: «предметы, которые мы считаем возможным отождествить с плетками, выглядят длинными, узкими, заостренными книзу, прямыми или витыми (с насечкой) полосами с кольцом в верхнем конце» (Плетнева, 1974, с. 31).

Однако заостренный стержень с подвижным кольцом, отождествленный С.А. Плетневой с плетью, по нашему мнению, таковой не является. Цель статьи – предложить новую интерпретацию данных предметов, изображенных на половецких изваяниях. Среди тщательно изученных фотографий и рисунков 907 «круглых» скульптур из публикаций, археологических отчетов и музейных коллекций заостренный стержень с кольцом зафиксирован всего лишь на 31 статуе: 9 – на женских, 23 предмета – на 22 мужских. Все женские изваяния стоящие. Стержни на них располагались слева (6) и справа (3). Три из них были подвешены за кольцо, пять – за петлю в верхней части стержня. Одно изображение (шахта «Трудовская», г. Донецк), отмеченное С.А. Плетневой в 1974 г., к сожалению, на данный момент почти полностью отслоилось. В группу 22 мужских скульптур одна включена условно, поскольку от изваяния сохрани-

лась лишь нижняя часть (ноги с постаментом). Стоящих – 16, сидящих – одна, полусидящих – четыре, вид фигуры не установлен – одна. Стержни подвешены к поясу слева – 10, справа – 13 (в том числе на одном изваянии два стержня расположены на тыльной стороне справа). Из 23 предметов подвешены за кольцо – три, не установлено – два, изображен без кольца один стержень, остальные подвешены за петлю в верхней части (табл. 1).

Подвижные кольца, вдетые в петлю на верхнем конце стержня, в основном (20 экз.) небольшие, диаметром примерно 2,5–4 см. Девять колец достаточно крупные, диаметром примерно 5–6 см. Один стержень, как указывалось выше, изображен без кольца.

Возникает закономерный вопрос: почему эти заостренные стержни с кольцом были отождествлены с плетью? Как известно, плеть состоит из относительно длинной рукояти, которая бывает как мягкой (кожаной), так и твердой (костяной, деревянной, из рога). К рукояти крепятся веревки с узелками или ремешки. Применение самое разнообразное, в том числе для управления лошадьми.

Таблица 1. Параметры стержней с кольцами на половецких изваяниях
Table 1. Parameters of rods with rings on Polovtsian sculptures

Изваяния	Стержни с кольцами										
	количество	расположение		подвешены за			размеры стержней			размеры колец	
		слева	справа	кольцо	петля	другое	короткие	средние	длинные	небольшие	крупные
Мужские (22)	23	10	13	3	17	3	3	15	2	13	7
Женские (9)	9	6	3	3	5	1	4	3	1	7	2
Всего:	32	16	16	6	22	4	7	18	3	20	9

Из 32 зафиксированных нами «плетей» (на 31 изваянии) в нашем распоряжении имеются 30 изображений разного качества. Все предметы слаборельефные, их можно разделить на выпуклые (19 экз.) и плоские (11 экз.). Большинство (16 экз.) выпуклых составляют узкие стержни, а большинство (8 экз.) плоских – широкие. Можно предположить, что широкие плоские «плети» – футляры для заостренных стержней (рис. 2), что вполне характерно для иконографии половецкой скульптуры. Например, ножи изображаются как в ножнах, так и без них.

По длине изучаемые предметы делятся на три группы: небольшие – 10–12 см, средней длины – 15–18 см, длинные – более 20 см. Наибольшее количество (18 – 64,3%) – средней длины, семь (25%) – коротких, три (10,7 %) – длинных, у четырех экземпляров длина не определяется. Украшения стержней и колец зафиксированы всего четырежды: на трех экземплярах имеются косые кресты, на одном – насечки.

В погребениях половцев плеть не является редкостью, находки этого предмета распространены практически по всей степи Северного Причерноморья (Шилов, 1959, с. 400–401, 516, рис. 66, *21*; Синицын, 1960, с. 117, рис. 44, *12*; Федоров-Давыдов, 1966, с. 22, рис. 3, *3*; Шалобудов, 1982, с. 64, рис. 1, *27*; Шалобудов, Яремака, 1987, с. 131, рис. 2, *8*; Безверхий, 1991, с. 120, рис. 1, *5*; Васюткин, Кардо-

Рис. 2. Изображение заостренного стержня в футляре на изваянии из станицы Новомалороссийская. Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына. Краснодар. Фото А.В. Евглевского.

Fig. 2. Image of a pointed rod in a case on a sculpture from Novomalorossiyskaya village. Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Reserve named after E.D. Felitsyn. Krasnodar. Photo by A.V. Evglevsky.

Рис. 3. Реконструкция половецкой плети (Чхаидзе, 2016, рис. 2).
Fig. 3. Reconstruction of a Polovtsian whip (Chkhaidze, 2016, Fig. 2).

нов, Кольцов, 1995, с. 93, рис. 9, *1*; Парусимов, 2007, с. 315, 317, рис. 5, *2*; Рогудеев, 2010, с. 80, 82, рис. 2, *7*; Ковальова та інші, 2016, рис. 47, *5*; Чхаидзе, 2016, с. 353–382; и др.). Однако, поскольку ее органическая часть истлевает, находят, как правило, разнообразные виды костяных (роговых) рукоятей, часто с навершием. Рукояти и навершия обычно имеют внутри канал, в котором находится скрепляющий их короткий железный стержень, иногда заканчивающийся наверху маленьким железным колечком, служившим для крепления петли темляка, одевавшегося на кисть руки (рис. 3). Как видим, плеть совершенно не похожа на изображение заостренных стержней с кольцами на изваяниях.

Сложно сказать, почему С.А. Плетневой была дана такая интерпретация изучаемым предметам, при этом ссылка сделана не на раздел «Плети» в монографии Г.А. Федорова-Давыдова (1966, с. 22), а на раздел с металлическими кольцами и обрывками кожи (Плетнева, 1974, с. 31, ссылка 19). Можно предположить, что стержни – это рукояти плетей. Но в таком случае, почему не изображена ременная часть плети? Ведь на «круглых» половецких скульптурах развитого типа все иконографические детали очень реалистичны, нет никаких схематичных изображений, характерных для ранних и поздних изваяний. И если бы половецкий мастер изобразил плеть, то мы бы её ни с чем не спутали, а увидели именно плеть с навершием, рукоятью и ремнями (ремнем). Или, быть может, к поясу изваяний подвешены стерженьки-пробои, скрепляющие рукоять и навершие плети, которые своим видом очень похожи на заостренные стержни с кольцами (Родионова, Гиппиус, 2013, рис. 10, 11)? Но на скульптурах нет изображений отдельных деталей вещей, тем более их внутренних компонентов. Украшения, элементы убранства и оружие показаны целиком.

Тогда что же за предмет в виде заостренного стержня с подвижным кольцом подвешен к поясу мужских и женских статуй? С.А. Плетнева утверждает, что «аналогий им в могильных инвентарях, естественно, нет…» (Плетнева, 1974, с. 31). Это мнение, озвученное 50 лет назад, не подтвердилось. Исходя из наших многолетних наблюдений во время раскопок позднекочевнических погребений на территории Донбасса, а также имеющихся аналогий, с большой долей уверенности можно предположить, что на изваяниях изображены металлические стержни.

К сожалению, в кочевнических погребениях указанные предметы встречаются редко и не только из-за плохой сохранности железа. Не все вещи, которыми пользовался человек при жизни, сопровождали умершего в могиле. Кроме того, найденные в погребениях заостренные стержни чаще всего принимают за обломки удил или пряжки (если стержни сохранились фрагментарно). Так, в мужском захоронении Бахтияровка-I, 1/18 (раскопки В.А Кригера), на поясе обнаружен обломок стержня длиной около 6 см с петлей, обхватывающей кольцо диаметром 3 см. По мнению В.А. Кригера, это пряжка (Кригер, 1982, рис. 23, *3*), с чем нельзя согласиться, поскольку сечение язычка у пряжек полуовальное или дуговидное. Здесь же сечение стержня круглое.

В мужском половецком погребении Житенко 5/2, датируемом А.В. Евглевским золотоордынским временем (Евглевский, 1992, с. 110–111), однако, по нашему мнению, относящемся к домонгольскому периоду, железный стержень длиной около 10 см с подвижным кольцом диаметром 2,2 см был найден у правого бедра умершего, определен автором раскопок как фрагмент двусоставных удил.

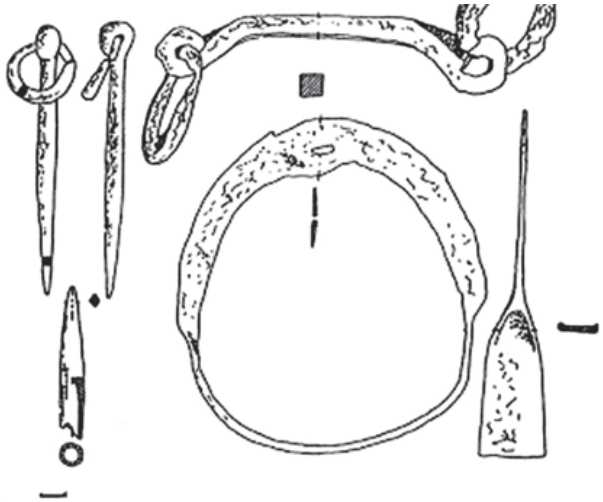

Рис. 4. Железный заостренный стержень с кольцом и другой инвентарь из погребения Жуляны 1/1 (Мовчан, Писаренко, 1994, рис. 1).
Fig. 4. Iron pointed rod with a ring and other grave goods from Zhulyany 1/1 burial (Movchan, Pisarenko, 1994, Fig. 1).

Но есть более интересные версии. Например, в мужском половецком захоронении Басань-I, 3/4, под левым крылом таза зафиксированы остатки кожаного мешочка с кремешками, на нем – обломок стержня с фрагментарным кольцом. Длина стержня 9,8 см, диаметр кольца примерно 3,5 см. Автор раскопок А.Г. Плешивенко называет предмет кресалом (?) в виде «якоря» (Плешивенко, 1993, с. 134, табл. VI, 8).

Редко, но встречаются и целые экземпляры изучаемых предметов, как правило, в районе пояса или бедер. Например, в половецком захоронении Большемихайловка-II, 1/2, у правого бедра мужского костяка был обнаружен полностью сохранившийся заостренный стержень длиной 10 см с кольцом диаметром 2,5 см (Шалобудов, Яремака, 1985, с. 143, 144, рис. 2, *9*). Авторы неуверенно интерпретировали находку как деталь повозки (Шалобудов, Яремака, 1985, с. 146).

В женском погребении (по определению антропологов, 35–40 лет) кон. XI – кон. XII вв. Жуляны 1/1 также найден полностью сохранившийся стержень (рис. 4) длиной около 11 см с кольцом диаметром 2,8 см (Мовчан, Писаренко, 1994, рис. 1, *2*). К сожалению, авторы публикации не упомянули, где конкретно лежал «железный костыль с кольцом, что, возможно, вбивался в деревянную луку седла» (перевод с укр.) (Мовчан, Писаренко, 1994, с. 109). Это погребение подтверждает, что изучаемые предметы использовались не только мужчинами, но и женщинами.

Во многих музеях в экспозициях представлены прекрасно сохранившиеся экземпляры средневековых железных заостренных стержней с подвижным кольцом. Интерпретируют их по-разному. Так, в Ивацевичском историко-краеведческом музее (Беларусь) в описании указана однозубая вилка, хотя и упомянута возможная многофункциональность предмета (рис. 5). В Курском государственном областном музее археологии эта вещь интерпретирована как кудельная булавка XIII–XIV вв. (рис. 6).

Б.А. Колчин, исследуя древнерусское ремесло (Колчин, 1985, с. 243–297), подробно описал процесс прядения нитей из льна и шерсти, а также связанные с ним инструменты и приспособления. «Кудель пряжи прикрепляли к прялке веревкой или шнурком, на конце которого привязывали железную или костяную спицу. Спицы втыкали в отверстие лопасти прялки (табл. 108, *22*)» (Колчин, 1985, с. 267). Однако на указанной таблице представлены рисунки железных стержней другой

Рис. 5. «Однозубая вилка», интерактивная экспозиция. Ивацевичский историко-краеведческий музей. Ивацевичи, Брестская обл., Беларусь (URL: https://vk.com/bookmarks?from_menu=1&w=wall-132590976_9894. Дата обращения 01.04.2024).
Fig. 5. Single-pronged fork, interactive exhibition. Ivatsevichi Museum of History and Local Lore. Ivatsevichi, Brest region, Belarus (URL: https://vk.com/bookmarks?from_menu=1&w=wall-132590976_9894. Accessed on 01.04.2024).

Рис. 6. Кудельная булавка. Курский государственный областной музей археологии. Курск (URL: https://www.archeo-kursk.ru/muzejnaya-kollektsiya. Дата обращения 03.04.2024).
Fig. 6. Tow pin. Kursk State Regional Museum of Archaeology. Kursk (URL: https://www.archeo-kursk.ru/muzejnaya-kollektsiya. Accessed on 03.04.2024).

конструкции: верхняя (незаостренная) часть стержня загнута набок с небольшим колечком на кончике (Колчин, 1985, с. 292).

В 1971 г. Л.А. Голубева, изучая подобные предметы, происходившие с территории Северной Руси, опубликовала интересную подборку так называемых железных игл с кольцом (примерно 160 экземпляров), происходивших из 76 пунктов. Изделия обнаружены как в подкурганных погребениях, так и на поселениях (Голубева, 1971, с. 114). В X–XIV вв. эти иглы были широко распространены в восточной Прибалтике, Швеции и в Северной Руси (Голубева, 1971, с. 114, 122, рис.4; 1987, с.61–62, рис. 88, *18*).

Железные иглы с кольцами раннего периода (кон. IX – нач. XI вв.), отмечает исследовательница, отличает прекрасное качество металла, острие иногда покрывалось полудой, а верхняя часть стержня украшалась инкрустацией из серебряной проволочки или рельефными поясками. Почти все они были обнаружены в мужских захоронениях. Более поздние предметы (XI–XIV вв.) характеризуются нестандартностью размеров, отсутствием орнаментации, в частности инкрустации, упрощенной технологией и худшим качеством металла. Подвижные кольца обычно железные, диаметром от 2 до 5,5 см. Они уже встречаются не только в мужских, но и в женских погребениях (рис. 7).

Упоминает исследовательница и о деревянных, кожаных, железных футлярах или чехлах для этих вещей (Голубева, 1971, с. 25). Л.А. Голубева вслед за Я. Зак (Żak, 1960, p. 407–442), изучавшим аналогичные польские предметы, датирующиеся XI–XIV вв., полагает, что они, вероятно, служили своеобразными вилками. «Такие “вилки” были особенно удобны в условиях походной или охотничьей жизни, поэтому они и сопутствовали первоначально только мужским захоронениям» (Голубева, 1971, с. 25). Действительно, подобным заостренным предметом удобно накалывать, например, небольшие кусочки мяса, отрезанные от большого куска. Но это всего лишь один из возможных вариантов применения данных стержней.

Крупную подборку аналогичных изделий, происходящих из Волжской Булгарии, опубликовал К.А. Руденко (2022, с. 213–215,

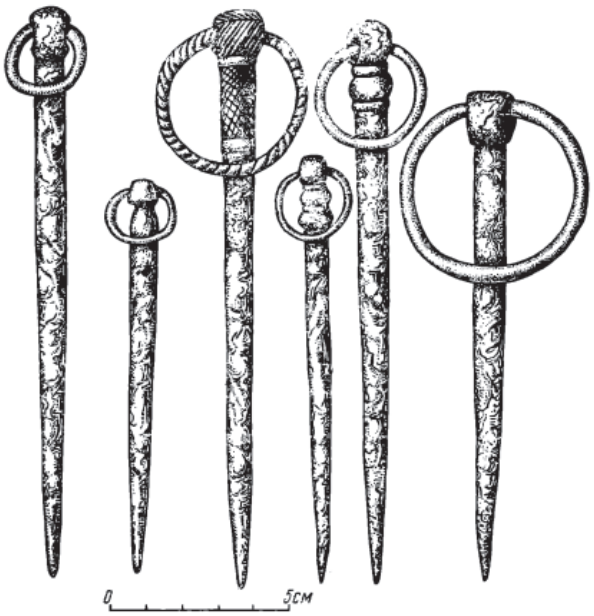

Рис. 7. Железные иглы с кольцами (Голубева, 1971, рис. 2).
Fig. 7. Iron needles with rings (Golubeva, 1971, Fig. 2).

рис. 5). Автор называет стержни «спицами с кольцом (вилками)» и датирует их второй половиной XII – началом XIII в. По размерам «спицы» исследователь разделил на две группы. В первую вошли стержни длиной 11–13 см с кольцами диаметром 3–3,5 см. Вторая группа состоит из более крупных артефактов длиной 14,5–15,5 см. Все экземпляры происходят с селищ и городищ Волжской Булгарии.

У кочевников, в том числе половцев, по нашему мнению, железные стержни с подвижным кольцом, несмотря на отсутствие изогнутости, в отдельных случаях могли использоваться в качестве кочедыка, с помощью которого развязывали тугие узлы, распутывали сетки и веревки, а также плели всевозможную утварь из лыка или бересты. Иногда высказывается мнение, что заостренные стержни применялись в качестве шила и даже стамески. Но шило и стамеска предназначены для работы с твердым материалом, а значит, имеют деревянную или костяную рукоять. Изучаемые предметы рукоятей не имеют, по-видимому, ими прокалывали мягкие материалы, например ткань или мягкую кожу. Проколка – еще одно возможное применение данных бытовых предметов.

Заостренными металлическими стержнями могли процарапывать какие-то изображения или знаки на мягком камне типа известняка или на бересте. Их могли использовать в качестве своеобразных вилок, а также костылей, забивая в дерево или землю и привязывая к кольцу веревки во время сооружения временных охотничьих или военных лагерей. Нельзя не упомянуть возможный вариант применения этой бытовой вещи в качестве кудельной булавки. В древней Руси ими, как упомянуто выше, прикрепляли кудель льна или шерсти к лопасти ручной прялки. У кочевниц была овечья и козья шерсть, из которой половчанки делали не только войлок, но и пряли шерстяные нити. Поскольку у номадов существовали тесные связи с русичами, можно гипотетически предположить, что отдельные половчанки также использовали небольшие переносные прялки, а значит, могли прикреплять железной булавкой кудель шерсти к лопасти прялки.

Таким образом, очевидно, что на поясе отдельных половецких изваяний изображена не плеть. Скорее всего, это многофункциональный железный бытовой предмет, которым пользовались и мужчины, и женщины. Он был широко распространен в среде как кочевых, так и оседлых этносов эпохи Средневековья. Такое обстоятельство не является уникальным. Например, многие типы средневековых кресал (Евглевский, Потемкина, 2000б) и сабель (Евглевский, Потемкина, 2000а) практически аналогичны у номадов и оседлых европейских народов. В половецком обществе железный заостренный стержень в качестве полифункционального инструмента, несомненно, обладал определенным статусом, анализ которого заслуживает отдельного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

Безверхий А.П. Средневековые кочевнические памятники правобережья Днепра (по материалам экспедиции ДГУ) // Проблемы археологии Поднепровья / Отв. ред. И. Ф. Ковалева. Днепропетровск: ДГУ, 1991. С. 119–130.

Васюткин С.М., Кардонов В.Т., Кольцов П.М. Средневековые погребения Восточных Ергеней // Материалы и исследования по археологии Калмыкии / Отв. ред. В.И. Марковин. Элиста: Калмыцкий ГУ, 1995. С. 90–106.

Гераськова Л.С. Скульптура середньовічних кочовиків степів Східної Європи. К.: Наукова думка, 1991. 132 с.

Голубева Л.А. Назначение железных игл с кольцами // СА. 1971. № 4. С. 114–126.

Голубева Л.А. Весь // Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Археология СССР. Т. 17 / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1987. С. 52–64.

Демідко О.О. Кам'яна половецька скульптура Північного Приазов'я: загальна характеристика та проблеми збереження // Стародавності Північного Азов'я. Матеріали науково-практичної конференції, присвяченої 60-й річниці від дня народження українського археолога, краєзнавця Володимира Костянтиновича Кульбаки (1954-2009), м. Маріуполь, 11-12 квітня 2014 р. Маріуполь: [б. в.], 2014. С. 83–87.

Евглевский А.В. Погребения золотоордынского времени из раскопок новостроечной экспедиции Донецкого университета // Донецкий археологический сборник. Вып. 1 / Ред. В.А. Посредников. Донецк: Аверс Ко ЛТД, 1992. С. 107–116.

Евглевский А.В., Потемкина Т.М. Восточноевропейские позднекочевнические сабли // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 1 / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2000а. С. 117–179.

Евглевский А.В., Потемкина Т.М. Кресала в позднекочевнических погребениях Восточной Европы // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 1 / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонГУ, 2000б. С. 181–208.

Ковальова І.Ф., Шалобудов В.М., Струкуленко А.С., Іванців А.В., Ярошенко А.Г. Експозиція та наукові фонди Кабінету археології Дніпропетровського національного університету імені Олеся Гончара. Дніпропетровськ, 2016. 140 с.

Колчин Б.А. Ремесло // Древняя Русь. Город, замок, село / Археология СССР. Т. 6 (20) / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1985. С. 243–297.

Красильников К.И. Древнее камнерезное искусство Луганщины. Луганск: Шлях, 1999. 135 с.

Красильников К.И., Тельнова Л.И. Половецкие изваяния Среднего Подонцовья: типология, эволюция, хронология (по материалам коллекций Луганской области) // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 1 / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонГУ, 2000. С. 227–244.

Кригер В.А. Отчет об археологических исследованиях на территории Волгоградской области в 1982 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9241, 9241а.

Крылова Л.П. Каменные бабы. Каталог. Днепропетровск: Промінь, 1976. 102 с.

Ларенок В.А. Половецкие изваяния из фондов Таганрогского музея-заповедника // ДА. 2001. № 1-2. С. 79–88.

Лопатин А.П., Лопатина Т.Е., Лопатина Н.А., Васильева О.А. Изваяние из коллекции Армавирского краеведческого музея (к вопросу атрибуции памятников монументального искусства) // Достижения и перспективы изучения археологии Северного Кавказа в XX – первой четверти XXI века. Материалы Международной научной конференции по археологии Северного Кавказа «XXXIII Крупновские чтения», посвященной 120-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова / Отв. ред. Д.С. Коробов. М.: ИА РАН, 2024.С. 320–321.

Мовчан І.І., Писаренко Ю.Г. Давньоруська Желянь (з історії Київських околиць) // Археологія. 1994. № 3. С. 106–112.

Нарожный Е.И. О половецких изваяниях и святилищах XIII-XIV вв. Северного Кавказа и Дона // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 3 / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2003. С. 245–274.

Онищенко А.С., Бороденко С.Н. Коллекция половецких изваяний из города Новоазовска // Проблемы археологии и музееведения. Сборник статей, посвященных памяти Н.В. Хабаровой (1955-2017) / Гл. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 2018. С. 245–257.

Пантелеев С.А. Изваяние половецкого времени из могильника «Волчье Логово I» // Археологические записки. Вып. 7 / Гл. ред. В.Я. Кияшко. Ростов-на-Дону: Донское археологическое общество, 2011. С. 280–286.

Парусимов И.Н. Воинские позднекочевнические погребения с левобережья и дельты Дона // Средневековые древности Дона / Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. II / Отв. ред. Ю.К. Гугуев. М.; Иерусалим: Мосты Культуры, 2007. С. 312–324.

Пилипенко Д.В. Новые поступления в музей каменных изваяний Донецкого национального университета // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. Матеріали III Луганської міжнародної історико-археологічної конференції, присвяченої пам'яті С.Н. Братченка / Відп. ред. І.М. Ключнєва. Луганськ: Луганський обласний краєзнавчий музей, 2012. С. 454–457.

Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния / САИ. Вып. Е4-2. М.: Наука, 1974. 200 с.

Плешивенко А.Г. Могильник кургана «Бабакова могила» из Северного Приазовья // Древности степного Причерноморья и Крыма. Т. 4 / Ред. Г.Н. Тощев и др. Запорожье: Запорож.гос.ун-т, 1993. С. 128–156.

Потемкина Т.М. Женское половецкое изваяние со стреловидными подвесками из Эрмитажа // Cultural Heritage and Modern Technologies. 2024. № 2. С. 132–153.

Прокофьев Р.В., Прокофьева Т.Е. Два комплекса с половецкими статуями на реке Кундрючьей // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 10 / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2012. С. 95–117.

Рогудеев В.В. Исследования курганов в Боковском и Сальском районах Ростовской области // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2007–2008 гг. Вып. 24 / Отв. ред: В. Я. Кияшко Азов: Азовский музей, 2010. С. 79–84.

Родионова М.А., Гиппиус А.А. Плеть с владычного двора // Новгород и Новгородская земля: История, археология. Вып. 27 / Отв. ред. В.Л. Янин. Великий Новгород: Новгородский музей-заповедник, 2013. С. 152–170.

Руденко К.А. Железные изделия с инкрустацией из Волжской Булгарии // Пензенский археологический сборник. Вып. 5 / Отв. ред. Г.Н. Белорыбкин. Пенза: Институт регионального развития Пензенской области, 2022. С. 203–225.

Синицын И.В. Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954 – 1955 гг.) // Древности Нижнего Поволжья (Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции). Т. II / МИА. № 78 / Отв. ред. Е.И. Крупнов, К.Ф. Смирнов. М.: АН СССР, 1960. С. 10–168.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: Изд-во МГУ, 1966. 276 с.

Чхаидзе В.Н. Костяные навершия плетей с отростком в погребениях средневековых кочевников восточноевропейских степей // Степи Восточной Европы в средние века. Сборник памяти С.А. Плетневой. / Отв. ред. И.Л. Кызласов М.: Авторская книга, 2016. С. 353–382.

Шалобудов В.Н. Позднекочевнический могильник XIV и. у с. Котовка // Древности степного Поднепровья (III-I тыс. до н.э.) / Отв. ред. И.Ф. Ковалева. Днепропетровск: ДГУ, 1982. С. 60−68.

Шалобудов В.Н., Яремака В.Н. Кочевнические захоронения X-XII вв. на р. Волчьей // Проблемы археологии Поднепровья / Отв. ред. И. Ф. Ковалева. Днепропетровск: ДГУ, 1985. С. 138–154.

Шалобудов В.Н., Яремака В.Н. Гривны в погребениях средневековых кочевников // Памятники бронзового и раннего железного века Поднепровья / Отв. ред. И.Ф. Ковалева. Днепропетровск: ДГУ, 1987. С. 128–135.

Шилов В.П. Калиновский курганный могильник // Древности Нижнего Поволжья (Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции). Т. I / МИА. № 60 / Отв. ред. Е.И. Крупнов. М.: АН СССР, 1959. С. 323–523.

Żak J. O pochodzeniu «szpil» pierścieniowatych na ziemiach polskich // Slavia Antiqua. 1960. Tom 7. Pp. 407–442.

Информация об авторе:

Потемкина Татьяна Михайловна, старший научный сотрудник, Донецкий государственный университет (г. Донецк, ДНР, Россия); pravda.t.m.p@gmail.com

REFERENCES

Bezverkhii, A. P. 1991. In Kovaleva, I. F. (ed.). *Problemy arkheologii Podneprov'ia (Archaeological Issues of the Dnieper Region).* Dnepropetrovsk: Dnepropetrovsk State university, 119–130 (in Russian).

Vasyutkin, S. M., Kardonov, V. T., Kol'tsov, P. M. 1995. In Markovin, V. I. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Kalmykii (Materials and Studies on the Archaeology of Kalmykia).* Elista: Kalmyk State University Publ., 90–106 (in Russian).

Geras'kova, L. S. 1991. *Skul'ptura seredn'ovichnikh kochovikiv stepiv Skhidnoï Єvropi (Sculpture of medieval nomads of the steppes of Eastern Europe).* Kyiv: "Naukova dumka" Publ. (in Ukrainian).

Golubeva, L. A. 1971. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 114–126 (in Russian).

Golubeva, L. A. 1987. In Sedov, V. V. (ed.). *Finno-ugry i balty v epokhu Srednevekov'ia (The Finno-Ugrians and Balts in the Middle Ages).* Series: Arkheologiya SSSR (Archaeology of the USSR) 17. Moscow: "Nauka" Publ., 52–64 (in Russian).

Demidko O. O. 2014. In *Starodavnosti Pivnichnogo Azov'ya (Antiquity of Pivnichny Azov).* Mariupol', 83–87 (in Ukrainian).

Evglevsky A. V. 1992. In Posrednikov, V. A. (ed.). *Donetskii arkheologicheskii zbornik (Donetsk archaeological compendium)* 1. Donetsk: "Avers Ko LTD" Publ., 107–116 (in Russian).

Evglevskii, A. V., Potyomkina, T. M. 2000. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 1. Donetsk: Donetsk National University, 117–179 (in Russian).

Evglevskii, A. V., Potyomkina, T. M. 2000. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 1. Donetsk: Donetsk National University, 181–208 (in Russian).

Koval'ova I. F., Shalobudov V. M., Strukulenko A. S., Ivantsiv A. V., Yaroshenko A. G. 2016. *Ekspozitsiya ta naukovi fondi Kabinetu arkheologiï Dnipropetrovs'kogo natsional'nogo universitetu imeni Olesya Goncha-ra (Exposition and scientific funds of the Cabinet of Archaeology of the Dnipropetrovsk National University named after Oles Honchar).* Dnipropetrovs'k (in Ukrainian).

Kolchin, B. A. 1985. In Rybakov, B. A. (ed.). *Drevniaia Rus'. Gorod, zamok, selo (Ancient Rus*'. *Town, Castle, Village).* Series: Arkheologiia SSSR (Archaeology of the USSR) 6(20). Moscow: "Nauka" Publ. 243–297 (in Russian).

Krasil'nikov K. I. 1999. Drevnee kamnereznoe iskusstvo Luganshchiny *(Ancient stone-cutting art of Luhansk region).* Lugansk: "Shlyakh"» Publ. (in Russian).

Krasil'nikov K. I., Tel'nova L. I. 2000. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 1. Donetsk: Donetsk National University, 227–244 (in Russian).

Kriger, V. A. 1982. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiakh na territorii Volgogradskoi oblasti v 1982 g. (Report on Archaeological Studies in the Territory of the Volgograd Region in 1982).* Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, inv. R-1, dossier 635 (in Russian)., inv. R-1, dossier 9241, 9241a (in Russian).

Krylova, L. P. 1976. *Kamennye baby. Katalog (Stone women. Catalog).* Dnepropetrovsk: "Promin'" Publ. (in Russian).

Larenok, V. A. 2001. In *Donskaia arkheologiia (Archaeology of Don)* (1–2), 79–88 (in Russian).

Lopatin, A. P., Lopatina, T. E., Lopatina, N. A., Vasil'eva, O. A. 2024. In Korobov, D. S. (ed.). *Dostizheniya i perspektivy izucheniya arkheologii Severnogo Kavkaza v XX – pervoy chetverti XXI veka. Materialy Mezhdun-arodnoy nauchnoy konferentsii po arkheologii Severnogo Kavkaza «XXXIII Krupnovskie chteniya», posvyas-hchennoy 120-letiyu so dnya rozhdeniya Evgeniya Ignat'evicha Krupnova (Achievements And Prospects For Studying The Archaeology Of The North Caucasus in the 20th – first quarter of the 21st century. Proceedings of the International Scientific Conference «XXXIII Krupnov Readings» devoted to the 120th anniversary of the birth of Evgeny Ignatievich Krupnov).* Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 320–321 (in Russian).

Movchan, I. I., Pisarenko, Yu. G. 1994. In *Arkheologiya (Archaeology)* (3), 106–112 (in Ukrainian).

Narozhnyi E. I. 2003. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 3. Donetsk: Donetsk National University, 245–274 (in Russian).

Onishchenko, A. S., Borodenko, S. N. 2018. In Skripkin, A. S. (ed.-in chief). *Problemy arkheologii i muzeevedeniya. Sbornik statey, posvyashchennykh pamyati N.V. Khabarovoy (1955-2017) (Issues of archaeol-ogy and museology. Collection of papers dedicated to the memory of N.V. Khabarova (1955-2017)).* Volgo-grad: Volgograd State University, 245–257 (in Russian).

Panteleev, S. A. 2011. In Kiyashko, V. Ya. (ed.). *Arkheologicheskie zapiski* (*Archaeological Notes*) 7. Rostov-on-Don: "Don archaeological society" Publ., 280–286 (in Russian).

Parusimov, I. N. 2007. In Guguev, Yu. K. (ed.). *Srednevekovye drevnosti Dona (Medieval antiquities of the Don)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Dona (Materials and Research of the Don Archaeology) II. Moscow: "Mosty kul'tury" Publ.; Jerusalem: "Gesharim" Publ., 312–324 (in Russian).

Pilipenko, D. V. 2012. In Kluchneva, I. M. (ed.). *Problemi doslidzhennia pam'iatok arkheologiï Skhidnoï Ukraïni (Issues of Studying Archaeological Monuments of Eastern Ukraine)*. Lugansk: Lugansk Regional Museum of Local Lore, 454–457 (in Russian).

Pletneva, S. A. 1974. *Polovestkie kamennye izvaianiia (Cuman Stone Statues).* Series: Svod Arkheo-logicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E4-2. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Pleshivenko, A. G. 1993. In 1993. In Toshchev, G. N. et al. (eds.). *Drevnosti stepnogo Prichernomor'ia i Kryma (Antiquities of the Steppe Black Sea Region and Crimea)* 4. Zaporozh'e: Zaporozh'e State University, 128–156 (in Russian).

Potyomkina, T. M. 2024. In *Cultural Heritage and Modern Technologies* (2), 132–153 (in Russian).

Prokof'ev, R. V., Prokof'eva, T. E. 2012. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 10. Donetsk: Donetsk National University, 95–117 (in Russian).

Rogudeev V. V. 2010. In Kiyashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2007–2008 g. (Historical and Archaeological Investigations in Azov and Lower Don in 2007–2008)* 24. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Open-Air Museum, 79–84 (in Russian).

Rodionova, M. A., Gippius, A. A. 2013. In Yanin, V. L. (ed.). *Novgorod i Novgorodskaia zemlia. Istoriia i arkheologiia (Novgorod and Novgorod Land. History and Archaeology)* 27. Veliky Novgorod: Novgorod Museum-Reserve, 152–170 (in Russian).

Rudenko K. A. 2022. In Belorybkin, G. N. (ed.). *Penzenskii arkheologicheskii sbornik (Penza Archaeological Collected Papers)* 5. Penza: Institute of Regional Development of the Penza region, 203–225 (in Russian).

Sinitsyn I. V. 1960. In Krupnov, E. I., Smirnov, K. F. (eds.). *Drevnosti Nizhnego Povolzh'ya (Antiquities of the Lower Volga Region)* Vol. 2. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 78. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 10–168 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1966. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'iu zolotoordynskikh khanov: Arkheologicheskie pamiatniki (East-European Nomads under the Golden Horde's Khans: Archaeological Sites)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Chkhaidze, V. N. 2016. In Kyzlasov, I. L. (ed.). *Stepi Vostochnoi Evropy v srednie veka. Sbornik pamiati S.A. Pletnevoi (Steppes of Eastern Europe in the Middle Ages. Collection dedicated to the Memory of S.A. Pletneva).* Moscow: "Avtorskaia kniga" Publ. 353–3820 (in Russian).

Shalobudov, V. N. 1982. In Kovaleva, I. F. (ed.). *Drevnosti stepnogo Podneprov'ia (III-I tys. do n.e. (Antiquities of the Steppe Dnieper Region (3rd-1st Millennia BC))*. Dnepropetrovsk: Dnepropetrovsk State University, 60−68 (in Russian).

Shalobudov, V. N., Yaremaka, V. N. 1985. In Kovaleva, I. F. (ed.). *Problemy arkheologii Podneprov'ia (Archaeological Issues of the Dnieper Region).* Dnepropetrovsk: Dnepropetrovsk State university, 138–154 (in Russian).

Shalobudov, V. N., Yaremaka, V. N. 1987. In Kovaleva, I. F. (ed.). *Pamyatniki bronzovogo i rannego zheleznogo veka Podneprov'ya (Monuments of the Bronze and Early Iron Age of the Dnieper region).* Dnepropetrovsk: Dnepropetrovsk State University, 128–135 (in Russian).

Shilov, V. P. 1959. In Krupnov, E. I. (ed.). *Drevnosti Nizhnego Povolzh'ya (Antiquities of the Lower Volga Region)* Vol. 1. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 60. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 323–523in Russian).

Żak J., 1960. In *Slavia Antiqua* (7), 407–442 (in Polish).

About the Author:

Potyomkina Tatiana M. Donetsk State University, Universitetskaya St., 24, Donetsk, 283001, Donetsk People's Republic, Russian Federation; pravda.t.m.p@gmail.com

Статья поступила в журнал 07.05.2025 г.
Статья принята к публикации 22.05.2025 г.

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.5.62.69

САБЛИ ВОЛГО-КАМЬЯ В VIII-X ВВ.

©2025 г. Я.С. Логинов

В статье представлены результаты исследования сабель населения Волго-Камья VIII-X вв. В работе учтены сабли из семи могильников и двух одиночных погребений. Всего учтено 16 сабель. По морфологическим особенностям сабли разделены на группы по общей длине, отделы по кривизне клинка, типы по форме перекрестий. Установлено, что сабли достаточно редкий вид вооружения, встречаемый в погребениях. Сабли были ценным и, вероятно, статусным оружием. Их наличие в могиле, скорее всего, связано с высоким социальным статусом и влиянием погребенного человека при жизни. В могилах сабли чаще всего укладывались слева от погребенного. Сабли носились в специальных ножнах, предохранявших клинок от негативного воздействия окружающей среды. Корпус ножен изготавливался из дерева, дополнительно обтягивался кожей, либо тканью. Изучены детали ножен. К деталям ножен отнесены: портупейные кольца, петли, наконечники ножен и обоймы. Некоторые обоймы дополнительно украшались декоративными элементами, с зооморфными изображениями или растительным орнаментом. В ходе исследования были установлены предварительные хронологические рамки различных типов сабель, выявлены аналогии в степях Восточной Европы. Установлено, что наиболее ранние сабли имели ромбовидное перекрестие. Сабли с подобным типом перекрестия встречаются в комплексах VIII-X века. Наиболее поздние сабли имели прямое перекрестие с небольшим расширением у рукояти и шаровидными увенчаниями на концах, изогнутое перекрестие и шаровидные увенчания на концах, а также брусковидное. Сабли с подобными перекрестиями встречаются в комплексах IX-X вв.

Ключевые слова: археология, Волго-Камье, могильник, погребение, сабля, клинок, тип, перекрестие, навершие.

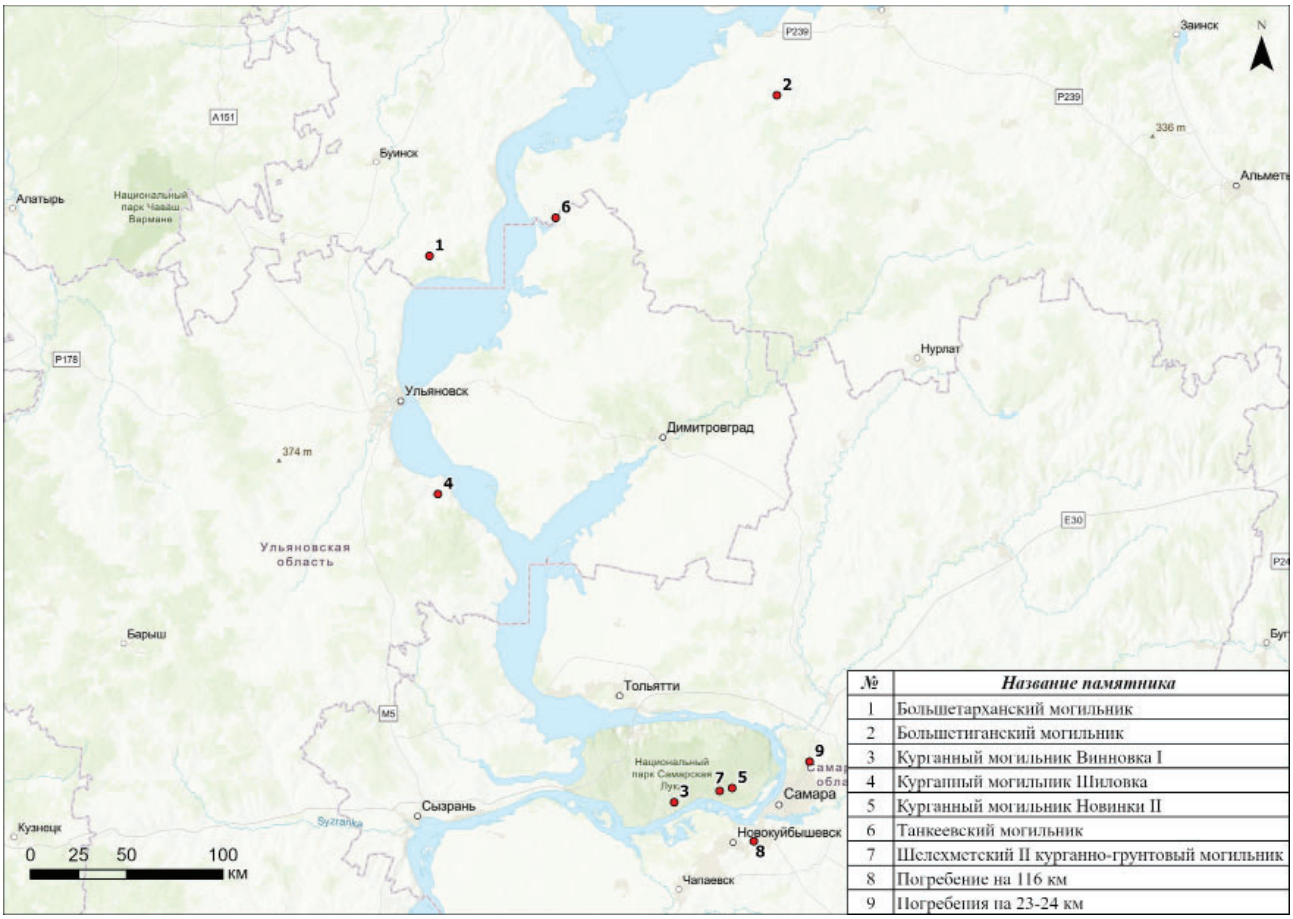
SABERS FROM THE VOLGA-KAMA REGION IN THE 8TH-10TH CENTURIES

Ya. S. Loginov

The paper features the results of a study of sabers of the Volga-Kama population of the 8th-10th centuries. The study involved sabers from seven burial grounds and two single burials. A total of 16 sabers were studied. According to morphological features, the sabers were divided into groups by overall length, sections by blade curvature and types by crossguard shape. It has been established that sabers are a rather rare type of weapon to be found in burials. Sabers were valuable and probably reflected the status. Their presence in the grave is most likely associated with the high social status and influence of buried persons during their life. In graves, sabers were most often placed to the left of the buried. Sabers were worn in special scabbards that protected the blade from the negative impact of the environment. The scabbard body was made of wood and additionally covered with leather or fabric. The scabbard parts were studied. The scabbard parts include: swordbelt rings, loops, scabbard tips and clips. Certain clips were additionally adorned with decorative elements featuring zoomorphic images or plant ornaments. In the course of the study, preliminary chronological frameworks of various types of sabers were established and analogies in the steppes of Eastern Europe were revealed. It was established that the earliest sabers had a diamond-shaped crossguard. Sabers with this type of crossguard are found in complexes of the 8th-10th centuries. The latest sabers had a straight crossguard with a small expansion at the handle and spherical crowns at the ends, a curved crossguard and spherical crowns at the ends, as well as a bar-shaped crossguard. Sabers with similar crossguards are found in complexes of the 9th-10th centuries.

Keywords: archaeology, Volga-Kama region, burial ground, burial, saber, blade, type, crossguard, pommel.

Сабли с территории Волго-Камья VIII–X вв. рассматривались А.Х. Халиковым, В.Ф. Генингом (Генинг, Халиков, 1964, с. 50–53), Е.П. Казаковым (Казаков, 1992, с. 49), Р.С. Багаутдиновым, А.В. Богачевым, С.Э. Зубовым (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, с. 112–113), Н.А. Лифановым (Лифанов, 2017, с. 87) и др. Как правило, данный вид оружия

№	Название памятника
1	Большетарханский могильник
2	Большетиганский могильник
3	Курганный могильник Винновка I
4	Курганный могильник Шиловка
5	Курганный могильник Новинки II
6	Танкеевский могильник
7	Шелехметский II курганно-грунтовый могильник
8	Погребение на 116 км
9	Погребения на 23-24 км

Рис. 1. Карта археологических памятников Волго-Камья VIII-X вв.
Fig. 1. Map of archaeological monuments of the Volga-Kama region of the 8th-10th centuries.

рассматривался в контексте всех обнаруженных материалов на памятниках. Работ, посвященных исключительно саблям из региона указанного времени, ранее не выходило. Таким образом, актуальность исследования определяется отсутствием систематизации сабель. Цель работы заключаются в обобщении имеющегося материала.

Учтены сабли из следующих археологических памятников (рис. 1): Большетарханский могильник (Генинг, Халиков, 1964, с. 50–53), Большетиганский могильник (Халикова, Халиков, 2018, с., с. 57–58), курганный могильник Винновка I (Лифанов, 2017, с. 87), курганный могильник Шиловка, курганный могильник Новинки II (Праболгары на Средней Волге…, 1998, с. 112–113), Танкеевский могильник (Казаков, 1992, с. 49), Шелехметский II курганно-грунтовый могильник (Бражник, Кирсанов и др., 2000, с. 188–198), погребения на 116 и 23–24 км (Каталог…, 2020), которые обнаружены в ходе археологических раскопок либо найдены случайно.

Сабля – рубяще-колющее оружие, основным критерием которого является кривизна полосы (Соловьев, 1985, с. 153). Всего учтено 16 сабель различной степени сохранности. В основе классификации лежат разработки П.В. Харламова (Харламов, 2017, с. 408). Для классификации сабель морфологические особенности разбиты на ряд признаков. По общей длине сабли делятся на две группы: группа I – сабли длиной до 90 см; группа II – сабли длиной 95 см и более. Отделы подразделяются по кривизне клинка. Отдел I. Слабоизогнутые. Кривизна полотна варьируется от 0,1 до 1,9 см. Отдел II. Среднеизогнутые. Кривизна полотна варьируется от 1,9 до 4 см. Типы выделены по форме перекрестий. Тип I. Прямое перекрестие с небольшим расширением у рукояти и шаровидными увенчаниями на концах. Тип II. Ромбическое перекрестие. Тип III. Брусковидное перекрестие. Тип IV. Прямое с расширенными концами. Тип V. Без перекрестия. Тип VI. Изогнутое перекрестие с шаровидными увенчаниями на концах.

Рис. 2. Типы сабель VIII-X вв. 1– Большетиганский могильник, погребение 8; 2 – Большетиганский могильник, погребение 28; 3 – КМ Новинки II, курган 14, погребение; 4 – Большетиганский могильник, погребение 22; 5 – КМ Винновка II, курган 2, погребение 3; 6 – Больше-Тарханский могильник, погребение 143; 7 – Танкеевский могильник, погребение 825; 8 – Танкеевский могильник, погребение 301; 9 – Большетиганский могильник, погребение 9.

Fig. 2. Types of sabers of the 8th-10th centuries. 1 - Bolshetigansky burial ground, burial 8; 2 - Bolshetigansky burial ground, burial 28; 3 - KM Novinki II, mound 14, burial; 4 - Bolshetigansky burial ground, burial 22; 5 - Vinnovka II burial ground, mound 2, burial 3; 6 - Bolshe-Tarkhansky burial ground, burial 143; 7 - Tankeevsky burial ground, burial 825; 8 - Tankeevsky burial ground, burial 301; 9 - Bolshetigansky burial ground, burial 9.

Отдел I. Группа I. Тип I. Представлен тремя экземплярами из погребений 6, 9, 33 Большетиганского могильника и одним экземпляром из погребений на 23–24 км[1]. Размеры: общая длина сабель варьируется от 72 до 84 см. Ширина клинков у перекрестий составляет 3–4 см. Перекрестие прямое с небольшим расширением у рукояти и шаровидными навершиями на концах, длина 7–11 см. Рукоять слегка наклонена. Рукоять сабли из погребения на 23–24 км с округлым навершием. Сабли подобного типа встречаются в Подонье. Перекрестия подобной формы были распространены в IX–X вв. (Крыганов, 1987, с. 73) (рис. 2: 9).

Отдел I. Группа I. Тип II. Представлен одним экземпляром из погребения 3 кургана 2 курганного могильника Винновка I, одним экземпляром из погребения 247 Большетарханского могильника, одним экземпляром из погребения 4 Шелехметского II курганно-грунтового могильника. Размеры: общая длина 84–90 см. Наибольшая ширина клинка у перекрестия 3,5–4 см. Перекрестие ромбической формы, длиной 6–9 см. Перекрестие декорировано инкрустацией из желтого металла и завитков (рис. 3: 2). Рукоять сабли из Большетарханского могильника слегка отклонена в сторону. Сабли подобного типа встречаются в Пермском Предуралье. Близкие аналогии происходят из могильников Плёс, Телячий брод, Редикорского городища, селища Володин Камень II, также из салтово-маяцких памятников Дунайской Болгарии (Данич, 2009, с. 41). Сабли с подобным типом перекрестия датируются VIII–X вв. (Данич, 2009, с. 46–49) (рис. 2: 5).

Отдел I. Группа I. Тип III. Представлен одним экземпляром из погребения 825 Танкеевского могильника. Размеры: общая длина сабли составляет 84 сантиметра. Ширина клинка в самой широкой точке, у гарды, достигает 5 сантиметров. Перекрестие брусковидной формы, частично обломано, длина сохранившейся части 6 см. Сабли с подобными перекрестиями встречены в Пермском Предуралье на Аверинском II могильнике. Сабли с подобным типом перекрестия датируются IX–X вв. (Данич, 2009, с. 41) (рис. 2: 7).

Отдел I. Группа I. Тип IV. Представлен одним экземпляром из погребения 143 Большетарханского могильника. Размеры: общая длина сабли составляет 90 см. В самом широком месте клинка, у перекрестия, шири-

Рис. 3. КМ Винновка I. Курган 2, погребение 3. 1 – сабля; 2 – перекрестие сабли; 3 – портупейное кольцо. (по: Лифанов, 2016).
Fig. 3. Vinnovka I burial ground. Mound 2, burial 3. 1 – saber; 2 – saber crossguard; 3 – swordbelt ring. (According to: Lifanov, 2016).

на составляет 3 см. Перекрестие прямое, с расширенными концами, длиной 8 см. Навершием рукояти служила округлая трубка с наваренной тыльной крышкой (Ранние болгары…, 1964, с. 50). Наиболее близкая аналогия сабле подобного типа происходит Доно-Донецкой лесостепи Верхнесалтовского IV могильника, катакомба 99 (Владимиров, 2017, с. 258–259). Сабля происходит из погребения второй половины VIII – начала X вв. (Владимиров, 2017, с. 60) (рис. 2: 6).

Отдел I. Группа II. Тип I. Представлен одним экземпляром из погребения 28 Большетиганского могильника. Размеры: общая длина сабли составляет 96 см. В самом широком месте клинка, у перекрестия, ширина составляет 4 см. Перекрестие прямое с небольшим расширением у рукояти и шаровидными увенчаниями на концах. Рукоять с округлым навершием. Близкая аналогия данной сабле происходит из Майкопского района, близ п. Каменномостовского, обнаруженная при строительстве шоссейной дороги. По форме полосы, типу перекрестия и навершия рукояти сабля датируется IX–X вв. (Пшипий, 2010, с. 62) (рис. 2: 2).

Отдел I. Группа II. Тип VI. Представлен одним экземпляром из погребения 8 Большетиганского могильника. Размеры: общая длина сабли составляет 95 см. В самом широком месте клинка, у перекрестия, ширина составляет 4 см. Перекрестие изогнутое с шаровидными увенчаниями. Рукоять с округлым навершием. Сабля с подобным перекрестием происходит из разрушенного могильника Андреевская щель, расположенного в Краснодарском крае, Анапский район, у с. Су-Псех, контекст находки неизвестен (Новичихин, 2014, с. 55). Подобные перекрестия появляются не ранее рубежа IX–X вв. (Крыганов, 1987, с. 73) (рис. 2: 1).

Отдел II. Группа I. Тип III. Представлен одним экземпляром из погребения 301 Танкеевского могильника. Размеры: общая длина сабли составляет 80 см. В самом широком месте клинка, у перекрестия, ширина составляет 3 см. Перекрестие брусковидное, длиной 6 см. Данный тип имеет наиболее выраженный прогиб полосы в отличие от сабли из 301 погребения. Такие перекрестия находят аналогии в Пермском Предуралье на Аверинском II могильнике. В большом количестве сабли с подобным типом перекрестий встречаются в алтайских материалах IX–X в. (Данич, 2009, с. 41) (рис. 2: 8).

Отдел II. Группа I. Тип V. Представлен одним экземпляром из погребения 22 Большетиганского могильника, одним экземпляром из погребения на 116 км и одним экземпляром из погребения 2 кургана 2 курганного могильника Шиловка. Размеры: общая длина сабель составляет 90 см. В самом широком месте клинка, у перекрестия, ширина составляет 3–4 см. Рукоять слегка наклонена в сторону. Рукоять сабли из погребения 22 Большетиганского могильника с округлым навершием. Близкая аналогия сабли с подобным типом перекрестия происходит из Волго-Уралья – курганного могильника Ченин, датируемого в пределах IX–XI вв. (Харламов, 2017, с. 408) (рис. 2: 4).

Отдел II. Группа II. Тип II. Представлен одним экземпляром из погребения 3 кургана 14 курганного могильника Новинки II. Размеры: общая длина сабли составляет 95 см. В самом широком месте клинка, у перекрестия, ширина составляет 4 см. Перекрестие ромбической формы, длиной 9 см. Аналогии данному типу не были найдены, однако тип перекрестий, подобный данному экземпляру,

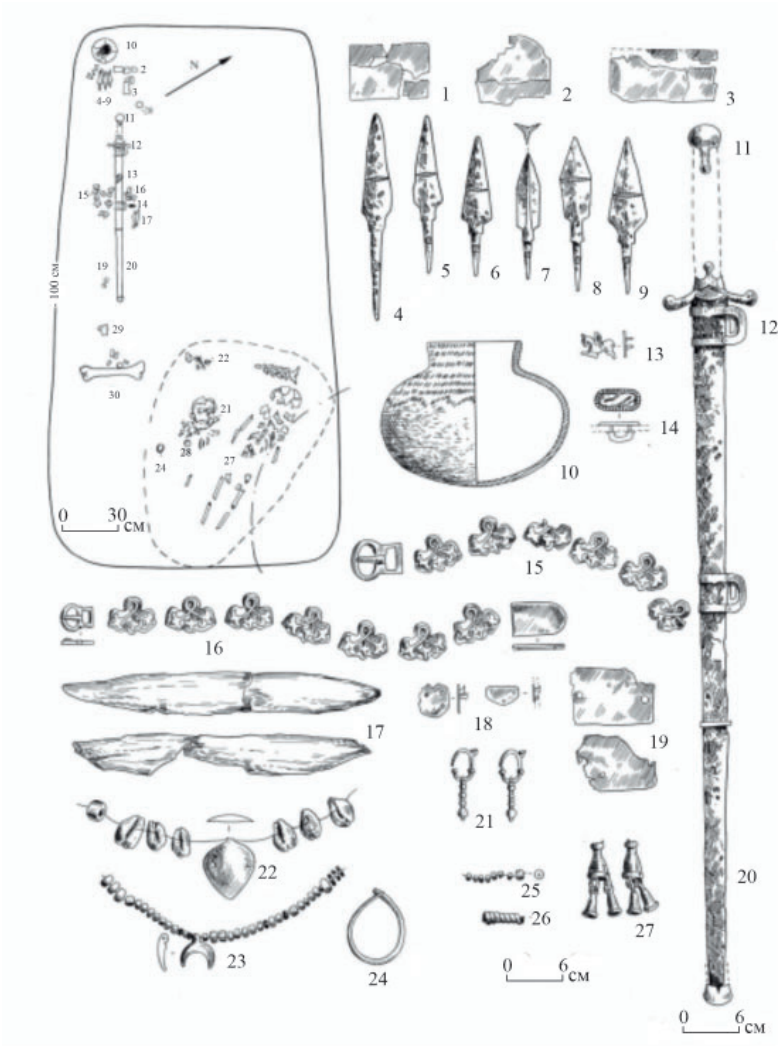

Рис. 4. Большетиганский могильник, погребение 8 – кенотаф.1 – 3 – серебряная погребальная маска; 4–9 – железные наконечники стрел; 10 – сосуд; 11 – 16 – металлическая гарнитура сабли; 12 – перекрестие сабли; 13 – фигурка крылатого коня; 14 – накладка с изображением свернувшегося олененка; 15–16 – фигурные накладки в виде трилистника и бронзовые пряжки; 17 – костяные накладки от лука; 20 – сабля; 21 – серьги салтовского типа; 22 – 23 – ожерелье; 24 – бронзовый браслет; 25 – бисер; 26 – бронзовая пронизка; 26 – шумящие подвески; 28 – серебряный дирхем; 29 – позвонки лошади; 30 – бедренная кость лошади; 31 – крестец барана[1] (по: Халикова, Халиков, 2018).

Fig. 4. Bolshetigansky burial ground, burial 8 – cenotaph. 1–3 – silver burial mask; 4–9 – iron arrowheads; 10 – vessel; 11–16 – metal elements of a saber; 12 – saber crossguard; 13 – winged horse figurine; 14 – overlay with a curled-up fawn image; 15–16 – trefoil-shaped figured overlays and bronze buckles; 17 – bone overlays from a bow; 20 – saber; 21 – Saltovo-type earrings; 22–23 – necklace; 24 – bronze bracelet; 25 – beads; 26 – bronze beading; 26 – rustling pendants; 28 – silver dirham; 29 – horse vertebrae; 30 – horse femur; 31 – ram sacrum[1] (according to: Khalikova, Khalikov, 2018).

характерен для памятников VIII–X вв. (Данич, 2009, с. 46–49) (рис. 2: 3).

Следует рассмотреть размещение сабель в могильном пространстве по отношению к захороненному. Из всей выборки в восьми случаях сабли располагались слева от погребенного, в двух случаях – с правой стороны. В одном случае сабля обнаружена в погребении без ингумации (трупоположения) – Большетиганский могильник, погребение 8. Комплекс, очевидно, положен в честь воина, погибшего на стороне, и в этом отношении является кенотафом (Халикова, Халиков, 2018, с., с. 19). В пяти случаях положение сабли в могиле in situ не зафиксировано.

Ножны. Сабли носились в специальных ножнах. Ножны предохраняли клинок от негативного воздействия окружающей среды,

также ножны использовалась для предотвращения получения ран и повреждений обмундирования, которые может нанести незакрытое лезвие клинка (Харламов, 2017, с. 410).

На десяти саблях были обнаружены фрагменты ножен. Ножны, судя по сохранившимся остаткам, в основном изготавливались из дерева, которое затем обтягивали кожей или тканью. Для скрепления использовались серебряные обоймы (Большетиганский могильник, погребения 8, 33). Некоторые экземпляры дополнительно украшались декоративными элементами с зооморфными изображениями или растительным орнаментом (рис. 2: 2, 4). С помощью портупейных ремней ножны подвешивались к поясу, закреплялись на корпусе с помощью обойм и петель. На ножнах было установлено по две петли для крепления портупеи. Эти петли, в количестве восьми штук, имели дугообразную или прямоугольную форму и изготавливались из железа, серебра или бронзы. Расположение петель на ножнах было следующим: одна петля крепилась посередине клинка, а вторая – в верхней части, у перекрестия. В петли продевался портупейный ремень, который затем крепился к поясному набору (Харламов, 2017, с. 411).

Портупейные кольца представлены пятью экземплярами. Три экземпляра в виде пластинчатых колец со свободно вращающимися кольцами, в которые продевался ремень портупеи (рис. 3: 3). В одном случае портупейный ремень был украшен накладками с растительным орнаментом, на ремне имелись две бронзовые пряжки, вероятно использовались для регулировки длины ремня (рис. 4: 15, 16). Наконечники ножен зафиксированы на четырех экземплярах, все они округлой формы, полые внутри, изготавливались из железа или из серебра (рис. 2: 1, 2, 4).

Таким образом, в захоронениях населения Волго-Камского региона VIII–X веков сабли встречаются редко. Это говорит о том, что сабли были ценным и, вероятно, статусным оружием. Их наличие в могиле, скорее всего, указывает на высокий социальный статус и влияние погребенного человека при жизни. Так, например, погребение 3 КМ Винновка I, помимо сабли, содержало богатый инвентарь преимущественно из железных предметов, в отличие от погребений 1, 2, которые были безынвентарными (Лифанов, 2017, с. 79–91). Только люди со значительным положением в обществе могли быть похоронены с таким дорогим и редким оружием, как сабля (Харламов, 2017, с. 411). Наиболее ранние сабли – с ромбовидным перекрестием. Сабли с подобными перекрестиями встречаются в комплексах VIII–X века. Наиболее поздние – с прямым перекрестием, с небольшим расширением у рукояти и шаровидными увенчаниями на концах, с изогнутым перекрестием и шаровидными увенчаниями на концах и брусковидным перекрестием. Сабли с подобными перекрестиями встречаются в комплексах IX–X вв. Следует отметить, что наблюдения за хронологическими изменениями носят предварительный характер ввиду малого количества использованного материала. Как правило, корпуса ножен сабель с шаровидными увенчаниями были богато украшены накладками из железа и цветных металлов, имели декоративные элементы с зооморфными изображениями или растительным орнаментом.

Примечания:

[1] Случайные находки.

[2] Информация о предметах под номерами 18-19 отсутствует.

ЛИТЕРАТУРА

Багаутдинов Р.С., *Богачев А.В.*, *Зубов С.Э.* Праболгары на Средней Волге. У истоков истории татар Волго-Камья. Самара: СамВен, 1998. 286 с.

Бражник О.И., Кирсанов Р.С. Лифанов Н.А. Исследование Шелехметского II курганно-грунтового могильника в 1999 г. // Краеведческие записки. 2000. № 9. С. 188–198.

Владимиров С.А. Вооружение и военное дело Доно-Донецкой лесостепи во второй половине VIII-начале X вв. (салтово-маяцкая культура). Дисс… канд. ист. Наук. Воронеж, 2017. 224 с.

Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). М.: Наука, 1964. 204 с.

Данич А.В. Сабли на территории Пермского Предуралья // Труды КАЭЭ. Вып. 6 / Под ред. А.М. Белавина. Пермь: ПГГПУ, 2009. С. 38–49.

Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии этапы этнокультурной истории. М.: Наука, 1992. 171 с.

Крыганов А.В. Вооружение и конское снаряжение кочевников юга Восточной Европы в VII – X вв. Дисс… канд. ист. Наук. Харьков, 1987. 371 с.

Лифанов Н.А. Раннесалтовский погребально-поминальный комплекс из могильника Винновка I на Самарской Луке // Материалы XIII ежегодной московской конференции «Восточные древности в истории России. Эпоха средневековья» (ИА РАН, 12-14 апреля 2016 г.) / Гл. ред. Н.А. Макаров. М.: Издательский Дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2017. С. 79–91.

Новичихин А.М. Предметы вооружения, воинского и конского снаряжения из разрушенных погребений средневекового могильника Андреевская щель // Сборник материалов Проблемного совета «Военная археология» при ГИМ. Вып. 3 / Отв. ред. О.В. Двуреченский. М.: Медиа Мир, 2014. С. 55–93.

Пшипий Ф.С. Атрибуция средневековой сабли из фонда археологии национального музея Республики Адыгея // Сборник материалов научных статей национального музея Республики Адыгея. Вып. 2 / Ред. Ф.К.Джигунова, Н.З.Шовгенова, Гаража. Майкоп: Издатель А.А. Григоренко, 2010. С. 58–64.

Соловьев А.И. О некоторых характеристиках клинкового оружия // Проблемы реконструкции в археологии / Отв. ред. Р.С. Васильевский, Ю.П. Холюшкин. Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1985. С. 147–153.

Сташенков Д.А. Древние венгры и их окружение в Самарском Поволжье. Каталог археологических коллекций. Самара: СОИКМ им. Алабина, 2020. 122 с.

Халикова Е.А., Халиков А.Х. Ранние венгры на Каме и Урале (Больше – Тиганский могильник) / Археология евразийских степей. Вып. 25. Казань: Фэн, 2018. 106 с.

Харламов П.В. Сабли кочевников IX-XI вв. С территории степей Волго-Уралья // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2017. № 3. С. 406–412.

Информация об авторе:

Логинов Ярослав Сергеевич, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан (г. Казань, Россия); ассистент кафедры археологии и реставрации наследия Института Международных отношений, КФУ (г. Казань, Россия); y-loginov2012@mail.ru

REFERENCES

Bagautdinov, R. S., Bogachev A.V., et al. 1998. *Prabolgary na Srednei Volge. U istokov istorii tatar Volgo-Kam'ia (Pra-Bolgars in the Middle Volga Region. At the Origins of Tatar History)*. Samara: “SamVen” Publ. (in Russian).

Brazhnik, O. I., Kirsanov, R. S., Lifanov, N. A. 2000. In *Kraevedcheskie zapiski (Local History Notes)* 9, 188–198 (in Russian).

Vladimirov, S. A. 2017. Vooruzhenie i voennoe delo Dono-Donetskoy lesostepi vo vtoroy polovine VIII-nachale X vv. (saltovo-mayatskaya kul'tura) *(Weapons and military affairs of the Don-Donets forest-steppe in the second half of the 8th - early 10th centuries (Saltovo-Mayaki culture)).* Diss. of Candidate of Historical Sciences. Voronezh (in Russian).

Gening, V. F., Khalikov, A. Kh. 1964. *Rannie bolgary na Volge (Bol'she-Tarkhanskii mogil'nik) (Early Bolgars on the Volga River (Bolshie-Tarkhany Burial Ground))*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Danich, A. V. 2009. In Belavin, A. M. (ed.) *Trudy Kamskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition)* 6. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 38–49 (in Russian).

Kazakov, E. P. 1992. *Kul'tura ranney Volzhskoy Bolgarii etapy etnokul'turnoy istorii (The culture of early Volga Bolgaria: stages of ethnocultural history).* Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Kryganov, A. V. 1987. *Vooruzheniie i konskoe snariazhenie kochevnikov iuga Vostochnoi Evropy (Armament and Horse Equipment of the Nomads of the South of Eastern Europe in the 7th-10th cc.).* Diss. of Candidate Historical Sciences. Kharkov (in Russian).

Lifanov, N. A. 2017. In Makarov, N. A. (ed.). *Materialy XIII ezhegodnoy moskovskoy konferentsii «Vostochnye drevnosti v istorii Rossii. Epokha srednevekov'ya» (IA RAN, 12-14 aprelya 2016 g.) (Proceedings of the 13th Annual Moscow Conference “Eastern Antiquities in the History of Russia. The Middle Ages” (Institute of*

Archaeology of the Russian Academy of Sciences, April 12-14, 2016)). Moscow: 'Yazyki slavyanskoy kul'tury" Publ., 79–91 (in Russian).

Novichikhin, A. M. 2014. In Dvurechensky, O. V. (ed.). *Sbornik materialov Problemnogo soveta «Voennaya arkheologiya» pri GIM (Collection of materials of the "Military Archaeology" Problem Council under the State Historical Museum)* 3. Moscow: "Media Mir" Publ., 55–93 (in Russian).

Pshipiy, F. S. 2010. In Dzhigunova, F. K., Shovgenova, N. Z. (eds.). *Sbornik materialov nauchnykh statey natsional'nogo muzeya Respubliki Adygeya (Attribution of a Medieval Saber from the Archaeology Collection of the National Museum of the Republic of Adygea)* 2. Maykop: Publisher A.A. Grigorenko, 58–64 (in Russian).

Solov'ev, A. I. 1985. In Vasil'evsky, R. S., Kholyushkin, Yu. P. (eds.).

Problemy rekonstruktsii v arkheologii (Issues of reconstruction in archaeology). Novosibirsk: Siberian Branch of the Academy of Sciences of the USSR, 147–153 (in Russian).

Stashenkov, D. A. 2020. *(Drevnie vengry i ikh okruzhenie v Samarskom Povolzhye. Katalog arkheologicheskikh kollektsiy) (Ancient Hungarians and their surroundings in the Samara Volga region. Catalog of archaeological collections).* Samara: Regional Museum of Local Lore Publ. (in Russian).

Khalikova, E. A., Khalikov, A. Kh. 2018. *Rannie vengry na Kame i Urale (Bol'she – Tiganskiy mogil'nik) (Hungarians on the Kama and in the Urals (Bolshe-Tigansky burial mound)).* Series: Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of Eurasian Steppes) 25. Kazan^ "Fen" Publ. (in Russian).

Kharlamov, P. V. 2017. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)* 3, 406–412 (in Russian).

About the Author:

Loginov Yaroslav S., researcher of the department of medieval archeology of the Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov, str., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; y-loginov2012@mail.ru

Статья поступила в журнал 27.03.2025 г.
Статья принята к публикации 10.07.2025 г.

УДК 930 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.5.70.77

СВЕДЕНИЯ О МОГИЛЬНИКАХ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ИЗДАНИЙ)[1]

© 2025 г. Н.Г. Брюхова

В статье анализируются дореволюционные издания, содержащие информацию о древних могильниках на территории Пермского Предуралья. Автором выделены следующие группы источников: записки путешественников, описания коллекций, публикации краеведов, издания научных государственных и общественных организаций. К запискам путешественников относится описание археологических объектов на территории Пермской губернии, сделанное Н.П. Рычковым. Оно свидетельствует о том, что разрушение могильников вследствие хозяйственной деятельности крестьян происходило уже в XVIII в., а скорее всего, и раньше. В середине XIX в. появляются частные коллекции графа С.Г. Строганова, братьев Волеговых, Теплоуховых и др. Формирование значительного количества частных коллекций свидетельствует о больших объемах вещей, извлеченных из археологических памятников, в первую очередь могильников. Вторая половина XIX века отмечается расцветом научных обществ. Краеведческие исследования в Пермской губернии проводят Уральское общество любителей естествознания и Пермская ученая архивная комиссия. Их члены осуществляют археологические раскопки на территории региона и публикуют их результаты. Часть раскопок проходит при поддержке Императорской археологической комиссии и публикуется в ее отчетах. Сведения, полученные от дореволюционных авторов, можно использовать для оценки современного состояния уже известных могильников и для поиска еще не открытых.

Ключевые слова: Пермское Предуралье, дореволюционные издания, археология, могильники, краеведение.

DETAILS OF BURIAL GROUNDS IN THE PERM CIS-URALS (BASED ON MATERIALS OF PRE-REVOLUTIONARY PUBLICATIONS)[2]

N.G. Bryukhova

The paper analyzes pre-revolutionary publications containing information about ancient burial grounds in the Perm Cis-Urals. The author identifies the following groups of sources: travelers' notes, collection descriptions, local historians' publications, publications of state and public scientific organizations. The travelers' notes include a description of archaeological sites in Perm Governorate made by N.P. Rychkov. It shows that the destruction of burial grounds due to the economic activity of peasants occurred as early as in the 18th century, and most likely even earlier. Private collections of S.G. Stroganov, the Volegov brothers, the Teploukhovs, and others appeared in the mid-19th century. The formation of a significant number of private collections reflects the large volumes of items extracted from archaeological sites, primarily burial grounds. The second half of the 19th century is marked by the flourishing of scientific societies. Local history studies in Perm Governorate were carried out by the Urals Society of Devotees of Natural Science and the Perm Scientific Archival Commission. Their members conducted archaeological excavations in the region and published their results. Some excavations were supported by the Imperial Archaeological Commission, and their results were published in its reports. The details provided by pre-revolutionary authors can be used to assess the current state of already known burial grounds and to search for those not yet discovered.

Keywords: Perm Cis-Urals, pre-revolutionary publications, archaeology, burial grounds, local history.

[1] Работа выполнена по гранту Российского научного фонда № 23-68-10023, https://rscf.ru/project/23-68-10023/ (исследование и анализ материала) и по теме госзадания «Этнокультурные процессы в центре Евразии: археология и этнография Урала», рег. № 124021500047-2 (сбор и систематизация материала).

[2] The work was carried out under the grant of the Russian Science Foundation No. 23-68-10023, https://rscf.ru/project/23-68-10023 / (research and analysis of the material) and on the topic of the state assignment "Ethnocultural processes in the center of Eurasia: archaeology and ethnography of the Urals", reg. No. 124021500047-2 (collection and systematization of the material).

Введение

Древние могильники существуют независимо от того, знают о них люди или нет. Однако чем интенсивнее территории, на которых находятся памятники, обживаются и перестраиваются, тем чаще обнаруживаются в земле вещественные свидетельства жизни давно ушедших поколений.

На территории Пермского Предуралья (современный Пермский край) многие могильники известны с XIX в. Почти все они становились «открытыми» после находок местными жителями вещей и «кладов» на этих древних кладбищах.

В дореволюционных изданиях, посвященных истории земли Пермской, упоминаются различные археологические объекты, известные на тот период, в том числе могильники. Большинство этих памятников учтены и внесены в современный Реестр, часть объектов до сих пор не найдена, а некоторые найдены и «открыты» повторно.

При исследовании публикаций дореволюционных авторов можно проследить, как со временем менялся вектор их интереса. От собирания и исследования отдельных вещей до поиска чудских могильников, составления списков и карт расположения древних памятников. Нередко авторами описываются места находок, позже определенные исследователями как могильники.

Историки, посвящая работы становлению и развитию археологических исследований в России, непременно касались темы публикаций различных археологических сведений. Так, коллективом авторов написана работа, освещающая роль Императорской археологической Комиссии в археологическом изучении Пермского края (Игнатьева-Вильбоа, Крыласова, Белавин, 2019). На основе архивных документов Г.В. Длужневская подробно исследует начало археологического изучения данного региона и отдельную главу отводит биографическим сведениям о личностях, внесших свой вклад в развитие археологии (Длужневская, 2014). Однако отдельных работ, посвященных поиску информации о древних могильниках на территории Пермского Предуралья в дореволюционных изданиях, до сих пор не было.

Целью данной статьи является анализ опубликованных дореволюционных источников, содержащих информацию о местах, которые мы можем соотнести с известными на сегодняшний день могильниками.

Характеристика источников

Все имеющиеся источники можно разделить на несколько групп: записки путешественников, описания коллекций, публикации краеведов, издания научных государственных и общественных организаций.

Записки путешественников

Начать работу по истории публикаций следует с «Журнала, или Дневных записок путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства» Николая Петровича Рычкова, который принял участие в экспедиции Петра Палласа в 1769–1770 гг. и объездил часть Пермской провинции и соседних Вятской, Оренбургской, Казанской, Уфимской. В этих записках впервые упоминаются некоторые археологические памятники Пермской территории с привязкой к конкретной местности (Рычков, 1772, с. 74–75). И хотя в описаниях в основном упоминаются городища, некоторые из них можно связать с могильниками, расположенными поблизости. Так, на берегу р. Обвы у с. Рождественского местные жители приносили автору вещи, найденные на поле, среди них «пояс, украшенный множеством медных блях, сделанных наподобие сердечек», вещи из меди, хрусталя, бисера и цветных камней. Жители рассказали, что часто находят в этом месте золотые и серебряные кольца, перстни, серьги и «тому подобные женские уборы» (Рычков, 1772, с. 74–76). На этом месте сейчас располагается археологический комплекс, в который входит два городища – Рождественское и Филлиповское – и два могильника – языческий и мусульманский. Культурный слой также изучен за валом Рождественского городища – в посадской части.

Из текста ясно, что уже в то время вещи из древних поселений и могильников собирались местным населением. Эта группа источников характеризуется тем, что описание дается приезжими специалистами, путешествия которых охватывают значительную территорию, которая в том числе включала Пермское Предуралье.

Описание коллекций

Следующий импульс к изучению древностей связан с именем графа Сергея Григорьевича Строганова, который организовал в

своем Пермском имении «собирание случайных находок археологического характера» (Спицын, 1902, с. 1). По замечанию А.А. Спицына: «Ко времени вступления графа С.Г. в управление майоратом (1845 г.) находки ценных предметов в вотчине приметно участились» (Спицын, 1902, с. 1). Кроме коллекции самих графов Строгановых в Пермской губернии появляются частные собрания археологических предметов. Самые известные из них – это коллекция братьев Волеговых, коллекция Теплоуховых, коллекции М.Н. Зеликмана, С.В. Ешевского, П.И. Щукина. Про «богатое собрание древней утвари и древних вещей», принадлежавшее доктору Фуксу, известно очень приблизительно, что оно было куплено после смерти доктора и, возможно, переплавлено (Ешевский, 1859, с. 133). В своих очерках П.И. Мельников-Печерский описывает вещи, увиденные им в кабинете В.А. Волегова в селе Ильинском, и представляет их рисунки (Мельников-Печерский, 2017, с. 154–171). После смерти В.А. Волегова часть его коллекции была приобретена известным финским археологом Й.Р. Аспелиным, который включил эти вещи в Атлас финно-угорских древностей. Другая часть коллекции В.А. Волегова вошла в наиболее подробно опубликованное собрание Теплоуховых.

И хотя многие вещи, попавшие в коллекции, не имеют точной географической привязки, где это было возможно, вёлся учет мест происхождения находок. Так, к Атласу рисунков «Древности камской чуди по коллекции Теплоуховых» прилагается «Алфавитный указатель местонахождений», по которому сейчас можно сопоставить места находок вещей и известные могильники.

Появление значительного количества частных коллекций в то время свидетельствует о больших объемах вещей, извлеченных из археологических памятников. С другой стороны, спрос на древности и покупки их у населения провоцировали поиски и добычу артефактов, что приводило к разрушению археологических объектов.

Публикации краеведов

Многие исследования и публикации поддерживаются силой энтузиазма конкретной личности. Так, пермский общественный деятель, издатель, библиограф и краевед Дмитрий Дмитриевич Смышляев издает на собственные средства в Москве в 1859 и 1860 гг. два тома «Пермского Сборника». В них мы встречаем упоминания о древних могилах Александра Никифоровича Зырянова: «… находки заставляют окрестных жителей предполагать в курганах существование кладов, и оттого курганы разрываются тайно искателями кладов и большая часть из них уже раскопаны» (Зырянов, 1859, с. 130) – и Степана Васильевича Ешевского: «Число курганов весьма значительно в Пермской губернии… Они разрываются кладоискателями, убежденными, что под этими насыпями искали со своими сокровищами последнего убежища Чудаки или Чудь» (Ешевский, 1859, с. 133). Д.Д. Смышляев также обобщил информацию по археологии и истории региона, которая была опубликована в статьях в Пермских Губернских ведомостях в двух выпусках обозрения «Указатель статей, касающихся Пермской губернии и напечатанных в неофициальном отделе Пермских Губернских ведомостей» (Смышляев 1882, 1885).

Мы полагаем, что деятельность коллекционеров и краеведов свидетельствует о появлении интереса к древней истории региона у местного населения.

Публикационная деятельность научных обществ и ИАК

В середине – второй половине XIX в. во многих крупных городах России возникают научные общества, в том числе организации, которые занимаются древней историей своих и соседних регионов. Так, IV археологический съезд в Казани в 1877 г. послужил толчком к созданию «Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете» (Степанский, 1975, с. 42–43).

Общества объединяли историков, краеведов и других людей, увлеченных наукой. Например, уже упоминавшийся Алекса́ндр Ники́форович Зыря́нов, краевед, публицист, сотрудник «Пермских Губернских Ведомостей», состоял в Императорском Русском географическом обществе, Императорском Вольном Экономическом обществе, Уральском Обществе Любителей Естествознания и являлся действительным членом Пермского губернского статистического комитета (Смышляев, 1891, с. 280). Архиепископ Макарий, автор публикации «Памятники древности в Пермской губернии», был действительным членом Императорского Русского географического общества.

В 1870 г. в Екатеринбурге было создано Уральское общество любителей естествознания, или УОЛЕ. Эта организация вела активную научную и просветительскую деятельность вплоть до 1929 г. Одним из направлений работы общества было издание собственных трудов – «Записок УОЛЕ», которые выходили на протяжении 55 лет, с 1873 по 1927 гг. Всего было издано 40 томов «Записок». В них в том числе была представлена информация по археологии как восточной, так и западной части Пермской губернии (Шаманаев, 2023, с. 87).

В 1890 г., по инициативе Н.Н. Новокрещенных, который являлся членом УОЛЕ, в Перми было создано отделение этого общества – Пермская комиссия УОЛЕ. Одновременно с созданием комиссии как ее неотъемлемая часть был создан краеведческий музей.

В состав ПУАК, созданной в 1888 г., вошли известные местные историки и краеведы: Василий Никифорович Шишонко, Дмитрий Дмитриевич Смышляев, Александр Алексеевич Дмитриев, Фёдор Александрович Теплоухов и другие.

С 1892 г. с целью освещения деятельности членов комиссии и популяризации архивных документов началось издание «Трудов Пермской ученой архивной комиссии», всего было выпущено 12 томов. Информацию о состоянии некоторых могильников Пермской губернии можно найти в статьях из сборников Трудов: Теплоухов Ф.А. «Вещественные памятники каменного и бронзового периодов в западной части Пермской губернии» (Теплоухов, 1892), «Очерк деятельности Пермской Ученой Архивной Комиссии в 1893, 1894 и 1895 годахъ» (Очерк деятельности…, 1897), «Рисунки древностей Пермской чуди, принадлежащих Пермскому музею» (Теплоухов, 1897), Сергеев С.И. «Памятники древности близь сел Искора, Губдора В. Боровского Чердынского уезда» (Сергеев, 1897), Новокрещенных Н.Н. «Археологические исследования в западной части Пермской губернии» (Новокрещенных, 1901).

Читая статьи «Трудов ПУАК», посвященные исследованию древних могильников, нельзя не обратить внимание на печальную картину разорения памятников. Исследователи сталкиваются с разрушенными погребениями и с фактами распродажи археологических предметов: «…теперь находят при копании ям как бы клады вещей. Найденными вещами оперируют в Нижнем евреи, служащие Полежаева, владельца дачи» (Новокрещенных, 1901, с. 117). Как отмечают авторы, некоторые могильники носят следы неоднократного ограбления и в более ранний период, и в их современности: «Могильник оказался перерытым, не только в давнее время, но и в текущем году…» (Сергеев, 1897, с. 34). Здесь же мы читаем у Ф.А. Теплоухова: «В местах, заселенных некогда Пермскою чудью, несмотря на обилие вещественных памятников разного рода… не найдены до настоящего времени нетронутые могилы этого народа» (Теплоухов, 1897, с. 131–132).

В 1895 г. раскопки на севере края близ сел Искор, Верх-Боровское, д. Подбобыки и Боец на р. Колве Чердынского уезда Пермской губернии проводил секретарь Пермской комиссии УОЛЕ С.И. Сергеев. Судя по публикации результатов раскопок в третьем выпуске «Трудов ПУАК» (Сергеев, 1897), им было вскрыто 200 могил, из которых не оказалось ни одного целого (не разрушенного, не разграбленного прежде) погребения. Поэтому и количество находок оказалось незначительным. При этом часть памятников оказалась не могильниками, а поселениями (Длужневская, 2014, с. 174).

В конце XIX в. важную роль в изучении могильников на территории Прикамья сыграла Императорская археологическая комиссия (ИАК), созданная в феврале 1859 г. Она выпускала свои труды, которые назывались «Отчеты Императорской археологической комиссии». Отчеты выходили ежегодно на протяжении 57 лет (с 1862 по 1918 гг.). В них содержались сведения о работах, проведенных за период с 1859 г. (момента основания комиссии) до 1913–1915 гг. В отчетах в том числе содержатся сведения об археологических раскопках в Пермской губернии. Вещи с территории губернии фигурируют и в разделе «Случайные находки, частные приношения и приобретения».

Здесь мы читаем о важном решении: «В 1893 г. Императорская Археологическая Комиссия приступила к осуществлению своего давнишнего намерения – произвести исследования в районе камской чуди. Своею оригинальностью и богатством пермские древности с давнего времени привлекали археологов и любителей. Уже собраны целые коллекции из них… отыскание древних

могильников в области пермской чуди составляет одну из наиболее интересных очередных задач» (ОАК за 1901 г., 1903, с. 21). Решить эту задачу в Пермские земли был направлен ординарный профессор Казанского университета по кафедре всеобщей истории И.Н. Смирнов. Его поездка на р. Чусовую не увенчалась успехом. Места, известные у местного населения под именем «чудских могильников, оказались изрытыми множеством небольших ям площадками, на которых не было обнаружено ни вещей, ни присутствия костей, хотя «могильники» были подвергнуты пробным изысканиям в нескольких местностях (в с. Вереино, д. Шушпанки, д. Заозерье и д. Баской)» (ОАК за 1901 г., 1903, с. 22).

В 1900–1902 гг. раскопки средневековых могильников на территории нынешнего Пермского края были проведены аспирантом Казанского университета В.Л. Борисовым. Средства для проведения работ (200 руб. ежегодно) выделялись ИАК. Выбор могильников для исследования был сделан по рекомендации А.А. Спицына. Судя по краткому отчету, представленному в ИАК, им были исследованы Харинский, Агафоновский, Бурдаковский первый, Пыштайнский, Бельковский курганные могильники V–VI вв. В.Л. Борисовым в общей сложности было раскопано 68 насыпей с 86 погребениями (ОАК за 1900 г., 190, с. 87–89; ОАК за 1901 г., 1903, с. 115). Помимо этого, было изучено еще два более поздних могильника в районе д. Бурдакова. Материалы раскопок сегодня хранятся в Государственном Эрмитаже. В ИАК автором также были представлены опись и фотографии находок из его раскопок и предметов, которые были куплены у местных жителей (Длужневская, 2014, с. 120).

А.А. Спицын, исследуя могильник у деревни Шибанова, пишет в отчете: «Могильник лежит в крестьянском лесу и по внешнему виду представляет собой легкую покатость, усеянную неправильными рядами и группами ямок. Было исследовано до 40 таких углублений, причем оказалось, что почти все они вырыты в грунтовых могилах и содержат на дне перерытые и перемешанные человеческие кости» (ОАК за 1893 г., 1895, с. 114).

Одним из ценнейших источников информации о расположении и состоянии могильников в Пермском Предуралье являются работы Ивана Яковлевича Кривощёкова – известного географа, этнографа, историка-краеведа и общественного деятеля.

Началом историко-археологической работы И.Я. Кривощекова можно считать статью «Справка о прошлом Иньвенского Края», изданную в 1894 г. (Кривощеков, 1894). В 1911 г. издается работа «Пермь Великая, ее живая старина и вещественные памятники» (Кривощеков, 1911). К этой статье прилагается археологическая карта Чердынского уезда. Важные сведения о расположении археологических памятников собраны в «Словаре географическо-статистическом Чердынского уезда Пермской губернии» (Кривощеков, 1914). Текст словаря снабжен сносками, которые имеют самостоятельное научное значение. В частности, в нем можно найти список селений и урочищ уезда с указанием местонахождения отдельных находок и остатков старины. Можно встретить такие описания: «Болото, д. вблизи д. Антипиной и р. Язьвы, притока Вишеры Верх-Язьвинской волости. В окрестностях селения находятся чудские ямы и встречаются находки чудских изделий. Личные наблюдения автора в 1910 г.» (Мазур, 2011, с. 294).

Ученый-археолог, действительный член УОЛЕ, исследователь археологических памятников Урала Владимир Яковлевич Толмачёв говорил, что «...каковы бы ни были предметы сами по себе, научную ценность они представляют в том случае, если точно известны место и условия обнаружения вещи каждой в отдельности и по отношению к другим аналогичным древностям данного района...» (Длужневская, 2014, с. 40).

В публикациях местных научных обществ и в отчетах ИАК уже заметно стремление к планомерному изучению древних памятников, и в частности могильников, к систематизации и картографированию мест обнаружения древностей.

Заключение

Подводя итоги исследования, необходимо отметить, что сложность в поиске информации о древних могильниках составляет факт наименования большинства археологических объектов городищами или поселениями. Авторы сами сталкиваются с такими названиями мест и нередко продолжают так атрибутировать объект: «На этом песчаном холме видны следы чудских могил, могильник этот также носит наименование городища» (Кривощеков, 1914, с. 92).

Так, и А.А. Спицын отмечает: «Сторона практических исследований в пермских древностях до последних раскопок была настолько слаба, что еще в 1894 г. в Пермской губ. не было известно могильников: о них можно было только гадать» (Спицын, 1902, с. 17).

Уже в советское время И.Г. Остроумов, хранитель Пермского государственного областного музея, краевед, общественный деятель, в 1926 г. в статье «Сводка сведений о находке доисторических предметов в Приуралье и несколько выводов из нее», опубликованной в «Пермском краеведческом сборнике», составленной на основании печатных, рукописных и лично собранных сведений, указывает среди памятников 216 городищ и всего 41 могильник (Остроумов, 1926, с. 12).

Вряд ли могильники не были известны населению и тем, кто был заинтересован в сборе древностей. Но пока археологи не занялись планомерными раскопками некрополей, чаще можно было встретить в литературе название «чудские ямы».

Исследователи ехали копать те места, которые были известны по вещам, доставленным оттуда. И поэтому попадали на археологические памятники, уже подвергшиеся разрушению. Причину разорения авторы видят в освоении и распашке новых земель: «площадь расчисток новин из-под леса, на которой делались самые интересные находки, сокращается с каждым годом, а на полях, расположенных на бывших чудских городищах и селищах, древности попадаются все реже и реже» (Теплоухов, 1897, с. 152). Постфактум многие из подобных мест были интерпретированы как могильники.

Сведения, полученные от дореволюционных авторов, при тщательном изучении возможно наложить на актуальную карту археологических памятников Пермского края. Это позволит раскрыть важные особенности современного состояния могильников и откроет перспективы для поиска ещё не выявленных объектов.

ЛИТЕРАТУРА

Длужневская Г.В. Археологические исследования в Европейской части России и на Кавказе в 1859–1919 гг. (по документам Научного архива Института истории материальной культуры РАН). СПб.: ЛЕМА, 2014. 218 с.

Ешевский С.В. Заметки о Пермских древностях // Пермский сборник. 1859. Кн. 1. С. 132–142.

Зырянов А.Н. Заметка о курганах в Шадринском уезде // Пермский сборник. 1859. Кн. 1. С. 130–131.

Игнатьева-Вильбоа О.В., Крыласова Н.Б., Белавин А.М. Глава VIII. Императорская археологическая Комиссия и археология Пермского края // Императорская археологическая комиссия (1859–1917): история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы. Т. 2. 2-е изд., перераб. и дополненное/ ред.-сост. А.Е. Мусин, М.В. Медведева. СПб.: ИИМК РАН, 2019. С. 895–920.

Кривощеков И.Я. Справка о прошлом Иньвенского края // Материалы для истории села Кудымкора Соликамского уезда, Пермской губернии. Пермь: Типография Н-ков П.Ф. Каменского, 1894. С. 10–14.

Кривощеков И.Я. Пермь Великая, её живая старина и вещественные памятники. Археологическо-этнографические заметки по Чердынскому уезду с картой, под редакцией с примечаниями А.Ф. Теплоухова. Пермь. 1911. 61 с., 1 л. карт.

Кривощеков И.Я. Словарь географическо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии. Пермь, 1914. 841 с., 5 л. ил., карт.; 25.

Мазур Л.Н. Из истории создания историко-географических справочников по Среднему Уралу // Документ. Архив. История. Современность. 2011. № 12. С. 287–298.

Мельников-Печерский П.И. Дорожные записки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь. СПб.: Маматов, 2017. 228 с.

Новокрещенных Н.Н. Археологические исследования в западной части Пермской губернии. // Труды Пермской ученой архивной комиссии Вып. 4. Пермь, 1901, С. 107–141.

ОАК за 1893 г. СПб, 1895.

ОАК за 1900 г. СПб, 1902.

ОАК за 1901 г. СПб, 1903.

Остроумов И.Г. Сводка сведений о находке доисторических предметов в Приуралье и несколько выводов из нее // Пермский краеведческий сборник. 1926. Вып. 2. С. 12–16.

Очерк деятельности Пермской Ученой Архивной Комиссии в 1893, 1894 и 1895 годахъ // Труды Пермской ученой архивной комиссии. Вып. 3. Пермь, 1897. С. 3–16.

Рычков Н.П. Продолжение Журнала или Дневных записок путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российскаго государства, в 1770 году. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1772. 133 с.

Сергеев С.И. Памятники древности близь сел Искора, Губдора В. Боровского Чердынского уезда. // Труды Пермской ученой архивной комиссии. Вып. 3. Пермь, 1897. С. 25–40.

Смышляев Д.Д. Указатель статей, касающихся Пермской губернии и напечатанных в неофициальном отделе Пермских губернских ведомостей в течение сорокалетия 1841–1880 // Сборник статей, касающихся Пермской губернии и помещенных в неофициальной части губернских ведомостей в период 1842–1881 гг. / сост. Д.Д. Смышляев. Пермь: Типография Губернского правления, 1882. С. 1–83.

Смышляев Д.Д. Указатель статей, касающихся Пермской губернии и напечатанных в неофициальном отделе Пермских Губернских Ведомостей, в течение 1881–1884 годов: вып. II. Пермь: Типография Губернского Правления, 1885. 30 с.

Смышляев Д.Д. Сборник статей о Пермской губернии. Пермь: Типолитография губернского правления, 1891. 297 с.

Спицын А.А. Древности камской чуди по коллекции Теплоуховых. Атлас рисунков с предисловием Члена Императорской Археологической Комиссии А. А. Спицына / МАР. Вып. 26. СПб.: Типография В. Безобразова и К˚, 1902, 150 с.

Степанский А.Д. К истории научно-исторических обществ в дореволюционной России. // Археографический ежегодник за 1974 год / Отв. ред. С.О. Шмидт. М.: Наука, 1975. С. 38–55.

Теплоухов Ф.А. Вещественные памятники каменного и бронзового периодов в западной части Пермской губернии. // Труды Пермской ученой архивной комиссии, Пермь,1892. Вып. 1. С. 1–37.

Теплоухов Ф.А. Чудское жертвенное место на р. Колве // Труды Пермской ученой архивной комиссии. Вып. 3. Пермь, 1897. С. 131–151.

Теплоухов Ф.А. Рисунки древностей Пермской чуди, принадлежащих Пермскому музею. // Труды Пермской ученой архивной комиссии. Вып. 3. Пермь, 1897. С. 152–163.

Шаманаев А.В. Вопросы охраны культурного наследия в «Записках Уральского общества любителей естествознания» (конец XIX – начало XX в.) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2023. Т. 25, № 2. С. 82–97.

Информация об авторе:

Брюхова Наталья Геннадьевна, научный сотрудник Института гуманитарных исследований, Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН; ведущий специалист лаборатории археологической трасологии, антропологии, экспериментальной археологии НИИ Археологии и антропологии, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь, Россия); nat-bryukhova@yandex.ru

REFERENCES

Dluzhnevskaya, G. V. 2014. *Arkheologicheskie issledovaniia v Evropeiskoi chasti Rossii i na Kavkaze v 1859–1919 gg. (po dokumentam Nauchnogo arkhiva Instituta istorii material`noi kul`tury` RAN) (Archaeological Studies in the European Part of Russia and the Caucasus in 1859–1919 (According to the Documents of the Scientific Archive of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences))*. St. Petersburg: LEMA (in Russian).

Eshevsky, S. V. 1859. In *Permskiy sbornik (Perm collection)* (1), 132–124 (in Russian).

Zyryanov, A. N. 1859. In *Permskiy sbornik (Perm collection)* (1), 130–131 (in Russian).

Ignat'eva-Vilboa, O. V., Krylasova, N. B., Belavin, A. M. 2019. In Musin, A. E., Medvedeva, M. V. (eds*.). Imperatorskaya arkheologicheskaya komissiya (1859–1917): istoriya pervogo gosudarstvennogo uchrezhdeniya rossiyskoy arkheologii ot osnovaniya do reformy (The Imperial Archaeological Commission (1859-1917). History Of The First State Institution Of Russian Archaeology From The Beginning Until The Reform)* 2. Saint Peterburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences; "Periferiia" Publ., 895–920 (in Russian).

Krivoshchekov, I. Ya. 1894. In *Materialy dlya istorii sela Kudymkora Solikamskogo uezda, Permskoy gubernii (Materials about the history of Kudymkora village, Solikamsky Uyezd, Perm Governorate).* Perm: "Tipografiya N-kov P.F. Kamenskogo" Publ., 10–14 (in Russian).

Krivoshchekov, I. Ya. 1911. *Perm' Velikaya, ee zhivaya starina i veshchestvennye pamyatniki. Arkheologicheskо-etnograficheskie zametki po Cherdynskomu uezdu s kartoy (Perm the Great, its living antiquity and physical monuments. Archaeological and ethnographic notes about Cherdynsky Uyezd with a map).* Perm (in Russian).

Mazur, L. N. 2011. In *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost' (Document. Archive. History. Modernity)* 12, 287–298 (in Russian).

Melnikov-Pechersky, P. I. 2017. *Dorozhnye zapiski na puti iz Tambovskoy gubernii v Sibir' (Travel notes taken on the way from Tambov Governorate to Siberia).* Saint Petersburg: "Mamatov" Publ. (in Russian).

Novokreshchennukh, N. N. 1901. In *Trudy Permskoi uchenoi arkhivnoi komissii (Proceedings of the Perm Academic Archival Commission)* 4, Perm, 107–141 (in Russian).

1895. *Otchet Arkheologicheskoi komissii za 1893 g. (Report of the Archaeological Commission from 1893).* Saint Petersburg (in Russian).

1902. *Otchet Arkheologicheskoi komissii za 1900 g. (Report of the Archaeological Commission from 1900).* Saint Petersburg (in Russian).

1903. *Otchet Arkheologicheskoi komissii za 1901 g. (Report of the Archaeological Commission from 1901).* Saint Petersburg (in Russian).

Ostroumov, I. G. 1926. In *Permskiy kraevedcheskiy sbornik (Perm local history collection)* 2, 12–16 (in Russian).

In 1897. *Trudy Permskoi uchenoi arkhivnoi komissii (Proceedings of the Perm Academic Archival Commission)* 3, Perm, 3–16 (in Russian).

Rychkov, N. P. 1772. *Prodolzhenie Zhurnala ili Dnevnykh zapisok puteshestviya kapitana Rychkova po raznym provintsiyam Rossiiskago gosudarstva, v 1770 godu (Continuation of the Journal or Daily Notes by Captain Rychkov to Various Provinces of the Russian State in 1770).* Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).

Sergeev, S. I. 1897. In *Trudy Permskoi uchenoi arkhivnoi komissii (Proceedings of the Perm Academic Archival Commission)* 3, Perm, 25–40 (in Russian).

Smyshlyaev, D. D. 1882. In Smyshlyaev, D. D. (comp.). *Sbornik statey, kasayushchikhsya Permskoy gubernii i pomeshchennykh v neofitsial'noy chasti gubernskikh vedomostey v period 1842–1881 gg. (Collection of articles that concern Perm Governorate and were published in the unofficial part of the Governorate's Gazette in 1842-1881).* Perm: "Tipolitografiya gubernskogo pravleniya" Publ. , 1–83 (in Russian).

Smyshlyaev, D. D. 1885. *Ukazatel' statey, kasayushchikhsya Permskoy gubernii i napechatannykh v neofitsial'nom otdele Permskikh Gubernskikh Vedomostey, v techenie 1881–1884 godov (Index of articles that concern Perm Governorate and were published in the unofficial part of the Perm Governorate's Gazette in 1881-1884).* Perm: "Tipolitografiya gubernskogo pravleniya" Publ. (in Russian).

Smyshlyaev, D. D. 1891. *Sbornik statey o Permskoy gubernii (Collection of articles about the Perm province).* Perm: "Tipolitografiya gubernskogo pravleniya" Publ. (in Russian).

Spitsyn, A. A. 1902. *Drevnosti Kamskoy chudi po kollektsii Teploukhovykh (Antiquities of the Kama Chud' People from the Teplouhovs collection)*. Series Materialy po arkheologii Rossii (Proceedings for the Archaeology of Russia) 26. Saint Petersburg: Bezobrazov Tipografy (in Russian).

Stepansky, A. D. 1975. In Shmidt, S. O. (ed). *Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1974 god (Archaeographic year-book for 1974)*. Moscow: "Nauka" Publ., 38–55 (in Russian).

Teploukhov, F. A. 1892. In *Trudy Permskoi uchenoi arkhivnoi komissii (Proceedings of the Perm Academic Archival Commission)* 1, Perm, 1–37 (in Russian).

Teploukhov, F. A. 1897. In *Trudy Permskoi uchenoi arkhivnoi komissii (Proceedings of the Perm Academic Archival Commission)* 3, Perm, 131–151 (in Russian).

Teploukhov, F. A. 1897. In *Trudy Permskoi uchenoi arkhivnoi komissii (Proceedings of the Perm Academic Archival Commission)* 3, Perm, 152–163 (in Russian).

Shamanaev, A. V. 2023. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2, Gumanitarnye nauki (Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities And Arts)* 25 (2), 82–97 (in Russian).

About the Author:

Bryukhova Natalya G. Perm Federal Research Center, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Lenina st., 13a, Perm, 614990, Russian Federation; Perm State Humanitarian Pedagogical University (PSHPU). Sibirskaya Str., 24, Perm, 614990, Russian Federation; nat-bryukhova@yandex.ru

Статья поступила в журнал 31.10.2024 г.
Статья принята к публикации 21.09.2025 г.

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.5.78.107

ФОРТИФИКАЦИЯ БИЛЯРА[1]

© 2025 г. В.Ю. Коваль

Археологическое изучение укреплений Биляра проводилось с 1968 по 1982 гг. За это время было сделано 13 разрезов на всех валах как внутреннего, так и внешнего колец укреплений, а также на 4-х рвах. Лишь часть этих разрезов сопровождались площадными раскопками, а методический уровень соответствовал своему времени. В публикациях по итогам этих исследований было высказано предположение, что валы являлись насыпями, поверх которых были установлены деревянные стены. Изучение публикаций и отчетной документации показало, что в действительности наиболее древние валы является руинами древо-земляных стен, подобных древнерусским, а более поздние представляли собой именно насыпи. Определена этапность перестроек стен и некоторые их размерные показатели. Однако несовершенство методики раскопок полувековой давности не позволило получить весь комплекс сведений об укреплениях Биляра и не все валы сегодня могут быть надежно интерпретированы в виде стен или насыпей.

Ключевые слова: археология, фортификация, средневековье, Волжская Булгария, валы, рвы, древо-земляные стены.

FORTIFICATION OF BILYAR[2]

V.Yu. Koval

Archaeological study of the fortifications of Bilyar was carried out from 1968 to 1982. During this period, 13 cuts were made on all the ramparts of both the inner and outer rings of the fortifications, as well as on 4 ditches. Only some of these cuts were accompanied by area excavations, and the methodological level corresponded to its time. Publications based on the results of these studies suggest that the ramparts were embankments on top of which wooden walls were installed. The study of publications and reporting documentation showed that in fact the most ancient ramparts are the ruins of wood-earth walls, similar to the ancient Russian ones, and the later ones were actually embankments. The stages of wall reconstruction and some of their dimensional indicators were determined. However, the imperfection of the excavation technique practiced half a century ago did not allow to obtain the full range of information about the fortifications of Bilyar, and not all ramparts can be reliably interpreted today as walls or embankments.

Keywords: archaeology, fortification, the Middle Ages, Volga Bolgaria, ramparts, ditches, wood-earth walls.

Биляр является самым крупным городом Волжской Булгарии с самой крупной и сложной системой оборонительных сооружений. Важность знаний об устройстве этих сооружений, их конкретном воплощении в древности трудно переоценить. Эти знания определяют представления о путях развития средневековой фортификации и общем развитии военного дела Волжской Булгарии. Между тем такие знания крайне ограниченны, поскольку валы Билярского городища изучались эпизодически на протяжении 1968–1982 гг.[1] В это время проводились зачистки обнажений и прорезки валов и рвов как внутреннего, так и внешнего города. Результаты этих работ опубликованы, но все же не в полной мере. Наряду с фиксацией профилей траншей, прорезавших валы, иногда снимались и планы этих траншей, но все же раскопки валов по пластам не производились, а на планах не отображались все детали (конфигурация и состав прослоек разнообразных грунтов). По этой причине сегодня очень трудно разобраться в том, какие именно конструкции были обнаружены здесь при раскопках. Причем во всем этом нет вины руководителей раскопок, пользовав-

[1] Исследование выполнено в рамках госзадания Института археологии РАН по теме «Города в культурном пространстве Северной Евразии в средневековье» (№ НИОКТР 122011200266-3).

[2] The research was carried out within the framework of the state task of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences on the topic “Cities in the cultural space of Northern Eurasia in the Middle Ages” (No. R&D 122011200266-3).

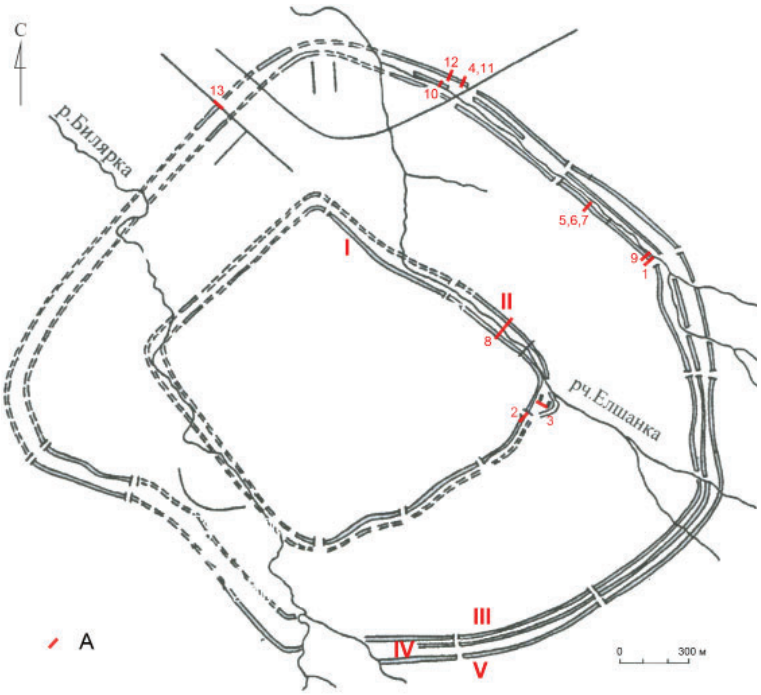

Рис. 1. План валов Билярского городища с размещением их разрезов (римскими цифрами указаны номера валов): 1 – раскоп VII (1968 г.); 2 – раскоп VI (1968 г.); 3 – траншея 1972 г. между раскопами XV и XVI; 4 – разрез 1 (1975 г.); 5 – разрез 2 (1975 г.); 6 – раскоп 1979 г.; 7 – раскоп XXXI (1982 г.); 8 – раскоп XXX (1982 г.); 9 – раскоп XXXV (1982 г.); 10 – раскоп XXXIV (1982 г.). 11 – раскоп XXXII (1982 г.). 12 – раскоп XXXIII (1982 г.). 13 – разрез вала и рва в траншее 8 (1982 г.). *Раскопы показаны без соблюдения масштаба, как условные знаки траншей.*

Fig. 1. Layout of the ramparts of Bilyar settlement with the arrangement of their sections (the rampart numbers are indicated in Roman numerals); 1 – excavation VII (1968); 2 – excavation VI (1968); 3 – trench 1972 between excavations XV and XVI; 4 – section 1 (1975); 5 – section 2 (1975); 6 – excavation 1979; 7 – excavation XXXI (1982); 8 – excavation XXX (1982); 9 – excavation XXXV (1982); 10 – excavation XXXIV (1982); 11 – excavation XXXII (1982); 12 – excavation XXXIII (1982); 13 – rampart and ditch section in trench 8 (1982); *The excavations are not to scale and are shown as conventional trench marks.*

шихся теми методическими правилами, которые действовали в российской археологии на протяжении XX в. до появления разработок Ю.Ю. Моргунова (2009; 2019).

Историография исследований

Поначалу исследование билярских фортификаций было связано преимущественно с изучением тех мест, где валы и рвы оказались прорезаны тяжелой техникой с различными целями (прокладка дорог, строительство запруд, силосных ям). Однако самые первые профили валов внутреннего и внешнего города были получены в 1968 г. (Халиков, 1968) в ходе закладки узких траншей (раскоп VII[2] во внутреннем городе и раскоп VI[3] во внешнем городе) (рис. 1: 1, 2). Эти профили были частично опубликованы А.Х. Халиковым (1976, рис. 14, 16), высказавшим предположение о том, что прослойки угля, выявленные в них, остались от сгоревших деревянных стен (Халиков, 1976, с. 27, 49, 50). Однако в отношении вала внутреннего города эта гипотеза никак не подтверждается: на опубликованном фрагменте профиля раскопа VII прослойка угля показана в том месте (Халиков, 1976, рис. 14), где на отчетном чертеже никакого угля не обозначено. Единственным местом, где в раскопе был зафиксирован уголь, было обширное пятно на противоположном конце раскопа, который приходился на проем в валу[4] (Халиков, 1968, л. 79). Раскоп VII затронул лишь самый край сильно поврежденного вала высотой всего 0,8 м, так что его профиль не позволил получить ни полного представления о стратиграфии этой насыпи, ни о ее размерах (поэтому в дальнейшем материалы этого раскопа не рассматриваются).

Уже по первой публикации А.Х. Халикова видно, как трудно оказалось разобраться с наименованиями валов Биляра: ведь как у внутреннего города, так и у внешнего имелись свои внутренний и внешний валы, а повторы слов «внутренний» и «внешний» создавали проблему контаминации. По мере появления всё новых разрезов (всего их 13) понять, какой разрез к какому валу относился, становилось все труднее. Поэтому для исключения путаницы предпочтительна сквозная нумерация валов Билярского городища: внутренний вал «внутреннего города» – вал I, внешний вал того же города – вал II, внутренний вал «внешнего города» – вал III, вторая (или средняя) линия – вал IV, третья (внешняя) линия – вал V (рис. 1).

Важны для топографии укреплений Биляра, но непригодны для изучения конструкций

его фортификации профили, полученные на раскопе XIII, где был вскрыт край рва, проходившего перед валом III (Халикова, 1976, рис. 79, 80), и в шурфе, прорезавшем вершину вала III в траншее 4 (Халиков, 1976, рис. 19). Они также здесь не рассматриваются и к числу разрезов укреплений не отнесены.

Гораздо более интересны разрезы, полученные при работах 1968–1972 гг. на раскопах XV и XVI, которыми исследовался так называемый «форт» – группа всхолмлений у восточного угла «внутреннего города», составлявших, возможно, вал, огибавший с севера, востока и юга руины изученного раскопками кирпичного здания, интерпретированного поначалу как «караван-сарай» (именно с таким названием это здание и фигурирует в литературе), но, несомненно, являвшегося руинами бани (Зиливинская, 2020, с. 149–154). Укрепления «форта» остались неизученными, т. к. в пределы раскопа XVI (1968–1972 гг.) попали только края всхолмлений вокруг этого объекта. Юго-западный край раскопа XV прорезал внешнюю полу всхолмления, рассматривавшегося как часть вала, окружавшего «форт» (Халикова, 1976, рис. 60, 61). Под этим валом обнаружены остатки разрушенного жилища и прорезавшие его погребения, что дало возможность датировать перекрывавший все эти объекты вал временем не ранее конца XII в. (Халикова, 1976, с. 117). Это важное наблюдение для датировки оборонительных линий Биляра, но о конструкции фортификаций проведенные тут раскопки сведений не дали.

Интересен также разрез рва и перекрывшего его вала, зафиксированный в центре «форта», в траншее 1971 г., соединившей раскопы XV и XVI (Халиков, Шарифуллин, 1976, рис. 49) (рис. 1: 3). Ров (шириной не более 8 м при глубине 1–1,5 м), вырытый, судя по стратиграфическим наблюдениям, на самом раннем этапе освоения территории, проходил всего в 10 м от стен бани и вряд ли служил для того, чтобы ее «окружать» (как полагали руководители раскопок), поскольку только затруднял бы проход к ней, что вряд ли могло ставиться целью его создания. «Защищать» же баню от кого бы то ни было не имело никакого смысла. От вала I этот ров находится слишком далеко (примерно в 40 м). Нельзя связывать этот ров и с валом II (частью которого и являлся сам «форт»), поскольку ров перед этим валом был в несколько раз крупнее (см. ниже). Поэтому назначение рассматриваемого рва остается пока неясным, и даже возникают сомнения в том, ров ли это, а не какой-то иной объект. «Вал», перекрывший рассматриваемый ров (его ширина 10 м, высота около 1 м), также является загадкой, поскольку у него не было своего рва, а потому неясно, откуда был добыт грунт для этой насыпи. Да и сама эта насыпь слишком ничтожна, чтобы иметь фортификационнное назначение. Возможно, это вовсе не вал, какое-то иное сооружение. Но делать какие-либо окончательные выводы по разрезу 1971 г., полученному в траншее шириной 1 м всего в одной точке «форта», представляется преждевременным. Необходимо более полно изучить эти странные объекты («ров» и «вал»), чтобы получить хоть какое-то представление об их датировке и назначении.

В 1975 г. А.Х. Халикову удалось провести зачистки обнажений на валах III и V в северо-восточной части городища (рис. 1: 4, 5). Эти разрезы были впоследствии опубликованы Ф.Ш. Хузиным (1985, рис. 1, 6), но они не принесли в то время существенного прибавления знаний о фортификациях Биляра.

Новый этап изучения оборонительной системы Биляра наступил в 1979 г., когда Билярская экспедиция приступила с масштабным раскопкам валов (Халиков и др., 1979). Первый такой раскоп (траншея шириной 2 м с расширениями до 3–5 м) был заложен на валу III рядом с разрезом 1975 года. Ситуационный план раскопа в отчете отсутствует, но по описанию и фотографиям становится ясно, что он размещался к северо-западу от прохода в валу. При этом в отчете представлены два разреза вала в профилях раскопа, названных северным и южным, хотя южный профиль имеет напольную сторону там же, где и северный (Халиков и др., 1979, рис. 123, 124). Сравнение этого «южного» профиля с разрезом 1975 г. демонстрирует их большую близость. Очевидно, что профиль, названный в отчете 1979 г. «южным», являлся еще одной зачисткой северной стороны прохода в валу, сделанной перед началом работ. Этот профиль действительно размещался к югу от раскопа, но он не мог быть для раскопа «южным», поскольку с юга от раскопа находился проход в валу и снять южный профиль тут было невозможно. Таким образом, траншея 1979 г. не имела южного профиля, а вскрывалась начиная от края прохода.

Закладка раскопа на краю прохода в валу позволила впервые провести раскопки, вскрывая вал не целиком, а отдельными горизонтами, что опять же впервые дало возможность зафиксировать несколько разных планов раскопа. Правда, «горизонты», которые руководитель раскопа М.М. Кавеев заранее определил как уровни, отделявшие один строительный горизонт вала от другого, являлись криволинейными пластами разной толщины, и их поверхности не обозначены на профилях раскопа, так что соотнести полученные планы с профилями практически невозможно. Тем не менее впервые был получен не сводный план всех встреченных в валу объектов, а несколько планов, позволяющих лучше понять, что же было тут обнаружено. Впрочем, это мало помогло изучению вала, поскольку при зарисовке этих горизонтов разница в грунтах не фиксировалась и на план наносились лишь очевидные нарушения – канавки, столбовые ямы, другие перекопы, которые воспринимались в виде следов «навальных конструкций». По итогам этих работ руководитель раскопа издал в 1981 г. статью, в которой изложил свое представление о четырех горизонтах насыпи вала (Кавеев, 1981).

В 1981–1982 гг. билярские валы подверглись наиболее полному исследованию за все годы изучения этого памятника. Были заложены шесть раскопов и проведена одна зачистка обнажения в строительной траншее (Кавеев, Хузин, 1981; 1982), которыми были изучены оба вала внутреннего города (раскоп XXX) и все три вала внешнего города (раскопы XXXI–XXXV). При этом в двух случаях раскопы были заложены встык с раскопами или зачистками разрезов, сделанными в прошлые годы. Впервые были разрезаны валы I и II (внутреннего города), а также валы IV и V (внешнего города).

Материалы этих раскопок были опубликованы уже в 1985 г. в двух больших статьях, в которых были представлены графические изображения разрезов укреплений как внутреннего города (Хузин, Кавеев, 1985), так и внешнего (Хузин, 1985). При описании валов постоянно упоминались «следы навальных конструкций», под которыми понимались мелкие канавки (отпечатки бревен?) и ямки от небольших вертикально вкопанных столбов, которые иногда назывались «городнями» (Хузин, 1985, с. 79); они явно не имели ничего общего со срубами-городнями древо-земляных стен древнерусских городов. Объясняется это недоразумение тем, что в те годы исследователей Биляра интересовали не столько конструкция оборонительных сооружений, сколько датировка как самих валов, так и того культурного слоя, который иногда обнаруживался под ними.

После 1982 г. фортификация Биляра более не исследовалась. Современный специалист по фортификации Волжской Булгарии А.М. Губайдуллин в целом солидаризируется с выводами, полученными в 1980-е гг. (2019, с. 53–57), предлагая при этом реконструкции деревянных защитных сооружений на вершинах валов, включающие наряду с частоколами линии из пустотелых клетей с обламами и бойницами для огнестрельного оружия по образцу русских крепостей XVII в. (Губайдуллин и др., 2016, рис. 8; 2019, рис. 55). Эти реконструкции не основываются на конкретном археологическом материале, поскольку базируются лишь на самых общих представлениях о внешнем виде билярских фортификаций и ссылках на выводы предшествовавших исследователей (А.Х. Халикова, Ф.Ш. Хузина, М.М. Кавеева). Кажется спорной и мысль А.М. Губайдуллина о том, что обнаруженные 25 и 45 м от рва, проходившего перед валом V, «два ряда» глубоких столбовых ям (Халиков, 1976, с. 54; рис. 19), представляли собой дополнительную ограду, названную «фоссебреей» по аналогии с европейской фортификацией (Губайдуллин, 2019, с. 56). Эта гипотеза базируется на том факте, что в траншее, выходившей за пределы крепости, при наблюдениях были обнаружены столбовые и прочие ямы. Однако никаких раскопок в месте обнаружения этих ям не проводилось, поэтому нет данных о том, располагались ли они рядами или бессистемно, были связаны с обороной или с усадебным хозяйством.

Вместе с тем безусловной заслугой А.М. Губайдуллин является указание на возможность вторичного использования древних билярских валов при возведении укреплений Закамской засечной черты (Шакиров, Хузин, Губайдуллин, 2007, с. 137). В состав этой черты входил и Билярский острог, при строительстве которого, вероятно, были использованы древние укрепления булгарского времени (Могилевский и др., 2022, с. 239). Однако плана или описания этого острога не

сохранилось, поэтому его связь с остатками укреплений Биляра остается гипотетической, так что никто из исследователей Биляра не связывал напрямую какие-то конкретные части этих сооружений с фортификацией Нового времени.

Итак, на сегодняшний день укрепления внутреннего города полностью изучены только в одном месте (раскоп XXX 1982 г.), а укрепления внешнего города – на четырех локальных участках, но в разной степени: вал III – в двух местах, вал IV – в одном месте, вал V – в трех местах.

Укрепления внутреннего города

Валы (I и II) и ров перед валом II внутреннего города были разрезаны в 1981–1982 гг. в восточной части периметра валов, в 300 м от так называемого «форта» (рис. 2: А) (Кавеев, Хузин, 1985, рис. 2, 3). При этом разрез вала I был опубликован частично, без засыпанного «рва» (?), обнаруженного рядом с внутренним склоном вала (рис. 2: Б). В составе вала I его исследователями были выделены четыре строительных периода, разделявшихся «линзами культурного слоя», которые показаны на разрезе в виде жирных черных линий одинаковой толщины (рис. 2: Б, Г). Однако известно, что на криволинейных поверхностях культурный слой не мог откладываться в виде одинаковых по толщине прослоек: в местах понижения рельефа такие прослойки имеют всегда повышенную толщину, а на верхних точках исчезают вовсе благодаря смещению грунта под действием естественных процессов (силы тяжести, эрозионного сноса и т. п.). Поэтому само существование «линз» в обозначенном виде кажется сомнительным, а проведенные на чертеже линии выглядят скорее как гипотетические границы. Заметим, что в тексте отчета эти «линзы культурного слоя» не упоминаются, на отчетных чертежах не обозначены и появляются они только в статье. Предложенные «границы горизонтов» не совпадают и с теми зольными прослойками толщиной 5–7 см (рис. 2: Б), которые рассматривались как остатки сгоревших деревянных укреплений. Но ведь именно «горизонты пожаров» могли бы претендовать на роль границ между разными этапами фортификационного сооружения. Видимо, авторы публикации не были уверены в том, что зольные прослойки маркируют именно пожары, и в этом их следует поддержать. Само по себе сгорание древесины укреплений до состояния золы вполне возможно, но полное отсутствие обугленных конструкций, не прогоревших до такого состояния, кажется маловероятным. Таким образом, золистые прослойки, скорее всего, не имеют никакого отношения к «навальным» укреплениям, а значит, и к границам «горизонтов». Для формулирования надежных гипотез о происхождении прослоек золы недостает и объективных аналитических данных, без которых возможно повторение ситуации с предполагавшимся ранее «горизонтом пожара 1236 г.» в Болгаре, на поверку оказавшимся остатками травянистой органики (возможно, навоза) и выбросами из теплотехнических сооружений (Гольева, Коваль, 2021; Центральный базар Болгара, 2022, с. 20–25).

К первому (самому нижнему и самому древнему) из четырех «строительных горизонтов» отнесена залегавшая на погребенной почве группа прослоек суглинков разного цвета[5] общей мощностью не более 0,6 м. Эту насыпь нельзя рассматривать в качестве самостоятельного «вала», но она стратиграфически связана с канавкой от частокола, проходившей под северо-восточным склоном вала параллельно оси вала и краю склона к ручью Малой Елшанке. Частокольная канавка была заполнена грунтом, отнесенным к «первому горизонту», т. е. она или предшествовала его образованию, или была синхронна ему. Она имела отлогие стенки, треугольное поперечное сечение, ширину по верху 50–80 см и глубину 50–60 см. Проходила она по самому краю склона в долину речки. Следов древесины в ней не сохранилось, поэтому можно думать, что дерево было целенаправленно вынуто из нее. Со стороны города вдоль нее, на расстоянии около 1 м, размещались пять столбовых ям глубиной не более 50 см (рис. 2: В). Вся эта конструкция могла принадлежать частоколу, к которому со стороны города была сделана подсыпка земли для выравнивания поверхности. Столбы рядом с частоколом могли служить опорами узкого боевого хода, пристроенного к частоколу. После ликвидации частокола грунт подсыпки заплыл в опустевшую канавку.

Последующие (со второго по четвертый) строительные горизонты, по мысли руководителей раскопок, представляли собой насыпи из различных супесей и суглинков. Но, как

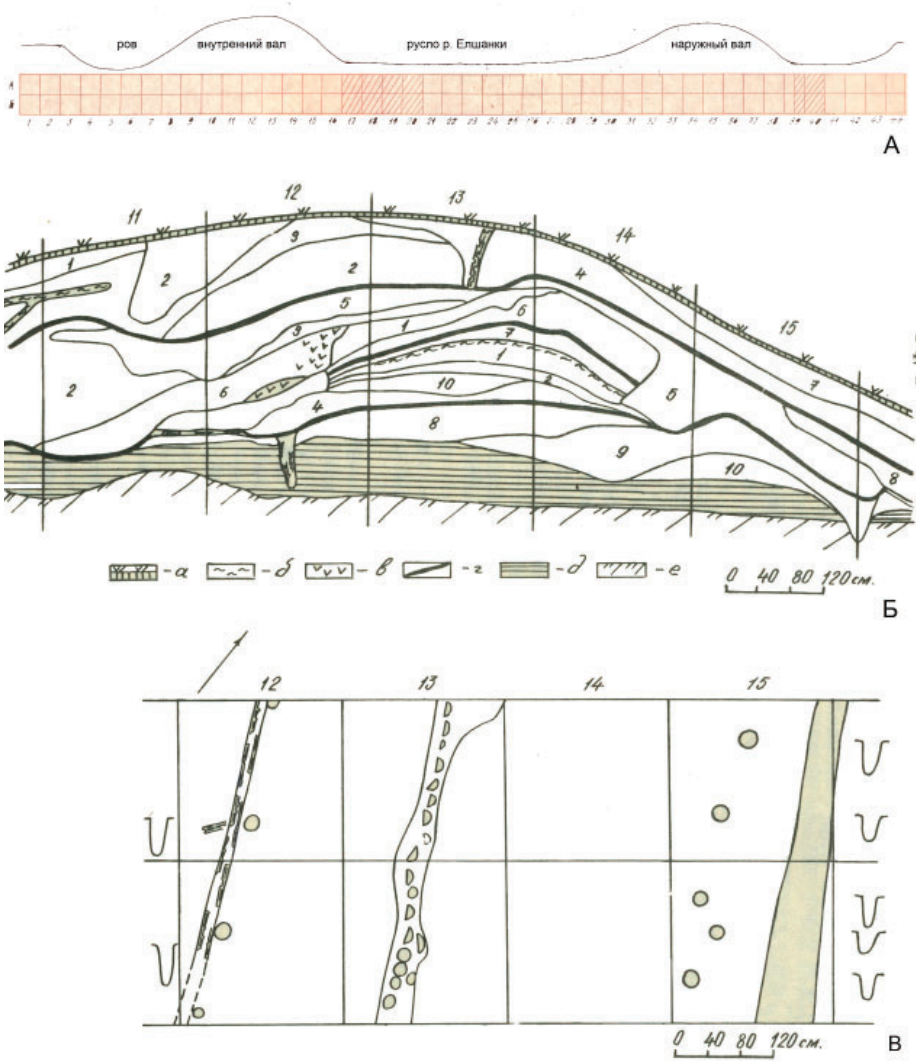

Рис. 2. Вал I внутреннего города Биляра. **А** – план и абрис дневной поверхности раскопа XXX (по: Кавеев, Хузин, 1982, рис. 2а); **Б** – фрагмент северо-западного профиля раскопа XXX с разрезом вала I (по: Кавеев, Хузин, 1985, рис. 2); **В** – фрагмент сводного плана раскопа XXX (Кавеев, Хузин, 1985, рис. 3).
Fig. 2. Rampart I of the inner city of Bilyar. **А** – plan and outline of the daylight surface of excavation XXX (according to: Kaveev, Khuzin, 1982, fig. 2a); **Б** – fragment of the northwestern profile of excavation XXX with a section of rampart I (according to: Kaveev, Khuzin, 1985, fig. 2); **В** – fragment of the consolidated plan of excavation XXX (Kaveev, Khuzin, 1985, fig. 3).

уже отмечалось выше, такое членение насыпи неубедительно. С третьим строительным горизонтом руководители раскопок связывали и «ров», примыкавший к валу со стороны города, который имел ширину 8 м и глубину 1,5 м (рис. 3: А)[6]. Вообще, сама интерпретация открытого сооружения в виде рва остается пока гипотетической, поскольку он зафиксирован только в одной точке на карте городища. Подобные размеры и профилировку мог иметь, например, котлован погреба крупной постройки.

По затекшему с площадки городища культурному слою «ров» датирован началом – серединой XII в. Назначение его определено в качестве источника грунта для вала и противопожарной линии для предохранения деревянных укреплений на валу. Оба варианта возможны, но только теоретически, поскольку очевидно, что строителям укрепления удобнее было брать землю со склона к руслу Малой Елшанки, чтобы увеличить крутизну этого склона и углубить русло ручья, с успехом заменявшего ров. К тому же ров с внутренней стороны от оборонительной линии создавал бы серьезные трудности для перемещения войск вдоль нее, особенно в дождливое время, когда этот ров становился бы труднопроходим

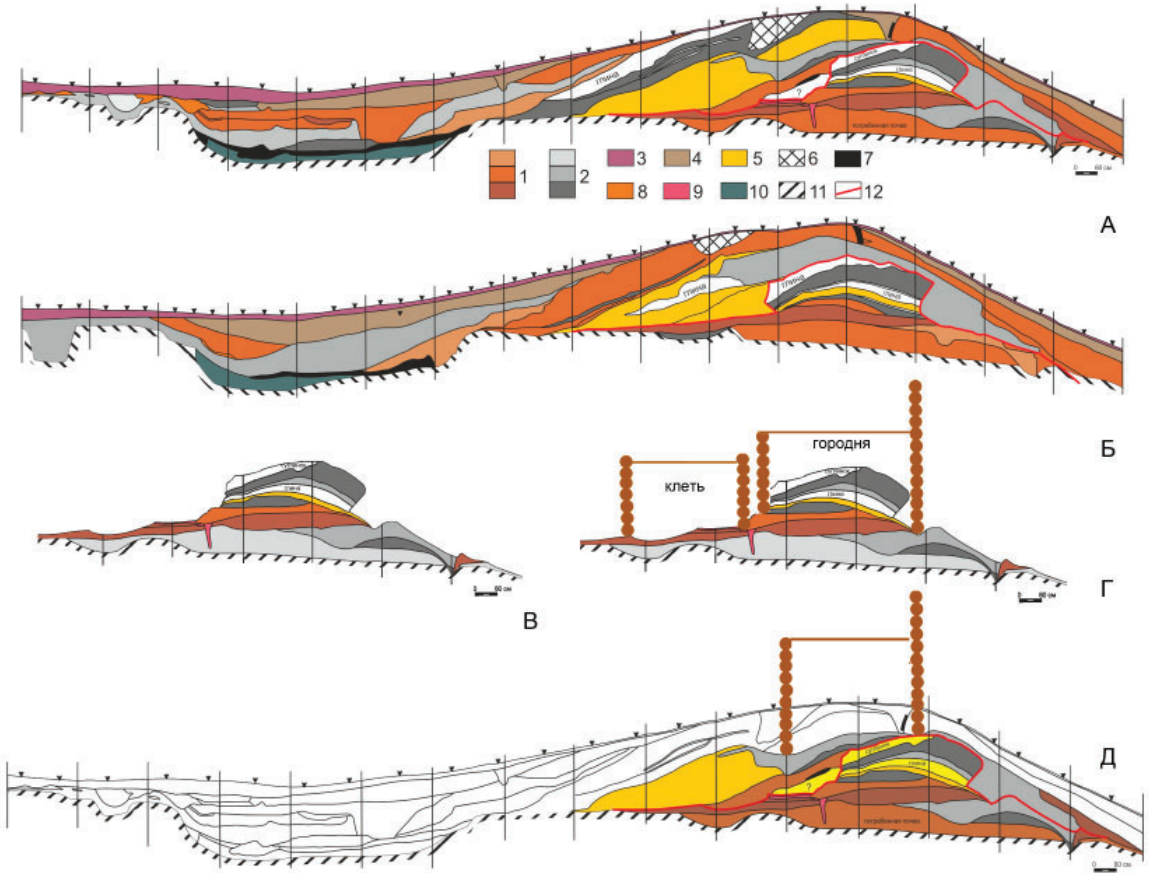

Рис. 3. Разрезы вала I внутреннего города Биляра. **А** – северо-западный профиль раскопа XXX на участке вала I (по: Кавеев, Хузин, 1982, рис. 10); **Б** – юго-восточный профиль раскопа XXX (по: Кавеев, Хузин, 1982, рис. 5) в зеркальном отображении (для сравнения с северо-западным профилем); **В** – фрагмент северо-западного профиля с графической очисткой остатков первого и второго строительных горизонтов; **Г** – тот же фрагмент профиля с реконструкцией городни древо-земляной стены в разрезе; **Д** – северо-западный профиль с графической очисткой руин первой древо-земляной стены и реконструкцией стены следующего этапа (третьего строительного горизонта). 1 – суглинки и супеси коричневого цвета (светлого, среднего и темного оттенков); 2 – суглинки и супеси серого цвета (светлого, среднего и темного); 3 – дерн; 4 – слой «наплыва»; 5 – желтый суглинок; 6 – перекоп; 7 – уголь; 8 – обожженная глина? (в условных обозначениях отсутствует); 9 – древесная труха; 10 – илистый суглинок с торфом; 11 – материк (желтый суглинок); 12 – верхняя граница горизонтов 1 и 2.

Fig. 3. Sections of rampart I of the inner city of Bilyar. **А** – northwestern profile of excavation XXX at the site of rampart I (according to Kaveev and Khuzin, 1982, fig. 10); **Б** – southeastern profile of excavation XXX (according to: Kaveev, Khuzin, 1982, fig. 5) in a mirror image (for comparison with the northwestern profile); **В** – fragment of the north-western profile with graphic cleaning of the remnants of the first and second construction horizons; **Г** – same profile fragment with a cross–section reconstruction of the wooden framework of a wood-earth wall; **Д** – north-western profile with graphic cleaning of the ruins of the first wood-earth wall and reconstruction of the wall of the next stage (the third construction horizon). 1 – loams and sandy loams of brown color (light, medium and dark shades); 2 – loams and sandy loams of gray color (light, medium and dark); 3 – turf; 4 – the ‘influx’ layer; 5 – yellow loam; 6 – cross-ditch; 7 – coal; 8 – baked clay? (not included in the legend); 9 – wood dust; 10 – muddy loam with peat; 11 – natural ground (yellow loam); 12. –upper boundary of horizons 1 and 2.

из-за сливавшейся в него воды и раскисшей глины. Видимо, при будущих исследованиях вала I следовало бы уделить особое внимание этому «рву», проверив его наличие в других местах.

На профилях разреза вала в раскопе XXX бросается в глаза выделяющийся массив прослоек, как бы «обрубленный» с северо-востока и юго-запада, который имел ширину около 4 м и высоту до 1,5 м, причем такая его конфигурация наблюдалась в обоих профилях раскопа (рис. 2: Б; 3: А, Б). В состав массива входили прослойки, залегавшие почти горизонтально, но с некоторым выгибанием их центра вверх. Именно так выглядят обычно остатки заполнения городней древо-земля-

ных стен, обнаруживаемые в валах древнерусских городов (Моргунов, 2009, рис. 30–32, 34). Метод «графической очистки» профиля, разработанный Ю.Ю. Моргуновым, позволяет отделять эти остатки от продуктов разрушения стен и позднейших отложений и наглядно показать, что же оставалось от некогда стоявшей тут стены (рис. 3: В). Отсутствие на профилях раскопа следов древесины по обеим (внешней и внутренней) сторонам этого массива можно объяснить тем, что она могла полностью истлеть, превратившись в тонкие (около 1 см) тленистые прослойки, зафиксировать которые могли бы только те археологи, которые уже имели опыт раскопок таких конструкций. Но в 1980-х гг. археологов, обладавших подобными знаниями и опытом, не существовало. Более того, теория древнерусских древо-земляных стен тогда еще только зарождалась (впервые эта мысль была кратко высказана Г.В. Борисевичем печатно в 1987 г.). Конечно, если бы в раскоп попали боковые стенки срубов-городней, то по ним можно было бы догадаться об былом существовании тут стен, но для этого необходимо было делать горизонтальные зачистки по всей площади раскопа, а такого методического требования в рассматриваемый период еще не было и подобные зачистки при раскопках валов делали в 1950–1970-х гг. только выдающиеся археологи (например, Д.А. Авдусин и М.В. Седова). При ширине траншеи в 4 м шанс попасть раскопом на такой узел был велик, но реализовался ли тогда этот шанс, установить уже невозможно.

Таким образом, стена срубной конструкции сменила здесь легкую частокольную ограду и стала самым древним древо-земляным защитным сооружением Биляра. Ширина стены составляла около 4 м, следовательно, и длина городней могла быть такой же или чуть меньшей (в русских городах срубы городней делались квадратными либо их длина была меньше ширины, однако не известно, какие нормы практиковались в Волжской Булгарии). Высота стены, судя по объему осыпей, сформировавшихся из грунта, обрушившегося к подножию стены из верхней, разрушенной, части городней, могла составлять 2–2,5 м, а с учетом бруствера общая высота лицевого панциря стены могла достигать 3,5 м. Именно руины этой стены и составляли настоящий второй строительный горизонт в валу I (рис. 3: Г).

Надо заметить, что стены древнерусских городов, в особенности крупных, столичных, строились с двумя-тремя рядами городней, что увеличивало толщину стены до 7–12 м, а в Киеве, например, ее толщина превышала 20 м. Во внутреннем городе Биляра не наблюдается второго ряда городней, что заметно отличает булгарскую традицию от древнерусской. Однако в русских городах к рядам городней с внутренней стороны нередко пристраивался ряд пустотелых клетей. И в валу I имеются плохо сохранившиеся следы подобной деревянной постройки – они обнаружены под юго-западным склоном вала, где над поверхностью погребенной почвы была зафиксирована полоса древесной трухи шириной 20 см, вплотную к которой с востока отмечены четыре столбовые ямки, прорезавшие подсыпку грунта «первого горизонта». Судя по северо-западному профилю раскопа, древесный тлен читался и западнее этой полосы, которая, возможно, маркировала восточную стену пустотелой клети, пристроенной к городням (рис. 3: А). К западу от нее в таком случае фиксировалась в профиле либо перпендикулярная стенка клети, либо ее пол.

Древо-земляная стена могла простоять 30–50 лет, после чего она либо разрушалась естественным путем, либо ее разбирали и перестраивали. В результате разрушения стены горизонта 2 образовалась земляная платформа высотой 2 м и шириной 6–7 м, на которой было достаточно места для строительства новой стены из одного ряда городней шириной около 4 м (рис. 3: Д). Как показывает опыт изучения древнерусских валов, руины позднейших (последних по времени строительства) стен редко сохраняют следы древесины и даже внутренней структуры заполнения городней, за исключением случаев, когда эти стены сгорали в пожаре, как, например, это случилось в 1237 г. в Старой Рязани (Стрикалов, 2011, рис. 11). Поэтому трудно делать окончательный вывод о том, была ли тут поставлена новая стена, полностью разрушившаяся от ветхости, или вместо нее был сформирован вал. Второй вариант тоже возможен, поскольку в Волжской Булгарии применялась и такая система организации обороны городов (Коваль, Русаков, 2018). Для выяснения этого важного вопроса потребуются новые, более тщательные раскопки вала внутреннего города. В любом случае верхняя

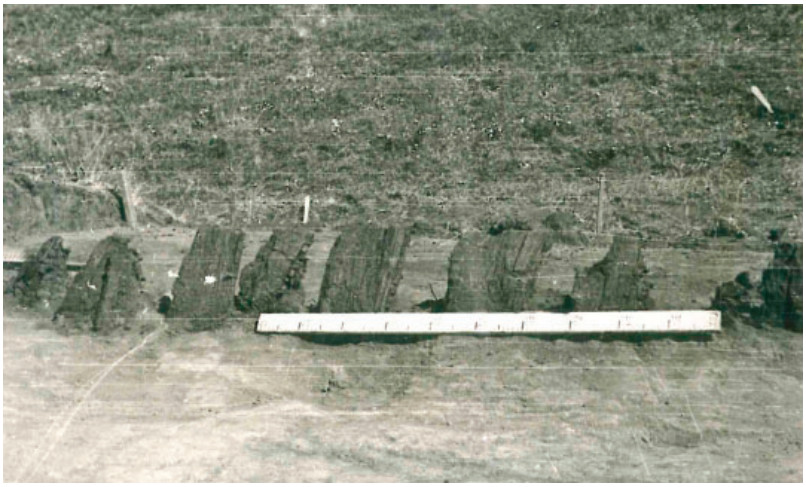

Рис. 4. Остатки частокола на вершине вала I (по: Кавеев, Хузин, 1981, рис. 70)
Fig. 4. Remains of a picket fence at the top of rampart I (according to Kaveev and Khuzin, 1981, fig. 70)

часть вала I является остатками третьего горизонта оборонительного сооружения.

Разумеется, вал, сформировавшийся после разрушения последней (самой поздней) древо-земляной стены, также мог использоваться для целей обороны. В этом случае на его гребне должны были ставиться какие-то дополнительные деревянные сооружения, прикрывавшие защитников. И действительно, там была обнаружена частокольная канава с сохранившимися в ней нижними частями вертикально установленных бревен частокола. Ширина канавы 30–60 см, глубина 40–60 см. Частокол, помещенный в канаву, включал четыре бревна диаметром 20 см и полтора десятка расколотых пополам бревен такого же диаметра, установленных выпуклой стороной в сторону поля на расстоянии 10–12 см друг от друга (Кавеев, Хузин, 1981, л. 119, 120) (рис. 2: В; 4). Такая разреженность бревен частокола труднообъяснима, поскольку она заметно снижает (если не полностью исключает) его оборонительное назначение. Однако она могла образоваться в ходе усыхания древесины, а в момент функционирования частокола все бревна стояли еще вплотную друг к другу. Хотя бревна были обнаружены в углистом заполнении частокольной канавки (правда, она читалась только в северо-западном профиле, а на юго-восточном не обозначена) и их поверхности были обуглены на глубину 1 см, в отчете ничего не говорится о следах прокаленности примыкавшего к ним грунта. Все это заставляет думать, что обуглены были только самые верхние части бревен, а нижние их концы, закопанные в канавку, такой обугленности не имели. Нельзя также исключать естественного обугливания древесины без воздействия на них огня.

Зато было зафиксировано, что бревна этого частокола стояли не вертикально, а с наклоном. А.М. Губайдуллин допускал, что частокол завалился в результате его разрушения (2016, с. 230), с чем нельзя не согласиться: глубина частокольной канавы была недостаточно велика, а рыхлый грунт забутовки канавы провоцировал такую деформацию. Однако этот вариант полностью противоречит другому, гораздо менее вероятному, предложенному тем же автором, о том, что «при наклоне внутрь» такой частокол мог способствовать рикошету снарядов, выпущенных камнеметами противника (Губайдуллин, 2016, с. 230; 2019, с. 56). Вопрос состоит, однако, в том, в какое время возникла эта ограда: могла ли она быть построена накануне штурма города монголами в 1236 года (Хузин, Кавеев, 1985, с. 52)? Ведь за 850 лет древесина, размещавшаяся буквально на поверхности вершины вала, т. е. в самом сухом и наиболее доступном действию сил природы месте, должна была полностью истлеть (чего в данном случае не произошло). Поэтому гораздо более вероятным кажется связывать этот частокол с Билярским острогом засечной черты XVII века, на что фактически первым указал А.М. Губайдуллин, сообщая о работах по строительству этого острога (Шакиров, Хузин, Губайдуллин, 2007, с. 137). Нельзя даже исключать еще более поздней даты такой ограды, если допускать ее хозяйственно-бытовое назначение. А вот те следы боевых действий, которые были найдены при раскопках верхней части вала (наконечники стрел, человеческие кости),

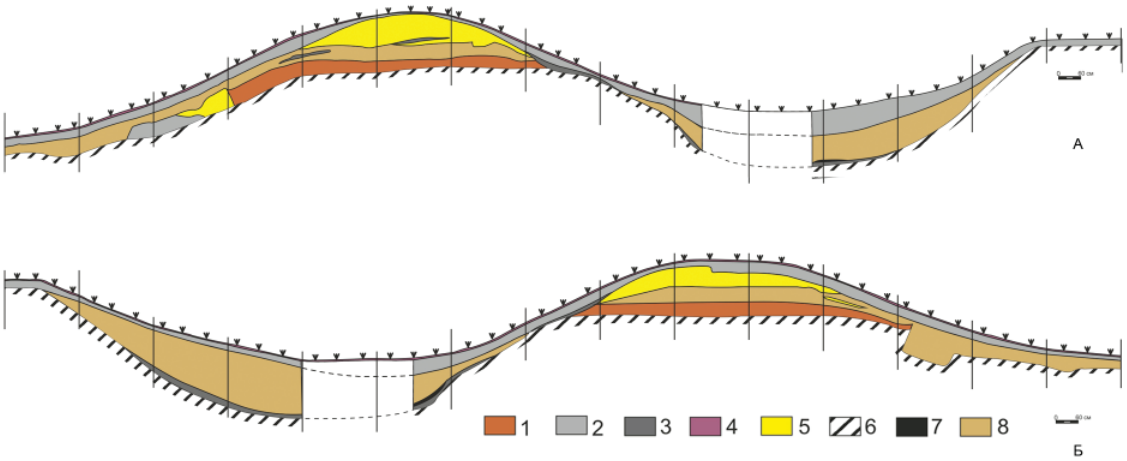

Рис. 5. Разрезы вала II и рва перед ним в раскопе XXX (1982 г.). **А** – северо-западный профиль траншеи; **Б** – юго-восточный профиль траншеи. 1 – погребенная почва (плотный коричневый суглинок); 2 – светло-серая супесь; 3 – темно-серая супесь; 4 – дерн; 5 – суглинок или глина (материковый грунт); 6 – материк (желтый суглинок); 7 – уголь; 8 – пестроцветный грунт.

Fig. 5. Sections of rampart II and a ditch in front of it in excavation XXX (1982). **А** – northwestern profile of the trench. **Б** – southeastern profile of the trench. 1 – buried soil (dense brown loam); 2 – light gray sandy loam; 3 – dark gray sandy loam; 4 – turf; 5 – loam or clay (natural ground soil); 6 – natural ground (yellow loam); 7 – coal; 8 – variegated soil.

вполне могли попасть сюда действительно еще в 1236 г. Определить, к какому времени принадлежал открытый частокол, можно было бы, проведя его радиоуглеродный анализ, но в 1981 г. такой анализ применялся еще в исключительных случаях, и по понятным причинам образцы для него отобраны не были. Однако это исследование ее еще не поздно осуществить, если отобрать образцы из остатков частокола на участках рядом с раскопом XXX, тем самым получив неоспоримые аргументы в этой дискуссии.

Все три строительных горизонта, фиксируемых внутри вала I, скорее всего, укладывались во временные рамки 100–120 лет (20–30 лет существования первоначального частокола и по 30–50 лет функционирования древоземляных стен). Независимо от того, какую дату начала фортификационного строительства Биляра принимать (X или XI–XII вв.), это строительство закончилось задолго до 1236 г. Таким образом, к моменту штурма города вал I представлял собой уже полностью руинированную оборонительную линию.

Разрез вала II и рва перед ним, проведенный в 1982 г. (рис. 1: 8; 2: А; 5), был опубликован (Хузин, Кавеев, 1985, рис. 4), однако в малоформатном издании разрез рва пришлось поместить под разрезом вала, что усложняло восприятие объекта. К тому же опубликован был только один из профилей раскопной траншеи. Никаких следов «навальных конструкций» тут не обнаружено, из чего был сделан несколько поспешный вывод о том, что их тут никогда и не было.

Вал II имел в месте прорезки ширину 8 м и высоту 1,2 м, ров – ширину 14–15 м и глубину до 3,5 м. При этом ров был почти наполовину заполнен «пестроцветным» грунтом, структура которого в отчете не описана. Объем грунта в валу в месте прорезки был почти в два раза меньше, чем объем рва в момент его выкапывания. Это означает, что первоначальный вал (или древо-земляная стена? Такой вариант тоже вполне возможен) был существенно выше. Исходя из того объема грунта, который был вынут из рва, высота вала могла достигать в прошлом 3,5 м (а если ставилась стена, то ее высота могла составлять до 5 м). Но совершенно невозможно допускать, что половина вала «оползла» в ров сама собой. Видимо, верхняя часть вала (или заполнения городней стены?) была сознательно сброшена в ров, а это должно было потребовать больших затрат труда и значительного человеческого ресурса. Размеры рва перед валом II говорят о выдающихся размерах этой фортификационной линии в прошлом.

Датировка вала определена по комплексу керамики и находок в насыпи и в запол-

нении рва в пределах второй половины XII – начала XIII вв. (Хузин, Кавеев, 1985, с. 54). Эта дата еще раз подтверждает вывод о том, что рвы с сегментовидным (полукруглым) сечением стали характерны для булгарского оборонного зодчества начиная не ранее чем с конца XI – XII вв. (Коваль, Бадеев, 2021, с. 19).

Создание вала II, т. е. второй линии обороны вокруг внутреннего города, могло быть либо синхронно «третьему горизонту» вала I, либо относиться к еще более позднему времени, когда к валу II перешла роль главного защитного сооружения внутреннего города. Как вал II соотносился с валами так называемого «форта» у восточного угла внутреннего города, остается неясным, но если доверять выводу о датировке вала «форта» не ранее конца XII в. (см. выше), то «форт» надо признать самым поздним защитным сооружением этой части города, назначение которого пока не вполне ясно. Если бы строительство вала II означало переход от «крепостной» фортификации, опиравшейся на кольцо стен, к системе многорядных валов, нацеленной на противодействие конным отрядам, то он потребовал бы отказа от обороны города пешими защитниками стен и в пользу использования мобильных конных отрядов, контролировавших весь периметр валов (Коваль, 2018; Коваль, Русаков, 2018, с. 71–74). Однако при такой системе маленький «форт» совершенно бесполезен и даже вреден обороне. Поэтому его строительство может быть косвенным признаком того, что вал II является руиной древо-земляной стены. Кроме того, вал II стоит на внешнем краю долины р. Малой Елшанки и сразу за ним размещается пойма ручья, значительную часть года заболоченная или заваленная снегом, т. е. малопригодная для передвижения конницы вдоль стен. Все это означает, что оборона внутреннего города в XII в. продолжала базироваться на прежней «крепостной» системе, использовавшей вертикальную преграду (стену), защищаемую пешими воинами. Но данный вывод является все же исключительно логическим и без подкрепления данными раскопок не может претендовать на однозначность. Поэтому отсутствие надежных данных о конструкции оборонительных сооружений, остатками которых являются вал II и вал «форта», является критически важными для правильного понимания всей системы обороны Биляра.

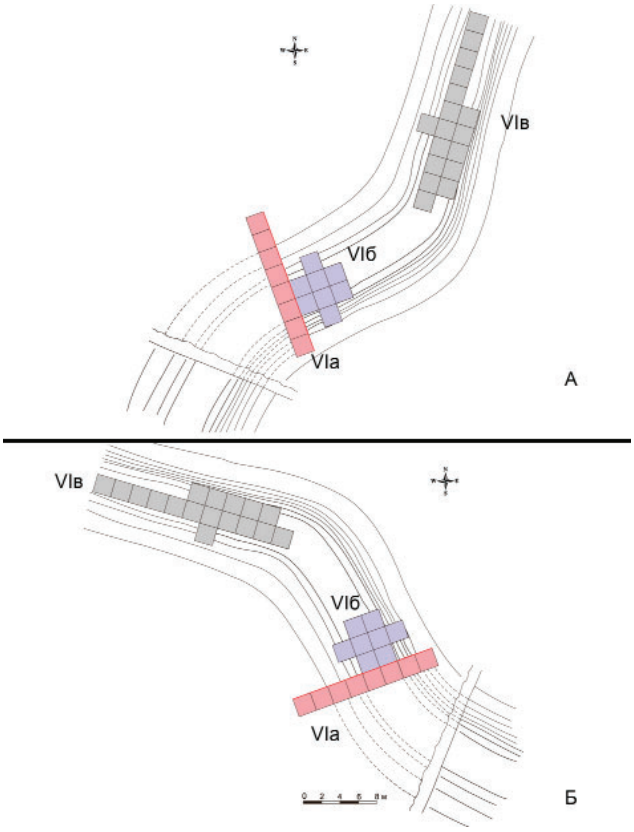

Рис. 6. Схема расположения раскопа VI (участки а, б, в) (1968 г.). **А** – в отчете А.Х. Халикова (1968, рис. 1); **Б** – реальное положение раскопа и участка вала на местности.
Fig. 6. Layout of excavation VI (sites a, b, c) (1968). **А** – in the report by A.H. Khalikov (1968. Fig. 1); **Б** – the actual position of the excavation and the rampart section on the ground.

Укрепления внешнего города

Вал III

Наиболее интересные результаты были получены на восточном участке вала III, изучавшемся в 1968 (раскоп VI) и 1982 (раскоп XXXV) годах (рис. 1: 1, 9). В 1968 г. исследования были проведены рядом с поздним прокопом в валу в виде траншеи длиной 16 м и шириной 2 м, прорезавшей вал почти перпендикулярно его оси (раскоп VIa). При этом, правда, в отчете были допущены многочисленные ошибки в указании ориентировки раскопа. Уже на ситуационном плане (рис. 6) (Халиков, 1968, рис. 1) весь участок проведения работ был развернут на 90 градусов влево: это становится очевидным при сравнении ситуационного и общего планов городища.

На раскопе VIa пластовые планы не фиксировались вовсе, был снят только один северо-западный профиль этой траншеи, опубликованный А.Х. Халиковым (1976, рис. 15), однако в публикации этот разрез подвергся существенным искажениям по сравнению с отчетным чертежом – как по конфигурации прослоек, так и по их грунтовому содержанию (ср. рис. 7: А, Б). В частности, на опубликованном разрезе появились линзы угля, которых нет на отчетном чертеже, а линза золы на дне рва под валом была уменьшена в размерах почти в четыре раза. Таким образом, опубликованный чертеж разреза нельзя считать полностью достоверным документом. Публикуемый отчетный чертеж разреза вала (рис. 7: Б) представлен в схематическом виде с условной закраской прослоек в соответствии с теми обозначениями, которые имеются на чертеже.

А.Х. Халиков выделял в этом валу три насыпи (рис. 7: А). Первую из них он помещал между склоном к р. Большой Елшанке и рвом шириной 5 м и глубиной 1,1 м, выявленным под валом, не обратив внимания на то, что «насыпь I» была фактически не насыпью вала, а засыпью внешней части рва, причем эта засыпь состояла не из грунта, вынутого из долины Большой Елшанки, а из культурного слоя, насыщенного углями (рис. 7: Б, этот массив помечен звездочкой). «Второй насыпью» А.Х. Халиков фактически называл слои засыпки рва, верхняя точка которых поднималась над поверхностью площадки городища едва ли более чем на 1 м. Хотя между рвом и склоном в долину Елшанки слишком мало места для размещения вала, это место могло иметься в древности, поскольку склон долины в этом месте вполне мог быть сильно эрозирован. Создание рва позади вала, а не перед ним, как того требуют законы фортификации, нельзя считать совершенно невозможным, однако оно неизбежно создавало бы защитникам города большие трудности (см. выше о предполагаемом подобном рве у вала I). Поэтому более вероятным представляется создание вала (если это был именно вал, а не стена) все-таки к западу от рва. Если верхняя часть этого вала (или засыпки городней стены?) состояла из культурного слоя, принесенного с площади города, то при обратной засыпке рва этот грунт и был бы первым сброшен в ров, т. е. вполне мог занять позицию на его контрэскарпе. Но полной уверенности в такой интерпретации, конечно, нет. Поэтому вопрос о назначении открытого в 1968 г. рва и размещении рядом с ним вала далек пока от окончательного решения.

В «насыпи III» разреза 1968 г. никаких признаков руинированной древо-земляной стены (подобных имеющимся в валу I) не наблюдалось, но такие признаки обнаружились на других участках того же раскопа. Наряду с траншеей, прорезавшей вал (участок «а» раскопа VI), проводились также вскрытия центральной части вала (участки «б» и «в»), которые имели сложную конфигурацию и немалую площадь: участок «б» – 32 кв. м, участок «в» – 68 кв. м (рис. 6). Работы на этих участках велись без фиксации пластовых планов и профилей, но на сводные планы наносились полосы древесного тлена с отметками их залегания. Эти планы участков представлены в отчете, однако сориентированы они так же неверно, как и ситуационный план раскопа, т. е. с отклонениями до 90 градусов (рис. 8, 9). Кроме того, план участка «в» представлен лишь для части его площади (Халиков, 1968, рис. VII).

На участке «б» были зафиксированы одно обугленное бревно и несколько зон, в которых полностью истлевшие бревна лежали одно поверх другого, причем во всех этих зонах они размещались перпендикулярно оси вала и лишь одно небольшое бревно располагалось вдоль оси (Халиков, 1968, рис. III) (рис. 8). Хотя ни фасировка этих бревен, ни какие-то иные их характеристики не были опубликованы, А.Х. Халиков счел возможным писать о «городнях» шириной 1,5–2 м на вершине «насыпи II» (1976, с. 52), понимая под ними, вероятно, пустотелые срубы. Как показывает чертеж раскопа, ни одного угла у предполагаемого сруба тут обнаружено не было, но зато имелась вертикальная стенка длиной до 6 м и высотой 160 см, состоявшая из истлевших бревен. Сколько было таких бревен, не установлено, но исходя из средней ширины бревен на плане раскопа в 20 см (т. е. таков был их диаметр), их могло тут располагаться не менее восьми. Стенка действительно могла принадлежать срубу городни, углы и другие стенки которого не были зафиксированы при раскопках в силу несовершенства применявшейся в те годы методики.

Отсутствие пластовых чертежей не позволяет установить, с какими грунтами была

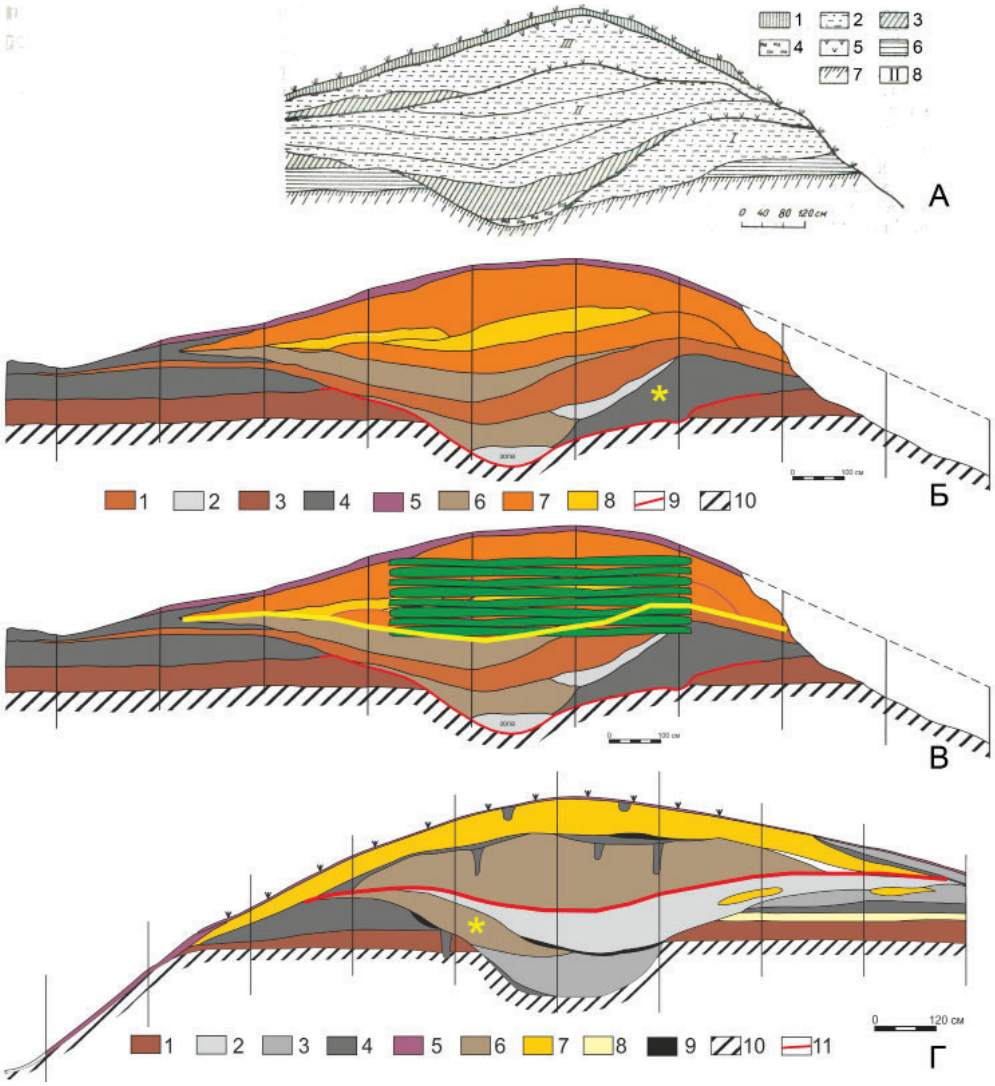

Рис. 7. Разрезы вала III. **А** – в раскопе VI (1968 г.) по северо-западному профилю траншеи (Халиков, 1976, рис. 16): 1 – дерн; 2 – глинистые и суглинистые насыпи; 3 – культурный слой (серая и темно-серая супесь); 4 – зола; 5 – уголь; 6 – погребенная почва; 7 – материк; 8 – номера горизонтов насыпи. **Б** – тот же профиль по отчетной документации (Халиков, 1968, рис. II): 1 – коричневый суглинок; 2 – подзол; 3 – погребенная почва (темно-коричневый суглинок); 4 – темный гумированный слой с углями; 5 – дерн; 6 –пестроцветный грунт; 7 – красная глина; 8 – желтый суглинок; 9 – дно первоначального рва; 10 – материк. **В** – разрез вала III с проекцией на него стенки сруба, открытой на участке «б» (зеленым цветом показаны бревна, желтой линией – поверхность, на которой мог строиться этот сруб). **Г** – разрез вала III по восточному профилю раскопа XXXV 1982 г. (Кавеев, Хузин, 1982, рис. 30): 1 – погребенная почва (темно-коричневый суглинок); 2 – светло-серая супесь с углями, золой и костями животных; 3 – серая супесь с золой и углями; 4 – темно-серая супесь; 5 – дерн; 6 – пестроцветный грунт с углями и золой; 7 – желтый суглинок; 8 – песок; 9 – уголь; 10 – материк; 11 – линия поверхности строительства древо-земляной стены внешнего города.

Fig. 7. Sections of rampart III. **A** – in excavation VI (1968) along the north-western profile of the trench (Khalikov, 1976, fig. 16): 1 – turf; 2 – clay and loam mounds; 3– cultural layer (gray and dark gray sandy loam); 4 – ash; 5 – coal; 6 – buried soil; 7 – natural ground; 8 – numbers of embankment horizons. **Б** –same profile according to report documents (Khalikov, 1968, fig. II): 1 – brown loam; 2 – black ash; 3 – buried soil (dark brown loam); 4 – dark top soil with coals; 5 – turf; 6 – variegated soil; 7 – red clay; 8 – yellow loam; 9 – original moat bottom; 10 – natural ground. **B** – section of rampart III with a projected log house wall uncovered in section b (the logs are shown in green, the possible building surface of the log house is shown in yellow). **Г** – section of rampart III along the eastern profile of excavation XXXV in 1982 (Kaveev and Khuzin, 1982, fig. 30): 1 – buried soil (dark brown loam); 2 – light gray sandy loam with coals, ashes and animal bones; 3 – gray sandy loam with ash and coals; 4 – dark gray sandy loam; 5 – turf; 6 – variegated soil with coals and ashes; 7 – yellow loam; 8 – sand; 9 – coal; 10 – natural ground; 11– construction surface line of the wood-earth wall in the outer town.

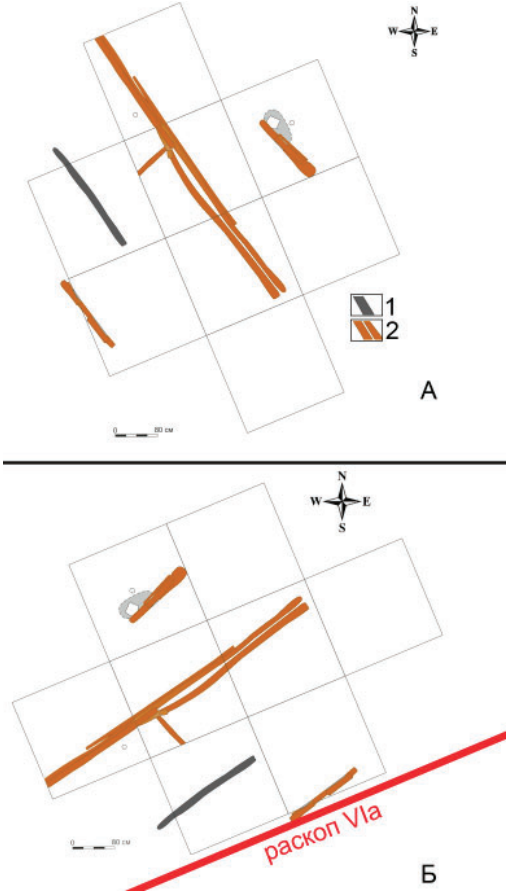

Рис. 8. Раскоп VI (1968 г.). Участок «б». А – по отчетной документации (Халиков, 1968. Рис. III); Б – реальное расположение участка в пространстве. 1 – обугленное бревно; 2 – древесный тлен.
Fig. 8. Excavation VI (1968). Site b. A – according to report documents (Khalikov, 1968, fig. III); B – actual location of the site in space. 1 – charred log; 2 – wood dust.

связана обнаруженная стенка, однако если спроецировать ее на разрез вала (от отметки -60 см до глубины -220 см от нулевой точки, находившейся на гребне вала), то она займет положение в верхней его части, определяя своей подошвой границу, которая отделяла засыпку раннего рва (рис. 7: В). Неровность этой границы стала результатом просадки насыпи в ров, так что в момент строительства она вполне могла быть горизонтальной. Таким образом, после засыпки рва на созданной платформе могла быть возведена древо-земляная стена толщиной не менее 6 м. Такую стену трудно построить из одного ряда городней, но отсутствие явных разрывов в зафиксированной бревенчатой стенке не оставляет возможностей для однозначных выводов. Установить это можно было бы только в случае тщательной фиксации каждого бревна в отдельности, чего, разумеется, в 1968 г. не проводилось. Остальные фрагменты древесины, обнаруженные на участке «б», столь невелики по размерам, что использовать их для каких-то реконструкций затруднительно: это могли быть остатки как других боковых стенок городней, так и перегородок внутри этих срубов. Разумеется, если бы раскопки проводились тут по современной методике с фиксацией даже небольших отрезков древесного тлена, можно было бы получить гораздо больше информации (вариант такой методики разработан Ю.Ю. Моргуновым (2019, с. 9; рис. 1)), но в 1968 г. таких навыков у археологов России еще не было.

Работы на самом большом по площади участке «в» раскопа VI оказались наименее результативными, поскольку были организованы фактически в траншее, разрезавшей гребень вала по его оси. Однако и тут удалось в одном месте зафиксировать фрагменты истлевшей древесины, залегавшие в положениях, перпендикулярных друг другу (Халиков, 1968, рис. VII) (рис. 9). Это позволяет допускать, что и здесь когда-то стояли городни древо-земляной стены, которые полностью истлели. Кроме того, из чертежа неполного профиля по стенке одного из квадратов этого раскопа становится ясно, что в верхней части вала тут присутствовали обломки кирпичей, составлявшие там даже прослойки толщиной до 20 см, названные в подписи к чертежу

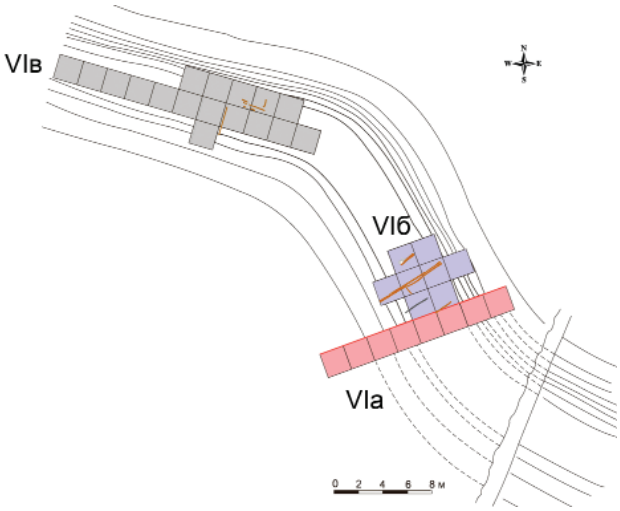

Рис. 9. Раскоп VI (1968 г.). Участки «а», «б», «в» с обозначением выявленных деревянных конструкций.
Fig. 9. Excavation VI (1968). Sites a, b, c with designations of identified wooden structures.

«кирпичной забутовкой» (Халиков, 1968, рис. VIII). Это означает, что при создании древоземляной стены широко использовался строительный мусор от разбиравшихся в городе старых кирпичных строений, что лишний раз подтверждает позднюю датировку оборонительной линии внешнего города, предлагавшуюся А.Х. Халиковым в пределах XII в. Вместе с тем, ров под валом он датировал X веком (Халиков, 1976, с. 52), что представляется неубедительным, поскольку в этом случае хронологический разрыв между созданием рва и его нивелировкой для строительства стены достигал бы двух столетий. За эти 200 лет ров неизбежно должен был оплыть и заилиться, что оставило бы мелкослоистые заплывы, образующиеся в углублениях, долгое время остававшихся под открытым небом и подвергавшихся действию осадков. Но ни автор раскопок, ни чертежная документация не содержат упоминания таких заплывов, а это значит, что ров был засыпан довольно скоро после своего создания. Вторым аргументом против ранней датировки этого рва является его плавный профиль с уплощенным или округлым (см. ниже) дном, что резко отличает его от треугольных в сечении рвов IX–X вв., известных в Болгаре (Губайдуллин, 2019, с. 60–63). Рвы такой профилировки появляются Волжской Булгарии лишь с конца XI – XII вв. (Коваль, Бадеев, 2021, с. 19).

В 1982 г. в 30 м к северо-западу от участка «в» раскопа VI был заложен еще один раскоп под номером XXXV, которым была проведена зачистка борта бульдозерной траншеи, прорезавшей вал (Хузин, 1985, рис. 3; с. 69–72). Раскоп представлял собой зачистку обнажения, расширенную до 1 м[7]. Полученный разрез (восточный профиль траншеи)[8] показал картину, очень близкую зафиксированной в 1968 г.: здесь также виден ранний ров с полукруглым дном (шириной 3,6 м и глубиной 1,5 м), в засыпи которого на контрэскарпе также фиксируется прослойка сброшенного сюда культурного слоя (рис. 7: Г, *), хорошо читается почти горизонтальная площадка поверх засыпи рва (рис. 7: Г, 11), необходимая для строительства стены, однако следов самой стены тут по очевидным методическим причинам не обнаружено.

На профиле 1982 г. прослежены и некоторые новые элементы, не замеченные в раскопе 1968 г. Прежде всего, вплотную к внешнему краю рва зафиксирован (как в профиле, так и в плане, на зачистке погребенной почвы) частокол в виде цепочки из забитых в почву кольев (частокольной канавки тут не было), проходившей параллельно краю долины Большой Елшанки, в 4 м от нее (Хузин, 1985, рис. 3). Согласно отчету, было выявлено восемь ямок диаметром до 20 см и глубиной до 40 см. Расстояния между кольями варьировали от 5 до 20 см. Автор публикации предполагает, что это частокол, сознательно установленный перед рвом, что более чем сомнительно. Частокол из редко (и неглубоко) забитых кольев не мог служить защитным сооружением, а размещение его по внешнему краю рва противоречит правилам фортификации, т. к. такая ограда служила бы только для прикрытия наступающего противника от стрел защитников города. Этот частокол мог вообще не иметь никакого отношения к фортификации, являясь усадебной оградой. В любом случае его надо относить к более раннему времени, чем выкапывание рва.

Вторым отличием раскопа XXXV были прослойка желтого материкового суглинка толщиной 40–70 см, залегавшая непосредственно под современной поверхностью вала и тем самым перекрывавшая руины древоземляной стены (массив пестроцветного грунта). Эта прослойка маркирует самый поздний этап существования укрепления (после разрушения первой древо-земляной стены), который может реконструироваться двояко: либо как остатки полностью разрушившейся небольшой по размерам древоземляной стены (объем грунта указанной прослойки явно невелик), либо как насыпь вала, перекрывшая руинированные остатки первой стены. Интересно также то, что под названной выше прослойкой желтого суглинка фиксировались столбовые ямки глубиной до 0,7 м, которые вполне могли быть оставлены забором столбовой конструкции, возведенным после превращения руин первой стены в вал.

Раскопки 1968 и 1982 гг. на валу III позволяют понять последовательность строительства оборонительных сооружений внешнего города Биляра. Но этими вскрытиями исследователи города не ограничились. Как уже отмечалось выше, имелся еще один участок вала III, к изучению которого археологи обращались несколько раз – в 1975, 1979 и 1982 гг.

Он располагался в 250–300 м к северо-востоку от раскопов VI и XXXV (рис. 1: 5, 6, 7). Разрез, зафиксированный в 1975 г., был фактически зачисткой северной стенки траншеи, образовавшейся в результате работы бульдозера по прокладке проезда в валу в хозяйственных целях. Полученный разрез (Халиков, 1975, рис. 52; Хузин, 1985, рис. 1) показал, что в этом месте вал III был существенно меньше по размерам – его ширина составляла 10 м, а высота – 1,6 м (рис. 10: А), тогда как на раскопе VI те же параметры достигали 14 м и 2,5 м.

В 1979 г. М.М. Кавеевым были проведены дополнительные исследования в этом месте: была заново зачищена северная стенка бульдозерной траншеи 1975 г., но поскольку за четыре года стенка уже осыпалась, новый разрез оказался отодвинут от предыдущего почти на 1 м к северу. Здесь насыпь вала была чуть выше – около 1,7 м (Халиков и др., 1979, рис. 123) (рис. 10: Б). После этого вдоль нового разреза была заложена траншея шириной 2 м (с локальными расширениями), северный профиль которой был также отфиксирован (Халиков и др., 1979, рис. 124). Этот, самый северный из трех параллельных разрезов прошел по месту, где высота вала достигала уже 2 м (рис. 10: Д). Оба профиля 1979 г. ранее не публиковались, хотя описание стратиграфии и общей ситуации на раскопе 1979 г. было представлено (Кавеев, 1981; Хузин, 1985, с. 60, 61).

К сожалению, и на этом участке раскопок не обошлось без досадной путаницы. Согласно чертежам 1979 г., траншея была заложена строго по линии запад – восток, хотя вал тут проходил по линии СЗ–ЮВ, поэтому на плане городища, приложенном к отчету, этот раскоп показан проходящим по линии СВ–ЮЗ (Халиков и др., 1979, рис. 1) (рис. 1: 5, 6, 7). Если бы ориентировка раскопных чертежей на север была верна, то траншея 1979 г. не была бы перпендикулярна оси вала. Однако на планах раскопа видно, что все вскрывавшиеся конструкции и прослойки были либо параллельны, либо перпендикулярны траншее. Эта загадка раскрывается в отчете 1982 г., когда исследования тут были продолжены: выясняется, что разрез тут был заложен не по линии запад – восток, а по азимуту 55°, т. е. ориентирован на СВ, почти перпендикулярно оси вала. Получается, что ориентировка раскопа 1979 г. была дана в отчете неверно[9]. Различались и цветовые обозначения грунтов: так, М.М. Кавеев называл погребенную почву серым суглинком, тогда как А.Х. Халиков и Ф.Ш. Хузин именовали ее коричневым суглинком, такие же различия имеются и в цветовой оценке горизонтов вала, колеблющиеся от серого до желтого цвета. Само по себе разное восприятие цвета глазом человека совершенно нормально, но отсутствие единой системы оценок цвета для одного и того же памятника создает искусственные препятствия для адекватного понимания документации.

В 1975 и 1979 гг. в валу выделялись четыре горизонта[10]. К первому (верхнему) горизонту относилась прослойка темно-желтого (материкового) суглинка с углями толщиной 30–50 см, залегавшая на вершине и внутреннем склоне вала. На ее поверхности, прямо под тонкой дерниной, фиксировались канавки и столбовые ямки, возможно не имевшие никакого отношения к фортификационным сооружениям и представлявшие собой поздние перекопы. Второй горизонт, по описанию 1979 г., состоял из прослойки илистого грунта (цвет его не назван, скорее всего такие грунты имели серые или сизые оттенки), вероятно взятого в долине Большой Елшанки, и массива «плотного суглинка» (цвет не назван, но если это материковый грунт, то он был желтым)[11]. Между прослойками этого горизонта фиксировались линзы древесного тлена толщиной до 10 см, залегавшие на вершине вала и его внутреннем склоне. Эти линзы были расценены в качестве остатков рухнувших деревянных ограждений, стоявших некогда на гребне вала, что представляется возможным. На поверхности прослоек этого горизонта имелись столбовые ямы глубиной до 40 см, которые также могли бы относиться к забору, возведенному на внешнем склоне вала (рис. 10: Д).

Третий горизонт насыпи состоял также из желтого материкового суглинка. На ее поверхности были зафиксированы две канавки шириной 25–30 см и глубиной 10 см, размещавшиеся под тупым углом друг к другу (рис. 10: В). В заполнении канавок присутствовал древесный тлен, так что они могли быть следами каких-то легких деревянных оград, установленных на гребне вала. Рядом с внутренним краем вала была обнаружена также врезанная в материк «канава» шириной до 3 м и глубиной не более 0,5 м, заполненная культурным слоем. Эта канава была связана исследовате-

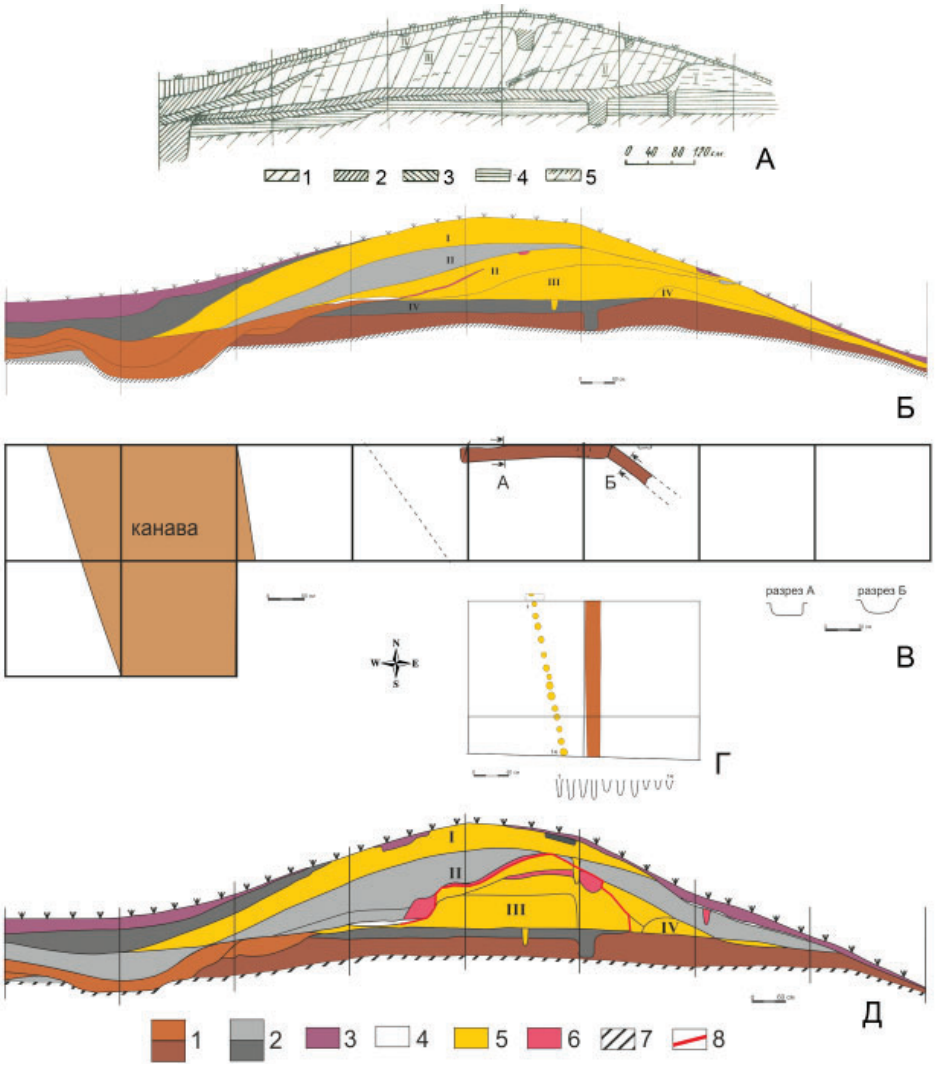

Рис. 10. Разрезы вала III. **А** – в зачистке 1975 г. (по: Хузин, 1985, рис. 1): 1 – серая супесь; 2 – темно-серая супесь; 3 – плотная темно-серая супесь; 4 – погребенная почва; 5 – материк. **Б** – юго-восточный профиль раскопа 1979 г. в зеркальном отображении (по: Халиков и др., 1979, рис. 123). **В** – план поверхности горизонта III (по: Халиков и др., 1979, рис. 118). **Г** – план поверхности погребенной почвы под валом с частокольной канавкой и следами столбовой ограды (по: Халиков и др., 1979. Рис. 120). **Д** – северо-западный профиль раскопа 1979 г. (по: Халиков и др., 1979, рис. 124): 1 – Коричневая супесь и темно-коричневый суглинок; 2 – серая и темно-серая супеси; 3 – дерн; 4 – зола; 5 – темно-желтый суглинок; 6 – древесный тлен; 7 – материк; 8 – граница массива грунта, относившегося к заполнению сруба-городни.

Fig. 10. Sections of rampart III. **A** – material cleared 1975 (according to: Khuzin, 1985, fig. 1): 1 – gray sandy loam; 2 – dark gray sandy loam; 3 – dense dark gray sandy loam; 4 – buried soil; 5 – natural ground. **Б** – southeastern profile of the 1979 excavation site in a mirror image (according to Khalikov et al., 1979. Fig. 123). **B** – horizon III surface plan (according to Khalikov et al., 1979. Fig. 118). **Г** –surface plan of buried soil under a rampart with a picket fence groove and post fence traces (according to Khalikov et al., 1979. Fig. 120). **Д** – north-western profile of the 1979 excavation (according to Khalikov et al., 1979, fig. 124): 1 – brown sandy loam and dark brown loam; 2 – gray and dark gray sandy loam; 3 – turf; 4 – ash; 5 – dark yellow loam; 6 – wood dust; 7 – natural ground; 8 – boundary of a soil mass related to filling material of the wooden framework of a log house.

лями вала именно с третьим горизонтом насыпи, т. е. они не допускали связи этой канавы со рвом, открытым под валом III в раскопах 1968 и 1982 гг. Между тем такая связь вполне возможна, хотя, конечно, лишь на уровне гипотезы, поскольку трассировка этой канавы здесь отличается размещением на значительном удалении от края долины Большой Елшанки. Однако если не принимать этой гипотезы, то придется признавать, что ров, обнаруженный в раскопах VI и XXXV, располагался локально и не имел никакого отношения к фортификации, а это кажется весьма сомнительным.

Четвертым горизонтом были названы слой серой супеси толщиной до 30 см, залегавший на погребенной почве, и массив темно-желтого суглинка с внешней стороны от грунтов горизонта III, который имел ширину чуть более 1 м и толщину чуть более 0,3 м. Разумеется, ни одна из этих ничтожных по толщине прослоек не могла выступать остатками какого-то отдельно существовавшего укрепления. Под ними (конкретно, под прослойкой серой супеси) удалось зафиксировать частокольную канаву шириной 25 см и глубиной до 60 см, проходившую в 6 м от края долины ручья Большая Елшанка, параллельно ему. Предположение о конструкции ограды в виде заплота с вертикальными столбами и горизонтально уложенными бревнами между ними, высказанное М.М. Кавеевым (1981, с. 37, 38), неприемлемо, поскольку для таких оград вырывалась бы не сплошная канава, а отдельные столбовые ямы. Канавы же выкапывались именно для частоколов из вертикально установленных бревен.

Рядом с частоколом были зафиксированы следы другой ограды, от которой сохранились круглые ямки от забитых в землю кольев диаметром до 20 см, причем между ними оставались промежутки в 8–16 см. Этот ряд столбов проходил не параллельно канаве, а под углом 25 градусов к ней (рис. 10: Г), а уже одно это ясно говорит о разновременности данных оград и исключает возможность принадлежности их к одной конструкции. Кроме того, профили фиксируют прорезание столбами слоя серой супеси, а в отношении канавы такого наблюдения сделано не было, т. е. частокольная канава возникла однозначно раньше. И именно она может претендовать на роль самого раннего фортификационного сооружения, тогда как ограда из забитых в землю столбов с большими промежутками между ними могла служить лишь чисто хозяйственным целям (как ограждение усадьбы).

Северный профиль траншеи 1979 г. имеет еще несколько важных черт, на которые следует обратить внимание. Прежде всего, в отличие от двух ранее снятых профилей, на этом чертеже восточные границы «горизонта III» имеют участки строго вертикального или близкого к вертикальному положения. Хотя эти детали не привлекли внимания исследователей раскопа и никак не отражены в тексте отчета, они вряд ли являются ошибкой фиксации. Такие границы между прослойками не могут образоваться в обычных насыпях – они являются маркерами того, что в древности по этим границам проходили деревянные стенки. Поэтому можно предположить, что и здесь, так же как на участке раскопа VI (1968 г.), сохранились следы некогда стоявших тут бревенчатых городней. Что же касается толстых прослоек древесного тлена, зафиксированных как внутри «горизонта III», так и на его верхней границе, и у его внутренней стенки, то они вряд ли относились к городням. Может быть, эти прослойки остались от каких-то иных деревянных оград, построенных поверх уже разрушившихся городней. Но если на раскопе VI (1968 г.) городни имели ширину не менее 6 м (см. выше), то на участке исследований 1975/1979 гг. границы руин городни очерчивают массив, ширина которого не превышала 4 м (рис. 10: Д, 8). Такое существенное различие может объясняться чрезвычайной длиной стены внешнего города (более 10 км), построить которую по стандартной схеме (из строго одинаковых модулей), видимо, оказалось невозможно.

Раскоп XXXI 1982 г. представлял собой траншею шириной 2 м, заложенную, судя по всему, параллельно траншее 1979 г., со сдвигом к северо-западу. На этот раз раскопки велись без фиксации планов пластов или горизонтов. В итоге был получен еще один разрез по северо-западной стенке траншеи (Кавеев, Хузин, 1982, рис. 24; Хузин, 1985, рис. 2) (рис. 11: А), который ничего не добавил к тем сведениям, которые уже были получены ранее. На уровне погребенной почвы тут продолжали прослеживаться частокольная канавка и ряд из забитых в грунт столбов, который все дальше отходил от частокола. Канава вдоль внутреннего края вала сузилась до 1,5 м, а глубина уменьшилась до 0,3 м. Вертикальных границ, маркирующих остатки городней, на профиле уже не фиксировалось, не было также обнаружено и следов «горизонта IV», связывавшегося при прежних раскопках с «валом» высотой 30 см, что справедливо заставило усомниться в самом существовании этой насыпи (Хузин, 1985, с. 63). Однако общая концепция понимания вала III не изменилась – он воспринимался как насыпь, поверх которой стояли неясные «деревянные защитные сооружения», от которых остались лишь прослойки древесного тлена и ничтожные по глубине канавки.

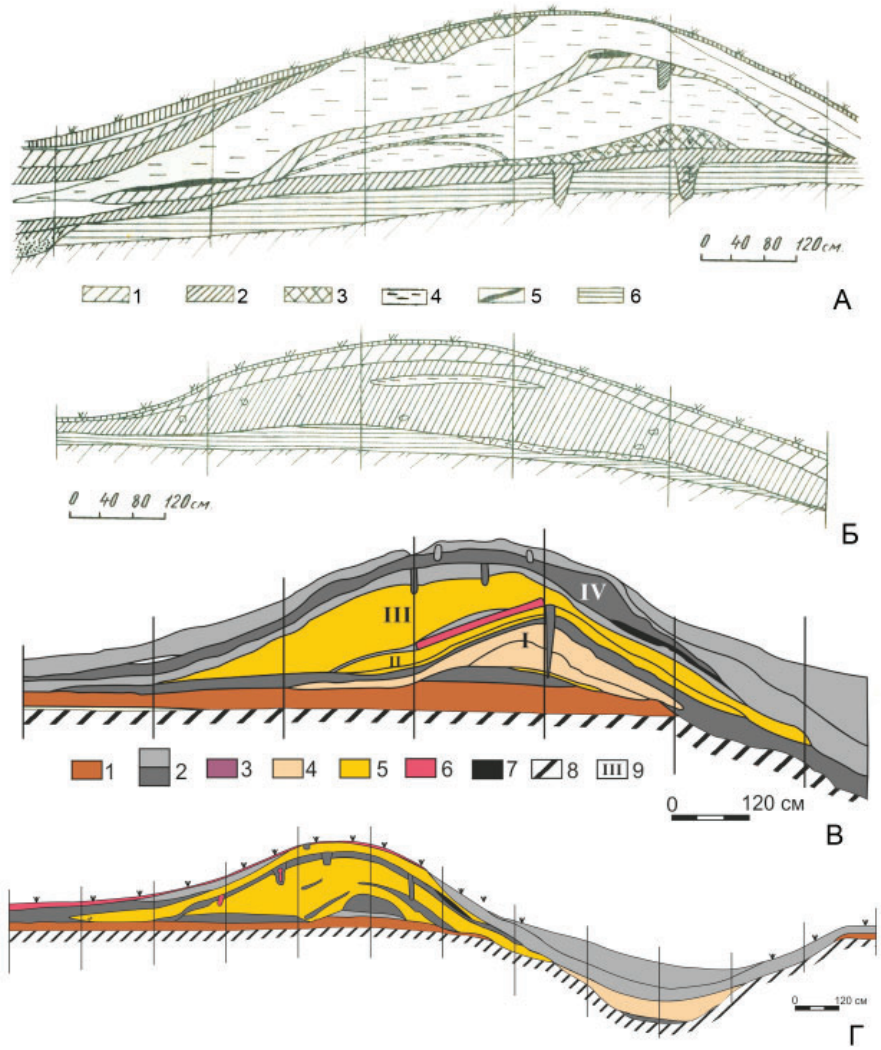

Рис. 11. Разрезы валов III–V. **А** – разрез вала III в северо-западном борту раскопа XXXI (по: Хузин, 1985, рис. 2): 1 – серая супесь; 2 – темно-серая супесь; 3 – пестроцветный грунт; 4 – суглинистый слой; 5 – уголь; 6 – погребенная почва; **Б** – разрез вала IV в восточном профиле раскопа XXXIV 1982 г. (по: Хузин, 1985, рис. 5). *Условные обозначения те же.* **В** – разрез вала V в северо-западном профиле траншеи 1975 г. (по: Халиков, 1975, рис. 48): 1 – коричневый суглинок (погребенная почва); 2 – серая и темно-серая супеси; 3 – дерн; 4 – петроцветный грунт; 5 – желтый суглинок; 6 – древесная труха; 7 – материк; 8 – номера насыпей по материалам отчета; **Г** – разрез того же вала в северо-западном профиле раскопа XXXII 1982 г. (по: Кавеев, Хузин, 1982, рис. 37). *Условные обозначения те же.*

Fig. 11. Sections of ramparts III–V. **А** – section of rampart III in the northwestern side of excavation XXXI (according to: Khuzin, 1985, fig. 2): 1 – gray sandy loam; 2 – dark gray sandy loam; 3 – variegated soil; 4 – loam layer; 5 – coal; 6 – buried soil. **Б** – section of rampart IV in the eastern profile of excavation XXXIV in 1982 (according to: Khuzin, 1985, fig. 5). *The symbols are the same.* **В** – section of rampart V in the northwestern profile of the trench in 1975 (according to Khalikov, 1975, fig. 48): 1 – brown loam (buried soil); 2 – gray and dark gray sandy loam; 3 – turf; 4 – variegated soil; 5 – yellow loam; 6 – wood dust; 7 – natural ground; 8 – embankment numbers based on report materials. **Г** – section of the same rampart in the northwestern profile of excavation XXXII in 1982 (according to Kaveev, Khuzin, 1982, fig. 37). *The symbols are the same.*

Несмотря на различия в методических подходах разных ученых, по результатам работ на валу III можно сделать некоторые важные выводы:

В истории фортификационного строительства вала III выделяются четыре этапа. На первом из них по краю долины Большой Елшанки была выкопана довольно глубокая канава, в которую был поставлен деревянный частокол, что роднит начальные этапы обеспечения обороны внутреннего и внешнего города. На участке раскопа VI (1968 г.) край террасы, на которую устанавливался такой частокол, видимо, был поврежден эрозион-

ными процессами, из-за чего он там и не сохранился. Вторым вариантом объяснения его отсутствия там может быть уничтожение следов частокола более поздним рвом.

После ликвидации частокола на краю долины Елшанки в некоторых местах возникали легкие частокольные ограды, которые надо скорее связывать с границами усадеб, хотя полностью исключать их оборонного назначения (как временных изгородей) также нельзя. Второй этап фортификационного строительства тут связан с выкапыванием рва полукруглой профилировки (местами с уплощенным дном, местами очень мелкий по глубине). Пока нет полной ясности, с какой стороны от этого рва – внешней или внутренней – находилась древо-земляная стена, поскольку никаких следов этого сооружения не сохранилось. По общему правилу вертикальная преграда должна была находиться с внутренней стороны от рва, т. е. к западу от него. Правда, в этом случае стена размещалась бы на большом расстоянии от долины Большой Елшанки – в 14–16 м от ее края. Но раскопки к западу от рва не проводились, так что делать какие-то предположения тут было бы поспешно. Этот ров сокращается по размерам в направлении с юго-востока на северо-запад, и пока такая трансформация остается необъяснимой.

Через некоторое время ров был засыпан (очевидно, грунтом из разобранной стены), после чего началось строительство оборонительной линии третьего этапа, состоявшей из древо-земляной стены, составленной из городней, заполненных материковым желтым суглинком. На разных участках вала ширина этой стены могла быть разной, но в любом случае – не менее 4 м, высота же не могла быть менее 2 м. В некоторых местах стену приходилось ставить на место засыпанного рва, а грунт для засыпки городней брался как из верхних горизонтов материка (желтый суглинок), так и из долины Большой Елшанки (илистые серые грунты).

Разрушение этой стены, наступившее в результате истлевания древесины (т. е. по прошествии 30–50 лет), было настолько полным, что следы ее былого существования (древесина от срубов и вертикальные границы заполнения городней) сохранились лишь в отдельных местах. На руинах стены, т. е. на образовавшемся естественным образом валу, видимо, устанавливались легкие деревянные ограды, следами которых являются столбовые ямы, канавки и прослойки истлевшей древесины, обнаруженные поверх расползшегося вала. Последний, четвертый этап оборонного строительства также сложен для понимания. После того, как деревянные заборы, установленные поверх валообразной руины, пришли в полную негодность, на их месте могла быть поставлена новая древо-земляная стена, размеры которой, судя по небольшому объему грунта в самом верхнем горизонте вала, были существенно (в 2–3 раза) меньше, чем у стены, стоявшей тут ранее. Однако нельзя исключать и того варианта, что на последнем этапе вместо стены тут была сделана насыпь из материкового суглинка, оформившая вал в его современном виде (с учетом возможных эрозионных повреждений). На этом этапе в вал попали также обломки кирпичей, взятые из разрушенных городских зданий. Какие-то из поверхностных нарушений вала (столбовые ямы и канавки) могли являться следами ограждений финального этапа использования вала для обороны (в 1236 г.), но с гораздо большей вероятностью они являются поздними перекопами, связанными с укреплениями Билярского острога или хозяйственной деятельностью жителей Билярска Нового времени.

Дата частокола первого этапа вряд ли может быть определена, пока не будут найдены остатки его древесины, пригодные для радиоуглеродного датирования. Когда началось строительство древо-земляной стены внешнего города, смогут показать только новые исследования, но ясно, что древнейший ров, обнаруженный тут, вряд ли мог быть выкопан ранее XI в. Дальнейшая строительная история вала III, очевидно, относится к XII и началу XIII вв.

Вал IV

Вал IV изучался раскопками только один раз – раскопом XXXIV, заложенным в 1982 г. в северо-восточной части кольца валов внешнего города (рис. 1: 10). Раскоп представлял собой траншею шириной 2 м при длине 10 м, ориентированную перпендикулярно оси вала, т. е. по линии ССВ–ЮЮЗ (по азимуту 25°). Профиль был снят только с одной восточной стенки этой траншеи[12] (Кавеев, Хузин, 1982, рис. 33; Хузин, 1985, рис. 5) (рис. 11: Б). Он показывает насыпь высотой 1,2 м при ширине около 8 м. Никаких следов деревян-

ных конструкций тут не было выявлено, но даже если бы они существовали в древности, шансов их обнаружения при раскопках узкой траншеей не имелось. Поэтому делать выводы о том, как сформировался средний вал оборонительной системы внешнего города, преждевременно.

Под валом обнаружена тонкая линза остатков культурного слоя, отложившегося на его месте до начала строительства. По находкам в теле вала обломков поливной керамики местного производства и стеклянного браслета его строительство было датировано не ранее второй половины XII в. (Хузин, 1985, с. 74), с чем трудно не согласиться. Однако ров перед этим валом не вскрывался, а именно он мог бы показать, какой объем грунта был взят оттуда при строительстве и какая часть этого грунта затем «вернулась» в ров (см. выше ров при вале II). Поэтому ближайшей задачей изучения вала IV является его исследование широкой площадью и вскрытие рва перед ним.

Вал V

Вал V исследовался четыре раза, но с разной степенью полноты. Впервые его разрез был получен в 1975 г. при зачистке края бульдозерной траншеи (Халиков, 1976, рис. 48; Хузин, 1985, рис. 6) на северо-восточном краю городища (рис. 1: 4). Тогда по линии СВ–ЮЗ была заложена траншея (вернее, терраса), с которой получен один разрез вала, имевшего ширину 8 м и высоту 2,1 м (рис. 11: В). Описание этого разреза в отчете включало одно совершенно неприемлемое положение о культурном слое, якобы «отложившемся» на вершине и склонах вала. Однако подобный процесс невозможен в силу того, что валы никогда не являлись местами обитания людей, это чисто оборонительные сооружения. Грунт, относящийся к культурному слою, мог попадать на вал только как перемещенный, в виде части насыпи.

Разделение насыпи на четыре этапа, продатированных в интервале от X в. до рубежа XII–XIII вв., предложенное А.Х. Халиковым в отчете (1975, л. 121) также не может быть принято в силу слабости доказательств. Так, «первой насыпью» назван массив грунта высотой всего 1 м при ширине 4 м, который не мог служить препятствием для противника. «Второй насыпью» названа досыпка грунта, увеличившая высоту «вала» всего на 0,2 м. На вершине этой «насыпи» был выявлен след от забитого в грунт на глубину 1,2 м заостренного кола, а рядом, на внутреннем склоне вала, – остатки бревна длиной около 2 м, которое было воспринято как остатки частокола. Но при последующих раскопках никаких следов этого частокола нигде более не фиксировалось (см. ниже). Неясно даже, было ли это бревно вообще связано со столбовой ямой, в которой древесного тлена не отмечено. Таким образом, «первая», «вторая» и «третья» насыпи, выделенные в 1975 г., вполне могли составлять разные горизонты одной и той же насыпи, созданной в несколько приемов или из разного по происхождению грунта. В результате был насыпан вал высотой около 2 м, шириной по основанию 7 м, с уплощенной площадкой на гребне шириной 2 м. На этой площадке обнаружены столбовые ямки глубиной не более 0,4 м, которые А.Х. Халиков связывал с какими-то неясными деревянными укреплениями, названными им «городнями» (1975, л. 120, 121). Разумеется, никаких, даже малейших, следов городней (бревенчатых срубов) тут не было, а столбовые ямки могли относиться разве что к какому-то забору, установленному на вершине вала. Судя по датировке керамики, собранной на поверхности вала и относившейся к предмонгольскому этапу, появление вала V нельзя относить ко времени ранее XII в.

Спорность выводов, полученных по итогам зачистки 1975 г., была очевидна исследователям Биляра, что и вызвало необходимость повторной прорезки вала V в том же месте еще раз, что и было выполнено раскопом XXXII 1982 года (Кавеев, Хузин, 1982, л. 83–88, рис. 37; Хузин, 1985, с. 77–79, рис. 7). Раскоп представлял собой траншею шириной 2 м, сориентированную параллельно зачистке 1975 года. Профиль разреза в целом был близок зафиксированному семью годами ранее, хотя и имел некоторые отличия. На нем видно «ядро» вала, под которым сохранились остатки культурного слоя XVI Билярского селища, материал из которого был датирован X–XI вв. На вершине вала читались столбовые ямы, размещение которых в плане осталось неизвестным, поскольку вал не разбирался по пластам и планы не снимались. При этом эти столбовые ямы по-прежнему связывались с какими-то «городнями» (Хузин, 1985, с. 79). В действительности эти столбовые конструкции вполне могли принадлежать деревянной ограде, построенной на вершине вала. Эта

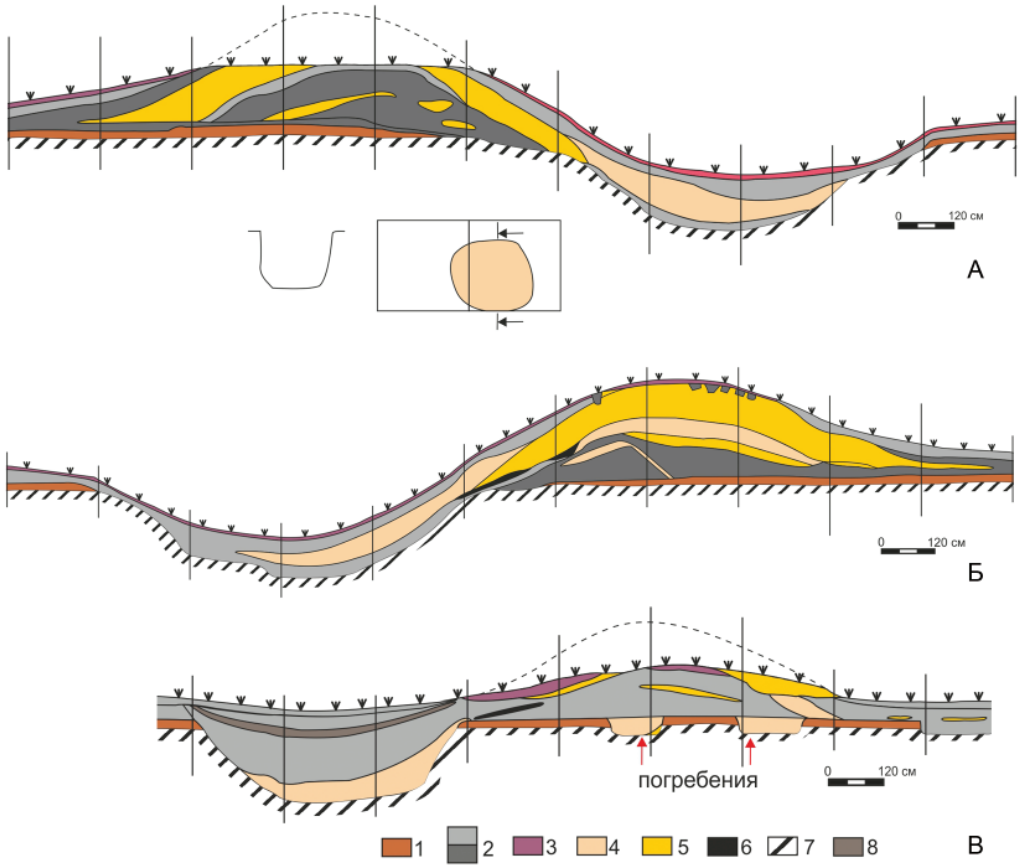

Рис. 12. Разрезы вала V. **А** – в западном профиле раскопа XXXIII, с планом ямы под валом (по: Кавеев, Хузин, 1982, рис. 41); **Б** – в восточной профиле того же раскопа (по: Кавеев, Хузин, 1982, рис. 40); **В** – в юго-западном профиле траншеи № 8 (по: Кавеев, Хузин, 1982, рис. 60). 1 – Коричневый суглинок (погребенная почва); 2 – серая и темно-серая супеси; 3 –дерн; 4 – петроцветный грунт; 5 – желтый суглинок; 6 –древесная труха; 7 –материк; 8 – навоз.

Fig. 12. Sections of rampart V. **A** – in the western profile of excavation XXXIII with a plan of a pit under the rampart (according to: Kaveev, Khuzin, 1982. Fig. 41). **Б** – in the eastern profile of the same excavation (according to: Kaveev, Khuzin, 1982, fig. 40). **B** – in the southwestern profile of trench No. 8 (according to Kaveev and Khuzin, 1982, fig. 60). 1 – brown loam (buried soil); 2 – gray and dark gray sandy loam; 3 – turf; 4 – variegated soil; 5 – yellow loam; 6 – wood dust; 7 – natural soil; 8 – manure.

ограда не относилась к финальному этапу существования укреплений, поскольку оказалась перекрыта еще одной прослойкой суглинка толщиной не более 20 см (по отчету 1975 г. – темно-серого, по отчету 1982 г. – желтого), которую можно рассматривать в качестве следов ремонта вала. В этой прослойке также фиксировались какие-то столбовые ямы, возможно от последней ограды, когда-то поставленной на гребень вала.

Материалы раскопа XXXII важны еще и тем, что в нем впервые удалось получить полный разрез рва, проходившего перед валом V. Этот ров имел сегментовидный (полукруглый) профиль, ширину 9 м при глубине 2,5 м, т. е. его объем соответствовал объему грунта в валу. Заполнение рва описано в отчете очень кратко – оно состояло из «пестроцветного» грунта (по-видимому, этим бессодержательным названием зашифрована смесь материкового суглинка с культурным слоем и погребенной почвой), структура которого осталась неясна (были ли это мелкослоистые замывы или результат сброса в ров верхней части вала?). Тем не менее ясно, что ров был заполнен лишь в самой малой степени – не более чем на 0,5 м, а это значит, что его не пытались сознательно засыпать, а вал срыть. Заполнение нижней части рва составляли грунты, смытые за время распашки окрестных полей, а верхнюю – сдвинутые бульдозером в ходе разрушения вала.

В том же 1982 г. для проверки полученных результатов был предпринят еще один, последний разрез вала V, совершенный раскопом XXXIII, заложенным в 110 м к западу

от раскопа XXXII в месте разрушения вала работой бульдозера (Кавеев, Хузин, 1982, с. 89–101). На этот раз ширина траншеи составила 6 м, но вся она пришлась на уже разрушенную часть вала, поэтому при наличии у раскопа двух профилей сам вал фактически не разбирался и структура его осталась неизвестной. Разрезы были сделаны перпендикулярно оси вала (Кавеев, Хузин, 1982, рис. 40, 41; Хузин, 1985, рис. 8, 9) (рис. 12: А, Б). В западном профиле вал был поврежден (срезана вся его верхняя часть), тем не менее хорошо видно, что его ширина по основанию составляла около 10 м, а структурно в нем выделялось «ядро» шириной около 7 м и высотой до 1,5 м, состоявшее из грунтов серого цвета (вероятно, почвенных горизонтов), и верхняя часть, сложенная из материкового суглинка. Ров сегментовидного (полукруглого) сечения имел тут ширину 8 м и глубину 2 м, заполнен он был почти на 2/3, очевидно, именно в результате сброса в него грунта вала бульдозером. Гораздо лучшее представление об этих сооружениях дал восточный профиль, где вал сохранился без повреждений. Его ширина составляла около 9 м, высота – 2 м. Здесь лучше видно внутреннее «ядро» вала шириной 6 м и высотой 1,3 м. Состав грунтов практически такой же, как в западном профиле. Параметры рва отличий не имели.

Делать суждения о конструктиве вала V по профилям, без пластовых планов разборки вала, методически рискованно, однако нельзя не отметить общего сходства этого профиля с разрезом вала и рва середины XIV в. в городе Болгаре (Коваль, Русаков, 2018, рис. 20), который представлял собой созданное единовременно насыпное сооружение, предназначенное для отражения конных атак противника (Коваль, Русаков, 2018, с. 66–70). В обоих случаях ядро вала было создано из грунтов почвенного горизонта, а верхняя часть насыпи – из материкового грунта.

Под валом в раскопе XXXIII были зафиксированы культурный слой с немногочисленным материалом и круглая яма, в заполнении которой найдены разрозненные кости человека и шиферное пряслице. Эти комплексы были датированы очень узко в пределах конца X – начала XI вв. (Кавеев, Хузин, 1982, л. 95; Хузин, 1985, с. 82), что представляется сомнительным: для столь узкой даты имеющихся аргументов явно недостаточно. В основании насыпи вала наряду с другими находками был обнаружен наконечник стрелы типа 92 (по А.Ф. Медведеву), датирующийся XII – началом XIII вв. (Кавеев, Хузин, 1982, л. 101), на основании которого создание вала было продатировано «не ранее конца XI – начала XII в.» (Хузин, 1985, с. 84), с чем следует согласиться. Однако нельзя принять мысль о том, что два горизонта в составе вала V (ядро вала и его досыпка) относятся к разным временным периодам (Там же), поскольку в этом случае пришлось бы допускать, что на первом этапе вал был создан без всякого рва (либо со рвом глубиной не более 0,5–1 м) и лишь на втором этапе этот ров был углублен до 2 м, а вал нарастили до такой же высоты (объем грунта в валу в целом равен объему грунта, вынутого из рва). Такая версия выглядит невероятной. По данным всех приведенных выше разрезов вал V выглядит как единовременно воздвигнутое защитное сооружение, более всего напоминающее насыпь (хотя этот тезис еще требует проверки), время создания которой относится к XII – началу XIII вв. А в этом случае весьма продуктивной кажется мысль А.Х. Халикова об усилении обороны Биляра после осады города войсками владимиро-суздальского князя Всеволода Юрьевича в 1183 г. (Халиков, 1976, с. 50).

Некоторые новые данные о вале V и рве перед ним были получены при зачистке разреза этих сооружений, полученного в 1982 г. на северном фланге укреплений внешнего города, на территории современного Билярска (рис. 1: 13; 12: В). Вершина вала тут была срезана и сброшена в ров, который практически не читался на современной поверхности. Размеры этих сооружений были несколько иными, нежели на северо-восточном фланге крепости (Кавеев, Хузин, 1982, рис. 60). Вал тут имел ширину всего 8 м при сохранившейся высоте 1,1 м, но в нем точно так же прочитывалось «ядро» из грунтов почвенных горизонтов. Ширина рва была несколько меньшей (6 м) при прежней глубине – около 1,8 м. Под валом были выявлены могилы с погребениями Билярского V могильника, возникшего в X–XI вв. (Хузин, 1985, с. 82), верхняя дата которого не определена.

Проведенный анализ отчетных данных о раскопках валов и рвов Биляра позволяет сделать несколько выводов как методическо-

го, так и общеисторического характера. Методические выводы следующие:

А) В ходе будущих раскопок билярских фортификаций ради получения новой достоверной (и проверяемой) информации необходимо строго следовать современным нормам и правилам таких раскопок, т. е. закладывать разведочные траншеи шириной не менее 6 м на валах и не менее 4 м на рвах. При этом необходимо проводить фиксацию горизонтальных пластов с шагом в 20 (в сложных для понимания случаях – 10) см и обязательно фиксировать все различия в цвете грунтов, особенное внимание уделяя тем прослойкам (даже самым тонким, до 1 см), которые содержат следы древесного тлена или могли быть остатками деревянных стен с полностью утраченной органикой.

Б) Необходимо создание банка данных образцов для радиоуглеродного анализа тех конструкций, которые удастся обнаружить, а также материалов из слоев, подстилающих валы.

В) При описании материалов раскопок следует подробно описывать цвет, состав, гранулометрию, структуру каждой прослойки грунта, которая встречается в валах. Для правильного описания необходимо привлекать специалистов в области почвоведения, которые способны выявить среди прослоек внутри валов те, которые с наибольшей вероятностью можно связывать с почвообразованием на поверхности насыпей или руинированных стен.

Г) При раскопках рвов необходимо контрольное прокапывание днища рва для подтверждения его окончания, поскольку нередко нижние части рвов оказываются засыпаны материковым грунтом, практически не отличающимся от нетронутого материка, за исключением самой структуры этого грунта.

Д) Пройденные раскопы необходимо засыпать ради сохранения внешнего вида уникального памятника древности.

Перечисленные требования являются сегодня обязательными при исследованиях фортификаций. И как раз раскопки билярских укреплений, где такие требования не соблюдались (надо специально подчеркнуть, что вовсе не по вине исследователей тех лет), показали, какие важнейшие сведения и аргументы оказались в результате этого утрачены.

Перейдем к историко-археологическим выводам.

Прежде всего, стало ясно, что валы Биляра были гораздо более сложными и конструктивно разнородными сооружениями, чем это считалось ранее. Как во внутреннем, так и во внешнем городе на первом этапе (валы I и III) по их периметру возводились обыкновенные частоколы. Позже на их месте строились древо-земляные стены, однозначные следы которых зафиксированы в валу I (внутреннего города) и в валу III (внешнего города). После того, как эти стены разрушились под действием естественных причин (гниение дерева), их руины могли использоваться для обороны, для чего на гребнях образовавшихся валов строились деревянные ограды, очень слабые следы которых обнаружены во многих местах. Во внутреннем городе (вал I) на месте разрушенной более ранней стены, вероятно, была выстроена новая; для вала III полной уверенности в таком сценарии нет, хотя он представляется наиболее вероятным. Однако плохая сохранность валов и недостаточное качество имеющейся документации оставляют простор для разных реконструктивных вариантов.

Впервые изучение раскопной документации 45-летней давности позволило получить конкретные свидетельства того, что вал внутреннего города Биляра является остатками древо-земляной стены, которая, возможно, один раз перестраивалась. Прежде укрепления Биляра также реконструировались в виде деревянных стен, однако исходя исключительно из общих соображений и по аналогии с русскими городами, т. е. умозрительно, без опоры на конкретный археологический материал. Как видим, этот материал имелся в наличии уже более 40 лет, однако он не был соответствующим образом осмыслен. Надо также признать, что, хотя исследователи 1970–1980-х гг. (А.Х. Халиков, Ф.Ш. Хузин, М.М. Кавеев) не располагали современной методикой раскопок валов и ошибались в интерпретации целого ряда следов древних сооружений, их вывод о существовании в валах Биляра остатков стен, сложенных из дерева, в большинстве случаев оказался верным.

Все вскрытые рвы Биляра имели полукруглый (часто с уплощенным дном) профиль, т. е. они оказались идентичны поздним (XII–XIV вв.) рвам Болгара, но резко отличаются от ранних (X–XI вв.), треугольных в сечении

(Губайдуллин, 2019, с. 60–63). Правда, изучены еще не все рвы этого города, например, ров перед валом IV. К сожалению, днища этих рвов контрольно не прокапывались, а без этого нет уверенности в том, что были замечены все углубления на дне или подрезки склонов рва, и даже более того – нет полной уверенности в том, что профили рвов зафиксированы полностью.

На протяжении XII в. началось строительство дополнительных линий укреплений как во внутреннем, так и во внешнем городе. Происходило ли оно одновременно или в какой-то последовательности, пока невозможно сказать. Самая мощная (судя по объему грунта, вынутого из рва) линия была возведена вокруг внутреннего города (вал II и ров перед ним). Какого рода укрепление тут было выстроено, стена или вал, неясно, поскольку большая его часть была сброшена обратно в ров. По этой причине вал II нельзя считать «недостроенным» или «дополнительным», более слабым – очевидно, что эта линия была воздвигнута полностью, но затем подверглась целенаправленному уничтожению. Сегодня видны лишь остатки некогда существовавшего укрепления. Когда оно было уничтожено, неясно, но логично предположить, что такая акция была проведена монголами после разорения Биляра ради недопущения его возрождения. Этот вариант кажется наиболее вероятным, учитывая, что для уничтожения вала II было необходимо привлечь очень большое число работников.

Оборона внешнего города Биляра включала три линии, самой ранней из которых была древо-земляная стена, остатками которой стал вал III. Ее появление можно датировать не ранее конца XI в., хотя надежных археологических аргументов для датировки этой стены пока недостаточно. Не вполне ясна и история перестроек этой защитной линии. Сохранившимся остаткам стены могла предшествовать более ранняя фортификация из рва и стены, от которых сохранился только ров. Нет полной уверенности и в том, какая фортификация сменила эту древо-земляную стену.

Время появления и первоначальный вид вала IV неизвестны, поскольку он практически не изучен, а ров перед ним никогда не вскрывался. Зато гораздо лучше изучен вал V, предположительно самая поздняя из билярских фортификаций, выстроенная, возможно, во второй половине или конце XII в. Этот вал, скорее всего, изначально представлял собой насыпь, сооруженную за один прием, которая пережила только один небольшой ремонт в виде незначительной подсыпки вала.

На сегодняшнем уровне знаний о фортификациях Биляра (а он остается еще очень низким) создается впечатление, что вначале город старались окружить древо-земляной стеной, которая по своему облику, вероятно, мало отличалась от стен, составленных из срубов-городней, которыми защищались города Руси. Явным отличием является только отказ хозяев Биляра от излишне толстых стен из многорядных городней, которые предпочитали строить на Руси. Однако к концу XII в. на месте разрушенных временем древо-земляных стен стали оставлять валы с легкими деревянными заборами на гребнях. Эта тенденция особенно ярко проявилась при строительстве вала V – самого последнего по времени создания оборонительного рубежа Биляра. В отличие от более ранних стен, эта линия, вероятно, изначально создавалась как насыпь.

Таким образом, к моменту взятия Биляра монголами в 1236 г. его оборонительная система заметно отличается от той, которая развивалась в большинстве городов Восточной Европы (и, пожалуй, мира в целом) и которая была нацелена на обнесение стенами как можно меньшей площади. Такой подход позволял сконцентрировать на небольшой территории крепости население всего города и пригородов, обеспечивая тем самым максимальную плотность расстановки защитников стен. В Биляре наблюдается совершенно иная тенденция: постепенный переход от использования стен к окружению валами весьма значительной по площади территории, не имевшей сплошной плотной застройки, и, следовательно, не способной предоставить необходимое число воинов для обороны крайне протяженных защитных линий. Ведь только для обороны одной 10-километровой стены внешнего города потребовалось бы минимум 3–5 тысяч воинов (из расчета 1 человек на 2–3 метра линии стены), к которым необходимо было иметь в запасе сопоставимое число резервных войск. Такое число взрослых мужчин Биляр мог бы выставить, если принять расчет численности его населения к началу XIII в. в пределах 30 000 чел. (Халиков, 1976, с. 41),

но далеко не все эти жители могли считаться полноценными воинами. Следовательно, для защиты Биляра было необходимо войско, насчитывавшее не менее 10 тысяч профессиональных воинов (а скорее – значительно большее по численности). Только такой контингент (с добавлением к нему боеспособных горожан) мог хоть как-то контролировать весь периметр внешнего города и противостоять противнику. Но растянутость оборонительной линии неизбежно создавала для защитников серьезную трудность, поскольку в место вражеской атаки (которая могла произойти в любом месте периметра укреплений) необходимо было стянуть значительные дополнительные силы, что требовало либо еще большего увеличения численности армии на стенах, либо нестандартных вариантов организации обороны. Один из таких вариантов был ранее предложен (Коваль, 2018).

По-видимому, не ранее XII в. в фортификации Биляра произошел переход от однорядных укреплений к многорядным (имеются в виду три ряда валов «внешнего города»). Этот выбор пока трудно объяснить, поскольку от требовал дополнительных затрат ресурсов, но мог гарантировать безопасность только в том случае, если каждый из рядов был не только обеспечен достаточным числом защитников (которых и без того требовалось немало – см. выше), но и имел бы стены или деревянные ограды на валах в боеспособном состоянии. Вся эта многорядность требовала расходования огромного количества ресурсов (регулярной доставки строевого леса и постоянных ремонтов). Поэтому окончательное выяснение конструктива оборонительных линий Биляра, особенно на финальных этапах их функционирования, является крайне важной и при этом чрезвычайно сложной задачей.

Хронология строительства и многочисленных перестроек пяти линий валов (и рвов) Биляра обоснована пока очень приблизительно. Высказывавшиеся в предшествующих исследованиях аргументы не вызывают в большинстве случаев существенных возражений, но требуют проверки современными методами. В особенности это касается остатков деревянных конструкций на вершинах валов, которые могли возникать в Новое время, как части оборонительных сооружений Закамской черты, а также в качестве хозяйственных объектов жителей Билярска вплоть до современной эпохи.

Необъясненным остается факт сохранения укреплений Биляра после его взятия монголами в 1236 г. Лишь одна из пяти линий обороны (вал II) несет следы целенаправленного уничтожения, тогда как остальные, включая вал V, сохранились достаточно полно. Возможно, для тотального уничтожения огромной по размерам фортификации Биляра у монголов просто не хватило человеческих ресурсов из-за истребления населения города?

Хотя исследователями Биляра были сделаны в целом правильные выводы о характере его укреплений, состоявших из деревянных стен, эти выводы базировались не столько на археологических фактах, сколько на научной интуиции выдающихся ученых. Тем не менее анализ отчетной документации показал, что уже в те годы при раскопках были получены важные свидетельства существования в прошлом тут древо-земляных стен, которые не были в полной мере осознаны из-за недостатка знаний, имевшихся в российской археологии того времени. И все же далеко не все вопросы конструктива билярских укреплений в достаточной мере обеспечены археологическими фактами, так что полное представление о внешнем виде этих укреплений (как древоземляных стен, так и насыпных валов) пока еще не может быть сформулировано. Для получения такого представления сегодня требуется новое изучение этих укреплений, проведенное на современном методическом уровне.

Примечания:

[1] Интересные наблюдения, касающиеся фортификации Биляра, были сделаны в 1928 г. А.С. Башкировым (1929), однако способ исследования небольшим шурфами и отсутствие чертежей даже этих шурфов делает выводы исследователя не всегда понятными и убедительными.

[2] Руководил раскопом П.Н. Старостин.

[3] Раскопом руководили П.Н. Старостин и Р.Г. Фахрутдинов.

[4] Этот проем априори был признан за древний, хотя вполне мог быть и поздним прокопом (XVIII–XIX вв.). Раскоп VII представлял собой траншею шириной 2 м, которая лишь задела край вала, а сама размещалась на участке проема в валу.

[5] Цвет этих и многих иных прослоек по описаниям в публикации и отчете различаются довольно сильно.

Некоторые прослойки из более высоко лежавших горизонтов остались на чертежах не подписаны или имели неинформативные подписи «глина» или «суглинок».

[6] На рис. 3 (и последующих) цвет грунта прослоек показан условно (с подразделением на основные цвета – серые, коричневые и желтые), без учета различных оттенков. Розовый цвет для древесной трухи выбран для того, чтобы отличить ее от грунтовых прослоек коричневого цвета.

[7] В отчете ширина траншеи не указана, но отмечено, что квадраты, на которые он был разбит, имели размеры 2×1 м, а на фото видна углубленная в склон долины Елшанки траншейка, ширина которой, судя по масштабной линейке, 1 м (Кавеев, Хузин, 1982, л. 60, рис. 32). В то же время фрагмент плана двух квадратов показывает их с размерами 2×2 м (Кавеев, Хузин, 1982, л. 60, рис. 30). Это расхождение отчетных данных невозможно объяснить, но более объективным свидетельством является фотография.

[8] Ситуационный план этого раскопа в отчете отсутствует, поэтому ориентировки его сторон даются по тексту отчета.

[9] Выше уже отмечалось, что чертеж «южного (в действительности – юго-восточного) профиля» раскопа фактически был зачисткой стенки проема в валу, сделанной до начала работ на траншее, т. е. оказался по отношению к ней зеркальным, что, впрочем, не только не мешает им пользоваться, но предоставляет удобство для сравнения всех снятых профилей.

[10] Нумерация этих горизонтов в отчетах и публикациях различна: в отчете 1975 г., публикациях 1981 г. (М.М. Кавеева) и 1985 г. (Ф.Ш. Хузина) нумерация проведена снизу вверх, от древнейших горизонтов к более поздним, а в отчете 1979 г. – сверху вниз. В данной работе пользуемся именно этой последней нумерацией.

[11] На отчетных профилях прослойки были пронумерованы по горизонтам, но их цвет и состав грунта на чертежах не подписаны. В предлагаемом варианте использованы указания на цвет прослоек в тексте отчета и статьях.

[12] В правильности наименования профиля имеются большие сомнения, поскольку с напольной стороны в таком случае отсутствуют всякие следы рва. Возможно, тут имелась берма, однако не исключено, что и здесь кроется ошибка в подписи и в действительности речь должна идти о западном профиле раскопа.

ЛИТЕРАТУРА

Башкиров А.С. Экспедиция по изучению булгаро-татарской культуры летом 1928 года // Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТАССР. Вып. III. Казань: Академический центр Татнаркомпроса, 1929. С. 27–36.

Гольева А.А., Коваль В.Ю. Некоторые вопросы стратиграфии Болгарского городища // РА. 2021. № 1. С. 133–151.

Губайдуллин А.М. Фортификация в Среднем Поволжье в X – первой половине XVI вв. / Археология Евразийских степей. 2019. № 3. 323 с.

Губайдуллин А.М., Хузин Ф.Ш., Шакиров З.Г. О фортификации «Великого города» – Биляра // Поволжская археология. 2016. № 1 (15). С. 223–234.

Зиливинская Э.Д. Монументальные постройки Биляра: новый взгляд. Здания с подпольным отоплением // Поволжская археология. 2020. № 4 (34). С. 245–158.

Кавеев М.М. О некоторых результатах изучения оборонительных сооружений Билярского городища // Из истории материальной культуры татарского народа / Отв. ред. Е.П. Казаков, Ю.И. Смыков, Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1981. С. 36–42.

Кавеев М.М., Хузин Ф.Ш. Отчет о полевых работах на Билярском городище летом 1981 года // Архив ИА РАН. Р-1. № 8742.

Кавеев М.М., Хузин Ф.Ш. Отчет о полевых работах на Билярском городище летом 1982 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9276.

Коваль В.Ю. Фортификация как отражение системы организации обороны (по материалам лесной зоны Восточной Европы X – XV вв.) // Археология Евразийских степей. 2018. № 5. С. 182–185.

Коваль В.Ю., Бадеев Д.Ю. Фортификация цитадели Болгара // Поволжская археология. 2021. № 4 (38). С. 8–21.

Коваль В.Ю., Русаков П.Е. Исследования фортификации города Болгара в 2014-2015 гг. / Материалы и исследования по археологии Великого Болгара. Т. 2. Казань, М.: ИА АН РТ, ИА РАН, 2018. 160 с.

Могилевский К.И., Гагкуев Р.Г., Иванюк С.А., Хайрутдинов Р.Р., Белорыбкин Г.Н., Обыденнова Г.Т., Воронцов А.М., Меньшов А.В., Валеев Р.М., Коваль В.Ю., Дубман Э.Л., Бессуднов А.Н., Шевченко Э.А., Ситдиков А.Г., Абдуллин Х.М., Жиганов В.М., Самигуллов Г.Х., Любичансовский С.В., Голотвин А.Н., Семыкин Ю.А., Зеленеев Ю.А., Егорушкин Ю.А., Мизис Ю.А., Глазьев В.Н., Богатырев Р.А., Саран А.Ю.,

Ливцов В.А., Столяров Е.В., Сайфутдинова Г.М., Иванов Д.А., Буланкин В.М. Линии роста. Памятники историко-культурного наследия пограничья России XVI–XVIII вв. М. Кучково поле, 2022. 388 с.

Моргунов Ю.Ю. Древо-земляные укрепления Южной Руси X-XIII веков. М.: Наука, 2009. 303 с.

Моргунов Ю.Ю. К методике изучения валов древнерусских городищ / Методика полевых археологических исследований. Вып. 10. М.: ИА РАН, 2019. 32 с.

Стрикалов И.Ю. Оборонительный комплекс Южного городища Старой Рязани в свете новых исследований // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 7 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2011. С. 109–132.

Халиков А.Х. История изучения Билярского городища и его историческая топография // Исследования Великого города / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1976. С. 5–56.

Халиков А.Х. Отчет о работах на Билярском городище в 1968 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3750.

Халиков А.Х. Отчет о работах на Билярском городище и в его окрестностях в 1975 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 5853.

Халиков А.Х., Кавеев М.М., Хузин Ф.Ш. Отчет о работах Билярской археологической экспедиции в 1979 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 7546.

Халиков А.Х., Шарифуллин Р.Ф. Караван-сарай древнего Биляра // Исследования Великого города / Отв. ред. В. В. Седов. М.: Наука, 1976. С. 75–100.

Халикова Е.А. Билярские некрополи // Исследования Великого города / Отв. ред. В. В. Седов. М.: Наука, 1976. С. 113–168.

Хузин Ф.Ш. Укрепления внешней линии обороны Билярского городища (к вопросу о времени возникновения и этапах строительства) // Военно-оборонительное дело домонгольской Булгарии / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1985. С. 58–90.

Хузин Ф.Ш., Кавеев М.М. Исследования внутренней линии обороны Билярского городища // Военно-оборонительное дело домонгольской Булгарии / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1985. С. 41–57.

Центральный базар Болгара и его окружение (междисциплинарные исследования по материалам раскопок 2011–2019 гг.) / Материалы и исследования по археологии Болгарского историко-архитектурного комплекса. Т. IV / Отв. ред. В.Ю. Коваль. М.; СПб.: Нестор-История, 2022. 485 с.

Шакиров З.Г., Хузин Ф.Ш., Губайдуллин А.М. Укрепления города Биляра и городища его округи как система обороны административно-политического центра Волжской Булгарии // Археология Евразийских степей. 2017. № 5. С. 133–143.

Информация об авторе:

Коваль Владимир Юрьевич, кандидат исторических наук, заведующий отделом средневековой археологии, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); kovaloka@mail.ru

REFERENCES

Bashkirov, S.A. 1929. In *Materialy po okhrane, remontu i restavratsii pamiatnikov TSSR (Materials on the Protection, Repair, and Restoration of the Monuments in Tatarian Soviet Socialist Republic)*. Vol. III. Kazan: “Poligrafshkola im. A. V. Lunacharskogo” Publ., 27–36 (in Russian).

Gol’eva, A. A., Koval, V. Yu. 2021. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (1), 133–151 (in Russian).

Gubaidullin, A. M. 2019. *Fortifikatsiia v Srednem Povolzh'e v X – pervoi polovine XVI vv. (Fortification in the Middle Volga Region in the 10th – first half of the 16th Centuries)* In *Arkheologiia evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)* 3 (in Russian).

Gubaidullin, A. M., Khuzin, F. Sh., Shakirov, Z. G. 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 15 (4), 223–234 (in Russian).

Zilivinskaya, E. D. 2020. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 34 (4), 8–21 (in Russian).

Kaveev, M. M. 1981. In Kazakov, E. P. Smykov, Yu. I. (eds.). *Iz istorii material'noy kul'tury tatarskogo naroda (Iz istorii material`noj kul`tury` tatarskogo naroda).* Kazan: Language, Literature and History Institute named after G. Ibragimov, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 36–42 (in Russian).

Kaveev, M. M., Khuzin, F. Sh. 1981. *Otchet o polevykh rabotakh na Bilyarskom gorodishche letom 1981 goda (Report on field work at Bilyar settlement in the summer of 1981).* Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R. 1, dosser 8742 (in Russian).

Kaveev, M. M., Khuzin, F. Sh. 1982. *Otchet o polevykh rabotakh na Bilyarskom gorodishche letom 1982 g. (Report on field work at Bilyar settlement in the summer of 1982).* Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R. 1, dosser 9276 (in Russian).

Koval, V. Yu. 2018 In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5, 182–185 (in Russian).

Koval, V. Yu., Badeev, D. Yu. 2021. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 38 (4), 8–21 (in Russian).

Koval, V. Yu., Rusakov, P. E. 2018. *Issledovaniya fortifikatsii goroda Bolgara v 2014–2015 godakh (Research in the city of Bolgar fortification in 2014–2015).* Series: Materialy i issledovaniya po arkheologii Velikogo Bolgara (Materials and research on the archaeology of the Great Bolgar) 2. Kazan; Moscow: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences; Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Mogilevskiy K.I., Gagkuev, R.G., Ivanyuk, S.A., Khayrutdinov, R.R., Belorybkin, G.N., Obydennova, G.T., Vorontsov, A.M., Men'shov, A.V., Valeev, R.M., Koval', V.Yu., Dubman, E.L., Bessudnov, A.N., Shevchenko, E.A., Sitdikov, A.G., Abdullin, Kh.M., Zhiganov, V.M., Samigullov, G.Kh., Lyubichansovskiy, S.V., Golotvin, A.N., Semykin, Yu.A., Zeleneev, Yu.A., Egorushkin, Yu.A., Mizis, Yu.A., Glaz'ev, V.N., Bogatyrev, R.A., Saran, A.Yu., Livtsov, V.A., Stolyarov, E.V., Sayfutdinova, G.M., Ivanov, D.A., Bulankin, V.M. 2022. *Linii rosta. Pamyatniki istoriko-kul'turnogo naslediya pogranich'ya Rossii XVI–XVIII vv. ("Lines of Growth. Monuments of the Historical and Cultural Heritage of the Borderlands of Russia in the 16th–18th Centuries").* Moscow: "Kuchkovo pole" Publ. (in Russian).

Morgunov, Yu. Yu. 2009. *Drevo-zemlianye ukrepleniia Iuzhnoi Rusi X–XIII vekov (Wood and Soil Fortifications of Southern Rus in the 10th –13th centuries).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Morgunov, Yu. Yu. 2019. *K metodike izucheniya valov drevnerusskikh gorodishch (On the methodology of studying the ramparts of Ancient Russian fortified settlements).* Series: Metodika polevykh arkheologicheskikh issledovanii (Methodology of Field Archaeological Research) 10. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Strikalov, I. Yu. 2011. In Engovatova, A. V. (ed.). *Arkheologiia Podmoskov'ia: Materialy nauchnogo seminara (Archaeology of the Moscow Region: Proceedings of the Seminar)* 7. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 109–132 (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1976. In Sedov, V. V. (ed.). *Issledovaniia Velikogo goroda (Studies of the Great City)*. Moscow: "Nauka" Publ., 5–56 (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1968. *Otchet o rabotakh na Bilyarskom gorodishche v 1968 g. (Report on the works at Bilyar settlement in 1968).* Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R. 1, dosser 3750 (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1975. *Otchet o rabotakh na Bilyarskom gorodishche i v ego okrestnostyakh v 1975 g. (Report on the work at Bilyar settlement and its surroundings in 1975).* Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R. 1, dosser 5853 (in Russian).

Khalikov, A. Kh., Kveev, M. M., Khuzin, F. Sh. 1979. *Otchet o rabotakh Bilyarskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 1979 g. (Report on the work of the Bilyar archaeological expedition in 1979).* Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R. 1, dosser 7546 (in Russian).

Khalikov, A. Kh., Sharifullin, R. F. 1976. In Sedov, V. V. (ed.). *Issledovaniia Velikogo goroda (Studies of the Great City)*. Moscow: "Nauka" Publ., 75–100 (in Russian).

Khalikova, E. A. 1976. In Sedov, V. V. (ed.). *Issledovaniia Velikogo goroda (Studies of the Great City)*. Moscow: "Nauka" Publ., 113–168 (in Russian).

Khuzin, F. Sh. 1985. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Voenno-oboronitel'noe delo domongol'skoi Bulgarii (Military and Defence Systems in pre-Mongol Volga Bulgaria)*. Kazan: Institute of Language, Literature, and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 58–90 (in Russian).

Khuzin, F. Sh., Kaveev, M. M. 1985. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Voenno-oboronitel'noe delo domongol'skoi Bulgarii (Military and Defence Systems in pre-Mongol Volga Bulgaria)*. Kazan: Institute of Language, Literature, and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 41–57 (in Russian).

Koval, V. Yu. (ed.). 2022. *Tsentral'nyy bazar Bolgara i ego okruzhenie (mezhdistsiplinarnye issledovaniya po materialam raskopok 2011–2019 gg.) (The central bazaar of Bolgar and its surroundings (interdisciplinary research based on materials from 2011–2019 excavations))*. Series: Materialy i issledovaniya po arkheologii Bolgarskogo istoriko-arkhitekturnogo kompleksa (Materials and research on the archaeology of the Great Bolgar) 4.Moscow; Saint Petersburg: "Nestor-Istoriya" Publ. (in Russian).

Shakirov, Z. G., Khuzin, F, Sh., Gubaidullin, A. M. 2017 In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5, 133–143 (in Russian).

About the Author:

Koval Vladimir Yu., Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation;

Статья поступила в журнал 20.02.2025 г.
Статья принята к публикации 05.05.2025 г.

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.5.108.115

КАЛАЧЕВИДНЫЕ ВИСОЧНЫЕ ПОДВЕСКИ ЮДИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА ВАК-КУР

©2025 г. Н.П. Турова

Вводится в научный оборот коллекция металлических головных украшений, представленная калачевидными височными подвесками, выявленными в ходе раскопок грунтового могильника Вак-Кур в Нижнем Притоболье (Западная Сибирь). Некрополь датируется X–XI вв. и является опорным памятником юдинской археологической культуры развитого Средневековья. Выполнена типология калачевидных височных подвесок (32 изделия). По технологии изготовления они отнесенными к двум типам: кованные и литые. Внутри типов выделены варианты, характеризующие особенности в оформления щитка. Выявлен круг аналогий подвескам разных типов и вариантов, показавший, что изделия из Вак-Кура по материалу изготовления, технологическим приемам, морфологическим и декоративным особенностям в большинстве случаев являются продукцией местных, западносибирских мастеров. И лишь несколько серебряных подвесок можно считать импортом из Предуралья.

Ключевые слова: археология, Западная Сибирь, Нижнее Притоболье, эпоха Средневековья, юдинская культура, грунтовый могильник Вак-Кур, украшения головы, калачевидные височные подвески, типология

KALATCH-SHAPED TEMPLE PENDANTS OF YUDINO CULTURE ACCORDING TO MATERIALS FROM VAK-KUR BURIAL GROUND

N. P. Turova

A collection of metal head adornments is introduced by the author into scientific circulation, represented by kalatch-shaped temple pendants discovered during excavations of the Vak-Kur burial ground in the Lower Tobol Basin (Western Siberia). The necropolis dates back to the 10th–11th centuries and is a reference monument of Yudino archaeological culture of the developed Middle Ages. The typology of kalatch-shaped temple pendants (32 items) was established. According to the manufacturing technology, they were divided into two types: forged and cast. The versions identified within the types characterize the design features of the shield. A series of analogies to the pendants of different types and variants were identified, which showed that in terms of materials of manufacture, technological methods, morphological and decorative features, the items from Vak-Kur are in most cases products of local West Siberian craftsmen. And only a few silver pendants can be viewed as items imported from the Cis-Urals.

Keywords: archaeology, Western Siberia, Lower Tobol Basin, the Middle Ages, Yudino culture, Vak-Kur burial ground, head adornments, kalatch-shaped temple pendants, typology

Грунтовый могильник Вак-Кур находится в Ярковском районе Тюменской области, на правобережье р. Тобол, вблизи устья р. Тап, в южной части ареала юдинской археологической культуры X–XIII вв., памятники которой локализованы на территории южнотаежного и лесостепного Зауралья. Для керамических комплексов культуры характерно присутствие шнурового орнамента. Юдинскую культуру многие ученые связывают с этногенезом манси (Могильников, 1987, с. 175).

Могильник исследован шестью раскопами, на которых изучено не менее 220 погребений (работы А.А. Адамова, М.А. Бусловой, В.А. Заха). По керамическому комплексу со шнуровой орнаментацией и погребальному инвентарю некрополь был отнесен исследователями к юдинской культуре и датирован X–XI вв. н. э. (Адамов, 2003, с. 249). Захоронения совершены в неглубоких могилах (40–60 см от дневной поверхности) по обряду трупоположения. Характерной особенностью погребальной обрядности является практически тотальное нарушение анатомической целостности костяков, проводившееся юдинским населением в ходе постпогребального обряда (лишь 12 захоронений можно отнести к «непотревоженным»). Останки погребен-

ных и инвентарь лишь изредка находятся in situ, а зачастую фиксируются в засыпке могил и межмогильном пространстве. Для погребального обряда характерно использование погребальных лицевых покрытий и поломка части сопроводительного инвентаря (Турова, 2015; 2019).

Инвентарь могильника Вак-Кур представлен разнообразными категориями вещей: глиняной и металлической посудой, предметами вооружения, снаряжения верхового коня, предметами быта и самой многочисленной категорией – украшениями: подвесками, пронизками, бусинами, бубенчиками, браслетами, булавками, пряжками, накладками, а также серьгами и височными подвесками.

Височные подвески и серьги – достаточно популярные головные украшения средневекового населения Евразии. Так как конструктивно серьги и височные подвески достаточно похожи, а также сходна их локализация в археологизированном погребении, то чаще всего сложно однозначно установить, подвешивалось ли изделие к головному убору или вставлялось в мочку уха (особенно проблематично это сделать в случае с материалами из потревоженных погребений, где анатомический порядок костей нарушен). По этой причине исследователи все чаще изучают данные украшения единым массивом. Мы также будем их рассматривать единым комплексом под наименованием «височные подвески», без подразделения на узкую функциональную направленность.

С опорой на типологию, разработанную Ю.А. Подосеновой для височных подвесок Пермского Предуралья (Подосенова, 2021), была проведена первичная систематизация всего корпуса височных подвесок из могильника Вак-Кур. Общее количество височных подвесок, обнаруженных на площади могильника Вак-Кур, 109 экз. Среди них можно выделить проволочные кольца округлой формы различного диаметра и сечения без привесок (58 шт.), кольца с привесками в виде маленьких проволочных колечек (2 шт.), кольчатые с напускными бусинами (3 шт.), трехлопастные (с тремя петлями в основании) (5 экз.), цельнолитые с привеской в виде неподвижного стержня в виде шариков или пирамидок из псевдозерни (9 шт.), калачевидные – 32 экз. Височные подвески найдены на всех раскопах некрополя. Все изделия с разрывом в дужке. Основной материал – медный сплав, реже – серебро.

Цель данного исследования – проведение классификации части коллекции височных подвесок, отнесенной по форме к отделу калачевидных (целые и фрагментированные изделия, 32 экз.), обнаруженных на могильнике Вак-Кур. Эти украшения выявлены на площади всех шести раскопов некрополя как непосредственно в погребениях (в восьми взрослых и семи детских), так и в заполнении могил, нарушенных грабительскими перекопами, и в межмогильном пространстве.

Височные калачевидные подвески представляют собой металлические изделия с петлей-дужкой овальной или подтреугольной формы (округлой или овальной в сечении), имеющие привеску в виде плоского серповидного щитка с орнаментом или без (рис. 1–2). Петля у всех изделий с разрывом. В научной литературе такие украшения встречаются и под наименованием «лунницы, серповидные подвески/серьги». Петля-дужка в сечении имеет округлую или подовальныую форму; ее высота составляет от ⅕ до ½ относительно общей высоты подвески.

Украшения отливались из бронзы или выковывались из медных сплавов или серебра. Подавляющее количество изделий выполнено из медного сплава (26 экз.) и лишь шесть экземпляров – из серебра. Материал изготовления определен визуально.

Все калачевидные подвески из могильника Вак-Кур (32 экз.) относятся к одной группе – односоставные. По технологии изготовления они подразделяются на два типа (тип 1 – кованые, тип 2 – литые); по особенностям оформления деталей каждый тип представлен несколькими вариантами.

Тип 1 (17 экз., рис. 1: 1–9). Калачевидные височные подвески, выполненные из медного сплава или серебра с помощью ковки. Процесс их создания подробно описан Ю.А. Подосеновой: «…проволоку сгибали в кольцо овальной формы, её нижнюю часть расковывали до округлой формы и с помощью вырезания придавали форму калачевидного щитка». Петля-дужка в сечении имеет округлую или подовальныую форму (Подосенова, 2021, с. 99). Дужки всех подвесок разомкнуты.

Четыре изделия из семнадцати представлены фрагментами, не позволяющими судить о форме и особенностях оформления щитка,

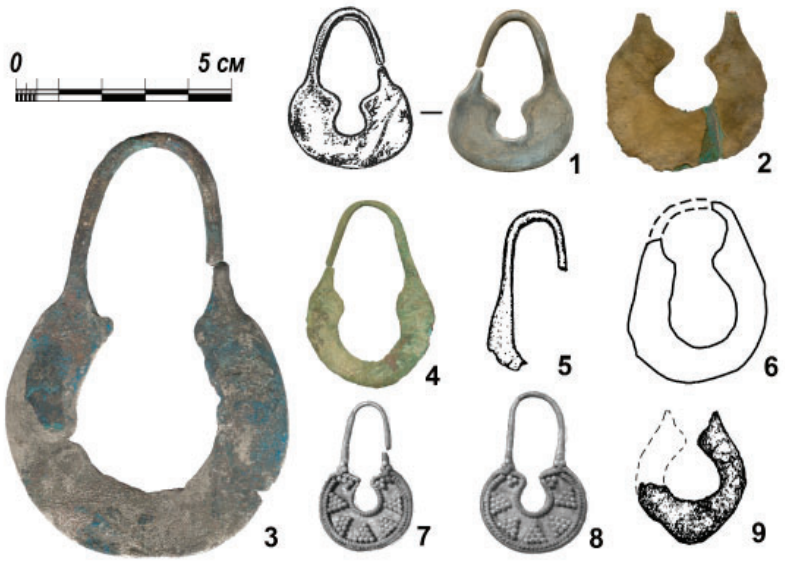

Рис. 1. Калачевидные височные подвески из могильника Вак-Кур. Тип 1 (кованые). Материал: 1, 3, 7, 8 - серебро; остальное - медный сплав.
Fig. 1. Kalatch-shaped temple pendants from the Vak-Kur burial ground. Type 1 (forged). Material: 1, 3, 7, 8 - silver; others - copper alloy.

поэтому они не были включены в нижеприведенную классификацию по вариантам (т. е. в полную обработку взято 13 изделий типа 1). Подавляющее количество (11 экз.) украшений данного типа без орнамента (рис. 1: 1–7), с декором лишь два изделия. По высоте подвески представлены как малыми (высотой от 2,5 см), так и очень большими (9,8 см). Соответственно, и вес целых изделий значительно разнится: от 2,7 до 31 г. Материал – медный сплав (7 экз.), серебро (6 экз.).

По форме щитка подвески типа 1 представлены двумя вариантами.

Вариант А (12 экз., рис. 1: 1–8). Подвески со щитком округлой или подовальной формы без выступов на внешней части щитка. Шесть височных подвесок выполнены из серебра, остальные шесть – из медного сплава. Подавляющее количество изделий (10 экз.) без орнамента (рис. 1: 1–6). Щиток двух серебряных подвесок декорирован сканью и пирамидками из зерни (рис. 1: 7–8).

Вариант Б (1 экз., рис. 1: 9). Медная подвеска без орнамента с плавным выступом на внешней стороне нижней части щитка (подсердцевидной формы).

Калачевидные височные подвески типа 1 достаточно часто встречаются в материалах памятников IX–XIV вв. на территориях Ветлужско-Вятского междуречья, Удмуртского и Пермского Предуралья, а также на Южном Урале и в Западной Сибири (Подосенова, 2021, с. 104).

Наибольшее количество проволочно-кованных калачевидных височных украшений (тип 1, 54 экз.) обнаружено на территории Пермского Предуралья в материалах Баяновского, Мелехинского, Рождественского, Степаново Плотбище (Питерского), Огурдинского могильников (Подосенова, 2021, с. 103). Наиболее ранние экземпляры происходят из погребений Баяновского могильника, датированных первой половиной X в. Большинство изделий из Рождественского и Огурдинского могильников обнаружены в погребениях конца X – первой половины XI в.

Отличие подвесок из Пермского Предуралья от вак-куровских заключается в том, что изделия этого типа выполнены из серебра (некоторые еще и с золочением), а также в том, что для декорирования некоторых калачевидных подвесок применялись более разнообразные техники: чеканка и гравировка (а изделиях с Вак-Кура преимущественно без орнамента; лишь две подвески декорированы в скано-зерневой технике). Также нужно отметить и присутствие в материалах могильника Вак-Кур изделий большого размера: несколько экземпляров достигают высоты 9,8 см при весе в 31 г (на данный момент это самые крупные из всех опубликованных калачевидных подвесок). Высота же самых крупных изделий с территории к западу от Урала достигает в ряде случаев лишь 4,5 и 4,8 см (Чиргинский могильник Удмуртского Предуралья, Рождественский м-к Пермского Предуралья) (Подосенова, рис. 98: 12; 102: 1).

Тип 2 (15 экз., рис. 2: 1–12). Калачевидные височные подвески, выполненные из бронзы путем отливки. Дужки разомкнутые, сечение округлое, подовальное или линзовидное.

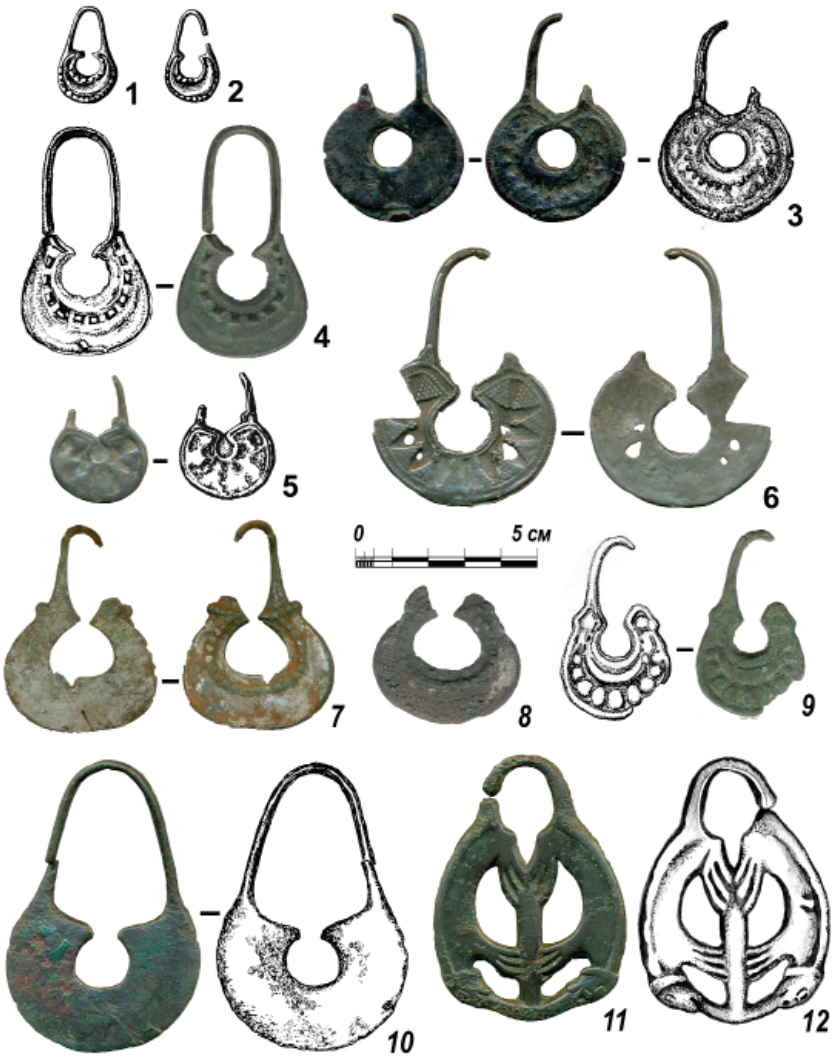

Рис. 2. Калачевидные височные подвески из могильника Вак-Кур.
Тип 2 (литые). Материал: все - медный сплав (7, 8 – с посеребрением).
Fig. 2. Kalatch-shaped temple pendants from the Vak-Kur burial ground.
Type 2 (cast). Material: all - copper alloy (7, 8 - silver plated).

Три подвески из пятнадцати представлены фрагментами, не позволяющими судить о форме и особенностях оформления щитка изделия, поэтому они не были включены в классификацию по вариантам (т. е. в полную обработку взято 12 изделий типа 2) (рис. 2: 1–12).

Практически все украшения этого типа декорированы, за исключением одного экземпляра (рис. 2: 10). Орнамент представлен псевдозернеными пирамидками (2 шт.) (рис. 2: 5, 6), жемчужными мотивами (7 экз.) (рис. 2: 1–4, 7–9), а также зооморфным декором (2 шт.) (рис. 2: 11, 12).

По форме щитка подвески типа 2 (12 экз.) представлены тремя вариантами.

Вариант А (7 экз., рис. 2: 1–6, 10). Подвески со щитком округлой или подовальной формы без выступов на внешней стороне. Материал – медный сплав. Щитки двух изделий из оловянистой бронзы декорированы пирамидками из псевдозерни по всей площади щитка, а также кантом из псевдоскани по всему внешнему периметру щитка (рис. 2: 5, 6). Качество отливки изделий низкое: имеются перелив и недолив металла, участки с нечитающимся декором. Еще на двух подвесках по внешнему и по внутреннему контурам щитка проходят пояски из мелких жемчужин, между которыми располагается серповидное углубление (рис. 2: 1, 2). На одном украшении присутствует поясок из выступов подквадрат-

ной формы (рис. 2: 4), а еще на одном – поясок из плохо читаемых выступов (мелкие жемчужины или зубцы?) (рис. 2: 3).

Височные литые подвески из бронзы с имитацией зерно-филигранного декора найдены в могильниках Пермского Предуралья (Подосенова, 2021, с. 102, рис. 100: 8, 10–12, 14–17, 19–21; 101: 1, 4, 6–8). Большая калачевидная бронзовая подвеска с крупными жемчужинами вдоль центральной части щитка обнаружена в могильнике X–XI вв. Барсовский 1 (Арне, 2005, с. 24, рис. 47).

Вариант Б (3 экз., рис. 2: 7–9). Подвески с выступами-ушками на внешней стороне щитка, в верхней его части. Материал – медный сплав; два изделия имеют посеребренную поверхность (рис. 2: 7, 8). Украшения варианта Б в двух случаях декорированы пояском мелких жемчужин, идущих вдоль верхнего края щитка, доходя до выступов-ушек (рис. 2: 7, 8), а в одном – крупными жемчужинами разного размера, расположенными практически вдоль центральной оси щитка (рис. 2: 9).

Вариант В (2 экз., рис. 2: 11, 12). Подвеска по форме напоминает калачевидные украшения, но выполнена в типично сибирском зверином стиле: на щитке имеются парные профильные зооморфные изображения. Фигурки зверьков мастерски вписаны в контур подвески. Животные расположены головами вниз, в зеркальной симметрии относительно центральной оси подвески, обозначенной неорнаментированной перегородкой, в которую упираются массивные трехпалые лапы мелких пушных зверьков. Уплощенная петля-дужка обозначает собой хвост одного из хищников. Облик изображенных животных позволяет предположить, что, вероятнее всего, изображены соболя. Декор имеется на обеих сторонах изделий. Вес изделий: 24 и 30,8 г.

Подобное расположение зверьков фиксируется и на бронзовой пряжке из могильника Вак-Кур с неподвижным щитком (здесь пара мелких пушных животных упираются лапами в медвежью голову (Турова, 2016, рис. 3: 21). Аналогий изделиям варианта В не найдено.

Калачевидные височные украшения типа 2 (литые) также чаще всего (30 экз.) встречаются на территории Пермского Предуралья в материалах некрополей и поселенческих комплексов. Они выявлены в погребениях Рождественского, Степаново Плотбище (Питерского), Антыбарского могильников, а также на Родановском и Рождественском городищах. Период их бытования определен в рамках второй половины X (возможно, ближе к рубежу веков) до конца XI в. (в материалах поселенческих памятников этот тип украшений обнаружен в слоях X–XII вв.) (Подосенова, 2021, с. 103).

Обсуждение. Как уже отмечалось, калачевидные височные украшения встречаются в материалах памятников конца I – начала II тыс. достаточно широко, но территориями их наибольшей концентрации являются Ветлужско-Вятское междуречье, Удмуртское и Пермское Предуралье, Зауралье и Западная Сибирь (Подосенова, 2021, с. 104).

Всего на территории Западной Сибири обнаружено около четырех десятков (не считая изделий из могильника Вак-Кур) как односоставных (литых и проволочно-кованных), так и сборных (зерно-филигранных) калачевидных височных подвесок из бронзы и серебра (Подосенова, 2021, с. 107, 113–114). Калачевидные подвески происходят преимущественно из некрополей X–XIV вв.

Присутствуют они в могильниках Усть-Балык (в погребении X–XI вв.) (Семенова, 2001, с. 81, табл. 50, 8), Кинтусовский (X–XIII вв.) (Могильников, 1987, с. 212, табл. LXXIX: 23), Барсовский I (X–XI вв.) (Арне, 2005, с. 81, рис. 11, с. 85, рис. 29, с. 88, рис. 47), Сайгатинский I (XII–XIV вв.) (Зыков и др., 1994, с. 151, № 261), Сайгатинский III (X–XIV вв.) (Зыков и др., 1994, с. 151, № 258, 259), Ионинский II (XII–XIV вв.) (Зыков и др., 1994, с. 151, № 262), Зеленый Яр (XII–XIV вв.) (Зеленый Яр, 2005, с. 90, 94, 95, 113, 114, 141), Сайгатинский VI (X–XI вв.) (Сургутский…, 2011, с. 84, № 203; Подосенова, 2021, с. 107, рис. 105: 2–4, 8–13), Ликинский (X–XIII вв.) (Викторова, 2008, с. 59, рис. 42: б).

Кроме того, несколько калачевидных височных подвесок обнаружено на Хэйбидя-Пэдарском жертвенном месте IV–XIV вв. (Мурыгин, Липс, Кардаш, 2016, с. 72, рис. 2.2.3/1,2), в районе р. Юрибей (Сокровища Приобья…, 1996, с. 104, № 45) и в Омском Прииртышье (Коников, 2007, рис. 225, 10).

Кроме могильника Вак-Кур, на памятниках юдинской археологической культуры единственная калачевидная подвеска найдена в Ликинском могильнике X–XIII вв. (Викторова, 2008, с. 59, рис. 42, б). Изделие из серебра декорировано сканью и зернью, имеет

на щитке шатон со вставкой из камня/стекла желтого цвета, а также нанизанные на дужку два полых шарика (также со сканью и зернью). Такие подвески Ю.А. Подосенова относит к группе зерно-филигранных сборных калачевидных височных украшений (изделия состоят из нескольких конструктивных элементов, которые были изготовлены отдельно, а затем спаяны). Для территории Пермского Предуралья такие украшения датированы XI–XIII вв. (преимущественно XII в.). (Подосенова, 2021, с. 115). Было высказано предположение, что подобные украшения со вставкой из камней являются более поздним звеном развития калачевидных височных украшений (Подосенова, 2021, с. 115).

Появление калачевидных височных украшений на территории западносибирского региона Ю.А. Подосенова относит к X в., а верхний рубеж их бытования доводит до XIV в. (Подосенова, 2021, с. 107).

На Южном Урале найдено пять экземпляров подвесок (четыре серебряных и одна бронзовая), выявленных в трех погребениях Лагеревских, Каранаевских и Ишимбаевских курганов IX–X вв. (Мажитов, 1981, рис. 41: 7; 46: 19; 58: 32).

Большинство калачевидных подвесок, обнаруженных в Зауралье и Западной Сибири, отличаются большими размерами, что уже ранее отмечалось исследователями (Подосенова, 2021, с. 115). На могильнике Вак-Кур обнаружены самые большие на сегодняшний день височные подвески, достигающие высоты 9,8 см (кроме них, к крупным можно отнести и несколько западносибирских находок из могильников Барсовский 1, Усть-Балык и Кинтусовский, а также височную подвеску с р. Юрибей, высота которых колеблется от 7 до 7,5 см) (Арне, 2005, с. 30, рис. 29; Семенова, 2001, с. 271, табл. 50, 8; Чернецов , 1957, с. 81, табл. XLII: 8; Могильников, 1987, с. 212, табл. LXXIX: 23; Сокровища Приобья, с. 104, № 45). Размеры же самого крупного изделия, обнаруженного к западу от Урала, насколько можно судить по публикациям, составляют около 6 см (литая бронзовая височная подвеска из могильника Затон Михеева в Ветлужско-Вятском междуречье) (Подосенова, 2021, с. 106, рис. 104: 17).

В отличие от «западных» изделий, чаще всего сибирские односоставные подвески типа 1 (проволочно-кованные) выполнены из медных сплавов, реже – из серебра (при полном отсутствии золотых украшений). Для декорирования подвесок этого типа не использовалась гравировка и чеканка, как, например, на проволочно-кованых экземплярах из Пермского Предуралья (в двух случаях щитки украшены с помощью скани и зерни). Поэтому считаем возможным практически все медные калачевидные височные подвески первого типа считать продукцией местных мастеров, для которых было характерно использование медных сплавов для изготовления разнообразных категорий украшений (что не характерно для других территорий), а также крупные образцы из серебра. К привозным украшениям (4 экз.). можно отнести лишь небольшие серебряные проволочно-кованные подвески с декором и без (рис. 1: 1, 7, 8).

Также считаем возможным отнесение всех рассмотренных калачевидных височных подвесок типа 2 из могильника Вак-Кур к продукции местных, сибирских мастеров. Это, несомненно, все бронзовые литые подвески, среди которых присутствуют уникальные изделия, созданные в лучших традициях западносибирского «звериного стиля», а также изделия с популярным в сибирском бронзолитейном производстве жемчужным кантом. Вероятно, сибирским следует считать и специфические височные подвески с выступами-ушками в верхней части щитка (тип 2, вариант Б), которые больше нигде не встречаются, а также экземпляр со щитком подсердцевидной формы (тип 1, вариант Б), аналогии которому присутствуют в могильниках Южного Урала и Сургутского Приобья (Мажитов, 1981, рис. 58: 32; Подосенова, 2021, рис. 105: 4).

Датировка рассмотренных в работе украшений по аналогиям из Предуралья и Зауралья, а также отсутствие в материалах могильника Вак-Кур зерно-филиграных сборных калачевидных подвесок позволяют подтвердить правильность датировки некрополя в рамках X–XI вв.

Публикация данного массива артефактов из могильника Вак-Кур (на сегодняшний день он является памятником, на котором обнаружено наибольшее в Западной Сибири количество (32 экз.) калачевидных височных подвесок), а также обзор артефактов из западносибирского региона подтверждают правильность тезиса о том, что в конце I – начале II тыс. территория Западной Сибири (и это при относительно

небольшом количестве изученных раскопками средневековых погребений), наряду с Ветлужско-Вятским междуречьем, Удмуртским и Пермским Предуральем, является регионом наибольшей концентрации калачевидных височных подвесок (Подосенова, 2021, с. 104).

Таким образом, можно уверенно говорить о том, что калачевидные височные подвески пользовались у юдинцев популярностью (на этот тип украшений костюмного комплекса приходится около трети всех разнообразных височных подвесок). Носили их как взрослые, так и дети. Размеры (высота целых изделий) от 2,5 см (рис. 2: 2) до 9,8 см (рис. 1: 3). Вес колеблется от 2 г (рис. 1: 4–6) до 31 г (рис. 1: 3). При этом анализ основных морфологических, технологических и декоративных характеристик позволяет большую часть коллекции калачевидных височных подвесок из могильника Вак-Кур считать продукцией местных, западносибирских мастеров.

ЛИТЕРАТУРА

Адамов А.А. Исследования на грунтовом могильнике Вак-Кур в Притоболье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. IX. ч. 1 / Отв. ред. А.П. Деревянко, И.В. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. С. 248–250.

Арне Т.Й. Барсов Городок. Западносибирский могильник железного века. Екатеринбург-Сургут: Уральский рабочий, 2005. 184 с.

Викторова В.Д. Древние Угры в лесах Урала: (Страницы ранней истории манси). Екатеринбург: Квадрат, 2008. 208 с.

Зеленый Яр: археологический комплекс эпохи средневековья в Северном Приобье / Ред. Н.В. Федорова. Екатеринбург, Салехард: УрО РАН, 2005. 368 с.

Коников Б.А. Омское Прииртышье в раннем и развитом средневековье. Омск: Омск. гос. пед. ун-т; Наука, 2007. 466 с.

Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала в VIII−XII вв. М.: Наука, 1981. 164 с.

Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Археология СССР. Т. 17 / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1987. С. 163–235.

Мурыгин А.Н., Липс С.А., Кардаш О.В. Древнее святилище на р. Море-Ю: Каталог археологической коллекции предметов IV–XIV вв. Екатеринбург: Издательская группа Караван, 2016. 312 с.

Подосенова Ю.А. Височные украшения средневекового населения Пермского Предуралья. Пермь: ПГГПУ; ПФИЦ УрО РАН, 2021. 210 с.

Семенова В.И. Средневековые могильники Юганского Приобья. Новосибирск: Наука, 2001. 296 с.

Сокровища Приобья. Каталог выставки / Под ред. Б. Маршака, М. Краморовского. СПб.: Формика, 1996. 228 с.

Сургутский краеведческий музей. Археологическое собрание: каталог / Сост. А.Б. Агаркова, А.Я. Труфанов. Екатеринбург-Сургут: Магеллан, 2011. 152 с.

Турова Н.П. Коллекция наременной гарнитуры рубежа I–II тыс. н.э. из некрополя юдинской культуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 2 (33). С. 63–76. DOI: 10.20874/2071-0437-2016- 33-2-063-076.

Турова Н.П. Лицевые покрытия в погребальной практике юдинского населения Нижнего Притоболья // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 443. С. 198–208.

Турова Н.П. Проблемы интерпретации нарушенных захоронений юдинского могильника Вак-Кур // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: Вопросы теории и практики. 2015. № 10 (60). Ч. II. С. 191–193.

Угорское наследие: древности Западной Сибири из собраний Уральского университета / Ред. Зыков А.П. и др. Екатеринбург: Внешторгиздат, 1994. 159 с

Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры // Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири / МИА. № 58 / Отв. ред Н.Я. Мерперт. М.: АН СССР, 1957. С. 136–245.

Информация об авторе:

Турова Наталья Петровна, научный сотрудник, Тобольская комплексная научная станция Уральского отделения Российской академии наук (г. Тобольск, Россия); turova2707@yandex.ru

REFERENCES

Adamov, A. A. 2003. In Derevianko, A. P., Molodin, V. I. (eds.). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii (Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories).* Vol. 9, part 1. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 248–250 (in Russian).

Arne, T. J. 2005. *Barsov Gorodok. Zapadnosibirskiy mogil'nik zheleznogo veka (Barsov Settlement. A West Siberian burial of the Iron Age).* Ekaterinburg; Surgut: "Ural'skiy rabochiy" Publ. (in Russian).

Viktorova, V. D. 2008. . *Drevnie Ugry v lesakh Urala: (Stranitsy ranney istorii mansi) (Ancient Ugrians in the forests of the Urals (Pages of the early history of the Mansi)).* Yekaterinburg: "Kvadrat" Publ. (in Russian).

Fedorov N. V. 2005. *Zelenyi Iar: arkheologicheskii kompleks epokhi srednevekov'ia v Severnom Priob'e (Zeleniy Yar: Archaeological Complex of the Medieval Period in the Northern Ob Region)*. Ekaterinburg; Salekhard: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Konikov, B. A. 2007. *Omskoe Priirtysh'e v rannem i razvitom srednevekov'e (Omsk Irtysh region in the Early and Middle Ages)*. Omsk: Omsk State University; "Nauka" Publ. (in Russian).

Mazhitov, N. A. 1981. *Kurgany Iuzhnogo Urala VIII–XII vv. (Barrows of Southern Ural, 8th – 12th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Mogil'nikov, V. A. 1987. In Sedov, V. V. (ed.). *Finno-ugry i balty v epokhu Srednevekov'ia (The Finno-Ugrians and Balts in the Middle Ages).* Series: Arkheologiya SSSR (Archaeology of the USSR) 17. Moscow: "Nauka" Publ., 163–235 (in Russian).

Murygin, A. N., Lips, S. A., Kardash, O. V. 2016. *Drevnee svyatilishche na r. More-Yu: Katalog arkheologicheskoy kollektsii predmetov IV–XIV vv. (Ancient sanctuary on the More-Yu river: catalog of the archaeological collection of 4th–14th century items)*. Yekaterinburg: "Izdatel'skaya gruppa Karavan" Publ. (in Russian).

Podosenova, Yu. A. 2021. *Visochnye ukrasheniia naseleniia Permskogo Predural'ia (Temple Ornaments of the Perm Cis-Urals Population)*. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Semenova, V. I. 2001. *Srednevekovye mogil'niki Yuganskogo Priob'ya (Medieval burial grounds of the Yugansk Ob region).* Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Marshak, B., Kramarovsky, M. (eds.). 1996. *So Sokrovishcha Priob'ya. Katalog vystavki (Treasures of the Ob region. Exhibition catalog).* Saint Petersburg: "Formika" Publ. (in Russian).

2011. In Agarkova, A. B., Trufanov, A. Ya. (comp.). Surgutskii kraevedcheskii muzei. Arkheologicheskoe sobranie: katalog (Surgut Museum of Local History. Archaeological Collection: Catalog). Ekaterinburg-Surgut: "Magellan" Publ. (in Russian).

Turova, N. P. 2016. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* 33 (2), 63–76 (in Russian).

Turova, N. P. 2019. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of the Tomsk State University)* 443, 198-208. (in Russian)

Turova, N. P. 2015. In *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie: Voprosy teorii i praktiki (Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history: Issues of theory and practice).* 10 (60). Part. II, 191–193. (in Russian).

Zykov, A. P., et al. (eds.). 1994. *Ugorskoe nasledie: drevnosti Zapadnoi Sibiri iz sobranii Ural'skogo universiteta (Ugric Heritage: Antiquities of Western Siberia from Collections of the Ural University)*. Yekaterinburg: "Vneshtorgizdat" Publ. (in Russian).

Chernetsov, V. N. 1957. In Merpert N. A. (ed.). Kul'tura drevnikh plemen Priural'ya i Zapadnoy Sibiri (Culture of the ancient tribes of the Urals and Western Siberia). Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology) 58. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 136–245 (in Russian).

About the Author:

Turova Natalya P. Tobolsk Complex Scientifi c Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Ac. Iu. Osipova st, 15, Tobolsk, 626152, Russian Federation; turova2707@yandex.ru

Статья поступила в журнал 31.05.2024 г.
Статья принята к публикации 20.01.2025 г.

УДК 902/908 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.5.116.127

ПРИВОЗНЫЕ ИЗДЕЛИЯ В МАТЕРИАЛАХ ГОРОДИЩА РОДАНОВО (ПЕРМСКИЙ КРАЙ)

© 2025 г. В.Е. Кузнецов

К 2023 г. были полностью закончены полевые работы на памятнике, поэтому обобщение, систематизация и изучения полученного материала наиболее актуальна. Целью работы является изучение привозных изделий, обнаруженных на памятнике. Всего было обнаружено 50 инокультурных предметов, ареал происхождения которых распространился на территории Волжской Булгарии, Древней Руси, Европы, Перми Вычегодской, Прибалтики. Среди привозных изделий можно выделить импортные изделия– кусковой янтарь, европейские монеты (?), свинцово-оловянистые пломбы различных форм и веса. Форму проникновения других изделий сложно определить точно. Фиксируется большая концентрация на небольшой сохранившейся площади памятника булгарских, древнерусских и европейских изделий. Судя по всему, городище было крупной торговой точкой, на которой взаимодействовали и южные, и северные прикамские соседи. Работа может быть использована в изучении средневековой истории Пермского края, а также для реконструкции этнокультурных процессов в Прикамье.

Ключевые слова: археология, Пермское Предуралье, Родановo городище, привозные изделия, импорт, этнокультурные связи.

IMPORTED PRODUCTS IN THE MATERIALS OF RODANOVO FORTIFIED SETTLEMENT (PERM REGION)

V.E. Kuznetsov

Field work at the monument had completed by 2023, therefore, generalization, systematization and study of the obtained material is highly relevant. The purpose of the work is to study imported items found at the monument. A total of 50 foreign cultural items were discovered, with their area of origin of spread across the territories of Volga Bolgaria, Ancient Russia, Europe, Vychegda Perm, and the Baltic States. The foreign items include imported products, such as lump amber, European coins (?), lead-and-tin ingots of various shapes and weights. The penetration patters of other items are difficult to determine precisely. A large concentration of Bolgar, Ancient Russian and European items are found on a small preserved area of the monument. Apparently, the fortified settlement was a large trading point where both the southern and northern Kama neighbors interacted. The work can be used in the study of the medieval history of the Perm Region, as well as for the reconstruction of the Kama region's ethnocultural processes.

Keywords: archaeology, Perm Cis-Ural region, Rodanovo settlement, foreign items, import, ethnocultural relations.

Месторасположение, история изучения и степень изученности памятника

Родановo городище находится на территории Пожвинского сельского поселения в Юсьвинском районе Пермского края, в 7 км северо-восточнее посёлка Пожва. В советское время исследования данного района проводила экспедиция ГАИМК. В 1932 г. А.В. Шмидтом на городище были заложены два пробных раскопа. В 1935 г. еще один пробный раскоп (40 кв. м) заложил Н.В. Прокошев. В 1936–1937 гг. работы на городище были продолжены М.В. Талицким. Всего было вскрыто 700 кв. м. С 2016 г. началось изучение памятника под руководством А.Н. Сарапулова. К 2023 году полевые исследования памятника завершились, в связи с этим анализ и систематизация материала, обнаруженного за все периоды полевых изысканий на памятнике, является наиболее актуальной задачей. В работе изучены материалы с раскопок А.Н. Сарапулова и сохранившиеся материалы М.В. Талицкого. Итоги раскопок А.В. Шмидта и Н.В. Прокошева не сохранились.

Одной из наиболее интересных категорий артефактов являются привозные изделия. Под привозными изделиями мы понимаем предметы, созданные в иной культурной среде и попавшие на изучаемый памятник путем торговых операций, или с инокультурным

владельцем, или посредством сложной цепочки этнокультурных контактов.

Анализ и характеристика материала

Фрагмент костяной флейты

Возможно, к привозным предметам относится уникальная находка – фрагмент костяной флейты с отверстиями и обработанным концом для мундштука (рис. 1: 1). По заключению П.А. Косинцева, изделие выполнено из кости лебедя-кликуна.

Помимо флейты на территории Пермского Предуралья среди музыкальных инструментов встречены пять экземпляров варганов (Моряхина, 2020, с. 333–334). Подобная флейта была обнаружена в материалах Старой Ладоги и датируется X в. Ф.М. Косых отмечает, что аналогичные флейты были обнаружены на территории Тетфорда (IX в., Англия), Хедебю (IX в., Дания), Бирки (IX–X в., Швеция) (Косых, 2005). Изготовление флейт известно со времен палеолита и большинство было сделано из костей птиц как ввиду их удобства и соответствия формы исходного сырья, так и, вероятно, ассоциации с «мелодичностью» птиц (Сарапулов, Шмырина, 2020, с. 46).

Кресты

В обрушившейся весной 2020 г. береговой части городища был найден криноконечный крест с рельефными дугами в средокрестии (рис. 1: 2). В центре средокрестия – небольшой орнамент округлой формы. Внутри креста узор в виде линии, идущей по всему контуру изделия, с тремя лепестками, вписанными в трехчастные концы лопастей креста. Оглавие в виде плоского ушка. Оборотная сторона гладкая. Крест выполнен из многокомпонентной латуни с помощью литья в двустороннюю двухчастную форму. Прямых аналогий данному кресту в литературе не обнаружено. Трехлепестковая форма лопастей была характерна для крестов с XI–XII вв. По несложному оформлению центральной части средокрестия в виде простого круга крест можно датировать именно этим периодом, но не исключены и более поздние периоды.

Второй крест (рис. 1: 3) был обнаружен в пределах периферийной части мастерской, в слое, датирующемся XI в. Крест круглоконечный двухсторонний с расширяющимися концами с парными и центральным выступом на каждом конце лопасти. В центр средокрестия вписан круг. Круглые и прямоугольные углубления заполнены эмалью: на одной из сторон – желтого цвета, на другой стороне – зеленого (?). Оглавие креста в виде плоского ушка. Основа креста отлита в двухчастной двусторонней форме из оловянно-свинцовой бронзы (Сарапулов, Подосенова, Каменщиков, Мокрушин, 2020, с. 21–27).

В Прикамье христианские кресты встречены в материалах Михалевского и Елевского могильников (Головчанский, Мельничук, 2018, с. 103).

Кусковой янтарь

В культурном слое городища при раскопках части, относящейся к ювелирной мастерской, были обнаружены куски необработанного кускового янтаря (рис. 1: 8). В рамках исследования ископаемого янтаря был проведен ряд физико-химических анализов, по результатам которых было установлено, что янтарь принадлежит к прибалтийской группе (Иванов, Каменщиков, Мокрушин, Красновских, Сарапулов, 2020, с. 25–27). Янтарь из Прибалтики через Древнюю Русь по Волжскому пути активно проникал на Восток, в том числе и в Волжскую Булгарию, где фиксируются не только единичные находки минералоида, но и мастерские по его обработке (Полубояринова, 1993, с. 73–74; Валеев, 2011, с. 276).

Фрагмент рукояти

В культурном слое городища был найден фрагмент костяной рукояти с изображением быка (рис. 1: 9) в нехарактерной для Прикамья стилистике. Прямых аналогий найти не удалось. По стилистике аналогии можно найти в древностях Новгорода, где хорошо сохраняются изделия из дерева. На прялке XIV в. можно найти изображение человека, по стилю схожее с изображением быка (Колчин, 1968, с. 66–67).

Писало

В культурном слое памятника М.В. Талицким было обнаружено костяное писало (рис. 1: 10). Подобные были распространены в Средние века на большой территории, в том числе у булгар и древнерусского населения. Точной аналогии предмету с Роданова городища не удалось обнаружить, но стоит отметить, что большее морфологическое сходство можно увидеть с булгарскими писалами, найденными в Биляре и Болгаре. На стилусе с Роданова городища имеется отверстие; подобные есть и на булгарских изделиях. Данные отверстия использовали для подвешивания изделия к поясу (Давлетшин, 2008, с. 29).

Рис. 1. Привозные изделия Роданова городища. 1 – Фрагмент флейты; 2,3 – христианские кресты; 4–7– европейские монеты; 8 – фрагменты кускового янтаря; 9 – фрагмент рукояти; 10 – писало; 11–13 – шиферные пряслица; 14 – весовая гирька; 15 – фрагмент кистеня; 16 – наконечник стрелы томар; 17 – фрагмент булавы; 18 – фрагмент навесного замка; 19 – ключ; 20–33 – свинцово–оловянистые слитки; 34 – фрагмент сфероконического сосуда; 35 – масляный светильник.

Fig. 1. Imported items from Rodanovo settlement. 1 – flute fragment; 2,3 – Christian crosses; 4-7– European coins; 8 – lump amber fragments; 9 – hilt fragment; 10 – stylus; 11-13 – slate spinning wheels; 14 – weight; 15 – brush fragment; 16 –tomar arrowhead; 17 – mace fragment; 18 – padlock fragment; 19 – key; 20-33 – lead-and-tin ingots; 34 – spheroconical vessel fragment; 35 – oil lamp.

Пряслица

При раскопках Роданова городища были найдены бочковидные пряслица, сделанные из шифера (рис. 1: 11–13). Пряслице – грузик, применявшийся для утяжеления ручного веретена и крепления пряжи на нем. Месторождения шифера, или пирофиллита, на Украине известны на крайнем северо-западе Украинского щита, в районе Овруча, где пирофиллитовые сланцы находятся близко к поверхности (Деревская, Коженевский, 2015, с. 9). Исследователям удалось определить производственную специализацию отдельных поселений в пределах индустрии пирофиллитового сланца: производство плит большого размера, пряслиц, мелких украшений, литейных форм (Ивакин, Томашевский, Павленко, 2010, с. 392).

Основной территорией распространения шиферных пряслиц является Древняя Русь. В частности, находки были обнаружены на Белоозере (397 экз.), Белозерье, в Старой Ладоге, Усвятах, Новгороде (2780 экз.), Шестовицах, Киеве (Калугина, 2020, с. 1–3; Янин, 2009, с. 212–213). В Булгарии обнаружены пряслица на территории Биляра, Болгара, Сувара (Полубояринова, 2013, с. 111–112; Валеев, 2011, с. 125, 276, 285). На территории Пермского Предуралья аналогичные шиферные пряслица были найдены также на городищах Анюшкар, Саломатово, Рождественское, Кудымкарское (Белавин, 2000, с. 153).

Весовая гирька

Интересной находкой является весовая гирька с железным ядром, заключенным в латунную оболочку (рис. 1: 14). Гирька имеет по пять глазков на плоских сторонах, вес ее составляет 97,4 г. Сферические гирьки с железным ядром, обтянутые медным сплавом, были распространены в подавляющем большинстве на территории Древней Руси в IX–XIII вв. Аналогичные гирьки были найдены на территории Биляра и Болгара. Гири весом примерно 100 г использовались для взвешивания нормированных по весу предметов из серебра (Крыласова, 2019, с. 77).

Фрагмент кистеня

На Родановом городище был обнаружен костяной ударный груз кистеня (рис. 1: 15). Данный тип вооружения является нетипичным для населения Пермского Предуралья. На фрагменте кистеня с Роданова городища фиксируется отверстие для заливки металла, чтобы утяжелить оружие и увеличить тем самым его ударную мощь. На территории Пермского Предуралья известно две гирьки от кистеня и одна петля для крепления подвеса к деревянной рукояти (Данич, 2012, с. 349–350).

Кистени получили большое распространение и играли заметную роль в комплексе вооружения населения Булгарии. Из булгарских памятников X–XIII вв. известно 33 кистеня. Также кистени известны на территории Южной Руси. Кистень мог успешно применяться как против подвижного легковооруженного воина, так и защищенного броней. Оружие было популярно у легковооруженной конницы (Измайлов, 2008, с. 61–62).

Фрагмент булавы

В 2019 году был найден фрагмент железной булавы (рис. 1: 16). Данный тип булавы является редким, ранее подобный тип был найден на Рождественском городище. Такие булавы датируются XII–XIII вв., характерны для Древней Руси и Волжской Булгарии. Они практически полностью отсутствуют в финно-угорских материалах, что объясняется значением булавы как социально-престижного символа власти. Аналогичные булавы найдены на Золотаревском поселении в верховьях р. Суры. Во втулке одного из наверший находился железный четырехгранный гвоздь с широкой шляпкой, закрывающей всю втулку; аналогичная булава с гвоздем найдена и в могильнике «Акимовщина» XII–XIII вв. в Примокшанье (Белорыбкин, 2001, с. 145).

Наконечник стрелы-томар

В культурном слое городища был найден костяной наконечник стрелы-томар (рис. 1: 17), сделанный из кости крупного копытного животного. Тип 3 по классификации А.Ф. Медведева – томар с трехгранным фигурным острием (Медведев, 1966, с. 67). Данный тип наконечников использовался для охоты на пушного зверя, чтобы не повредить мех. А.М. Белавин и А.В. Данич отмечают использование томаров и в бою. На территории Пермского края известен томар с Рождественского городища (Белавин, Данич, 2006, с. 27).

Подобные были распространены на Руси и в Волжской Болгарии, вероятнее всего, в XI – первой половине XIII в. Найдены на городище Екимауцы, в Киеве, в Новгороде в слоях XI, XII и первой четверти XIII в., в Городце на Волге в слое второй половины XII в., в Биляре (Медведев, 1966, с. 87).

Фрагмент навесного замка

В 2017 году был найден запирающий механизм от навесного двухцилиндрового замка (рис. 1: 18). Пластинчатые пружины, наваренные на фрагмент, были утеряны в период бытования предмета. Фрагмент относится к замку типа «Б» или «В» по классификации Б.А. Колчина. Автор разделяет эти два типа по принципу расположения ключевой щели. У типа Б она расположена под углом в 90 градусов к стержню ключа, у типа В – на донце. Цилиндр от замка не сохранился. Датируется фрагмент началом XII – первой половиной XIV вв. (Колчин, 1959, с. 80–82). Аналогии можно найти на территории Новгорода, Южной Руси, в том числе и Киева (Рыбаков, 1948, с. 221–222) и Волжской Булгарии, где

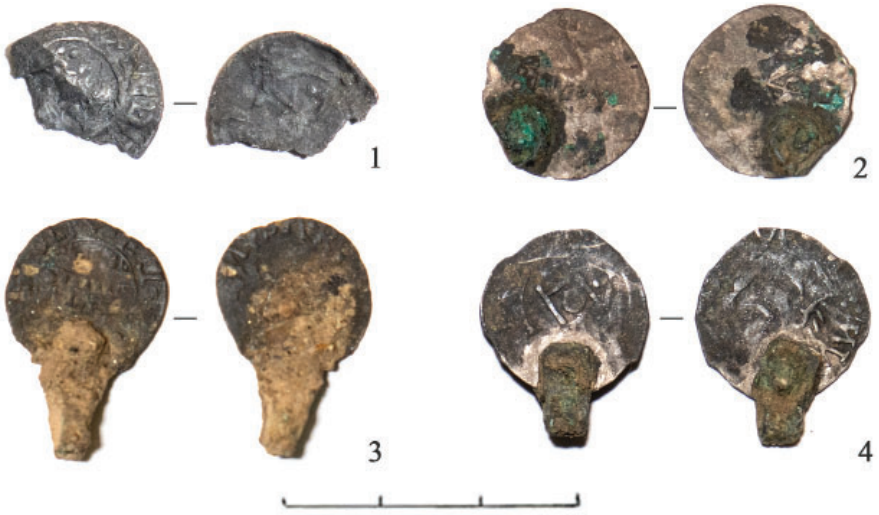

Рис. 2. Монетовидные подвески Роданова городища. 1– денарий Этельреда II; 2– денарий Генриха III; 3– денарий Вильгельма; 4– денарий Мейнхарда I.
Fig. 2. Coin-shaped pendants from Rodanovo settlement. 1 – denarius of Aethelred II; 2 –denarius of Henry III; 3 – denarius of William; 4 – denarius of Meinhard I.

они получили большое распространение в домонгольский период (Семыкин, 2015, с. 89).

Ключ

На Родановом городище М.В. Талицким обнаружен плоский ключ (рис. 1: 19) для навесного замка кубической формы. Ключ в форме прямоугольной маленькой лопаточки имеет пять отверстий различных форм и размеров для отпирания пружинных штифтов. Данный ключ относится к типу А по классификации Б.А. Колчина. Подобные бытовали на территории Новгорода в X–XI, частично в XII вв. (Колчин, 1959, с. 78–80). На территории Суздальского Ополья также встречено несколько десятков ключей и замков данного типа (Федорина, 2019, с. 380–381).

Монетовидные подвески

В культурном слое городища были найдены серебряные монеты, переделанные в монетовидные подвески (рис. 1: 4–7; 2: 1–4). Нумизматический анализ показал, что три монеты попали из Германии: денарий Генриха III (1046–1056) (рис. 1: 5), Нижняя Лотарингия, место чеканки – Сель; денарий Вильгельма (1054–1076) (рис. 1: 6), Нижняя Лотарингия, место чеканки – Утрехт; денарий Мейнхарда I (1018–1034) (рис. 1: 7), Франкония, место чеканки – Вюрцбург. Одна из монет англосаксонская и была создана в период правления Этельреда II (978–1034) (рис. 1:4), место чеканки – Лондон.

В погребении № 103 Рождественского могильника найдена аналогичная монета времен Этельреда II (Белавин, Крыласова, 2008, с. 538), также аналогичный экземпляр был обнаружен в Чежтыягском могильнике Перми Вычегодской (Савельева, Кленов, 1997, с. 657–658). В 1899 г. при раскопках могильника в д. Аникова (Аниковская (?), Чердынский район – прим. автора) Н. Н. Новокрещенных был обнаружен денарий Этельреда II (Потин, 1967, с. 161–162). Среди европейских монет на территории Пермского Предуралья обнаружено немало экземпляров. Денарий Эдуарда Исповедника обнаружен в погребении 267 Агафоновского II могильника. Пять (?) серебряных монет из общего числа, полученных у грабителя в Чердынском районе, хранящихся в Пермском краеведческом музее, имеют европейское происхождение (Белавин, Крыласова, 2008, с. 537–541). Несколько десятков европейских монет упоминаются у А.М. Белавина в монографии «Камский торговый путь» (Белавин, 2000, с. 156). В окрестностях Чердыни в 1851 г. были найдены англосаксонские и немецкие монеты X–XI вв. В 1894–1894 гг. при обследовании С.И. Сергеевым пещер на р. Яйве в пещере на берегу р. Копижной, впадающей в р. Чаньву был найден денарий Евера и два фрагмента аналогичной монеты, на всех предметах зафиксированы отверстия (Потин, 1967, с. 161–162). 48 европейских монет было обнаружено в Чердынском кладе в 2007 году. В ближайшей округе известно несколько поселений X–XI вв. и два средневековых могильника (Тростьянский, Чернышов, 2019, с. 394). Было обнаружено еще 16 европейских монет из Германии, Англии и Византии (Костиков, Ширинкин, 2015, с. 52–66).

На соседних территориях также обнаружены европейские монеты. В Удмуртии найдено шесть монет: в Чемшайском и Качкашурском могильниках, по две монеты – в Весьякарско-Бигершайском и Кабаковском (Валеев, 2011,

с. 181). На территории Перми Вычегодской монеты найдены на Кичилькосьском I (70 экз.), Кедвавомском (1 экз.), Ыджыдельском (1 экз.) Чежтыягском (5 экз.), Шойнаты II могильниках (Савельева, Кленов, с. 657–658).

Слитки

В культурном слое памятника были обнаружены слитки из свинцово-оловянистых сплавов (рис. 1: 20; 33). У части из них удалось узнать химический состав металла слитков с помощью портативного рентгенофлюоресцентного анализатора Bruker S1. Результаты анализа показали, что слитки изготовлены из оловянного сплава (2 экз., где Sn – 97,5 и 98,9%) и оловянного сплава с небольшой примесью свинца (1 экз., Sn – 95,7%, Pb– 2,24%) (Крыласова, Подосенова, 2019, с. 64–66). В процессе последующих раскопок удалось обнаружить еще 11 слитков (табл. 1). Во всей коллекции выделяются слитки трех типов: шайбовидной формы с отверстием, усеченно-конической или кружковой формы с цилиндрическим выступом у отверстия. Средний диаметр изделий 22–26 мм, по весовому значению все их можно разделить на две группы – 9–15 г и 19–25 г.

Аналогичные изделия обнаружены в материалах XI–XIII вв. крупных поселенческих памятников Пермского Предуралья (Крыласова, Подосенова, 2019). Зачастую такие изделия исследователи относят к грузикам, однако обнаружение их в материалах литейных мастерских позволило исследователям относить их и к слиткам легирующего металла (свинец и олово), которых нет в недрах Пермского Предуралья. Похожие изделия обнаружены в материалах IX – начала XI вв. памятников Древней Руси (Жуковский, 2019, с. 96), а также в материалах X–XIII вв. памятников Волжской Булгарии, Верхнего Посурья и Западного Поволжья (Валеев, 2011, с. 384–386).

Керамика. М.В. Талицкий отмечал наличие на памятнике фрагментов булгарских сосудов из красной хорошо обожженной глины с лощеной поверхностью. Автор отмечает и болгарское влияние на гончарное ремесло населения Роданова городища. Например, морфологические сходства бронзового булгарского сосуда с глиняным XII–XIII вв. (Талицкий, 1951, с. 55–56)

Находки фрагментов булгарской керамики являются довольно частой находкой на памятниках Пермского Предуралья; встречено большое разнообразие форм сосудов (Белавин, 2000, с. 59–63). Среди керамических изделий обнаружен и сосуд «славяноидного» типа, попавший с территории Древней Руси (Талицкий, 1951, с. 57). Находки данного типа керамики редки для территории Пермского Предуралья. А.М. Белавин считает, что единичные находки керамических сосудов могут свидетельствовать об использовании древнерусских тар для перевозки товаров, но не говорят о проникновении населения Руси в Предуралье (Белавин, 2000, с. 68–69).

Масляный светильник

Среди осветительных приборов в коллекции имеется масляный светильник с ручкой (рис. 1: 34). Предмет представляет собой красноглиняную низкую плошку с округлыми боками и плоским дном, с фрагментированным вытянутым носиком и горизонтальной подтреугольной рукоятью. Материал исследуемого предмета может говорить о булгарском происхождении предмета или же о наличии на памятнике мастера-гончара из Волжской Булгарии. Редкие аналогии можно найти на Рождественском городище, Анюшкаре, где их распространение началось с XI в. Подобные светильники были у волжских булгар с X в. до монгольского нашествия и на территории Древней Руси (Крыласова, 2007, с. 71–75).

Фрагмент сфероконического сосуда

Из редких и необычных находок в коллекции представлен фрагмент сероглиняного сфероконического сосуда (рис. 1: 35). По классификации керамических изделий, сфероконические сосуды по своим характеристикам относятся к огнеупорам наряду с тиглями и льячками. У исследователей нет единого мнения о назначении данных изделий, т. к. хронологический и территориальный разброс очень велик. Среди некоторых версий можно выделить использование сосудов для хранения ртути, пива, парфюма. На территории Волжской Булгарии данный тип сосудов наибольшее распространение получил на рубеже X–XI вв. Предметы обнаружены в основном вблизи ремесленных комплексов (Нуретдинова, 2011, с. 51–60).

Зооморфная полая подвеска

В коллекции раскопок М.В. Талицкого обнаружена полая зооморфная подвеска (рис. 1: 36). Подвеска изображает фантастическую птицу с колечками на голове (рогами (?)),

Таблица 1. Свинцово-оловянистые слитки с Роданова городища
Table 1. Lead-and-tin ingots from the Rodanovo settlement

33.	32.	31.	30.	29.	28.	27.	26.	25.	24.	23.	22.	21.	20.	Слитки	№ на рисунке	Возможные соотношения с различными весовыми единицами
2021	2021	2018	2018	2018	2023 (ПМ)	2023 (ПМ)	2023	2021	2020	2019	2018	2018	2017		Год раскопок	
СО	СО	СО	СО	СО	СО	СО	СО	СО	СО	СО	СО	СО	СО		Состав	
Ш	К	КЦВ	УК	УК	ШО	ШО	ШО	ШО	ШО	ШО	ШО	ШО	ШО		Тип	
Хор	Хор	Хор.	Хор.	Плох.	Фраг-мент	Хор.	Фраг-мент	Плох	Плох.	Хор.	Хор.	Хор.	Хор.		Состояние	
7.77	14.26	11.52	25.00	19.20	4.07(?)	23.21	7.43(?)	13.68	8.12	12.92	18.63	21.88	7.03		Вес (г.)	
		~3:1	6:1	~4,5:1	–	~5,5:1	–		2:1	3:1	4:1	5:1			Мискаль 4.26	
		1:9			–		–		1:13	1:8			1:15		25 мискалей в 4.26– 106 г.	
	3:1				–		–								Мискаль 4.68 г.	
					–		–								Мискаль 4.095 г.	
			1:16	1:21	–		–	1:30	1:50			1:19			Иракский ратль 409.512 г.	
					–		–	4:1		4:1			2:1		Дирхем ~ 3.38 г.	
					–		–				6:1				Дирхем ~ 2.96 г.	
	5:1	4:1	1:9	7:1	–		–			~4,5:1					Дирхем ~ 2.82 г.	
11:1			35:1		–		–						10:1		Даник 0.71 г.	
44:1					–		–						40:1		Кират 0.176 г.	

СО– свинцово–оловянистый сплав; Ш–шайбовидный; ШО–шайбовидный с отверстием; К– кубический; УК– усечено–конический; КЦВ– кружковой с цилиндрическим выступом у отверстия; ПМ– подъемный материал.

хвостом и волнообразным линейным орнаментом на нижней части туловища, петли и привески не сохранились. На шее и туловище фиксируется орнамент из точеных линий.

Наибольшее распространение подобные украшения получили у западного финно-угорского населения в XII–XIII вв. на территории костромского, ивановского и кинешемского Поволжья (54 экземпляра). Носили данные подвески у пояса. Из Поволжья эти подвески распространялись в бассейн Шексны, на восток Вологодской области, в Архангельскую область и Прикамье, отражая направление экономических и культурных связей и миграционных потоков. Из-за характерной формы головы исследователи относят данные изделия к подвескам-барашкам и к конькам-птицам, однако их следует признавать стилизованными изображениями водоплавающих птиц (Голубева, 1979, с. 19–21). На территории Прикамья подобные встречаются на Рождественском могильнике, в Михалеве, Елеве (Белавин, 2000, с. 140).

Заключение

Набор привозных изделий, обнаруженных на Родановом городище, безусловно разнообразен и велик для небольшой сохранившейся площади. Ареал, с которого проникали изделия, охватывает большую территорию: Древняя Русь, Волжская Булгария, Европа, Прибалтика, Пермь Вычегодская, но наибольшее количество изделий происходят из первых двух государств. Северное расположение памятника давало возможность активно торговать как с народами Перми Вычегодской, так и с булгарами, проникновение которых происходило глубоко на территорию Пермского края.

Привозные изделия на памятник попадали по следующим маршрутам: с Севера Руси по Сухоно-Вычегодскому пути. По всему маршруту фиксируются находки монет и крестов (?). Тесное взаимодействие Севера Прикамья с Пермью Вычегодской уже не раз фиксировалось в археологической науке (Савельева, Кленов, 1997). С Юга Руси по пути из Булгара в Киев или по Волжскому пути в Волжскую Булгарию и далее по Камскому торговому пути в Пермское Предуралье попадали, например, шиферные пряслица, кусковой янтарь. Также по Камскому маршруту попадали и булгарские изделия, взаимоот-

ношения Прикамья с населением Волжской Булгарии также не раз являлись предметом исследований (Белавин, 2000).

Формы проникновения изделий разнообразны и не поддаются четкому определению для каждого предмета. Мы можем говорить об импорте на городище фрагментов янтаря, слитков свинца и олова. Иные же предметы могли попасть как с носителем (булава, сфероконический сосуд и т. д.), так и через сложные этнокультурные контакты (европейские монеты). Возможно, часть из них была сделана на памятнике приезжим инокультурным населением (светильник), а некоторые предметы и вовсе не являются привозными (флейта, фрагмент рукояти). Большая концентрация привозных изделий на небольшой территории говорит о важности городища как торговой точки и о высоком уровне благополучия населения.

Монеты, обнаруженные на Родановом городище, хронологически совпадают с основной массой подобных находок. В таких же хронологических рамках европейские монеты начинают проникать в Древнюю Русь. Исследователи относят массовый приток монет на древнерусскую землю к 20-м гг. XI в., но первые монеты попадают еще с 80-х годов X в. Топография находок говорит о том, что Русь не была транзитной территорией торговли, а являлась прямой целью купцов. Пути проникновения западноевропейских монет на Русь были различны, но основную роль играли два: первый – через южное побережье Балтийского моря и остров Готланд, второй – через Скандинавский полуостров и Готланд (Янин, 2009, с. 172–174). Таким образом большая масса монет, попадавшая на древнерусские земли, постепенно проникала дальше на Восток, распространяясь по Сухоно-Вычегодскому пути на территорию Удмуртии, Выми, Севера Предуралья и Прикамья.

Наличие кускового янтаря в ювелирной мастерской дает нам понять, что на памятнике происходила обработка данного минералоида. Что интересно, изделия из янтаря – немногочисленная категория находок, а для небольшой исследованной площади памятника количество кусков довольно велико. На памятнике отмечены следы косторезного производства, инструментарий для которого вполне мог подойти и для обработки янтаря.

На наш взгляд, пряслица попадали по пути из Киева в Булгар и по Волжскому пути в Волжскую Булгарию, где они были обнаружены в большом количестве (Полубояринова, 1993, с. 111–112), и далее на территорию Прикамья. Большое количество слитков легирующих металлов, обнаруженных в контексте литейной и ювелирной мастерской, говорит о массовом производстве сплавов, на которые, соответственно, был спрос и возможность реализации/продажи созданных материалов.

В том же контексте был обнаружен фрагмент сфероконического сосуда. На данный момент так и не удалось точно определить функциональное назначение предмета, но совпадение контекста находки с контекстом булгарских изделий X–XI вв. может косвенно свидетельствовать о его одинаковом использовании булгарами и прикамским населением. Богатый керамический материал Родановa городища на данный момент еще не подвергался специальному изучению. Анализ большого количества материала требует отдельного исследования, которое дополнит имеющееся представления о привозных изделиях столь интересного памятника.

ЛИТЕРАТУРА

Белавин А.М. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь: ПГПУ, 2000. 200 с.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: ПГПУ, 2008. 603 с.

Белавин А.М., Данич А.В. Костяные и железные наконечники стрел Рождественского археологического комплекса // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. 2006. Вып. I. С. 25–37.

Белорыбкин Г.Н. Золотаревское поселение. СПб.: ИИМК РАН, 2001. 200 с.

Валеев Р.М. Торговля в Поволжье и Приуралье в IX– начале XV веков. Дис. … д–ра ист. наук. Казань. 2011. 529 с.

Головчанский Г.П., Мельничук А.Ф. Христианская символика в археологических древностях эпохи средневековья в Пермском Предуралье // Вестник Пермского университета. 2018. №1. С. 101–111.

Голубева Л.А. Зооморфные украшения финно-угров / САИ. Вып. Е1-59. М.: Наука, 1979. 112 с.

Давлетшин Г. Булгарская письменность (Раннебулгарский и домонгольский периоды) // Гасырлар авазы = Эхо веков. 2008. № 1. С. 23–32.

Данич А.В. Дополнительные виды вооружения Пермского Предуралья (булавы, кистени, дубины) // Труды КАЭЭ. Вып. 8 / Отв. ред. Н.Б. Крыласова. Пермь: ПГГПУ, 2012. С. 345–350.

Деревская Е.И., Коженевский С.Р. Пирофиллит Словечанско–Овручского кряжа // Коштовне та декоративне каміння. 2015. № 2 С. 9–15.

Жуковский М.О. Инструменты для малых взвешиваний Древней Руси (IX–XIII вв.). Дис. … канд. ист. Наук. М. 2019. 402 с.

Ивакин Г.Ю., Томашевский А., Павленко С. Использование пирофиллитового сланца и кварцита в строительном деле Южной Руси // Архитектура Византии и Древней Руси IX–XII веков / Труды ГЭ. Вып. LIII / Ред. Д.Д. Ёлшин. СПб.: ГЭ, 2010. С. 391–411.

Иванов П.А., Каменщиков О.Ю., Мокрушин И.Г. Красновских М.П., Сарапулов А.Н. Исследование и идентификация ископаемых археологических смол // Современные аспекты химии. Вып. VII. / Отв. ред. П.А. Топанов. Пермь: ПГНИУ, 2020. С. 25–28.

Измайлов И.Л. Защитники «Стены Искандера». Казань: Татар. кн. изд-во, 2008. 206 с.

Калугина Е.М. Археологические находки пряслиц как один из источников по истории домонгольской Руси // Ломоносов–2020. Материалы XXVII Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. (Севастополь, 22-24 апреля 2020 г.). Доступно по: https://olymp.msu.ru/archive/Lomonosov_2020_2/data/18997/108668_uid332690_report.pdf (дата обращения: 05.02.2023)

Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II / МИА. № 65 / Отв. ред. А.В. Арциховский, Б.А. Колчин. М.: АН СССР, 1959. С. 7–121.

Колчин Б.А. Новгородские древности. Деревянные изделия / САИ. Вып. Е1–55. М.: Наука, 1968. 217 с.

Костиков Е.А., Ширинкин П.С. Очерки истории Прикамья эпохи средневековья в нумизматических артефактах: Великий серебряный путь», Волжская Булгария и Бьярмалэнд // II Международная нумизматическая конференция. Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII–XI вв. Материалы докладов и сообщений. Санкт Петербург: Староладожский историко-архитектурный и археологичесий музей-заповедник, 2015. С. 34–69.

Косых А.М. Костяная флейта X в. из Старой Ладоги. Доклад на X Чтениях, посвященных памяти Анны Мачинской, 2005.

Крыласова Н.Б. Способы искусственного освещения жилищ в средневековой Предуралье // Труды КАЭЭ. Вып. 4 / Отв. ред. Н.Б. Крыласова. Пермь: ПГГПУ, 2007. С. 71–75.

Крыласова Н.Б. Слитки и разновесы Пермского Предуралья как источник для изучения средневековых мер веса // Поволжская археология. 2019. № 4 (30). С. 68–80.

Крыласова Н.Б. Подосенова Ю.А. Легирующие металлы в цветной металлургии Пермского Предуралья: товарная форма и возможные источники поступления // РА. 2019. № 3. С. 62–74.

Макаров Н.А., Красникова А.М. Суздальская знать: погребения с оружием и всадническим снаряжением в могильнике Гнездилово // РА. 2022. № 4. С. 110–120.

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (лук, стрелы, самострел) VIII-XIV вв. / САИ. Вып. Е1-36. М.: Наука, 1966. 184 с.

Моряхина К.В. Находки варганов из средневековых могильников Пермского Предуралья // Актуальная археология 5. Комплексные исследования в археологии. Материалы Международной научной конференции молодых ученых (13-16 апреля 2020 г., Санкт-Петербург) / Отв. ред. К.В. Конончук. СПб.: Невская Типография, 2020. С. 333–334.

Нуретдинова А.Р. Сфероконические сосуды: проблема атрибуции // Ученые записки Казанского университета. 2011. Т. 153. Кн. 3. С. 51–60.

Полубояринова М.Д. Русь и Волжская Болгария в X–XV вв. М.: Наука, 1993. 123 с.

Полубояринова М.Д. Торговля Болгара // Великий Болгар / Отв. ред. В.С. Баранов, Р.М. Валеев, Р.Р. Салихов, М.Д. Полубояринова, Р.Ф. Шарифуллин. М., Казань: Феория, 2013. С. 104–117.

Потин В.М. Топография находок западноевропейских монет X–XIII вв. на территории Древней Руси // Нумизматика. Вып. 3 / Труды ГЭ. Т. IX / Отв. ред. А. А. Быков. Л.: Советский Художник, 1967. С. 106–184.

Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М.: АН СССР, 1948. 793 с.

Савельева Э.А., Кленов М.В. Древнерусская колонизация европейского Северо-Востока (XI–XIV вв. н. э.) // Археология республики Коми / Отв. ред. Э. А. Савельева. М.: ДиК, 1997. С. 651–691.

Сарапулов А.Н., Подосенова Ю.А., Каменщиков О.Ю., Мокрушин И.Г. Находки средневековых крестов на Родановом городище в Пермском Крае // Труды КАЭЭ ПГГПУ. Вып. XVI / Ред. А.М. Белавин. Пермь: ПГГПУ, 2020. С. 21–27.

Сарапулова А.Н., Шмырина М.Е. Об одной уникальной находке эпохи средневековья с территории Пермского Предуралья (Родановo городище) // Гуманитарные исследования. История и филология. 2020. № 5. С. 41–50.

Семыкин Ю.А. Черная металлургия и кузнечное производство Волжской Булгарии в VIII– начале XIII вв. / Археология евразийских степей. Вып. 21. Казань: Отечество, 2015. 168 с.

*Талицкий М.В.*Верхнее Прикамье в X—XIV вв. // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. III / МИА. № 22 / Ред. В. Н. Чернецов. М.; Л.: АН СССР, 1951. С. 33–96.

Тростьянский О.В., Чернышов К.М. Клад европейских монет конца XII в. из Северного Прикамья // Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII–XI вв. / Ред. Л.А. Губчевская, Н.С. Моисеенко, Л.С. Тарлаковский, А.Р. Михельсон. СПб.: Знакъ, 2019. С. 393–423.

Федорина А.Н. Ключи и замки типа А на селищах Суздальского Ополья // Археология и история Пскова и Псковской земли. Вып. 34 / Отв. ред. Н.В. Лопатин. Ь.; Псков: ИА РАН, 2019. С. 377–394.

Янин В.Л. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М.: Языки славянской культуры, 2009. 423 с.

Информация об авторе:

Кузнецов Вадим Евгеньевич, магистрант 2 курса Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (г. Пермь, Россия); Vadim_kuznetsov2000@mail.ru

REFERENCES

Belavin, A. M. 2000. *Kamskii torgovyi put'. Srednevekovoe Predural'e v ego ekonomicheskikh I etnokul'turnykh sviaziakh (Kama Trade Route: Medieval Cis-Urals in its Economic and Cultural Relations)*. Perm: Perm State Pedagogical University (in Russian).

Belavin, A. M., Krylasova, N. B. 2008. *Drevniaia Afkula: arkheologicheskii kompleks u s. Rozhdestvensk (Ancient Afkula: the Archaeological Complex near the Rozhdestvensk Village)*. Perm: Perm State Pedagogical University (in Russian).

Belavin, A. M., Danich, A. V. 2006. In *Vestnik Muzeya arkheologii i etnografii Permskogo Predural'ya (Bulletin of the Museum of Archaeology and Ethnography of the Perm Pre-Urals)* (1), 25–37 (in Russian).

Belorybkin, G. N. 2001. *Zolotarevskoe poselenie (Zolotarevskoe Settlement)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Valeev, R. M. 2011. *Torgovlya v Povolzh'e i Priural'e v IX– nachale XV vekov (Trade in the Volga region and the Urals in the 9th – early 15th centuries).* Dis. ... of Doctor of Historical Sciences. Kazan (in Russian).

Golovchansky, G. P., Mel'nichuk, A. F. 2018. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriia Istoriia (Bulletin of the Perm University: History Series)* (1), 101–111 (in Russian).

Golubeva, L. A. 1979. *Zoomorfnye ukrasheniia finno-ugrov (Zoomorphic Decorations of the Finno-Ugrians)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1-59. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Davletshin, G. 2008. In *Gasyrlar Avazy = Ekho vekov (Echo of Centuries)* (1), 18–34 (in Russian).

Danich, A. V. 2012. In Krylasova, N. B. (ed.). *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition)* 8. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 345–350 (in Russian).

Derevskaya, E. I., Kozhenevsky, S. R. 2015. In *Koshtovne ta dekorativne kaminnya* (*Precious and Decorative Stones) (2), 9–15 (in Russian).*

Zhukovsky, M. O. 2019. *Instrumenty dlya malykh vzveshivaniy Drevney Rusi (IX–XIII vv.) (Tools for weighing small items in Ancient Russia (9th–13th centuries).)* Diss. of Candidate of Historical Sciences. Moscow (in Russian).

Ivakin G. Yu., Tomashevsky A. P., Pavlenko S. V. 2010. In Elshin, D. D. (ed). *Arkhitektura Vizantii i Drevney Rusi IX–XII vekov (Architecture of Byzantium and Kievan Rus from the 9th to the 12th Centuries)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Transactions of the State Hermitage Museum LIII. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 391–411 (in Russian).

Ivanov, P. A., Kamenshchikov, O. Yu., Mokrushin, I. G., Krasnovskikh, M. P., Sarapulov, A. N. 2020. In Topanov, P. A. (ed.). *Sovremennye aspekty khimii (Modern Aspects of Chemistry).* Perm: Perm State National Research University, 25–28 (in Russian).

Izmailov, I. L. 2008. *Zashchitniki "Steny Iskandera" (Defenders of the Iskander Wall)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Kalugina, E. M. 2020. In *Lomonosov–2020. Materialy XXVII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh. (Sevastopol', 22-24 aprelya 2020 g.) (Lomonosov–2020. Proceedings of the 27th International Scientific Conference of Students, Postgraduates and Young Scientists. (Sevastopol, April 22-24, 2020)).* Available at: URL: https://olymp.msu.ru/archive/Lomonosov_2020_2/data/18997/108668_uid332690_report.pdf (accessed 05.02.2023) (in Russian).

Kolchin, B. A. 1959. In Artsikhovskii, A. V., Kolchin, B. A. (eds.). *Trudy Novgorodskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Novgorod Archaeological Expedition)* II. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 65. Moscow: "Nauka" Publ., 7–121 (in Russian).

Kolchin, B. A. 1968. *Novgorodskie drevnosti. Derevyannyye izdeliya (Novgorod Antiquities. Wooden Crafts)*. Series: Svod arkheologicheskikh istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1–55. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kostikov, E. A., Shirinkin, P. S. 2015. In *II Mezhdunarodnaya numizmaticheskaya konferentsiya «Epokha vikingov v Vostochnoi Evrope v pamiatnikakh numizmatiki VIII–XI vv.» (II The International Numismatic Conference "The Viking Era in Eastern Europe and Numismatic Objects of the 8th –11th Centuries")*. Saint Petersburg: Staraia Ladoga Historical-Architectural and Archaeological National Park, 34–69 (in Russian).

Kosykh, A. M. 2005. *Kostyanaya fleyta X v. iz Staroy Ladogi (Bone flute of the 10th century from Staraya Ladoga).* Report on the X Readings dedicated to the memory of Anna Machinskaya (in Russian).

Krylasova, N. B. 2007. In Krylasova, N. B. (ed.). *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition)* 4. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 71–75 (in Russian).

Krylasova, N. B. 2019. In *Povolzhskaya arheologiya (Volga River Region Archaeology)* 30 (4), 68–80 (in Russian).

Krylasova, N. B., Podosenova, Yu. A. 2019. In In *Rossiyskaya arkheologiya (Russian Archaeology)* (3), 62–74 (in Russian).

Makarov, N. A., Krasnikova, A. M. 2022. In *Rossiyskaya arkheologiya (Russian Archaeology)* (4), 110–120 (in Russian).

Medvedev, A. F. 1966. *Ruchnoe metatel'noe oruzhie (luk i strely, samostrel) VIII—XIV vv. (Hand Missile Weapons (Bow and Arrows, Crossbow) of 8th—14th Centuries)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1-36. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Moryakhina, K. V. 2020 In Konochuk, K. V. (ed.) *Aktual'naia arkheologiia: kompleksnye issledovaniia v arkheologii (Current Archaeology: Comprehensive Studies in Archaeology*) 5. Saint Petersburg: "Nevskaya Tipografiya" Publ., 333–334 (in Russian).

Nuretdinova, A. R. 2011. In *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta (Scientific Bulletin of the Kazan University)* 153. Book 3, 51–60 (in Russian).

Poluboiarinova, M. D. 1993. *Rus' i Volzhskaia Bolgariia v X—XV vv. (Rus' and Volga Bulgaria in 10th—15th Centuries).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Poluboiarinova, M. D. 2013. In Baranov, V. S., Valeev R. M., Salikhov R. R., Poluboiarinova M. D., Sharifullin R. F. (eds.). *Velikii Bolgar (Great Bolgar).* Moscow; Kazan: "Feoriia" Publ., 104–117 (in Russian).

Potin, V. M. 1967. In Bykov, A. A. (ed.). *Numizmatika (Numismatics)* 3. Series: Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Transactions of the State Hermitage Museum IX. Leningrad: "Sovetskiy Khudozhnik" Publ., 106–184 (in Russian).

Rybakov, B. A. 1948. *Remeslo Drevney Rusi (Craft of Ancient Rus).* Moscow: Academy of Sciences of the USSR, (in Russian).

Savel'eva, E. A., Klenov, M. V. 1997. In Savel'eva, E. A. (ed.). *Arkheologiia Respubliki Komi (Archaeology of the Komi Republic)*. Moscow: "DiK" Publ., 651–691 (in Russian).

Sarapulov, A. N., Podosenova, Yu. A., Kamenshchikov, O. Yu., Mokrushin, I. G. 2020. In Belavin, A. M. (ed.). *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition)* XVI. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 21–27 (in Russian).

Sarapulova, A. N., Shmyrina, M. E. 2020.In *Gumanitarnye issledovaniya. Istoriya i filologiya (Humanitarian Studies. History And Philology)* (5), 41–50 (in Russian).

Semykin, Yu. A. 2015. *Chernaya metallurgiya i kuznechnoe proizvodstvo Volzhskoy Bulgarii v VIII–nachale XIII vv. (Ferrous metallurgy and blacksmithing of Volga Bolgaria in the 8th - early 13th centuries).* Series: Arkheologiia evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes) 21. Kazan: "Otechestvo" Publ. (in Russian).

Talitsky, M. V. 1951. In Chernetsov, V. N. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Urala i Priural'ia (Materials and Research on the Archaeology of Ural and the Cis-Urals Area).* Vol. III. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 22. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 33–96. (in Russian).

Trostyansky, O. V., Chernyshov, K. M. 2019. In Gubchanskaya, L. A., Moiseenko, N. S., Tarlakovsky, L. S., Mikhelson, A. R. (eds.).*Epokha vikingov v Vostochnoi Evrope v pamiatnikakh numizmatiki VIII–XI vv. (The Viking Era in Eastern Europe and Numismatic Objects of the 8th –11th Centuries)*. Saint Petersburg: "Znak" Publ., 393–423 (in Russian).

Fedorina, A. N. 2019. In Lopatin, N. V. (ed.). *Arkheologiia i istoriia Pskova i Pskovskoi zemli (Archaeology and History of Pskov and Pskov Land)*. 34. Moscow; Pskov: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 377–394 (in Russian).

Yanin, V. L. 2009. *Denezhno-vesovye sistemy domongol'skoy Rusi i ocherki istorii denezhnoy sistemy srednevekovogo Novgoroda (Monetary and Weighing Systems of Pre-Mongol Rus and Essays on the History of the Monetary System of Medieval Novgorod)*. Moscow: "Yazyki slavianskoi kul'tury" Publ. (in Russian).

About the Author:

Kuznetsov Vadim E. Perm State Humanitarian Pedagogical University (PSHPU). Sibirskaya Str., 24, Perm, 614990, Russian Federation; Vadim_kuznetsov2000@mail.ru

Статья поступила в журнал 31.01.2024 г.
Статья принята к публикации 18.05.2024 г.

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.5.128.138

МОГИЛА ПЕРИОДА ГОСПОДСТВА МОНГОЛОВ В СТЕПЯХ ЕВРАЗИИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЙ КУРГАНА БОРМОТОВО-3 В КУЗНЕЦКОЙ КОТЛОВИНЕ)

© 2025 г. А.М. Илюшин

В статье публикуются и исследуются материалы раскопок могилы 5 одиночного кургана Бормотово-3. На предварительной стадии исследования они были датированы XI–XIV вв. и отнесены к шандинской археологической культуре кочевников Восточного Дешт-и-Кыпчак на территории Кузнецкой котловины. Приводится описание могилы и находок, которые в основном представлены предметами конского снаряжения. Проводится типолого-хронологическое исследование археологических предметов с привлечением местных аналогий и с других территорий Евразии. Отмечается уникальность набора ременных украшений и сходство их декора с изделиями киданьской империи Ляо. По археологическим аналогиям и корреляции их дат могила была датирована концом XII–XIII вв. Радиоуглеродные данные датируют могилу при калибровании по 1δ (68%) 1322–1457 гг., а по 2δ (95%) 1297–1618 гг. (среднее вероятное значение 1420 г.). Показатели двух методов датировки совпадают частично в конце XIII в. Выявленные расхождения в археологической и радиоуглеродной датировке ставят вопросы о поиске причин фиксируемых различий и возможном омоложение памятника на 100–200 лет.

Ключевые слова: археология, Кузнецкая котловина, Восточный Дешт-и-Кыпчак, развитое средневековье, шандинская археологическая культура, конское снаряжение, радиоуглеродное датирование

A GRAVE FROM THE PERIOD OF MONGOL DOMINANCE IN EURASIAN STEPPES (BASED ON THE RESULTS OF STUDIES OF BORMOTOVO-3 MOUND IN KUZNETSK BASIN)

A.M. Ilyushin

The author publishes and studies the excavation materials of grave 5 of Bormotovo-3 single barrow. At the preliminary stage of the study, they were dated to the 11th–14th centuries and attributed to Shandino archaeological culture of nomads from the Eastern Desht-i-Kipchak on the territory of Kuznetsk Basin. The paper features a description of the grave and finds is given, which are mainly represented by horse equipment items. A typological and chronological study of archaeological items was carried out with the involvement of local analogies and items from other territories of Eurasia. The uniqueness of the set of belt adornments and the similarity of their decoration with the products of the Khitan Liao Empire are noted. According to archaeological analogies and correlation of their dates, the grave was dated to the end of the 12th–13th centuries. Radiocarbon dating has allowed to date the grave with 1δ calibration (68%) to 1322–1457, and with 2δ calibration (95%) to 1297–1618 (the expected average value is 1420). The results obtain using the two dating methods partially coincide at the end of the 13th century. The revealed discrepancies in the archaeological and radiocarbon dating suggest that the causes of the recorded differences should be found and the monument can possibly be dated 100–200 years earlier.

Keywords: archaeology, Kuznetsk Basin, Eastern Desht-i-Kipchak, developed Middle Ages, Shandino archaeological culture, horse equipment, radiocarbon dating.

В 2017 году Кузнецкая комплексная археолого-этнографическая экспедиция (ККАЭЭ) проводила аварийные археологические раскопки одиночного кургана Бормотово-3. Этот памятник располагался на левом берегу р. Окунёвка в Промышленновском муниципальном округе Кемеровской области (рис. 1). Исследованный объект, на момент раскопок, считался самым крупным земляным курганом на территории Кузнецкой котловины. Курган находился в аварийном состоянии. Земляная насыпь округлой формы диаметром 43,4 м и высотой 2,52 м была подвергнута значительным разрушениям в результате рытья нор животными, охотничьих раскопов и систематической распашки пол. В процессе исследо-

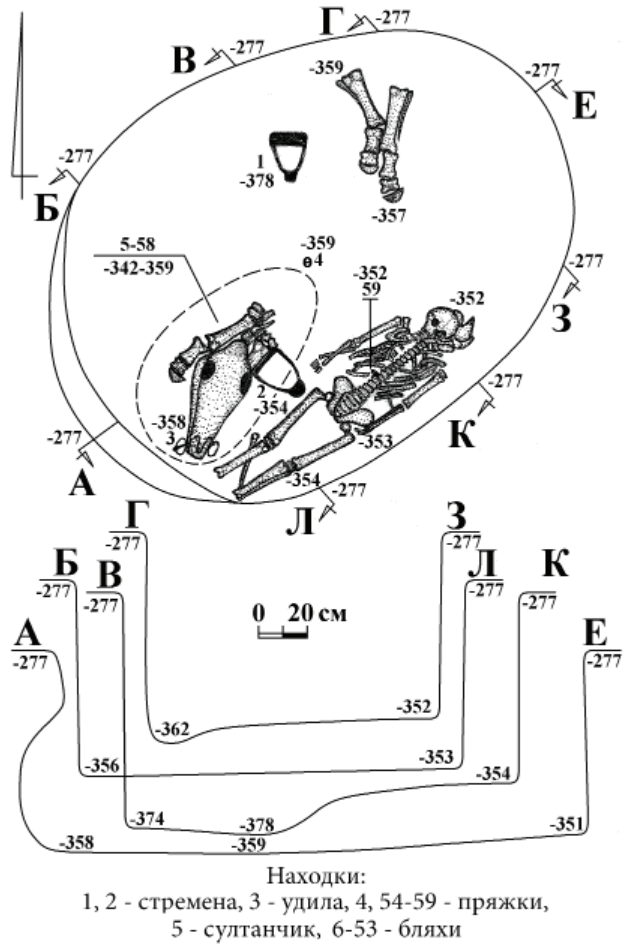

Рис. 1. Одиночный курган Бормотово-3.
План и разрезы могилы 5.
Fig. 1. Bormotovo-3 single barrow.
Plan and sections of the grave 5.

ваний кургана был выявлен ров подчетырёхугольной формы (47,38×38,05 м и 42,73×32,63 м длинной осью вытянутый по линии ЮЮЗ–ССВ), а внутри пространства оконтуренного им – два скопления сооружений. Первое (грунтовые ямы 1 и 2, а также грунтовые могилы 1, 2, 3 и 4) располагалось в центре, а второе (грунтовые могилы 5, 6, 7 и 8) в ЮВ секторе. По бровкам и археологическим находкам удалось установить, что объект изначально был сооружен в раннем железном веке, а затем перестроен в развитом средневековье. При этом могилы из второго скопления под ЮВ частью насыпи кургана являлись впускными и были сооружены после возведения вторичной земляной насыпи над центральным скоплением объектов. По обряду погребения и находкам средневековые объекты предварительно были отнесены к шандинской археологической культуре XI–XIV вв. и культуре кочевников Восточного Дешт-и-Кыпчак (Илюшин, Борисов, Бутьян, 2019, с. 468–470).

Цель работы состоит в публикации и типолого-хронологическом исследовании материалов могилы 5 из второго скопления, которая выделяется богатыми и неординарными находками периода господства монголов в степях Евразии. В работе используются методы описания, типологической классификации, сравнительного анализа и радиоуглеродного датирования.

Могила 5 была расположена под ЮВ полой насыпи кургана и представляла собой погребение подростка (пол не определён – А.И.) в возрасте 11–12 лет (половозростные определения сделаны заведующей кабинетом антропологии ТГУ, к.и.н. Рыкун М.П.) со шкурой лошади в грунтовой яме с подбоем. Могила представляла собой овальную грунтовую яму длинной осью ориентированная по линии ЮЗ–СВ. Она имела размеры 2,27×1,73 м и была углублена в материк на 1,01 м. Дно могилы имело небольшой наклон в 0,08 м с СВ на ЮЗ. В центральной части и у северной стенки на дне могилы зафиксирована пологая яма от норы животных глубиной до 0,20 м. В ЮЗ стенке грунтовой могильной ямы был сооружен небольшой подбой в виде ниши шириной 0,15 м и высотой 0,62 м от дна. Заполнение грунтовой ямы представляло собой смешанный слой из чернозема и светло-желтого материкового суглинка. Захоронение подростка было совершено на дне грунтовой ямы на глубине 3,52–3,54 м в вытянутом положении на спине рядом с южной стенкой. Погребенный был ориентирован головой на СВ. Череп и скелет частично были разрушены грызунами. Шкура лошади (по три сустава костей передних и задних ног, череп и два шейных позвонка) была погребена справа от погребенного на глубине 3,57–3,59 м и была ориентирована головой на ЮЗ (рис. 1). По зоологическому анализу костные останки принадлежали жеребцу в возрасте 7–8 лет, рост в холке которого составлял 137–138 см и относится к средним (ближе к низкорослым) лошадям (Онищенко, Щербакова, Сидельникова, Илюшин, 2018, с. 62). На дне могилы в норе животного на глубине 3,78 м и между черепом лошади и правой берцовой костью подростка на глубине 3,58 м были найдены железные стремена (рис. 1; 2, 1, 2). В зубах черепа лошади на глубине 3,58 м в ЮЗ части могилы были найдены железные удила

с кольчатыми псалиями, а в центре могилы на глубине 3,59 м между стременами обнаружены фрагменты железной подпружной пряжки (рис. 1; 2, 3, 4). Рядом с черепом лошади и под ним в неупорядоченном состоянии на глубине 3,42–3,59 м были найдены потревоженные и растащенные грызунами бронзовые ременные пряжки, бляхи-накладки и султанчик парадного конского снаряжения (рис. 1; 2, 5–26; 3, 27–58). В районе живота погребенного подростка на глубине 3,52 м была найдена бронзовая поясная фигурная пряжка (рис. 1; 3, 59).

При классификации предметов конского снаряжения найденных в могиле 5 на Бормотово-3 исследуются такие находки, как удила, псалии, стремена, подпружная пряжка и украшения ремней (рис. 2, 1–26; 3, 27–58).

Стремена (рис. 2, 1, 2) по материалу изготовления относятся к группе железные, а по форме и исполнению к типу с прямоугольным выступом на верхней дужке под отверстие для крепления (подтреугольные с узкой прямой подножкой). Аналогичные находки в Кузнецкой котловине были выявлены на погребальных памятниках Калтышино-1 (XIII в.), Шанда и Бековo (XI–XII в.), Новокамышенка (рубеж XII–XIII в.), Ишаново (конец XII–XIII вв.) и Шестаки-1 (конец XII–XIII вв.) (Илюшин, 1993, с. 39, рис. 32, 1, 2; 53, 1; 2014, с. 46, 80, рис. 84, 8; 91, 3, 4; 2016, с. 18–20; 2016а, с. 12–15; 2024, с. рис. 16, 2, 3; 20, 1, 2; Кузнецов, 2004, с. 41–68, рис. 6, 2; Савинов, 1997, с. 77–99, рис. 6, 10; и др.). Этот тип стремян использовался на территории Западной и Южной Сибири, Казахстана и Южного Урала в предмонгольский и монгольский период, преимущественно, в XII–XIII в. (Агеева, Максимова, 1959, с. 32–58, рис. 4, табл. I, 119; Арсланова, 2013, табл. I, 48; Кызласов И., 1980, с. 139; 1983, рис. 26, 9; Неверов, 1998, с. 149–150, рис. 2, 24; 8, 3; Мажитов, 1981, с. 222, рис. 90, 16; Могильников, 1981, рис. 73, 7; и др.).

Удила относятся к группе железные, а по конструкции к типу однокольчатые, состоящие из двух звеньев с одним сомкнутым кольцом на каждом внешнем конце (рис. 2, 3). В одном из внешних колец удил находилась псалия, которая относится к группе железных, типу кольчатые маленькие (рис. 2, 3). Такая комбинация железных удил и псалий на территории Кузнецкой котловины выявлена на погребальных памятниках Танай-8 (XI–XII в.), Бековo (XI–XII в.), Сапогово-2 (XI–XII в.), Торопово-1 (XIII–XIV в.), Мусохраново-3 (вторая половина XII–XIII вв.), Конево (рубеж XII–XIII в.), Ишаново (конец XII–XIII вв.), Шестаки-1 (конец XII–XIII вв.) (Илюшин, 1993, с. 39, рис. 48, 6; 1997, с. 28, 56; рис. 21, 3; 1999, с. 68, рис. 27, 1–3; 2012, с. 38, 70, рис. 17, 1; 24, 3; 2014, с. 80, рис. 72, 1; 2016, с. 18–20; 2021, с. 44–45, 73, рис. 58, 1; Кузнецов, 2004, с. 41–68, рис. 7, 2; 10, 10; 12, 11; Савинов, Бобров, 2011, с. 61, рис. 6, 14, 15; и др.).

Железная рамчатая овальная с подвижным язычком подпружная пряжка (рис. 2, 4) на территории Кузнецкой котловины имеет аналогии на многих памятниках развитого средневековья. Это изделие универсальное и использовалось в конском снаряжении, в одежде и креплении воинской экипировке (Илюшин, 2005, табл. 14, 28, 29; 16, 39, 42; 18, 46).

К числу предметов украшения конского снаряжения относятся бронзовые бляхи разных форм и конструкций, султанчик и пряжки, которые компактно располагались близ черепа лошади (рис. 1; 2, 5–26; 3, 27–58).

Бронзовый наносный султанчик (рис. 2, 5) относится к типу цельнолитой с щитком и низкой усечённой конической втулкой. Щиток имел овальную форму волнообразные бортики и фигурноскобчатые окончаниям. С внешней стороны он был украшен резным (набивным) ямочно-точечным орнаментом, а с внутренней имел два стержня для крепления к ремню. Точных аналогий на данный момент нет. Подобные изделия в Туве и на Алтае датируют X–XI в. и считают изначальной формой в эволюции этих предметов (Горбунова, 2010, с. 56, рис. 26, 1–11; Кызласов И., 1983, с. 30–32, рис. 10, 1; табл. VI, 1; и др.). В Кузнецкой котловине близкий по форме и конструкции султанчик был найден в кургане №5 на курганной группе Мусохраново-1 датированной второй половиной XII – началом XIII в. (Илюшин, 2021, с. 47, 66, рис. 32, 7). Три бронзовые округлой формы сферические бляшки с бортиками (рис. 2, 5–7) точных аналогий на территории Кузнецкой котловины не имеют. Однако бляшки этого типа в другом исполнении известны в этом регионе в раннем и развитом средневековье (Илюшин, 1999, рис. 27, 8, 12–19; 31, 37; 32, 1; 33, 15, 16; 36, 15–17; 42, 13–15; 50, 12–15; 62, 35; 63, 32–36; 2021, с. 46, рис. 32, 6; Илюшин, Сулейменов, Гузь, Стародубцев, 1992, с. 41, рис. 43, 24; 51, 36; и др.).

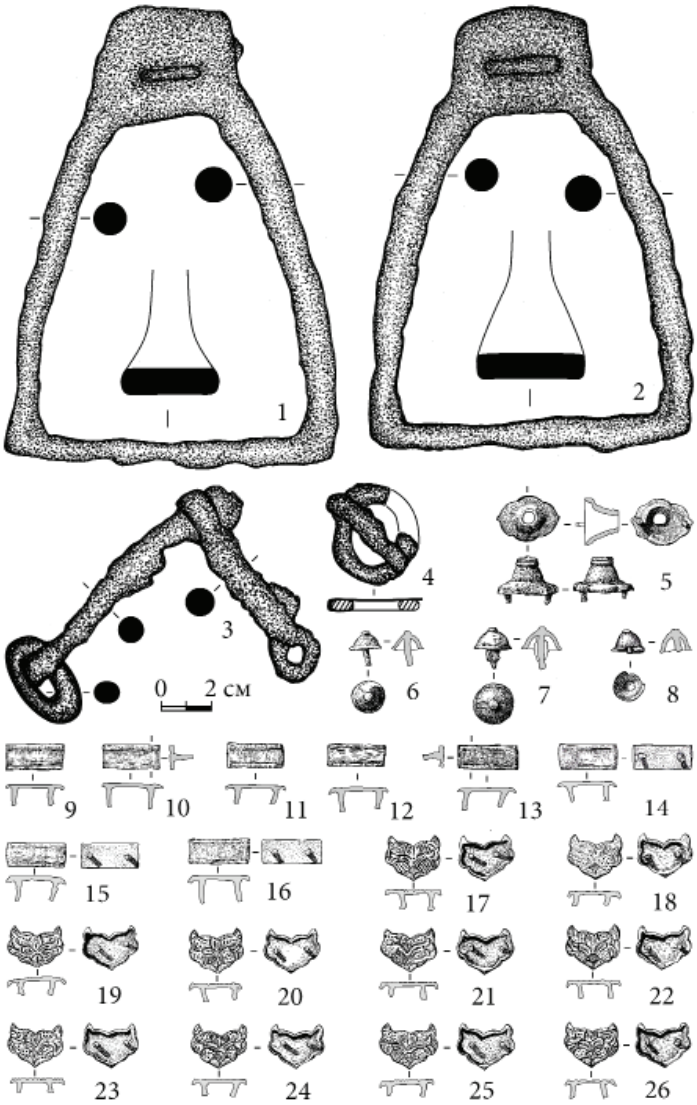

Рис. 2. Одиночный курган Бормотово-3. Находки из могилы 5: 1, 2 – стремена, 3 – удила с псалией, 4 – подпружная пряжка, 5 – султанчик, 6–26 – бляхи; 1–4 – железо, 5–26 – бронза.
Fig. 2. Bormotovo-3 single barrow. Finds from grave 5: 1, 2 – stirrups, 3 – bits with a cheek-piece, 4 –spring buckle, 5 – plume, 6-26 – plaques; 1–4 – iron, 5–26 – bronze.

Шесть бронзовых цельнолитых плоских ременных блях удлинённо-четырёхугольной формы, украшенные двумя параллельными прорезными линиями, крепились к ремню при помощи двух горизонтально расположенных шпеньков (рис. 1; 2, 1–6). Аналогий на территории Кузнецкой котловины этим изделиям нет. Однако бронзовые цельнолитые бляхи удлиненно-четырехугольной формы, украшенные различными видами рельефного орнамента, бытовали в регионе с середины VIII до XIII в. включительно (Илюшин, 2024, с. 73, рис. 45, 1–6; 46, 7, 11; Илюшин, Сулейменов, Гузь, Стародубцев, 1992, с. 41, рис. 32, 14, 15; 35, 32–34, 42; 43, 22; и др.).

Бронзовые ременные бляхи подтреугольно-сердцевидной формы с рельефными краями и острыми окончаниями крепились к ремню при помощи двух горизонтально расположенных шпеньков (рис. 2, 17–26; 3, 27–43). Эти бляшки были украшены точечно-ямочным и растительным орнаментом из резных линий. Форма бляшек и орнаментация стилизованно напоминают изображение головы тигра. Аналогии этим изделиям нам неизвестны.

Комбинированные (сборные) бронзовые верхние четырехугольные и нижние пятиугольные с приострёнными окончаниями ременные бляхи с шарнирным соединением, украшенные точечно-ямочным и растительным резным орнаментом (рис. 3, 44–51)

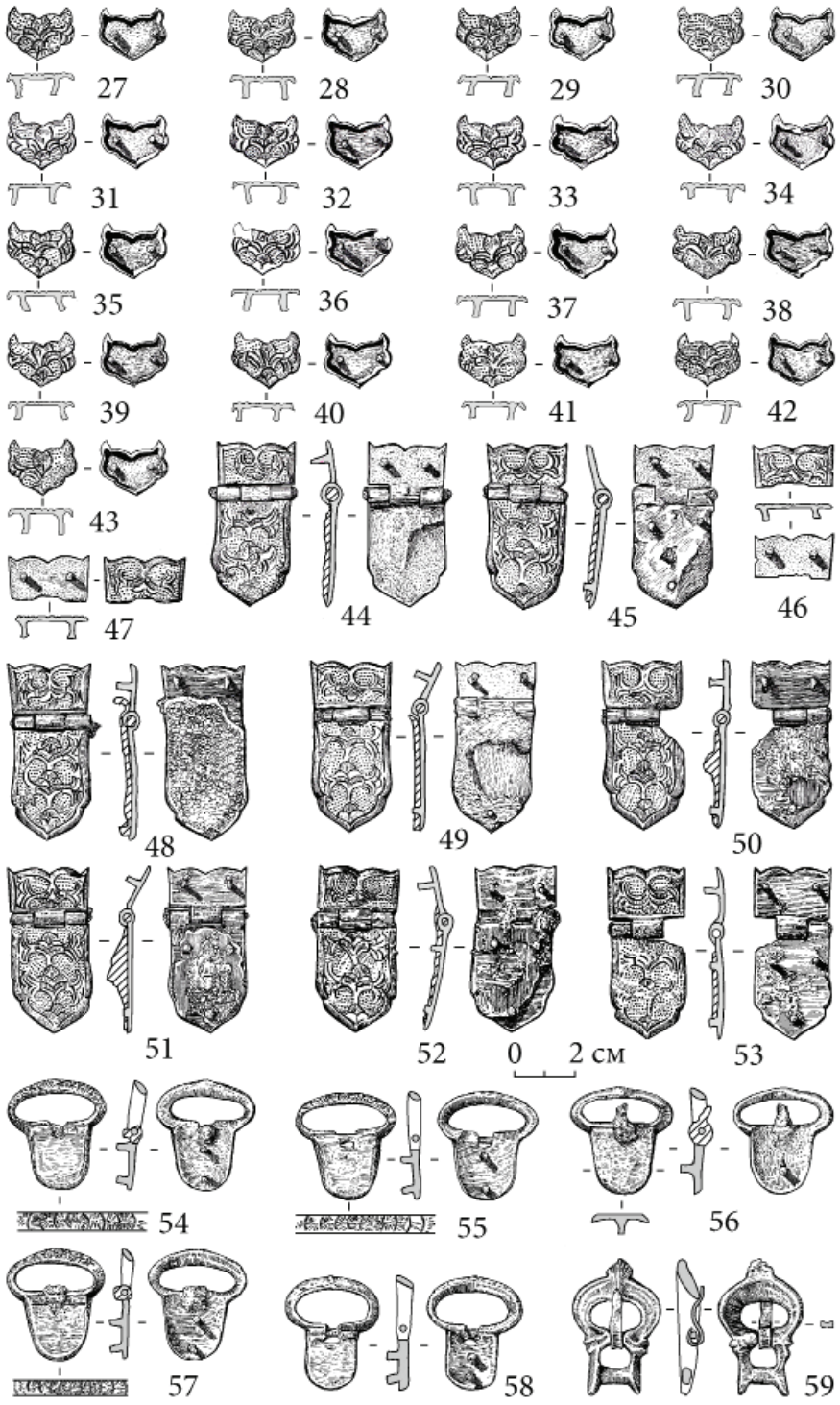

Рис. 3. Одиночный курган Бормотово-3. Находки из могилы 5: 27–53 – бляхи, 54–59 – пряжки; 27–43, 46, 47, 55, 58, 59 – бронза, 44, 45, 48–54, 56, 57 – бронза и железо.
Fig. 3. Bormotovo-3 single barrow. Finds from grave 5: 27–53 – plaques, 54–59 – buckles; 27–43, 46, 47, 55, 58, 59 – bronze, 44, 45, 48–54, 56, 57 – bronze and iron.

представляют собой уникальную находку. В качестве оси для скрепления и вращения были использованы железные штыри, вставленные в округлые отверстия соединяющие накладную бляху и подвесной наконечник, что указывает на их длительное использование. Две верхние четырёхугольные бляхи не имели штырей и второго звена (рис. 3, 44, 47). Бляхи крепились при помощи двух горизонтально расположенных шпеньков к ремню,

с наружной стороны которого закреплялись железной пластиной путем расплющивания верхней части шпеньков. Подвесные наконечники имели три шпенька расположенные вертикально два вверху и один внизу. К ним крепился ремень тем же способом при помощи железной пластины с внешней стороны ремня и расплющиванием шпеньков.

Бляхи с шарнирным соединением на территории Кузнецкой котловины являются редкой находкой. Шарнирные ременные бляхи, изготовленные из бронзы и серебра известны в регионе по материалам X–XI в. на могильнике Саратовка, а из железа на курганной группе Конево датированной рубежом XII–XIII вв. (Илюшин, 1999, рис. 8, 2; 9, 24; 74; 2012, с. 70, рис. 7, 9, 10; 8, 31, 32; 13, 7, 8; 47, 3). В Туве и Хакасии бляхи с шарнирным соединением появляются на рубеже I и II тыс. и используются в развитом средневековье (Длужневская, 1994, с. 35, рис. 12; Кызласов И., 1983, рис. 16, табл. X). Абрис контура верхних бляшек имеет аналогии в поясной гарнитуре снаряжении всадника и коня степей Центральной Азии датируемых 950–1150 гг. и в материалах аскизской культуры Хакассии в конце X–XII вв. (Длужневская, 1994, с. 33, рис. 10, ж1; Кызласов И., 1983, рис. 15, 2, 3, 7).

Публикуемый набор блях и султанчик (рис. 2, 5, 17–16; 3, 27–53) были украшены однотипным декором (растительные мотивы на фоне заполненным оттисками круглого или округлого пуансона), который по мнению Г.Г. Король близок с манерой оформления киданьской бляхи из гробницы Елюй Ючжина 941 г. На территории Кузнецкой котловины известен лишь ещё один случай использования такого декора на ременной бляхе из могильника Ур-Бедари датированного XI–XIII в. (Илюшин, 2005, с. 40; Король, 2021, с. 60–63, рис. 4, 12). Косвенным свидетельством в пользу сделанного наблюдения является тот факт, что ляоские мастера изготовляли сбруйные украшения из серебра и меди, а орнаменты часто наносили гравировкой, не используя в поздних изделиях серебрение (Крадин, Ивлиев, 2014, с. 152).

Все шесть пряжек из набора предметов конского снаряжения (рис. 2, 15–20) относятся к группе бронзовые, типу овальнорамчатые цельнолитые с неподвижным щитком с заоваленным краем окончания. На двух пряжках отсутствовали язычки, а на других они были поломаны и сделаны из железа, что указывает на их длительное использование. На трёх пряжках с внешней стороны рамок нанесен резной орнамент, из сходных элементов, но при этом каждая пряжка украшена индивидуально. Пряжки этого типа в разном исполнении встречаются на территории Кузнецкой котловины в материалах погребальных памятников Калтышино-2, Сапогово, Сапогово-2, Саратовка, Мостовая и Шестаки-1 датированных с середины VIII до XIII в. (Васютин А., Васютин С., Онищенко, 2012, рис. 15, 1; Илюшин, 1990, с. 46–61; 1997, с. 56, рис. 21, 13; 30, 21,23; 31, 15; 1999, рис. 4, 3, 25, 29; 58, 29; 74; 2016, с. 18–20; 2017, с. 39–41; Илюшин, Сулейменов, Гузь, Стародубцев, 1992, с. 41, рис. 51, 40, 42; Кузнецов, 2004, рис. 7, 4; и др.).

Поясная бронзовая фигурная цельнолитая рельефная с пятиугольным выступающим носиком пряжка (рис. 1; 3, 59) точных аналогий на территории Кузнецкой котловины не имеет. Близкие по исполнению, но с острым носиком бронзовые пряжки известны в материалах шандинской археологической культуры XI–XIV вв. (Илюшин, 2005, табл. 14, 18; 18, 44; и др.).

При археологической датировке закрытого комплекса находок из могилы 5 используется метод сравнительного анализа и корреляции дат аналогичных комплексов предметов на территории Кузнецкой котловины по ранее созданному банку данных. Удалось выявить три комплекса находок состоящих из железных удил, псалий и стремян, которые аналогичны найденным в исследуемой могиле (рис. 1, 1–3) на погребальных памятниках Бековo (XI–XII вв.), Шестаки-1 (конец XII–XIII вв.) и Ишаново (конец XII–XIII вв.). Корреляция археологических датировок этих объектов позволяет датировать предметный комплекс концом XII в. и ставить вопрос об его вероятной датировке XIII в. В пользу датировки могилы 5 концом XII–XIII вв. указывают результаты исследований комплекса средневекового вооружения и железных казанов из Бормотово-3, которые были датированы этим временем (Илюшин, 2019, с. 72–76; Сулейменов, Илюшин, 2018, с. 75–80).

Для уточнения даты был использован метод радиоуглеродного датирования по мелким костям ног лошади из могилы 5. Радиоуглеродный анализ проводился жидкостно-сцинтилляционным методом с помощь спектрометра-

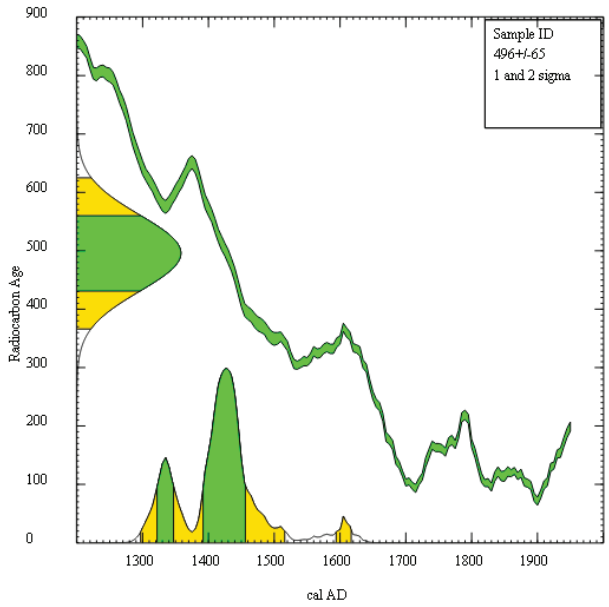

Рис. 4. Калибровка радиоуглеродного возраста в календарный.
Fig. 4. Calibration of radiocarbon age into calendar age.

радиометра Quantulus в аналитическом центре изотопных исследований Институт мониторинга климатических и экологических систем Сибирского отделения Российской академии наук под руководством к.т.н., с.н.с. Симоновой Г.В. (г. Томск). Калибровка радиоуглеродного возраста в календарный была произведена с помощью программы CALIB REV-7.1.0.

Результаты 14С датирования представлены в табл. 1 и рис. 4.

Данные результаты датируют могилу 5 концом XIII – началом XVII вв. (по 2σ). Этот показатель лишь частично совпадает с верхней границей археологической датировки. Выявленные расхождения в археологической и радиоуглеродной датировке ставят вопросы о поиске причин фиксируемых различий и возможном омоложение памятника на 100–200 лет. Последнее приведёт к необходимости пересмотра культурно-хронологических схем и концепций, как на территории Кузнецкой котловины, так и на сопредельных территориях.

Таблица 1. Результаты 14С датирования и анализа образцов костей лошади из могилы 5 одиночного кургана Бормотово-3
Table 1. Results of 14C-dating and analysis of horse bone samples from grave 5 of Bormotovo-3 single barrow

№	Лабораторный номер	Описание образца	Место отбора	Радиоуглеродный возраст (BP) Даты отсчитываются от 1950 г.	Календарный возраст (cal BC/AD)
1	ИМКЭС-14С1634	Кости лошади	Могила 5, одиночный курган Бормотово-3 в Промышленновском районе Кемеровской области проба №2	496±65	По 1δ (68%) 1322-1457 AD По 2δ (95%) 1297-1618 AD Среднее вероятное значение 1420 AD

ЛИТЕРАТУРА

Агеева Е.И., Максимова А.Г. Отчёт Павлодарской экспедиции 1955 года // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Т. VII / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: АН Казахской ССР, 1959. С. 32–58.

Арсланова Ф.Х. Памятники Павлодарского Прииртышья (VII–XII вв.) // Арсланова Ф.Х. Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья / Материалы и исследования по археологии Казахстана. Т. 3. Астана: Филиал Института археологии Казахстана, 2013. 405 с.

Васютин А.С., Васютин С.А., Онищенко С.С. Калтышинский археологический микрорайон в конце VIII – XI вв. н.э.: природа и культура (степное Присалаирье). Кемерово: ОФСЕТ, 2012. 213 с.

Горбунова Т.Г. Реконструкция конского снаряжения средневековых кочевников Алтая: методика и некоторые результаты. Барнаул: Азбука, 2010. 136 с.

Длужневская Г.В. Типология снаряжения всадника и коня степей Центральной Азии (IX–XII вв. н.э.) // Fasciculi Archaeologiae Historicae. 1994. Fasc. VI. Lodz, С. 21–43.

Илюшин А.М. Погребения по обряду кремации на могильнике Ур-Бедари (по раскопкам М.Г. Елькина в 1965 году) // Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии / Отв. ред. Ю.С. Худяков. Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1990. С. 46–61.

Илюшин А.М. Курганы средневековых кочевников долины реки Бачат. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1993. 116 с.

Илюшин А.М. Курган-кладбище в долине р. Касьмы как источник по средневековой истории Кузнецкой котловины / Труды Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. 2. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. 119 с.

Илюшин А.М. Могильник Саратовка: публикация материалов и опыт этноархеологического исследования. Кемерово: КузГТУ, 1999. 160 с.

Илюшин А.М. Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху средневековья. Кемерово: КузГТУ, 2005. 240 с.

Илюшин А.М. Курганы поздних кочевников близ устья Ура / Труды Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. 4. Кемерово: КузГТУ, 2012. 188 с.

Илюшин А.М. Курганы кыштымов в долине Ура / Труды Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. 8. Кемерово: КузГТУ, 2014. 216 с.

Илюшин А.М. Курганная группа Шестаки-1 (типолого-хронологический анализ материалов) // Научно-технический прогресс: актуальные и перспективные направления будущего: сб. матер. III Междунар. науч.-практ. конф. (10–11 августа 2016 года). Т. II. Кемерово: ЗапСибНЦ, 2016. С. 18–20.

Илюшин А.М. Курганная группа Калтышино-1 (классификация артефактов и типолого-хронологический анализ материалов) // Научно-технический прогресс: актуальные и перспективные направления будущего: сб. матер. IV Междунар. науч.-практ. конф. (30 ноября 2016 года). Т. II. Кемерово: ЗапСибНЦ, 2016а. С. 12–15.

Илюшин А.М. Курганная группа Калтышино-2 (классификация и культурно-хронологический анализ материалов) // Современные тенденции развития науки и производства: сб. матер. V Междунар. науч.-практ. конф. (28 февраля 2017 года). Т. II. Кемерово: ЗапСибНЦ, 2017. С. 39–41.

Илюшин А.М. Железные казаны из могил кочевников на Бормотово-3 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXV / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: АГУ, 2019. С. 72–76.

Илюшин А.М. Средневековые курганы в долине Касьмы / Труды Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. 9. Кемерово: КузГТУ, 2021. 195 с.

Илюшин А.М. Курганный могильник Новокамышенка / Труды Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. 10. Кемерово: КузГТУ, 2024. 192 с.

Илюшин А.М., Борисов В.А., Бутьян В.А. Исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции // АО 2017 года / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2019. С. 468–471.

Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Гузь В.Б., Стародубцев А.Г. Могильник Сапогово – памятник древнетюркской эпохи в Кузнецкой котловине. Новосибирск: НГУ, 1992. 126 с.

Король Г.Г. Комплект средневековых ременных украшений из Кузнецкой котловины и проблема культурных влияний // Ученые записки музея-заповедника «Томская писаница». 2021. Вып. 14. С. 47–68.

Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л. История киданьской империи Ляо (907–1125). М.: Наука, 2014. 351 с.

Кузнецов В.А. Курганный могильник Шестаки-1 // Кузнецкая старина. Вып. 6 / Отв. ред. Ю.В. Ширин. Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2004. С. 41–68.

Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. / САИ. Вып. Е 3–18. М.: Наука, 1983. 128 с.

Мажитов Н.А. Южный Урал в XII–XIV вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья/ Археология СССР. Т. 18 / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1981. С. 222–223.

Могильников В.А. Памятники кочевников Сибири и Средней Азии XIII–XIV вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья/ Археология СССР. Т. 18 / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1981. С. 194–200.

Неверов С.В. Стремена Верхнего Приобья в VII–XII вв. (классификация и типология) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин. Барнаул: Алт. ун-т, 1998. С. 129–151.

Онищенко С.С., Щербакова А.В., Сидельникова А.Н., Илюшин А.М. Результаты зооархеологического анализа коллекции Бормотово-3 // Полевые исследования на Алтае, в Прииртышье и Верхнем Приобье

(археология, этнография, устная история): 2017 год. Вып. 13. Материалы XIII международной научно-практической конференции / Ред. А.В.Эбель и др. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2018. С. 58–63.

Сулейменов М.Г., Илюшин А.М. Комплекс вооружения из Бормотово-3 // Полевые исследования на Алтае, в Прииртышье и Верхнем Приобье (археология, этнография, устная история): 2017 год. Вып. 13. Материалы XIII международной научно-практической конференции / Ред. А.В.Эбель и др. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2018. С. 75–80.

Савинов Д.Г. Могильник Калтышино I (новые материалы по археологии начала II тыс. н.э.) // Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины / Отв. ред. В.В. Бобров. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. С. 77–99.

Савинов Д.Г., Бобров В.В. Погребения раннесредневекового могильника Танай VIII // Историко-культурное наследие Кузбасса (актуальные проблемы изучения памятников археологии). Вып. III / Отв. ред. А.В. Фрибус. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. С. 60–72.

Информация об авторе:

Илюшин Андрей Михайлович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории, философии и социальных наук, Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева (г. Кемерово, Россия): ilushin1963@mail.ru

REFERENCES

Ageeva, E. I., Maksimova, A. G. 1959 In Akishev, K. A. (ed.). *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii AN KazSSR (Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR)* 7. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR, 32–58 (in Russian).

Arslanova, F. Kh. 2013. In Arslanova, F. Kh. *Ocherki srednevekovoy arkheologii Verkhnego Priirtysh'ya (The Sketches of Medieval archaeology of the Upper Irtysh)*. Series: Materialy i issledovaniya po arkheologii Kazakhstana (Materials and researches on archaeology of Kazakhstan) 3. Astana: Institute of Archaeology named after. A.Kh. Margulan (in Russian).

Vasyutin, A. S., Vasyutin, S. A., Onishchenko, S. S. 2012. *Kaltyshinskiy arkheologicheskiy mikrorayon v kontse VIII – XI vv. n.e.: priroda i kul'tura (stepnoe Prisalair'e) (Kaltyshinsky archaeological microdistrict at the end of the 8th–11th centuries AD: nature and culture (steppe Salair region))*. Kemerovo: "OFSET" Publ. (in Russian).

Gorbunova, T. G. 2010. *Rekonstruktsiya konskogo snaryazheniya srednevekovykh kochevnikov Altaya: metodika i nekotorye rezul'taty (Reconstruction of horse equipment of medieval nomads from Altai: methodology and some results)*. Barnaul: "Azbuka" Publ. (in Russian).

Dluzhnevskaya, G. V. 1994. In *Fasciculi Archaeologiae Historicae* (VI), 21–43 (in Russian).

Ilyushin, A. M. 1990. In Khudyakov, Yu. S. (ed.). *Pamyatniki kyrgyzskoy kul'tury v Severnoy i Tsentral'noy Azii (Monuments of Kyrgyz Culture in Northern and Central Asia)*. Novosibirsk: Institute of History, Philology and Philosophy of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences, 46–61 (in Russian).

Ilyushin, A. M. 1993. *Kurgany srednevekovykh kochevnikov doliny reki Bachat (Barrows of Medieval Nomads in the Bachat River Valley)*. Kemerovo: "Kuzbassvuizdat" Publ. (in Russian).

Ilyushin, A. M. 1997. *Kurgan-kladbishche v doline r. Kas'my kak istochnik po srednevekovoy istorii Kuznetskoy kotloviny* (*Burial mound-cemetery in the valley of the Kasma river as a Kuznetsk Basim medieval history source).* Series: Trudy Kuznetskoy kompleksnoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii (Proceedings of the Kuznetsk Complex Archaeological and Ethnographic Expedition) 2. Kemerovo: "Kuzbassvuizdat" Publ. (in Russian).

Ilyushin, A. M. 1999. *Mogil'nik Saratovka: publikatsiya materialov i opyt etnoarkheologicheskogo issledovaniya (Saratovka burial ground: publication of materials and experience of ethnoarchaeological studies)*. Kemerovo: KuzSTU (in Russian).

Ilyushin, A. M. 2005. *Etnokul'turnaya istoriya Kuznetskoy kotloviny v epokhu srednevekov'ya (Ethnocultural history of Kuznetsk Basin in the Middle Ages)*. Kemerovo: KuzSTU (in Russian).

Ilyushin, A. M. 2012. *Kurgany pozdnikh kochevnikov bliz ust'ya Ura (Late nomad burial mounds near the mouth of the Ur river)* Series: Trudy Kuznetskoy kompleksnoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii (Proceedings of the Kuznetsk Complex Archaeological and Ethnographic Expedition) 4. Kemerovo: "Kuzbassvuizdat" Publ. (in Russian).

Ilyushin, A. M. 2014. *Kurgany kyshtymov v doline Ura (Kyshtym burial mounds in the Ur valley)*. Series: Trudy Kuznetskoy kompleksnoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii (Proceedings of the Kuznetsk Complex Archaeological and Ethnographic Expedition) 8. Kemerovo: KuzSTU (in Russian).

Ilyushin, A. M. 2016. In *Nauchno-tekhnicheskiy progress: aktual'nyye i perspektivnyye napravleniya budushchego: sb. mater. IV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (30 noyabrya 2016 goda) (Scientific and technological progress: current and promising future directions: Proceedings of the 4th International Scientific and Practical Conference (November 30, 2016))*. II. Kemerovo: West Siberian Scientific Center, 18–20 (in Russian).

Ilyushin, A. M. 2016a. In *Nauchno-tekhnicheskiy progress: aktual'nyye i perspektivnyye napravleniya budushchego: sb. mater. IV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (30 noyabrya 2016 goda) (Scientific and technological progress: current and promising future directions: Proceedings of the 4th International Scientific and Practical Conference (November 30, 2016))*. II. Kemerovo: West Siberian Scientific Center, 39–41 (in Russian).

Ilyushin, A. M. 2017. In *Sovremennye tendentsii razvitiya nauki i proizvodstva: sb. mater. V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (28 fevralya 2017 goda) (Modern trends in the development of science and production: Proceedings of the 5th International Scientific and Practical Conference (February 28, 2017)*. II. Kemerovo: West Siberian Scientific Center, 39–41 (in Russian).

Ilyushin, A. M. 2019. In Tishkin, A. A. (ed.). *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediia Altaiskogo kraia (Preservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai)* 25. Barnaul: Altai State University Publ., 72–76 (in Russian).

Ilyushin, A. M. 2021. *Srednevekovye kurgany v doline Kas'my (Medieval burial mounds in the Kasma valley)*. Series: Trudy Kuznetskoy kompleksnoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii (Proceedings of the Kuznetsk Complex Archaeological and Ethnographic Expedition) 9. Kemerovo: KuzSTU (in Russian).

Ilyushin, A. M. 2024. *Kurgannyy mogil'nik Novokamyshenka (Novokamyshenka burial mound)*. Series: Trudy Kuznetskoy kompleksnoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii (Proceedings of the Kuznetsk Complex Archaeological and Ethnographic Expedition) 10. Kemerovo: KuzSTU (in Russian).

Ilyushin, A. M., Borisov V. A., Butyan V. A. 2019. In Lopatin, V. N. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 2017 (Archaeological Discoveries of 2017)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 468–471 (in Russian).

Ilyushin, A. M., Suleimenov, M. G., Guz, V. B., Starodubtsev, A. G. 1992. *Mogil'nik Sapogovo – pamyatnik drevnetyurkskoy epokhi v Kuznetskoy kotlovine (Sapogovo burial ground – a monument of the ancient Turkic era in Kuznetsk Basin)*. Novosibirsk: Novosibirsk State University (in Russian).

Korol, G. G. 2021. In *Uchenye zapiski muzeya-zapovednika «Tomskaya pisanitsa» (Scientific notes of the Tomskaya Pisanitsa Museum-Reserve)* 14, 47–68 (in Russian).

Kradin, N. N., Ivliev, A. L. 2014. *Istoriya kidan'skoy imperii Lyao (907–1125) (History of the Khitan Liao Empire (907–1125))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kuznetsov, V. A. 2004. In Shirin, Yu.V. (ed.). *Kuznetskaya starina (Kuznetsk Antiquity)*. 6. Novokuznetsk: "Kuznetskaya krepost'" Publ., 41–68 (in Russian).

Kyzlasov, I. L. 1983. *Askizskaya kul'tura Yuzhnoy Sibiri X–XIV vv. (Askizskaya Culture of South Siberia in the 10th –14th cc.).* Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E3-18. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Mazhitov, N. A. 1981. 1981. In Pletneva, S. A. (ed.). *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia (Eurasian Steppes in the Middle Ages).* Series: Arkheologiia SSSR (Archaeology of the USSR) 18. Moscow: "Nauka" Publ., 222–223 (in Russian).

Mogilnikov, V. A. 1981. In Pletneva, S. A. (ed.). *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia (Eurasian Steppes in the Middle Ages).* Series: Arkheologiia SSSR (Archaeology of the USSR) 18. Moscow: "Nauka" Publ., 194–200 (in Russian).

Neverov, S. V. 1998. In Kiriushin, Yu. F., Tishkin, A. A. (eds.). *Snariazhenie verkhovogo konia na Altae v rannem zheleznom veke i srednevekov'e (Equipment of a Saddle Horse from the Altai in the Early Iron Age and the Middle Ages).* Barnaul: Altai State University, 129–151 (in Russian).

Onishchenko, S. S., Shcherbakova, A. V., Sidelnikova, A. N., Ilyushin, A. M. 2018. In Ebel, A. V. et al. (eds.). *Polevye issledovaniya na Altae, v Priirtysh'e i Verkhnem Priob'e (arkheologiya, etnografiya, ustnaya istoriya): 2017 god. Vyp. 13. Materialy XIII mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Field studies in Altai, the Irtysh region and the Upper Ob region (archaeology, ethnography, oral history): 2017,*

Proceedings of the 13th International Scientific and Practical Conference). Gorno-Altaisk: Gorno-Altaisk State University, 58–63 (in Russian).

Suleimenov, M. G., Ilyushin, A. M. 2018. In Ebel, A. V. et al. (eds.). *Polevye issledovaniya na Altae, v Priirtysh'e i Verkhnem Priob'e (arkheologiya, etnografiya, ustnaya istoriya): 2017 god. Vyp. 13. Materialy XIII mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Field studies in Altai, the Irtysh region and the Upper Ob region (archaeology, ethnography, oral history): 2017, Proceedings of the 13th International Scientific and Practical Conference).* Gorno-Altaisk: Gorno-Altaisk State University, 75–80 (in Russian).

Savinov, D. G. 1997. In Bobrov, V. V. (ed.).*Pamyatniki rannego srednevekov'ya Kuznetskoy kotloviny (Early Medieval Monuments of Kuznetsk Basin)*. Kemerovo: Kuzbassvuizdat Publ., 77–99 (in Russian).

Savinov, D. G., Bobrov, V. V. 2011. In Fribus, A. V. (ed.). *Istoriko-kul'turnoe nasledie Kuzbassa (aktual'nye problemy izucheniya pamyatnikov arkheologii) (Historical and cultural heritage of Kuzbass (current issues of studying archaeological monuments)).* Kemerovo: “Kuzbassvuizdat” Publ., 60–72 (in Russian).

About the Author:

Ilyushin Andrey M., Doctor of Historical Sciences, Professor of the department of history, philosophy and social sciences, Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev. Vesenyaya str. 28, Kemerovo, 650000, Russian Federation; ilushin1963@mail.ru

Статья поступила в журнал 24.03.2025 г.
Статья принята к публикации 16.04.2025 г.

УДК 569.723:903.5(571.15)”638” https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.5.139.151

ЭКСТЕРЬЕР ЛОШАДЕЙ ИЗ СОПРОВОДИТЕЛЬНЫХ ЗАХОРОНЕНИЙ В ПАЗЫРЫКСКИХ КУРГАНАХ АЛТАЯ[1]

© 2025 г. Н.А. Пластеева, П.А. Косинцев, С.К. Васильев, П.К. Дашковский, М.В. Саблин, А.А. Тишкин

Лошади, остатки которых найдены в курганах пазырыкской культуры (конец VI – рубеж III–II вв. до н.э.), уже давно привлекают специалистов разных научных областей. В статье представлена история их изучения зоологами, начиная с 1930-х гг. Комплексный исследовательский процесс обозначил ряд проблем, связанных с реконструкцией экстерьера древних коней, их происхождением и использованием. Разработанные методики, а также находки, полученные за последние десятилетия, позволили обобщить и дополнить имеющиеся данные, а также соотнести их с археологическими выводами и некоторыми палеогенетическими заключениями. В статье описан экстерьер лошадей из сопроводительных захоронений, и показано, что их высота в холке коррелирует со статусом погребенных людей. Рассмотренные экстерьерные характеристики пазырыкских коней Алтая (высота в холке, тонконогость) в целом свидетельствуют о морфологической однородности популяции и отсутствии среди них локальных породных групп. Публикуемые результаты репрезентативной выборки позволяют их использовать для сравнительного анализа с аналогичными материалами из памятников сопредельных и отдаленных территорий предшествующего и последующего времени, а также с данными синхронных культур. Они также будут способствовать интерпретации сведений, полученных при дальнейших палеогенетических и других исследований.

Ключевые слова: археология, Алтай, курганы, скифо-сакское время, пазырыкская культура, лошади, морфология.

MORPHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF HORSES FROM PAZYRYK CULTURE KURGANS IN ALTAI[2]

N.A. Plasteeva, P.A. Kosintsev, S.K. Vasiliev, P.K. Dashkovskiy, M.V. Sablin, A.A. Tishkin

Horses, the remains of which were found beside the deceased in Pazyryk culture kurgans (late 6th – turn of the 2nd century BC) have long attracted specialists from a wide range of fields. The morphological descriptions of sacrificed horses have been published since the 1930s. The comprehensive research process identified a range of issues associated with the reconstruction of morphological characteristics of ancient horses, their selection criteria and use in the sacrifice ritual. The methods that were developed and the findings of the last decades have allowed to summarize and supplement the available data, and correlate them with archaeological and certain paleogenetic conclusions. The paper features the morphological characteristics of horses from accompanying burials and describes that their height at the withers correlates with the status of the deceased. The examined morphological characteristics of Pazyryk horses from the Altai Mountains (height at the withers, slender legs) generally suggest their morphological uniformity and the absence of local breed groups among them. The published representative sample results can be used for comparative analysis with similar materials from the monuments of neighboring and remote territories of the previous and subsequent chronological pe-

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект №22-18-00470-П «Мир древних кочевников Внутренней Азии: междисциплинарные исследования материальной культуры, изваяний и хозяйства», руководитель – А.А. Тишкин). Обработка остеологического материала из коллекции Зоологического института РАН выполнена в рамках госзадания №125012800908-0 (исполнитель – М.В. Саблин).

[2] The work was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (project No. 22-18-00470-П “The World of ancient nomads of Inner Asia: interdisciplinary studies of material culture, sculptures and economy”, led by A.A. Tishkin). The processing of osteological material from the collection of the Zoological Institute of the Russian Academy of Sciences was carried out within the framework of state assignment No. 125012800908-0 (executed by M.V. Sablin).

riod, as well as with data from synchronous archaeological cultures. They will also contribute to the interpretation of data obtained from paleogenetic and other studies.

Keywords: archaeology, Altai, kurgans, Scytho-Saka period, Pazyryk culture, horses, morphology.

ВВЕДЕНИЕ. ОБЗОР ПРЕДЫДУЩИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Пазырыкская культура – яркое наследие кочевников Внутренней Азии скифо-сакского времени. Ее памятники в основном датируются концом VI – рубежом III и II вв. до н.э. и демонстрируют три этапа развития древней общности (Тишкин, 2007, с. 150–151). Многочисленные курганы, оставленные носителями пазырыкской культуры, известны на Алтае и некоторых сопредельных территориях. Начало их изучения было положено во второй половине XIX в. (Тишкин, Дашковский, 2003, с. 16–18). Свое название культура получила по известному археологическому комплексу Пазырык, обнаруженному в одноименном урочище на территории Восточного Алтая (Руденко, 1953, с. 11–14, рис. 1 и 2). Там исследовались крупные курганы знати, давшие уникальные коллекции из предметов вооружения, одежды, посуды, украшений и др. (Грязнов, 1950; Руденко, 1953; и др.). Одной из характерных черт замерзших погребений являлось наличие сопроводительных захоронений лошадей, которые располагались у северной стенки большой могильной ямы. Этот важный показатель был выявлен при исследовании других курганов пазырыкской культуры (Тишкин, Дашковский, 2003, с. 144–150). Отбор жертвенных животных проводился по полу и индивидуальному возрасту. Отбирались только самцы и преимущественно половозрелые. Число коней в одном кургане, очевидно, регламентировалось и зависело от социального статуса и имущественного положения погребенных людей (Тишкин, Дашковский, 1997, с. 116–117; Тишкин, Дашковский, 2003, с. 148). Больше всего таких животных пока обнаружено в так называемых царских курганах: Большом Катандинском, Шибинском, Пазырыкских, Берельских и др.

Значительный материал из сопроводительных захоронений лошадей привлек внимание исследователей-зоологов. После раскопок Шибинского и Первого Пазырыкского курганов их изучение становится одним из важных компонентов при реконструкции традиций и быта древних кочевников Алтая (Витт, 1937, с. 24–26; Грязнов, 1950, с. 24; Витт, 1952, с. 163–164, 188–189, 194; и др.). В результате последующих многолетних археологических раскопок пазырыкских курганов разного статуса источниковая база значительно увеличилась. Осуществленный анализ найденных остатков животных затронул различные аспекты возрастного и полового состава, морфологической изменчивости, патологических изменений и индивидуальных особенностей экстерьера (Витт, 1952; Цалкин, 1952; Гребнев, Васильев, 1994; Косинцев, Самашев, 2014; и др.). Наиболее актуальной темой для исследователей оставалась реконструкция внешнего вида лошадей, а также отражение в конских захоронениях социальной структуры древнего кочевого общества (Тишкин, Дашковский, 2003, с. 144–150).

Морфологическое изучение коней из Первого Пазырыкского кургана выполнено В.О. Виттом, который отметил наличие двух типов: обычную для северных степей и предгорий мелкую лошадь, не превышавшую 130 см в холке, и крупную лошадь, свыше 146 см в холке (Витт, 1937). На основании этого исследователем высказано предположение, что крупные кони имели иноземное происхождение и попали к пазырыкским вождям как «… добыча, захваченная в войнах с южными соседями и высоко ими ценимая» (Витт, 1937, с. 25). Однако в дальнейшем В.О. Витт подверг пересмотру утверждение о среднеазиатском происхождении верховых коней из Пазырыка. В 1952 г. вышла его работа, посвященная обобщению результатов исследований находок лошадей из высокоранговых и рядовых погребений пазырыкской культуры Алтая. Ему удалось изучить особенности конституции древних лошадей, отметить различный характер использования таких животных и оценить их морфологическое разнообразие. Так, была отмечена неоднородность и разнотипность коней. Преобладающая часть лошадей имела рост в холке порядка 136–140 см, но наряду с ними в захоронениях присутствовали как малорослые лошадки (128–136 см), так и высокие кони, «… достигавшие крупности современной арабской породы, 146–150 см в холке» (Витт, 1952, с. 169). На основании детального анализа скелетов лошадей

исследователь пришел к заключению, что все разнообразие пазырыкских коней является продуктом разведения, и поэтому наиболее крупные особи имели местное происхождение. Кроме этого, им были указаны отличия костяков лошадей с разным типом хозяйственного использования. В.О. Витт (1952, с. 191) сравнил трех упряжных коней погребальной колесницы с верховыми лошадьми того же Пятого Пазырыкского кургана и пришел к выводу, что упряжные животные были меньше верховых и имели более грубую конституцию, свойственную современным аборигенным породам, т.е. короткую шею, укороченные лопатку и таз, спущенный круп. Однако, по мнению ипполога, наблюдаемые им различия не достигали уровня отдельных пород или породных групп, а являлись проявлением изменчивости исходного типа (Витт, 1952, с. 152). В своей работе 1952 г. он написал следующее: «…ряд соображений препятствует нам объявить мелкую приземистую лошадь алтайских курганов в 130–135 см роста местной породой, а крупную лошадь в 145–150 см, тонкокостную и более верхового склада, – породой чужеземной, ввозимой на Алтай, и в связи с этим, по неизбежности, лошадь среднего роста, 136–144 см в холке и менее дифференцированного типа, – продуктом смешения, или скрещивания двух пород. … Средний тип (136–144 см в холке) … был в ту эпоху типом основным для породы лошадей, не только и не столько Пазырыка и Шибе, но и вообще приалтайских степей и предгорий. Из него-то и выделились, в силу присущей виду изменчивости и в силу различных условий существования, типы крайние» (Там же, с. 177). Также исследователем предложена оригинальная методика оценки хронологии Пазырыкских курганов, согласно которой в более ранних курганах должны находиться более крупные кони, а в более поздних – мелкие (Там же, с. 193–194). В.О. Витт исходил из предположения, что в условиях гор домашние лошади имеют тенденцию к общему измельчанию.

Также в 1952 г. вышла обзорная статья В.И. Цалкина «К изучению лошадей из курганов Алтая». В ней рассматривались данные о 23 особях из курганов рядовых кочевников I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. На основании анализа размеров черепов сделано заключение, что изученные особи составляют две группы: среднелобые и узколобые. Большая часть коней принадлежала к группе среднелобых, которые по размерам оказались близки современным аборигенным породам Северной Азии. Их средний рост составил 137,5 см, что сближало таких лошадей со «степными» лошадьми из курганов Пазырыка. Узколобые животные, напротив, отличались как от аборигенных пород, так и от «верховых» коней из пазырыкских захоронений. Их рост варьировал от 141 до 148 см (в среднем 144,5 см), и, следовательно, они несколько уступали «верховым» лошадям Пазырыкских курганов, имевшим высоту в холке 148–150 см, однако были крупнее современных алтайских, монгольских и казахских коней. Размерные различия наблюдались и в длине костей конечностей – пястной и плюсневой: узколобые лошади имели более длинные кости, нежели среднелобые. При этом средние значения относительной ширины диафиза у особей обеих групп совпадали. На исследованных костях животных наблюдались многочисленные патологические изменения. В частности, отмечены деформации копыт и разрастание костной ткани на фалангах, являющиеся следствием интенсивной эксплуатации животных. Учитывая характер патологий, В.И. Цалкин (1952, с. 154) предположил, что в рядовых курганах захоронены наименее ценные особи.

В последующие годы довольно масштабные археологические исследования прошли на юге Алтая, где были исследованы десятки памятников, содержавших захоронения представителей разных социальных слоев пазырыкского общества. Первичное морфологическое описание остеологической коллекции из могильников Ак-Алаха-1, Кутургунтас, Уландрык-I и Уландрык-II выполнено И.Е Гребневым и С.К. Васильевым (1994). Эти материалы впоследствии дополнены коллекцией остатков лошадей из могильников Ак-Алаха-3 и Верх-Кальджин-II (Васильев, 2000). Сравнивая коней из сопроводительных захоронений вышеуказанных могильников с лошадьми из «царских» курганов Пазырыка, авторы отметили их морфологическую идентичность (Гребнев, Васильев, 1994, с. 110), подтверждая таким образом гипотезу В.О. Витта о том, что все животные, найденные в захоронениях носителей пазырыкской культуры, принадлежат к одной породной группе. Вместе с тем, для лошадей из курганов знати – Ак-Алаха-1,

Ак-Алаха-3 и Кутургунтас – оказались характерны несколько более крупные размеры, нежели для коней из погребений в могильниках Уландрык-I и Уландрык-II (Васильев, 2000, с. 241). Наблюдаемые различия средних и крайних значений размеров костей лошадей из разных захоронений, по мнению указанных авторов, отражают социальную дифференциацию погребенных людей.

Морфологическое описание лошадей из курганов могильника Берель в Казахском Алтае отражено в монографии П.А. Косинцева и З.С. Самашева (2014). Полученные результаты свидетельствуют о том, что, несмотря на широкую изменчивость размеров костей, кони этого погребального комплекса представляли собой однородную группу, и только отдельные особи выделялись из общей выборки, не образуя при этом самостоятельной группы (Косинцев, Самашев, 2014, с. 140). По своим характеристикам лошади Береля близки к «степным» лошадям из курганов Пазырыка.

В последние годы коллекция лошадей пазырыкской культуры пополнилась новыми материалами из раскопок на территории Северо-Западного Алтая. Описаны конские скелеты из могильников Ханхаринский Дол, Чинета-II и Инской Дол (Пластеева, Дашковский, Тишкин, 2020). Было показано, что по морфологическим признакам лошади Северо-Западного Алтая близки к лошадям, обнаруженным в других исследованных пазырыкских погребальных комплексах. Вместе с тем, они заметно отличались от коней из памятников предшествующего аржано-майэмирского времени, исследованных в Саянских горах, а также из захоронений булан-кобинской культуры Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского периода (Пластеева, Дашковский, Тишкин, 2020, с. 126). Кроме этого, описан и введен в научный оборот остеологический материал из раскопок на Алтае таких пазырыкских комплексов, как Большой Катандинский курган (Пластеева, Тишкин, Саблин, 2018), курганы Туэкта-1 и Туэкта-2 (Пластеева, Тишкин, Саблин, 2020), объекты Арагола и Катанды-II (Тишкин, Пластеева, Саблин, 2021). Полученные данные существенно дополнили и расширили сведения о пазырыкских лошадях.

Все вышесказанное можно резюмировать следующим образом: в предшествующих работах исследователей неоднократно отмечалась морфологическая неоднородность лошадей из сопроводительных захоронений в пазырыкских курганах, которая проявлялась в одновременном присутствии как мелких и малорослых животных (близких к местным популяциям), так и крупных коней, которые достигали размеров современных пород. Вариации в размерах связывались с различиями в содержании лошадей и кастрацией жеребцов в раннем возрасте, с разным хозяйственным использованием животных (Витт, 1952, с. 177) или спецификой отбора наиболее рослых коней для захоронения в курганах высшей аристократии (Гребнев, Васильев, 1994, с. С. 110–111; Васильев, 2000, с. 241). При этом исследователи-зоологи на основании анализа остеологических коллекций относили всех пазырыкских лошадей к одной породной группе (Витт, 1952, с. 177; Васильев, 2000, с. 241), подчеркивали их морфологическое сходство (Пластеева, Тишкин, Саблин, 2018; Пластеева, Дашковский, Тишкин, 2020) или воздерживались от анализа причин разнотипности курганных коней из-за ограниченности изученного на тот момент материала (Цалкин, 1952, с. 154; Косинцев, Самашев, 2014, с. 141).

Цель данной статьи – обобщить известный и новый остеологический материал, полученный при изучении пазырыкских лошадей, для реконструкции их экстерьера, который отражает тип конституции животного и указывает на направление его хозяйственного использования. Среди основных показателей для описания древних домашних лошадей выделяют рост, т.е. высоту в холке, и тонконогость, указывающую на крепость костяка животного. У древних домашних коней косвенно можно оценить тип использования через сравнение размеров пястной кости, так как преобладающий род движений обуславливает развитие мускулатуры и размеры длины костей. Пястная кость имеет тенденцию удлиняться у скаковых лошадей, а также у меринов в результате ранней кастрации и вследствие селекции (Дюрст, 1936, с. 291). Кроме этого, у быстроаллюрных верховых лошадей более стройные пястные кости, чем у шаговых коней.

Значительная по размерам остеологическая коллекция дает нам возможность оценить размах изменчивости признаков у лошадей из захоронений в курганах, расположенных в разных районах Алтая – Северо-Западном,

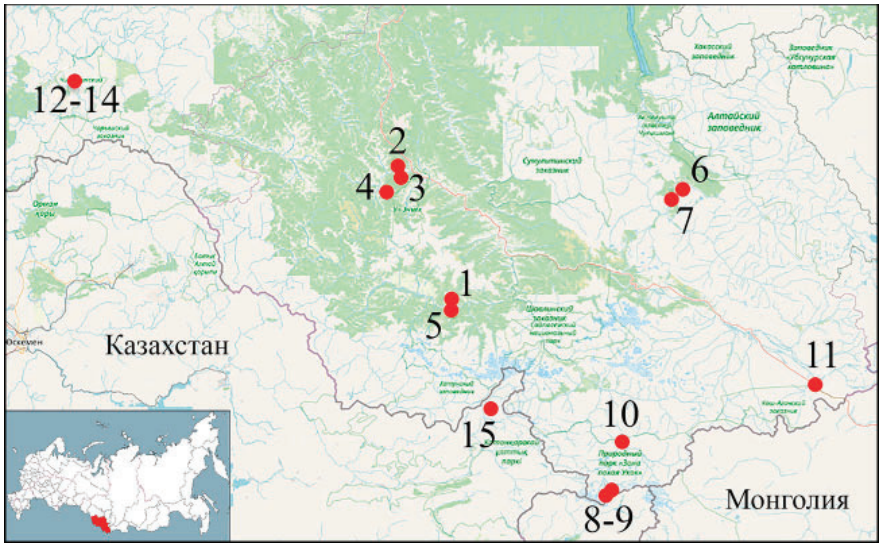

Рис. 1. Карта-схема расположения археологических памятников пазырыкской культуры. Обозначения: *1* – Большой Катандинский курган; *2* – Шибинский курган; *3* – Туэкта-1; *4* – Туэкта-2; *5* – Катанда-II; *6* – Пазырык, курганы №1–5; *7* – Арагол; *8* – Ак-Алаха-1; *9* – Ак-Алаха-3; *10* – Кутургунтас; *11* – Уландрык-I, Уландрык-II; *12* – Ханхаринский Дол; *13* – Чинета-II; *14* – Инской Дол; *15* – Берель

Fig. 1. Map showing the location of archaeological monuments of Pazyryk culture. Designations: 1 – Bolshoy Katandinsky kurgan; 2 – Shibinsky kurgan; 3 – Tuekta-1; 4 – Tuekta-2; 5 – Katanda-II; 6 – Pazyryk, kurgans Nos.1–5; 7 – Aragol; 8 – Ak-Alakha-1; 9 – Ak-Alakha-3; 10 – Kuturguntas; 11 – Ulandryk-I, Ulandryk-II; 12 – Khankharinsky Dol; 13 – Chineta-II; 14 – Inskoy Dol; 15 – Berel

Центральном, Восточном, Юго-Восточном, Южном и Юго-Западном. Помимо отличий в географическом положении, эти курганы содержали разное число сопогребенных животных, что отражает социальное и имущественное положение их умерших владельцев. В курганах представителей родовой верхушки и глав больших патриархальных семей обычно располагалось от одной до трех лошадей, тогда как захоронения представителей «элиты» на вершине социальной структуры пазырыкского общества всегда сопровождали более трех особей. В погребениях рядовых кочевников лошадь часто отсутствовала, либо погребение индивидуума сопровождалось единственной лошадью (Тишкин, Дашковский, 2003, с. 147–148). Исходя из положения, что число коней в захоронениях является маркером социального статуса погребенного, мы попытались понять, проводился ли отбор по размерам животного, когда для захоронений в «царских» и «элитных» курганах отбирались лучшие кони.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ

Использованный в работе остеологический материал происходит из курганов, расположенных в Северо-Западном, Центральном, Восточном, Юго-Восточном, Южном и Юго-Западном Алтае (рис. 1). Все памятники принадлежат к одной археологической культуре – пазырыкской.

Число лошадей в изученных захоронениях значительно варьирует (табл. 1). Для большей части курганов характерно от одной до трех особей, тогда как в сопроводительных захоронениях наиболее крупных объектов их было более десятка.

В работе исследованы полные и неполные скелеты 171 лошади из следующих памятников: 16 особей из Большого Катандинского кургана; семь из курганов Туэкта-1 и Туэкта-2; 11 из Шибинского кургана; семь из курганов №1–5 Пазырыка; восемь из Ак-Алахи-1 и семь из могильника Ак-Алаха-3 (шесть – из сопроводительного захоронения и одна – из сруба); 10 из самого крупного объекта на памятнике Кутургунтас; восемь из Уландрыка-I и семь из Уландрыка-II; 24 из Ханхаринского Дола; пять из Чинеты-II; две из Инского Дола; 55 из комплекса Берель; три из рядовых объектов №1–2 Катанды-II и одна из Арагола. Остеологическая коллекция из курганов урочища Пазырык в настоящей работе рассматривается совокупно: среди многочисленных находок скелетов лошадей удалось идентифицировать и описать кости лишь от пяти коней, четыре из которых не содержали указания на конкретный объект.

Таблица 1. Использованный в работе остеологический материал
Table 1. Osteological materil used in the study

Курганный могильник	Горная провинция Алтая	Количество особей лошадей в кургане
Группа 1		
Большой Катандинский курган	Юго-Западный	22
Шибинский курган	Центральный	14
Пазырык, к. 1–5	Восточный	7–14
Берель, к. 11	Юго-Западный	13
Берель, к. 10	Юго-Западный	10
Кутургунтас	Южный	10
Ак-Алаха-1, к. 1	Южный	9
Туэкта-1	Центральный	8
Туэкта-2	Центральный	8
Берель, к. 16	Юго-Западный	8
Ханхаринский Дол, к. 30	Северо-Западный	7
Ак-Алаха-3, к. 1	Южный	6
Берель, к. 9, 75	Юго-Западный	5
Берель, к. 30	Юго-Западный	4
Группа 2 (одиночные, парные и коллективные погребения)		
Ханхаринский Дол, к. 4–11, 15, 17, 19, 22, 25, 29, 33, 35	Северо-Западный	1–2
Чинета-II, к. 21, 26, 29, 31, 34	Северо-Западный	1–2
Инской Дол, к. 2, 16	Северо-Западный	1
Уландрык-I, к. 9, 11, 12, 14, 15	Юго-Восточный	1–3
Уландрык-II, к. 1, 2, 3, 6, 11	Юго-Восточный	1–3
Арагол к. 5-6	Восточный	2
Катанда-II, к. 1-2	Юго-Западный	2
Берель, к. 8, 18, 31–32, 34, 36, 41–42, 71, 72, 74	Юго-Западный	1–3

Сокращение: к. – курган.

Все памятники разделены на две группы по числу сопогребенных лошадей (табл. 1). Первую группу составили курганы, где обнаружено более трех коней в могиле. Это «царские» и «элитные» захоронения: Большой Катандинский курган, Шибинский курган, курганы №9–11, 16, 30, 75 могильника Берель, курганы №1–5 Пазырыка, Туэкта-1 и Туэкта-2, курган №1 Ак-Алахи-1 и курган №1 могильника Ак-Алаха-3, большой курган комплекса Кутургунтас и курган №30 могильника Ханхаринский Дол. Остальные вошли во вторую группу, которая является наиболее многочисленной и не содержит погребений высокого статуса.

Морфологическое описание скелетов лошадей из курганов Алтая выполнено авторами. Метрические признаки на костях скелета измерялись электронным штангенциркулем с точностью до 0,1 мм по стандартной методике (Eisenmann et al., 1988) с соответствующей нумерацией промеров. Предварительно нами проводилась оценка степени однородности материалов из разных географических районов Алтая. Анализ методом главных компонент по 10 метрическим признакам (№1, 3–6, 10–14) пястных костей не выявил наличия региональных подгрупп среди всех пазырыкских лошадей, поэтому мы рассматривали весь имеющийся материал совокупно. В дальнейшем оценивались три признака – абсолютная длина пястной кости, индекс тонконогости и высота в холке. Реконструкция высоты животных в холке проводилась преимущественно по длине пястной кости. При вычислении этого параметра использовалась методика В.О. Витта (1952) с делением лошадей на категории по их величине, а также учитывался коэффициент Э. Мэя (May, 1985). При обсуждении результатов рассматривались вычисления по В.О. Витту, а значения высоты в холке, полученные с помощью коэффициента Э. Мэя, привлекались для проверки значимости различий между группами. Массивность скелета оценивалась по пропорциям пястной кости. Для этого высчитывался индекс тонконогости, или отношение ширины диафиза пяст-

ной кости к ее наибольшей длине (3/1*100%), с применением соответствующей типологии А.А. Браунера (1916). Достоверность различий в экстерьерных параметрах оценивалась по непараметрическому критерию Манна-Уитни. За величину уровня статистической значимости принимали вероятность 0.05.

В работе использован материал из фондов Зоологического института РАН (г. Санкт-Петербург), Института археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск) и Алтайского государственного университета (г. Барнаул).

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Результаты вычислений основных экстерьерных параметров приведены в таблице 2. Длина пястной кости у пазырыкских лошадей варьирует в широких пределах – от 205 мм до 240,5 мм, при среднем значении 223,3 мм. Абсолютные значения высоты в холке у пазырыкских лошадей определяются в пределах от 125 см до 147 см. По градации О.В. Витта, среди пазырыкских лошадей Алтая численно преобладают кони среднего роста (136–144 см – 62%); доля особей ниже среднего роста (128–136 см в холке) вдвое ниже (31%), а доли остальных категорий – незначительные (табл. 3). Соотношение долей в двух группах курганов несколько различается: мы видим, что в группе 1 доля лошадей среднего роста почти в три раза превышает долю лошадей ниже среднего роста, тогда как в группе 2 доли этих категорий сопоставимы. Кроме этого, в группе 1, т.е. в «царских» и «элитных» захоронениях, доля высокорослых лошадей выше, чем в группе 2.

Исходя из соотношения групп по высоте в холке, можно заключить, что большая часть лошадей из пазырыкских курганов попадает

Таблица 2. Экстерьерные характеристики (длина пястной кости, высота в холке и тонконогость) пазырыкских лошадей (n; M / Min–Max. n – число костей, M – среднее значение признака, Min–Max – минимальное и максимальное значения признака)
Table 2. Morphological characteristics (metacarpal length, withers height and slenderness index) of Pazyryk horses (n; M / Min–Max. n – number of specimens, M – mean value, Min–Max – minimal and maximal values)

Памятник	Длина пястной кости, мм	Высота в холке, см	Индекс тонконогости, %
Группа 1			
Большой Катандинский	16; 225,7 / 209,2–236,7	16; 138 / 128–144	16; 15,1 / 14,1–16,1
Шибинский (Шибе)	–	11; 141 / 134–146*	–
Пазырык-1–5 (промеры авторов)	5; 226,5 / 224,5–230,4	5; 138 / 137–141	5; 15,0 / 14,7–15,3
Пазырык-1–5, Шибе (Витт, 1952)	2; – 205–236	2; – / 125–144	–
Берель, к. 9–11, 30, 75	37; 226,0 / 208,5–237,5	37; 138 / 127–145	37; 15,2 / 13,8–16,1
Кутургунтас	10; 223,1 / 212,3–235,0	10; 136 / 130-143	10; 15,3 / 14,8–15,9
Ак-Алаха-1	8; 222,2 / 212,5–231,7	8; 136 / 130–141	8; 15,1 / 14,4–16,0
Ак-Алаха-3	7; 222,2 / 217,1–226,3	7; 136 / 132–138	7; 14,7 / 14,0–15,3
Туэкта-1	5; 220,2 / 206,1–228,8	5; 134 / 126–140	5; 15,4 / 14,8–16,2
Туэкта-2	2; – / 212,6–220,1	2; – 130–134	2; – / 16,2–16,3
Ханхаринский Дол, к. 30	7; 221,9 / 214,0–230,0	7; 135 / 131–140	7; 15,6 / 14,3–16,4
Среднее для группы	**99; 224,2 / 205–237,5**	**110; 137 / 125–146**	**97; 15,2 / 13,8–16,4**
Группа 2			
Берель, к. 8, 18, 31–32, 34, 36, 41–42, 71, 72, 74	18; 222,8 / 208,5–240,5	18; 136 / 127–147	18; 15,2 / 14,1–16,1
Уландрык-I	8; 218,2 / 210,4–225,8	8; 133 / 128–138	8; 14,9 / 13,7–15,5
Уландрык-II	7; 221,3 / 215,7–234,4	7; 135 / 132–143	7; 14,6 / 13,6–15,4
Ханхаринский Дол, Чинета-II, Инской Дол	24; 222,1 / 211,8–229,5	24; 135 / 129–140	24; 15,0 / 13,9–16,3
Арагол	–	134*	–
Катанда-II	–	3; 134 / 129–138*	–
Среднее для группы	**57; 221,7 / 208,5–240,5**	**61; 135 / 127–147**	**57; 15,0 / 13,6–16,3**

* – высота в холке вычислена по длине большеберцовой кости

в категории среднего и ниже среднего роста. Число наиболее крупных (свыше 144 см в холке) и наиболее мелких (менее 128 см в холке) особей невелико, т.е. самые мелкие и самые крупные экземпляры являются крайними вариантами изменчивости размеров тела среди пазырыкских лошадей.

Показатель массивности пястных костей демонстрирует некоторую изменчивость среди особей из разных курганов (табл. 2). Однако его средние значения близки и колеблются в достаточно узких пределах от 14,6 до 15,6%. Среди изученных лошадей выделяются лишь особи из кургана Туэкта-2, для которых характерны наибольшие значения относительной ширины диафиза (16,2% и 16,3%, соответственно). Но эти значения попадают в верхние пределы вариации пазырыкских лошадей в целом. По типологии А.А. Браунера (1916), среди пазырыкских лошадей Алтая преобладают полутонконогие особи (57%), средненогие особи им существенно уступают, а доля тонконогих особей наименьшая (табл. 4). Различия между двумя группами курганов заключаются лишь в процентном соотношении тонконогих и средненогих лошадей.

По абсолютным и относительным размерам пястной кости не выделяются отдельные размерные группы внутри изученных пазырыкских лошадей. Для примера ниже приведены графики варьирования двух параметров – длины пястной кости и относительной ширины ее диафиза (рис. 2). Рассматриваемые признаки имеют непрерывный ряд значений, в котором не выделяются отдельные совокупности. Эти параметры имеют одновершинное распределение, близкое к нормальному типу: большинство пястных костей имеют размеры, близкие к средним значениям, тогда как крайние значения признаков присущи относительно небольшому числу экземпляров.

В зависимости от характера использования среди лошадей традиционно выделяют верховых и рабочих, которые различаются по экстерьерным признакам, в том числе по длине пястных костей (Книга…, 1952). Однако рассмотренные нами экстерьерные параметры не позволяют выделить какие-либо дискретные морфологические типы среди пазырыкских лошадей. Все изученные скелеты демонстрируют непрерывно изменяющийся ряд морфологических признаков, таких как высота в холке, длина пястной кости и ее массивность. Можно предположить, что наиболее крупные кони отбирались для «собственного седла». Что касается основной массы пазырыкских коней, то анализ размеров пястных костей не дает возможность надежно дифференцировать лошадей по их специализации, например, верховых и упряжных, которых запрягали в колесничную повозку. Таким образом, морфологическая разнородность конского поголовья у пазырыкского населения Алтая отражает изменчивость исходного типа, а наблюдаемые различия не дают осно-

Таблица 3. Категории пазырыкских лошадей по высоте в холке
Table 3. Categories of Pazyryk horses based on their height at the withers

Показатель	Мелкие 120–128 см	Ниже среднего 128–136 см	Средние 136–144 см	Выше среднего 144–152 см
Общее число костей, экз.	2	52	106	11
Доля, %	1	31	62	6
Доля категории в группе 1	2	23	67	8
Доля категории в группе 2	–	44	53	3

Таблица 4. Категории пазырыкских лошадей по показателю тонконогости
Table 4. Categories of Pazyryk horses based on their slenderness index

Показатель	Тонконогие	Полутонконогие	Средненогие
Общее число костей, экз.	22	88	44
Доля, %	14	57	29
Доля категории в группе 1	11	56	33
Доля категории в группе 2	19	60	21

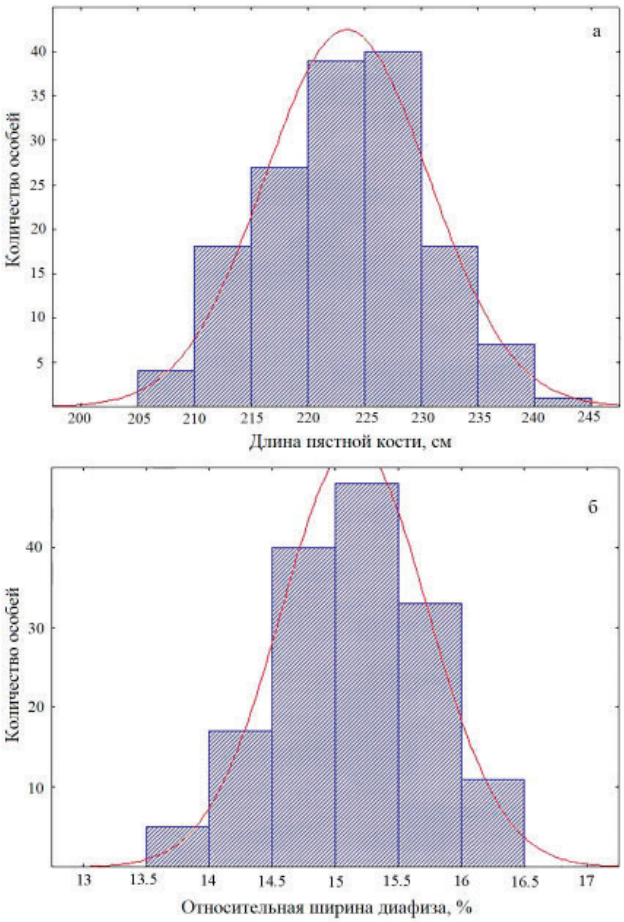

Рис. 2. Распределение значений длины (а) и относительной ширины диафиза (б) пястной кости пазырыкских лошадей

Fig. 2. Histogram for metacarpal length (a) and relative diaphysis width (b) for Pazyryk horses

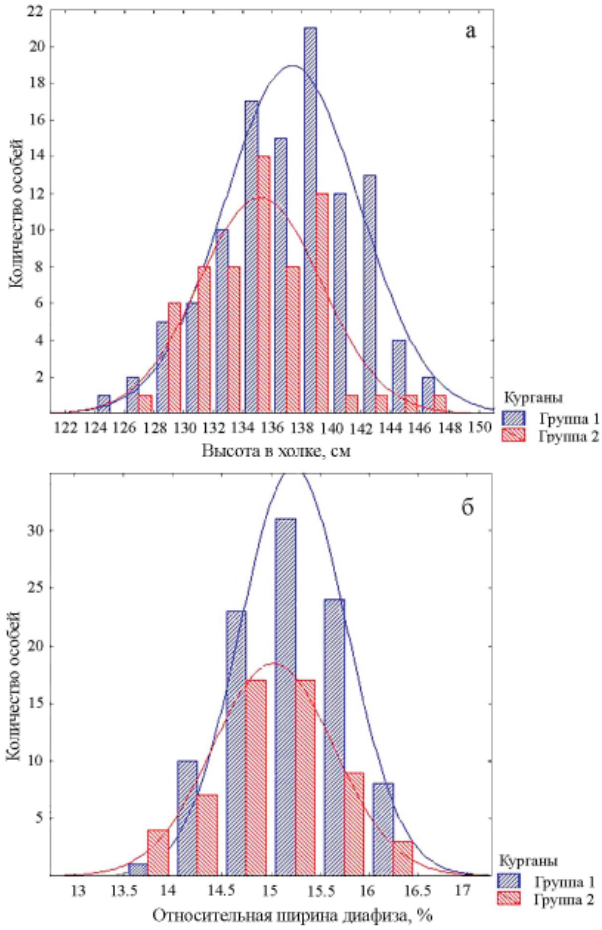

Рис. 3. Распределение значений высоты в холке (а) и тонконогости (б) пазырыкских лошадей в двух группах курганов

Fig. 3. Histogram for withers height (a) and slenderness index (b) for Pazyryk horses from two groups of kurgans

ваний считать, что крупные кони относятся к отдельной породной группе.

Необходимо отметить, что анализируемый остеологический материал происходит из сопроводительных захоронений и отражает не все поголовье лошадей кочевников, а лишь ту его часть, что была использована в погребальном обряде. Принципы отбора животных для него, за исключением возраста и пола, нам не до конца ясны. Для полноты картины должны быть изучены лошади из материалов синхронных поселений.

Наши данные также подтверждают высказанное ранее мнение (Гребнев, Васильев, 1994, с. 109), что лошади из «царских» и «элитных» курганов отличаются более крупными размерами тела, нежели кони из захоронений более низкого статуса. Высота в холке у лошадей из курганов высшей аристократии достоверно выше ($p<0.01$), чем у лошадей из остальных курганов (рис. 3а), т.е. для захоронения в «царских» и «элитных» курганах отбирали более высокорослых особей, хотя это не было общим правилом. Кони от 144 см до 147 см в холке, встречаются преимущественно в курганах группы 1 (Большой Катандинский, Шибинский, Пазырыкская группа, объекты №10 и 11 могильника Берель).

Для остальных курганов Алтая, за исключением Берельских, характерно отсутствие высокорослых особей: среди сохранившихся скелетов лошадей наиболее крупные экземпляры достигают лишь 143 см в холке. Берель отличается от остальных некрополей тем, что особи свыше 144 см в холке встречаются не только в курганах из первой, т.е. высокостатусной группы, но и во второй – например, в курганах №18 и 32. Среди изученного нами материала не встречаются лошади 148–150 см в холке, отмеченные В.О. Виттом (Витт, 1952,

с. 173) в своей работе. Возможно, их отсутствие связано с неполнотой имеющейся в нашем распоряжении коллекции из Пазырыкских курганов.

Значимых различий по признаку тонконогости между лошадьми из двух групп курганов не найдено: все изученные особи демонстрируют однородность по признаку относительной ширины диафиза пястной кости – средние значения признака для двух групп близки – 15,2% и 15% (табл. 2, рис. 3б). Таким образом, кони, отбиравшиеся для захоронения высшей аристократии пазырыкского общества, не отличались по стройности пястных костей от лошадей из остальных погребений. Однотипность пазырыкских коней по показателю тонконогости может свидетельствовать об отсутствии в скифо-сакское время направленного отбора животных по экстерьерным признакам и скаковым качествам. Эти лошади, вероятно, были достаточно универсальны и обладали рядом качеств, позволявших им быть хорошо приспособленными к тем условиям, в которых они обитали (например, к условиям круглогодичного пастбищного содержания в табунах на подножном корме). Как и в случае аборигенных пород, отбор коней в пазырыкское время мог происходить преимущественно по их рабочим и адаптивным качествам. Результаты анализа древней ДНК демонстрируют, что в процессе одомашнивания лошадей селекция проводилась по генам, определяющим поведенческие особенности, процессы локомоции и физиологии (Librado et al., 2016; Librado et al., 2017).

На данный момент нельзя с уверенностью судить о существовании специального отбора по масти среди жертвенных лошадей. В большинстве пазырыкских курганов остатки шкур не сохранились, а определение окраса палеогенетическими методами выполнено лишь для небольшого числа образцов. В обобщающей результаты исследования публикации Первого Пазырыкского кургана М.П. Грязнов (1950, с. 26, 30–32, 34, 39, 89) отмечал, что В.О. Витт определил в основном рыжую масть захороненных коней (8 из 10). Это подтверждает и сам В.О. Витт в своей работе (1952, с. 166, 185), указывая, что в курганах №1 и 5 Пазырыка присутствовали лошади преимущественно рыжей масти разных оттенков без белых отметин на голове и ногах, реже – гнедой масти. Полученные для образцов из кургана №11 могильника Берель данные показали, что среди захороненных лошадей присутствовали особи гнедой, рыжей, вороной, кремовой и чубарой (пегой) масти (Librado et al., 2017, p. 442). Для пазырыкского кургана №14 могильника Бике-III установлено, что захороненный в нем жеребец имел вороной окрас (Куслий и др., 2021, с. 325). Дальнейшее изучение мастей и их разнообразие у древних домашних лошадей позволит более полно охарактеризовать внешний вид изучаемых животных.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей работе впервые обобщен значительный остеологический материал от пазырыкских лошадей из курганов Алтая. Всего изучены скелеты от 171 особи лошадей из сопроводительных захоронений, обнаруженных на 16 памятниках пазырыкской культуры (рис. 1, табл. 1).

Основными экстерьерными типами лошадей Алтая пазырыкского времени были лошади ниже среднего и среднего роста (от 128 до 144 см в холке). Доля высокорослых особей, т.е. более 144 см в холке, в изученном нами материале невелика. Результаты морфометрического сравнения не позволяют отнести этих коней к отдельному типу. Все изученные пазырыкские лошади Алтая представляли собой одну морфологическую группу, внутри которой наблюдается широкая индивидуальная изменчивость животных по размерам тела и их конституции. Причины этих различий могут быть связаны с локальными особенностями ландшафта и обусловленным ими качеством кормов, а также отражать хронологические и географические особенности культурных традиций разных групп населения Алтая. Вместе с тем, нельзя исключать присутствие среди исследованного материала отдельных особей лошадей, которые были приведены из других регионов. Если такие кони были, то лишь у вождей. Их число было невелико, и они не могут быть идентифицированы методами морфометрического анализа.

В сопроводительных захоронениях лошадей социальный статус погребенного человека находит свое отражение как в числе жертвенных животных, так и в их экстерьерных признаках. Лошади из «царских» и «элитных» комплексов самого высокого статуса в среднем отличались большей высотой в холке от лошадей из остальных курганов.

ЛИТЕРАТУРА

Браунер А.А. Материалы к познанию домашних животных России. I. Лошадь курганных погребений Тираспольского уезда Херсонской губернии // Записки Общества сельского хозяйства Южной России. Одесса, 1916. Т. 86, кн. 1. 184 с.

Васильев С.К. Лошади из погребений скифского времени Горного Алтая // Феномен алтайских мумий / Отв. ред. В.И. Молодин, А.П. Деревянко. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2000. С. 237–242.

Витт В.О. Лошадь древнего Востока // Конские породы Средней Азии / под общ. ред. В.О. Витта. М.: Всес. акад. с.-х. наук им. В. И. Ленина, 1937. С. 11–32.

Витт В.О. Лошади Пазырыкских курганов // СА. Т. XVI / Отв. ред. М.И. Артамонов. М.; Л.: АН СССР, 1952. С. 163– 205.

Гребнев И.Е., Васильев С.К. Лошади из памятников пазырыкской культуры Южного Алтая // Полосьмак Н.В. «Стерегущие золото грифы» (ак-алахинские курганы). Новосибирск: Наука, 1994. С. 106–111.

Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. Л.: ГЭ, 1950. 92 с.

Кашкинбаев К. Берелские лошади. Палеопатологический аспект исследования / Материалы и исследования по археологии Казахстана. Т. II. Астана: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2013. 348 с.

Книга о лошади / отв. ред. С.М. Буденный. М.: Сельхозгиз, 1952. 608 с.

Косинцев П.А., Самашев З.С. Берелские лошади. Морфологическое исследование / Материалы и исследования по археологии Казахстана. Т. V. Астана: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2014. 368 с.

Куслий М.А., Тишкин А.А., Воробьева Н.В., Семибратов В.П., Кирюшин К.Ю., Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д., Графодатский А.С. Палеогенетические определения мастей и пола у лошадей из древних памятников Алтая // Древние культуры Монголии, Южной Сибири и Северного Китая: материалы XI Международной науч. конф. / отв. ред. А.В. Поляков, М.Т. Кашуба, А.Д. Цыбиктаров. Абакан: ИИМК РАН, 2021. С. 323–328.

Пластеева Н.А., Дашковский П.К., Тишкин А.А. Морфологическая характеристика лошадей из памятников пазырыкской культуры Северо-Западного Алтая // Теория и практика археологических исследований. 2020. № 4 (32). С. 123–130.

Пластеева Н.А., Тишкин А.А., Саблин М.В. Лошади из Большого Катандинского кургана (Алтай) // Современные решения актуальных проблем Евразийской археологии. Вып. 2 / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Алт. ун-т, 2018. С. 107–109.

Пластеева Н.А., Тишкин А.А., Саблин М.В. Результаты археозоологических исследований лошадей из двух курганов на памятнике пазырыкской культуры Туэкта (по материалам раскопок С.И. Руденко) // Экология древних и средневековых сообществ: Материалы VI Междунар. конф / отв. ред. Н.П. Матвеева, Н.Е. Рябогина. Тюмень: ТюмНЦ СО РАН, 2020. С. 211–214.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.-Л.: Наука, 1953. 555 с.

Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул: Алт. ун-т, 2007. 356 с.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Захоронение человека с конем как отражение некоторых сторон социально-экономической структуры населения Горного Алтая скифской эпохи // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.Б. Шамшин. Барнаул: Алт. ун-т, 1997. С. 114–117.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул: Алт. ун-т, 2003. 430 с.

Тишкин А.А., Пластеева Н.А., Саблин М.В. Остеологические остатки лошадей, обнаруженные на Алтае при раскопках пазырыкских курганов на памятниках Катанда-II и Арагол (по материалам Зоологического института РАН) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXVII / Ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Алт. ун-та, 2021. С. 316–321.

Цалкин В.И. К изучению лошадей из курганов Алтая // Материалы и исследования по археологии Сибири. Т. 1 / МИА. № 24 / под ред. С.В. Киселёва. М.: АН СССР, 1952. С. 147–156.

Eisenmann V., Alberdi M.T., De Giuli C., Staesche U. Studying fossil horses. V. 1. E.J. Brill. Leiden, New York, København, Köln, 1988. 71 p.

Librado P., Fages A., Gaunitz C. et al. The evolutionary origin and genetic makeup of domestic horses // Genetics. 2016. №2 (204). P. 423–434.

Librado P., Gamba C., *Gaunitz C. et al*. Ancient genomic changes associated with domestication of the horses // Science. 2017. № 6336 (356). P. 442–445.

May E. Widerristhöhe und langknochenmasse bei pferden: ein immer noch aktuelles problem // Zeitschrift für Säugetierkunde 1985 V. 50. P. 368–82.

Информация об авторах:

Пластеева Наталья Алексеевна, кандидат биологических наук, Институт экологии растений и животных УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия); natalya-plasteeva@yandex.ru

Косинцев Павел Андреевич, кандидат биологических наук, Институт экологии растений и животных УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия); kpa@ipae.uran.ru

Васильев Сергей Константинович, кандидат биологических наук, Институт археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск, Россия); svasiliev@archaeology.nsc.ru

Дашковский Петр Константинович, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный университет (г. Барнаул, Россия); dashkovskiy@fpn.asu.ru

Саблин Михаил Валерьевич, доктор биологических наук, Зоологический институт РАН (г. Санкт-Петербург, Россия); Mikhail.Sablin@zin.ru

Тишкин Алексей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный университет (г. Барнаул, Россия); tishkin210@mail.ru

REFERENCES

Brauner, A. A. 1916. *Materialy k poznaniyu domashnikh zhivotnykh Rossii. I. Loshad' kurgannykh pogrebeniy Tiraspol'skogo uezda Khersonskoy gubernii (Materials on the Domestic Animals in Russia. I. The Horse of Burial Mounds of the Tiraspol County of the Kherson Province).* Series: Zapiski Obshchestva sel'skogo khozyaystva Yuzhnoy Rossii. T. 86, kn. 1 (Notes of the Society of Agriculture of Southern Russia. Vol. 86, Book 1). Odessa (in Russian).

Vasiliev, S. K. 2000. In Molodin, V. I., Derevyanko, A. P. (eds.). *Fenomen altayskikh mumiy (The phenomenon of Altai mummies).* Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 237–242 (in Russian).

Vitt, V. O. 1937. In Vitt, V. O. (ed.). *Konskie porody Sredney Azii (Horse breeds in Central Asia).* Moscow: All-Union Academy of Agricultural Sciences named after V. I. Lenin, 11–32 (in Russian).

Vitt, V. O. 1952. In Artamonov, M. I. (ed.). *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* XVI. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 163–205 (in Russian).

Grebnev, I. E., Vasil'ev, S. K. 1994. In Polos'mak, N. V. *«Steregushchie zoloto grify» (ak-alakhinskie kurgany ("Vultures Guarding Gold" (Ak-Alakhino Barrows))*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 106–111 (in Russian).

Gryaznov, M. P. 1950. *Pervyy Pazyrykskiy kurgan (The first Pazyryk burial mound).* Leningrad: State Hermitage Museum (in Russian).

Kashkinbaev, K. 2014. *Berelskie loshadi. Paleopatologicheskiy aspekt issledovaniya (Berel Horses. Paleopathologycal dimension research)* Series: Materialy i issledovaniya po arkheologii Kazakhstana (Materials and research on archaeology of Kazakhstan) 2. Almaty: Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan (in Russian).

Budenny, S. M. (ed.). 1952. *Kniga o loshadi (Book on horse).* Moscow: "Selkhozgiz" Publ. (in Russian).

Kosintsev, P. A., Samashev, Z. S. 2014. *Berelskie loshadi. Morfologicheskoe issledovanie (Berel Horses. Morphological research).* Series: Materialy i issledovaniya po arkheologii Kazakhstana (Materials and research on archaeology of Kazakhstan) 5. Almaty: Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan (in Russian).

Kusliy, M. A., Tishkin, A. A., Vorobieva, N. V., Semibratov, V. P., Kiryushin, K. Yu., Kovalev, A. A., Erdenebaatar, D., Grafodatsky, A. S. 2021. In Polyakov, A. V., Kashuba, M. T., Cybiktarov, A. D. (eds.) *Drevnie kul'tury Mongolii, Yuzhnoy Sibiri i Severnogo Kitaya: Materialy XI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (8–11 sentyabrya 2021 goda, g. Abakan (Ancient cultures of Mongolia, Southern Siberia and Northern China).* Abakan: Institute for the History of Material Culture RAS, 323–328 (in Russian).

Plasteeva, N. A., Dashkovskiy, P. K. Tishkin, A. A. 2020. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy (Theory and Practice of Archaeological Research)* 4 (32), 123–130 (in Russian).

Plasteeva, N. A., Tishkin, A. A., Sablin, M. V. 2018. In Tishkin, A. A. (ed.) *Sovremennye resheniya aktualnyh problem evraziiskoi arheologii (Contemporary Solutions to the Current Issues of Eurasian Archaeology)* 2. Barnaul: Altay State University Publ., 107–109 (in Russian).

Plasteeva, N. A., Tishkin, A. A., Sablin, M. V. 2020. In Amtveeva, N. P., Ryabogina, N.E. (eds.). *Ekologiya drevnikh i srednevekovykh soobshchestv (Ecology of ancient and medieval societies).* Tyumen: Tyumen Scientific Centre SB RAS, 211–214 (in Russian).

Rudenko, S. I. 1953. *Kul'tura naseleniia Gornogo Altaya v skifskoe vremia (Culture of the Population of Mountain Altai in the Scythian Time)*. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Tishkin, A. A. 2007. *Sozdanie periodizatsionnykh i kul'turno-khronologicheskikh skhem: istoricheskiy opyt i sovremennaya kontseptsiya izucheniya drevnikh i srednevekovykh narodov Altaya (Establishment of Periodization and Cultural-Chronological Schemes: Historical Experience and the Modern Concept of Studying the Ancient and Medieval Peoples of the Altai)*. Barnaul: Altai State University (in Russian).

Tishkin, A. A., Dashkovskiy, P. K. 1997. In Kiryushin, Yu. F., Shamshin, A. B. (eds.). *Sotsial'no-ekonomicheskie struktury drevnikh obshchestv Zapadnoy Sibiri (Socio-economic structures of ancient societies in Western Siberia).* Barnaul: Barnaul: Altai State University, 114–117 (in Russian).

Tishkin, A. A., Dashkovskiy, P. K. 2003. *Sotsial'naya struktura i sistema mirovozzreniy naseleniya Altaya skifskoy epokhi (Social structure and system of beliefs of the Altai population in the Scythian)*. Barnaul: Altai University, 2003. 430 p.

Tishkin, A. A., Plasteeva, N. A., Sablin, M. V. 2021. In Tishkin, A. A. (ed.). *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediia Altaiskogo kraia (Preservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai)* 27. Barnaul: Altai State University, 316–321 (in Russian).

Tsalkin, V. I. 1952. In Kiselev, S. V. (ed.). *Materialy i issledovaniya po arkheologii Sibiri (Materials and studies on the archaeology of Siberia).* Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 24. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 147–156 (in Russian).

Eisenmann, V., Alberdi, M.T., De Giuli, C., Staesche, U. 1988. Studying fossil horses. V. 1. Leiden, New York, København, Köln.

Librado, P., Fages, A., Gaunitz, C. et al. 2016. In Genetics. 2 (204), 423–434 (in English).

Librado, P., Gamba, C., Gaunitz, C. et al. 2017. In *Science*. 6336 (356), 442–445 (in English).

May, E. 1985. In *Zeitschrift für Säugetierkunde*. (50), 368–382 (in German)..

About the Authors:

Plasteeva Natalia A., Candidate Biological Sciences, Researcher. Institute of Plant and Animal Ecology Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. March 8 Str., 202, Ekaterinburg, 620144; Russian Federation; natalya-plasteeva@yandex.ru

Kosintsev Pavel A., Candidate Biological Sciences, Researcher, Institute of Plant and Animal Ecology Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. March 8 Str., 202, Ekaterinburg, 620144, Russian Federation; kpa@ipae.uran.ru

Vasiliev Sergei K., Candidate Biological Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS Acad. Lavretiev Avenue, 17, Novosibirsk, 630090, Russian Federation svasiliev@archaeology.nsc.ru

Dashkovskiy Petr K., Doctor of Historical Sciences, Professor. Altai State University. Lenin Avenue, 61, Barnaul, 656049, Russian Federation; dashkovskiy@fpn.asu.ru

Sablin Mikhail V., Doctor of Biological Sciences, Zoological Institute of Russian Academy of Sciences. Universitetskaya emb., 1, Saint Petersburg, 1911186, Russian Federation; Mikhail.Sablin@zin.ru

Tishkin Alexey A. Doctor of Historical Sciences, Professor. Altai State University. Altai State University. Lenin Avenue, 61, Barnaul, 656049, Russian Federation; tishkin210@mail.ru

Статья поступила в журнал 12.07.2025 г.
Статья принята к публикации 29.09.2025 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.5.152.163

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ЗНАКИ НА ПЛИНФАХ РАННЕВИЗАНТИЙСКОГО ХРАМА НА ГОРОДИЩЕ ГИЕНОС

©2025 г. И.В. Скакова

В данной статье рассмотрены некоторые итоги изучения строительной керамики раннехристианского храма византийской эпохи, находящегося на городище Гиенос (Республика Абхазия, г. Очамчира). С 2019 г. совместная Очамчирская российско-абхазская археологическая экспедиция проводит раскопки этого античного, а позднее византийского, памятника. Экспедиция продолжила исследования открытого еще в середине 1970-х гг. ранневизантийского однонефного храма. Вся найденная за все время раскопок плинфа впервые за историю изучения памятника тщательно исследуется. На основе изучения размеров плинф, а также их аналогий в других храмах Абхазии и Закавказья было выделено 11 размерных классов. На ряде плинф найдены различные знаки, которые также внимательно изучаются. Выборка знаков в данной статье включает в себя знаки и символы, найденные в единичном количестве (61 шт.). Все знаки классифицированы, фрагментарные символы по возможности восстановлены. По каждому знаку представлена подробная информация, включающая его расположение и место нахождения самой плинфы. Знаки делятся на ряд групп, внутри которых выделено несколько условно названных подгрупп. Проведены аналогии со знаками, найденными в других ранневизантийских храмах Кавказа, крымскими черепицами, а также с метками мастеров в армянских средневековых каменных храмах, граффити на херсонесской средневековой керамике и традиционными абхазскими тамгами. На основе этих аналогий сделаны предположения о смысловой нагрузке некоторых знаков.

Ключевые слова: археология, Абхазия, Гиенос, ранневизантийский храм, строительная керамика, индивидуальные знаки на плинфе.

INDIVIDUAL SIGNS ON BRICKS FROM AN EARLY BYZANTINE TEMPLE IN GIENOS

I.V. Skakova

The paper discusses a summary of the results of studying building ceramics from an early Christian temple of the Byzantine era, located at Gienos fortified settlement (Republic of Abkhazia, Ochamchira). The Ochamchira Joint Russian-Abkhaz Archaeological Expedition has excavated the ancient, and later Byzantine settlement since 2019. The expedition continued the study of an early Byzantine single-nave temple discovered as early as in the mid-1970s. For the first time in the study period, all bricks discovered throughout the excavation were carefully examined. Eleven size classes were identified based on a size study of the bricks, as well as their analogies in other temples of Abkhazia and Transcaucasia. Various signs were found on a number of bricks, which were also carefully studied. The series of signs described in this paper includes single signs and symbols (61 pcs.). All signs were classified and fragmentary symbols were restored where possible. Detailed information is provided for each sign, including its position and location of the brick itself. The signs were divided into a number of groups, in which several conventionally named types were distinguished. The symbols were compared with signs found in other early Byzantine churches of Caucasus, Crimean tiles, as well as the marks of masters in Armenian medieval stone churches, graffiti on medieval Chersoneses ceramics and traditional Abkhaz tamgas. Based on these analogies, assumptions were made about the meaning of certain signs.

Keywords: archaeology, Abkhazia, early Byzantine temple, Gienos, building ceramics, individual signs on bricks.

Гиенос – античный город, а позднее византийское поселение, которое располагается на северо-западной окраине современного г. Очамчира в Республике Абхазия, в 5 км от центра города. К настоящему времени от городища остался лишь один восточный холм, на котором находится ранневизантийский храм (рис. 1), датируемый второй половиной V – началом VI вв. н. э. и существовавший до VII в. н. э. (Кобахия и др., 1987б). В 1980-х гг. экспедиция Абхазского института языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа под руководством С.М. Шамба проводила раскопки на территории храма, однако рабо-

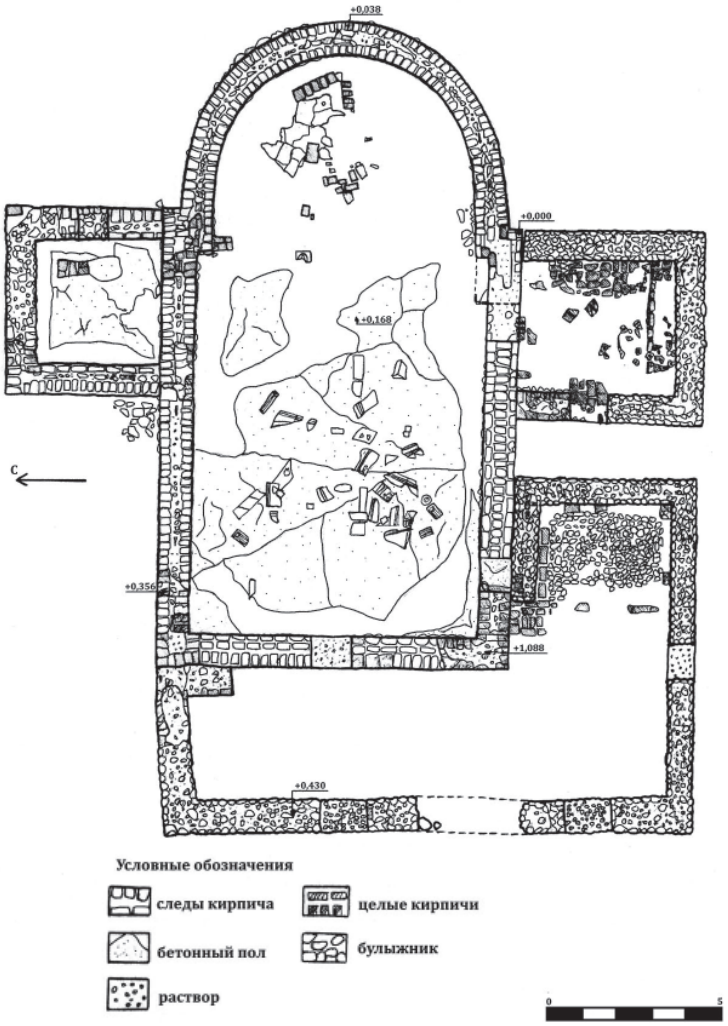

Рис. 1. План храма на городище Гиенос (по отчету С.М. Шамба: см. Кобахия и др., 1987а)
Fig. 1. Plan of a temple at Gienos fortified settlement (according to the report by S.M. Shamba: Kobachiya et al., 1987a)

ты не были доведены до конца (Шамба, 1988; Хрушкова, 1985, с. 70–71). Начиная с 2019 г. А.Ю. Скаков и А.И. Джопуа возобновили раскопки на территории городища в рамках совместной Очамчирской российско-абхазской археологической экспедиции.

В процессе археологических работ было заложено два раскопа к западу и востоку от храма. Восточный раскоп расположен у апсиды храма и состоит из двух шурфов 4×4 м. Верхние его слои включают в себя материал из отвала раскопок С.М. Шамба, слои разрушения храма, ниже идет античный слой, пока не докопанный до конца. Западный раскоп включает в себя 10 квадратов размером 4×4 м, занимает южную часть частично раскопанного предыдущей экспедицией нартекса и территорию западнее храма, предположительно являющуюся двором храма.

При сооружении храма основным строительным материалом была плинфа – тонкий римский кирпич, несколько тысяч экземпляров которого было найдено в процессе раскопок. Из плинфы были сооружены стены, а также арочные перекрытия, и ей же был вымощен пол. Предыдущие исследователи памятника фактически не изучали этот строительный материал, в своих публикациях ограничиваясь общими словами (Khroushkova, 2006, p. 71). Нами впервые за всю историю изучения раннехристианских построек на Кавказе было начато всестороннее исследование этого основного строительного материала: все плинфы, найденные во время раскопок, тщательно измеряются, описываются и фиксируются. Проанализированный и статистически обработанный материал регулярно публикуется (Скакова и др., 2021; 2022;

Скакова и др., 2024). В процессе подробного изучения знаков на плинфах появляются новые интерпретации.

Одной из интересных особенностей памятника является большое разнообразие типов плинфы как по составу теста, так и по размерному ряду. Другие исследователи трактуют этот факт как следствие многократного переиспользования материалов из разрушенных построек (Ёлшин, 2021, с. 303). В Гиеносе также зафиксированы вторично использованные плинфы, часть их найдена в кладке апсиды храма, причем на многих вторично использованных плинфах найдены знаки. Техника нескольких форматов плинфы встречается во многих храмах Абхазии и Армении IX–X вв. (Виноградов, Белецкий, 2015, с. 262; Ёлшин, 2021, с. 324, 354, 350, 355). Однако следует отметить, что количество типов плинф в Гиеносе значительно превосходит все имеющиеся примеры из других храмов Абхазии.

Все фрагменты и целые экземпляры плинфъ с самого начала раскопок тщательно замерялись, на основе этих данных составлялись графики (Скаков и др., 2020, с. 48; Скакова и др., 2021, с. 12). Однако в процессе дальнейшего более подробного изучения размеров плинф был сделан вывод, что их толщина не имеет большого значения, гораздо важнее показатели ширины и длины, на основе которых можно попытаться восстановить размерные классы плинф. За все время раскопок было найдено 32 экз. ~~шт.~~ целых плинф, 4 экз. ~~шт.~~ имеют только ширину и длину (найденные в кладке), 10 экз. ~~шт.~~ – только толщину и длину, а у 325 экз. ~~шт. имеют~~ есть и толщина, и ширина. Диапазон ширины плинфы на городище варьируется от 8,0 до 26,6 см, а длины – от 27,3 до 39,0 см. Наиболее распространенная ширина плинф: 15,3–16,5 и 22,3–24 см. Среди показателей длины плинфы можно выделить 32,6, 34,5, 37,8–38,2 см.

После подробного анализа всех размеров плинф и их соотношений, была составлена таблица размерных классов плинф (табл. 1), включающая 11 вариантов размеров. Размерные классы были расположены нами в порядке возрастания размеров плинф. У класса 9 наблюдается достаточно большой разнос в ширине (19,8–26,2 см), однако хорошо совпадают длина и даже толщина. Возможно, на самом деле сюда относятся два класса, что станет ясно после дальнейшего исследования материала. В остальных классах колебания ширины и длины не превышают 1–2 см. Что касается 1 и 2 размерных классов, то длина в них предположена, исходя из соотношения наиболее распространенных размеров, а также аналогий в других храмах. Соответственно, можно установить, что в Гиеносе использовались маленькие прямоугольные «полуформатные» плинфы (1* класс), подквадратные (классы 2* и 4), небольшие прямоугольные (класс 3), удлиненные прямоугольные (класс 5) и прямоугольные, ширина которых колеблется в районе 24 см, а длина увеличивается от 32 до 39 см (классы 6–11).

Таблица. 1. Размерные классы плинф в Гиеносе
Table 1. Size classes of bricks in Gienos

Класс	Толщина, см	Ширина, см	Длина, см
1*	3,9–5,0	8,0–9,4	20,0–23,0 (?)
2*	4,2	21,2–22,2	21,2–22,2 (?)
3	3,5–5,3	20,3–22,9	28,0–29,6
4	4,1–4,6	26,6	27,3
5	3,5–4,2	15,5–16,7	32,6–33,0
6	4,0–6,2	23,0–24,7	30,8–32,6
7	4,1–5,0	23,3–24,0	34,0–34,5
8	4,3–5,4	23,5–24,8	34,9–35,7
9+	4,0–4,5	19,8–26,2	34,6–35,2
10	4,0–6,3	22,3–24,0	37,0–37,8
11	4,4–6,0	23,0–24,4	38,0–39,0

** длина дана предположительно по аналогиям*
*** длина дана предположительно по ширине*

Отметим также, что плинфы 10-го и 3-го размерного класса найдены в кладке северной стены наоса храма, 11-го класса – у стен северной пристройки, 5-го класса – в кладке апсиды. В кладке южной пристройки находятся плинфы 7-го и предположительно 9-го класса. В юго-западном проеме наоса в слое пола преобладают плинфы 7-го класса. Остальные размерные классы в кладке найдены не были.

Почти идентичные аналогии в других ранневизантийских храмах можно найти подквадратным плинфам 2-го и 4-го размерных классов. Такие кирпичи находятся в храмах в Вачнадзиани, Бодбе, Касагине, Хеити, Аракелоцванке и Васизубани, а также на территории Абхазии: в Пицундском соборе и Мюссере (Ёлшин, 2015, с. 337; 2021, с. 368, 372, 377, 378–381). Плинфы, похожие на небольшие прямоугольные 3-го класса, найдены снова в Васизубани, Варагванке, Цпативанке и в северном нефе в Мюссере. В Вачнадзиани в арках и сводах нефов видим аналогии 8-му классу, в Лыхны

– 6-му классу (Ёлшин, 2015, с. 337; 2021, с. 361, 374, 375, 378–380). Аналогия удлиненным прямоугольным плинфам 5-го класса найдена в Шоане, и более отдаленная – в Дранде и Пицундской двойной церкви, а также предположительно в храме св. Феодора в Анакопии (Хрушкова, 2020, с. 55; Ёлшин, 2021, с. 362, 365, 379–380). Гораздо сложнее обстоит дело с плинфами 10-го и особенно 11-го класса, длина которых составляет 37–39 см. Близкая аналогия найдена только на Мангупском городище (Моисеев, 2013, с. 187). Прямоугольные «полуформатные» плинфы 1-го класса находят аналогии в Варагванке, Амаглебе близ Озаани, Гандзаке в Сурб Аствацацине, Сурб Товмасе, Апаранке в Сурб Хаче и в храме монастыря Цаятиванк (Ёлшин, 2021, с. 368, 374, 378, 380–381; Виноградов, 2023, с. 401).

На многие плинфы нанесены знаки, символы и отпечатки, всего их на настоящий момент найдено около тысячи. В данной статье мы рассмотрим только ту часть из них, которая найдена на городище в единичном количестве, и если некоторые знаки имеют сходство между собой, то не стопроцентное. Индивидуальные знаки (табл. 2) можно разделить на две большие группы: нанесенные пальцем и прочерченные. Знаки пальцем тематически делятся на ряд подгрупп: крестовидные, ε- и Т-образные знаки и полосы с завитками. К прочерченным знакам можно отнести большее количество подгрупп: V-образные, V- и Х-образные знаки с верхними завитками, угловидные, крестовидные, стреловидные, ω-образные из двойных линий, ϕ- и Г-образные знаки, символы, похожие на ушки, и ряд прочерченных знаков на верхних постелях, в основном пока не интерпретированных. Найденные на других памятниках аналогии этим знакам относятся к разному времени, например, знаки из Крыма более поздние, из Северной Бактрии – гораздо раньше.

Крестовидные знаки пальцем включают в себя два креста из двойных полос (табл. 2, № 1, 2), крест с дополнительной перекладиной (табл. 2, № 3), и, возможно, к этой же группе можно отнести косой крест с гастой влево (табл. 2, № 4). Эта подгруппа хорошо соотносится с прочерченными крестовидными знаками: крестами из двойных линий (табл. 2, № 30, 31) и с дополнительными линиями (табл. 2, № 32–34). Обе плинфы с крестами из двойных полос пальцем 5-го размерного класса, знаки занимают всю поверхность верхней постели. Плинфы со знаками № 4 и № 32 – 3-го класса, знаки на них соответственно имеют размеры 9×19 см и 10,7×8,9 см, т. е. занимают примерно третью часть плинфы. У плинф со знаками № 3, 33 и 34 невозможно установить размерный класс, а последний символ сильно фрагментирован; сохранившиеся части знаков имеют также размеры не более 10 см. Обе плинфы с крестами из двойных параллельных прочерченных линий 7-го размерного класса, найдены в слое пола в юго-западном проеме наоса, кресты прочерчены по всей поверхности верхних постелей, как и знаки № 1 и 2. Похожие кресты из прямых двойных полос можно увидеть среди меток на керамидах из Суаткана и на кирпичах из Кечававанка (Моисеев, 2017, с. 150, 153, 156, рис. *2, 3*; Ёлшин, 2021, с. 350, рис. 83).

К ε-образным знакам (табл. 2, № 5, 6) относятся два фрагментированных символа на верхних постелях, которые удалось восстановить благодаря найденным аналогиям. Также к ним близок ε-образный знак из трех стыкующихся линий, две из которых расположены под углом 90° (табл. 2, № 7). Такое изображение очень необычно, и аналогий ему не найдено, плинфа относится к 5-му размерному классу. Все три знака фрагментированы, особенно № 5 и 6, однако, судя по размерам сохранившихся частей, они должны были занимать как минимум половину верхней постели плинфы. Нужно отметить, что ε-образные знаки очень распространены на плинфах из храма в с. Веселое (Армарчук и др., 2012, с. 85, 86, рис. 5, *1–6, 8, 9*). Похожий знак можно встретить на керамидах гончарного центра Суаткан (Моисеев, 2017, с. 49, 157, рис. 61: *6*). Буква «ε» распространена на метках на херсонесских черепицах (Якобсон, 1950, с. 120, рис. 85: *118,* 119, 130, табл. 8: *104–120*). Достаточно отдаленная аналогия найдена на сырцовых кирпичах в Северной Бактрии в кушанский период, там часто встречается клеймо в виде буквы «ε» (Пугаченкова, 1966, с. 78, 130), а также на плинфах из Чернигова IX – начала XII вв. (Игнатенко, 2003, с. 34–50).

Т-образных знаков (табл. 2, № 8, 9) найдено два, оба находятся на боковых поверхностях, поэтому размеры у них небольшие. Последняя подгруппа знаков пальцем включает в себя три полосы с завитком (табл. 2, № 10–12), две из

которых расположены на боковых поверхностях, а одна на верхней постели плинфы 7-го размерного класса. Размеры знаков на боковых поверхностях № 10 и 11 не более 3 см; знак № 12, расположенный на верхней постели, гораздо крупнее (7,0×4,8 см). Аналогии и тем, и другим знакам найти пока не удалось.

Рассмотрим теперь прочерченные единичные символы. Подгруппа V-образных знаков (табл. 2, № 13–19) достаточно большая, четыре знака находятся на верхних постелях плинф, два на боковых поверхностях и один на нижней постели. Все символы «V» небольшие, не превышают по размерам 3 см (за исключением знака № 15), знаки № 16 и 17 на боковых поверхностях еще меньше – 0,8×1,5–1,6 см. Знак «V» на нижней постели дополнен полосой слева, скорее всего, это латинская цифра «VI». Верхняя постель плинфы покрыта цементом, возможно, она находилась в слое пола храма, соответственно, лежала знаком вниз. Плинфа со знаком «VI» относится к 4-му размерному классу. Некоторое сходство с V-образными знаками можно увидеть на керамидах Эски-Кермена и Суаткана (Якобсон, 1950, с. 133, табл. 10: *153–155*; Завадская, 2015, с. 232, рис. 3: *5*; Моисеев, 2017, с. 49, 157, рис. 61: *2–4*) и среди меток мастеров-каменщиков из церкви в Баганисе (Казарян, 2012, с. 15). Необычен V-образный знак с полосой слева, дорисованный справа деревом, и с еще одним изображением дерева ниже. Он сильно крупнее остальных V-образных знаков. Аналогии подобным древообразным изображениям в большом количестве встречаются на херсонесской средневековой керамике (Романчук, 1983, с. 80, рис. 4: *46а–д*).

Подгруппа V- и X-образных знаков с верхними завитками на боковых поверхностях (табл. 2, № 20–25) и на верхней постели (табл. 2: № 26), скорее всего, соотносится с предыдущей. Один V-образный знак сохранился полностью, второй частично фрагментирован и сильно напоминает первый. Высота знаков соответствует толщине плинфы (3,0–4,2 см), в длину сохранившийся символ № 20 имеет 8,2 см. V-образные знаки с верхними завитками можно интерпретировать как рога кавказского тура. X-образные знаки с верхними завитками сильно напоминают V-образные, высота их также соответствует толщине плинфы, а ширина от 4,5 до 7,5 см. Эти знаки имеют сходство с крестами с насечками, похожие кресты встречаются на керамидах Эски-Кермена и на плинфах Мангупского городища (Якобсон, 1950, с. 135, табл. 11: *165–174*, 136, табл. 12: *201*; Моисеев, 2013, с. 182, 184; Завадская, 2015, с. 232, рис. 3: *18*). Мастера-каменщики часто оставляли на камнях кресты с засечками, например в храме в Арцвабере (Казарян, 2012, с. 13). В то же время такие знаки можно соотнести с граффити на херсонесских амфорах (Якобсон, 1950, с. 117, рис. 81: *43*; Романчук, 1983, с. 81, рис. 5, № *22г, ж, р*), а также с тамгами родов Кчач и Фирсоу (Хотелашвили-Инал-Ипа, 2019, с. 407, 408, 412, № 165, 413, № 235). В уже упоминавшейся Северной Бактрии среди клейм встречаются похожие X-образные символы (Пугаченкова, 1966, с. 78, 130).

К следующей подгруппе относятся угловидные знаки (табл. 2, № 27–29) на верхних постелях плинф. Все знаки, кроме № 27, фрагментированы, высота их составляет около 3 см, а длина не более 9 см. Похожие угловидные знаки встречаются среди меток мастеров-каменщиков и на керамидах Эски-Кермена (Казарян, 2012, с. 13, 15; Завадская, 2015, с. 232, рис. 3: *16, 17*).

Отдельную подгруппу составляют изображения стрел: лук со стрелой (табл. 2, № 35), четыре стрелы (табл. 2, № 36–39) и стреловидные знаки (табл. 2, № 40), в основном находящиеся на верхних постелях. Размеры знаков очень небольшие. Знаки, похожие на стрелы, оставляли мастера-каменщики Армении (Казарян, 2012, с. 13–16). На херсонесских средневековых амфорах встречаются граффити, напоминающие стрелы (Якобсон, 1950, с. 117, рис. 81: *7, 39*). Схожее по технике изображение стрелы найдено на камне из крепости в Лазике (Chitaia et al., 2020, p. 175, fig. 4.2). Интересно, что очень похожие символы, особенно на знак № 40, распространены на кирпичах Семикаракорской крепости (Флёров, Флёрова, 2015, с. 97, 98, рис. 3: *1–9*). Возможно, некую связь со стрелами имеет прочерченная полоса в виде гарпуна (табл. 2, № 41) на верхней постели. Знак № 42 представляет собой небольшое изображение из комбинаций линий, напоминающее рисунок. Отдаленной аналогией могут являться метки армянских мастеров-каменщиков в виде символов из сложных комбинаций линий (Казарян, 2012, с. 13–16).

На боковых поверхностях четырех плинф и на верхней постели пятой изображены

ω-образные знаки (табл. 2, № 43–47), прочерченные двойным острым предметом, возможно сдвоенной деревянной палочкой. Знак № 43 сохранился полностью, у № 44 осталась только нижняя часть, у № 46 и 47 не прочерчена центральная гаста. Знак № 45 находился, скорее всего, на углу боковой поверхности и представляет собой часть ω-образного знака с острыми углами. Все знаки на боковых поверхностях в высоту соответствуют толщине плинф, длина их от 6 до 10 см; знак № 47 на верхней постели еще меньше. Аналогий этим знакам по технике нанесения не найдено, но на херсонесских амфорах найдены граффити в виде буквы «ω» (Якобсон, 1950, с. 117, рис. 81: *73*; Романчук, 1983, с. 78, рис. 2: *5е*), тамга рода Пшьалиаа тоже отдаленно похожа на этот знак (Хотелашвили-Инал-Ипа, 2019, с. 407, 413, № 220).

Знаки № 48 и 49 представляют собой буквы «ф». Одна прочерчена острым предметом, а другая нанесена точечными вдавливаниями круглым, скорее всего деревянным, предметом. Знак частично фрагментирован, однако легко восстанавливается и представляет собой букву «ф» с нижней горизонтальной гастой влево. Оба знака имеют достаточно небольшие размеры. Не исключено, что подобные обозначения представляли собой количество в 500 шт. Такие буквы можно найти на херсонесских амфорах (Романчук, 1983, с. 81, рис. 5: *21а, б*).

Знаки № 50–53 на верхних постелях найдены в единичном количестве, их точное назначение пока не выяснено, все они имеют размеры меньше 10 см. Дугообразной полосе с точкой внизу найдена аналогия среди меток мастеров-каменщиков в ~~на~~ кладке ~~в~~ церкви в Карашамбе, только вместо точки там звездочка, в Ванкасаре видим отдаленно похожий Т-образный символ (Казарян, 2012, с. 16). На боковых поверхностях двух плинф нанесены Г-образные знаки (табл. 2, № 57, 58), однако размеры у них абсолютно разные: второй очень небольшой, первый в высоту 9 см. Похожие знаки найдены на черепицах Эски-Кермена и строительной керамике в Суаткане (Якобсон, 1950, с. 133, табл. 10: *146, 147*; Моисеев, 2017, с. 146, рис. 50, *7*). Три знака из двух глубоких борозд, расположенных под углом, напоминающих ушки (табл. 2, № 54–56), очень похожи друг на друга и почти идентичны по размеру: в ширину 3 см, а в высоту около 2 см, однако аналогий им пока не найдено. Плинфа со знаком № 54 относится к 3 размерному классу.

Суммируя полученную информацию, можно сказать, что по размерным классам плинф больше всего аналогий найдено в Грузии ~~Армении~~, в частности в Вачнадзиани, Васизубани и Варагванке. В Абхазии наиболее близкие аналогии можно увидеть в Пицундском храме. У единичных знаков на плинфах тоже есть сходство с символами на плинфах Армении и Грузии и в ранневизантийском храме в с. Веселое. Однако больше общего у знаков на плинфах Гиеноса найдено среди меток на керамидах и черепицах из Эски-Кермена и гончарного центра Суаткан. Также у части знаков наблюдается сходство с граффити на средневековой керамике из Херсонеса. В то же время единичные знаки можно соотнести с метками мастеров-каменщиков из Армении и с традиционными абхазскими тамгами. Из отдаленных аналогий нужно упомянуть Бактрию, Семикарапатскую крепость и плинфу из Чернигова. Интересно полное отсутствие аналогий с владельческими знаками.

Опираясь на найденные сходства, на данный момент можно предложить три подхода к интерпретации индивидуальных знаков на плинфах. Эти подходы не являются взаимоисключающими, и предположения, сделанные в соответствии с ними, могут накладываться друг на друга. Основаниями для такого утверждения служат: а) характеристики носителей (глиняные однотипные предметы массового изготовления), б) место производства (Кавказский регион) и в) место применения (строительство раннехристианского храма). Соответственно, можно предположить, что знаки на верхней постели были в основном оставлены строителями храма (табл. 2, № 1–7, № 13–19 и № 27–34) и представляют собой как обозначения мастера или группы мастеров, так и простые наборы линий, сделанные для развлечения. Такие знаки не могли быть видны после завершения строительства, а многие плинфы в слое пола даже лежали рисунком вниз. Здесь явная параллель с метками мастеров-каменщиков на храмах в Армении (Казарян, 2012, с. 8). Знаки на боковых поверхностях в основном могут являться тамгообразными символами местного населения (табл. 2, № 20–25, № 43–49) и обозначать принадлежность мастера к определенному роду. Некоторые знаки четко соотносятся с

размерными классами плинф. Это тоже говорит в пользу теории о знаках мастеров. В строительстве храма могло участвовать несколько семей или родственных групп, каждая из которых имела какой-то свой родовой знак, наносившийся на плинфу для отличия.

Учитывая то, что раскопки еще не закончены и остается большой объем неучтенного материала, данные выводы пока являются предварительными и будут дополняться в процессе изучения новых находок.

Таблица. 2. Единичные знаки на плинфах
Table 2. Single signs on the bricks

№	Знак	Описание	Расположение	Р. кл.	Размер сохранившейся части знака (ш.×в. см)	Место нахождения		
						Р.	Кв.	Сл.
а) пальцем								
1		крест из двойных изогнутых полос	в. п.	5	12,5×9,2	ВР	1	9
2		крест из двойной и тройной полос		5	10×10,5	НР	Прирезка	Отвал
3		крест с дополнительной перекладиной		–	8,5×5,5		6	0
4		косой крест с гастой влево		3	9×19		Прирезка	Отвал
5		ε-образный знак		–	9,5×4	ВР	2	11
6		〃		–	4,5×8,5	НР	5	1
7		ε-образный (?) знак из 3 стыкующихся линий, 2 под углом 90°		5	6,5×14,3		Отвал	0
8		Т-образный знак	б. п.	–	6,3×3,9	ВР	1	9
9		〃		–	3,2×2,7	НР	Прирезка	Отвал
10		полоса с завитком		–	3,5×2,7	ВР	2	10
11		〃		–	2,8×1,5	ЗР	3	1
12		〃	в. п.	7	7×4,8		8	0
б) прочерченные								
13		V-образный знак	в. п.	–	1,5×3	ВР	2	10
14		〃		–	1,7×2,7			7
15		〃		–	3×3,8	НР	5	3
16		〃	б. п.	–	0,8×1,9			1
17		〃		–	0,8×1,6	ВР	1	9

18		V-образный знак и вертикальная линия	н. п.	4	2,5×2,3	НС	–	0
19		вертикальная линия, V-образный знак и дерево	в. п.	–	7,9×6,4	ВР	1	9
20		V-образный знак с верхними завитками	б. п.	–	8,2×4,2			
21		〃		–	5,4×3	НР	6	1
22		X-образный знак с верхними завитками		–	4,5×3,3	ВР	1	8
23		〃		–	6,5×4,3	НР	Прирезка	Отвал
24		〃		–	3,5×2,5	ВР	2	7
25		〃		–	7,5×4,5		1	9
26		X-образный знак с закругленными концами	в. п.	–	1,7×1,6	ВР	2	4
27		углообразный знак		–	8,7×3,2			9
28		〃		–	7,5×2	ЗР	2	0
29		〃		–	5,5×2,8			
30		крест из двойных линий		7	34×23		8	ЮЗ проем
31		〃		7	34×17			
32		крест с дополнительной вертикальной линией сверху и длинной линией наискосок		3	10,7×8,9	ВР	1	10
33		крест с дополнительной линией наискосок с апексом		–	7,3×9,3			0
34		часть креста (?) с дополнительной линией		–	2,7×2,4	ЮП	–	1
35		лук со стрелой		–	7,5×5	ВР	1	9
36		стрела		–	2,9×4,2	НР	6	1
37		〃		–	6,5×5			
38		〃		–	1,3×4	ЗР	2	0

39		〃	б. п.	–	4,3×3,2	НР	10	1
40		стрелы	в. п.	–	4,7×6,8		3	1
41		линия в виде гарпуна		–	1,4×2	ЮП	–	1
42		рисунок (?)		–	4,9×2,7	ВР	1	0
43		ω-образный знак	б. п.	–	10×3,2			9
44		〃		–	3×2,3		2	2
45		ω-образный (?) знак		–	3,7×1,9		1	0
46		ω-образный знак без центральной гасты		–	6×2,5		2	6
47		〃	в. п.	–	4×4			7
48		ϕ-образный знак	б. п.	–	1,5×2,5		1	11
49		ϕ-образный знак с нижней горизонтальной гастой влево		–	3×5,3			0
50		С-образный знак	в. п.	–	3,9×4,8	НР	5	1
51		N-образный знак		–	5,5×4,8	ВР	1	9
52		Т-образный знак		–	6,5×5			0
53		дугообразный знак с точкой слева		–	2,1×2		2	10
54		знак из 2 глубоких борозд, похожий на ушки	б. п.	3	3×1,9			9
55		〃		–	3×2,2			
56		〃		–	3×2,1	НР	6	1
57		Г-образный знак		–	3×9	ВР	1	9
58		〃		–	0,9×2,5			0

Сокращения в таблице: ***Р. кл.*** *– размерный класс,* ***ш.*** *– ширина,* ***в.*** *– высота,* ***р.*** *– раскоп,* ***кв.*** *– квадрат,* ***сл.*** *– слой,* ***в. п.*** *– верхняя постель,* ***б. п.*** *– боковая поверхность,* ***н. п.*** *– нижняя постель,* ***НР*** *– нартекс,* ***ВР*** *– восточный раскоп,* ***ЗР*** *– западный раскоп,* ***НС*** *– наос,* ***ЮП*** *– южная пристройка*

ЛИТЕРАТУРА

Армарчук Е.А., Мимоход Р.А., Седов Вл.В. Христианский храм у пос. Веселое: предварительная публикация результатов раскопок 2010 г. // РА. 2012. № 3. С. 78–90.

Виноградов А.Ю. Очерки архитектуры Византии и Кавказа / Polystoria. М.: Изд. дом ВШЭ, 2023. 488 с.

Виноградов А.Ю., Белецкий Д.В. Церковная архитектура Абхазии в эпоху Абхазского царства. Конец VIII–X вв. М.: Индрик, 2015. 372 с.

Ёлшин Д.Д. Кирпич в средневековой церковной архитектуре Абхазии // Виноградов А.Ю., Белецкий Д.В. Церковная архитектура Абхазии в эпоху Абхазского царства. Конец VIII–X в. М.: Индрик, 2015. С. 323–337.

Ёлшин Д.Д. Кирпич в средневековой архитектуре Кавказа: новые обследования и попытка обобщения // Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю. История и искусство христианской Алании. М.: ИВ РАН, 2021. С. 299–381.

Завадская И.А. Проблемы интерпретации рельефных меток на средневековой черепице Крыма // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2015. Вып. XX. С. 213–232.

Игнатенко И.М. Плинфоделие Чернигова // Из истории строительной керамики средневековой Восточной Европы. Архитектурно-археологический семинар. СПб.: ГЭ, 2003. С. 34–50.

Казарян А.Ю. Автографы мастеров-каменщиков VII века. Армения, Иверия, Кавказская Албания. М.: URSS, 2012. 54 с.

Кобахия Б.С., Хрушкова Л.Г., Шамба С. М. Результаты исследований раннехристианской церкви на городище Гюэнос // Археологические открытия 1983 г. в Абхазии / Ред. Г.К. Шамба. Тбилиси: Мецниереба, 1987а. С. 23–28.

Кобахия В.С., Хрушкова Л.Г., Шамба С.М. Новая раннехристианская церковь на городище Гюэнос (Абхазия) // ВДИ. 1987б. № 1. С. 126–146.

Моисеев Д.А. Средневековая плинфа Мангупского городища // Древности. 2013. Т. 12. С. 179–192.

Моисеев Д.А. Культурные и экономические связи Юго-Западного Крыма и Таманского полуострова в IX–X вв. на примере археологического изучения центра по производству строительной керамики в балке ручья Суаткан (Крым). Симферополь: Антиква, 2017. 208 с.

Пугаченкова Г.А. Халчаян. К проблеме художественной культуры Северной Бактрии. Ташкент: Фан, 1966. 287 с.

Романчук А.И. Граффити на средневековых амфорах из портового района Херсонеса // АДСВ. Вып. 20 / Отв. ред. М.Я. Сюзюмов. Свердловск: Уральский государственный университет им. А.М. Горького, 1983. С. 64–87.

Скаков А.Ю., Джопуа А.И., Акопян А.В., Ендольцева Е.Ю. Ранневизантийский храм на городище древнего Гиеноса (Абхазия): новые находки // Архитектурная археология. 2020. № 2. С. 39–50.

Скакова И.В., Скаков А.Ю., Джопуа А.И. Плинфа раннесредневекового храма в Гиеносе (г. Очамчира, Республика Абхазия): публикация материалов раскопок 2019–2021 гг. // ByzantinoCaucasica. I / Отв. ред. В.Н. Чхаидзе. М.: ИВ РАН, 2021. С. 9–53.

Скакова И.В., Скаков А.Ю., Джопуа А.И. Раннесредневековый храм в Гиеносе (Республика Абхазия): итоги работ 2022 г. // ByzantinoCaucasica. II / Отв. ред. В.Н. Чхаидзе. М.: ИВ РАН, 2022. С. 69–109.

Скакова И.В., Джопуа А.И., Фомин М.В., Скаков А.Ю. Плинфы со знаками из раннесредневекового храма в Гиеносе: итоги работ 2023 г. // Вестник Дагестанского научного центра. 2024. № 93. С. 32–48.

Флёров В.С., Флёрова В.Е. Знаки на кирпичах Семикаракорской крепости // Поволжская археология. 2015. № 4 (14). С. 92–115.

Хотелашвили-Инал-Ипа М.К. История и этнография Абхазии. Сухум, 2019. 476 с.

Хрушкова Л.Г. Цандрипш. Материалы по раннехристианскому строительству в Абхазии. Сухуми: Алашара, 1985. 129 с.

Шамба С.М. Гюенос-1. Тбилиси: Мецниереба, 1990. 136 с.

Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.). / МИА. № 17. М.; Л.: АН СССР, 1950. 300 с.

Chitaia G., Papuashvili R., Vinogradov A. A New Complex of Greek Inscriptions from Machkhomeri Fortress in Lazica // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bd. 214. 2020. Pp. 169–178.

Khroushkova L. Les monuments chrétiens de la côte orientale de la mer Noir. Abkhazie. IVe – XIVe siècles. Belgium: Brepols Publishers n.v., 2006. 340 p.

Информация об авторе:

Скакова Изабелла Владимировна, лаборант-исследователь, ученый секретарь Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья, Институт востоковедения РАН (г. Москва, Россия); bella.skakova@yandex.ru

REFERENCES

Armarchuk, E. A., Mimokhod, R. A., Sedov, Vl. V. 2012. In *Rossiyskaya arkheologiya (Russian Archaeology)* (3), 78–90 (in Russian).

Vinogradov, A. Yu. 2023. *Ocherki arkhitektury Vizantii i Kavkaza (Essays on the Architecture of Byzantium and Caucasus)*. Series: Polystoria. Moscow: "HSE House" Publ. (in Russian).

Vinogradov, A. Yu., Beletskiy, D. V. 2015. *Tserkovnaya arkhitektura Abkhazii v epokhu Abkhazskogo tsarstva. Konets VIII–X vv. (Church Architecture of Abkhazia in the Period of the Kingdom of Abkhazia. Late 8th–10th Centuries)*. Moscow: "Indrik" Publ. (in Russian).

Elshin, D. D. 2015. In Vinogradov, A. Yu., Beletskiy, D. V. *Tserkovnaya arkhitektura Abkhazii v epokhu Abkhazskogo tsarstva. Konets VIII–X vv. (Church Architecture of Abkhazia in the Period of the Kingdom of Abkhazia. Late 8th–10th Centuries)*. Moscow: "Indrik" Publ., 323–337 (in Russian).

Elshin, D. D. V. N. 2021. In Beletskiy, D. V., Vinogradov, A. Yu. *Istoriya I iskusstvo khristianskoy Alanii (History and art of Christian Alania)*. Moscow: The Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences Publ., 299–381 (in Russian).

Zavadskaya, I. A. 2015. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* (20), 213–232 (in Russian).

Ignatenko, I. M. 2003. In *Iz istorii stroitel'noy keramiki srednevekovoy Vostochnoy Evropy. Arkhitekturno-arkheologicheskiy seminar (The History of Building Ceramics of Medieval Eastern Europe. Architectural and Archaeological Seminar)*. Saint Petersburg: The State Hermitage Museum, 34–50 (in Russian).

Kazaryan, A. Yu. 2012. *Avtografy masterov-kamenshchikov VII veka. Armeniya, Iveriya, Kavkazskaya Albaniya (Masons' Autographs of the 7th Century. Armenia, Iberia, Caucasian Albania)*. Moscow: "URSS" Publ. (in Russian).

Kobakhiya, B. S., Khrushkova, L. G., Shamba, S. M. 1987. In Shamba, G. K. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 1983 g. v Abkhazii (Archaeological Discoveries of 1983 in Abkhazia).* Tbilisi: "Metsniereba" Publ., 23–28 (in Russian).

Kobakhiya, V. S., Khrushkova, L. G., Shamba, S. M. 1987b. In *Vestnik drevnei istorii* (*Journal of Ancient History)* (1), 126–146 (in Russian).

Moiseev, D. A. 2013. In *Drevnosti (Antiqquities)* 12, 179–192 (in Russian).

Moiseev, D. A. 2017. *Kul'turnye i ekonomicheskie svyazi Yugo-Zapadnogo Kryma i Tamanskogo poluostrova v IX–X vv. na primere arkheologicheskogo izucheniya tsentra po proizvodstvu stroitel'noy keramiki v balke ruch'ya Suatkan (Krym). (Cultural and Economic Ties between Southwestern Crimea and the Taman Peninsula in the 9th–10th Centuries Using the Example of an Archaeological Study of a Center for the Production of Building Ceramics in the Gully of the Suatkan Stream (Crimea))*. Simpheropol: "Antiqua" Publ. (in Russian).

Pugachenkova, G. A. 1966. *Khalchayan. K probleme khudozhestvennoy kul'tury Severnoy Baktrii (Khalchayan. The Issue of Artistic Culture of Northern Bactria).* Tashkent: "Fan" Publ. (in Russian).

Romanchuk, A. I. 1983. In Syuzyumov, M. YA. (ed.). *Antichnaia drevnost' i srednie veka (Antiquities and the Middle Ages)* 20. Sverdlovsk: Ural Federal University, 64–87 (in Russian).

Skakov, A. Yu., Dzhopua, A. I., Akopyan, A. V., Endol'tseva, E. Yu. 2020. In *Arkhitekturnaya arkheologiya (Architectural Archaeology)* 2, 39–50 (in Russian).

Skakova, I. V., Skakov, A. Yu., Dzhopua, A. I. 2021. In Chkhaidze, B. N. (ed.). *ByzantinoCaucasica.* I. Moscow: The Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 9–53 (in Russian)

Skakova, I. V., Skakov, A. Yu., Dzhopua, A. I. 2022. In Chkhaidze, B. N. (ed.). *ByzantinoCaucasica*. II. Moscow: The Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences69–109 (in Russian)

Skakova, I. V., Dzhopua, A. I. Fomin, M. V., Skakov, A. Yu. 2024. In *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo tsentra (Herald of the Daghestan Scientific Center)* 93, 32–48 (in Russian).

Flyorov, V. S., Flyorova, V. E.2015. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 14 (4), 92–115 (in Russian).

Khotelashvili-Inal-Ipa, M. K. 2019. *Istoriya i etnografiya Abkhazii (History and Ethnography of Abkhazia)*. Sukhum (in Russian).

Khrushkova, L. G. 1985. *Tsandripsh. Materialy po rannekhristianskomu stroitel'stvu v Abkhazii (Tsandripsh. Materials on Early Christian Construction in Abkhazia)*. Sukhumi: "Alashara" Publ. (in Russian).

Shamba, S. M. 1988. *Gyuenos-1.* Tbilisi: "Metsniereba" Publ. (in Russian).

Yakobson, A. L. 1950. *Srednevekovyy Khersones (XII–XIV vv.) (Medieval Chersonesos (12th–14th Centuries).* Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 17. Moscow; Leningrad: the USSR Academy of Sciences (in Russian).

Chitaia, G., Papuashvili, R., Vinogradov, A. 2020. In *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*, (Bd. 214), 169–178 (in English).

Khroushkova, L. 2006. *Les monuments chrétiens de la côte orientale de la mer Noir. Abkhazie. IVe – XIVe siècles.* Belgium: Brepols Publishers n.v.

About the Author:

Skakova Izabella V. Research Assistant, Scientific Secretary of the Caucasian, Central Asian and Volga-Ural Studies, Institute of Oriental Studies of RAS. Rozhdestvenka St., 12, Moscow, 107031, Russian Federation; bella.skakova@yandex.ru

Статья поступила в журнал 03.12.2024 г.
Статья принята к публикации 18.04.2025 г.

УДК 72.04(477.75)”13” https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.5.164.170

ФРАГМЕНТЫ АРХИТЕКТУРНЫХ ДЕТАЛЕЙ ИЗ РАСКОПОК АЛУШТИНСКОГО МОГИЛЬНИКА

© 2025 г. В.П. Кирилко

Раскопки Алуштинского могильника в 1950–1951 гг. осуществлялись последовательно Н.В. Пятышевой, Е.В. Веймарном и Ю.В. Кухаренко. Поскольку никто из них результаты своих изысканий в научный оборот не ввёл, для правильного понимания выявленных там остатков храма и объективной оценки различного рода интерпретаций, опубликованных позднее другими специалистами, первостепенное значение приобретают архивные ресурсы – отчёты о раскопках, полевые дневники, коллекционные описи, обмерные чертежи, старые фотоснимки и иные документы, равно как, частично уцелевшие находки, особенно отдельные архитектурные детали. В частности, установлено, что фрагменты резного известнякового изделия, обнаруженные недавно в музейных фондах, принадлежали плите, возможно, от алтарной преграды либо надгробия, передняя грань которой была украшена сплошным геометрическим орнаментом, характерным для местной каменной пластики золотоордынского времени. Другие лапидарные находки представлены обломком рельефной плетёнки и рисунком карниза. Предполагается также, что сильно повреждённые железные предметы, обычно трактуемые как остатки оконных решёток, на самом деле, могли быть вотивами в виде крестов, использование которых известно на многих церковных постройках региона.

Ключевые слова: археология, Крым, Алушта, XIV в., каменная пластика, сельджукский стиль, ордынский образ жизни, средневековый храм, алтарная преграда, надгробие.

FRAGMENTS OF ARCHITECTURAL DETAILS FROM EXCAVATIONS OF ALUSHTA BURIAL GROUND

V.P. Kirilko

Excavations of the Alushta necropolis were carried out successively by N.V. Pyatysheva, E.V. Veimarn and Yu.V. Kukharenko in 1950–1951. Since none of them introduced the results of their studies into scientific circulation, archival resources – excavation reports, field diaries, collection inventories, measurement drawings, old photographs and other documents, as well as partially surviving finds, especially individual architectural details – are of primary importance for a correct understanding of the remains of the temple discovered there and an objective assessment of various interpretations published in later periods by other specialists. In particular, it was discovered that fragments of a carved limestone product, which were recently found in museum collections, belonged to a slab, possibly from a chancel screen or a tombstone, the front face of which was decorated with a continuous geometric ornament, that is typical for local stone sculptures of the Golden Horde period. Other lapidary finds are represented by a fragment of relief wickerwork and a cornice pattern. It is also suggested that heavily damaged iron objects, usually interpreted as the remains of window grilles, could in fact have been votives in the form of iron crosses, the use of which has been noted on many church buildings in the region.

Keywords: archaeology, Crimea, Alushta, 14th century, stone sculpture, Seljuk style, Horde way of life, medieval temple, chancel screen, tombstone

26 августа 1950 г. Н.В. Пятышева приступила к раскопкам Алуштинского могильника, в ходе которых наряду с многочисленными захоронениями ею были обнаружены и почти полностью расчищены руины небольшой кладбищенской церкви (Пятышева, 1951). 12 сентября она внезапно уехала в Москву, после чего дальнейшее археологическое изучение памятника пришлось продолжить Е.В. Веймарну, завершившему работы 30 числа того же месяца (Кирилко, 2018а, с. 171–180). В 1951 г. исследованием некрополя занимался Ю.В. Кухаренко (Когонашвили, Махнева, 1971, с. 15). Поскольку никто из них результаты своих изысканий в научный оборот не ввёл, для правильного понимания выявленных остатков храма и объективной оценки различного рода интерпретаций, опубликованных позднее другими специалистами (Асєєв, 1951, с. 24–25, рис. 1, 2; Когонашвили, Махне-

Рис. 1. Бронзовый рыболовный крючок. Гвозди и фрагменты крестообразных предметов из железа (по: Пятышева, 1951, л. 105, фото 12).
Fig. 1. Bronze fish hook. Nails and fragments of cross-shaped iron objects (according to Pyatysheva, 1951, sheet 105, photo 12).

ва, 1971, с. 15–30), первостепенное значение приобретают архивные ресурсы – отчёты о раскопках, полевые дневники, коллекционные описи, обмерные чертежи, старые фотоснимки и иные документы, равно как частично уцелевшие находки, особенно отдельные архитектурные детали. Именно благодаря перечисленным научным источникам сейчас, спустя многие годы после прекращения работ, стало возможным получение более или менее обоснованного представления о строительной истории, архитектонике и декоративном убранстве этого здания, ныне совершенно недоступного для повторного изучения из-за новых сооружений, перекрывших и, скорее всего, уничтоживших его кладки (Кирилко, 2018а; 2018б; 2019; 2020; 2023; 2024).

Показательным является пример недавнего обнаружения части экспедиционных материалов Н.В. Пятышевой, которые длительное время считались безвозвратно утраченными и прежде (почти три четверти века) никем не использовались, оставшись неизвестными даже непосредственному преемнику исследовательницы – Е.В. Веймарну. В частности, обращает на себя внимание сообщаемая ею информация о двух сильно повреждённых железных предметах крестообразной формы (рис. 1). Они были найдены с наружной стороны церкви, у южной и западной стен, причём самим автором раскопок не без сомнения (с оговоркой «по-видимому») определены как фрагменты оконной решётки (Пятышева, 1951, л. 16 об., 18 об., 90, 93; л. 105, фото 12). Подобные выводы позднее были опубликованы К.К. Когонашвили и О.А. Махнёвой: «Возможно, окна церкви были забраны железными решетками. Обломок одной из них археологи обнаружили у западной стены храма. А неожиданная находка большого куска плоского синего оконного стекла позволяет предположить, что на окнах были витражи из цветного стекла» (Когонашвили, Махнева, 1971, с. 16–17). Так как здание было относительно небольшим, вряд ли оно имело настолько широкие оконные проёмы, чтобы их необходимо было защищать металлической решёткой. На мой взгляд, вероятнее всего, упомянутые артефакты являются не чем иным, как характерными для многих церковных построек региона вотивами в виде железных крестов, обычно крепившимися на поверхности стен или деревянных конструкций (Мусин, 2015, с. 189–218). Известно, что один из них, обнаруженный у западной стены часовни, был взят в коллекцию, о чём свидетельствует соответствующая отметка в описи находок: «Железный предмет (кусок решетки)» (Полевые материалы…, л. 102, № 177). Сам он впоследствии где-то потерялся, и на данном этапе исследований о нём можно судить лишь благодаря прилагаемой к отчёту фотографии. Масштаб изображению сообщает представленный на том же снимке рыболовный крючок, имевший длину 5 см (Полевые материалы…, л. 93, № 41). Оба крестообразных фрагмента выглядят слишком хлипкими, чтобы принадлежать решётке, которая должна была обезопасить строение от проникновения злоумышленников.

В полевом дневнике Н.В. Пятышевой упоминается ещё одна архитектурная деталь и приводится её схематичный чертёж (рис. 2). По свидетельству исследовательницы, она была обнаружена при разборке разрушенных детских могил у апсиды, представляла собой кусок профилированного карниза из диорита и имела размеры 0,20×0,22×0,38 см (Пятышева, 1951, л. 62, 85, 102). Нынешнее местонахождение изделия неизвестно.

Более благополучной оказалась судьба другой подобной находки, о которой сообщает коллекционная опись экспедиции, руководимой Е.В. Веймарном: «379. Тоже (архитек-

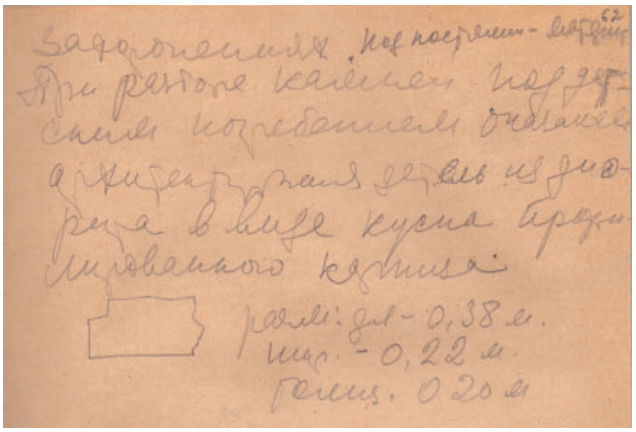

Рис. 2. Запись в полевом дневнике о находке архитектурной детали (по: Пятышева, 1951, л. 62).
Fig. 2. Field diary entry about the discovery of an architectural detail (according to Pyatysheva, 1951, sheet 62).

турный обломок с частью орнамента. – *В.К.*) в виде жгута. Известняк. Разм. 55×155 [мм]. На первоначальном выкиде на юге в обрыве 26.07.50» (Полевые материалы…, л. 36). В отличие от остальных декоративных деталей из раскопок храма, сейчас экспонируемых Алуштинским историко-краеведческим музеем, в книге поступлений последнего этот артефакт не значится и до недавнего времени считался утраченным (Кирилко, 2020, с. 77). Несколько месяцев назад его удалось выявить среди неучтённых предметов в лапидарном фонде учреждения, уверенно идентифицировав благодаря уцелевшей местами полевой маркировке и соответствующей величине фрагмента. Сохранившийся обломок изделия имеет вид двух прямолинейных полувалов, развёрнутых по отношению друг к другу под углом 116 (рис. 3: 1–2). Их ширина составляет 4,7 и 5,2 см, а высота с внешней и внутренней сторон – 2,6 и 2,4 см соответственно. Лицевая поверхность выступов чисто тесанная, в поперечном сечении округлая с уплощённым снаружи боком. Судя по едва заметным следам первоначальных форм, утраченных на сколотых участках, можно предположить, что находка представляет собой сильно повреждённый узел пересечения объёмной геометрической плетёнки из гладкого жгута, которая сопоставима с орнаментальным мотивом «сельджукская цепь». Реконструируемая ширина рельефа – 14,6 см.

Среди неучтённых предметов в лапидарном фонде были обнаружены ещё три известняковых обломка с резным декором (рис. 3: 3–4), после прекращения раскопок тоже оказавшихся вне внимания исследователей. Все они имеют одинаковую маркировку, а именно Ал 51–230/32, которая идентична той, что присвоена аналогично украшенному крупному фрагменту из раскопок Ю.В. Кухаренко, выставленному сейчас в средневековом зале музея и уже введённому в научный оборот (Кирилко, 2020, с. 78, рис. 4: 4, 10: 2). Более того, два из них чётко соединяются не только друг с другом, но и с упомянутым экспонатом, тем самым удлиняя его до 55 см (рис. 4). Третий фрагмент нигде с ними не стыкуется, хотя, вне всякого сомнения, принадлежал одному и тому же изделию. На это указывает характерный рисунок орнамента, точнее специфическая небрежность порезки, равно как выразительная форма боковой грани, образовавшаяся в результате пригонки архитектурной детали, видимо при вторичном использо-

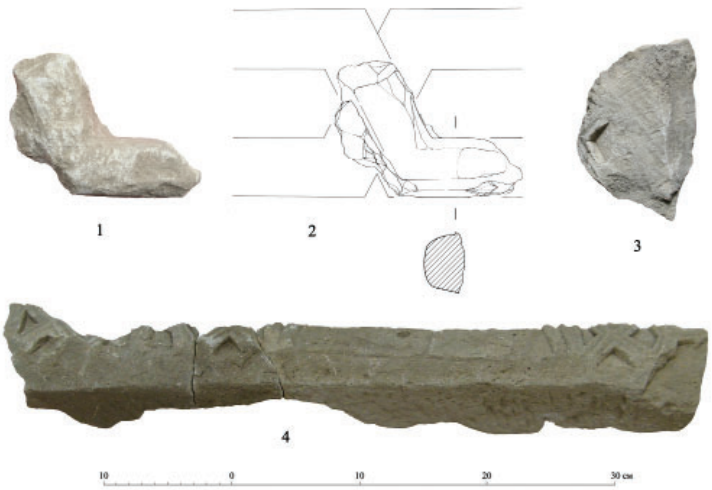

Рис. 3. Фрагменты каменных изделий. Фотографии и чертежи автора.
Fig. 3. Fragments of stone products. Photos and drawings by the author.

Рис. 4. Фрагменты каменного изделия с резным декором. Реконструкция орнамента. Чертёж автора.
Fig. 4. Fragments of a stone product with carved decoration. Reconstruction of the ornament. Drawing by the author.

вании. Причём с большой долей вероятности можно утверждать, что сам обломок находился неподалёку от остальных, вновь выявленных, на их продолжении в расширяющейся части, а все они вместе ограничивали перетёсанный край сполии, имевшей толщину не менее 7,5 см.

Несмотря на значительные утраты лицевой поверхности декора, композиция орнамента, который был сетчатым с геометрическим узором, поддаётся относительно достоверной реконструкции. Скорее всего, она имела ячейки двух типов – крупные октагональные и небольшие квадратные. Первые соприкасались друг с другом боковыми, вертикально и горизонтально расположенными сторонами, чередуясь при этом в диагональном направлении со вторыми, находившимися между ними. В свою очередь, восьмигранники состояли из одинаковых, с трёхлучевыми перегородками, прямоугольных дельтоидов, смежные кромки которых, будучи ориентированы радиально, продолжались внутри квадратов, образуя на пересечении звёздчатую фигуру. Рельеф низкий, с равномерно заглублённым фоном. Его высота 0,4–0,7 см. Ленты орнамента профилированы двумя продольными желобками глубиной 1,5–2 мм.

Объективности ради необходимо отметить, что предложенный вариант реконструкции узора не является единственно возможным, поскольку при раскопках Е.В. Веймарна в отвале был найден фрагмент такой же, но более аккуратно изготовленной плетёнки, которая идеально вписывается в равносторонний треугольник, предполагающий использование совершенно иной композиционной сетки – с однотипными ячейками правильной шестигранной формы (Кирилко, 2020, с. 77, рис. 4: 2, 10: 1), в свою очередь никак не совместимыми с остатками орнамента на остальных, упомянутых ранее, обломках. Нельзя исключать вероятности того, что имеются в виду хотя и похожие, но разные архитектурные детали, возможно бывшие парными.

Раппорт имеет форму квадрата, стороны которого равны 21,8 см (рис. 4). Середина всей композиции, украшавшей изделие, поддаётся чёткому определению. Центр обозначен круглым медальоном с рельефным обрамлением, который, в свою очередь, находится на пересечении основных осей узора. Благодаря этому протяженность уверенно реконструируемой части декора в продольном направлении достигает 80 см, в поперечном она составляет около 25–45 см. Фрагментарно сохранившаяся порезка везде была сплошной и, учитывая подтверждаемые утраты, первоначально покрывала относительно большую по площади поверхность. Величина плоскости, занятой орнаментом, в значительной мере зависела от количества повторений раппорта. На мой взгляд, наиболее приемлемой и самой оптимальной является комбинация 5×4 = 109×87,2 см, которая позволяет получить относительно компактную, с удачными пропорциями декоративную композицию (рис. 5). Последняя, будучи обрамлена гладкими кромками шириной 3–6 см, по сути, определяла общие размеры грани – от 115×93 до 121×99 см.

Архитектурная деталь могла принадлежать алтарной преграде храма, в виде пара-

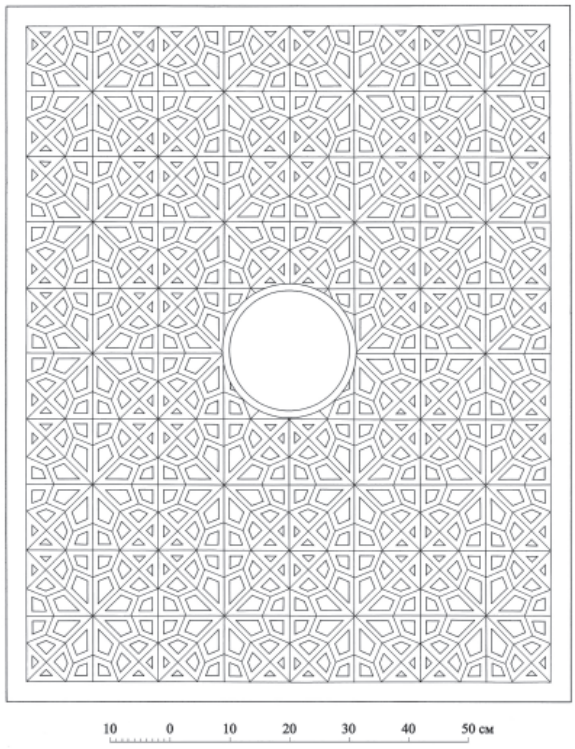

Рис. 5. Реконструкция лицевой грани плиты. Чертёж автора.
Fig. 5. Reconstruction of the face of a slab. Drawing by the author.

пета отделявшей наос от апсиды с восточной стороны. Каких-либо следов самого сооружения, в частности его фундаментов , раскопками не обнаружено. Вместе с тем особой необходимости в специальной субструкции не имелось, поскольку пол был каменным, «остатки которого в виде кусков разбитых тонких каменных плит сохранились в апсиде» (Пятышева, 1951, л. 87), что позволяло использовать настил в качестве основания. Вероятнее всего, перегородка находилась в нише подпружной арки и располагалась заподлицо с поверхностью угловых устоев, удалённых друг от друга примерно на 2,40–2,45 м[1] . Плита была выставлена вертикально, предположительно в южной части сооружения. С противоположной стороны её дополняло подобное изделие одинаковой величины с первым, а возможно, даже немного, в пределах нескольких сантиметров, и более узкое. Проход между ними составлял около 55 см. Значительная толщина архитектурной детали, превышавшая 7,5 см, позволяла обойтись без столбиков. В случае необходимости эпистиль мог быть деревянным, в виде обычного тябла.

Реконструируемое декоративное убранство плиты и предполагаемая её принадлежность алтарной преграде являются необычными, по крайней мере аналогов им нет[2] . Вместе с тем, что касается использования для резного украшения изделия сплошного геометрического узора, более известного как гирих, подобные примеры на близких по времени крымских памятниках имеются. Они представлены целым рядом ярких произведений каменной пластики. Среди них особо выделяются фронтоны от киворіев XIV в. из армянских церквей св. Иоанна Богослова и св. Иоанна Предтечи в Каффе, а также закладная плита с латинской надписью 1392 г. на башне Джудиче в Судакской крепости, которая, в свою очередь, отчасти сопоставима композиционно, а именно сочетанием эмблемы (здесь – герба, в алуштинском случае – медальона) и сетчатого орнамента в виде непрерывной плетёнки (Айбабина, 2001, с. 111, рис. 4; 35: 2, 3; 70, табл. XXXV). Если же учесть, что найденные при раскопках кладбищенского храма фрагменты других архитектурных деталей с рельефным декором отчётливо тяготеют к сельджукской художественной традиции (Кирилко, 2020, с. 73–76, рис. 4, 7–9), то реконструкция плиты и определение её назначения не кажутся столь невероятными. Более того, судя по погребальному инвентарю (Кирилко, 2018, с. 181–185, 187), покойнику, над могилой которого воздвигнута эта церковь, ордынский образ жизни и свойственные ему культурные ценности были не чужды.

Примечания:

[1] Авторы раскопок сообщают только отдельные величины храма. Внешние размеры наоса 5,30×5,16 м. Общая длина здания 6,47 м. Протяжённость внутреннего пространства церкви 4,45 м, его ширина 3,80 м. Толщина стен в среднем 0,65 м (Полевые материалы…, л. 11; Асєєв, 1951, с. 25, рис. 2; Когонашвили, Махнева, 1971, с. 16–17). Остальные метрические характеристики строения поддаются определению исключительно благодаря обмерному чертежу плана, выполненного в 1950 г. С.К. Себекиным. К сожалению, при их первой публикации (Кирилко, 2020, с. 71), в научный оборот была введена ошибочная информация. Правильными являются следующие размеры. Сторона подкупольного квадрата составляла 2,40–2,60 м, уменьшается в сторону алтаря. Ширина апсиды 1,60 м, её глубина 1,30 м. За пределы основного объёма храма она выступает на 1,50 м. Радиус алтарного полукружия:

внешний – 1,60–1,70 м, внутренний – 0,85 м. Ширина: плеч северного и южного – соответственно 0,85 и 1,20 м, заплечиков – 0,25 и 0,45 м, подпружных арок перекрытия – 0,60–0,70 м.

[2] Безусловно, нельзя исключать также вероятности того, что это изделие могло иметь совершенно иное назначение и было, например, надгробием. В частности, в определённой степени с ним сопоставима резная плита из раскопок Большой базилики Мангупа, всю переднюю грань которой украшала сплошная геометрическая плетёнка в «армяно-мусульманском стиле», правда, с более изысканной композицией и узором витиеватее (Бертье-Делагард, 2018, с. 26–27, рис. 7; Айбабина, 2001, рис. 75). Причём мангупская находка не только уникальна сама по себе, но считается единичным памятником «столичного» круга, который по типу орнамента и качеству работы близок к малоазийским образцам (Степаненко, 2010, с. 122, прим. 5, рис. 10; Айбабина, 2016, с. 523, рис. 424).

ЛИТЕРАТУРА

Айбабина Е.А. Декоративная каменная резьба Каффы XIV–XVIII вв. Симферополь: СОНАТ, 2001. 280 с.

Айбабина Е.А. Мусульманская каменная резьба Крыма // Мирас – Наследие. Том. 1. Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 годах: в 3 т. / Сост. и отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Казань: Астер Плюс. С. 510–543.

Асєєв Ю.С. Архітектурно-археологічні дослідження в Криму // Вісник Академії архітектури УРСР. 1951. № 3(21). С. 23–30.

Бертье-Делагард А.Л. Каламита и Феодоро // ИТУАК. 1918. № 55. С. 1–44.

Кирилко В.П. «Алустонский клад»: история находки // Поволжская археология. 2018а. № 2 (24). С. 168–189.

Кирилко В.П. Новое и позабытое старое о храме Алуштинского могильника // Археология Евразийских степей. 2018б. № 4. С. 244–249.

Кирилко В.П. Архитектурно-конструктивные и декоративные детали из раскопок храма на Алуштинском могильнике // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: ИМПЕРИЯ И ПОЛИС. XI Международный Византийский Семинар (Севастополь – Балаклава 3–7 июня 2019 г.). Материалы научной конференции / Отв. ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь: Колорит, 2019. С. 131–136.

Кирилко В.П. Храм Алуштинского могильника // Владимирский сборник II. Материалы международной научной конференции «III Свято-Владимирские чтения» / Отв. ред. В.В. Майко, Т.Ю. Яшаева. Севастополь: Телескоп, 2020. С. 70–87.

Кирилко В.П. Вехи научного пути Е.В. Веймарна: Раскопки Алуштинского могильника // Бахчисарай: новые исследования по истории и археологии Крыма. Материалы конференции «VI, VII научные чтения памяти Е.В. Веймарна» (г. Бахчисарай, 6 сентября 2019 г., 9 сентября 2021 г.); Материалы конференции «IX Бахчисарайские научные чтения памяти У. Боданинского» (г. Бахчисарай, 8 октября 2021 г.) / Ред.-сост. Р.Д. Алиев, Л.З. Чубукчиева. Симферополь: ИП Корниенко А.А., 2023. С. 83–94.

Кирилко В.П. Строительная история храма на Алуштинском могильнике // Под омофором Андрея Первозванного: от апостола Андрея к Андреевскому флагу. Материалы всероссийской научной конференции, приуроченной к 350-летию учреждения в России Андреевского флага / Ред.-сост. В.В. Майко, Т.Ю. Яшаева. Симферополь: АРИАЛ, 2024. С. 42–47.

Когонашвили К., Махнева О. Алустон и Фуна. Симферополь: Крым, 1971. 94 с.

Мусин А.Е. Металлические кресты // Древности Семидворья I. Средневековый двухапсидный храм в урочище Еди-Евлер (Алушта, Крым): исследования и материалы / Археологический альманах. № 32 / Отв. ред. И.Б. Тесленко, А.Е. Мусин. Киев: Антиквар, 2015. С. 63–116.

Полевые материалы II Алуштинского отряда Тавро-скифской экспедиции 1950 г. / НА ИАК РАН. 1957. Ф. Л.–10. Оп. 1. Д. 85. 230 л.

Пятышева Н.В. Отчет о раскопках в Алуште в 1950 г. / НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 2541. 111 л.

Степаненко В.П. Малая Азия и Крым в XIV веке // Откровения древнего Солхата / Ред. А.Г. Герцен. Керчь: Боспор, 2010. С. 119–124.

Информация об авторе:

Кирилко Владимир Петрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт археологии Крыма РАН» (г. Симферополь, Россия); vladimirkirilko.33@gmail.com; https://orcid.org/0000-0002-5431-9127

REFERENCES

Aibabina, E. A. 2001. *Dekorativnaia kamennaia rez'ba Kaffy (XIV—XVIII vv.) (Ornamental Stone Carving of Kaffa in the 14th—18th Centuries).* Simferopol: "Sonat" Publ. (in Russian).

Aibabina, E. A. 2016. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A.G. (eds.). *MIRAS−NASLEDIE. Tatarstan – Krym. Gorod Bolgar i izuchenie tatarskoj kul'tury v Tatarstane i v Krymu v 1923−1929 godah: v 3-kh tomah (MIRAS−NASLEDIE. Tatarstan and Crimea. The City of Bolgar and the study of Tatar culture in Tatarstan and the Crimea in 1923−1929: in 3 volumes)* 1. Kazan: "Aster Plyus" Publ., 510–543 (in Russian).

Aseev, Yu. S. 1951. In *Visnik Akademiï arkhitekturi URSR (Bulletin of the Academy of Architecture of the Ukrainian SSR)* 21 (3), 23–30 (in Ukrainian).

Bert'e-Delagard, A.L. 1918. In *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii (Proceedings of the Taurida Learned Archival Commission)* 55, 1–44 (in Russian).

Kirilko, V. P. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 24 (2), 168–189 (in Russian).

Kirilko, V. P. 2018. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 244–249 (in Russian).

Kirilko, V. P. 2019. In Alekseenko, N. A. (ed.). *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: IMPERIYa I POLIS. XI Mezhdunarodnyy Vizantiyskiy Seminar («ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Empire and Polis: XI International Byzantine Seminar).* Simferopol: "Kolorit" Publ., 131–136 (in Russian).

Kirilko, V. P. 2020. In Maiko, V.V., Iashaeva, T.Iu. (eds.). *Vladimirskiy sbornik II. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «III Svyato-Vladimirskie chteniya» (Vladimir's Collection II. Proceedings of the 3rd St. Vladimir's Readings International Scientific Conference)*. Sevastopol, "Teleskop" Publ., 70–87 (in Russian).

Kirilko, V. P. 2023. In Aliev, R. D., Chubukchieva, L. Z. (eds.). *Bakhchisarai: novye issledovaniia po istorii i arkheologii Kryma (Bakhchisaray: New Studies on the History and Archaeology of Crimea)*. Simferopol: "Kornienko A.A." Publ., 83–94 (in Russian).

Kirilko, V. P. 2024. In Maiko, V. V., Yashaeva, T. Yu. (eds.). *Pod omoforom Andreya Pervozvannogo: ot apostola Andreya k Andreevskomu flagu (Under St. Andrew's Omophorion: from Apostle Andrew to St. Andrew's Flag)*. Simferopol: "ARIAL" Publ., 42–47 (in Russian).

Kogonashvili, K. K., Makhneva, O. A. 1971. *Aluston i Funa (Aluston and Funa).* Simferopol: "Krym" Publ. (in Russian).

Musin, A. E. 2015. In Teslenko I. B., Musin A.E. (eds.) *Drevnosti Semidvor'ya I. Srednevekovyy dvukhapsidnyy khram v urochishche Edi-Evler (Alushta, Krym): issledovaniya i materialy / Arkheologicheskiy al'manakh. № 32 (Medieval bi-apsidal church in the Yedi-Evler Survey Mark (Alushta, Crimea): research and materials. Archaeological Almanac. No. 32)*. Kiev: "Antikvar" Publ., 63–116 (in Russian).

1957. *Polevye materialy II Alushtinskogo otryada Tavro-skifskoy ekspeditsii 1950 g. (Field materials of the 2nd Alushta detachment of the Tauro-Scythian expedition of 1950)*. Scientific Archive of the Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences. F. L.–10, Inv. 1, dossier 85 (in Russian).

Pyatysheva, N. V. 1951. *Otchet o raskopkakh v Alushte v 1950 g. (Report of excavations in Alushta in 1950).* Scientific Archival Sector of the Tauric Chersonesos State Museum-Reserve. F. 1, dossier 2541 (in Russian).

Stepanenko, V. P. 2010. In Gertsen, A. G. (ed.). *Otkrovenie drevnego Solkhata (Revelations of the Ancient Solkhat)*. Kerch: "Bospor" Publ., 119–124 (in Russian).

About the Author:

Kirilko Vladimir P., Candidate of Historical Sciences. Senior Researcher, Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences. Simferopol, Russian Federation. vladimirkirilko.33@gmail.com; https://orcid.org/0000-0002-5431-9127

Статья поступила в журнал 12.02.2025 г.
Статья принята к публикации 02.04.2025 г.

УДК 902.01/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.5.171.185

ВАРВАРЫ В ПОЗДНЕАНТИЧНОМ-РАННЕВИЗАНТИЙСКОМ ХЕРСОНЕСЕ: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

©2025 г. С.В. Ушаков

Одна из важных проблем истории и археологии позднеантичного-ранневизантийского Херсонеса (IV – начало VII вв.) – присутствие в составе населения города варваров. В работах А.Л. Якобсона (1959), А.И. Айбабина (1990, 1999), М.М. Казанского (1998, 2006), В.Н. Засецкой (2006) и др. авторов, а также в каталогах (Византийский Херсон, 1991; Яшаева и др., 2011) представлены разнообразные археологические материалы – металлические фибулы, пряжки, браслеты и кольца (бронза, серебро с позолотой), костяные гребни. Есть и новые материалы. На основании их рассмотрения можно сделать вывод о пребывании в Херсонесе выходцев из региона черняховской культуры (Северо-Западное Причерноморье), Подунавья, Юго-Западного Крыма, Боспора, в основном варваров-готов в позднеантичную-ранневизантийскую эпоху, в меньшей степени, кочевников-гуннов и аланов.

Ключевые слова: Херсонес Таврический, черняховская культура, фибулы, пряжки, серьги, костяные гребни, варвары, германцы-готы.

BARBARIANS IN LATE ANTIQUE-EARLY BYZANTINE CHERSONESOS: ARCHAEOLOGICAL MATERIALS

S.V. Ushakov

One of the important problems of the history and archaeology of the Late Antique-Early Byzantine Chersonesos (4th – early 7th centuries) is the presence of barbarians in the city's population. The works by A.L. Yakobson (1959), A.I. Aibabin (1990, 1999), M.M. Kazansky (1998, 2006), V.N. Zasetskaya (2006) and others, as well as catalogs (Byzantine Kherson, 1991; Yashaeva et al., 2011) feature various archaeological materials – metal fibulae, buckles, bracelets and rings (bronze, silver with gilding), bone combs. New materials are also available. Based on their study, it can be concluded that the population of the Chernyakhovo culture (Northwestern Black Sea region), the Danube region, the Southwestern Crimea, and the Bosporus inhabited in Chersonesos, mainly represented by the barbarian Goths in the Late Antiquity-Early Byzantine era, and to a lesser extent, the nomadic Huns and Alans.

Keywords: Tauric Chersonesos, Chernyakhovo culture, fibulae, buckles, earrings, bone combs, Barbarians, Germanic Goths.

История и археология позднеантичного – ранневизантийского Херсонеса (IV – начало VII вв.) не нашла пока своего полноценного и системного отражения как в отечественной, так и, тем более, в зарубежной историографии. Имеются разрозненные работы, посвящённые публикации некоторых археологических комплексов, групп материалов или отдельных предметов. А ведь Херсонес, находясь, с одной стороны, на юго-западной границе великой Евразийской степи, в то же время являлся частью средиземноморско-понтийского мира (рис. 1). У него сложилась напряжённая и противоречивая система взаимоотношений с окружающим варварским миром, хотя традиционно, по словам Плиния, Херсонес выделялся «на всем этом пространстве благодаря сохранению греческих обычаев» (Plin. NH. II. 85). Хотя варвары, несомненно, присутствовали в городе, что хорошо известно в основном по материалам некрополя (см.: Зубарь, 2004) классического (Белов, 1950; Кадеев, 1995; Стржелецкий, 1948), эллинистического (Белов, 1978) и римского (Кадеев, 1974, 1981; Зубарь, 1982, 1987) времени. При этом анализ просопографии Херсонеса, выполненный В.И. Кадеевым, позволяет говорить, что в составе его населения (4% варварских имён из общего числа несколько более четырёхсот) варваров было совсем немного (Кадеев, 1981, с. 87).

Для позднеантичного – ранневизантийского Херсонеса Таврического эта проблема рассматривалась в меньшей степени. А.Л. Якобсон кратко представил городской некрополь этого времени, обращая внимание на погребения с деформированными черепами (макрокефалами, по тогдашнему выражению),

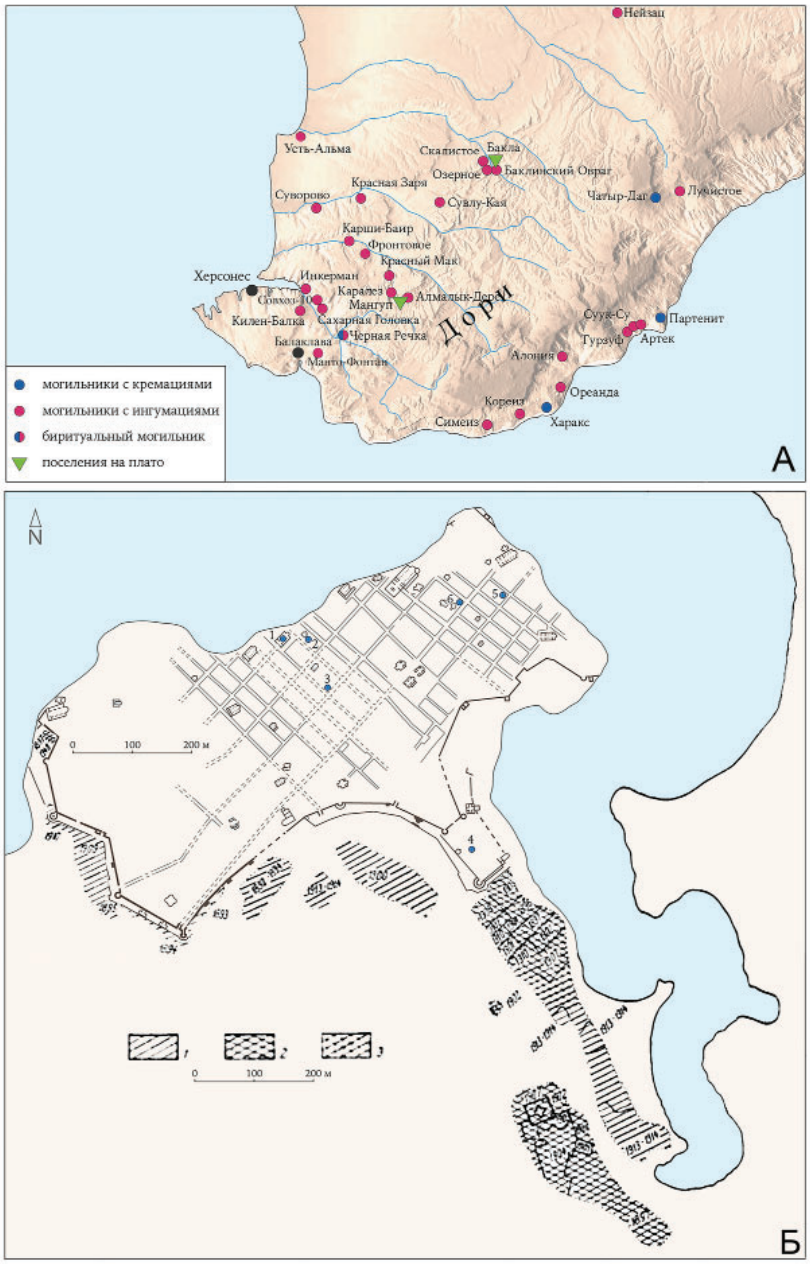

Рис. 1. А – Юго-Западный Крым в позднеантичную эпоху; Б – Херсонес Таврический (городище и некрополь) в позднеантичную эпоху (по А.Л. Якобсону, с дополнениями).
Fig. 1. A – Southwestern Crimea in Late Antiquity; B – Tauric Chersonesos (settlement and necropolis) in Late Antiquity (according to A.L. Yakobson, with additions).

которые сопровождаются лепной керамикой. Автор присоединился к известной точке зрения, что они могли принадлежать аланам. В качестве аналогий им были привлечены захоронения в Пантикапее, Суук-Су, Алуште, Инкермане. Отдельные могилы имеют подбои (Якобсон, 1959, с. 256–259). В качестве погребального инвентаря А.Л. Якобсон представил пряжки, фибулы, браслеты и серьги, связывая их с варварами (рис. 2, 3) (Якобсон, 1959, с. 267–281, рис. 134–138, 143, 144).

Позднее М.В. Фомин обобщил материалы о погребальной традиции Византийского Херсона, в том числе об истории исследования его некрополя и характере погребальных сооружений в связи с христианизацией населения, но вопрос об этническом составе населения в его работе не был поставлен (Фомин, 2011).

Обзор антропологических материалов римского-ранневизантийского времени, полученных в результате исследования разными авторами (К.Ф. Соколовой, Г.П. Зиневич, Т.А.

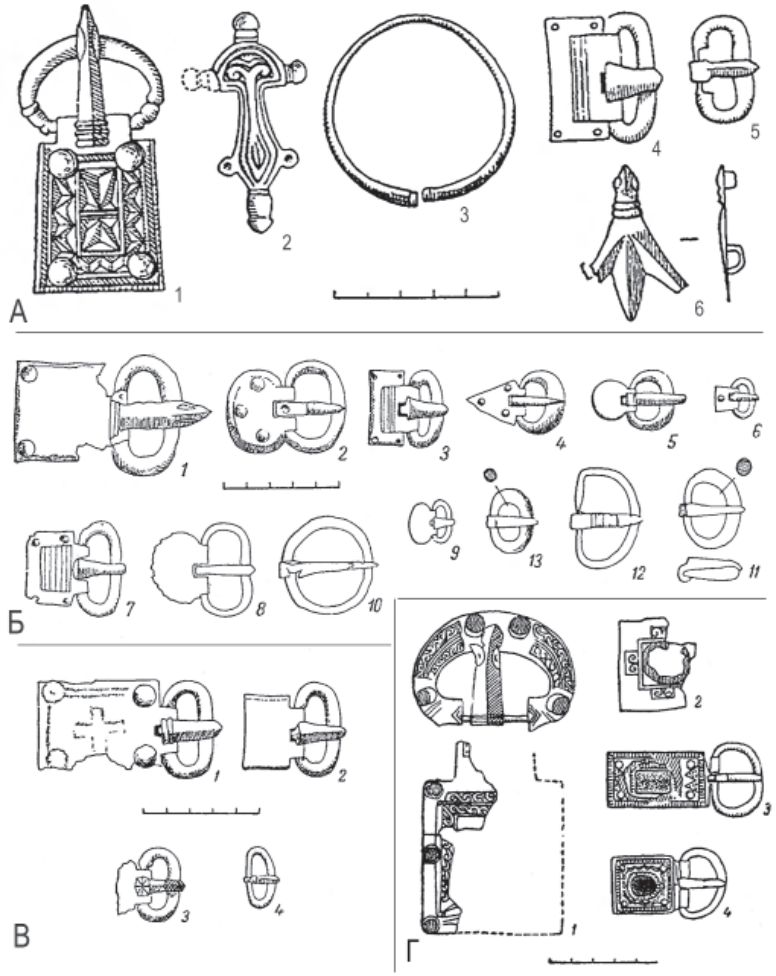

Рис. 2. Пряжки, фибулы, браслет из некрополя Херсонеса. А – Якобсон, 1959, рис. 134; Б – Якобсон, 1959, рис. 135; В – Якобсон, 1959, рис. 136; Г – Якобсон, 1959, рис. 138.
Fig. 2. Buckles, fibulae, bracelet from the necropolis of Chersonesos. A – Yakobson, 1959, fig. 134; B – Yakobson, 1959, fig. 135; C – Yakobson, 1959, fig. 136; D – Yakobson, 1959, Fig. 138.

Назаровой, М.М. Герасимовой), был выполнен А.В. Ивановым (2013; 2016, с. 38–76). Выводы исследователя заключаются в том, что не оправдываются представления о смешанном составе населения Херсонеса и значимой роли тавров и скифов в их составе. Выделить какие-либо этнические группы населения в его составе невозможно, за исключением, вероятно , сарматов, с которыми можно связать практику деформации черепов, наблюдаемую вплоть до VI в. Впоследствии состав населения значительно усложняется.

В.М. Зубарь обращал внимание на характер погребальных сооружений с сарматскими и другими чертами херсонесского некрополя римского времени (Зубарь, 1982, с. 118). Этнополитическая ситуация в Причерноморье и Крыму резко изменилась в последней четверти IV в. в связи с вторжением гуннов, в связи с чем автор впоследствии связывал появление на Гераклейском полуострове круглых сооружений уже после краха державы Аттилы (Зубарь, 2004, с. 215–216, рис. 103).

Наиболее полно вещевой материал из могильников Крыма, в том числе и из раскопок Херсонеса (фибулы и пряжки) описал А.И. Айбабин (Айбабин, 1990; 1999) (рис. 4). Кроме того, своеобразный «варварский фон» Юго-Западного Крыма представлен в серии обобщающих работах, из которых назову только основные (Ушаков, 2010; 2022; Айбабин, Хайрединова, 2017) (там же см. литературу).

В.Н. Залесская составила подробный каталог предметов византийского прикладного искусства IV–VII вв., хранящихся в Эрмитаже, в том числе и из Херсонеса (Залесская, 2006). Среди них обращают на себя внимание предметы из металла – фибулы, пряжки, серь-

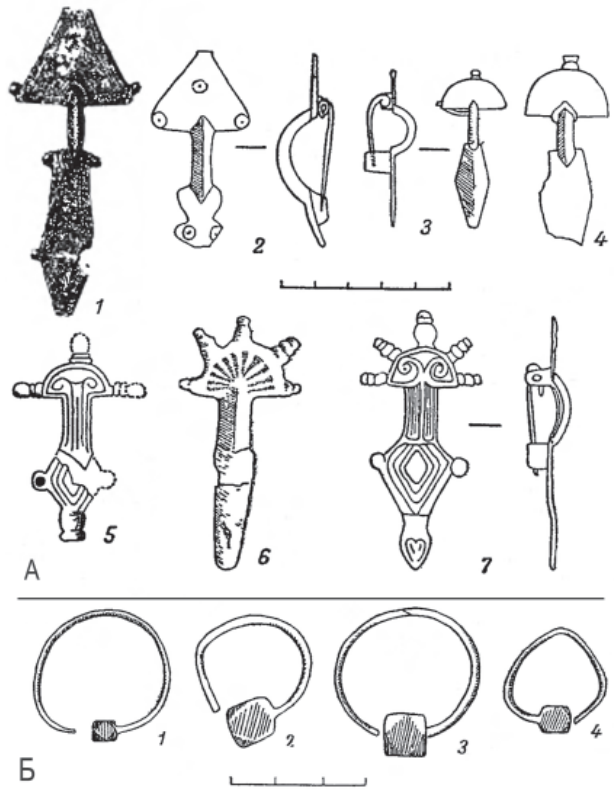

Рис. 3. Фибулы и серьги из некрополя Херсонеса. А – Якобсон, 1959, рис. 137; Б – Якобсон, 1959, рис. 143.

Fig. 3. Fibulae and earrings from the necropolis of Chersonesos. A – Yakobson, 1959, fig. 137; B – Yakobson, 1959, fig. 143.

ги (рис. 5), аналогии которым происходят из крымских варварских могильников и Восточного Средиземноморья.

Из современных исследований следовало бы отметить работы М.М. Казанского (Kazanski, 1998; Казанский, 2006) и А.В. Мастыковой (2017), в которых представлены конкретные находки вещей из Херсонеса. Среди них – фибулы, пряжки, кольца и др. (рис. 6; 7Б), а также костяные односторонние гребни (рис. 8). При этом авторы указывают ареал и этнокультурное их происхождение, с чем нельзя не согласиться; на этом основании можно говорить о присутствии в Херсонесе варваров, прежде всего германцев-готов (правда их статус остаётся до конца неясным).

Важную, хотя и неполную информацию несут каталоги византийских предметов из раскопок Херсонеса (рис. 7А – Византийский Херсон, 1991, № 24–26; 9, 10: 1 – Яшаева и др., 2011), среди которых можно найти упомянутые выше предметы, хотя полных соответствий там нет.

Подводя предварительные выводы, следует заметить, что наиболее информативными материалами к проблеме варваров в позднеантичном – ранневизантийском Херсонесе могут быть археологические артефакты, которые рассматривались в литературе пока только как отдельные предметы (металлические фибулы, пряжки, серьги и костяные гребни). В совокупности они до сих пор не рассматривались, что и является главной задачей настоящей работы. Такая постановка может быть определённым этапом рассмотрения проблемы варвары и Херсонес позднеантичной эпохи; реконструкция погребальных комплексов с варварским инвентарём, как и анализ погребального обряда таких погребений в городском некрополе, становятся, таким образом, задачей следующего (будущего) этапа исследований.

Итак, это следующие группы материалов.

Первая из них – *фибулы*. Их можно разделить на несколько категорий. Во-первых, это пальчатые фибулы с полукруглой головкой и тремя или пятью выступами. Одна из них – трёхпальчатая массивная, серебряная с позолотой, случайная находка на городище (1973 г., ГИАМЗ ХТ, № КП-159213) (рис. 9: 14) (рис. 7Б: 1 – Византийский Херсон, 1991, № 22, с. 37). На щитке имеется два завитка, на ножке – концентрические ромбы, она завершается изображением звериной головы. Авторы каталога 2011 г., приводя аналогии, датируют её второй половиной V в. (Яшаева и др., № 120, с. 484) (ср.: Айбабин, 1990, рис. 14: 8; 1999, табл. XXV: 1). Вторая фибула почти такая же, серебряная с позолотой, только несколько более изящная (1975 г., Западный некрополь, склеп 3, ГИАМЗ ХТ, № 28/36898) (рис. 9: 15). Полукруглый трёхлучевой щиток украшен двумя завитками, ромбовидная ножка гравирована бороздками и на двух боковых выступах украшена, по заключению авторов каталогов, вставками красного альмадина. Конец V – середина VI вв. (Византийский Херсон, 1991, № 23, с. 37; Яшаева и др., № 121, с. 485). А.В. Мастыкова приводит две аналогичные фибулы (рис. 7: 2) (2 – погр. 3.1975 г.) (Мастыкова, 2017, рис. 1: 2). Такие же две фибулы, также из серебра, одна из них целая, вторая – фрагментированная (рис. 2А: 2; 3А: 5), были опубликованы А.Л. Якобсоном (№ 503/14; № 22986), который отнёс первую из них ко времени не позже V – начала VI вв. (Якобсон,

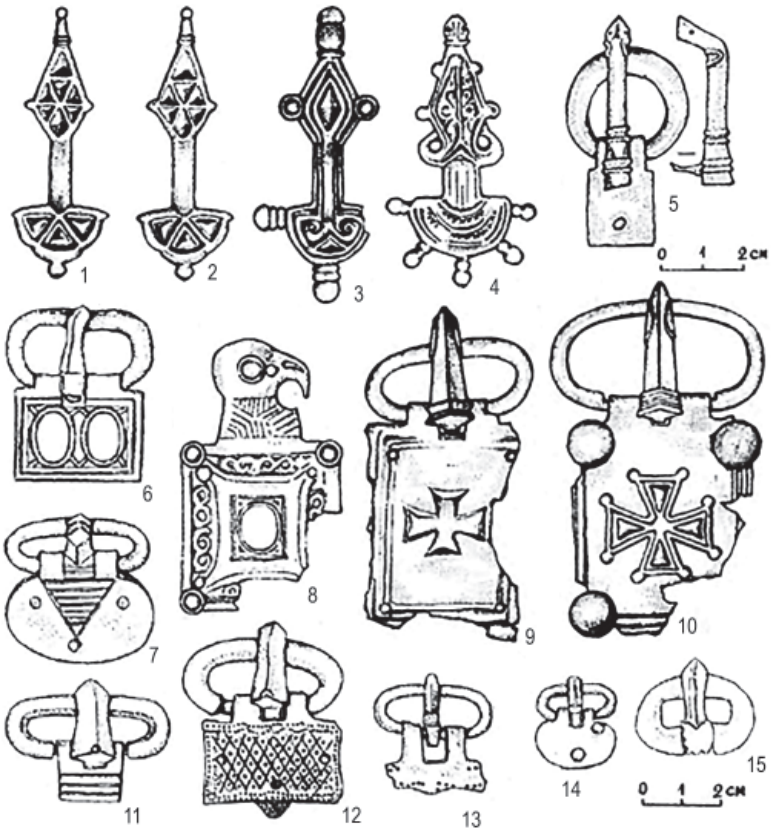

Рис. 4. Фибулы и пряжки из Херсонеса (по А.И. Айбабину, 1990).
Fig. 4. Fibulae and buckles from Chersonesos (according to A.I. Aibabin, 1990).

1959, с. 267–268, рис. 134: 2). Ещё две парные фибулы происходят из могилы 3/1891 (Айбабин, 1990, рис. 14: 3, 4; 1999, табл. XXV: 3). Точно такая же фибула («арбалетного типа») была найдена в 1905 г., предположительно при раскопках Загородного храма (рис. 5: 10). В.Н. Залесская датировала эту фибулу второй половиной V в. (Залесская, 2006, № 181, с. 112).

А.Л. Якобсон представил также две пятипальчатые фибулы из серебра (рис. 3: 6, 7) (№ 514/09 (23111), случайная находка; собр. ГИМ, планшет 51,2б с двумя одинаковыми фибулами) (Якобсон, 1959, с. 271–272, рис. 137: 6, 7). Оригинальной выглядит ещё одна пятипальчатая фибула с крупным полукруглым щитком, с орнаментом в виде завитков, по краям ножки которой имеется четыре гнезда со вставками, а также два небольших круглых углубления (рис. 7: 3) (Мастыкова, 2017, с. 240, рис. 1: 3). Нужно назвать ещё одну небольшую пятипальчатую фибулу, на полукруглом щитке которой имеется орнамент в виде полукруглых рельефных линий, на ромбовидной ножке – четыре выступа, выше которых – два боковых завитка (рис. 4: 4) (Айбабин, 1990, с. 22, рис. 20: 7).

Вторая группа фибул – двупластинчатые (самые распространённые). Одни из них – с полукруглым щитком (рис. 3: 3 – бронзовая, собрание херсонесского музея, планшет XXXIII; 3: 4 – серебро, ГИМ, № 22986 – Якобсон, 1959, рис. 137: 3, 4; рис. 5: 7 – из раскопок Загородного храма в 1905 г., инв. № 677; рис. 5: 8 – найдена в 1854 г.); продатированы В.Н. Залесской второй половиной V в. (Залесская, 2006, с. 112, № 179, 180). Девять экземпляров таких же фибул со ссылками на А.К. Амброза представил М.М. Казанский (Kazanski, 1998, fig. 5: 4–11; Казанский, 2006, рис. 5: 6–11, 21). Имеются в каталоге А.К. Амброза, который малые фибулы I подгруппы отнёс к IV в. (Амброз, 1966, с. 77, табл. 13: 11), II подгруппы – к V–VII вв., а вариант IIа (аналогичные нашим экземплярам) – скорее к V в. (Амброз, 1966, с. 86–91, рис. 7: 1; 8: 1). Из последних находок в Херсонесе можно добавить две фрагментированные фибулы из раскопок северо-восточного района города (рис. 12: 2, 4). Особняком стоит ещё одна

Рис. 5. Фибулы, пряжки, браслеты и накладки на ремень (по В.Н. Залесской, 2006).
Fig. 5. Fibulae, buckles, bracelets and belt linings (according to V.N. Zalesskaya, 2006).

двупластинчатая фибула, инкрустированная вставками цветных камней (рис. 7Б: 5, погр. 2266.1907) (Мастыкова, 2017, рис. 1: 5). По А.К. Амброзу, это двупластинчатые фибулы II подгруппы варианта а (Амброз, 1966, рис. 8: 6); близкая фибула имеется в могильнике Дюрсо (Амброз, 1989, рис. 36: 7).

Следующая подгруппа двупластинчатых фибул – с подтреугольными щитками (рис. 3: 1, 2 – бронзовые № 5343, 4493 – Якобсон, 1959, рис. 137: 1, 2; рис. 5: 6 – второй половины V в. – Залесская, 2006, с. 111–112, № 178, из раскопок Загородного храма, инв. № х 678). Есть они в каталоге 1991 г. (рис. 7А: 3) (Византийский Херсон, № 26, раскопки К.К. Косцюшко-Валюжинича, инв. № 5/37041) и в публикации М.М. Казанского (рис. 6: 1–5) (Казанский, 2006, 6: 1–5, дунайского происхождения).

Третья группа фибул – в форме так называемых «цикад». Ранее всего такую «цикаду» опубликовал А.Л. Якобсон (рис. 2А, *6* – Якобсон, 1959, с. 272, рис. 137: 1–2, склеп № 14, раскопки 1914 г., бронза, № 504/14–22987). Два экземпляра представлены в каталоге 1991 г. (рис. 7А: 1, 2; 9: 16). Оба происходят из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича (Византийский Херсон, 1991, № 24, 25, инв. № 6442, 136/37041; Южный район, возле оборонительной стены, гробница 3 – Яшаева и др., 2011, с. 485, № 122). Подобные два типа «цикад», которые А.К. Амброз называет брошами, имеются в его каталоге (Амброз, 1966, табл. 15: 22–24).

Прочие группы фибул представлены также единичными или немногочисленными экземплярами. Среди них – прогнутые подвязные нескольких разновидностей (рис. 6: 14–19)

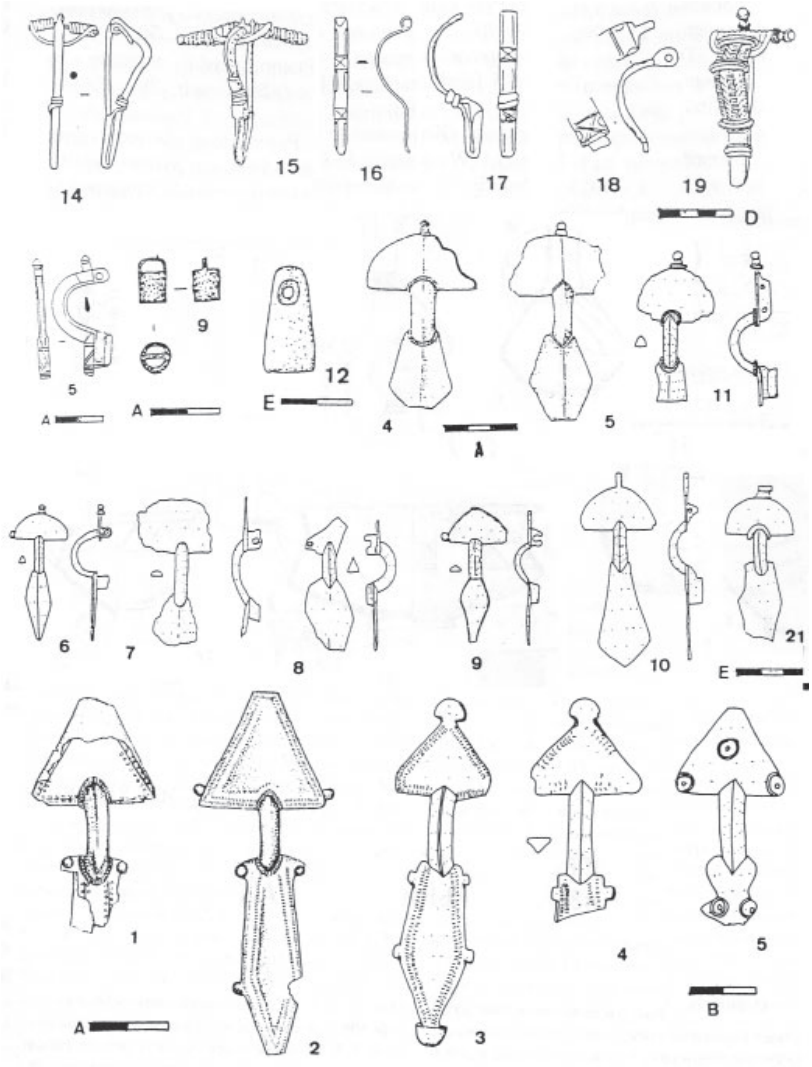

Рис. 6. Фибулы и подвески из Херсонеса (по М.М. Казанскому, 2006).
Fig. 6. Fibulae and pendants from Chersonesos (according to M.M. Kazansky, 2006).

(Казанский, 2006, рис. 1: 14–19), учтённые А.К. Амброзом (Амброз, 1966, с. 59–60, табл. 11: 8, 14), двучленные с высоким приёмником (рис. 6: 5) (Казанский, 2006, рис. 2: 5; ср.: Амброз, 2006, табл. 12: 18).

Наконец, самыми оригинальными выглядят две ажурные фибулы в форме удлинённых трапеций (огрублённый вариант римских провинциальных фибул с эмалями) (рис. 5: 11, 12); в двух треугольных и одном четырёхугольном гнёздах которых сохранились следы красной и зелёной пасты (Залесская, 2006, с. 111, № 177; найдены в 1891 г. в склепе № 3 у южной городской стены, инв. номера х 7а, х 7б). Имеются аналоги в памятниках черняховской культуры (Магомедов, 2001, рис. 71Б).

Пряжки – следующая группа находок, которые если и не очень многочисленны, то достаточно разнообразны. Это, например, большие поясные пряжки. Среди них выделяется одна, серебряная с позолотой, прямоугольный щиток которой украшен рельефным геометрическим орнаментом («кебшнитной резьбой») (рис. 2А: 1; 7Б: 4; 9: 9) (Якобсон, 1959, с. 267, рис. 134: 1, № 498/14; Византийский Херсон, 1991, № 27; Мастыкова, 2017, рис. 1: 4). Найдена в погребении Западного некрополя, раскопки Р.Х. Лёпера (Яшаева и др., 2011, с. 483, № 118, инв. № 22980). Публиковалась неоднократно (напр.: Айбабин, 1990, с. 29–30, рис. 24: 1; 1999, табл. XXV: 12).

Это также пряжки с крестами на щитках (рис. 2В: 1) (Якобсон, 1959, с. 270, рис. 136: 1, из склепа А 1909 г. № 4282/09, 18635), (рис. 4: 9, 10) (Айбабин, 1990, рис. 28: 1 – склеп 62; рис. 28: 3 – склеп 620). Две пряжки хранятся в Государственном Эрмитаже (рис. 5: 1, 2) (Залесская, 2006, с. 113, № 183 – склеп 620,

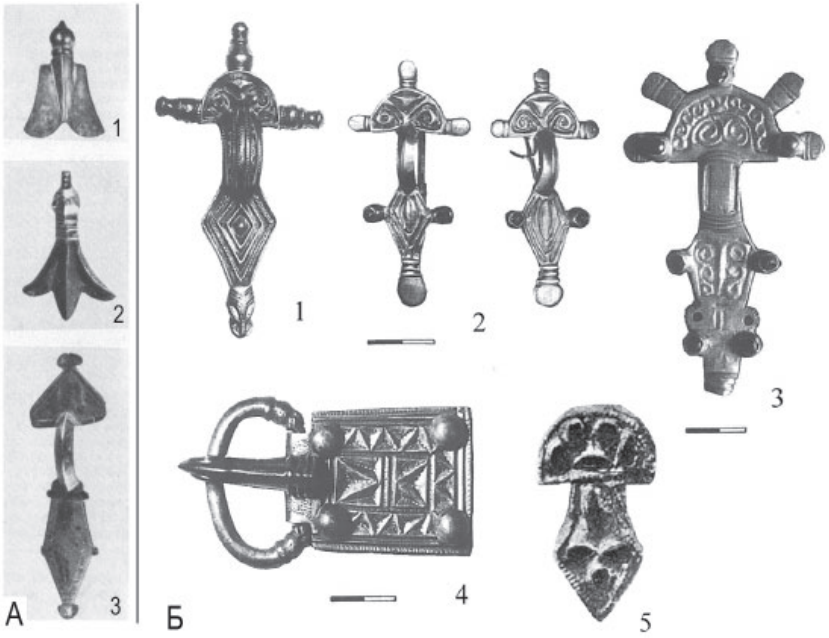

Рис. 7. Фибулы и пряжка из Херсонеса. А – Византийский Херсон, 1991, № 24–26; Б – Мастыкова, 2017, рис. 1 (вещи восточногерманской традиции).
Fig. 7. Fibulae and buckle from Chersonesos. A – Byzantine Kherson, 1991, No. 24-26; B – Mastykova, 2017, Fig. 1 (items of East German traditional craft).

инв. № х 122; № 184, найдена в 1854 г., инв. № х 2).

Оригинальной выглядит серебряная с позолотой пряжка с фрагментированным щитком, на котором сохранилось изображение гравированной четырёхлепестковой розетки в круге с лепестками, декорированными короткими поперечными насечками (рис. 9: 10) (Византийский Херсон, 1991, № 28, раскопки К.К. Косцюшко-Валюжинича; Яшаева и др., 2011, с. 482, № 117, инв. № 2747). Такие или похожие пряжки (в том числе с крестами) А.И. Айбабин вслед за другими авторами отнес к местному производству (Айбабин, 1990, с. 30, рис. 24: 7; 1999, с. 130, рис. 53: 3). Возможно, таковой является и большая декорированная пряжка, прямоугольный щиток которой сохранился крайне фрагментарно, в отличие от массивной овальной рамки (рис. 2Г: 1) (Якобсон, 1959, рис. 138: 1).

От этих пряжек формой своего щитка и другими деталями отличаются массивные пряжки с прямоугольными вертикально расположенными щитками с прямоугольными выступами с параллельными врезными линиями (рис. 2А: 4; 9: 8) (Якобсон, 1959, с. 267, рис. 134: 4, серебро, склеп № 499/14, 22981; Яшаева и др., 2011, с. 483, № 119); (рис. 2Б: 3, 7) (Якобсон, 1959, рис. 135: 3, 7). Вероятно, к такой же пряжке относиться овальная массивная рамка с язычком и частью щитка (рис. 4: 11) (Айбабин, 1990, с. 36, рис. 37: 7), аналогии которым происходят из погребений Крыма (Айбабин, 1990, рис. 37: 12 – Скалистое) и Подунавья.

Прочие пряжки с овальными рамками разнообразны по форме, размеру и оформлению щитков (рис. 2А: 5 – № 500/14, 22982; 2Б: 1, 2, 4–6, 8, 9, 11–13; 2В: 2–4 – склеп А 1909 г., серебро № 4280/09 и бронза № 4285/09), часть из них, судя по размерам, обувные (рис. 4: 13, 14) (Айбабин, 1990, рис. 37: 16, 18). Крупные массивные – несомненно, поясные (рис. 5: 2, 9) (Залесская, 2006, с. 113–114, № 185, серебро, инв. № х 54, 1802 г., некрополь у южной городской стены; № 186, бронза, инв. № х 676, 1905 г., склеп 2126 у Загородного храма); мелкие – обувные. От них отличаются небольшие пряжки с декоративно украшенными щитками (рис. 2Г: 2–4) (Якобсон, 1959, рис. 138: 2–4 – бронза, ГИМ, планшет 51/3б; железо с обкладкой серебряной пластиной со штампованным орнаментом, ГИМ, планшет 51/2б). В качестве аналогий пряжкам с овальными рамками из Херсонесского некрополя можно назвать ещё недавно опубликованные пряжки и их детали из склепа Аристона с живописной росписью (Туровский, Филиппенко, 2024, рис. 56: 14–24).

Единичными являются две пряжки. Первая из них – с округлой рамкой, массивным хоботкообразным язычком и небольшим прямоугольным щитком конца V – начала VI вв. (рис. 4: 5; 9: 11) (Айбабин, 1990, рис. 23: 7; Яшаева и др., 2011, с. 482, № 116, серебро, раскопки К.К. Косцюшко-Валюжинича, инв.

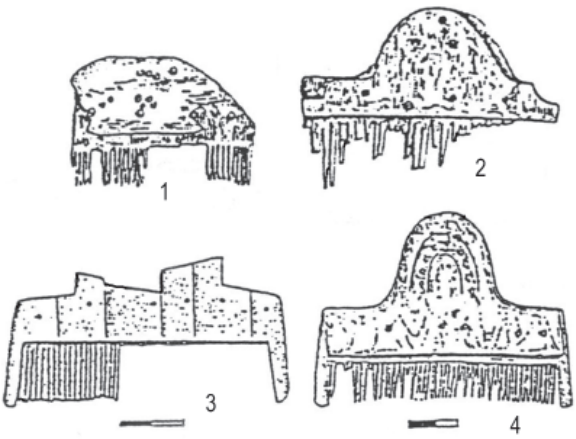

Рис. 8. Костяные гребни из Херсонеса (Kazanski, 1998, fig. 9; Казанский, 2006, рис. 3).
Fig. 8. Bone ridges from Chersonesos (Kazanski, 1998, fig. 9; Kazansky, 2006, fig. 3).

№ 3827). Вторая пряжка – фрагментированная, относительно небольшая орлиноголовая, щиток которой сохранился частично, рамка не сохранилась, второй половины VI в. (рис. 4: 8) (Айбабин, 1990, с. 32–35, рис. 29: 3).

Ещё одна группа погребального инвентаря – бронзовые и серебряные *браслеты* IV–V вв. (рис. 2А: 3) (Якобсон, 1959, с. 267, рис. 134: 3); (рис. 5: 13, 14) (Залесская, 2006, с. 105–107, № 153, 154, 156–159; 1892 г., некрополь у южной оборонительной стены, инв. № х 42, х 43, х 45, х 46, х 47, х 49); (рис. 9: 5–7) (Яшаева и др., 2011, с. 479–480, № 109, № 110 – раскопки В.М. Зубаря, Западный некрополь, могила 74, серебро, инв. № 25/37118, 26/37118; № 111 – раскопки К.К. Косцюшко-Валюжинича, инв. № 1793, серебро). Также они довольно часто встречаются в крымских погребениях варваров (Хайрединова, 2002, рис. 24: 2, склеп 75 могильника Лучистого).

Бронзовые и серебряные *серьги* с многогранниками – также обычны как для варварских погребений (Хайрединова, 2002, рис. 24: 1), так и некрополя Херсонеса (рис. 2Б, *1–4*) (Якобсон, 1959, с. 279–280, рис. 143: 1–4; №№ 2802, 2808, 2812, 2814; бронза); (рис. 9: 1–4) (Яшаева и др., 2011, с. 478, № 106 – раскопки К.К. Косцюшко-Валюжинича, 1892 г., Государственный Эрмитаж, инв. № х 38 а, б, серебро; 107 – раскопки К.К. Косцюшко-Валюжи-

Рис. 9. Серьги, браслеты, пряжки и фибулы из Херсонеса (по: Яшаева и др., 2011).
Fig. 9. Earrings, bracelets, buckles and fibulae from Chersonesos (according to: Yashaeva et al., 2011).

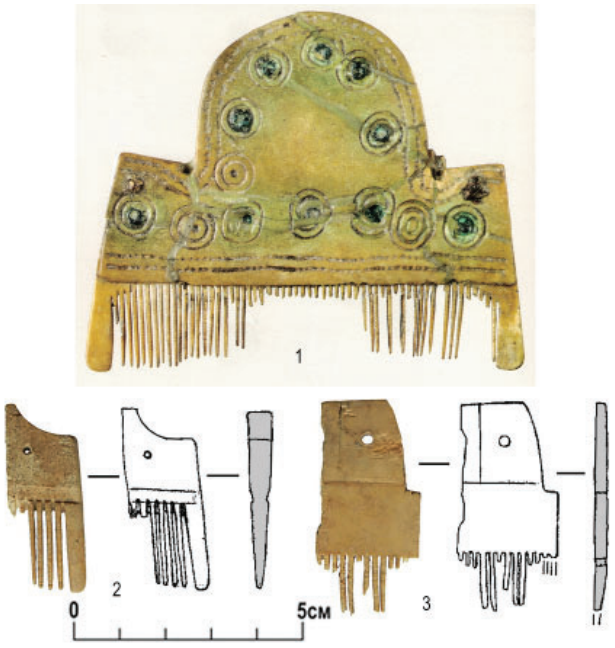

Рис. 10. Костяные гребни из Херсонеса. 1 – Наследие Византийского Херсона, 2011, № 328; 2, 3 – из раскопок базилики Крузе (Ушаков, 2014, рис. 138: 2) (фото К.В. Зыковой, рис. В.В. Дорошко).
Fig. 10. Bone combs from Chersonesos. 1 – The Legacy of Byzantine Kherson, 2011, № 328; 2, 3 – from the excavations of Kruse Basilica (Ushakov, 2014, fig. 138: 2) (photo by K.V. Zykova, drawing by V.V. Doroshko).

нича, 1891 г., инв. № х 9 а, б, серебро). Одна такая бронзовая серьга происходит из раскопок Северо-Восточного района городища (рис. 12: 1). Все такие серьги могут быть упрощенным вариантом золотых серёг со вставками цветного стекла (см.: Хайрединова, 2002, рис. 17: 13, 15, 18), которые изготавливали в позднеантичных – ранневизантийских центрах, в нашем случае – возможно, Херсонесе (рис. 9: 12, 13) (Яшаева и др., 2011, с. 453, № 54 – раскопки К.К. Косцюшко-Валюжинича, 1893 г., Государственный Эрмитаж, инв. № х 671 а, б, золото, стекло).

Во многом аналогичная ситуация имеется с другими предметами. Это так называемые *ухочистки* (Ушаков, 2024, рис. 7: 2). Один экземпляр происходит из раскопок Р.Х. Лёпера (рис. 9: 17) (Яшаева и др., 2011, с. 486, № 123 – юго-восточный некрополь, могила 5, инв. № 3931, серебро), второй – из северо-восточного района городища (рис. 12: 7).

Последние предметы из металла – две *накладки* на ремень, удлинённые со скруглёнными концами, по краям – крупная зернь, в центре – гнёзда, заполненные зелёной и красной стеклянной пастой V в. (рис. 5: 15, 16) (Залесская, 2006, с. 114–115, № 190, найдены в 1905 г., у южной стороны Загородного храма, склеп № 2126, инв. № х 670, золото, стеклянная паста, зернь).

Комплекс металлических предметов дополняется находками костяных односторонних трёхчастных *гребней* (рис. 8: 1–4) (Kazanski, 1998, fig. 9: 2, 10–12; Казанский, 2006, рис. 18–20); (рис. 10: 1) (Яшаева и др., 2011, с. 586, № 328, раскопки Н.В. Пятышевой, 1974 г., ГИМ, инв. № 103183). Последние две находки фрагментов таких гребней найдены при раскопках базилики Крузе (пом. I, слой 4) (Ушаков, 2014, рис. 138: 2). Один из похожих фрагментированных гребней происходит из раскопок Тиры (Сон, 2011, с. 299, рис. 4: 4). Почти все прочие аналогии подобным гребням – из погребений черняховской культуры (рис. 11), где найдены также мастерские по их изготовлению (Магомедов, 2001, рис. 78; Некрасова, 2006, с. 93, рис. 14: 4, 45: 2). На этот момент обращает внимание М.М. Казанский (Kazanski, 1998, p. 330).

К фибулам из ареала черняховской культуры относятся и двупластинчатые фибулы из Херсонеса (Kazanski, 1998, p. 331, fig. 1: 4–12). Другая серия германских предметов, обна-

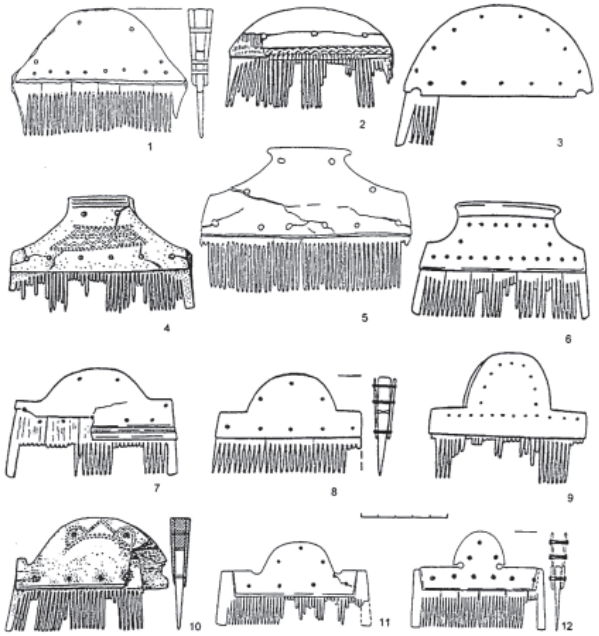

Рис. 11. Костяные гребни черняховской культуры (Магомедов, 2001, рис. 78).
Fig. 11. Bone combs of the Chernyakhovo culture (Magomedov, 2001, fig. 78).

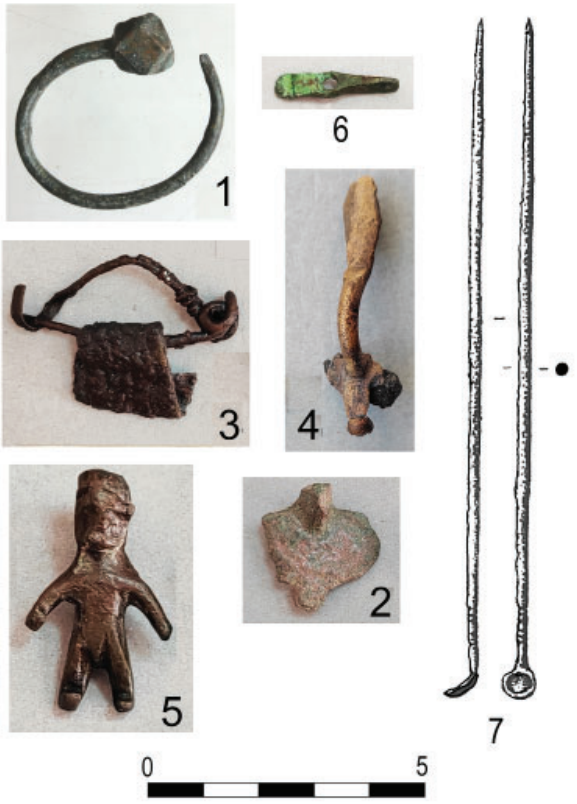

Рис. 12. Предметы из бронзы из раскопок С.В. Ушакова Северо-Восточного района Херсонесского городища (фото К.В. Зыковой, рис. В.В. Дорошко).
Fig. 12. Bronze items from the excavations by S.V. Ushakov in the Northeastern region of Chersonesos settlement (photo by K.V. Zykova, drawing by V.V. Doroshko).

руженных в Херсонесе (фибулы с треугольными, трёх- и пятипальчатыми головками, с зооморфным декором), происходит из Среднего Подунавья (Kazanski, 1998, p. 334–338, fig. 2; 3). Итало-остготскими предметами являются пряжка из погребения 14.1914 г. (Kazanski, 1998, p. 338, fig. 4: 1), пряжка типа Удине-Планиса (Kazanski, 1998, p. 338, fig. 3: 8), что может свидетельствовать, по мнению М.М. Казанского, о присутствии здесь остготов, депортированных из Италии и использованных императором Юстинианом для защиты границ Империи в Крыму (Kazanski, 1998, p. 338–339). Другие германские предметы, обнаруженные в Херсонесе, происходят из соседних областей Юго-Западного Крыма, названных Прокопием Кесарийским «Страной Дори» и населенных готами (Прокопий, De aedificiis, III, 7.13-17). Среди таких следует отметить пряжки, украшенные головами орла и без таковых, второй половины VI – первой четверти VII в. и немного позднее (Kazanski, 1998, p. 338–339, fig. 5: 5–8) (рис. 2Г: 1, 2; рис. 4: 8). Некоторые германские предметы из Херсонеса происходят из Боспора (близкие фибулы находят у остготов Италии) Киммерийского (Kazanski, 1998, p. 339–340, fig. 3: 3). Наконец, в Херсонесе есть примеры пряжки от костяной кочевнической упряжи, а также предметы, предположительно, аланского происхождения (Kazanski, 1998, p. 342–342, fig. 7: 1–3).

Таким образом, проанализированные предметы позволяют утверждать о варварском присутствии, пусть и в относительно небольшом числе, прежде всего германцев-готов, в значительно меньшей степени кочевников-гуннов и аланов в составе населения Херсонеса в IV–VII вв. Кроме того, эти материалы позволяют реконструировать женский варварский костюм (Хайрединова, 2002, рис. 19). Впрочем, эти темы требуют своего дополнительного изучения.

ЛИТЕРАТУРА

Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеантичного и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. I. С. 4–86.

Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар, 1999. 352 с.

Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Крымские готы страны Дори (середина III – VII в.). Симферополь: Антиква, 2017. 366 с.

Амброз А.К. Фибулы Юга Европейской части СССР. III в. до н. э. – IV в. н. э. / САИ. Вып. Д1-30. М.: Наука, 1966. 142 с.

Амброз А.К. Хронология древностей Северного Кавказа V–VII вв. М.: Наука, 1989. 134 с.

Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935–1936 гг. Симферополь: Госиздат КрымАССР, 1938. 349 с.

Белов Г.Д. Некрополь Херсонеса классической эпохи // СА. Т XIII / Отв. ред. М.И. Артамонов. М.; Л.: АН СССР, 1950. С. 272–287.

Белов Г.Д. Некрополь Херсонеса эллинистической эпохи // АСГЭ. Вып. 19 / Отв. ред. А.М. Микляев. Л.: Аврора, 1978. С. 45–67.

Византийский Херсон: Каталог выставки / Отв. ред. И. С. Чичуров. М.: Наука, 1991. 256 с.

Залесская В.Н. Памятники византийского прикладного искусства IV–VII веков. Каталог коллекции. СПб.: ГЭ, 2006. 272 с.

Зедгенидзе А.А., Савеля О.Я. Некрополь Херсонеса V–VI вв. до н. э. // КСИА. Вып. 168 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1981. С. 3–9.

Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н. э. Киев: Наукова думка, 1982. 144 с.

Зубарь В.М. Этнический состав населения Херсонеса Таврического первых веков нашей эры (по материалам некрополя) // Материалы к этнической истории Крыма VII в. до н. э. – VII в. н. э. / Отв. ред. Т.Н. Высотская. Киев: Наукова думка, 1987. С.78–105.

Зубарь В.М. Херсонес Таврический и население Таврики в античную эпоху. Киев: Шлях, 2004. 312 с.

Зубарь В.М. Об интерпретации остатков круглых построек на Гераклейском полуострове // Проблемы истории, филологии, культуры (ПИФК). 2006. № 1 (16). С. 65–87.

Зубарь В.М., Робустова А.В. Два новых раннесредневековых склепа Западного некрополя Херсонеса // АДСВ. Вып. 24 / Отв. ред. М. А. Поляковская. Свердловск: УрГУ, 1988. С. 135–141.

Иванов А.В. Население Византийского Херсона по данным антропологии // Сорочан С.Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Часть III. Харьков; М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2013. С. 446–459.

Иванов А.В. Население античного Херсонеса Таврического — византийского Херсона по данным антропологии. Севастополь: Альбатрос, 2016. 352 с.

Кадеев В.И. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Харьков: Вища школа, Изд-во при Харьк. ун-те, 1981. 143 с.

Кадеев В.И. Еще раз об этнической принадлежности скорченных захоронений в раннем некрополе Херсонеса Таврического // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма / Ред. Ю.М. Могаричев, И.Н. Храпунов. Симферополь: Таврия, 1995. С. 32–37.

Казанский М.М. Германцы в Юго-Западном Крыму в позднеримское время и в эпоху великого переселения народов // Готы и Рим / Ред. Р.В. Терпиловский. Киев: Стилос, 2006. С. 26–41.

Магомедов Б.В. Черняховская культура. Поблемы этноса. Lublin: Wyd-wo Uniwersytetu Marii Curie-Sklodowskiej, 2001. 290 с.

Мастыкова А.В. Женский костюм германского происхождения в погребальном контексте ранневизантийских городов Северного Причерноморья (V–VI вв.) // Вестник ВолГУ. Серии 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22. № 5. С. 20–33.

Некрасова А.Н. Памятники черняховской культуры Днепровского левобережья // Готы и Рим / Ред. Р.В. Терпиловский. Киев: Стилос, 2006. С. 87–200.

Сон Н.А. Костяные изделия из Тиры // Боспорские исследования. 2011. Вып. XXV. С. 298–311.

Стржелецкий С.Ф. Раскопки таврского некрополя Херсонеса // Херсонесский сборник. Вып. XVI / Отв. ред. С.Ф. Стржелецкий. Симферополь: Крымиздат, 1948. С. 68–95.

Туровский Е.Я., Филиппенко А.А. Херсонесские склепы с живописной росписью. Севастополь: ГИА МЗ «Херсонес Таврический», 2024. 120 с.

Ушаков С.В. Варвары горной Таврики на рубеже эпох: Этническая ситуация в Юго-Западном Крыму (III – середина VI вв. н. э.). Опыт реконструкции / Археологический альманах. № 23. Донецк: Донбасс, 2010. 180 с.

Ушаков С.В. Отчет о раскопках в Северо-восточном районе Херсонеса в 2014 г. // Архив ГИАМЗ ХТ. Д. 4326.

Ушаков С.В. Юго-Западный Крым в эпоху Великого переселения народов // Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда. Материалы V международного конгресса археологии евразийских степей (г. Туркестан, 11–14 октября 2022 г.). Т. 2/ Отв. ред. Б.А. Байтанаев, А.Г. Ситдиков, Д.А. Воякин. Алматы; Туркестан: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2022. С. 209–228.

Ушаков С.В. Могильник Карши-Баир в Юго-Западном Крыму (итоги изучения и общая характеристика) // Поволжская археология. 2024. № 2 (48). С. 191–204. DOI: https://doi.org/10.24852/pa2024.2.48.191.204

Фомин М.В. Погребальная традиция и обряд в византийском Херсоне (IV–X вв.). Харьков: Коллегиум, 2011. 290 с.

Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры / МИА. № 63. М.; Л.: АН СССР, 1959. 365 с.

Яшаева Т., Денисова Е., Гинькут Н., Залеская В., Журавлев Д. Наследие византийского Херсона. Севастополь: Телескоп, Остин: ИКА Техас. ун-та, 2011. 708 с.

Хайрединова Э.А. Женский костюм варваров Юго-Западного Крыма в V – первой половины VI вв. // МАИЭТ. 2002. Вып. IX. С. 53–118.

Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. – VI в. н. э. Очерки истории и культуры / Гл. ред. П.П. Толочко. Харьков: Майдан, 2004. 732 с.

Kazanski M. Les Barbares à Chersonèse (Ve–VIe s.) / Balard M., et al. (eds.) // Εὐψυχία. Mélanges offerts à Hélène Ahrweiler. Vol. II. Paris: Publications de la Sorbonne. 1998. P. 329–344.

Информация об авторе:

Ушаков Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела античной археологии, Институт археологии Крыма РАН (г. Симферополь, Россия); yshakovsv@list.ru

REFERENCES

Aibabin, A. I. 1990. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* (1), 4–86 (in Russian).

Aibabin, A. I. 1999. *Etnicheskaia istoriia rannevizantiiskogo Kryma (Ethnic history of the early Byzantine Crimea).* Simferopol: "Dar" Publ. (in Russian).

Aibabin, A. I., Khayredinova, E. A. 2017. *Krymskie goty strany Dori (seredina III–VII v.). (Crimean goths in the region of Dory (mid-third to seventh century)).* Simferopol: "Antikva" Publ. (in Russian).

Ambroz, A. K. 1966. *Fibuly Yuga Evropeiskoi chasti SSSR. III v. do n.e. – IV v. n.e. (The Fibulae from South of the USSR European part).* Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources). D1–30. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Ambroz, A. K. 1989. *Khronologiia drevnostei Severnogo Kavkaza V–VII vv. (Chronology of the Antiquities of the North Caucasus of the 5th –7th cc.).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Belov, G. D. 1938. *Otchet o raskopkakh v Khersonese za 1935–1936 gg. (Report on excavations in Chersonesos in 1935-1936).* Simferopol: "Gosizdat KrymASSR" Publ. (in Russian).

Belov, G. D. 1950. In Artamonov, M. I. (ed.). *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* XIII. Moscow; Leningrad: the USSR Academy of Sciences, 272–287 (in Russian).

Belov, G. D. 1978. In Miklyaev, A. M. (ed.). *Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 19. Leningrad: "Avrora" Publ., 45–67 (in Russian).

Chichurov, I. S. (ed.). 1991. *Vizantiiskii Kherson (Byzantine Kherson). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).*

Zalesskaya, V. N. 2006. *Pamyatniki vizantiyskogo prikladnogo iskusstva IV–VII vekov. Katalog kollektsii (Monuments of Byzantine applied arts 4th - 7th centuries. Collection Catalogue).* Saint Petersburg: The State Hermitage Museum (in Russian).

Zedgenidze, A. A., Savelya, O. Ya. 1981. In Kruglikova, I. T. (ed.). *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 168. Moscow: "Nauka" Publ., 3–9 (in Russian).

Zubar, V. M. 1982. *Nekropol' Khersonesa Tavricheskogo I–IV vv. n. e. (Chersonesus necropolis of the I–IV centuries A.D).* Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

Zubar, V. M. 1987. In Vysotskaia, T. N. (ed.). *Materialy k etnicheskoi istorii Kryma VII v. do n.e. – VII v. n.e. (Materials on the Ethnical History of Crimea in 7th Century B.C. – 7th Century A.D.)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 78–105 (in Russian).

Zubar, V. M. 2004. *Tavricheskiy i naselenie Tavriki v antichnuyu epokhu (Tauride and the population of Taurica in the ancient era).* KIev; "Shlyakh" Publ. (in Russian).

Zubar, V. M. 2006. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Journal of Historical, Philological and Cultural Studies)* 16 (1), 65–87 (in Russian).

Zubar, V. M., Robustova, A. V. 1988. In Polyakovskaya, M. A. (ed.). *Antichnaya drevnost' i srednie veka (Antichnaya drevnost' i srednie veka)* 24. Sverdlovsk: Ural State University, 135–141 (in Russian).

Ivanov, A. V. 2013. In Sorochan, S. B. *Vizantiyskiy Kherson (vtoraya polovina VI – pervaya polovina X vv.). Ocherki istorii i kul'tury (Byzantine Kherson (the second half of the 6th and the first half of the 10th centuries). Essays on history and culture).* Part 3. Kharkov; Moscow: "Russkiy Fond Sodeystviya Obrazovaniyu i Nauke" Publ., 446–459 (in Russian).

Ivanov, A. V. 2016. *Naselenie antichnogo Khersonesa Tavricheskogo — vizantiyskogo Khersona po dannym antropologii (Ancient Tauric Chersonesos population – Byzantine Cherson, based on the anthropological materials).* Sevastopol: "Albatros" Publ. (in Russian).

Kadeev, V. I. 1981. *Khersones Tavricheskiy v pervykh vekakh nashey ery (Tauric Chersonesos in the first centuries AD).* Kharkov: Kharkov State University (in Russian).

Kadeev, V. I. 1995. In Mogarichev, Yu. M., Khrapurnov, I. N. (eds.). *Problemy arkheologii drevnengo i srednevekovogo Kryma (Issues of Archaeology of the Ancient and Medieval Crimea)*. Simferopol: "Tavriia" Publ., 32–37 (in Russian).

Kazansky, M. M. 2006. In Terpilovskiy, R. V. (ed.). *Goty i Rim (Goths and Rome)*. Kiev: "Stilos" Publ., 26–41 (in Russian).

Magomedov, B. V. 2001. *Chernyakhovskaya kul'tura. Poblemy etnosa (Chernyakhov culture. Ethnic Issues)*. Lublin: University named after Mariya Curie-Sklodovskaya Publ. (in Russian).

Mastykova, A. V. 2017. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia 4, Istoriia. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia (Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations)* 5 (22), 20–33 (in Russian).

Nekrasova, A. N. 2006. In Terpilovskiy, R. V. (ed.). *Goty i Rim (Goths and Rome)*. Kiev: "Stilos" Publ., 87–200 (in Russian).

Son, N. A. 2011. In *Bosporskie issledovaniya* (*Bosporan Studies*) 25, 298–311 (in Russian).

Strzheletsky, S. F. 1948. In Strzheletsky, S. F. (ed.). *Khersonesski sbornik (Chersonesos collection)* 16. Simferopol: "Krymizdat" Publ., 68–95 (in Russian).

Turovsky, E. Ya., Filippenko, A. A. 2024. *Khersonesskie sklepy s zhivopisnoy rospis'yu (Chersonesos crypts with picturesque paintings).* Sevastopol: The State Museum-Preserve "Tauric Chersonese" (in Russian).

Ushakov, S. V. 2010. *Varvary gornoy Tavriki na rubezhe epokh: Etnicheskaya situatsiya v Yugo-Zapadnom Krymu (III – seredina VI vv. n. e.). Opyt rekonstruktsii (The Barbarians of Tauric Highland at the turn of the epochs: The Ethnic Situation in South-Western Crimea (III – mid VI centuries). Reconstruction Experience)*. Series: Arkheologicheskii al'manakh (Archaeological almanac) 23. Doneczk: "Donbass" Publ. (in Russian).

Ushakov, S. V. 2014. *Otchet o raskopkakh v Severo-vostochnom rayone Khersonesa v 2014 g. (Report on excavations in the Northeastern region of Chersonesos in 2014).* Archive of the State Museum-Preserve "Tauric Chersonese". Dossier 4326 (in Russian).

Ushakov, S. V. 2022. In Baitanayev, B. A., Sitdikov, A. G., Voyakin, D. A. (eds.). *Evraziyskaya stepnaya tsivilizatsiya: chelovek i istoriko-kul'turnaya sreda. Materialy V mezhdunarodnogo kongressa arkheologii evraziyskikh stepey (g. Turkestan, 11–14 oktyabrya 2022 g.). V 5-ti t. (Eurasian steppe civilization: human and the historical and cultural environment. Proceedings of the 5th International Congress on Archaeology of the Eurasian Steppes (Turkistan, 11–14 October, 2022). In 5 volumes)* 2. Almaty – Turkistan: Margulan Institute of Archaeology, 209–228 (in Russian).

Ushakov, S. V. 2024. In *Povolzhskaya arkheologiya (The Volga River Region Archaeology)* 48 (2), 191–204 (in Russian).

Fomin, M. V. 2011. *Pogrebal'naya traditsiya i obryad v vizantiyskom Khersone (IV–X vv.) (Funerary tradition and ritual in Byzantine Kherson (4th–10th centuries)).* Kharkiv: "Kollegium" Publ. (in Russian).

Yakobson, A. L. 1959. *Rannesrednevekovyi Khersones. Ocherki istorii material'noi kul'tury (Early Medieval Chersonesos. Essays on the History of Material Culture).* Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 63. Moscow; Leningrad: the USSR Academy of Sciences (in Russian).

Yasheva, T., Denisova, E., Ginkut, N., Zaleskaya, V., Zhuravlev, D. 2011. *Nasledie vizantiyskogo Khersona (The legacy of Byzantine Kherson).* Sevastopol: „Teleskop" Publ.; Austin: Texas University (in Russian).

Khaitedinova, E. A. 2002. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* (9), 453–118 (in Russian).

Tolochko, P. P. (ed.-in chief.) 2004. *Khersones Tavricheskiy v seredine I v. do n. e. – VI v. n. e. Ocherki istorii i kul'tury (Tauric Chersonesos in the middle of the 1st century BC – 6th century AD. Essays on history and culture).* Kharkov: "Maidan" Publ. (in Russian).

Kazanski, M. 1998. In Balard M., et al. (eds.). *Ešψνχία. Mélanges offerts à Hélène Ahrweiler*. Vol. II. Paris: Publications de la Sorbonne, 329–344 (in French).

About the Author:

Ushakov Sergej V. Candidate of Historical Sciences. Institute of archeology of the Crimea RAS, Akad. Avenue Vernadsky, 2, Simferopol, 295007, Russian Federation; yshakovsv@list.ru

Статья поступила в журнал 14.04.2025 г.
Статья принята к публикации 15.07.2025 г.

CC BY NC

УДК 9 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.5.186.191

БЫЛИ ЛИ БУДДИСТЫ В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ? К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ В ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ (НА ПРИМЕРЕ СВЕДЕНИЙ «УМДЕТ АЛ-АХБАР» АБДУЛГАФФАРА КЫРЫМИ)[1]

©2025 г. И.М. Миргалеев

Цель данной статьи проанализировать сведения «Умдет ал-ахбар» Абдулгаффара Кырыми о буддистах в Золотой Орде, о появлении термина Далай-ламы и манджы в труде крымско-османского автора XVIII века. Как известно, некоторыми археологами, в частности В.П. Костюковым был выдвинут тезис о значительной группе буддистов среди монголо-татар. Наличие буддистов в Улусе Джучи не оспаривается, при этом автор статьи считает, что данный вопрос требует дальнейших исследований на основе комплексного историко-археологического анализа свидетельств письменных источников и археологических материалов. Анализ письменных источников указывает, что буддисты воспринимались как обычные язычники, что указывает, в том числе и на их малочисленность в Улусе Джучи. Данные Абдулгаффара Кырыми дают дополнительные материалы в интерпретации археологических артефактов, которые, как считают некоторые исследователи, имеют отношение к буддистам.

Ключевые слова: Золотая Орда, буддисты, монголы, татары, Улус Джучи, религия

WERE THERE BUDDHISTS IN THE GOLDEN HORDE? PROBLEM STATEMENT IN HISTORICAL AND ARCHAEOLOGICAL CONTEXT (ON THE EXAMPLE OF INFORMATION FROM ABDULGAFFAR KYRYMI'S UMDET AL-AKHBAR)[2]

I.M. Mirgaleev

The purpose of this paper is to analyze the information in Umdet al-Akhbar by Abdulghaffar Kyrymi related to Buddhists in the Golden Horde, the appearance of the term Dalai Lama and Manja in the work by the Crimean-Ottoman author of the 18th century. It is known that certain archaeologists, in particular V.P. Kostyukov, have advanced a thesis about a significant group of Buddhists among the Mongol-Tatars. The presence of Buddhists in the Ulus of Jochi is not disputed, while the author of the paper believes that this issue requires further research based on a comprehensive historical and archaeological analysis of evidence from written sources and archaeological materials. According to an analysis of written sources, Buddhists were perceived as ordinary pagans, which indicates, in particular, their sparsity in the Ulus of Jochi. The details by Abdulghaffar Kyrymi provide additional materials in the interpretation of archaeological artifacts, which, according to some researchers, are related to Buddhists.

Keywords: Golden Horde, Buddhists, Mongols, Tatars, Ulus of Jochi, religion

Вопрос о наличии буддистов в Улусе Джучи уже рассматривался специалистами (Костюков, 2009; Костюков, 2006; Попов, 2011; Усманова, Дрёмов, 2015). Прежде всего, конечно, здесь можно выделить работы В.П. Костюкова, хотя его интерпретация некоторых археологических артефактов, способов захоронения и данных письменных источников не бесспор-

[1] Работа выполнена за счет гранта Академии наук Республики Татарстан, предоставленного молодым кандидатам наук (постдокторантам) с целью защиты докторской диссертации, выполнения научно-исследовательских работ, а также выполнения трудовых функций в научных и образовательных организациях Республики Татарстан в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Научно-технологическое развитие Республики Татарстан».

2 The work was carried out at the expense of a grant from the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, provided to young candidates of science (postdoctoral students) for the purpose of defending a doctoral dissertation, carrying out research work, and also performing work functions in scientific and educational organizations of the Republic of Tatarstan within the framework of the State Program of the Republic of Tatarstan "Scientific and Technological Development of the Republic of Tatarstan".

на. Все же постановка вопроса корректна. Буддизм проник к кочевникам Центральной Азии уже в раннее Средневековье, и, безусловно, буддисты были среди подданных первых чингизидов. Уйгуры, которые исповедовали в основном буддизм, активно привлекались чингизидами в качестве обслуживающих государственный аппарат. Это говорит о том, что буддисты точно присутствовали во всех чингизидских политиях. Исключением не был и Улус Джучи.

Девин Девиз утверждает, что понятия «уйгур» и «буддист» для мусульман были тождественны (Devin DeWeese, 1994, p. 152). Данное утверждение он строит на анализе труда Утемиша-хаджи, где автор сочинения «Кара таварих» при разборе религиозного диспута, устроенного ханом Узбеком, сообщает, что «неверные колдуны и неверные жрецы» (в оригинале «ҟәфир кәһинләр») показывали хану свои чудеса (Утемиш-хаджи, 2017, с. 44). Труд Утемиша-хаджи не дает основания считать термин «уйгур» тождественным понятию «буддист», поэтому трудно здесь согласиться с Девином Девизом. Забегая вперед, скажем, что и у Абдулгаффара Кырыми уйгур назван просто неверным. Вот что он пишет касательно схожего сюжета с Утемишем-хаджи: «В это время уйгурский хан – кяфир по имени Идикурт [Идикут] в то время вместе со своим войском готовился к кровопролитию, когда мусульмане были на пятничной молитве» (Абдулгаффар Кырыми, 2018, с. 23). Или: «Кяфир по имени Баджар Токбога захватил ханский престол» (Абдулгаффар Кырыми, 2018, с. 52).

Хотя прямого упоминания в источниках о буддистах в Золотой Орде и нет, но все же надо полагать, они указаны в общей массе язычников. В этом отношении интересными источниками являются османские исторические сочинения, в которых имеется достаточно большое количество оригинальных сведений о ранних монголо-татарах, прежде всего касающихся хулагуидов и джучидов.

Интерес к османским источникам был всегда, только в научный оборот они мало вводились. Османские исторические сочинения в основном создавались дворцовыми историками, которые использовали не только капитальные труды мусульманских и греческих ученых по истории, но и документов канцелярий и записок путешественников. Это видно по многим произведениям.

Большинство турецких авторов являются поздними, однако использование ими не дошедших до нас исторических сочинений и государственных архивов своих времен делает их труды весьма ценными (Более подробно см.: Миргалеев, 2012).

Что касается вопроса о знании османскими авторами Центральной Азии, Дальнего Востока, Китая, Тибета, религиозной ситуации в этих землях, то, конечно, их знания не являются обширными и соответствуют картине мира мусульманских ученых своего времени и региона. Все же османские авторы интересовались другими верованиями и старались описывать их.

В этом ключе интересен пример упоминания Китая в труде Шукруллаха, автора одного из первых османских трудов «Бехджет ат-таварих» – первого прозаического произведения, созданного в начале XV века, в котором представлена информация о сотворении мира, истории пророков, истории ислама, сельджукидах и, наконец, об истории Османской империи до султана Мурада II. В том числе он дает информацию и о Китае. Шукруллах пишет, что «раньше китайского правителя звали Фагфур. Во времена сельджукских правителей его называли Тамгач хан. В 861 году по хиджре (1456) весь Китай находился под властью монголов и монгольских султанов» (Şükrullah Efendi, 2013, s. 109), что, конечно, не соответствует действительности.

В своей работе мы хотели бы остановиться на великолепном труде, посвященном Золотой Орде и Крымскому ханству, а именно сочинении Абдулгаффара Кырыми (Обзор сочинения см.: Миргалеев, Пашаоглу, 2014), где как раз и имеются данные о буддистах и об их лидере Далай-ламе.

Как известно, Абдулгаффар Кырыми был судьей и приближенным лицом калги[1] Селим Гирей-хана, но смещен в 1156 году хиджры (1743–1744 гг.) и сослан в крепость Согуджак, и там в 1160 г. х., соответствующем 1747 году, написал свое произведение.

Надо сказать, что Абдулгаффар Кырыми большое внимание уделил исламизации Улуса Джучи времен правителей Берке и Узбека (подробно об этом: Миргалеев, 2012). Соответственно, ему пришлось разбираться и в других религиях. Он отвечает на такой

вопрос, как, например: до исламизации какую религию исповедовали монголо-татары? Так как ему были хорошо знакомы авраамические религии, особенно насара-христиане, ему пришлось детализировать «язычников-огнепоклонников».

При анализе самого текста стоит особо выделить, что Абдулгаффар Кырыми сообщает много оригинальных сведений, а для сюжетов, связанных с XVIII веком, его данные являются аутентичными и основанными на личном наблюдении. В своем труде автор, начиная от пророка Адама, дает информацию об истории пророков, ислама, о тюркских мусульманских государствах, о государствах Сельджуков и Османов, о Чингиз-хане, монгольских каанах, ильханах и чагатаидах, о Золотой Орде и Крымском ханстве.

Несомненно, при описании труда XVIII в. стоит учитывать некоторые особенности, связанные как с источниковой базой, служившей основой для его написания, так и, собственно, с полнотой собранных сведений, а также точностью и достоверностью их содержания. Еще одной важной особенностью произведения является и то, что используемые в нем сведения, касающиеся золотоордынских ханов, основаны не только на нарративных источниках, но и на устной историологии татар. По сути, переданная Абдулгаффаром Кырыми история в некоторой степени включает в себя «народную версию» прошлого, представляя собой также и историческое наследие, переданное сквозь века. При этом все эти сведения воспринимались через картину мира человека, жившего в XVIII веке.

Итак, рассмотрим его сведения, касающиеся нашего вопроса. Вот что он сообщает о религии самого Чингиз-хана: «Чингиз хан был неверным огнепоклонником, не знающим о существовании единого Бога, великого Владыки и Творца свободных [людей] и рабов, наделяющего богатых, решающего дела каждого по совершенной своей щедрости и воли, повышающего того, кого пожелает, и дающего силу для очищения и удаления от грехов, озлобит одного тирана и ни в коем случае не отложит исполнение последующего его наказания; отсрочит только День Суда и день наказания. Чингиз также спрашивал у восточных и западных ученых о мудрости самого Аллаха» (Абдулгаффар Кырыми, 2018, с. 16).

В другом месте он, подчеркивая веротерпимость Чингиз-хана, все же пишет, что «Чингиз-хан, хоть и был неверующим кяфиром, будучи из числа огнепоклонников, не являясь из людей Писания, но он благоволил всем религиям» (Абдулгаффар Кырыми, 2018, с. 19).

Говоря о других чингизидах, Абдулгаффар Кырыми также рассуждает в рамках авраамических религий и язычества. Говоря о Хубилае и хубилаидах, он пишет: «Кубилай хан стал самостоятельным кааном. Он убил братьев, которые спорили с ним. В 663 году в возрасте 83 лет скончался. Во время своего правления жил в столице Хытая в Ханбалыке. После этого в Ханбалыке кааном стал его потомок Тимур бин Чемким бин Каплай. Затем сын его дяди Энзе бин Паклай бин Каплай стал кааном. Он же, сам став мусульманином, обратил все население в ислам. Потом кааном стал Кайсан бин Сермела бин Чемким бин Каплай. Но он принял религию насара. Потом кааном стал его внук Танайту, он выбрал религию ислам. И по сегодняшний день кааны в вилайете Хытай из его рода» (Абдулгаффар Кырыми, 2018, с. 24).

Такой же подход и при описании религиозной ситуации у хулагуидов: «Хотя этот род рос и вырос со времен Хулагу в исламском вилайете, и из-за того, что их народ не имел независимости, были мусульманами чистого нрава, однако они не отрекались от законов Чингиза. Но Газан хан был непреклонен в религиозных вопросах и решил разрушить все монументы кяфиров. Сколько было церквей, синагог, места для поклонения идолам – все было разрушено. Он построил мечети, места для молитв, медресе и места для кормления и приюта бедных» (Абдулгаффар Кырыми, 2018, с. 30–31).

Для Улуса Джучи периода Берке Абдулгаффар Кырыми расписывает религиозную ситуацию через борьбу ислама с язычеством. «Царевич Берке бин Джучи хан с помощью Аллаха имел характер мусульманина: где бы он ни встретил последователя пророка Мухаммеда, с ним заводил дружбу, а от язычников татар чувствовал отвращение», – пишет он (Абдулгаффар Кырыми, 2018, с. 46). Затем второе принятие ислама татарами в период хана Узбека – уже появляется конкретика в виде огнепоклонников и Далай-ламы. Абдулгаффар Кырыми сообщает: «Как указывалось

выше, усопший Берке хан обратил в ислам весь Моголистан. После его смерти они вновь начали исполнять языческие ритуалы и стали неверными огнепоклонниками» (Абдулгаффар Кырыми, 2018, с. 53). «И хан сказал: «Во вселенной нет ничего сильнее огня, поэтому мы выбрали его своим божеством. Если вы верны своей вере, войдите в огонь, он уладит ваше проповедование. Тот, кто окажется сильнее огня, значит, у того истинная религия» (Абдулгаффар Кырыми, 2018, с. 54–55).

Далее мы уже отчетливо видим следующее: описывая период принятия ислама ханом Узбеком, он говорит о том, что ему противостоят именно буддисты. «В то время могольское племя соблюдало языческие ритуалы и поклонялись огню (в оригинале **ateşgedelerden)**, слушались проклятого шайтана, сколько пагубных ритуалов они совершали, поклоняясь огню. Называли его **Далайлаба (в оригинале Dalaylaba)**. Для поддержания язычества у них был шейх – **манджы (в оригинале mancı)**. В то время их проклятые шейхи гордо сидели напротив Узбек хана. Хан прислушивался к их приказам. И их колдовство приводило к разным видениям. Хан, даже подумав, что это меджлис, увидел разных воинов. Будто бы из грубых деревянных сосудов в разные стороны льется, и бокалы – тустуганы сами наполнялись и сами оказывались в руках у хана и у других людей. Подобные этому видения были от колдовства проклятых шейхов» (Абдулгаффар Кырыми, 2018, с. 54). Здесь, конечно же, понятие «шейхи» использовано им в смысле «ученые этой религии». Как известно, «Далай» означает в монгольском языке «океан» в значении «Великий» (правящие ханы после Чингиз-хана носили титул Далай-хан), «лама» (bla ma) в тибетском эквивалентно санскритскому слову «гуру» и имеет значение «учитель». Сегодня это титул тибетского духовного лидера (с 1578 года введен ойратским Алтан-ханом, пригласившим ко двору тибетского ламу школы Гелуг Сонама Гьяцо. Обращённый в буддизм, Алтан-хан даровал Далай-ламе власть над Тибетом). Манджи же означает послушника, т. е. самую низкую ступень в иерархии буддизма (Религии народов современной России, 1999, с. 52–53).

Так откуда взял Абдулгаффар Кырыми титул Далай-ламы и манджы для описания религиозного диспута, организованного ханом Узбеком? Безусловно, ему было известно о калмыках, и он знал об их религии. Крым столкнулся с калмыками, опасался их и изучал их. Нам как раз помогут данные Эвлия Челеби, который достаточно детально описывает калмыков. Описывая религию калмыков, Эвлия Челеби сообщает следующее: «Если идти по направлению Страны мрака, [встретятся] различные, расселившиеся по всему миру части калмыцкого народа, у каждого из них своя вера. Одна [часть] народа – язычники. Религия других – вера в перевоплощение. Еще одно племя поклоняется огню. Другая группа – солнцепоклонники. А одно ответвление [народа] поклоняется земле, то есть у них культ земли. Еще одна группа – лунопоклонники. Наконец, одно племя поклоняется корове» (Эвлия Челеби, 1979, с. 166).

«Большинство из них (калмыков) совершенно не боятся смерти, так как являются приверженцами вероучения, [утверждающего], что причина смерти – перевоплощение» (Эвлия Челеби, 1979, с. 168).

Как известно и по описаниям Эвлия Челеби, Крымское ханство активно контактировало с различными калмыкскими племенами. Безусловно, такая осведомленность Абдулгаффара Кырыми и использование в описании язычества у монголо-татар в XIII–XIV веках говорит о том, что он опирался на свои современные знания о веровании калмыков и перенес представления о язычестве калмыков на язычество монголо-татар. Отсюда и конкретные названия Далай-ламы и манджи у монголов, хотя эти термины появились намного позже. Поэтому при использовании трудов османских авторов надо учитывать время их создания.

В работах археологов, когда анализируются археологические источники на предмет следов буддизма, мы также не видим конкретных утверждений, кроме как о широком распространении буддизма до Идегея (!) (Попов, 2011, с. 131), что, конечно, не выдерживает никакой критики. В специальной статье, посвященной именно археологическому анализу ряда могильников на территории Золотой Орды, П.В. Попов пишет, что «выявлена серия захоронений, содержащая **черты** буддийского погребального обряда» (Попов, 2011, с. 119), тем самым подтверждая неоднозначность трактовок письменных источников на археологическом материале. П.В. Попов

пишет, что «погребальный обряд приведенных захоронений неоднороден. Данный факт не позволяет выделить какой-либо унифицированный буддийский обряд» (Попов, 2011, с. 130). В.П. Костюков, как известно, пытался это объяснить тем, что в буддизме отсутствуют жесткие требования к погребальному обряду (более подробно см.: Костюков, 2006, с. 177–207), что, конечно, не совсем верно.

Анализ письменных источников и археологического материала не дает права утверждать, что буддизм был широко распространен у Улусе Джучи. Речь можно вести только о том, что небольшая часть элиты были приверженцами каких-то направлений буддизма. При этом, как и в случае с христианами-несторианцами, они скорее были больше кочевниками, которым не были чужды некие степные вероучения, типа шаманизма, но при этом они находились под некоторым культурным влиянием этих религий. В глазах представителей жестких авраамических религий, мусульман и христиан они не отличались от язычников, о чем как раз и говорят письменные источники.

На примере сочинения Абдулгаффара Кырыми мы можем сказать, что упоминание буддистских титулов в его труде не должно ввести нас в заблуждение. Хану Узбеку противостояли не только буддисты, их-то как раз и было мизерное количество. Скорее всего, речь можно вести об обычных язычниках Средневековья. Ну а для мусульманского автора все эти религии вне авраамических верований в единого Бога являются языческими.

Примечание:

[1] Калга, или калга-султан (татар.), – султан из рода Гиреев, второе лицо в Крыму после хана, должен был занимать трон после смерти или смещения хана.

ЛИТЕРАТУРА

Абдулгаффар Кырыми. Умдет ал-ахбар. Книга 2: Перевод / Язма Мирас. Письменное Наследие. Textual Heritage. Вып. 5 / Пер. с османского Ю.Н. Каримовой, И.М. Миргалеева; общая и научная редакция, предисловие и комментарии И.М. Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 200 с.

Костюков В.П. Следы буддизма в погребениях золотоордынского времени // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2006. № 1-2. С. 177–207.

Костюков В.П. Буддизм в культуре Золотой Орды // Тюркологический сборник 2007–2008: История и культура тюркоязычных народов России и сопредельных стран / Отв. ред. С.Г. Кляшторный. М.: Вост. лит-ра. 2009. С. 189–236.

Миргалеев И.М. Изучение новых источников по истории Золотой Орды (на примере османско-турецких средневековых сочинений) // Золотоордынская цивилизация. Вып. 5 / Отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Фолиант; Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2012. С. 31–37.

Миргалеев И.М. Сведения ал-Хадж Абд ал-Гаффара Кырыми об исламизации в Золотой Орде // Ислам и власть в Золотой Орде / ред. И.М. Миргалеев, Э.Г. Сайфетдинова. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. С. 6–17.

Миргалеев И.М., Пашаоглу Д.Д. Обзор сочинения «Умдет ал-ахбар» Абдулгаффара Кырыми // Золотоордынское обозрение. 2014. № 2 (4). С. 35–60.

Попов П.В. К вопросу о распространении буддизма в Золотой Орде // Вопросы истории и археологии средневековых кочевников и Золотой Орды / Отв. ред. и сост. Д.В. Марыксин, Д.В. Васильев. Астрахань: Астраханский государственный университет, 2011. С. 119–132.

Религии народов современной России. Словарь / Отв. ред. М.П. Мчедлов. М.: Республика, 1999. 624 с.

Усманова Э.Р., Дрёмов И.И., Панюшкина И.П. Погребения монгол-буддистов конца XIII – начала XIV вв. из Центрального Казахстана // Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири (Хух-Хото, 12–16 октября 2015 г.). Т. 2. Пекин: Science Press, 2015. С. 515–528.

Утемиш-хаджи. Кара-таварих / Транскрипция: И.М.Миргалеева, Э.Г.Сайфетдиновой, З.Т.Хафизова; перевод на русский язык И.М.Миргалеева, Э.Г.Сайфетдиновой; общая и научная редакция И.М. Миргалеева / Язма Мирас. Письменное Наследие. Textual Heritage. Вып. 4. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2017. 312 с.

Эвлия Челеби. Книга Путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Перевод и комментарии. Вып. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М.: Наука, 1979.250 с.

De Weese Devin A. Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. Pennsylvania: The Pennsylvania State University press University Park, 1994. 638 p.

Şükrullah Efendi. Behcetü't-Tevarih Tarihin Aydınlığında. Inceleme ve çeviri: Hasan Almaz. İstanbul: Mostar Yayınları, 2013. 407 s.

Информация об авторе:

Миргалеев Ильнур Мидхатович, кандидат исторических наук, руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, ORCID: http://orcid.org/0000-0001-6013-6944, Researcher ID : J-9533-2017 (г. Казань, Россия); dilnur1976@mail.ru

REFERENCES

Abdulghaffar Kyrymi. 2018. *Umdet al-akhbar. Kniga 2: Perevod (Umdet al-akhbar. Book 2: Translation).* Series: Yazma Miras. Pis'mennoe Nasledie. Textual Heritage (Yazma Miras. Written Heritage. Textual Heritage) 5. Kazan: Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Kostyukov, V. P. 2006. In *Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazakhstana (Issues of History and Archaeology of Western Kazakhstan)* 1–2, 177–207 (in Russian).

Kostyukov, V. P. 2009. In Kliashtornyi, S. G. (ed.). *Tiurkologicheskii sbornik 2007–2008: Istoriia i kul'tura tiurkoiazychnykh narodov Rossii i sopredel'nykh stran (Collected Papers on Turkic Studies 2007–2008: History and Culture of the Turkic-Speaking Peoples of Russia and Adjacent Countries)*. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ., 189–236 (in Russian).

Mirgaleev, I. M. 2012. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Zolotoordynskaia tsivilizatsiia (The Golden Horde Civilization)* 5. Kazan: "Foliant" Publ.; Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 31–37 (in Russian).

Mirgaleev, I. M. 2012. In Mirgaleev, I. M., Sayfetdinova, E. G. (ed.). *Islam i vlast' v Zolotoy Orde (Islam and Power in the Golden Horde).* Kazan: Shigabuddin Mardzhani History Institute, Tatarstan Academy of Sciences, 6–17 (in Russian).

Mirgaleev, I. M., Pashaoglu, D. D. 2014. In *Zolotoordynskoe obozrenie (Golden Horde Review)* 2 (4), 35–60 (in Russian).

Popov, P. V. 2011. In Maryksin, D. S., Vasil'ev, D. V. (eds.). *Voprosy istorii i arkheologii srednevekovykh kochevnikov i Zolotoy Ordy (Issues of history and archaeology of medieval nomads and the Golden Horde).* Astrakhan: Astrakhan State University, 119–132 (in Russian).

Mchedlov, M. P. (ed.). 1999. *Religii narodov sovremennoy Rossii. Slovar' (Religions of the peoples of modern Russia. Dictionary).* Moscow: "Respublika" Publ. (in Russian).

Usmanova, E. R., Dremov, I. I., Panyushkina, I. P. 2015. In Drevnie kul'tury Severnogo Kitaya, Mongolii i Baykal'skoy Sibiri (Khukh-Khoto, 12–16 oktyabrya 2015 g.) *(Ancient Cultures of Northern Aria of China, Mongolia, and Baikalian Siberia (Hohhot, October, 12–16. 2015))*. Vol. 2. Beijing: "Science Press" Publ., 515–528 (in Russian).

Utemish-khadzhi. 2017. *Kara-tavarikh*. Series: Yazma Miras. Pis'mennoe Nasledie. Textual Heritage (Yazma Miras. Written Heritage. Textual Heritage) 4. Kazan: Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Chelebi, E. 1979. Kniga Puteshestviya (Izvlecheniya iz sochineniya turetskogo puteshestvennika XVII veka). Perevod i kommentarii *(Book of Travel (Extracts from a Work by a 17th Century Turkish Traveler))* 2. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

De Weese Devin A. 1994. *Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition*. Pennsylvania: The Pennsylvania State University press University Park (in English)

Şükrullah Efendi. 2013. *Behcetü't-Tevarih in the Light of History. Review and translation: Hasan Almaz*. Istanbul: Mostar Publications. (in Turkish)

About the Author:

Mirgaleev Il'nur M. Candidate of Historical Sciences, Head of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Sh.Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Baturin str. 7, Kazan, 420111, Russian Federation; dilnur1976@mail.ru

Статья поступила в журнал 21.04.2025 г.
Статья принята к публикации 23.08.2025 г.

УДК 902.94 (47) https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.5.192.202

ЕЩЕ РАЗ О КЕРАМИКЕ “МИНАИ” ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК ГОРОДИЩА ШАМКИР

© 2025 г. Т.М. Достиев

В данной статье сообщается о фальсификации археологического факта, то есть фаянсовая чаша типа “*минаи”* обнаруженная на городище Шамкир 2012 году, в журнале «Археология Евразийских степей» представлен как археологический материал из Керпиджтепе, которое расположено 69 км от Шамкира. В данной статье рассматривается также коллекция фаянсовых изделий типа “*минаи”* из археологических раскопок городища Шамкир, которые в основном покрыты молочно-белой глазурью, украшены росписью полихромными глазурями и неглазурованными красками. Один из образцов этой керамики дополнительно украшен накладками тончайшей золотой фольги. В работе проведены систематизация и детальный анализ коллекции керамики типа “*минаи”*, дается описание источника, применены статистический и сравнительно-типологический методы. Образцы керамики типа “*минаи”* из городища Шамкир датируются последней четвертью XII – началом XIII века, выделяются высокой художественностью, декорированы сюжетными изображениями, напоминающие книжные иллюстрации – миниатюры, и трактуются как шедевры сельджукского декоративно-прикладного искусства. Результаты данного исследования применимы в теоретических работах по сельджукской глазурованной керамике и в целом по декоративно-прикладному искусству мусульманского Востока.

Ключевые слова: археология, Азербайджан, городище Шамкир, Керпиджлитепе, керамика типа “минаи”, надглазурная роспись, миниатюра

MORE INFORMATION ABOUT MINAI CERAMICS FROM THE ARCHAEOLOGICAL EXCAVATIONS OF SHAMKIR FORTIFIED SETTLEMENT

T.M. Dostiyev

The paper addresses the distortion of archaeological evidence, specifically the misattribution of a *minai* faience bowl discovered in Shamkir in 2012. The artifact was erroneously presented in the journal Archaeology of the Eurasian Steppes as originating from Kerpijlitepeh, a site located 69 km away from Shamkir. This paper also examines a collection of *minai* faience products from the archaeological excavations of Shamkir, which are primarily coated with milky-white glaze and adorned with painted decorations using polychrome glaze and unglazed pigments. One of the samples of this ceramics is additionally decorated with overlays of the finest gold foil. The study systematically analyzes the collection of *minai* ceramics, provides a detailed description of the source, and employs statistical and comparative-typological methods. The samples of *minai* ceramics from Shamkir date back to the last quarter of the 12th – beginning of the 13th century, are distinguished by their high artistic quality, decorated with plot images reminiscent of book illustrations – miniatures, and are interpreted as masterpieces of the Seljuk decorative and applied art. The results of this study are applicable in theoretical works on the Seljuk glazed ceramics and, in general, the decorative and applied art of the Muslim East.

Keywords: archaeology, Azerbaijan, Shamkir fortified settlement, Kerpijlitepe, *minai* ceramics, overglaze painting, miniature

Введение. Непосредственно причиной написания данной статьи стала публикация в журнале «Археология Евразийских степей» в 2024 году статьи В. Асадова и Ш. Наджафова «Средневековая жизнь в Керпиджлитепе – период сельджуков и после монгольского завоевания», в которой артефакт, обнаруженный на городище Шамкир, представлен как археологический материал из Керпиджтепе.

На первый взгляд, эта статья посвящена памятнику, расположенному на расстоянии 69 км от городища Шамкир, и невозможно было ожидать искажения археологических данных, связанных с городищем Шамкир. С сожалением вынужден отметить, что подобная небрежность и некорректность со стороны авторов к артефакту совершилась. Удивляет то, что авторы даже игнорировали факт наличия сведе-

Рис. 1. Карта средневековых памятников Гянджа-Шамкирского региона Азербайджана, где проводились археологические раскопки
Fig. 1. Map of medieval monuments of the Ganja-Shamkir region of Azerbaijan, where archaeological excavations were carried out

ния об этой фаянсовой чаше типа «минаи» в научной литературе: в отчетах, монографиях и научных статьях задолго до раскопок в Керпиджлитепе (Dostiyev və b., 2013, s. 266, şəkil 17; Dostiyev, 2015, s. 83, tablo I, şəkil 1; Dostiyev, 2016, s. 187–188; Достиев, 2017, с. 30–31; Азербайджан на Шелковом пути, 2020, с. 213–214). Ведь авторы сами копировали фото этой чаши из научной литературы. Подобный подход к артефакту, являющемуся основным археологическим источником, не может не вызывать беспокойства. Следует иметь в виду, что остатки материальной культуры прошлого в основном состоят из коллекции артефактов, а их правильная интерпретация обеспечивает формирование наших знаний о древних культурах, и ответственность археологов, объективность по отношению к фактам, приверженность научной этике является важным условием. Профессор М.С. Гаджиев справедливо отмечает, что ученый «...должен быть верен фактам в своих исследованиях, быть предельно осторожным в своих высказываниях и деталях, демонстрировать научную этику и мораль, серьезность и объективность в своих предположениях и выводах. Это основные принципы научной деятельности» (Гаджиев, 2021, с. 700).

Авторское право часто нарушается и со стороны СМИ. Такая негативная ситуация сложилась и в связи с публикацией образцов керамики типа «минаи», обнаруженных на городище Шамкир. Так, например, статья Тариха Достиева «Миниатюры на керамике», опубликованная в журнале «Ирс – Наследие» в 2017 году, была размещена на страницах СМИ под заглавием «Найдено в Азербайджане: миниатюры на древней керамике» без уведомления и разрешения автора в августе 2022 года. При этом имя автора удалено и не отображается на сайте (https://news.day.az/culture/1484986.html).

Материалы и обсуждение

Средневековое городище Шамкир расположено в Гянджа-Газахском регионе Азербайджанской Республики и является одним из сравнительно хорошо изученных археологических памятников региона. Город Шамкир был средним по величине городом Азербайджана в Средние века. В XII – начале XIII века город входил в состав государства Атабеков Азербайджана. Археологические раскопки городища начались в 2006 году и продолжаются по сей день. Особенно широкомасштабные археологические раскопки проводились в цитадели, вскрыты и изучены культурные

Рис. 2. Городище Шамкир (Google maps).
Fig. 2. Shamkir fortified settlement (Google maps)

напластования более чем на 60% ее территории (Dostiyev və b, 2013, c. 44–58; Достиев, 2016, c. 108; Dostiyev, 2024, s. 145–147).

В результате археологических раскопок в культурном слое города были обнаружены артефакты различного назначения, отражающие хозяйство, быт, социальное положение, культурный уровень и торговые связи жителей. Среди этих артефактов много образцов глазурованной керамики, отличающейся высоким художественным качеством, типичным для материальной культуры мусульманского города. Особенно выделяются образцы керамики типа «минаи», являющиеся одной из самых красивых форм керамики Средневековья.

В последней четверти XII века в производстве глазурованной керамики возникла техника *«минаи»*, являвшаяся важнейшим творением сельджукского периода. Отметим прежде всего, что образование могущественной империи Сельджуков привело к существенному изменению политической и этнической карты на огромной территории от границ Китая до Средиземного моря, от Индии до Византии и установлению тюркского господства, ставшего поворотной точкой исламской цивилизации (The Cambridge History, 2005, p. 231). Политическое объединение обширной территории Ближнего и Среднего Востока под властью Великого Сельджукского государства не вызвало упадка или деградации городской жизни, наоборот, дало мощный импульс развитию урбанизации, ремесла и торговли, этнокультурным интеграционным процессам в этом регионе. Во времена Сельджуков, в XII веке, Кашан и Рей стали важными центрами производства художественной керамики. Почти в то же время в Кашане возникла техника «минаи»; в этой технике создавались шедевры декоративно-прикладного искусства с многочисленными фигурами, насыщенными красками и сценами из жизни сельджуков (Arık, 2007, s. 35; Damla Temel, 2022, s. 39).

Образцы керамики типа «минаи» изготовлены светлой кремнезёмистой массы. Информация о технологии производства керамики типа «минаи» содержится в трактате Абуль-Касима Абдуллаха ал-Кашани, написанном в 1301 г. Автор трактата был представителем известной семьи гончаров Кашана, семьи Абу-Тахира, что увеличивает ценность и достоверность этого источника, хотя в отличие от своего брата-гончара он переехал из Кашана в Тебриз и работал историком при дворе Ильханидов. Абуль-Касима Абдуллаха ал-Кашани называет эту керамику «Хафт ранг» – «Семи красок». Абуль Касим Кашани перечисляет

12 основных видов сырья, используемых в производстве фаянса. Для получения фаянсовой массы особое значение имели кварц, белая глина и кварцит (Allan, 1973, p. 111–112).

Технология производства керамики типа «минаи» отличается сложностью. Фаянс, покрытый глазурью, обжигался. На поверхность прошедшей обжиг глазури наносились узоры полихромными прозрачными глазурями, полупрозрачными эмалями и непрозрачными неглазурованными красками, а затем следовал следующий обжиг, производившийся при более низкой температуре, который служил для закрепления менее стойких эмалей (Коваль, 2010, с. 48; Крамаровский, 2007, с. 188; Kurt Kırtay, 2020, s. 340). Археометрическими исследованиями установлено, что гематит, хромит, оксид олова, диоксид марганца, оксид меди и оксид кобальта являются красителями для цветных эмалей (Wen, Pollard, 2014).

При археологических раскопках городища Шамкир выявлено 20 экземпляров керамики типа «минаи», которые представлены в основном фрагментами чаш, пиал и кувшинов. Образцы керамики типа «минаи» встречаются в основном на территории цитадели городища (рис. 2). Большинство этих изделий, т. е. ¾, обнаружено на раскопе IV, который охватывает северную половину цитадели (табл. I). Надо заметить, что первый экземпляр керамики типа «минаи» – фрагмент днища чаши – также был обнаружен в виде подъемного материала на территории цитадели местным антикваром до начала археологических раскопок и экспонируется в музее ООО «Шерг Улдузу».

Фаянсовые изделия типа «минаи» в основном представлены двумя подгруппами: а) молочно-белой глазурью; б) бирюзовой глазурью. Только широкогорлый кувшин покрыт молочно-белой и бирюзовой глазурями. Преобладают образцы с молочно-белой глазурью (табл. I; рис. 3).

Керамика типа «минаи» выделяется высокохудожественными образцами, декориро-

Таблица I. Статистические данные о керамике типа «Минаи» городища Шамкир
Table I. Statistical data on *Minai* ceramics from Shamkir fortified settlement

Номера по порядку	Инвентарный номер	Место находок	Тип посуды	глазурь
1	410/2007	Раскоп IV, яма №3	Фрагмент днища чаши	Молочно-белая
2	411/2007	Раскоп IV, яма №3	Фрагмент венчика чаши	Молочно-белая
3	559/2007	Раскоп IV, кв. 1A	Фрагмент сосуда закрытой формы	Бирюзовая
4	302/2009	Раскоп III , кв. 34		Молочно-белая
5	38/2012	Раскоп IV, кв. 14L	Обломок чаши	Молочно-белая
6	213/2012	Раскоп IV, кв.5Q	Обломки широкогорлого кувшина	Молочно-белая, бирюзовая
7	436/2012	Раскоп IV, кв.13Q	Фрагмент чаши	Молочно-белая
8	183/2013	Раскоп IV, кв. 11L	Донная часть чаши	Молочно-белая
9	204/2013	Раскоп IV, кв. 8Q	Фрагмент чаши	Молочно-белая
10	285/2013	Раскоп IV, кв. 16K	Фрагмент венчика чаши	Молочно-белая
11	13/2014	Раскоп IV, кв. 6N	Фрагменты чаши (пиалы)	Молочно-белая
12	271/2014	Раскоп IV, кв. 3M	Фрагмент чаши	Молочно-белая
13	76/2015	Раскоп IV, кв. 9M	Фрагмент тарелки	бирюзовая
14	86/2015	Раскоп IV, кв. 9M	Фрагмент пиалы	Молочно-белая
15	428/2015	Раскоп IX, кв. 2D	Донная часть чаши	Молочно-белая
16	430/2015	Раскоп IX, кв. 2C	Фрагмент пиалы	Молочно-белая
17	495/2015	Раскоп IX, кв. 2D	Фрагмент пиалы или маленькой чаши	Молочно-белая
18	578/2015	Раскоп IV, кв.9M	Фрагмент широкогорлого сосуда	Бирюзовая
19	685/2015	Раскоп IX, кв. 3A	Фрагмент чаши	Молочно-белая
20	Коллекция музея ООО «Шерг Улдузу» Шамкирского района	Цитадель, подъемный материал	Фрагмент днища чаши	Молочно-белая

Рис. 3. Диаграмма: Керамика типа «Минаи».
Fig. 3. Diagram: *Minai* type ceramics

ванными геометрическими и растительными орнаментами, антропоморфными и зооморфными изображениями. Донная часть фаянсовой чаши типа «минаи», обнаруженная в квадрате 14L раскопа IV в 2012 году, которая стала объектом искажения в статье В. Асадова и Ш. Наджафова, украшена антропоморфным изображением (рис. 4), Иконография, типы одежды, нимб вокруг главы, фон изображения – все они напоминают миниатюры рукописи «Варга и Гюльша» начала XIII века. Заслуживает внимания также стиль изображения коня. Конь изображен в быстром движении, конец его хвоста завязан узлом (Dostiyev, 2015, s. 83, tabl. I, 1; Достиев, 2017, с. 30–31). Следует отметить, что обычай завязывать коню хвост или отрезать его от того места, где он был привязан, по мнению некоторых специалистов, связан с древними традициями тюркских народов. Артефакты Пазырыкских курганов VI в. до н. э. содержат данные о завязывании хвоста лошади (Ahmet Yılmaz, Ali Toraman, 2020, с. 749). Подобное изображение коня встречаются также на миниатюрах эпохи Сельджуков. Напомним, что обычай завязать хвост коня узлом характерен для сельджуков. Тюркские воины обычно перед боем завязывали хвосты своим лошадям с целью предотвращения запутывания длинных волос хвоста в задних ногах лошади во время боя. С другой стороны, считается, что завязывание хвоста узлом символизирует готовность стать мучеником за страну, народ, семью, род и честь (Ahmet Yılmaz, Ali Toraman, 2020, с. 752).

Достоин особого внимания обломок небольшой чаши (рис. 5: 2), обнаруженный на территории цитадели в качестве подъемного материала до археологических раскопок и хранящийся в коллекции музея ООО «Шерг Улдузу», организованного руководителем общества Аскером Алымирзаевым. Судя по фрагменту, в центре композиции с большой живостью представлено изображение скачущего на коне молодого всадника. У него округлое лицо, которое изображено в ¾ оборота, дугообразные брови венчают большие миндалевидные глаза, вытянутый нос и крошечный рот. Черные волосы обрамляют лицо и спущены на плечи (Достиев, 2017, с. 30–31). Стиль изображения на обоих вышеприведенных образцах керамики типа «минаи» отчетливо отражает влияние миниатюрной живописи: они почти идентичны миниатюрным иллюстрациям рукописи «Варга и Гюльша» начала XIII века (Керимов, 1980, с. 8–11; Hasanzade, 2012, p. 8–15). Следует отметить, что 71 миниатюра, написанная Абд аль-Мумином ибн Мухаммедом аль-Хойи к знаменитой руко-

Рис. 4. Фаянсовая чаши типа "*минаи"*
Fig. 4. *Minai* faience bowl

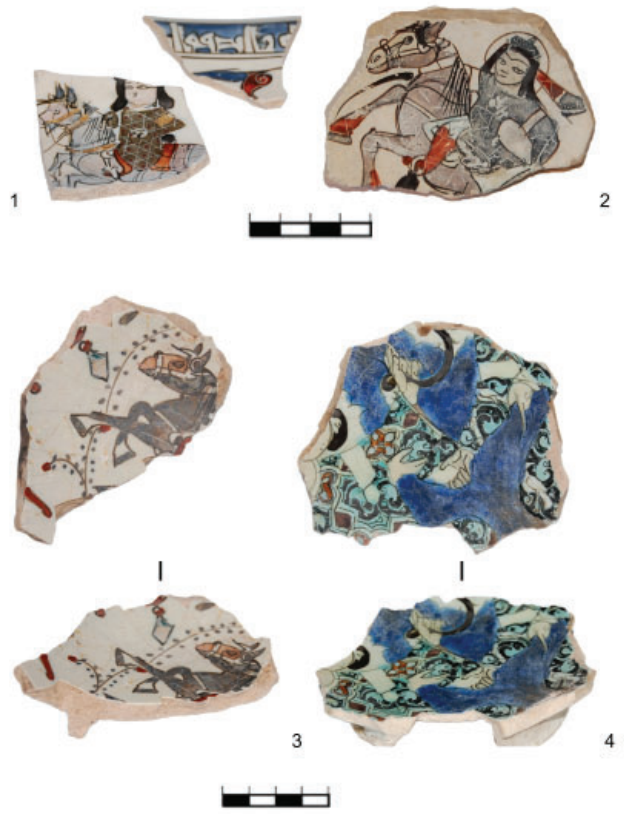

Рис. 5. Образцы керамики типа «минаи» с изображениями
Fig. 5. Samples of *Minai* ceramics with images

писи «Варга и Гюльша» восемь веков назад, входит в число первых жемчужин миниатюрного искусства Азербайджана.

На одном фрагменте тонкостенной пиалы сохранилось изображение молодого всадника, который одет в верхнюю одежду табачного цвета с длинными рукавами (рис. 5: 1). На другом фрагменте пиалы сохранились растительные и эпиграфические орнаменты. Арабская надпись выполнена почерком куфи (Dostiyev, 2015, s. 84; Достиев, 2017, с. 31–32). Следует отметить, что в художественном оформлении керамики типа «минаи» живопись часто сопровождается эпиграфическим орнаментом. При этом надпись либо трудно читается, либо вообще не читается. Очевидно, гончар-художник не придавал значения содержанию надписи и эпиграфический орнамент имел декоративное назначение. Считается, что первая функция эпиграфического орнамента, скорее всего, «декоративная, радующая глаз и затягивающая человека в непрерывный поток ритмических вертикалей и изогнутых или втянутых линий, утопающих в различных мелких узорах» (Пиотровский, 2001, с. 41; Никалоева, 2011, с. 239).

На небольшом обломке чаши сохранился фрагмент изображения коня – голова, шея, грива, передние ноги. Изображены также уздечные наборы. Фигура коня в изображении динамична, передана в движении. Изображение было окружено растительным орнаментом: тонкие ветки бледно-коричневого цвета завершаются красными бутонами. В целом цветовая гамма базируется в основном на трех цветах – коричневом, оранжевом и красном (рис. 5: 3).

На обломке донной части другой чаши сохранилась, видимо, часть изображения – фрагмент одежды, вероятно халата, с растительно-геометрическим узором (рис. 5: 4). К сожалению, изображение человеческой фигуры утрачено, сохранился лишь фрагмент одежды. В коллекции Гюльбенкяна присутствуют фаянсовая чаша типа *«минаи»* с изображением двух сидящих фигур, одетых в верхнюю одежду с подобным узором (McClary, 2020, p. 329, fig. 8–9).

Образцы, декорированные лишь растительно-геометрическими и эпиграфическими орнаментами, немногочисленны. Так, например, донная часть чаши на кольцевом поддоне украшена сложным плетением, нанесенным росписью коричнево-желтого цвета, а в промежутках сплетенных лент расписаны кружочки, листики и дугообразные элементы, выполненные красителями серо-коричневого и красного цветов (рис. 6: 3). Фрагмент стенки чаши изнутри украшен геометрическим и стилизованным растительным узором, а снаружи эпиграфическим орнаментом – имитацией надписи. Хотя мы твердо не уверены, что в декоре чаши изобразительный мотив отсутствовал. Не исключаем возможности, что в центре композиции декора, на донной части чаши, был изобразительный мотив (рис. 6: 5).

Достоин особого внимания обломок дискообразного изделия, наружная поверхность которого украшена стилизованным растительным орнаментом, нанесенным голубыми, серебристо-серыми, красными и черными красками (рис. 6: 4).

В коллекции фаянсовых изделий типа *«минаи»* присутствуют некоторые образцы, размеры которых не позволяют сделать реконструкцию их формы. Они в основном покры-

Рис. 6. Керамика типа "*минаи"*, украшенные растительно-геометрическими и эпиграфическими орнаментами
Fig. 6. *Minai* ceramics decorated with floral-geometric and epigraphic ornaments

ты двусторонней молочно-белой поливой и украшены растительно-эпиграфическим декором (рис. 6: 1–2).

Выделяется кувшин, поверхность которого декорирована росписью по молочно-белой глазури, а оборотная сторона покрыта глазурью светло-бирюзового цвета; он был обнаружен во фрагментированном виде (рис. 7: 1). Поверхность кувшина разделена на орнаментальные пояса. Орнаментальный пояс на горловине кувшина заполнен эпиграфическим орнаментом – мотивом Алиф-лам, переплетенным растительными элементами. Этот декор часто встречается на горловинах широкогорлых сосудов закрытой формы. Орнаментальный пояс, расположенный на верхней половине тулова, заполнен изображениями человеческих фигур небольшого роста и растительными элементами. На поясе чередуются человечки, одетые в верхнюю одежду светло-голубого и черно-синего цветов, а свободное поле заполнено растительными элементами в виде ветви, завершенной бутоном. Следует отметить, что пояс, заполненный аналогичным узором, весьма характерен для керамики «минаи», они встречаются в декоре как сосудов закрытой формы, типа кувшин, широкогорлых сосудов с двумя ручками, так и на стенках глубоких чаш с концентрическими композициями (рис. 7: 2–3). Нижний орнаментальный пояс кувшина украшен геометрическим орнаментом в виде сетки с ромбовидными ячейками. Изнутри под венчиком кувшина сохранилась надпись, выполненная почерком куфи. Ручка кувшина сделана в виде льва (Dostiyev, 2015, s. 84–85, tabl. III; Достиев, 2017, с. 31–32). Фигура льва в сельджукском искусстве имела не только декоративное значение, но и носила идейную нагрузку, была символом власти, силы и могущества. Лев также символ Солнца, он же хранитель (Erginsoy, 1978, s. 129).

Образцы фаянсовых изделий типа *«минаи»* с бирюзовой глазурью также немногочисленны. Достоин особого внимания небольшой обломок, представляющий собой фрагмент сосуда с носиком. Снаружи сосуд украшен узором растительно-геометрического характера, выполненным в синей, бирюзовой, черной и красной гамме. Изнутри на горловине сосуда имеется фрагмент эпиграфического орнамента, нанесенного черной краской (рис. 8: 1). Следует отметить, что среди изделий «*минаи»* известны двуручные, широкогорлые сосуды (рис. 8: 2) последней четверти XII в., снабженные подобными небольшими носиками (https://www.metmuseum.org/Collections/search-the-collections/140004187; https://www.pinterest.com/pin/318207529940484618/).

Анализ образцов фаянсовых изделий типа *«минаи»* позволяет констатировать, что в эпоху сельджуков утвердился новый художественный стиль в искусстве, художественное содержание керамики усилилось и обогатилось. На полихромной керамике, в особенности фаянсовых изделиях типа *«минаи»,* прослеживается сильное влияние книжной миниатюрной живописи. Очевидно, гончары-художники были вдохновлены образцами книжной живописи сельджукской эпохи и творчески использовали мотивы и темы в миниатюрах рукописей. Они демонстрируют высокий уровень профессионализма в исполнении растительных и геометрических

Рис. 7: 1-Кувшин, поверхность которого декорирована техникой “Минаи”; 2-3- чаши, украшенные орнаментальным поясом, заполненным изображениями человеческих фигур и растительными элементами
Fig. 7: 1-Jug with *Minai* surface decoration; 2-3-Bowls decorated with an ornamental band filled with images of human figures and floral elements

узоров, каллиграфии, однако, как и художники-миниатюристы, живопись их отличается условностью и схематизмом в изображении живых существ, особенно человеческих фигур. Несомненно, это было связано религиозными требованиями и представлениями. Так как ислам не одобрял изображение живых существ (Имам ан-Навави, 2001, гл. 305; Достиев, 2023, с. 802). Очевидно, что утилитарное назначение керамических сосудов исключало возможность их использования в качестве объектов поклонения (аль-Газали, 1980, стр. 135). Это обусловило присутствие изобразительных мотивов на керамике, в частности на керамике типа «минаи».

В этой связи изображения на керамике типа «*минаи*» являются достоверным источником для понимания особенностей изобразительного искусства последней четверти XII – начала XIII века.

Заключение

Изучение коллекции фаянсовых изделий типа «минаи» свидетельствует, что в живописи сельджукского периода действовала каноничность. Все изобразительные элементы, в частности лица, туловище, жесты, одежда, головные уборы, изображение коня, конского снаряжения и растительные элементы, строго регламентированы. Как правило, округлые лица изображены в $^{3}/_{4}$ оборота, дугообразные брови венчают миндалевидные удлиненные глаза. Эти изображения отражают типы одежды, прически и украшения сельджукского периода. Во всех образцах стиль изображения лошади и конского снаряжения идентичны. Лошади, как правило, изображены в профиль, хвост их свернут в узел. Удачное сочетание и гармония оттенков красно-коричневого, желто-коричневого, оранжевого, сиреневого, синего, голубого, серого, серебристо-серого и

Рис. 8. Фрагмент фаянсового сосуда типа "*минаи"* с бирюзовой глазурью
Fig. 8. Fragment of a *Minai* faience vessel with turquoise glaze

черного цветов в этой керамике создает яркую цветовую гамму.

Художники-гончары находились под влиянием миниатюрной живописи того периода, но творчески адаптировали сюжетные мотивы иллюстраций книжных рукописей к особенностям керамического изделия. Изображения на керамике типа «минаи», как и миниатюры, отражают реалии сельджукского периода.

Изображения на керамике, подобно средневековым миниатюрам, отражают материальную культуру сельджукского периода и реалии этого периода в целом.

Топография и статистические данные фаянсовой посуды типа *«минаи»* показывают, что это керамика была дорогостоящей и использовались в быту состоятельных горожан.

Подытоживая сказанное, можно констатировать, что коллекция керамики типа *«минаи»* из городища Шамкир является ценнейшим источником для изучения мусульманского общества XII – начала XIII века. Эти шедевры декоративного искусства отчетливо отражают художественный вкус и эстетические идеалы населения, ментальность сельджукской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

Абу Хамид ал-Газали. Воскрешение наук о вере / перевод с арабского, исследование и комментарий В.В. Наумкина. М.: Наука, 1980. 376 с.

Азербайджан на Шелковом пути / Под ред. Ш.М.Мустафаева. Баку: Təhsil, 2020. 384 с.

Асадов В.А., Наджафов Ш.Н. Средневековая жизнь в Керпиджлитепе – период сельджуков и после монгольского завоевания // Археология Евразийских степей. 2024. № 2. С. 172–185.

Гаджиев М.С. Подземное крестообразное сооружение в цитадели Дербента: церковь ли? pro et contra // История, археология и этнография Кавказа. 2021. Т. 17. № 3. С. 684–720.

Достиев Т.М. Значение археологических раскопок городища Шамкир для изучения мусульманских городов Азербайджана // Материалы Конгресса исламской археологии России и стран СНГ / Отв. ред. Х.М. Абдуллин, А.Г. Ситдиков. Казань: ИА АН РТ, 2016, С. 106–115.

Достиев Т.М. Миниатюры на керамике // İrs – Наследие. 2017. № 4. С. 30–33.

Достиев Т.М. Зооморфные мотивы на поливной полихромной керамике сельджукского периода Гянджи и Шамкира // История, археология и этнография Кавказа. 2023. Т. 19. № 3. С. 795–810

Достиев Т.М. Фаянсовая посуда с росписью люстром по молочно-белой поливе из городища Шамкир // International Scientific Journal Theoretical & Applied Science. 2020. № 03 (83). С. 230–235.

Имам ан-Навави. Сады праведных из слов господина посланников / Сост. Имам Мухйи-д-Дин Абу Закарийа бин Шариф ан-Навави. М.: БАДР, 2001. 880 с.

Керимов К. Азербайджанские миниатюры. Баку: İşıq, 1980. 224 с.

Коваль В.Ю. Керамика Востока на Руси IX-XVII вв. М.: Наука, 2010. 269 с.

Крамаровский М. Кубок из Азака. О полихромии в керамике Золотой Орды // Средневековая археология евразийских степей. Материалы Учредительного съезда Международного конгресса. Т. 1 / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Институт истории АН РТ, 2007. С. 182–189.

Николаева Т. Ю. Трансформация принципов изображения живых существ в исламском искусстве Ирана (на примере керамики) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 2 (40). С. 238–242.

Пиотровский М.Б. О мусульманском искусстве. СПб.: ГЭ, 2001. 148 с.

Ahmet Yılmaz, Ali Toraman. Türk Kültüründe At Kuyruğu Bağlama ve Kesme Geleneği Üzerine Bazı Tetkikler // History Studies. 12/3. Haziran 2020. S. 745–763.

Allan J.W. Abu’l-Qasim’s Treatise on Ceramics // Iran, Journal of the British İnstitute of Persian Studies. 1973. Vol. 11, 111–120.

Arık Oluş. Çininin Tarihine Kısa Bir Bakış (Ed. Rüçhan Arık, Oluş Arık). Anadolu Toprağının hazinesi çini: Selçuklu ve Beylikler Çağı, Çinileri. İstanbul, Kale Grubu Kültür Yayınları, 2007.

Hasanzade J. Cultural Heritage of Azerbaijan. Miniatures. Text by J.Hasanzade. Baku: Chashioglu, 2015.

Dostiyev T.M. Şəmkir şəhər yerindən tapılmış “minai” tipli fayans qablar // Azərbaycan arxeologiyası. 2015. No 1 (18). S. 82–92.

Dostiyev T.M. Azərbaycanın orta əsr şəhərləri (IX-XIII əsrin əvvəlləri). Bakı: Elm və təhsil, 2016, 200 s.

Dostiyev T.M. Şəmkir şəhəri erkən islam dövründə // AMEA Sosial elmlər. 2024. № 2. P. 145–154.

Dostiyev T.M., Bəşirov R.Y., Hüseynli N.N., Mirzəyev R.H. Şəmkir şəhər yerində 2012-ci ildə aparılmış arxeoloji tədqiqatlar // Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar-2012. Bakı, 2013, s. 257-268.

Erginsoy Ü. Anadolu Selcuklu Maden Sanatı / Anadolu Selçuklu Mimarisinde Süsleme ve El Sanatları. Ankara: Türkiye İş Bankası Yayınları, 1978. 224 s.

Kurt Kırtay, K. Selçuklular’a ait nadide bir teknik minai: II. Kılıç Arslan Köşkü örnekleri // Journal of Social and Humanities Sciences Research. 2020. № 7 (50), 340–347.

McClary, R. P. Calouste Gulbenkian, His Mīnāʾī Ware, and the Changing Islamic Art Market in the Early Twentieth Century // *Muqarnas. An Annual on Islamic Art and Architecture,* 2020, *37*(1), 325–343. https://doi.org/10.1163/22118993-00371P13

Temel D. Büyük Selçuklu dönemi minyatürlü çini tabaklarındaki çift fügürlü desenlerin analizi (12.-13. yüzyıl). Yüksek Lisans Tezi. İstanbul, 2022, 190 s.

The Cambridge History of Islam. Vol. 1A. The Central Islamic Lands from pre-islamic times to the I-st World War / Holt, P.M., Lambton, A., Lewis, B. (eds.). L.; N.Y.: Cambridge University press, 2005.

Wen R., Pollard A.M. The Pigments Applied to Islamic Minai Wares and the Correlation with Chinese Blue-and-White Porcelain // Archaeometry. 2015. Vol. 58 (1) DOI: https: doi.org/10.1111/arcm.12143

https://news.day.az/culture/1484986.html

https://www.metmuseum.org/Collections/search-the-collections/140004187

https://www.pinterest.com/pin/318207529940484618/

https://www.pinterest.com/pin/268597565270174307/.

Информация об авторе:

Достиев Тарих Мейрут оглы, доктор исторических наук, заведущий кафедрой, Бакинский государственный университет (г. Баку, Азербайджан); dostiyev.tarikh@mail.ru

REFERENCES

Abu Hamid al-Ghazali. 1980. *Voskreshenie nauk o vere (Revival of the Religious Sciences).* Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Mustafayev, Sh. M. (ed.). 2020.*Azerbaydzhan na Shelkovom puti (Azerbaijan on the Silk Road).* Baku: “Təhsil” Publ. (in Russian).

Asadov,V. A., Nadzhafovб Sh. N. 2024. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 172–185 (in Russian).

Gadzhiev, M. S. 2021. In *Istoriia, arkheologiia i etnografiia Kavkaza (History, Archaeology and Ethnography of the Caucasus)* Vol. 17, No. 3, 684–720 (in Russian).

Dostiyev, T. M. 2016. In Abdullin, Kh. M., Sitdikov, A. G. (eds.). *Materialy Kongressa islamskoi arkheologii Rossii i stran SNG (Materials of the Congress on Islamic Archaeology of Russia and the CIS Countries).* Kazan: Institute of Archaeology of the Tatarstan Academy of Sciences, 106–115 (in Russian).

Dostiyev, T. M. 2017. İn *İrs-Nasledie (İrs – Heritage,* 88 (4), 30–33 (in Russian).

Dostiyev, T. M. 2020. In *Istoriia, arkheologiia i etnografiia Kavkaza (History, Archaeology and Ethnography of the Caucasus)* Vol. 19, No. 3, 795–810 (in Russian).

Dostiyev, T. M. 2023. In *International Scientific Journal Theoretical & Applied Science* 83 (3), 230–235 (in Russian).

Imam an-Havavi. 2001. *Sady pravednykh iz slov gospodina poslannikov (Gardens of the Righteous from the Words of the Lord Messengers). Moscow: "BADR" Publ. (in Russian).*

Kerimov, K. 1980. *Azerbaydzhanskie miniatyury (Azerbaijani miniatures).* Baku: "İşıq " Publ. (in Russian).

Koval, V. Yu. 2010. *Keramika Vostoka na Rusi. IX—XVII veka (Oriental Ceramics in Rus' in 9th—17th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kramarovsky, M. 2007. In Khuzin, F. Sh., Sitdikov, A. G. (eds.). *Srednevekovaia Arkheologiya Evraziyskikh stepey: Materialy Uchreditel'nogo s"ezda Mezhdunarodnogo kongressa (Medieval Archaeology of the Eurasian Steppes: Proceedings of Constitutive Meeting of the International Congress)* I. Kazan: Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences, 182–189 (in Russian).

Nikolaeva, T. Yu. 2011. In Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv *(Bulletin of the Moscow State University of Culture and Art)* 40 (2), 238–242 (in Russian.)

Piotrovskii, M. B. 2001. *O musul'manskom iskusstve (About Muslim art).* Saint Petersburg: The State Hermitage Museum (in Russian).

Ahmet Yılmaz, Ali Toraman. 2020. In *History Studies* 12 (3), 745–763 (in Turkish).

Allan, J. W. 1973. In *Iran, Journal of the British İnstitute of Persian Studies.* (11), 111–120 (in English).

Rüçhan Arık, Oluş Arık (eds.).2007. *Çininin Tarihine Kısa Bir Bakış. Anadolu Toprağının hazinesi çini: Selçuklu ve Beylikler Çağı, Çinileri*. İstanbul: Kale Grubu Kültür Yayınları (in Turkish).

Hasanzade, J. 2012. *Cultural Heritage of Azerbaijan. Miniatures*. Baku: "Chashioglu" Publ. (in English).

Dostiyev, T. M. 2015. In *Azərbaycan arxeologiyası (Azerbaijan Archaeology)* 18 (1), 82–92 (in Azerbaijani).

Dostiyev, T. M. 2016. *Azərbaycanın orta əsr şəhərləri (IX-XIII əsrin əvvəlləri) (Medieval Cities of Azerbaijan (9-th – early 13-th sentury).* Baku: "Elm və təhsil" Publ. (in Azerbaijani)

Dostiyev, T. M. 2024. In *Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyası Sosial elmlər (Azerbaijan National Academy of Sciences Social Sciences)* (2), 145–154 (in Azerbaijani).

Dostiyev, T. M., Bəşirov, R. Y., Hüseynli, N. N., Mirzəyev, R. H. 2013. In Rahimova, M. N. (ed.) *Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar-2012 (Archaeological Researches in Azerbaijan 2012).* Baku, 257–268 (in Azerbaijani).

Erginsoy, Ü. 1978. *Anadolu Selcuklu Maden Sanatı. Anadolu Selçuklu Mimarisinde Süsleme ve El Sanatları (Anatolian Seljuk Metal Art. Architectural Decoration and Handicrafts in Anatolian Seljuk).* Ankara: Türkiye İş Bankası Yayınları (in Turkish).

Kurt Kırtay, K. 2020. In *Journal of Social and Humanities Sciences Research*, 50 (7), 340-347. (In Turkish)

McClary, R. P. 2020. In *Muqarnas. An Annual on Islamic Art and Architecture*. *37* (1), 325–343. https://doi.org/10.1163/22118993-00371P13 (in English).

Temel D. 2022. *Büyük Selçuklu dönemi minyatürlü çini tabaklarındaki çift fügürlü desenlerin analizi (Analysis of double- figure on miniature ceramic plates from the Great Seljuk period)*. Yüksek Lisans Tezi (Master's Thesis). İstanbul (In Turkish)

Holt, P.M., Lambton, A., Lewis, B. (eds.). 2005. *The Cambridge History of Islam. Vol. 1A. The Central Islamic Lands from pre-islamic times to the I-st World War*. L.; N.Y.: Cambridge University press.

Wen, R., Pollard, A. M. 2015. In *Archaeometry*, 58 (1). DOI: https: doi.org/10.1111/arcm.12143 (in English).

https://news.day.az/culture/1484986.html.

https://www.metmuseum.org/Collections/search-the-collections/140004187

https://www.pinterest.com/pin/318207529940484618/

https://www.pinterest.com/pin/268597565270174307/

About the Author:

Dostiev Tarikh Meyrut, Doctor of Historical Sciences, Head of Department, Baku State University. Academician Zahid Khalilova 23 Baku, AZ 1148, AZ-1073/1, Republic of Azerbaijan; dostiyev.tarikh@mail.ru

Статья поступила в журнал 31.03.2025 г.
Статья принята к публикации 07.07.2025 г.

УДК 902(479.24)
ББК Т4(5Аз)
https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.5.203.214

ИЗРАЗЦЫ XII-XIV ВЕКОВ ИЗ КРЕПОСТИ АЛИША (АЗЕРБАЙДЖАН)

© 2025 г. М.М. Мустафаев

Исследование посвящено изучению средневековой крепости Алиша (Дивека), расположенной в селе Алаша Астаринского района Азербайджана, на территории Гирканского национального парка, включенного в Список всемирного наследия ЮНЕСКО в 2023 году. Целью работы является комплексный анализ архитектурных особенностей и материальной культуры крепости на основе результатов археологических раскопок. В 2023–2024 годах на памятнике проведены масштабные археологические изыскания, позволившие выявить культурные слои, относящиеся к периодам с IV века до н.э. по XVI век н.э. Особое внимание в ходе раскопок уделялось оборонительным сооружениям и выявлению элементов древних систем водоснабжения, критически важных для жизнеобеспечения крепости в горной местности. Ключевым открытием стало обнаружение коллекции глазурованных плиток XII–XIV веков, украшенных сложными геометрическими и растительными мотивами. Анализ морфологии, цветовой гаммы и стилистики этих находок свидетельствует о высоком уровне мастерства средневековых ремесленников с территории современного Азербайджана и наличии развитых культурных и торговых связей региона с Ираном и Центральной Азией. Материалы раскопок в крепости Алиша существенно дополняют данные о процессах урбанизации, архитектурном развитии и ремесленных традициях средневекового Азербайджана, подтверждая стратегическую значимость данного объекта как ключевого элемента культурного наследия.

Ключевые слова: археология, крепость Алиша, глазурованная керамика, археологические раскопки, средневековая архитектура, Азербайджан, Астаринский район, культурное наследие, ЮНЕСКО, изразцы

12TH–14TH CENTURY GLAZED TILES FROM ALISHA FORTRESS (AZERBAIJAN)

Mikail M. Mustafayev

The study is dedicated to the investigation of Alisha (Diveka) medieval fortress located in the village of Alasha in the Astara District of Azerbaijan, within the territory of the Hirkan National Park, which was included in the UNESCO World Heritage List in 2023. The aim of the study is a comprehensive analysis of the architectural features and material culture of the fortress based on archaeological excavation results. In 2023–2024, extensive archaeological surveys were carried out at the site, revealing cultural layers dating from the 4th century BC to the 16th century AD. Special attention during the excavations was given to the defensive structures and the identification of elements of ancient water supply systems, which were critically important for the survival of the fortress in the mountainous terrain. A key discovery was the collection of 12th–14th century glazed tiles decorated with intricate geometric and floral motifs. An analysis of the morphology, color palette, and stylistic features of these findings indicates the high level of craftsmanship of medieval artisans from the territory of present-day Azerbaijan, as well as the existence of developed cultural and trade connections with Iran and Central Asia. The excavation materials from Alisha Fortress significantly broaden our knowledge of the processes of urbanization, architectural development, and artisanal traditions in medieval Azerbaijan, confirming the strategic significance of this site as a key element of cultural heritage.

Keywords: archaeology, Alisha Fortress, Glazed Ceramics, Archaeological Excavations, Medieval Architecture, Azerbaijan, Astara District, Cultural Heritage, UNESCO, Tiles.

Введение

Юго-восточный регион территории современного Азербайджана, в том числе Астаринский район, с древнейших времён являлся зоной интенсивных культурных, торговых и религиозных обменов. Особое значение в этом контексте приобретает село Алаша, расположенное на территории Гирканского национального парка – уникального природного и исторического ландшафта, включённо-

Рис. 1. Месторасположение поселение крепости Алиша (Астаринский район)
Fig. 1. Location of Alisha fortress settlement in the Astara District

го в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО в 2023 году. Данное событие способствовало повышению внимания к природному и археологическому наследию региона. Важным объектом исследования выступает крепость Алиша (Дивека), являющаяся частью комплексного фортификационно-сакрального ансамбля, сочетающего оборонительные, водоснабженческие и ритуальные функции.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью систематического изучения малоизученных археологических памятников юго-восточного Азербайджана и их вклада в формирование региональных культурных традиций. До настоящего времени крепость Алиша (Дивека), расположенная в селе Алаша Астаринского района Азербайджанской Республики (координаты: N38°27'12", E48°47'42"), не подвергалась комплексному археологическому анализу (Мустафаев, 2024).

Археологические раскопки, проведённые в 2023–2024 годах по инициативе Института археологии и антропологии Национальной академии наук Азербайджана, охватили площадь около 300 м² и позволили выявить значимые архитектурные элементы, инженерные сооружения, а также многочисленные артефакты, датируемые XII–XIV веками.

Особую ценность представляют данные, полученные в ходе раскопок 2024 года, касающиеся системы водоснабжения крепости, её архитектурных особенностей и декоративного убранства, в частности глазурованных изразцов (Мустафаев, 2023).

Научная новизна исследования заключается в первичном введении в научный оборот комплекса глазурованных изразцов, обнаруженных в крепости Алиша. Эти материалы демонстрируют локальную специфику художественных приёмов, одновременно находясь в общем культурно-художественном контексте с аналогичными образцами из Ирана, Средней Азии и Месопотамии.

Цель настоящей работы – комплексный анализ найденных декоративных элементов, прежде всего глазурованных изразцов, в контексте историко-художественного наследия Азербайджана XII–XIV веков (рис. 1, 2).

Крепость расположена у входа в Гирканский заповедник, на гористой местности, и, согласно предварительным данным, относится к древнему и средневековому периодам.

Методы исследования

Применялись методы стратиграфического анализа, типологической классификации керамики, сравнительного художественного анализа, а также аналогии с региональными памятниками.

Перед началом археологических раскопок территория была очищена от растительности. Первоначальный этап работ охватывал участок размером 20×15 метров. Основная

Рис. 2. Аэросъёмка археологических раскопок, автор фото М.М.Мустафаев.
Fig. 2. Aerial photography of archaeological excavations, photo by M.M. Mustafayev.

Рис. 3. Археологические раскопки, автор фото — М.М. Мустафаев.
Fig. 3. Archaeological excavations, photo by M.M. Mustafayev.

опорная стена крепости имеет ширину около 2 метров, в отдельных местах превышающую эту величину. В ходе исследований была расчищена строительная зона, прилегающая к плотине (кюребенд), где были обнаружены три водоотводных сооружения. Стены, выложенные из кирпича, были покрыты известковым раствором. Кроме того, была выявлена вспомогательная стена, основание которой уложено на скальном основании из крупных камней и обожжённого кирпича размером 22×22 см – типичного для средневековой архитектуры (Мустафаев, 2024) (рис. 3).

В северо-западной части крепости были обнаружены дополнительные участки стен, а при продвижении в восточном направлении – отдельное помещение. Раскопки также были расширены в южном и северном направлениях, где были зафиксированы другие вспомогательные строительные элементы. Очищены внутренние и внешние слои стен, прилегаю-

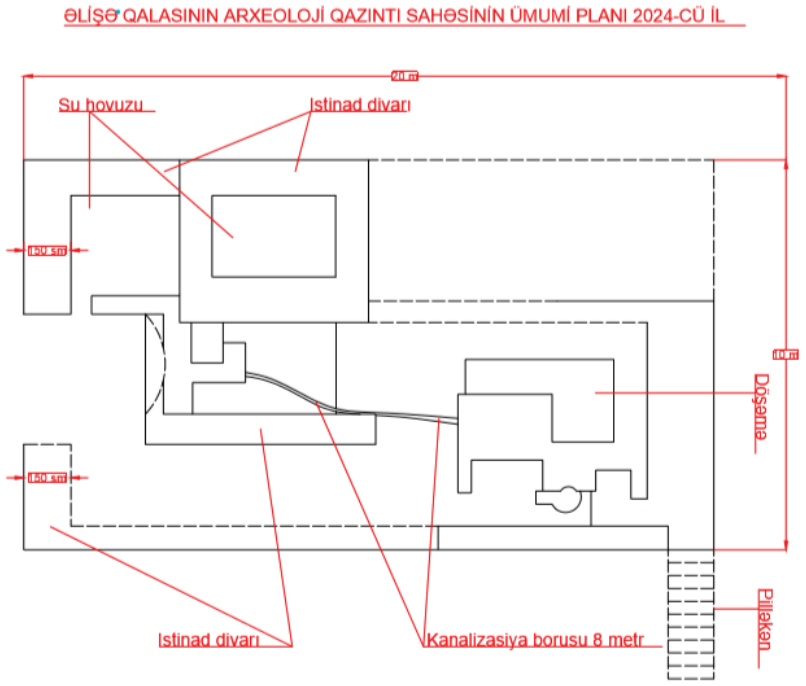

Рис. 4. Общий план археологических раскопок крепости Алиша.
Fig. 4. General plan of the archaeological excavation of Alisha Fortress.

щих к цитадели. По всей площади раскопа зафиксировано большое количество фрагментов изразцов – как глазурованных, так и неглазурованных. Установлено, что планировка крепости имеет прямоугольную форму (Мустафаев, 2024) (рис. 4).

Описание изразцов и их классификация

В ходе археологических раскопок на территории крепости Алиша было обнаружено 57 фрагментов изразцов, из которых 32 глазурованные и 25 терракотовые. Найденные изразцы были классифицированы по типу, форме, цвету глазури и характеру орнаментации.

Типологическая классификация

Среди археологических находок особый интерес представляют глазурованные каши-

Тип	Форма	Цвет глазури	Орнамент	Кол-во фрагментов
Фризовый	Квадрат	Синий, белый	Геометрический	14
Мозаичный	Восьмиугольник	Бирюзовый, чёрный	Цветочный, инкрустация	18
Заполняющий	Треугольник	Белый, голубой, чёрный	Зигзаг, точки	
Структурный	Прямоугольник	Тёмно-коричневый	Без орнамента, терракотовые	25

ны с миниатюрными орнаментами в тёмно-синей, голубой и тёмно-коричневой гамме (Мустафаев, 2024).

Изразцы, обнаруженные в крепости Алиша, датируются XII–XIV веками и отражают высокий уровень развития декоративно-прикладного искусства региона в этот период. Коллекция включает как цветные глазурованные плитки с инкрустацией и сложной орнаментацией, так и простые терракотовые образцы, что свидетельствует о разнообразии художественных техник, применявшихся в средневековом Азербайджане (рис. 5, 6).

Наиболее часто встречающимися среди археологических находок являются треугольные плитки, украшенные ангобами синего, чёрного, белого и голубого цветов. Некоторые из них дополнены графической инкрустацией с включением цветочных мотивов и геометрических узоров (Мустафаев, 2024) (рис. 6) Изразцы, использовавшиеся в декоративном оформлении архитектурных памятников Азербайджана, условно подразделяются на две основные группы по форме. К первой относятся квадратные плитки, применявшиеся преимущественно в фризах и обрамлении.

Рис. 5. Глазурованная керамика из раскопок крепости Алиша, автор фото М.М.Мустафаев.
Fig. 5. Glazed ceramics from the excavations of Alisha Fortress photographed by M.M. Mustafayev.

Рис. 6. Фрагменты восьмиугольных изразцов. автор фото М.М.Мустафаев.
Fig. 6. Fragments of octagonal ceramic tiles, photographed by M.M. Mustafayev.

Ко второй – восьмиконечные звёзды и крестовидные элементы, которые использовались для заполнения пространств между звёздами, формируя декоративные композиции, напоминающие по структуре орнаменты ковров.

По стилистическим особенностям орнаментации и цветовой палитре керамика, обнаруженная в крепости Алиша, демонстрирует очевидные параллели с изделиями, происходящими из Кашана (Иран), Самарканда и Бухары (Средняя Азия). Это свидетельствует о культурной связанности региона с широкой трансрегиональной ремесленной сетью, а также о существовании интенсивных художественных и технологических контактов в средневековую эпоху.

Особенно значимым в этом контексте является город Кашан, расположенный к югу от Тегерана, который в XIII веке стал одним из важнейших центров производства архитектурной керамики. Персидский термин kaşi («плитка») дал название известной «кашинной» технике. Глазурованные плитки с преобладанием бирюзового, синего и зелёного цветов получили широкое распространение на территории Монгольской империи. Бирюзовая глазурь, в частности, стала характерной чертой и получила условное наименование «иранская».

Основными мотивами орнаментации иранской керамики были каллиграфические надписи, цветочные узоры и геометрические композиции. В архитектуре Ирана и Ближнего Востока периода Тимуридов особенно широко использовались мозаичные плитки, покрытые глазурью белого, изумрудного, бирюзового и красно-коричневого цветов (Стародуб-Еникеева, 2004, с. 323).

Преобладание бирюзового цвета, типичное для периода до XIII века, указывает на устойчивость стилистических канонов, прослеживаемую на протяжении нескольких столетий.

Показательным в контексте локальных аналогий является памятник в селе Шиха-

керан Ленкоранского района – усыпальница шейха Захида, наставника основателя династии Сефевидов. Комплекс, расположенный на территории средневекового кладбища, также украшен изразцами янтарного, голубого и фиолетового цветов (Алекперов, 2005, с. 53–57).

Особый интерес представляют мозаичные изразцы, составленные из мелких прямоугольников, дополненных трапециевидными и линейными орнаментами. Подобные декоративные элементы характерны для культовых сооружений, внутреннее убранство которых подчинялось строгим эстетическим и символическим принципам (Мустафаев, 2024) (рис. 7, 8).

Значительная часть найденных изразцов представлена треугольными плитками. Особый интерес представляет один из образцов, содержащий инкрустированные элементы, что существенно повышает его художественную ценность. Кроме того, на некоторых плитках, декорированных цветочными мотивами, зафиксированы декоративные элементы в виде чёрных точек. Эти орнаментальные детали не только обогащают визуальную композицию, но и отражают эстетические каноны и художественные предпочтения соответствующего исторического периода (Мустафаев, 2024).

Терракотовые образцы, характерные для конца XII – начала XIV века на территории Азербайджана, преимущественно выполнены в чёрной цветовой гамме. Как правило, это простые, лишённые орнамента плитки треугольной формы. Они были обожжены при высокой температуре, что обеспечивало их повышенную прочность. Эти находки имеют важное значение, так как демонстрируют одновременно утилитарные и художественные аспекты ремесленного производства указанного периода (Бретаницкий и Веймарн, 1976, с. 134).

Мозаичные изразцы отличаются выразительными декоративными характеристиками, и, как правило, использовались для оформления интерьеров архитектурных памятников. Эти изразцы изготавливались в различных размерах, преимущественно в форме небольших прямоугольников. Их орнаментация выполнена в виде геометрических узоров с преобладанием трапециевидных форм, что соответствует художественным стилевым

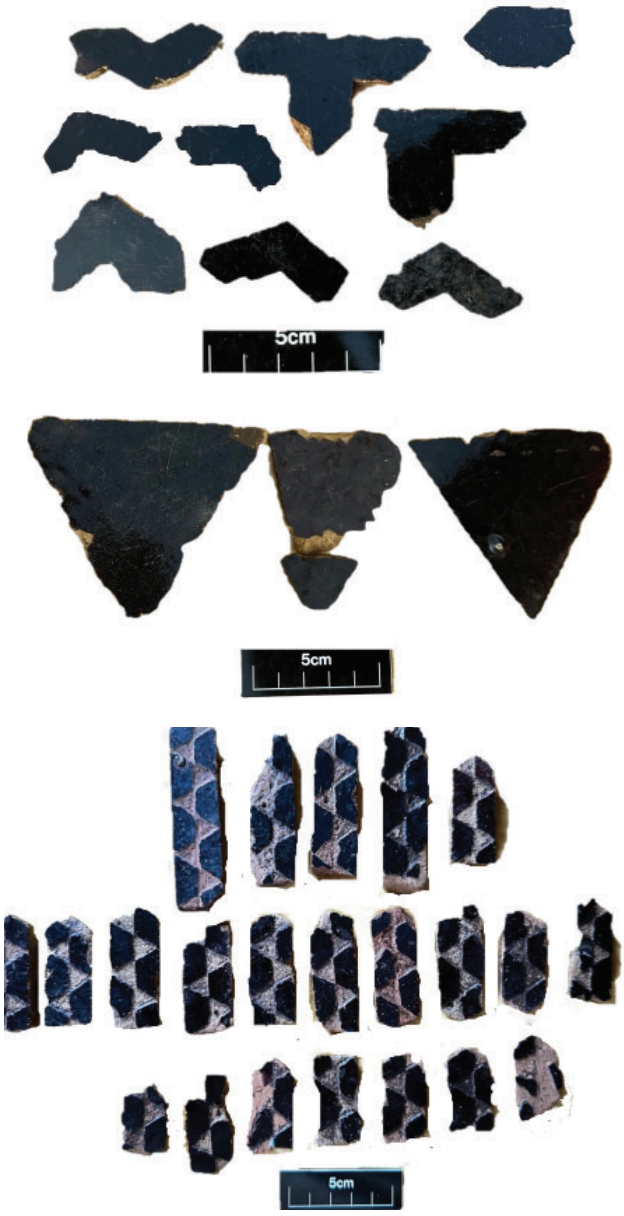

Рис. 7. Фрагмент черных геометрических, трапециевидных и крестовидных изразцов, автор фото М.М.Мустафаев
Fig. 7. Fragment of black geometric, trapezoidal, and cross-shaped tiles, photo by M.M. Mustafayev.

тенденциям архитектурного декора рассматриваемого периода. Применение таких изразцов способствовало визуальному обогащению и структурному упорядочиванию внутреннего убранства зданий, отвечая эстетическим представлениям своей эпохи (рис. 6–7). Памятники, в оформлении которых использовались мозаичные изразцы, представляют особую ценность как с художественной, так и с культурно-исторической точки зрения. Их исследование позволяет более глубоко осмыс-

Рис. 8. Фрагмент бюрузового изразца зигзагной формы, автор фото М.М.Мустафаев.
Fig. 8. Fragment of a turquoise ceramic tile with a zigzag shape, photographed by M.M. Mustafayev.

лить архитектурное и декоративное наследие средневекового Азербайджана (Afendi, 2007, с. 58).

Значимым аспектом является интеграция эстетической и функциональной составляющих декора: многие изразцы не только украшали поверхности, но и служили декоративной облицовкой стен, резервуаров и других инженерных сооружений. Это подчёркивает сложную архитектурно-инженерную концепцию крепости, где декоративные элементы одновременно выполняли конструктивные функции.

Историко-культурный контекст

Сравнительный анализ обнаруженных в крепости Алиша изразцов с аналогичными изделиями, найденными в Кашане, Самарканде, Бухаре и Мараге, позволил выделить ряд характерных черт:

Преобладание бирюзовой и бело-голубой цветовой гаммы;

Наличие геометрических и растительных орнаментов;

Использование техник инкрустации и ангобирования;

Историографический обзор и художественные аналогии.

Одним из первых известных архитектурных памятников, где были применены глазурованные изразцы, считается мавзолей Кызыл Гюнбез (Золотой купол), построенный в 1148 году в Мараге. Этот мемориальный комплекс выделяется высоким уровнем художественного исполнения декоративных элементов и считается важной вехой в развитии архитектурной керамики.

Другим значимым примером является мавзолей Гёк Гюнбез (Голубой купол), возведённый в том же городе в 1194 году. Название памятника связано с обилием голубых изразцов, использованных в его фасадном декоре. В отличие от Кызыл Гюнбез, в оформлении Гёк Гюнбез применяется гораздо больше керамического декора, особенно в верхней части фасада, где преобладает насыщенный голубой цвет (Məmmədova & Məmmədova, 2013, с. 45).

С XII века использование многоцветных изразцов становится устойчивой традицией в архитектуре Арана. Этот приём не только служил средством декоративного оформления фасадов и интерьеров, но и отражал эстетические предпочтения своего времени (Afendi, 2007, с. 70).

Таким образом, крепость Алиша выступает важным археологическим и культурным центром, демонстрирующим как локальные особенности, так и общие региональные тенденции в архитектуре и декоративно-прикладном искусстве средневекового Азербайджана. Продолжение исследований в этом направлении позволит углубить понимание социального и культурного контекста использования изразцов, а также расширить представления о связях между различными художественными центрами исламского мира.

Крепость сочетает в себе оборонительные, инженерные (водоснабжение) и, предположи-

тельно, сакральные функции, что делает её объектом особого научного интереса как для археологов, так и для историков архитектуры и искусства.

Изразцовый декор, широко применявшийся в архитектуре на территории современного Азербайджана с XII по XIV века, является неотъемлемой частью культурного наследия региона. Особенно ярко его значение проявляется в мавзолеях и культовых сооружениях, где изразцы выполняли не только декоративную, но и конструктивную функцию. Крепость Алиша, наряду с другими памятниками региона, предоставляет уникальные примеры такого рода декоративных элементов.

Датировка обнаруженных изразцов основывается на стратиграфическом анализе, сопутствующем археологическом материале (включая характерную керамику), а также на сравнении с аналогичными образцами из Мараги, Тебриза и Ленкорани. Предполагаемый хронологический диапазон – XII–XIV века.

Искусство изразцов стало неотъемлемой частью азербайджанской архитектурной традиции, играя важную роль как в эстетическом, так и в инженерном аспектах строительства. В отличие от многих других ремесел, художественная эмаль наиболее тесно связана с технологией изготовления изразцов (Afendi, 2007, с. 190). Использование цветных керамических плиток было характерно для многих регионов Сельджукской империи. По наблюдению исследователя Дж.М. Роджерса, «попытки развить этот декоративный стиль были предприняты в Азербайджане только в конце XII века». Археологические и архитектурные свидетельства подтверждают, что именно в этот период в Азербайджане произошёл значительный прогресс в технологии и художественном оформлении изразцов (Qiyasi, 1991, с. 189).

Многие памятники архитектуры средневекового Азербайджана украшены высокохудожественными изразцами. Одним из наиболее ярких примеров является ханегях Пир Гусейна – архитектурный ансамбль, расположенный примерно в 150 километрах к юго-западу от Баку. Здание, являющееся важным объектом исламской архитектуры, в прошлом было богато украшено изразцами с цветными орнаментами и эпиграфикой (Afendi, 2007, с. 44). На сегодняшний день многие из этих декоративных элементов экспонируются в ведущих музеях мира, что свидетельствует о высоком уровне развития ремесленного производства и художественного вкуса в Азербайджане в указанный период.

Рис. 9. 8-метровая керамическая водопроводная труба
автор фотографии — М.М. Мустафаев.
Fig. 9. 8-meter ceramic water pipe,
photo by M.M. Mustafayev.

Многие изразцы, аналогичные найденным в крепости Алиша, представлены в коллекциях ведущих музеев мира: Государственном Эрмитаже (Санкт-Петербург), Государственном музее Грузии, Музее Востока (Москва), а также в крупных европейских музеях, таких как Лувр (Париж), Британский музей (Лондон) и других (15, с. 14–18). Это свидетельствует о широком распространении и высоком художественном уровне декоративной керамики исламского мира, в том числе азербайджанского региона.

Крепость Алиша находилась в зоне политического и культурного влияния государств Ильдегизидов и Эльханидов, что объясняет присутствие в её архитектурном и декоративном оформлении художественных форм, типичных для всего Иранского мира. В пери-

од правления Эльханидов (XII–XIV вв.) архитектура Азербайджана не только сохраняла преемственность старых традиций, но и достигла выдающихся высот, о чём свидетельствуют памятники, украшенные высокохудожественными изразцами. Эти произведения являются наглядными примерами мастерства азербайджанских архитекторов и ремесленников того времени (Mustafayev, 2009, с. 14).

Выявленные в крепости Алиша изразцы отражают активное взаимодействие между азербайджанскими, иранскими и среднеазиатскими художественными школами. Наиболее близкими аналогами керамики, обнаруженной в Алише, являются:

Изразцы мавзолея Момине-хатун в Нахичевани (1186 г.);

Облицовка мавзолеев Гёк Гюнбез и Кызыл Гюнбез в Мараге;

Глазурованная керамика Кашана XIII века.

Эти сопоставления подтверждают включённость крепости Алиша в единое художественно-ремесленное пространство исламского мира и подчеркивают важную роль региона в развитии архитектурного декора Средневековья.

Мавзолей Момине-хатун, расположенный в Нахичевани и известный среди местного населения как «Гюнбез Атабеев», был возведён в 1186 году в память о Момине-хатун – супруге Шамсаддина Эльдениза, основателя государства Атабеков. Одним из наиболее выразительных декоративных элементов мавзолея является куфическая надпись, выполненная бирюзовыми изразцами. Этот орнаментальный пояс охватывает здание по периметру, придавая фасаду особую художественную целостность и становясь важной частью архитектурной композиции (Неймат, 2001, с. 52).

Применение цветных изразцов в орнаментике значительно усиливает визуальное воздействие мавзолея и подчёркивает высокий уровень декоративного искусства того времени (Qiyasi, 1991, с. 188). На фасадах сооружения особенно выделяются орнаменты и эпиграфические фрагменты, выполненные изразцами. По мнению Э. Элесгерзады, грани мавзолея украшены куфической вязью с текстом суры «Ясин», которая повторяется дважды и распространяется по всем сторонам памятника, создавая символическое и эстетическое единство.

Центральная надпись, выполненная изразцами высотой 97 см, содержит информацию о заказчике строительства мавзолея и его назначении (Baxşəliyev və Quliyeva, 2017, с. 158), что подчёркивает как мемориальную, так и художественную значимость сооружения.

В декоре мавзолея Шейх-Гейдара (XV век), расположенного в районе Хызы, использованы изразцы и кирпичи зелёного, чёрного, коричневого и голубого цветов, характерные для тбилисской архитектурной традиции (Nemət, 2010, с. 100). Изразцы, обнаруженные в ходе раскопок, отличаются высоким художественным уровнем исполнения. Один из них, украшенный изображением цветка, выполнен с использованием четырёх цветов. Центральный декоративный элемент – гравировка цветка – выполнен в белом и чёрном цветах и занимает значительную часть поверхности изразца.

Кроме того, на поверхности присутствуют дополнительные декоративные фигуры, нанесённые ангобами синего, голубого, белого и чёрного цветов. Эти элементы выполнены в разнообразных формах и узорах, что придаёт изразцу сложный и гармоничный декоративный характер. Особое внимание привлекают края изразца, украшенные прямоугольными линиями, выполненными белым и чёрным ангобом, что создаёт дополнительную структуру и визуальную глубину.

Все декоративные изображения размещены на фоне голубого ангоба, который усиливает контраст и подчёркивает общую композицию. Таким образом, каждая деталь изразца – от выбора цветовой палитры до орнаментальных узоров – представляет собой взаимодополняющие элементы, формирующие высокохудожественный образец декоративного искусства.

Все выявленные археологические находки свидетельствуют о высоком уровне мастерства и эстетической ценности данных памятников, что подтверждает их элитарный характер. Найденные материалы – как декоративные и функциональные элементы, так и художественно-архитектурные особенности – отражают высокий культурный уровень и изысканный вкус эпохи, к которой они относятся.

Уникальность системы водоснабжения, подтверждённая обнаружением керамических труб, резервуаров и бассейнов, заключается не только в её утилитарном значении,

но и в потенциальной сакральной функции. Эти находки ярко демонстрируют высокий уровень городской культуры исследуемого памятника (Мустафаев, 2024) (рис. 9).

Изразцы были сконцентрированы в зоне вокруг системы водоснабжения, состоящей из керамических труб, цистерн и водоёмов. Их расположение позволяет предположить, что они выполняли не только декоративную функцию, но и служили облицовкой стен и резервуаров, обеспечивая их защиту от влаги.

Сравнительный анализ орнаментальных мотивов указывает на влияние не только местных художественных традиций, но и образцов, характерных для хорезмийского искусства (Мустафаев и Гусейнова, 2024). Это расширяет рамки интерпретации находок и свидетельствует о существовании широкой трансрегиональной сети культурных и ремесленных обменов.

Результаты исследования

Археологические исследования крепости Алиша в Астаринском районе Азербайджана существенно расширяют наши знания не только о истории региона, но и о культурных, архитектурных и художественных процессах, происходивших в юго-восточном Азербайджане в средневековый период. Обнаруженные в ходе раскопок артефакты, включая изразцы и другие элементы декоративного искусства, являются ценным свидетельством высокого мастерства местных ремесленников и архитекторов, а также их способности интегрировать разнообразные культурные и художественные традиции, прослеживающиеся от Ирана до Средней Азии (Лурье и др., 1940, с. 107).

Интерпретируя инженерно-декоративную функцию, можно отметить, что изразцы использовались не только в качестве декора, но и как облицовочный материал для стен, при этом выполняя также эстетическую функцию. Их присутствие в инженерных сооружениях, включая резервуары, свидетельствует о функционально-декоративной концепции архитектуры крепости.

Особое внимание уделяется изучению изразцов, которые выступали важным элементом не только архитектурного декора, но и функциональной части построек, таких как водоотводные системы и стены крепости. Это открытие подчёркивает многофункциональность декоративных элементов, которые не только украшали поверхности, но и усиливали конструктивные свойства сооружений, выполняя при этом защитную функцию. Сравнительный анализ орнаментации и технологических особенностей изразцов, а также наличие явных параллелей с образцами из других регионов исламского мира свидетельствуют о развитой системе межкультурных связей и обменов в Средневековье. Данные факты подтверждают значимость крепости Алиша как не только локального, но и регионального центра, в котором пересекались различные культурные и художественные традиции.

Заключение

Таким образом, крепость Алиша и её археологические находки играют ключевую роль в реконструкции культурного ландшафта Азербайджана, раскрывая сложные процессы взаимодействия местных и внешних культурных влияний. Проведённые исследования не только обогащают наши знания о прошлом региона, но и подчёркивают важность сохранения и дальнейшего изучения культурного наследия страны для современного и будущих поколений.

ЛИТЕРАТУРА

Алекперов А.И. Средневековые памятники Ленкоранского района // Азербайджанская археология и этнография. 2005. С. 53–57.

Бретаницкий Л.С., Веймарн Б.В. Искусство Азербайджана IV–XVIII веков. М.: Искусство, 1976, 272 с.

Джафаров Г.Ф. Связи Азербайджана со странами Передней Азии в эпоху поздней бронзы и раннего железа (по археологическим материалам Азербайджана). Баку: Элм, 1984. 108 с.

Лурье И., Лепунов К., Матье М., Пиотровский Б., Флитнер Н. Очерки по истории техники Древнего Востока. М.; Л.: АН СССР, 1940. 353 с.

Мустафаев М. Отчёт об археологических раскопках, проведённых в 2023 году на крепости Элиша (Дивека), расположенной в селе Алаша Астаринского района. Баку: Институт археологии и антропологии НАНА, 2023.

Мустафаев М. Отчёт об археологических раскопках, проведённых в 2024 году на крепости Элиша (Дивека), расположенной в селе Алаша Астаринского района. Баку: Институт археологии и антропологии НАНА, 2024.

Мустафаев М., *Гусейнова Н.,* Крепость Алиша на территории южной части Азербайджана в селе Алаша // Endless light in science. 2024. № 5. С. 18–21.

Неймат М.С. Корпус эпиграфических памятников Азербайджана. Том III: Арабо-персо-тюркоязычные надписи Нахчыванской Автономной Республики (XII век — начало XX века). Баку: XXI-Yeni Nəşrlər Evi, 2001. 216 с.

Стародуб-Еникеева Т.Х. Сокровища исламской архитектуры. М.: Белый Город, 2004. 456 с.

Afendi R. Azerbaijani Art. Baku: Sharg-Gerb, 2007.397 c.

Baxşəliyev V., Quliyeva F., Naxçıvanın Tarixi Abidələri. Bakı: Nurlan, 2017 212 səh., s.158

Məmmədova G., Məmmədova Z. Orta əsrlər memarlığı (VIII-XIV əsrlər). II cild. Bakı, 2013.

Mustafayev A.H. Azərbaycanın maddi mədəniyyət tarixi (etnoqrafik materiallar əsasında tipoloji tədqiqat). Bakı, 2009, 232 s.

Nemət M. Azərbaycan pirləri. Bakı, 2010. 210 s.

Qiyasi C. Nizami dövrü memarlıq abidələri. Bakı, 1991.

Информация об авторе:

Мустафаев Микаил Мубаризович, кандидат исторических наук, доцент. зав. отделом, «Регистрация и паспортизация археологических памятников» Института археологии и антропологии НАНА (г. Баку, Азербайджан); mustafayev_info@yahoo.com; mustafayevmikayil31@gmail.com http://orcid.org/0000-0001-8462-9495

REFERENCES

Alekperov, A. I. 2005. In *Azerbaydzhanskaya arkheologiya i etnografiya (Azerbaijani archaeology and ethnography)*, 53–57 (in Russian).

Bretanitskii, L., Veimarn, B. 1976. *Iskusstvo Azerbaydzhana IV–XVIII vekov (Art of Azerbaijan of the 4th–18th Centuries).* Moscow: “Iskusstvo” Publ. (in Russian)

Dzhafarov, G. F. 1984. *Svyazi Azerbaydzhana so stranami Peredney Azii v epokhu pozdney bronzy i rannego zheleza (po arkheologicheskim materialam Azerbaydzhana) (Relations of Azerbaijan with the Countries of Western Asia in the Bronze Age and Early Iron Ages (Based on the Archaeological Materials of Azerbaijan)).* Baku: “Elm” Publ. (in Russian).

Lurie, I., Lepunov, K., Matie, M., Piotrovskii, B., Flitner, N. 1940.

Ocherki po istorii tekhniki Drevnego Vostoka (Essays on the History of Technology of the Ancient East). Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences (in Russian).

Mustafaev M., 2023. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh, provedennykh v 2023 godu na kreposti Elisha (Diveka), raspolozhennoy v sele Alasha Astarinskogo rayona (Report on archaeological excavations conducted in 2023 at Elisha (Diveka) Fortress, located in Alasha village, Astara district).* Baku: Institute of Archaeology and Anthropology of ANAS (in Russian).

Mustafaev, M., 2024. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh, provedennykh v 2024 godu na kreposti Elisha (Diveka), raspolozhennoy v sele Alasha Astarinskogo rayona. (Report on archaeological excavations conducted in 2024 at Elisha (Diveka) Fortress, located in Alasha village, Astara district).* Baku: Institute of Archaeology and Anthropology of ANAS (in Russian).

Mustafaev, M., Guseinova, N. 2024. In Endless light in science (5), 18–21 (in Russian).

Neimat, M. S. 2001. *Korpus epigraficheskikh pamiatnikov Azerbaidzhana. Araboperso-tiurkoyazychnye nadpisi Nakhichevanskoi Avtonomnoi Respubliki (XII – nachala XX veka) (Corpus of Epigraphic Monuments of Azerbaijan. Arabic-Persian-Turkic Inscriptions of Nakhchivan Autonomous Republic (12th – early 20th Centuries))* III. Baku: “XXI-Yeni Nəşrlər Evi” Publ. (in Russian)

Starodub-Enikeeva, T. Kh. 2004. *Sokrovishcha islamskoy arkhitektury (Treasures of Islamic Architecture).* Moscow: “Belyy Gorod” Publ. (in Russian).

Afendi, R. 2007. *Azerbaijani Art.* Baku: “Sharg-Gerb” Publ. (in English)

Baxşəliyev, V., Quliyeva, F. 2017. *Naxçıvanın Tarixi Abidələri (Historical Monuments of Nakhchivan)*. Baku: "Nurlan" Publ. (in Azerbaijani).

Məmmədova G., Məmmədova Z., 2013. *Orta əsrlər memarlığı (VIII–XIV əsrlər). (Medieval Architecture (8th–14th Centuries).* Vol. II. Baku (in Azerbaijani).

Mustafayev, A. H. 2009. *Azərbaycanın maddi mədəniyyət tarixi (etnoqrafik materiallar əsasında tipoloji tədqiqat) (Material Culture History of Azerbaijan (Typological Study Based on Ethnographic Materials)).* Baku. (in Azerbaijani)

Nemət, M. 2010. *Azərbaycan pirləri (Azerbaijani Pilgrimage Sites).* Baku (in Azerbaijani).

Qiyasi, C. 1991. *Nizami dövrü memarlıq abidələri (Architectural Monuments of the Nizami Period)*. Baku (in Azerbaijani)

About the Author:

Mustafayev Mikail M. Ph.D. in History, Associate Professor, Head of the "Registration and Passportization of Archaeological Monuments" Department at the Institute of Archaeology and Anthropology, National Academy of Sciences of Azerbaijan, Ph.D., Associate Professor, AZ1143, Baku, 115 G. Javid Avenue, Central Scientific Academy Complex, Azerbaijan; mustafayev_info@yahoo.com, mustafayevmikayil31@gmail.com http://orcid.org/0000-0001-8462-9495

Статья поступила в журнал 06.02.2025 г.
Статья принята к публикации 09.09.2025 г.

УДК 902.904 (574) https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.5.215.232

НАСЕЛЕНИЕ ЖЕТЫСУ В ТЮРКСКОЕ ВРЕМЯ (VIII–XI ВВ.) ПО ДАННЫМ КРАНИОЛОГИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМЯТНИКА САМСЫ)[1]

©2025 г. Р.Ж. Жанузак, Р.Н. Буранбаев, Р.К. Шербаев

В работе представлены результаты палеоантропологического исследования скелетных останков из тюркских погребений курганного памятника Самсы (Жетысу, Юго-Восточный Казахстан), состоящего из разновременных погребений эпохи энеолита, бронзы, раннего железа и Средневековья. Визуально-типологический анализ указывает на смешанный характер исследуемой выборки. Анализ краниологических данных на широком фоне синхронных групп Евразии с применением канонического анализа показал, что мужская серия демонстрирует близость к населению тюркского времени степных и предгорных территорий Казахстана, Кыргызстана и Южной Сибири, при этом существенно отличается от антропологического типа жителей оазисно-долинных регионов Средней Азии. В целом, тюрки Жетысу (Семиречье) характеризуются «восточным» направлением этногенетических связей. Примечательно, что мужская серия из памятника Самсы обнаруживает связь не только с населением близлежащих территорий, но и с представителями огузо-печенежских и хазарских групп Волго-Донья, удалённых на значительное расстояние. Подобная морфологическая близость, по-видимому, отражает древние миграционные процессы, связывавшие южносибирские и центральноазиатские истоки формирования тюркских популяций с отдалёнными западными районами степного пояса Евразии. На некоторых черепах выявлены следы бешиковой деформации, традиция которой прослеживается в регионе с раннего железного века. Наличие таких признаков указывает на длительное использование местным населением колыбели типа бешика, позволяющей надёжно фиксировать младенца. Эта традиция объясняется практической стороной, обеспечивая удобство её применения в повседневном быту женщин при уходе за ребёнком.

Ключевые слова: археология, палеоантропология, тюрки Жетысу, краниология, бешиковая деформация, катакомбы, подбои, погребальный обряд.

THE POPULATION OF ZHETYSU IN THE TURKIC PERIOD (8TH–11TH CENTURIES) BASED ON CRANIOLOGICAL DATA (FROM THE SAMSY SITE)[2]

R.Zh. Zhanuzak, R.N. Buranbayev, R.K. Sherbayev

The study presents the results of a paleoanthropological analysis of skeletal remains recovered from Turkic period burials at Samsy kurgan complex, a multi-period funerary site encompassing burials of the Eneolithic, Bronze Age, Early Iron Age, and the Medieval period, located in Zhetysu, Southeastern Kazakhstan. Intra-group analysis reveals morphological heterogeneity of the studied samples. Craniometric comparisons, using canonical variates analysis against a broad dataset of contemporaneous Eurasian populations, indicate that the male series is closely aligned with Turkic-period groups from the steppe and foothill zones of Kazakhstan, Kyrgyzstan, and southern Siberia, while showing pronounced differences from the anthropological type characteristic of oasis–valley populations in Central Asia. Overall, the Zhetysu (Semirechye) Turks display an 'eastern' vector of ethnogenetic connections. It is Of particular note, the Samsy male series shares affinities not only with neighboring groups but also with Oghuz–Pecheneg and Khazar groups of the Volga-Don region, located far to the west. This morphological proximity likely reflects ancient migratory processes linking the South Siberian roots of Turkic population formation to distant western sectors of the Eurasian steppe belt. Several crania bear traces of beshik-type artificial cranial deformation, a tradition documented in the region

[1] Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МНВО РК 2023—2025, ИРН проекта BR21882346.

[2] The paper was prepared within the framework of the program-targeted financing of the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan in 2023-2025, IRN project BR21882346.

since the Early Iron Age. The persistence of such modifications suggests the long-term use of the beshik-type cradle, which immobilizes the infant securely, its practicality likely accounting for its continuity in everyday childcare practices among women.

Keywords: archaeology, paleoanthropology, Zhetysu Turks, craniometry, beshik-type artificial cranial deformation, catacomb-type graves, side chambers, funerary rite

Рис. 1. Карта расположения памятника Самсы в Шу-Илейском междуречье.
Fig. 1. Layout of Samsy site in the Shu–Ile interfluve.

Введение

В 2018–2019 гг. в Илейской долине на памятнике Самсы (Жамбылский р-н, Алматинская обл.) сотрудниками ТОО «Научно-экспериментальная практическая археология «НЭПА» проведены исследования 24 курганов на могильнике и трёх курганов[1] в 2 км западнее от него (рис. 1)[2]. Из 24 изученных раскопками курганов пять определены как раннетюркские. В двух насыпях, № 4 и 17, обнаружены подбойные захоронения с конём. В курганной группе в насыпях № 1 и 3 совершены погребения в катакомбах с конём, в кургане № 2 выявлено два подбойных захоронения, совершённых по мусульманскому обычаю, и одно впускное. На могильнике в курганах № 5–6, 8–10 обнаружены подкурганные четырёхугольные ограды с групповыми захоронениями[3].

В настоящей статье впервые в научный оборот вводятся результаты палеоантропологического изучения материалов из курганов № 3, 5, 9 памятника Самсы. Полученные данные являются логическим продолжением ранее начатых междисциплинарных исследований, посвященных тюркским группам Юго-Восточного и Южного Казахстана (подробнее см.: Буранбаев и др., 2024; Жанузак и др., 2025; Амиров и др., 2025). Особенностью представленных результатов является то, что радиоуглеродное датирование погребений, выполненных по мусульманскому обряду, показало их хронологическое соответствие остальным ранее опубликованным тюркским захоронениям вышеуказанного памятника. В связи с этим все скелетные материалы объединены в одну серию, по которой впервые проведён межгрупповой анализ с привлечением данных синхронных групп Евразии для выявления особенностей её антропологического состава и направлений этногенетических связей.

Материалы и методика исследований

При подготовке статьи использовались общенаучные методы исследования – описательный, обобщающий, сравнительно-сопоставительный, сравнительно-исторический и аналитический. Скелетные останки людей изучены на базе лаборатории физической

антропологии Института археологии имени А.Х. Маргулана. Антропологические материалы представлены десятью скелетами разной степени сохранности. Комплексная диагностика пола и возраста погребённых, а также исследование черепов по краниометрической программе осуществлялись в соответствии с классическими методическими разработками (Алексеев, Дебец, 1964; Алексеев, 1966). Оценка морфологических особенностей индивидуумов проводилась на основе индивидуальных характеристик с применением визуально-типологического метода. Для межгруппового канонического анализа краниологических серий использовалась программа И.А. Гончарова Multican (Гончаров, Гончарова, 2016) и пакет статистических программ Statistica 11. Также выполнена статистическая оценка межгруппового сходства путём вычисления квадратов расстояния Махаланобиса с поправкой на численность. Для количественной оценки степени выраженности монголоидных особенностей в краниологической серии были использованы индекс уплощенности лицевого скелета (УЛС), преаурикулярный фациоцеребральный указатель (ПФЦ) и условная доля монголоидного элемента (УДМЭ) (Дебец, 1968, с. 13–22).

Результаты

Описание курганов. Курган № 3 до раскопок представлял собой земляную насыпь уплощённо-полусферической формы (диаметр 10 м, высота 0,5 м). Он был возведён над погребением эпохи бронзы. В ходе поздних подзахоронений, датируемых Средневековьем, ранняя могила оказалась разрушена. Всего здесь выявлено пять захоронений. Одно – эпохи бронзы, а следующие четыре – два грунтовых и два подбойных – датируются Средними веками. К поздним подзахоронениям относятся несохранившиеся остатки сырцовых конструкций. Особенности грунта не позволили проследить контуры могильных ям на уровне материка. Изменения в цвете и структуре, свидетельствующие о наличии могилы, фиксировались в придонной части могилы. В северо-западной и центральной частях кургана выявлены оплывшие развалы сырца. Такие же оплывы фиксировались на других курганах тюркского времени. В четырёх могилах кургана № 3 скелеты имеют очень плохую сохранность и непригодны для проведения измерений.

Могила № 5 находится в восточной части кургана (рис. 2). Ориентирована также по направлению северо-запад – юго-восток. Погребение совершено на глубине 1,5 м в подбое (1,7×0,6 м). Подбой был заложен сырцовыми кирпичами (25×13×5–6 см). Погребённый уложен на спине, лицо немного повернуто на юго-запад, обе руки уложены на животе (рис. 2: 2, 3). Инвентарь отсутствует. Скелет принадлежал мужчине 35–45 лет. Череп брахикранный при среднем продольном и большом поперечном диаметрах мозговой коробки. Высота свода от *ba* большая, от *po* определяется очень большой величиной. Лобная кость среднеширокая по наименьшей ширине и очень широкая – по наибольшей. Угол профиля лба от *n* большой. Основание черепа очень широкое. Лицевой скелет средневысокий и очень широкий, в вертикальной плоскости ортогнатный. Нос платиринный при большой ширине и средней высоте. Орбиты очень широкие и низкие, хамэконхные по указателю. Горизонтальная профилировка лицевого скелета ослаблена на уровне орбит и умеренная на уровне скул.

Курган № 5 до раскопок также представлял земляную насыпь в виде невысокого всхолмления (диаметр 10 м, высота 0,3 м). Под насыпью, в восточной стороне кургана, обнаружены остатки плохо сохранившейся сырцовой стены. Сохранившая длина стены 7,8 м, толщина – 1,2 м. Вероятно, это остатки четырёхугольной ограды. Стена ориентирована по линии северо-запад – юго-восток. В юго-западной части кургана обнаружено два погребения в подбоях.

Могила № 1 находится в западной части кургана. Могильная яма подпрямоугольной формы (2,5×0,6 м) ориентирована по линии ССЗ – ЮЮВ. С западной стороны расположен подбой (2,5×0,9 м), перекрытый сырцовой стенкой толщиной 0,25 м. Умерший уложен в вытянутом положении на спине головой на северо-запад. Голова повернута вправо, руки уложены на тазу (рис. 3: 2–3). Инвентарь отсутствует. Захоронение принадлежало мужчине 45–55 лет. Череп брахикранный при среднем продольном диаметре и широкой мозговой коробке. Лобная кость широкая по величине обоих признаков. Угол профиля лба от *n* малый. Основание черепа очень широкое и средневысокое. Затылочная кость также широкая. Лицевой скелет высокий, в вертикальной

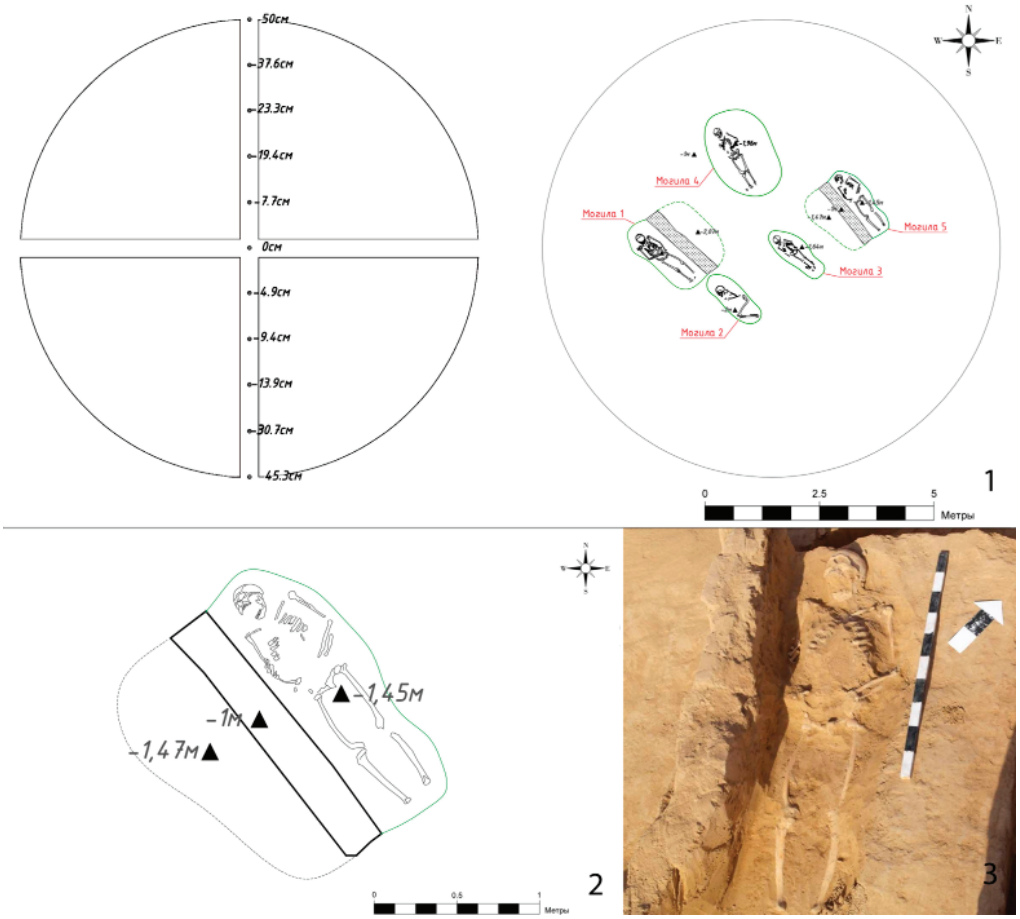

Рис. 2. Могильник Самсы. Курган № 3, могила 5.
Fig. 2. Samsy burial ground. Barrow No. 3, burial No. 5.

плоскости ортогнатный. Средняя ширина средняя, верхняя ширина и скуловой диаметр – в пределах очень больших величин. Нос лепторинный при средней ширине и очень большой высоте. Носовые кости средне выступают по отношению к вертикальной плоскости лица. Орбиты очень широкие и средневысокие, по пропорциям мезоконхные. В горизонтальной плоскости лицо сильно уплощено в верхнем ярусе при средней профилировке на зигомаксиллярном уровне.

Могила № 2 расположена восточнее первой. Могильная яма подпрямоугольной формы (1,7×0,6 м) ориентирована по линии СЗ – ЮВ. Подбой (1,8×0,7 м) также располагался с западной стороны и был заложен сырцовой стенкой толщиной 0,2 м. Умерший уложен на спине головой на ССЗ. Голова немного запрокинута назад и повёрнута вправо. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая уложена на таз (рис. 3: 4–5). Инвентарь отсутствует. Захоронение принадлежало женщине, возраст которой можно определить категорией Senilis 55+. Череп мезокранный при средних значениях продольного и поперечного диаметров. Высотный диаметр от *po* характеризуется средним значением, тогда как высота от *ba* оценивается как средняя. Лобная кость среднеширокая в наименьшей ее ширине и широкая в наибольшей. Ширина затылка малая. Лицевой скелет высокий, в вертикальной плоскости ортогнатный. Значения трёх признаков, характеризующих ширину лицевого скелета, относятся к разным категориям: верхняя ширина – большая, скуловой диаметр – средний, средняя ширина – малая. Нос лепторинных пропорций при средней ширине и очень большой высоте. Орбиты широкие и средневысокие, по указателю мезоконхные. Горизонтальная профилировка лицевого скелета ослаблена на уровне орбит и умеренная на уровне скул.

Курган № 9 до раскопок представлял собой земляную насыпь полусферической формы с уплощённой вершиной (диаметр 11 м, высота 0,4 м). При раскопках обнаружены остат-

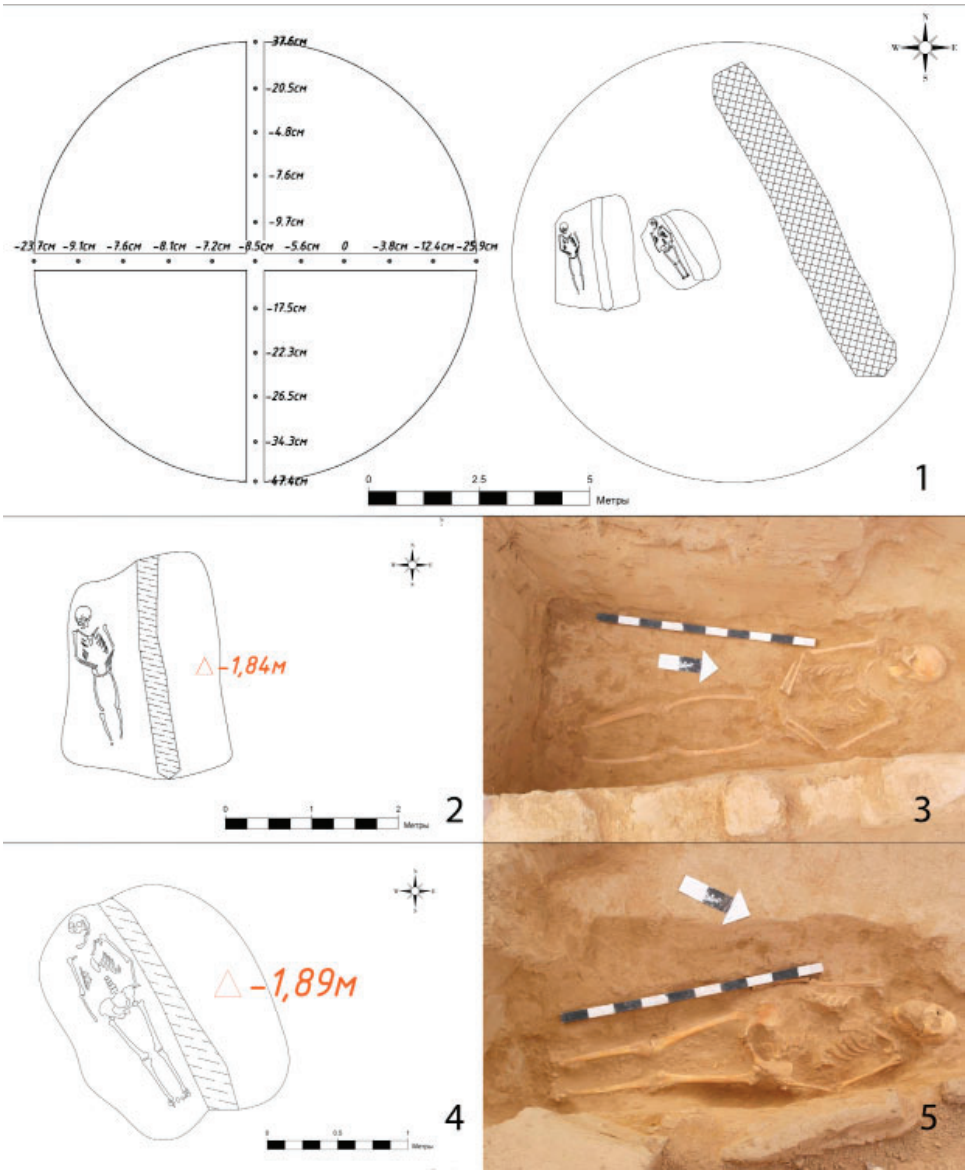

Рис. 3. Могильник Самсы. Курган № 5, могилы № 1–2.
Fig. 3. Samsy burial ground. Barrow No. 5, burials Nos. 1–2.

ки сырцовой ограды с толщиной стен 0,25 м, ориентированной углами по сторонам света. Частично сохранились юго-восточная, юго-западная и северо-западная стены ограды. Внутри (ограды) обнаружено две могилы в подбоях, заложенных сырцовыми кирпичами (рис. 4: 1).

Могила № 1 расположена в юго-западной части кургана. Погребение совершено в грунтовой яме, над которой была сооружена надмогильная конструкция из сырцовых кирпичей, уложенных под углом, в виде саганы (1,9×0,7 м). Кости инидвидуума очень плохой сохранности. Перекрытие покоилось на двух сырцовых продольных стенах. Умерший был уложен на спине головой на северо-запад. Руки сложены в районе живота, левая немного выше правой. Инвентарь отсутствует.

Могила № 2 расположена восточнее первой. Могильная яма подпрямоугольной формы (1,4×0,4 м) ориентирована по линии северо-запад – юго-восток. Погребение совершено с юго-западной стороны в подбое (1,4×0,4 м), заложенном сырцовой стенкой толщиной 0,2 м. Умерший уложен на спину, головой на северо-запад. Череп немного приподнят с лёгким уклоном влево. Руки сложены на животе (рис. 4: 2–3). Инвентарь отсутствует. Захоронение принадлежало женщине 25–30 лет. Череп брахикранный при большом продольном и очень большом поперечном

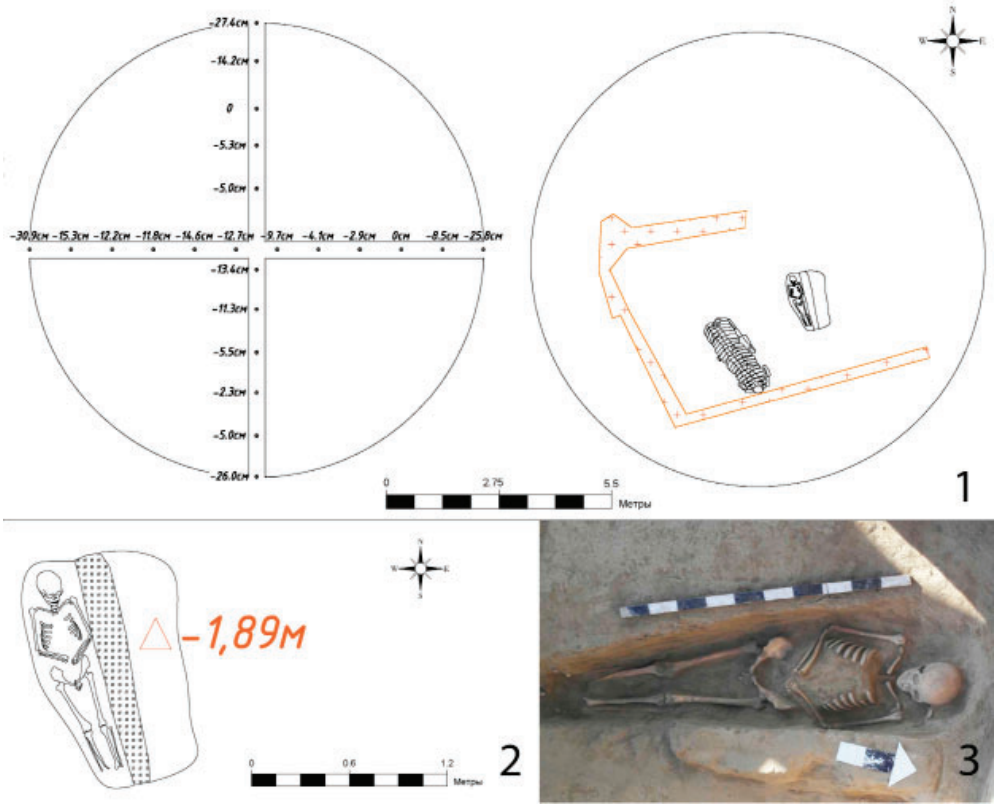

Рис. 4. Могильник Самсы. Курган № 9, могила № 2
Fig. 4. Samsy burial ground. Barrow No. 9, burial No. 2

диаметрах. Высотный диаметр от ba характеризуется большим значением. Лобная кость очень широкая по обоим признакам. Угол профиля лба от n большой. Основание черепа очень широкое. Затылочная кость также широкая. Лицевой скелет высокий, в вертикальной плоскости ортогнатный. Лицо характеризуется очень большой шириной по величине верхней и средней ширины. Нос широкий и высокий, по указателю мезоринный. Орбиты хамэконхных пропорций при очень большой ширине и средней высоте. Лицо уплощено по горизонтали на обоих уровнях.

С этого погребения получены данные по радиоуглеродному анализу (табл. 1, рис. 5)[4]. Определение возраста образцов (кость) и расчёты калиброванных дат выполнены в лаборатории Центра физических наук и технологий (г. Вильнюс, Литва). Радиоуглеродная дата указывает на период конца VIII – начало XI в. Наибольшие показатели вероятности по сигме 2 (69,5%) приходятся на вторую половину X – начало XI в.

Описание антропологического материала. Краниологическая серия тюркского времени из памятника Самсы состоит из шести мужских и четырёх женских черепов хорошей степени сохранности. Индивидуальные краниометрические характеристики приводятся в таблицах 2 и 3. Мужским черепам характерна брахикрания при среднем продольном, высотном и большом поперечном размерах черепной коробки. Лоб широкий по наименьшей и наибольшей ширине. Основание черепа очень

Таблица 1. Результаты радиоуглеродного анализа
Table 1. Radiocarbon dating results

Название памятника	Шифр лаборатории	^{14}C BP	Калиброванные значения, гг.		pMC*
			1σ (68,3%)	2σ (95,4%)	
Могильник Самсы. Курган 9, могила 2 (кость человека)	FTMC-PT83-28	1073±30	900–918 (17,4%) 973–1020 (50,8) Cal AD	892–932 (26,0%) 941–1025 (69,5%) Cal AD	87.49±0.33
Примечание: *pMC (percentagemoderncarbon) – текущий процент углерода.					

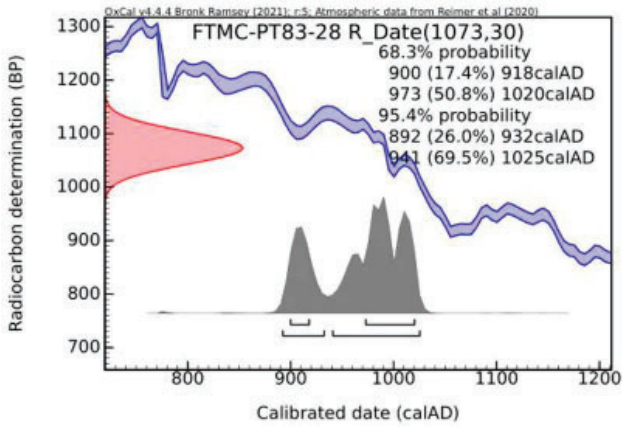

Рис. 5. Могильник Самсы, курган № 9, могила № 2. Результаты радиоуглеродного датирования.
Fig. 5. Samsy burial ground, Barrow No. 9, burial No. 2. Radiocarbon dating results.

широкое. Значение горизонтальной окружности через *oph* в категории больших величин. Лицо ортогнатное, в горизонтальной плоскости на уровне назиона выступает слабо, а на уровне зигомаксиллярных точек – средне. Значения двух признаков из трёх, характеризующих ширину лицевого отдела, попадают в разряд очень больших размеров. Средняя ширина лица большая. Орбиты очень широкие и высокие, по указателю мезоконхные. Носовые кости широкие и очень высокие, по указателю лепторинные, в профиль выступают средне. Клыковая ямка неглубокая. Обобщённая характеристика мужской части серии в целом свидетельствует о смешанном антропологическом типе, с наличием индивидуумов, у которых преобладают либо европеоидные, либо монголоидные морфологические черты.

Женские черепа также характеризуются брахикранной формой мозговой коробки, с умеренным продольным и выраженным поперечным диаметром. Лоб среднеширокий по наименьшей и широкий по наибольшей ширине. Лицевой отдел высокий, широкий, в вертикальной плоскости ортогнатный. Орбиты очень широкие и средневысокие, по указателю мезоконхные. Носовые кости лепторинных пропорций, среднеширокие и высокие. Клыковая ямка неглубокая. Горизонтальная профилировка ослаблена на обоих уровнях. В целом женские черепа практически дублируют представление о неоднородности, которая прослеживается на мужской выборке. Однако в женской части серии визуально наблюдается тенденция к усилению монголоидных черт.

Таблица 2. Краниометрические характеристики мужских черепов
Table 2. Craniometric parameters of male skulls

Мозговой отдел	Кург. группа Самсы, К2, М2	Кург. группа Самсы, К3, катакомба	Мог. Самсы, К4	Кург. группа Самсы, К17	Мог. Самсы, К5, м1.	Мог. Самсы, К3, м5	М
	35–45 лет	40–45 лет	35–45 лет	35–45 лет	45–55 лет	35–45 лет	
1. Продольный диаметр	178,0	183,0	176,0	175,0	182,0	181,0	*179,2 (6)*
1в. Продольный диаметр от oph	176,0	182,0	177,0	174,0	180,0	180,0	*178,2 (6)*
8. Поперечный диаметр	141,0	147,0	149,0	152,0	146,0	149,0	*147,3 (6)*
17. Высотный диаметр b-br	132,5	-	127,0	130,0	136,0	137,0	*132,5 (5)*
20. Ушная высота	-	-	112,0	113,0	-	122,0	*115,7 (3)*
5. Длина основания черепа	103,0	-	98,0	99,0	102,0	101,0	*100,6 (5)*
40. Длина основания лица	96,5	-	91,0	92,5	97,0	100,5	95,5 (5)
9. Наименьшая ширина лба	100,5	97,0	103,0	100,5	102,0	97,0	*100,0 (6)*
10. Наибольшая ширина лба	120,0	125,0	130,0	129,5	120,5	127,5	*125,4 (6)*
11. Ширина основания черепа	-	-	137,0	132,5	135,0	138,0	*135,6 (4)*
12. Ширина затылка	107,0	-	119,0	112,0	112,0	115,0	*113,0 (4)*
23а. Горизонт. окружность	519,0	-	523,0	525,0	521,0	529,0	*523,4 (5)*
24. Поперечная дуга	-	-	315,0	320,0	324,0	326,0	*321,3 (4)*
25. Сагиттальная дуга	365,0	-	-	360,0	386,0	378,0	*372,3 (4)*
26. Лобная дуга	125,0	134,0	129,0	131,0	117,0	131,0	*127,8 (6)*
27. Теменная дуга	116,0	-	-	120,0	121,0	132,0	*122,3 (4)*
28. Затылочная дуга	121,0	-	-	104,0	147,0	112,0	*121,0 (4)*
29. Лобная хорда	112,5	116,0	113,5	110,0	106,5	113,5	*112,0 (6)*
30. Теменная хорда	105,0	-	-	112,0	108,5	117,0	*110,6 (4)*

31. Затылочная хорда	102,0	-	-	86,0	118,0	88,0	*98,5 (4)*
Высота изгиба лба	22,0	25,5	28,5	29,3	19,0	25,0	*24,9 (6)*
Высота изгиба затылка	28,0	-	-	24,0	-		26,0 (2)
Верхнелицевой отдел							
43. Верхняя ширина лица	110,5	110,5	113,5	105,0	118,0	108,0	*110,9 (6)*
45. Скуловой диаметр	142,0	135,0	144,5	139,0	146,0	146,0	142,1 (6)
46. Средняя ширина лица	108,0	96,5	105,0	99,0	94,0	105,0	*101,3 (6)*
47. Полная высота лица	123,5	122,0	127,0	-	126,0	119,0	123,5 (5)
48. Верхняя высота лица	79,0	75,5	80,0	69,5	82,0	72,0	*76,3 (6)*
51. Ширина орбиты	44,0	48,0	47,5	41,5	46,0	45,0	45,3 (6)
51a. Ширина орбиты от d.	-	-	-	-	43,5	-	-
52. Высота орбиты	36,0	36,0	42,0	36,0	35,0	33,0	36,3 (6)
54. Ширина носа	28,5	26,5	27,0	26,0	24,5	28,0	*26,8 (6)*
55. Высота носа	61,0	58,0	62,0	52,0	58,0	52,5	57,3 (6)
60. Длина альвеол. дуги	50,0	54,0	57,0	50,0	54,0	62,0	*54,5 (6)*
61. Ширина альвеол. дуги	67,0	65,0	68,0	62,5	67,5	70,0	66,7 (6)
62. Длина нёба	44,0	46,0	43,0	41,0	47,0	53,0	*45,7 (6)*
63. Ширина нёба	40,5	43,0	43,0	40,0	-	-	41,6 (4)
Ss. Симотическая высота	6,0	3,5	2,5	2,5	4,0	5,0	*3,9 (6)*
Sc. Симотическая ширина	11,5	7,0	9,0	7,5	9,0	10,0	9,0 (6)
Ms. Максиллофронт. выс.	18,5	6,0	5,0	-	7,0	7,0	*8,7 (5)*
Mc. Максиллофронт. шир.	20,0	14,0	19,5	-	17,5	21,0	18,4 (5)
FC. Глубина клыковой ямки	2,0	4,5	4,5	6,0	4,0	4,5	*4,3 (6)*
Нижняя челюсть							
65. Мыщелковая ширина	125,0	126,5	136,5	-	132,0	131,5	*130,3 (5)*
66. Угловая ширина	108,0	101,0	111,0	-	128,0	110,0	*111,6 (5)*
67. Передняя ширина	50,0	48,0	49,0	-	51,0	52,0	*50,0 (5)*
69. Высота симфиза	35,5	35,0	32,5	-	33,5	35,0	*34,3 (5)*
69/1. Высота тела	34,0	35,0	32,0	-	33,5	33,0	*33,5 (5)*
69/3. Толщина тела	15,0	10,5	13,5	-	15,0	13,5	*13,5 (5)*
71a. Ширина ветви	35,0	32,0	34,0	-	41,5	37,5	*36,0 (5)*
C. У. выступания подбородка	64,0	67,0	77,0	-	66,0	79,0	*70,6 (5)*
Угловые размеры							
32. Угол профиля лба от n.	-	-	78,0	84,0	76,0	84,0	*80,5 (4)*
Угол профиля лба от gl.	-	-	74,0	79,0	72,0	76,0	*75,3 (4)*
72. Общий лицевой угол			89,0	89,0	88,5	86,0	*88,1 (4)*
73. Средний лицевой угол	-	-	91,0	90,0	81,5	88,0	*87,6 (4)*
74. Угол альвеолярной части	-	-	77,0	83,0	91,0	77,0	*82,0 (4)*
75. Угол наклона носовых костей	-	-	67,0	-	61,0	58,0	*62,0 (3)*
75/1. Угол выступания носа	-	-	22,0	-	27,5	28,0	*25,8 (4)*
77. Назомалярный угол	143,0	147,0	146,0	145,0	149,0	146,0	*146,0 (6)*
Zm. Зигомаксилл. угол	133,0	132,0	138,0	129,0	135,0	132,0	*133,2 (6)*
УПИЛ У. попер. изг. лба	142,0	141,0	143,0	-	145,0	-	*142,8 (4)*
Указатели							
8/1. Черепной	79,2	80,3	84,7	86,9	80,2	82,3	*82,3 (6)*
17/1. Высотно-продольный	74,4	-	72,2	74,3	74,7	75,7	*74,3 (5)*
17/8. Высотно-поперечный	94,0	-	85,2	85,5	93,2	91,9	*90,0 (5)*
20/1. Высотно-прод. от p.	-	-	63,6	64,6	-	67,4	*65,2 (3)*
20/8. Высотно-попер. от p.	-	-	75,2	74,3	-	81,9	*77,1 (3)*
9/8. Лобно-поперечный	71,3	66,0	69,1	66,1	69,9	65,1	*67,9 (6)*
9/43. Фронто-малярный	91,0	87,8	90,7	95,7	86,4	89,8	*90,2 (6)*
40/5. Угол выступания лица	93,7	-	92,9	93,4	95,1	99,5	*94,9 (5)*
48/45. Верхнелиц. ук.	55,6	55,9	55,4	50,0	56,2	49,3	*53,7 (6)*
47/45. Общий лицевой	87,0	90,4	87,9	-	86,3	81,5	*86,6 (5)*
52/51. Орбитный	81,8	75,0	88,4	86,7	76,1	73,3	*80,2 (6)*
54/55. Носовой	46,7	45,7	43,5	50,0	42,2	53,3	*46,9 (6)*
Ss/Sc. Симотический	52,2	50,0	27,8	33,3	44,4	50,0	*43,0 (6)*

Форма и рельеф						
Надпер. (1–6)	3	4	2	2	3	2
Надбр.дуги (1–3)	1	2	1	1	2	2
Затыл.бугор (0–5)	3	-	2	2	2	3
Сосц.отросток (1–3)	2	1	2	2	1	2
Пер.-нос.ость (1–5)	2	4	1	2	3	5

Таблица 3. Краниометрические характеристики женских черепов
Table 3. Craniometric parameters of female skulls

Мозговой отдел	Кург. группа, К1	Кург. группа Самсы, К2, М3	Мог. Самсы, курган № 5, могила 2	Мог. Самсы, курган № 9, могила 2	М
	45–55 лет	30–35 лет	senilis, 55+	25–30 лет	
1. Продольный диаметр	179,0	164,0	178,0	181,0	*175,5 (4)*
1в. Продольный диаметр от oph	172,0	163,0	178,0	181,0	*173,5 (4)*
8. Поперечный диаметр	140,0	143,0	142,0	150,0	*143,8 (4)*
17. Высотный диаметр b-br	128,5	134,0	136,0	133,0	*132,9 (4)*
20. Ушная высота	111,0	117,0	120,0	-	116,0 (3)
5. Длина основания черепа	98,0	96,0	99,0	97,0	*97,5 (4)*
40. Длина основания лица	93,0	90,5	95,0	94,0	*93,1 (4)*
9. Наименьшая ширина лба	90,5	91,5	97,0	101,0	95,0 (4)
10. Наибольшая ширина лба	119,5	120,0	123,5	130,0	*123,3 (4)*
11. Ширина осн. черепа	131,0	121,5	129,5	127,0	*127,3 (4)*
12. Ширина затылка	111,0	110,0	103,0	110,0	*108,5 (4)*
23a. Горизонт. окружность	509,0	491,0	518,0	530,0	*512,0 (4)*
24. Поперечная дуга	304,0	322,0	328,0	330,0	*321,0 (4)*
25. Сагиттальная дуга	348,0	351,0	373,0	380,0	*363,0 (4)*
26. Лобная дуга	124,0	127,0	128,0	130,0	*127,3 (4)*
27. Теменная дуга	110,0	117,0	131,0	128,0	*121,5 (4)*
28. Затылочная дуга	110,0	105,0	111,0	118,0	*111,0 (4)*
29. Лобная хорда	109,5	113,0	114,0	110,5	111,8 (4)
30. Теменная хорда	102,0	103,0	119,5	115,0	*109,9 (4)*
31. Затылочная хорда	92,0	91,0	96,0	96,0	*93,8 (4)*
Высота изгиба лба	25,5	26,0	27,0	30,0	*27,1 (4)*
Высота изгиба затылка	28,5	24,0	25,0	31,0	*27,1 (4)*
Верхнелицевой отдел					
43. Верхняя ширина лица	100,0	102,5	108,0	108,0	*104,6 (4)*
45. Скуловой диаметр	135,5	128,0	132,0	131,0	*131,6 (4)*
46. Средняя ширина лица	101,5	96,0	94,0	102,0	*98,4 (4)*
47. Полная высота лица	-	112,5	-	115,0	*113,8 (2)*
48. Верхняя высота лица	69,5	66,0	78,0	71,0	*71,1 (4)*
51. Ширина орбиты	42,5	43,0	43,0	43,5	*43,0 (4)*
51a. Ширина орбиты от d.	-	-	-	-	-
52. Высота орбиты	39,0	33,0	34,0	33,0	*34,8 (4)*
54. Ширина носа	25,0	23,0	25,0	26,0	24,8 (4)
55. Высота носа	57,5	48,0	57,0	52,0	*53,6 (4)*
60. Длина альвеол. дуги	49,0	54,0	-	50,0	*51,0 (3)*
61. Ширина альвеол. дуги	62,0	62,5	61,0	66,0	*62,9 (4)*
62. Длина нёба	41,0	46,5	-	-	*43,8 (2)*
63. Ширина нёба	-	41,5	-	-	-
Ss. Симотическая высота	2,5	2,4	2,5	1,0	*2,1 (4)*
Sc. Симотическая ширина	6,0	5,5	9,0	8,5	*7,3 (4)*
Ms. Максиллофронт. выс.	5,0	5,5	6,0	3,5	*5,0 (4)*
Mc. Максиллофронт. шир.	13,0	15,0	18,0	19,0	*16,3 (4)*
FC. Глубина клыковой ямки	2,5	5,5	3,0	2,0	*3,3 (4)*

Нижняя челюсть					
65. Мыщелковая ширина	125,0	111,0	123,0	119,0	*119,5*
66. Угловая ширина	106,0	95,0	98,0	99,0	*99,5*
67. Передняя ширина	52,5	44,5	44,0	47,0	47,0 (4)
69. Высота симфиза	28,0	32,0	36,0	32,0	*32,0 (4)*
69/1. Высота тела	-	32,5	36,0	32,0	*33,5 (3)*
69/3. Толщина тела	10,5	12,0	12,5	10,5	*11,4 (4)*
71a. Ширина ветви	31,5	35,0	34,0	32,5	*33,3 (4)*
C. Угол выступания подбородка	54,0	66,0	77,0	67,0	*66,0 (4)*
Угловые размеры					
32. Угол профиля лба от n.	80,0	81,0	85,0	90,0	*84,0 (4)*
Угол профиля лба от gl.	75,0	76,0	80,0	83,0	*78,5 (4)*
72. Общий лицевой угол	87,0	87,0	87,0	89,0	*87,5 (4)*
73. Средний лицевой угол	89,0	90,0	90,0	95,0	*91,0 (4)*
74. У. альвеолярной части	80,0	80,0	78,0	76,0	*78,5 (4)*
75. У. наклона нос.костей	61,0	67,0	71,0	76,0	*68,8 (4)*
75/1. У.выступания носа	26,0	20,0	-	-	*23,0 (2)*
77. Назомалярный у.	153,0	145,0	146,0	153,0	149,3 (4)
Zm. Зигомаксилл. у.	136,0	134,0	134,0	144,0	*137,0 (4)*
УПИЛ. У. попер. изг. лба	148,0	145,0	145,0	143,0	*145,3 (4)*
Указатели					
8/1. Черепной	78,2	87,2	79,8	82,9	82,0 (4)
17/1. Высотно-продольный	71,8	81,7	76,4	73,5	*75,8 (4)*
17/8. Высотно-поперечный	91,8	93,7	95,8	88,7	*92,5 (4)*
20/1. Высотно-прод. от p.	62,0	71,3	67,4	-	*66,9 (3)*
20/8. Высотно-попер. от p.	79,3	81,8	84,5	-	*81,9 (3)*
9/8. Лобно-поперечный	64,6	64,0	68,3	67,3	*66,1 (4)*
9/43. Фронто-малярный	90,5	89,3	89,8	93,5	*90,8 (4)*
40/5. У. выступания лица	94,9	94,3	96,0	96,9	*95,5 (4)*
48/45. Верхнелиц. ук.	51,3	51,6	59,1	54,2	*54,0 (4)*
47/45. Общий лицевой	-	87,9	-	87,8	*87,8 (2)*
52/51. Орбитный	91,8	76,7	79,1	75,9	80,9 (4)
54/55. Носовой	43,5	47,9	43,9	50,0	*46,3 (4)*
Ss/Sc. Симотический	41,7	43,6	27,8	11,8	*31,2 (4)*
Форма и рельеф					
Надпер. (1–6)	2	2	2	1	
Надбр.дуги (1–3)	1	1	1	1	
Затыл.бугор (0–5)	2	2	2	2	
Сосц.отросток (1–3)	1	1	2	1	
Пер.-нос.ость (1–5)	1	4	2	1	

Показатели индекса уплощенности лицевого скелета (УЛС), преаурикулярно фациоцеребрального указателя (ПФЦ) и условной доли монголоидного элемента (УДМЭ) в мужской и женской выборках демонстрируют близкие значения при незначительных различиях по степени выраженности монголоидного компонента. В мужской серии значения УЛС (63,6), ПФЦ (94,2) и УДМЭ (68,1) указывают на смешанный состав с умеренным проявлением монголоидных черт. В женской серии показатели уплощённости несколько выше (УЛС = 73,5; ПФЦ = 92,5; УДМЭ = 70,6), что может отражать слегка более выраженные монголоидные признаки по сравнению с мужской частью выборки. С учётом небольшого размера серии полученные данные рассматриваются как предварительные и позволяют предположить присутствие в группе смешанных европеоидно-монголоидных элементов. Необходимо отметить, что метисационные признаки прослеживаются у большинства изученных раннесредневековых групп, обитавших на территории Казахстана и сопредельных регионов.

На некоторых мужских и женских черепах фиксируются следы непреднамеренной «бешиковой» деформации. В частности, можно отметить наличие затылочного, асимметричного (правостороннее) затылочного и

затылочно-теменного уплощения. Подобные изменения форм мозговой коробки, вероятно, связаны с длительным пребыванием младенца в колыбели типа «бешик», характеризующейся плотной фиксацией тела и головы, что способствовало развитию деформации черепа.

Обсуждение

На памятнике Самсы в двух насыпях № 4 и 17 индивидуумы обнаружены в подбоях с конями во входной могильной яме. В курганной группе в насыпях № 1 и 3 погребения совершены в катакомбах с конём, в кургане № 2 – индивидуумы захоронены по мусульманскому обычаю, одно из которых с личными женскими украшениями. Курганы по результатам радиоуглеродного анализа и характеру погребального обряда датируются в рамках VIII–X вв. (Шагирбаев и др., 2024, с. 257, табл. 1; Буранбаев и др., 2024, с. 142–143).

В курганах № 3, 5, 9 погребальный инвентарь отсутствует. Курганы с четырёхугольными оградами с захоронениями, совершёнными по мусульманскому обряду, известны в Южном и Центральном Казахстане (Агеева, Пацевич, 1955, с. 49–50; Кукушкин и др., 2019, с. 20). Подобные курганы имеют место среди археологических памятников тюркского населения степей Западной Сибири конца I – начала II тыс. (Могильников, 1999, с. 64). Подкурганные сырцовые ограды с саганой зафиксированы на могильнике Котыртас (Кукушкин и др., 2019, с. 22, рис. 3, 4, 6). Погребение в могиле № 2 кургана № 9 датируется серединой – второй половиной X – началом XI в. Принятие ислама в качестве государственной религии при Караханидах в 960 г. привело к изменению погребального обряда и появлению новых типов погребальных сооружений, таких как подкурганные четырёхугольные ограды из сырцового кирпича.

Несмотря на небольшое количество черепов в серии, мы сочли возможным провести межгрупповой анализ мужской выборки памятника Самсы с целью выявления направлений этногенетических связей тюркского населения Жетысу. Сравнение осуществлено на фоне синхронных популяций степных и предгорных регионов Евразии, а также долинно-оазисных территорий Средней Азии. Для сравнения привлечены серии, датируемые в пределах VII–XII вв., представленные в таблице 4. Канонический анализ проводился по 11 признакам[5], по результатам которого информативными оказались I и II канонические векторы (далее – КВ), отражающие 41% и 19% общей изменчивости (табл. 5). Максимальные нагрузки по КВ I получили высотный и скуловой диаметры, зигомаксиллярный угол. По КВ II группы разграничиваются по поперечному диаметру.

Рассматривая результаты анализа на графике (рис. 6), можно отметить, что в зоне нулевых и положительных значений КВ I находятся в основном тюркские серии с территории Казахстана, Горного Алтая и Южной Сибири. Эти серии имеют смешанный характер, в составе которых в разной степени выражен монголоидный компонент. В зоне отрицательных значений представлены европеоидные серии, главным образом происходящие

Таблица 4. Мужские серии, использованные для межгруппового анализа
Table 4. Male samples used for intergroup analysis

№	Серии	Территория	Авторы
1	Могильник Самсы, VIII–XI вв.	Жетысу, Казахстан	Настоящая публикация
2	Тюрки Жетысу, VI–VIII вв.	Жетысу, Казахстан	Исмагулов, 1968
3	Тюрки Павлодарского Прииртышья, VII–IX вв.	Павлодарское Прииртышье	Исмагулов, 1969
4	Тюрки Павлодарского Прииртышья, X–XII вв.	Павлодарское Прииртышье	Исмагулов, 1969
5	Кимако-кыпчакское население Среднего Иртыша, X–XII вв.	Павлодарское Прииртышье	Комаров, Китов 2016
6	Кимаки Восточного Казахстана VIII–X вв.	Восточный Казахстан, Прииртышье	Гинзбург, Трофимова 1972
7	Тюрки Северо-Западного Алтая, VIII–X вв.	Бассен реки Алей, Северо-Западный Алтай	Алексеев, Мамонова 1988
8	Тюрки Горного Алтая, VI–X вв.	Центральные и южные районы Горного Алтая	Поздняков, 2001
9	Тюрки Южной Сибири, VII–XI вв.	Южная Сибирь, Минусинск	Гинзбург, Трофимова 1972

10	Тюрки Чуйской долины, VII–IX вв. (гор. Ак-Бешим)	Чуйская долина, Кыргызстан	Миклашевская, 1959
11	Тюрки Тянь-Шаня VI–XIII вв. (сборная серия)	Кыргызстан	Миклашевская, 1959
12	Карлуко-караханидское время (Кыргызстан) X–XIII вв.	Кыргызстан	Миклашевская, 1959
13	Население Краснореченского городища, VII–X вв.	Чуйская долина, Кыргызстан	Тур, 1989
14	Караханидский могильник на Краснореченском городище, XI–XII вв.	Чуйская долина, Кыргызстан	Гинзбург, Зезенкова 1952
15	Население Миздахкана IX–XII вв.	Хорезм, Каракалпакстан, Узбекистан	Ягодин, Ходжайов, 1970
16	Материалы из могильника Ток-Кала, IX–XI вв.	Хорезм, Каракалпакстан, Узбекистан	Рысназаров, 1965
17	Наусы Пенджикента, Согд, VII–VIII вв.	Согд, Таджикистан	Гинзбург, 1953
18	Городское население Уструшаны, VII–VIII вв.	Уструшана, Таджикистан	Кияткина, 1976
19	Тюрки Тохаристана, VII–VIII вв.	Пяндж, Таджикистан	Кияткина, 1992
20	Население Волжской Булгарии, IX–X вв. (объединённая серия Танкеевского могильника)	Среднее Поволжье, Татарстан	Газимзянов, 2018
21	Население Хазарского Каганата, Саркел, малый курган, X–XII вв.	Нижний Дон	Гинзбург, 1951
22	Население Хазарского Каганата, Саркел, большой курган, X–XII вв.	Нижний Дон	Гинзбург, 1951
23	Кочевники огузо-печенежского времени Волго-Донья (сборная серия), X–XI вв.	Волго-Донской регион	Балабанова, 2024

с территории Среднеазиатского междуречья – Хорезма, Согда и Тохаристана. Здесь же расположены некоторые выборки с территории современного Кыргызстана и особняком стоят жители Волжской Булгарии IX–X вв. и население Хазарского каганата из большого кургана Саркела (X–XII вв.)[6]. По КВ II в зоне нулевых и отрицательных значений находятся черепа как европеоидного, монголоидного, так и смешанного облика, имеющие относительно широкую черепную коробку. Первый канонический вектор отражает основное различие между европеоидными и монголоидными характеристиками. Например, такие европеоидные серии, как городское население Уструшаны (VII–VIII вв.), материалы из некрополей Миздахкана (IX–XII вв.) и Ток-Калы (IX–XI вв.), находятся в зоне отрицательных величин, а в правой части графика расположены серия из памятника Самсы, тюркские группы Жетысу (VI–VIII вв.), Алтая (VI–X вв.), и карлуко-караханидские серии (VI–XIII вв.) с территории современного Кыргызстана.

Наибольшую близость по расстоянию Махаланобиса к серии из Самсы имеют кимаки Восточного Казахстана VIII–X вв. (0,9)[7], тюрки Южной Сибири VII–XI вв. (1,1), тюрки Горного Алтая (1,6) и сборная серия тюркских групп Тянь-Шаня VI–XIII вв. (Кыргызстан)

Таблица 5. Нагрузки на канонические вектора
Table 5. Canonical vector loading

№ признака по Мартину	КВ I	КВ II
1	-0,01	-0,46
8	-0,26	0,81
17	-0,63	0,04
9	0,06	-0,23
45	0,67	0,09
48	0,44	-0,05
55	-0,03	0,12
54	-0,12	-0,19
52	-0,22	0,34
ss	-0,22	0,47
zm	**0,55**	-0,10
Собственное значение	17,73	8,07
% объясняемой изменчивости	41	19

(1,1). К группе из Самсы также проявляют близость кимако-кыпчакские серии из Прииртышья, при этом наибольшая степень сходства фиксируется с выборкой X–XII вв., тогда как серия VII–IX вв. демонстрирует меньшую близость. По заключению О.И. Исмагулова, монголоидный компонент в этих сериях выражен слабо и в большей мере присутствует в материалах X–XII вв. Исследователь также отмечает, что физический облик населения Казахстана в тюркское время в ряде случаев демонстрировал сходство с антропологиче-

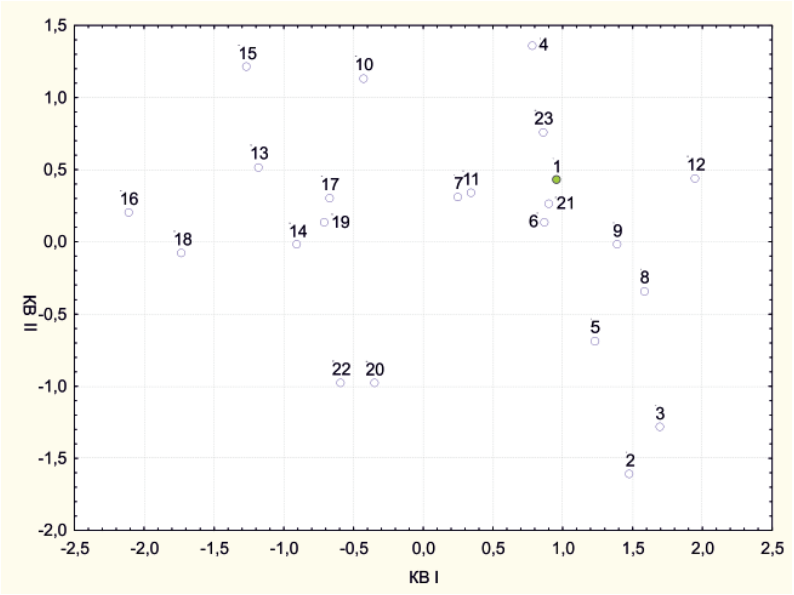

Рис. 6. Распределение мужских серий в пространстве канонических векторов: 1 – могильник Самсы, VIII–XI вв.; 2 – тюрки Жетысу, VI–VIII вв.; 3 – тюрки Павлодарского Прииртышья, VII–IX; 4 – тюрки Павлодарского Прииртышья, X–XII; 5 – кимако-кыпчакское население Среднего Иртыша, X–XII вв.; 6 – кимаки Восточного Казахстана, VIII–X вв.; 7 – тюрки Северо-Западного Алтая, VIII–X вв.; 8 – тюрки Горного Алтая, VI–X вв.; 9 – тюрки Южной Сибири, VII–XI вв.; 10 – тюрки Чуйской долины, VII–IX вв.; 11 – тюрки Тянь-Шаня, сборная серия, VI–XIII вв.; 12 – карлуко-караханидское время, X–XIII вв. (Кыргызстан); 13 – население Краснореченского городища VII–X вв.; 14 – Караханидский могильник на Краснореченском городище, XI–XII вв.; 15 – население Миздахкана, IX–XII вв.; 16 – материалы из могильника Ток-Кала, IX–XI вв.; 17 – наусы Пенджикента, Согд, VII–VIII вв.; 18 – городское население Уструшаны, VII–VIII вв.; 19 – тюрки Тохаристана, VII–VIII вв.; 20 – население Волжской Булгарии, IX–X вв. (объединённая серия Танкеевского могильника); 21 – население Хазарского Каганата, Саркел, малый курган, X–XII вв.; 22 – население Хазарского Каганата, Саркел, большой курган, X–XII вв.; 23 – кочевники огузо-печенежского времени Волго-Донья, сборная серия, X–XI вв.

Fig. 6. Spatial distribution of male series along the canonical vectors: 1 – Samsy burial ground, 8th–11th centuries; 2 – Zhetysu Turks, 7th–8th centuries; 3 – Turks of the Pavlodar Irtysh region, 7th–9th centuries; 4 – Turks of the Pavlodar Irtysh region, 10th–12th centuries; 5 – Kimak–Kipchak population of the Middle Irtysh, 10th–12th centuries; 6 – Kimaks of Eastern Kazakhstan, 8th–10th centuries; 7 – Turks of Northwestern Altai, 8th–10th centuries; 8 – Turks of the Altai Mountains, 6th–10th centuries; 9 – Turks of Southern Siberia, 7th–11th centuries; 10 – Turks of the Chu Valley, 7th–9th centuries; 11 – Turks of the Tian Shan, combined series, 6th–11th centuries; 12 – Karluk–Karakhanid period, 10th–13th centuries (Kyrgyzstan); 13 – Population of the Krasnorechensk settlement, 7th–10th centuries; 14 – Karakhanid burial ground at Krasnorechensk fortified settlement, 11th–12th centuries; 15 – Population of Mizdahkan, 9th–12th centuries; 16 – Materials from Tok-Kala burial ground, 9th–11th centuries; 17 – Nauses of Panjakent, Sogd, 7th–8th centuries; 18 – Urban population of Ustrushana, 7th–8th centuries; 19 – Turks of Tokharistan, 7th–8th centuries; 20 – Population of Volga Bolgaria, 9th–10th centuries (combined series from Tankeev burial ground); 21 – Population of the Khazar Khaganate, Sarkel, small barrow, 10th–12th centuries; 22 – Population of the Khazar Khaganate, Sarkel, large barrow, 10th–12th centuries; 23 – Nomads of the Oghuz–Pecheneg period of the Volga–Don region, 10th–11th centuries

ским типом населения Алтая и Кыргызстана (Исмагулов, 1969, с. 89–90). Полученные нами данные подтверждают данный тезис, демонстрируя «восточное» направление этногенетических связей тюрков Жетысу и их антропологическое сходство с населением сопредельных районов Тянь-Шаня.

Представляет интерес выявление морфологических связей исследуемой выборки с краниологической серией кочевников огузо-печенежского времени (X–XI вв.) Волго-Донья (0,9), а также с материалами Саркела (X–XII вв.) Хазарского каганата (1,1), представляющими собой наиболее западную группу в пределах географического распределения популяций тюркского периода, охваченных настоящим исследованием. По данным М.А. Балабановой, огузо-печенежские серии по своим морфологическим характеристикам близки материалам тюркского времени Тывы, а также кимакским и тюркским группам Казахстана. Наблюдаемая связь, вероятно, обусловлена общими южносибирскими корнями, лежащими в основе этногенеза огузо-печенегов и других тюркских популяций (Балабанова, 2024, с. 29). Анализируя краниологические материалы из большого и малых курганов хазарского городища Саркел, В.В. Гинзбург отметил существенные различия в антропологическом составе погребённых. В малых курганах выявлены черепа, принадлежащие представителям монголоидной группы, морфологически близкой к южносибирскому типу. Учитывая получен-

ные данные, исследователь предположил, что данная монголоидная группа могла представлять кочевые племена – печенегов или половцев, проникших на территорию Нижнего Дона из Центральной Азии (Гинзбург, 1951, с. 372).

Примечательно, что выборка из памятника Самсы несколько отличается от сборной серии тюрков Жетысу (VI–VIII вв.), происходящих из различных районов Алматинской области. Единственным признаком, разграничивающим группы по КВ II, как показано на графике (рис. 6), является поперечный диаметр мозговой коробки. Индивиды, погребённые на памятнике Самсы, характеризуются выраженной брахикранией, тогда как представители сборной серии имеют преимущественно мезокранную форму черепа. Согласно заключению автора исследования сборной серии, также отмечается, что единственным морфологическим признаком, отчётливо отделяющим эту серию от южносибирского антропологического типа, является мезокранный индекс (Исмагулов, 1968, с. 113). Возможно, эта группа представляет собой население иного племенного объединения, сформировавшегося на основе других этногенетических компонентов. Подобная ситуация наблюдается на материалах кимако-кыпчакского периода Среднего Иртыша. Сопоставление краниологических серий с левобережья и правобережья Иртыша показало, что морфологические особенности лицевого отдела черепа населения этих территорий существенно различались. Данное обстоятельство связано со сложностью многокомпонентного состава кимако-кыпчакского союза племён. В связи с этим авторы исследования вспоминают мнение О.И. Исмагулова, согласно которому «антропологический состав населения Казахстана никогда не был столь разнообразен, как в тюркское время», и делают заключение, что данный обобщающий вывод применим и к отдельным регионам Казахстана (Комаров, Китов, 2016, с. 108–109).

На черепах из памятника Самсы зафиксированы признаки непреднамеренной деформации, обусловленной длительным пребыванием в колыбели («бешик»; в каз. яз. – «бесік»). Наиболее ранние свидетельства деформации бешикового типа на территории Жетысу и Притяньшанья прослеживаются уже с раннего железного века. По мнению исследователей, распространение данной деформации могло быть связано с подвижным образом жизни ранних кочевников, в условиях которого, при сезонных перемещениях на значительные расстояния, возникала необходимость в надёжной фиксации ребёнка (Китов и др., 2019). Кроме того, содержание младенца в колыбели типа бешика облегчало повседневную хозяйственную деятельность женщин, обеспечивая безопасность ребёнка.

Заключение

По результатам радиоуглеродного анализа, погребения в ограде в подбоях, совершённые по мусульманскому обычаю, датируются IX–XI вв. В целом все тюркские погребения памятника Самсы, включая захоронения с конями в катакомбах и подбоях, входят в рамки VIII–XI вв. На территории Жетысу впервые были обнаружены групповые раннетюркские погребения внутри сырцовых оград под курганной насыпью. Таким образом, в материалах одного памятника прослеживаются разнообразие и трансформация погребального обряда тюрков Жетысу, происходившие под влиянием ислама в VIII–XI вв.

Анализ краниологической серии, относящейся к тюркскому времени, из памятника Самсы позволяет отметить следующие моменты:

– По результатам визуально-типологического анализа, мужская и женская части серии отличаются гетерогенностью по ряду морфологических характеристик. В антропологическом составе выборки отмечаются как индивиды с выраженными монголоидными чертами, так и представители смешанного морфологического типа. Однако численность серии невелика, поэтому говорить о её выраженной антропологической неоднородности и наличии двух морфологических компонентов в составе группы пока преждевременно;

– Межгрупповой анализ мужской серии в сопоставлении с синхронными группами выявляет её близость с сериями с территорий Кыргызстана, Восточного Казахстана, Горного Алтая и Южной Сибири, для которых в различной степени характерен монголоидный компонент. Напротив, серии из Хорезма, Согда и Тохаристана представлены европеоидным населением, преимущественно типом среднеазиатского междуречья, и демонстрируют выраженные отличия. В целом подтверждается ранее выдвинутый исследователями тезис о сходстве антрополо-

гического облика тюркского населения Казахстана с типом, распространённым на Алтае и в Кыргызстане. Результаты статистического анализа указывают на «восточное» направление этногенетических связей тюрков Жетысу и их морфологическое сходство с населением сопредельных регионов Тянь-Шаня;

– Наблюдается связь тюркского населения Казахстана, Кыргызстана и Алтая с группами кочевников огузо-печенежского и хазарского времени, обитавшими в регионе Волго-Донья. Зафиксированное сходство, вероятно, обусловлено наличием общих южносибирских корней, сыгравших важную роль в формировании физического облика тюркоязычного населения;

– Индивиды из памятника Самсы имеют выраженную брахикранную мозговую коробку, отличаясь этим от сборной серии тюрков Жетысу, характеризующихся мезокранией. Данное различие, вероятно, отражает сложные процессы этногенеза тюркских групп и миграционные взаимодействия в регионе в раннесредневековую эпоху. В целом физический облик тюрков Жетысу характеризуется смешанным типом, что указывает на участие разнородных по происхождению компонентов в формировании антропологического состава местного населения;

– На краниумах фиксируются признаки непреднамеренной деформации бешикового типа, обусловленной длительным пребыванием ребёнка в колыбели. Подобная форма деформации фиксируется на территории Жетысу с эпохи раннего железа. Её распространение, вероятно, связано с практикой длительного содержания младенцев в колыбели, что обеспечивало надёжную фиксацию и способствовало облегчению повседневной хозяйственной деятельности женщин.

Примечания:

[1] Далее в тексте в отношении этих трёх курганов применяется термин «курганная группа».

[2] Иллюстрации к статье подготовлены авторами.

[3] В курганах № 6, 8, 10 скелеты сохранились плохо, вследствие чего произвести необходимые измерения крайне затруднительно. Поэтому в данной статье эти данные не отражены.

[4] Результаты публикуются впервые.

[5] Набор признаков обусловлен степенью представленности и доступности соответствующих данных в опубликованных источниках.

[6] См. номера 20 и 22 на графике (рис. 6).

[7] В скобках даны расстояния Махаланобиса с поправкой на численность.

ЛИТЕРАТУРА

Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Отчет о работах Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 года // Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук КазССР. Т. I. Археология / Отв. ред. В.Ф. Шахматов. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1956. С. 33-60.

Алексеев В.П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966. 252 с.

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.

Алексеев В.П., Мамонова Н.Н. Палеоантропологические материалы последних веков до нашей эры и тюркского времени с территории Северо-Западного Алтая // Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири / Отв. ред. В.П. Алексеев. Новосибирск: Наука, 1988. С. 3–21.

Амиров Е.Ш., Буранбаев Р.Н., Камалдинов И.Р., Жанузак Р.Ж., Ахметов И.Д. Сохранение объектов историко-культурного наследия в зоне строительных проектов: опыт работ на погребальных памятниках Келесской степи // Археология Казахстана (Қазақстан археологиясы). 2025. № 2 (28). С. 250–271.

Балабанова М.А. Кочевники огузо-печенежского времени Волго-Донского региона по данным антропологии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2024. Т. 29, № 4. С. 20–42.

Буранбаев Р.Н., Жанузак Р.Ж., Шербаев Р.Ш. Раннетюркские погребения памятника Самсы: погребальный обряд и палеоантропологический анализ (Шу-Илейское междуречье) // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2024. № 18. С. 136–164.

Газимзянов И.Р. Антропология Танкеевского могильника: краниологический анализ новых и старых материалов // Поволжская археология. 2018. № 1 (23). С. 294–320.

Гинзбург В.В. Антропологические материалы к проблеме происхождения населения Хазарского каганата // Сборник музея антропологии и этнографии. Т. XIII. / Отв. ред. С.П. Толстов. М.; Л.: АН СССР, 1951. С. 309–416.

Гинзбург В.В. Материалы к краниологии Согда // Труды Таджикской археологической экспедиции. Т. II. 1948–1950 гг. / МИА. № 37 / Под общ. ред. А.Ю. Якубовского. М.; Л.: АН СССР, 1953. С. 157–167.

Гинзбург В.В., Зезенкова В.Я. Черепа из могильника караханидского времени на Краснореченском городище в Чуйской долине (Киргизия) // КСИЭ. Вып. 17 / Отв. ред. М.Г. Левин. М.: АН СССР, 1952. С. 66–73.

Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. М.: Наука, 1972. 371 с.

Гончаров И.А., Гончарова Н.Н. 2016. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ 2015663150 Российская Федерация. Программа MultiCan для анализа многомерных массивов данных с использованием статистик выборок и параметров генеральной совокупности (MultiCan). № 2016610803; заявл. 24.11.2015; опубл. 19.01.2016. 1 с.

Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР / Труды Ин-та этнографии. Новая серия. Т. IV. М.: АН СССР, 1948. 392 с.

Дебец Г.Ф. Опыт краниологического определения доли монголоидного компонента в смешанных группах населения СССР // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии / Отв. ред. В.П. Алексеев, И.С. Гуревич. М., 1968. С. 13–22.

Жанузак Р., Сихымбаева К., Чильдебаева А. Новые данные к антропологии тюркского населения Жетысу // Gumilyov Journal of History. 2025. Т. 150, no. 1. С. 7–27.

Исмагулов О. Материалы по антропологии тюрков Семиречья // Новое в археологии Казахстана / Отв. ред. М.К. Кадырбаев. Алма-Ата: Наука, 1968. С. 112–127.

Исмагулов О. Антропологические данные о тюрках Прииртышья // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1969. С. 80–90.

Китов Е.П., Тур С.С., Иванов С.С. Палеоантропология сакских культур Притяньшанья (VIII – первая половина II в. до н.э.). Алматы: Хикари, 2019. 300 с.

Кияткина Т.П. Материалы к палеоантропологии Таджикистана. Душанбе: Дониш, 1976. 187 с.

Кияткина Т.П. О тюрках в древнем Тохаристане (материалы из могильника Байтудашт) // Материалы к антропологии уральской расы / Отв. ред. И.И. Гохман, Р.М. Юсупов. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. С. 119–134.

Комаров С.Г., Китов Е.П. Новые краниологические данные к вопросу об антропологическом составе тюркского населения степной полосы среднего Прииртышья X–XII вв. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 2 (33). С. 97–111.

Кукушкин А.И., Дмитриев Е.А., Кукушкин И.А. Кенотаф золотоордынского времени на могильнике Котыртас (Центральный Казахстан) // Археология Казахстана (Қазақстан археологиясы). 2019. № 4 (6). С. 19–31.

Миклашевская Н.Н. Результаты палеоантропологических исследований в Киргизии // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т. II / Под ред. Г.Ф. Дебеца. М.: АН СССР, 1959. С. 295–331.

Могильников В.А. Курганы с сырцовыми выкладками на юге Западной Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 1999. № 2. С. 64–68.

Поздняков Д.В. Формирование древнетюркского населения Горного Алтая по данным антропологии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. № 3 (7). С. 142–154.

Рысназаров Н. Черепа из могильника Ток-Кала (Каракалпакская АССР) // СЭ. 1965. № 2. С. 67–75.

Тур С.С. Население Краснореченского городища по данным палеоантропологии // Красная Речка и Бурана (Материалы и исследования Киргизской археологической экспедиции) / Ред. В.А. Лившиц и др. Фрунзе: Илим, 1989. С. 120–129.

Шагирбаев М.С., Буранбаев Р.Н., Шербаев Р.К. Лошади из раннетюркских погребений: по материалам памятника Самсы (Шу-Илейское междуречье) // Археология Казахстана (Қазақстан археологиясы). 2024. № 2 (24). С. 252–269.

Ягодин В.Н., Ходжайов Т. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент: Фан, 1970. 254 с.

Информация об авторах:

Жанузак Рамазан Жаксыбайулы, заведующий лабораторией физической антропологии, Институт археологии имени А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан); rzhanuzak04@gmail.com

Буранбаев Руслан Нурланович, научный сотрудник, Институт археологии имени А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан); b_ruslan@inbox.ru

Шербаев Руслан Кудайбергенович, директор, ТОО «Научно-экспериментальная практическая археология «НЭПА» (г. Алматы, Казахстан); sherbaev_75@mail.ru

REFERENCES

Ageeva, E. I., Patsevich, G. I. 1956. In Shakhmatov, V. F. (ed.). *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii AN KazSSR. Arkheologia (Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. Archaeology)* 1. Alma-Ata: Academy of Sciences of the KazSSR Publ., 33-60 (in Russian).

Alekseev, V. P. 1966. *Osteometriia. Metodika antropologicheskikh issledovanii (Osteometry. Anthropologic Research Technique)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Alekseev, V. P., Debets, G. F. 1964. *Kraniometriia. Metodika antropologicheskikh issledovanii (Craniometry. Anthropologic Research Technique)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Alekseev, V. P., Mamonova, N. N. 1988. In Alekseev, V. P (ed.). *Paleoantropologiya i arkheologiya zapadnoy i Yuzhnoy Sibiri (Paleoanthropology and Archaeology of Western and Southern Siberia*). Novosibirsk: "Nauka" Publ., 3–21 (in Russian).

Amirov, E. Sh., Buranbaev, R. N., Kamaldinov, I. R., Zhanuzak, R. Zh., Akhmetov, I. D. 2025. In *Arkheologiya Kazakhstana (Kazakhstan Archaeology)* 28 (2), 250–271 (in Russian).

Balabanova, M. A. 2024. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia 4, Istoriia. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia (Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations)* 4 (29), *20*–42 (in Russian).

Buranbayev, R. N., Zhanuzak, R. Zh., Sherbayev, R. Sh. 2024. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ia (Materials on the Archaeology and History of the Ancient and Medieval Northern Black Sea Region)* 18, 136–164 (in Russian).

Gazimzyanov, I. R. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 23 (1), 294–320 (in Russian).

Ginzburg, V. V. 1951. In Tolstov, S. P. (ed.). *Sbornik muzeya antropologii i etnografii (Collection of the Papers of the Anthropology and Ethnography Museum)* 13. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 309–416 (in Russian).

Ginzburg, V. V. 1953. In Yakubovsky, A. Yu. (ed.). *Trudy Tadzhikskoy arkheologicheskoy ekspeditsii (Proceedings of the Tajik Archaeological Expedition)*. II. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 37. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 157–167 (in Russian).

Ginzburg, V. V., Zezenkova, V. Ya. 1952. In Levin, M. G. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta etnografii (Concise Bulletins of the Institute of Ethnography)* 17. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 66–73 (in Russian).

Ginzburg, V. V., Trofimova, T. A. 1972. *Paleoantropologiya Sredney Azii (Paleoanthropology of Central Asia)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Goncharov, I. A., Goncharova, N. N. 2016. *Svidetel'stvo o gosudarstvennoy registratsii programmy dlya EVM 2015663150 Rossiyskaya Federatsiya (State registration certificate for the MultiCan software. Certificate No. 2015663150; application date: 24.11.2015; publication: 19.01.2016)* (in Russian).

Debets, G. F. 1948. *Paleoantropologiia SSSR (Paleoanthropology of the USSR).* Series: *Proceedings of the N.N. Miklukho-Maklai Institute. of Ethnography. New Series,* 4. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Debets, G. F. 1968. In Alekseev, V. P. Gurvich, I. S. (eds.). *Problemy antropologii i istoricheskoi etnografii Azii (Issues of Asian Anthropology and Historical Ethnography).* Moscow: "Nauka" Publ., 13–22 (in Russian).

Zhanuzak, R., Sikhymbayeva, K., Childebayeva, A. 2025. In *Gumilyov Journal of History* 150 (1), 7–27 (in Russian).

Ismagulov, O. 1968. In Kadyrbaev, M. K. (ed.). *Novoe v arkheologii Kazakhstana (Recent studies in the Archaeology of Kazakhstan)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ., 112–127 (in Russian).

Ismagulov, O. 1969. In Akishev, K. A. (ed.). Kul'tura drevnikh skotovodov i zemledel'tsev Kazakhstana *(Culture of ancient pastoralists and farmers of Kazakhstan).* Alma-Ata: "Nauka" Publ., 80–90 (in Russian).

Kitov, E. P., Tur, S. S., Ivanov, S. S. 2019. *Paleoantropologiya sakskikh kul'tur Prityan'shan'ya (VIII – pervaya polovina II v. do n.e.) (Paleoanthropology of the Sak Cultures of the Tien Shan (8th – first half of the 2nd century BC)).* Almaty: "Khikari" Publ. (in Russian).

Kiyatkina, T. P. 1976. *Materialy k paleoantropologii Tadzhikistana (Materials on the Paleoanthropology of Tajikistan).* Dushanbe: "Donish" Publ. (in Russian).

Kiyatkina, T. P. 1992. In Gokhman, I. I., Yusupov, R. M. (eds.). *Materialy k antropologii ural'skoy rasy (Materials on the Anthropology of the Ural Race).* Ufa: Bashkir Scientific Center of the Ural Branch of the RAS, 119–134 (in Russian).

Komarov, S. G., Kitov, E. P. 2016. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* 33 (2), 97–111 (in Russian).

Kukushkin, A. I., Dmitriev, E. A., Kukushkin, I. A. 2019. In *Arkheologiya Kazakhstana (Kazakhstan Archaeology)* 6 (4), 19–31 (in Russian).

Miklashevskaya, N. N. 1959. In Debets, G. F. (ed.). *Trudy Kirgizskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii (Proceedings of Kyrgiz Archaeological and Ethnographic expedition)* 2. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 295–331 (in Russian).

Mogilnikov, V. A. 1999. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* (2), 64–68 (in Russian).

Pozdnyakov, D. V. 2001. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 3 (7), 142–154 (in Russian).

Rysnazarov, N. 1965. In *Sovetskaia etnografiia (Soviet Ethnography)* (2), 67–75 (in Russian).

Tur, S. S. 1989. In Livshits, V. A. et al. (eds.). *Krasnaya Rechka i Burana (Materialy i issledovaniya Kirgizskoy arkheologicheskoy ekspeditsii) (Krasnaya Rechka and Burana. Materials and Studies of the Kyrgyz Archaeological Expedition).* Frunze: "Ilim" Publ., 120–129 (in Russian).

Shagirbayev, M. S., Buranbayev, R. N., Sherbaev, R. K. 2024. In *Arkheologiya Kazakhstana (Kazakhstan Archaeology)* 24 (2), 252–269 (in Russian).

Yagodin, V. N., Khodzhaiov, T. K. 1970. *Nekropol' drevnego Mizdakhkana (Necropolis of ancient Mizdakhkan*). Tashkent: "Fan" Publ.(in Russian).

About the Authors:

Zhanuzak Ramazan Zh., Head of the Laboratory of Physical Anthropology, Margulan Institute of Archaeology, Dostyk, ave., 44, Almaty, 050010, Kazakhstan; rzhanuzak04@gmail.com

Buranbayev Ruslan N., Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Dostyk, ave., 44, Almaty, 050010, Kazakhstan; b_ruslan@inbox.ru

Sherbaev Ruslan K., Director, NEPA Scientific and Experimental Practical Archaeology LLP, Tulebayev str., 94/53, Almaty, 050010, Kazakhstan; sherbaev_75@mail.ru

Статья поступила в журнал 11.08.2025 г.
Статья принята к публикации 23.10.2025 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.5.233.243

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ЗАИЛИЙСКОГО АЛАТАУ (НА ОСНОВЕ ЭТНОАРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)[1]

©2025 г. О.Ж. Ошанов, Н.А. Атыгаев

В статье представлены некоторые результаты этноархеологических исследований, проведенных на территории Алматинской области в 2024 г. В частности, объектами исследования стали места традиционных казахских зимовок (кыстау), система миграции, археологические, погребальные памятники и другие аспекты жизни местного населения Жетысу. В результате был собран ряд сведений и материалов, относящихся к этому времени, а также более ранним историческим периодам. В полевом сезоне 2024 года этноархеологическая группа выявила на территории Алматинской области 2 объекта историко-культурного наследия. Одним из них является ранее неизвестное городище Карасаз. Второй объект – многослойный комплекс Танбалытас-Бурлышокы, охватывающий период от бронзового века до XIX в. авторами статьи делается вывод, о необходимости их дальнейшего изучения.

Ключевые слова: этноархеология, Казахстан, памятник, городище, петроглифы, зимовка, кладбище.

MEDIEVAL MONUMENTS OF THE TRANS-ILI ALATAU (BASED ON ETHNOARCHAEOLOGICAL STUDIES)[2]

O.Dzh. Oshanov, N.A. Atygayev

The paper features intermediate results of a ethnoarchaeological study conducted in the territory of Almaty region in 2024. In particular, the study objects were the sites of traditional Kazakh wintering (kystau), migration system, archaeological, funerary monuments and other aspects of life of the local population of Zhetysu. As a result, a number of details and materials relating to this period, as well as to earlier historical periods, were collected. In the field season of 2024, the ethnoarchaeological group identified 2 historical and cultural heritage sites in the territory of Almaty region. One of them is a previously unknown Karasaz settlement. The second site is a multi-layer Tanbalytas-Burlyshoky complex, covering the period from the Bronze Age to the 19th century. The authors conclude that their further study is required.

Keywords: ethnoarchaeology, Kazakhstan, monument, settlement, petroglyphs, wintering, cemetery.

Этноархеология является одним из новых направлений в исторической науке Казахстана, однако методы исследования, сочетающие археологию и этнографию, использовались учеными и ранее. В частности, этноархеологическую методику разрабатывали и применяли, хотя и в ограниченной степени, в своих исследованиях такие историки XX века, как А.Х. Маргулан, М.П. Грязнов, А.Н. Бернштам, С.П. Толстов и др.

Как известно, этноархеология как особое научное исследовательское направление начало широко распространяться за рубежом (Америка, Европа) в 60–70-е гг. XX в. Англо-американские археологи определяют этноархеологию как «археологию действия» и «живую культуру». Они пытаются создать единую историю, наблюдая за законами и механизмами процесса трансформации «живой» культуры в «мертвую». То есть они наблюдают и изучают в рамках исследования современную жизнь этноса и сравнивают ее с древними эпохами.

По мере углубления отечественной исторической науки в историю Казахстана становится очевидной необходимость совместного решения многих накопившихся вопросов. Такая же ситуация происходит и в области археологии. Более того, археология Казахстана непосредственно нацелена на изучение наследия кочевой цивилизации, исторических реликвий. И здесь археология должна опираться на этно-

[1] Исследование выполнено при поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан в рамках программно-целевого финансирования (проект ИРН BR21882346).

[2] The study was supported by the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan within the framework of program-targeted funding (project IRN BR21882346).

Рис. 1. Карта выявленных памятников
Fig. 1. Map of identified monuments

графию. Говоря языком англо-американской этноархеологии, необходимы исследования, сравнивающее «мертвую» культуру с «живой» культурой.

Сегодня казахская археология начала возвращаться в область казахской этноархеологии, основоположником которой можно назвать известного академика А.Х. Маргулана. В Институте археологии им. А.Х. Маргулана впервые в 2023 г. официально начала работать этноархеологическая группа, целью которой является сравнительное исследование казахского общества XVIII–XIX вв., его быта, традиций и обычаев с кочевыми народами древности и Средневековья. При исследовании важное значение придается региональным особенностям. Например, нужно изучать казахов Жетысу (Семиречья), сравнивая их образ жизни и экономику с образом жизни и экономикой древних народов, населявших данный регион. Следует определить, насколько соответствуют друг другу или отличаются друг от друга маршруты кочевок населявших регион племен, сколько бы столетий ни было между ними.

В полевом сезоне 2024 г. этноархеологическая группа Института археологии им. А.Х. Маргулана провела исследования на территории Алматинской области, расположенной на юго-востоке Казахстана (Жетысу). Работа включала исследование традиционных казахских зимовок (кыстау), систему миграции, археологических, погребальных памятников и других аспектов жизни местного населения Жетысу. В результате был собран ряд сведений и материалов, относящихся к этому времени, а также более ранним историческим периодам (рис. 1).

Среди выявленных в ходе исследования объектов историко-культурного наследия два памятника ярко отражают глубину истории региона и тесную связь культуры города со степными кочевыми племенами. Одним из них является ранее неизвестное городище Карасаз. Второй – многослойный комплекс Танбалытас-Бурлышокы, охватывающий период от бронзового века до XIX в (рис. 2). Ниже мы остановимся на этих двух памятниках более подробно.

Городище Карасаз. На данный момент определение памятника как городища является условным. Карасаз может представлять собой караван-сарай, крепость или старое поселение. Это покажут будущие полномасштабные археологические раскопки.

Городище Карасаз расположено недалеко от села Карасаз Райымбекского района Алматинской области. Само городище хорошо сохранилось. Только на СВ и ЮВ сторонах городища среди древних курганов находятся современное кладбище и захоронения XIX в. (рис. 3). В то же время видно, что некоторые древние погребения были сровнены во время вспашки посевов.

Рис.2. Комплекс Танбалытас-Бурлышоқы
Fig. 2. Tanbalytas-Burlyshoky complex

Рис. 3. Городище Карасаз и средневековые могильники. Фотография с дрона О.Ж. Ошанова. 2024 г.
Fig. 3. Karasaz settlement and medieval burial grounds. Photo from a drone by O.Dzh Oshanov, 2024

Местоположение данного памятника объясняет тот факт, что городище до сих пор было неизвестным. Прежде всего, памятник расположен в ареале кочевников, в местности, где соприкасаются летние пастбища и зимовки кочевников. Согласно устоявшейся в науке точке зрения, городская культура в Казахстане развивалась преимущественно вдоль р. Сырдарьи, а также в районе зимних стоянок кочевников, расположенных по р. Или. Период интенсивного развития городской культуры в Жетысу и Шу-Таласском междуречье приходится на караханидский период. Но борьба государства Караханидов с государством Хорезмшахов и последующее монгольское нашествие, можно сказать, полностью остановили жизнь городов в этом регионе.

Тот факт, что городище Карасаз находится между современным кладбищем и захоронениями XIX в. также является причиной того, что данный объект не привлек внимание исследователей. В нашем случае, наоборот, именно погребения в XIX в. позволили нам обнаружить городище (рис. 4).

Рис. 4. Остатки казахских кладбищ XIX века. Фотография с дрона О.Ж. Ошанова. 2024 г.
Fig. 4. Remains of Kazakh cemeteries of the 19th century. Photo from a drone by O.Dzh Oshanov, 2024

Внешняя форма городища напоминает квадрат. Размер небольшой – 55×60 м. Своими углами он обращен на четыре стороны. Сохранившаяся высота в углу в северной части составляет 2,30 м. На северо-западной и юго-западной стороне городища видны остатки домостроений. Городище окружено водными источниками и горными течениями.

Городище однослойное. По культурному слою видно, что город просуществовал только в течение определенного, вероятно, караханидского периода, т. к. именно при Караханидах наблюдается наибольшее торгово-экономическое развитие городской культуры Жетысу. В северной части городища находятся остатки кирпичной стены. Размеры двух целых кирпичей: 26×26×4 см; 23,5×11×4 см. Они соответствуют образцам кирпичей построек города Тараз караханидского периода. Найденные фрагменты керамики имели однородный серый цвет. По мнению специалистов, это образцы средневековой керамики.

Возникновение городища Карасаз напрямую связано с производственным циклом кочевников. Потому что оно расположено в начале долины Шалкоде – одного из знаменитых казахских пастбищ. Пастбище (джайляу) Шалкоде находится в долине, длина которой составляет 35–40 км, а наибольшая ширина 15 км. Во времена советской власти долину Шалкоде использовали в качестве пастбища не только хозяйства Нарынкольского района, здесь содержали скот и совхозы Уйгурского района. По приблизительным оценкам, только в Шалкоде и в прилегающем к нему высокогорье паслись около 200–250 тысяч овец (не считая другого скота). В Средние века скот, возможно, был еще более многочисленным. Такая концентрация мелкого скота в одном месте была для торговцев очень прибыльной.

В этом районе существовал еще один торговый город, имевший даже значение столицы. Это средневековый город Алмалык, расположенный на р. Или. Половина выпасаемого в Шалкоде скота зимовала на стороне Алмалыка, то есть на левом берегу Или. При этом основной доход жители Карасаза получали в летний сезон. В то же время видно, что животноводческая продукция кочевых племен, оставшихся на зимовку в этой местности, также приносила хорошую прибыль. Городище Карасаз в основном располагалось зоне зимовок кочевников. Подтверждением этому служат расположенные в его окрестностях старинные казахские зимовки и родовые кладбища. Казахские зимовки, простирающиеся от Карасаза до села Сарыжаза (расположенные вдоль р. Кеген) и в долине Тузколь, показывают, что в период Средневековья здесь находились зимние поселения местных кочевых племен.

Городище Карасаз является одним из доказательств того, что Жетысу находился на пике экономического роста в эпоху Караха-

нидов. Возникновение города в центре ареала расселения кочевников показывает, что существовала оптимально настроена мощная государственная система, которая создала наилучшие условия для развития торговли в регионе. К сожалению, не сохранилось письменных данных о торговых ярмарках, работавших в районе Кегена и Нарынкола в Средние века. Лишь после того, как земли Жетысу, Шу-Талаской долины вошли в юрисдикцию Российской империи, появляются официальная информация и статистические данные. В XIX в. до начала XX в. в долине Кегена действовала знаменитая Каркаринская ярмарка. Можно предположить, что Карасаз был одним из важных центров региона, где осуществлялись торговые операции в домонгольский период. Городище располагалось вдоль древних торговых путей. В 1858 г., когда Ч. Валиханов направлялся в Кашгар под именем купца Алимбая, его караван на несколько дней останавливался в долине Шалкоде и торговал с местным населением (Валиханов, 1985, с. 340). Также Чокан Валиханов сообщает о том, что в окрестностях Карасаза, то есть в месте под названием «Саз» (это должно быть между селами Комирши и Сарыжаз), стояла 9-я цинская дивизия, составленная из калмаков (Валиханов, 1985, с. 340). Эти данные показывают, что долина Шалкоде была ключевым пунктом в региональной торговле и власти всегда пытались его контролировать.

В начале XIII в. степи Кегена и Нарынкола стали политическим центром династии Чагатаидов. Известный персидский государственный деятель и историк эпохи Хулагуидов Ата-Мелик Джувейни о центре владений Чагатая писал: «Весной и летом его ставка находилась в Алмалыке и Куясе, которые в те времена были похожи на Сад Ирама. Он устроил в тех краях большие водоемы (которые они называют коль) для разведения водоплавающих птиц. Он также построил город под названием Кутулук. Осень и зиму он проводил в [Мараузике?] на реке Или» (Джувейни, 2004, с. 186). Известно, что Чагатай избрал город Алмалык столицей своего улуса, однако сам редко находился там, придерживаясь кочевого образа жизни.

В долине Шалкоде издавна существовало «Ханское пастбище» (Ханский заповедник). Здесь находились кочевья Чагатай-хана и его потомков, казахского хана Есима, джунгарских (калмакских) правителей Цэван Рабтана и Галдан Цэрена.

Примечательно, что остатки четырехугольной (или овальной) ограды, сохранившиеся до наших дней возле села Кеген (близ сел Жалаули и Шырганак), согласно местным преданиям, были «местом, где калмакские ханы разводили лебедей и гусей». Возможно, ограда была построена по приказу Чагатай-хана и использовались и в более позднее время. В Кегенской долине имеются три остатка таких искусственных прудов. Два из них располагались на р. Кеген, один на ее левом берегу у села Жалаулы (рис. 5). Второй сохранился также на левом берегу реки, по дороге, ведущей из села Жалаулы в село Шыбышы. Место третьего пруда, точнее место насыпного вала, находится возле села Шырганак, на левом берегу р. Шырганак, недалеко от впадения в нее р. Кеген. Учитывая тот факт, что все эти сооружения расположены недалеко от реки и была возможность отвести от них воду, можно сказать, что это остатки искусственного озера. К тому же раскопки, проведенные внутри оградок, не выявили никаких культурных слоев.

С начала XVIII в. до второй половины XIX в. Жетысу, Шу-Талас и район Сырдарьи находились под контролем Кокандского ханства. Практика создания искусственного озера продолжалась и в этот период. Например, Филипп Назаров, побывавший в Кокандском ханстве в 1813 году, приводит следующие сведения о таком расположенном по пути из Андижана в город Наманган озере: «По дороге видели луга, принадлежащие Кокандскому владетелю, обнесенные выкопанными широкими канавами и камышом, при коих содержатся караулы, охраняющие птиц и зверей. Сюда приезжает владетель с большою свитою на охоту» (Назаров, 1821, с. 73).

Вначале этот район Жетысу входил в состав владений потомков Чагатая, однако чагатаиды не смогли предотвратить распад улуса Чагатая. В результате в середине XIV в. в его восточной части, где всегда было сильно влияние глав местных родоплеменных групп, возникло государство Могулистан. Родоплеменная знать привела к власти чагатаида Тоглук Темир-хана, который попытался вернуть под свою власть все земли, ранее принадлежавшие Чагатаю.

Город Алмалык не утратил своего центрального политического значения и в годы прав-

Рис. 5. Один из искусственных прудов. Село Жалаулы. Фотография с дрона О.Ж. Ошанова. 2024 г.
Fig. 5. An artificial pond. Zhalauly village. Photo from a drone by O.Dzh Oshanov, 2024

ления Тоглук Темир-хана. В этом районе находится и мавзолей самого чагатаида. Основываясь на преданиях местных жителей, Н. Пантусов указывает, что Тоглук Темир-хан жил в окрестностях р. Кеген (Байнаман) возле Алмалыка. Он пишет: «По рассказам мазарских шейхов Туглук-Тимур-хан жил на местности Байнаман, которая находится на запад от Кера или Кегеня, места, на котором бывает постоянно международный съезд с китайцами; жил он там с семьей» (Пантусов, 1910).

В годы ослабления Могулистана известный правитель Средней Азии Эмир Тимур совершил в этот регион две похода. Одним из них был поход 1375 г. против Камарддина, а вторым Тарбагатайский поход 1389 г. против Енге-торе.

С Эмиром Тимуром, согласно преданиям жителей Кегена, связано название местности «Санташ», находящейся между Каркаринской равниной и Туп (местность в Кыргызской Республике). У кыргызов сохранились и другие сведения, связанные с местностью «Санташ». Об этом Ч. Валиханов пишет так: «Дикокаменные киргизы насып Санташа приписывают киргизскому хану Ишиму, как памятник его над калмыками-зюнгарами. Это имеет более вероятия. Ишим действительно был на этих местах и действительно одержал победу над хонтайдзием» (Валиханов, 1984, с. 326). Согласно сохранившейся среди кыргызов легенде, Есим-хан выступил против калмака Аджаана, разорившего жителей восточной части Иссык-куля. Хотя в легенде не упоминается Санташ, в ней при описании похода Есим-хана фигурируют топонимы «Кеген», «Каркара» и «Туп». А местность «Санташ» находится между Каркарой и Тупом, расположена вдоль соединяющей их дороги. Легенда приведена в труде С.М. Абрамзона: «Эшимкан отправился в поход. Произошло сражение, после которого Аджаан бежал на своем коне Телишалкы. Эшимкан догнал его и убил, взял много добычи и из Каркыра и Кегена приехал на местность Тюп-Джыргалан. Здесь он советовался с народом и отдыхал, поэтому местность получила называние Джыргалан» (Абрамзон, 1972, с. 69).

Одними из правителей, зимовки которых находились на берегах р. Или, а летовки на долине Каркаре, были джунгарские хунтайджи. «Еще раньше, в 1717 г. Цэвань-Рабтану на берегу речки Харкир, около Музарта, представлялся Тобольский дворянин Вельянов, который в следующем году простился с хун-тайчжи в его ставке около Хоргоса, у подошвы горы Талки. Еще более подробная известия доставило посольство капитана Унковского, которое в ноябре 1772 г. (1722 г.) прибыло в ставку хун-тайчжи, находившуюся на южной стороне Или, в нескольких верстах к востоку от Чарына, и пробыло при дворе калмыцкаго государя до сентября 1773 г. (1723), перекочевывая вместо с ордой с места на место до реки Тюп

и Джиргалан» (Феодоров, 1903, с. 20; Унковский, 1887). Майор Угрюмов, направленный в 1732 г. в ставку Галдан Церена, также кочевал вместе с джунгарским правителем в этом «ханском заповеднике». В историческом документе говорится: «Один из них (послов – авт.) плац-майор Угрюмов (1732–33 гг.) кочевал вместе с Галдан-Цэренем в апреле и мае от урочища Коджигер вниз по реке Или, а в конце мая и в летние месяцы по Темирлику, Кегену, Каркары и Текесу; в сентябре и всю зиму до последних чисел марта по р. Или: сперва вниз, а потом паки верх, где обычай имеет при урочище Кочигир продлиться до мая» (Федоров, 1903, с. 21).

У казахского народа существуют разнообразные традиции захоронения. Одна из них – делать под землей «комнату» для покойника. Эта традиция характерна для двух географических районов Казахстана. И эти районы совпадают с центрами правивших на территории Казахстана династий Чингизидов: джучидов (Улытау) и чагатаидов (долина Кегена и Нарынкола).

В Улытауских степях находились династические захоронения джучидов. Здесь существовал тип захоронения, который называется «Сагана» (Сағана). «Сагана» XIX в. представляют собой куполо-портальные мавзолеи. Однако их с каждым годом становится все меньше. Одним из таких памятников, сохранившихся до наших дней, является «Сагана Маката». Существовавший в этом районе до недавнего времени «Сагана Калманбая» уже обрушился. Такие захоронения сооружены для одной семьи и внутри них похоронены несколько их поколений. Вместо могилы под землей вырыта большая комната. Стены подземного помещения облицованы жженым кирпичем. Посередине его находится сөре (полка, «ящик»). Умершего человека заворачивают в саван и кладут на эту полку. Когда умирает следующий человек, предыдущего бросают в специально сделанный колодец или могильный яму в углу. Относящийся к периоду джучидов мавзолей Аякамыр в Улытау местные жители описывают как «Сагана». Такие же захоронения типа «Сагана» встречаются на развалинах города Сыганака, зимней резиденции джучидов и узлового города на торговом пути.

Подобная традиция захоронения существовала и в долине Кегена и Нарынкола. Только здесь такая конструкция называлась «Шамкор» (Шамкөр). К такому строению относилась, например, находившаяся в долине Шалкоде могила Джампейса, внука Раимбек-батыра. Местные жители называли его «Шамкор Джампейса». По описанию местных жителей, сооружение было сделано из бревен. Сегодня сохранилось только его место. Шамкор был предназначен только для захоронения мужчин (Байдибек баба, 2003, с. 557). Относится к захоронению типа «Шамкор» могила Бобетая (Абайылулы), сооруженная в начале XX в. на равнине Тузколь, к югу от Шалкоде. Фронтальная камера могилы разрушена, устье погребальной камеры (акым), находящей на западной стене, заложено камнем.

Некоторые исследователи связывают подобную погребальную традицию с зороастризмом (Акатаев, 1973, с. 44). Однако, на наш взгляд, не случайно такие погребальные обычаи, как «Сагана» и «Шамкор», встречаются в Улытау, где находились захоронения джучидов, а также в долине Кегена и Нарынкола, вблизи города Алмалык, где находились погребальные мавзолеи чагатаидов. Мы полагаем, что подобные типы казахских захоронений связаны с традициями захоронений чингизидов.

Эти исторические материалы свидетельствуют о важном значении местности, где находится городище Карасаз, для политической и экономической истории Казахстана. Городище Карасаз требует полномасштабных археологических исследований.

Многослойный комплекс **Танбалытас-Бурлышокы** – второй выявленный этноархеологической группой в Алматинской области объект**.** Комплекс расположен вблизи ауыла (села) Тамбалытас (прежнее название «Горный») Матибулакского районного округа Жамбылского района Алматинской области. Ауыл Танбалытас находится на восточной стороне комплекса на расстоянии 3 км. Рядом с памятником протекает р. Аккайнар. Чуть выше в Аккайнар впадает ручей Толепберген.

Комплекс Тамбалытас-Бурылшокы в основном известен наскальными рисунками, и ранее на объекте археологами уже проводились исследования. Здесь также находятся могильники бронзового века.

Петроглифы Тамбалытас-Бурылшокы входят в культурный ландшафт Аккайнар, протянувшийся на 10 километров и соединя-

Рис. 6. Места казахских зимовок. Тамбалытас-Бурлышокы. Фотография с дрона О.Ж. Ошанова. 2024 г.
Fig. 6. Locations of Kazakh wintering grounds. Tambalytas-Burlyshoky. Photo from a drone by O.Dzh Oshanov, 2024

ющий Алматинскую и Жамбылскую области. Аккайнарские петроглифы были исследованы А.Н. Марьяшевем в 2008 г. В последующие годы сотрудники Института археологии им. А.Х. Маргулана продолжили изучение объекта. Б.А. Железняков и Л. Херман провели фундаментальные исследования и взяли на учет 6100 гравюр (Hermann, Zheleznyakov, 2023, p. 140).

В 2018 г. Ж.Е. Смаилов и С. Сакенов провели раскопки памятников бронзового века у подножья Тамбалытас-Бурылшокы. Согласно их исследованиям, могильник относится к XIII–IX вв. до н. э. (Смаилов, Сакенов, 2019). Наименование «Тамбалытас-Бурылшокы», которое мы используем, дали комплексу эти исследователи.

Целью исследований этноархеологической группы было изучение останков казахских зимовок, расположенных у подножья этой скалы. Здесь имеется несколько природных скальных выходов (рис. 6).

Южная часть склона имеет отвес. В свою очередь, это незаменимое место для зимних стоянок некоторых кочевых групп казахов. В ходе исследования одного из таких мест зимовки стало очевидно, что здесь находились не только зимовки казахов. Выступающие из поверхности фрагменты керамики свидетельствуют о том, что поселение было многослойным и использовалось непрерывно с древнейших времен. Образцы керамики относятся к периоду Средневековья (рис. 7). Некоторые фрагменты керамики могут относится и к более раннему историческому периоду.

Петроглифы показывают, что здесь издавна было поселение, жители которого оставили свои знаки на камнях. Среди наскальных рисунков выделяются «солнцеголовые», или «луноголовые», люди (рис. 8). Петроглифы

Рис. 7. Остатки керамики разных периодов, выявленные на поселении Тамбалытас-Бурлышокы. Фото О.Ж. Ошанова. 2024 г.
Fig. 7. Remains of ceramics from different periods identified at Tambalytas-Burlyshoky settlement. Photo by O.Dzh Oshanov, 2024.

Тамбалытас-Бурлышокы состоят из рисунков бронзового века, тюркского периода, тибетско-ламаистских надписей XVII–XVIII вв. и тамг казахских родов.

Одна из родовых тамг, изображенных на скале (рис. 9), принадлежит роду Коралас, состоящему из 12 подродов. Коралас относятся к поколению Ботпай племени дулат Старшего жуза (Ұлы жүз) казахов. Вторая тамга относятся к Шимыр рода Шынкожа (рис. 10) племени дулат Старшего жуза (Ұлы жүз) казахов. Тамги на Тамбалытас полностью соответствуют родовым тамгам, приведенным в работе Н.И. Гродекова (Гродеков, 1889, Приложение, с. 7). Расположенные сегодня вокруг Тамбалытаса казахские аулы – это в основном представители родов ботпай, жаныс, шымыр, происходящих от племени дулат.

Таким образом, выявление на памятнике Тамбалытас-Бурлышокы многослойного поселения позволяет повысить его историческое значение и обозначить его в качестве целого археологического комплекса. Тем самым комплекс Тамбалытас-Бурылшокы характеризуется наличием историко-культурных памятников от древности до современности: могильников и петроглифов бронзового века, многослойного поселения древних и средневековых кочевников и объектов этнографического периода.

Рис. 8. «Луноголовый человек» и ламаистские надписи. Фотография с дрона О.Ж. Ошанова. 2024 г.
Fig. 8. 'Moon-headed man' and Lamaist inscriptions. Photo from a drone by O.Dzh Oshanov, 2024

Рис. 9. Тамга рода Ботпай-Коралас (Дулат). Фото О.Ж. Ошанова. 2024 г.
Fig. 9. Tamga of Botpai-Koralas (Dulat). Photo by O.Dzh Oshanov, 2024.

Рис. 10. Тамга рода Шымыр-Шынкожа (Дулат). Фото О.Ж. Ошанова. 2024 г.
Fig. 10. Tamga of Shymkent-Shynkozha (Dulat). Photo by O.Dzh Oshanov, 2024.

Можно утверждать, что места, где располагались зимовки кочевников, обусловили возникновение в древности в степных регионах непосредственно городской культуры, особенно появление и рост городов, центров торговли. Продукты кочевого хозяйства были основными источниками доходов этих средневековых городов. Эти поселения, расположенные в благоприятных климатических зонах, со временем сложились в пункты крупного торгового пути, связанные друг с другом.

Все эти наблюдения о городище Карасаз и комплексе Тамбалытас-Бурлышокы являются лишь предварительными выводами. Конкретные результаты и научные заключения по объектам можно будет представить только после полномасштабных раскопок.

ЛИТЕРАТУРА

Ата-Мелик Джувейни. Чингисхан. История Завоевателя Мира / Перевод с текста Мирзы Мухаммеда Казвини на английский язык Дж. Э. Бойла, с предисловием и библиографией Д.О. Моргана. Перевод текста с английского на русский язык Е.Е. Харитоновой. М.: МАГИСТР-ПРЕСС, 2004. 690 с.

Абрамзон С.М. Народные предания как источник для изучения этнической историй киргизов Центрального Тянь-Шаня // Этническая история народов Азии / Отв. ред. С. М. Абрамзон и Р. Ф. Итс. М.: Наука, 1972. С. 67–82.

Ақатаев С.Н. Культ предков у казахов в прошлом и зороастризм // Известия АН СССР (серия общественная). 1973. № 2. С. 43–49.

Бәйдібек баба – Алып бәйтерек. Албан ата энциклопедиялық шежіре / Ред. Т. Алмасбеков. Алматы, 2003. 1352 бет.

Валиханов Ч.Ч. Дневники поездки на Иссык-Куль (1856 г.) // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах.Т. 1. Алма-Ата: Главная редакция казахской советской энциклопедии, 1984. С. 306–358.

Валиханов Ч.Ч. Очерки Джунгарии // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 3. Алма-Ата: Главная редакция Казахской Советской энциклопедии, 1985. С. 29–38.

Гродеков Н.И. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. Т. 1. Ташкент: типо-литография С. И. Лахтина, 1889. 298 с.

Записки о некоторых народах и землях средней части Азии Филиппа Назарова, Отдельного Сибирского Корпуса переводчика, посыланного в Кокант в 1813 и 1814 годах. СПб.: Императорская Академии наук, 1821. 98 с.

Наливкин В.П. Краткая история Кокандского ханства. Казань: тип. Ун-та,, 1886. 215 с.

Пантусов Н.Н. Город Алмалык и мазар Туглук-Тимур хана // Кауфманский сборник (изданный в память 25 лет, истекших со дня смерти покорителя и устроителя Туркестанского края генерал-адъютанта К.П. фон-Кауфмана). М.: Тип. Тов-ва И.Н Кушнерев и Ко, 1910. С. 161–188 //

Смаилов Ж.Е., Сакенов С.К. Погребальные памятники Бегазы-Дандыбаевской культуры в предгорьях Кулжабасы // Маргулановские чтения - 2019: Материалы Международной археологической научно-практической конференции, посвященной 95-летию со дня рождения выдающегося казахстанского археолога К.А. Акишева / Отв. ред. М.К. Хабдулина. Нур-Султан: НИИ археологии им. К.А. Акишева, ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2019. С. 170–180.

Унковский И.С. Посольство к Зюнгарскому Хун-Тайчжи Цэван Раптану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722-1724 годы. СПб.: тип. В. Киршбаума, 1887. 276 с. Доступно по URL: http://elib.shpl.ru/nodes/24119 (дата обращения: 21.05.2025)

Феодоров Д.Я. Опыт военно-статистического описания Илиского края. Ч. I. Ташкент: Тип. Штаба Туркестанского военного округа, 1903. 318 с.

Hermann, L., Zheleznyakov, B. Tamga Petroglyphs from Akkainar (Almaty oblysy) in Kazakhstan // Археология Казахстана. 2023. No 4 (22), P. 140–154.

Информация об авторах:

Ошанов Орынбай Жанабайулы, старший научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан); dadan_@mail.ru

Атыгаев Нурлан Адилбекович, кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой древней и средневековой истории Казахстана, Казахский национальный педагогический университет имени Абая (050010, проспект Достык, 13, Алматы, Республика Казахстан); ORCID: 0000-0002-

2696-1008, Scopus Author ID: 57194592674, Researcher ID: AAU-3719-2020. E-mail: nuratygaev@mail.ru (Автор-корреспонденции)

REFERENCES

Ata-Melik Dzhuveini. 2004. *Chingiskhan. Istoriya Zavoevatelya Mira (Genghis Khan: the history of the world conqueror).* Moscow: "MAGISTR-PRESS" Publ. (in Russian).

Abramzon, S. M. 1972. In Abramzo, S. M., Its, R. F. (eds.). *Etnicheskaya istoriya narodov Azii (The ethnic history of Asian peoples).* Moscow: "Nauka" Publ., 67–82 (in Russian).

Akataev, S. N. 1973. In *Izvestiia Akademii nauk SSSR. Seriya obshchestvennaya (Bulletin of the USSR Academy of Sciences. Social Series)* 2, 43–49 (in Russian).

Almasbekov, T. (ed.). 2003. *Bəydibek baba – Alyp bəyterek. Alban ata entsiklopediyalyқ shezhire (Baidibek Baba - giant Baiterek. Albanian Ata encyclopedic Chronicle).* Almaty (in Kazhakh).

Valikhanov, Ch. Ch. 1984. In Valikhanov, Ch. Ch. *Sobranie sochinenii v pyati tomakh (Collected works in five volumes)* 1. Almaty: Kazakh Soviet Encyclopedia Publ., 306–358 (in Russian).

Valikhanov, Ch. Ch. 1985. In Valikhanov, Ch. Ch. *Sobranie sochinenii v pyati tomakh (Collected works in five volumes)* 3. Almaty: Kazakh Soviet Encyclopedia Publ., 29–38 (in Russian).

Grodekov, N. I. 1889. *Kirgizy i karakirgizy Syr-Dar'inskoy oblasti (Kyrgyz and Karakirgiz people of the Syr Darya region)* 1. Tashkent: "Lakhtin, S. I." Publ. (in Russian).

Nazarov, F. 1821. *Zapiski o nekotorykh narodakh i zemlyakh sredney chasti Azii Filippa Nazarova, Otdel'nogo Sibirskogo Korpusa perevodchika, posylannogo v Kokant v 1813 i 1814 godakh (Notes on peoples and lands of Central Asia by Philip Nazarov, a Separate Siberian Translator Detachment sent to Kokant in 1813 and 1814).* Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences (in Russian).

Nalivkin, V. P. 1886. *Kratkaya istoriya Kokandskogo khanstva (A brief history of the Kokand Khanate).* Kazan: Kazan Imperial University (шn Russian)ю

Pantusov, N. N. 1910. In *Kaufmanskiy sbornik (The Kaufman Collection).* Moscow: "Tov-vo I.N Kushnerev i Ko" Publ., 161–188 (in Russian).

Smailov, Zh. E., Sakenov, S. K. 2019. In Khabdulina, M. K. (ed.). *Margulanovskie chteniya-2019 (Margulan Readings - 2019).* Nur Sultan: Research Institute of Archaeology named after K. A. Akishev; L.N. Gumilyov Eurasian National University, 170–180 (in Russian).

Unkovsky, I. S. 1887. *Posol'stvo k Zyungarskomu Khun-Taychzhi Tsevan Raptanu kapitana ot artillerii Ivana Unkovskogo i putevoy zhurnal ego za 1722-1724 gody (The embassy to the Zyungar Khun-Taiji Tsewan Raptan of Captain of artillery Ivan Unkovsky and his travel log for 1722-1724).* Saint Petersburg: "V. Kirshbaum" Publ. Available at: http://elib.shpl.ru/nodes/24119 (Accessed: 21.05.2025) (in Russian)

Feodorov, D. Ya. 1903. *Opyt voenno-statisticheskogo opisaniya Iliskogo kraya (The experience of military statistical description of the Ili region).* Part 1. Tashkent: "Tip. Shtaba Turkestanskogo voennogo okruga" Publ. (in Russian).

Hermann, L., Zheleznyakov, B. 2023. In *Arkheologiya Kazakhstana (Kazakhstan Archaeology)* 22 (4), 140–154 (in English)

About the Authors:

Oshanov Orynbay Zh. Institute of Archaeology named A.Kh. Margulan (Almaty, Kazakhstan); dadan_@mail.ru

Atygayev Nurlan A. Candidate of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Ancient and Medieval History of Kazakhstan, Abai Kazakh National Pedagogical University (13, Dostyk Ave., Almaty 050010, Republic of Kazakhstan); ORCID: 0000-0002-2696-1008, Scopus Author ID: 57194592674, Researcher ID: AAU-3719-2020. E-mail: nuratygaev@mail.ru (Corresponding author)

Статья поступила в журнал 19.08.2024 г.
Статья принята к публикации 19.09.2025 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ СТЕПНОЙ ЕВРАЗИИ

УДК 902/904 930.27 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.5.244.251

ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ ГОРОДА САКСИНА

© 2025 г. Д.В. Васильев

В статье описываются торговые пути, проходившие через Нижнее Поволжье в хазарскую и постхазарскую эпохи. Анализируется начальный этап и причины формирования торговых маршрутов через Нижнее Поволжье в связи с политическими и экономическими процессами в Арабском халифате. Анализируется торговля Хазарии через Нижнее Поволжье, а также формирование торговых путей Прикаспия в хазарское и постхазарское время, связи Нижнего Поволжья с основными портами Каспийского моря. Особое внимание уделяется возникновениюи существованию города Саксина как основного перевалочного пункта на Волго-Каспийском торговом пути. Анализируются процессы товарно-денежного обмена и в целом уровень экономического развития города и области Саксин в XI-XIV вв. Отдельно анализируются наиболее важные направления связей Саксина – восточно-каспийское и юго-западное. Особо подчёркивается, что Волжский торговый путь можно именовать «Янтарным путём», поскольку именно янтарь является единственным на настоящий момент материальным свидетельством существования непрерывного торгового пути от Балтики до Каспия.

Ключевые слова: археология, Волго-Каспийский торговый путь, Великий Шёлковый путь, Восточная Европа, Северный Прикаспий, город Итиль, город и область Саксин, Самосдельское городище.

TRADE RELATIONS OF THE CITY OF SAKSIN

D.V. Vasiliev

The article describes the trade routes that passed through the Lower Volga region in the Khazar and post-Khazar eras. The initial stage and reasons for the formation of trade routes through the Lower Volga region are analyzed in connection with the political and economic processes in the Arab Caliphate. The Khazar trade through the Lower Volga region is analyzed, as well as the formation of the Caspian trade routes in the Khazar and post-Khazar periods, and the connections of the Lower Volga region with the main ports of the Caspian Sea. Particular attention is paid to the emergence and existence of the city of Saksin as the main transit point on the Volga-Caspian trade route. The processes of commodity and money exchange and the general economic development level of the city and the region of Saksin in the 11th-14th centuries are analyzed. The most important directions of Saksin's connections - the eastern Caspian and southwestern - are separately analyzed. It is particularly emphasized that the Volga trade route can be referred to as the 'Amber Route', since amber is the only material evidence to date of the existence of a continuous trade route from the Baltic to the Caspian.

Keywords: archaeology, Volga-Caspian trade route, the Great Silk Road, Eastern Europe, Northern Caspian region, the city of Itil, the city and region of Saksin, Samosdeska fortified settlement.

Город Саксин, располагавшийся в волжской дельте с X по XIV век, служил важным центром торговли на Волго-Каспийском маршруте. Формирование этого пути, вероятно, началось ещё в VIII столетии после завершения арабо-хазарских конфликтов и прихода к власти в Халифате династии Аббасидов, сменивших воинственных Омейядов.

До IX века арабские купцы, по-видимому, избегали Нижнего Поволжья. Как отмечал И.В. Дубов, первоначально товары из Халифата на Балтику доставлялись по альтернативному маршруту – через Дон и Северский Донец, минуя среднее и нижнее течение Волги, с последующим выходом к Чёрному морю. Этот путь, который также позволял попасть в Волжскую Хазарию через Волго-Донской волок, считается основным для IX века, что подтверждается находками кладов куфических монет того периода (Дубов, 1989, с. 214). К этому же выводу пришёл и В.Л. Янин (Янин, 2009, с. 101). Начиная с X столетия наблюдается трансформация торговых путей – главной транспортной артерией, соединяющей восточные и северные регионы, становится сама Волга. Археологические находки

свидетельствуют, что ключевым направлением в этот период был маршрут, связывающий Хазарский каганат с Волжской Булгарией. Как отмечал И.В. Дубов, важнейшим фактором переориентации торговых потоков в Восточной Европе стало превращение Волжской Булгарии в центральный опорный пункт мусульманской коммерции (Дубов, 1989, с. 214). По мнению В.Л. Янина, существовавшие в историографии взгляды о доминирующем значении хазарского Итиля в снабжении Восточной Европы серебряной монетой не вполне соответствуют действительности. Исследователь полагает, что основным поставщиком дирхемов для Руси выступала Волжская Булгария (Янин, 2009, с. 121).

Главным каналом поступления восточного серебра и других товаров в Восточную Европу служил маршрут, пролегавший через Чёрное и Азовское моря из центральных областей Халифата, преимущественно из дамасского региона. Торговая артерия включала последовательное прохождение следующих пунктов: Черноморский бассейн → Керченский пролив → Азовское море → река Дон → Северский Донец → Ока → Волга. Существует предположение, что в районе Переволоки существовал дополнительный переход на Волгу, при этом основной товаропоток направлялся в Прикамье, минуя нижневолжские территории. Данное предположение находит подтверждение в отсутствии кладов куфических монет VIII–IX веков в астраханском регионе.

Распространение амфорных находок (как целых сосудов, так и их фрагментов) на памятниках салтово-маяцкой культуры и в кочевнических районах Хазарского каганата может объясняться именно использованием этого черноморско-азовского маршрута, связывавшего регионы с традиционной амфорной тарой.

Кардинальные изменения происходят в IX столетии в связи с переносом столицы Халифата в Багдад (основан в 762 г.), что сделало более удобными северные маршруты через Каспий и кавказские перевалы. Археологические данные свидетельствуют, что хазарское проникновение в волжскую дельту относится именно к переходному периоду конца VIII – начала IX веков (Васильев, 2021, с. 21–27), хотя «спусковым крючком» этого процесса послужило поражение хазар от арабов в войне 737 года (Артамонов, 2001, с. 323–358). Это вызвало миграцию населения с Северного Кавказа в донские степи и нижневолжские районы. Создание новой торговой артерии способствовало закреплению хазарской кочевой ставки в волжской дельте и её последующей трансформации в город Итиль, который взял на себя функции перевалочного пункта между морскими и речными судами.

Хазарский каганат выступил ключевым посредником в торговых связях между восточными и западными регионами, организуя транспортные коридоры от Каспия в западном направлении. Столица Хазарии – Итиль – стала центральным торговым узлом государства. Как отмечал Ибн Фадлан, «на реке Итиль у хазар находится постоянно действующий рынок, где представлено множество ценных товаров» (Заходер, 1962, с. 202). Археологические данные Самосдельского городища демонстрируют многочисленные находки деревянных бочек в ранних культурных слоях. Вероятно, эта тара была основной на новом торговом маршруте. Примечательно почти полное отсутствие амфорных остатков в материалах городища, что чётко указывает на его связь с иной торговой трассой и другими традициями упаковки.

Хазария, занимавшая стратегическое положение на путях между Восточной Европой и Востоком, играла важную роль в транзитной торговле. При этом само государство активно участвовало в товарообмене. Согласно «Худуд ал-'алам», через хазарские земли проходили значительные объёмы мехов (Заходер, 1962, с. 167–168). Помимо мехов из Среднего Поволжья в нижневолжские районы поставлялись воск, мёд и сплавляемая по реке древесина (Заходер, 1962, с. 168). Основными импортными товарами из ближневосточных и среднеазиатских регионов для Хазарии являлись текстильные изделия (Заходер, 1962, с. 168). Итиль стал ключевым узлом транзитной торговли благодаря формированию Великого Волжского пути. Этот маршрут, который можно назвать «Великим Меховым путём» (по аналогии с Шёлковым), связывал Иран и Багдадский халифат с Северным Приуральем, где арабские купцы обменивали серебро на меха у финно-угорских племён. Альтернативное название – «Великий янтарный путь» – отражает его балтийское происхождение: янтарь, находимый вдоль всего маршрута, свидетельствует о непрерывной торговой

связи от Балтики до Каспия (Иерусалимская, 1990, с. 58–60).

Шёлковый путь, сложившийся ещё на рубеже эр, включал два основных направления: через Фергану в Средиземноморье и через Ташкентский оазис в Нижнее Поволжье (Заднепровский, 1997, с. 80). Его ответвлениями были Волжский и Степной пути (Чичко, 2016, с. 91). С появлением Итиля и Волжской Булгарии меховая торговля сместилась на Волгу.

Каспийско-Волжский путь начинался в Горгане, где располагался важный порт Абаскун. Одновременно активизировалось судоходство у западного побережья Каспия. Как отмечал В.В. Бартольд, Дербент стал ключевым пунктом морской торговли (Бартольд, 1963, с. 657). Этот город, связанный с Хазарией и мусульманским миром, имел укреплённую гавань с цепью у входа (Мурадалиева, 2010, с. 228). Первая хазарская столица – Самандар – также играла важную роль в торговых маршрутах региона.

Абаскун достиг расцвета примерно к моменту первых упоминаний о Хазарском каганате (627 г.). Ибн Хордадбех в IX в. отмечает, что путь от Горгана до хазарской столицы занимал восемь дней при попутном ветре. Ал-Истахри и Ибн Хаукаль описывают два маршрута из Абаскуна: «правый» (с остановкой в Дихистане, 50 фарсахов) и «левый» (семь дней до Дербента, затем сухопутно в Семендер) (Заходер, 1962, с. 22–23).

Ключевыми были два направления: прикаспийский путь через Баку и Дербент в хазарские земли и маршрут из Бердаа в Ардебиль и далее в Сирию (Ашурбейли, 1992, с. 73–74).

Арабские источники упоминают различные типы судов («сафина», «маркаб», «заурак»), причем фраза «при благоприятном ветре» указывает на использование парусов (Заходер, 1962, с. 23). Основные рейсы шли к южному и западному побережьям, но существовали и северные экспедиции – караванами судов весной, в период паводка и после охотничьего сезона (Заходер, 1962, с. 24).

В хазарский период сложилась разветвленная сеть циркумкаспийских торговых путей, где Саксин унаследовал функции Итиля как ключевого перевалочного пункта.

Ещё в 1969 г. Г.А. Фёдоров-Давыдов обосновал локализацию Саксина в Нижнем Поволжье (Фёдоров-Давыдов, 1969, с. 253–261). Археологические исследования конца XX – начала XXI вв. на Самосдельском городище, где впервые обнаружены домонгольские слои, подтвердили эту гипотезу (Васильев, 2015, с. 189–267).

Наиболее подробные сведения о Саксине содержатся в трудах ал-Гарнати, прожившего здесь 20 лет с 1130 г. (ал-Гарнати, 2010, с. 31–33). Его описание морского путешествия из Дербента в «страну хазар» свидетельствует о сохранении хазарского населения в регионе и о регулярном каспийском судоходстве. Об этом же говорят ширванские монеты XII в., найденные на городище (Гончаров, 2011, с. 144–148), и упоминания ал-Гарнати о месячном плавании до Хорезма (ал-Гарнати, 2010, с. 51; Кушаев, 2012, с. 143).

Важным артефактом стал обнаруженный в 2003 г. красноглиняный сфероконус XII в. с гравировкой корабля (Гречкина, Зиливинская, 2004; Зиливинская и др., 2006, с. 24–35), имеющий аналоги в дагестанских музеях (Зиливинская, 2010, с. 140–144; Болдырева, 2012, с. 75–77).

Саксин был крупным торговым центром, о чём говорят многонациональное купечество, включая магрибинцев (ал-Гарнати, 2010, с. 31); находки импортных товаров со всего евразийского пространства; экспорт рыбы и соли в Булгар (ал-Гарнати, 2010, с. 33); массовая заготовка шкур для булгарских кожевенников (Яворская, 2022, с. 13–19).

Товарность собственно области Саксин отличалась низким уровнем развития. Как отмечает Е.Ю. Гончаров, уже в IX–X вв. монетный поток из Халифата миновал дельту Волги – здесь практически отсутствуют находки монет, свидетельствующие о развитых товарно-денежных отношениях (Гончаров, 2011, с. 144–149). Парадоксально, что при обилии импортных товаров в слоях XI–XII вв. найдена лишь одна монета, несмотря на активное денежное обращение в соседних регионах (Гончаров, 2011, с. 146–147). Это объясняется следующими факторами: неразвитостью внутреннего рынка и преобладанием натурального обмена, ролью Саксина как транзитного пункта, а не центра торговли, использованием свинца («чёрного олова») как местного эквивалента (Васильев, Сьянова, 2012, с. 36–42; Васильев, 2015, с. 189–267).

Керамические находки свидетельствуют о связях с Юго-Западным и Южным Прикаспи-

ем, Закавказьем, Волжской Булгарией (Болдырева, 2016, с. 157–168)

Особый интерес представляют каменные находки (кремень, песчаник, ракушечник), вероятно являющиеся трюмным балластом судов, прибывавших с Мангышлака. Морские связи подтверждаются сообщениями ал-Гарнати о плавании в Хорезм, свидетельствами Ибн Хаукаля о хазарских беженцах на Мангышлаке и в Азербайджане (Бартольд, 1968, с. 516–517), а также возможным сухопутным маршрутом в Хорезм при низком уровне Каспия (Гумилёв, 2004, с. 14; Зиливинская и др., 2003, с. 5; Артамонов, 2001, с. 589). Находки аналогичной «савирской/суварской» керамики на городище Кызыл-Кала (Мангышлак) подтверждают эти связи (Попов, 2018, с. 144–163; Васильев, 2015, с. 189–267).

Кызыл-кала, по мнению А.Е. Астафьева, являлась ключевым перевалочным пунктом на пути из Хорезма в Нижнее Поволжье. Согласно Макдиси (X в.), караванный путь от Ургенча занимал 25 дней до Кызыл-калы и ещё 10–12 дней до Итиля, что связывало её с приморскими торжищами (Верхотуров, 2009). Помимо Кызыл-Калы на Мангышлаке известны обнаруженные А.Е. Астафьевым археологические памятники, демонстрирующие связь с Нижним Поволжьем: торжище XII–XIII вв. у кладбища Ажбаба, городище IX–X вв. в каньоне Каракавак с булгаро-хазарской керамикой (Верхотуров, 2009).

Хорезмская экспансия X в. в Нижнем Поволжье привела к созданию хорезмийской колонии в Итиле, а также к установлению контроля над Нижней Волгой после 965 г. Возможно, с этими событиями и связано основание Кызыл-калы как хорезмийского форпоста (Толстов, 1948, с. 241–255).

Нам известны некоторые нумизматические параллели между Кызыл-калой и Самосдельским городищем. Здесь обнаружены медные и золотые монеты хорезмшахов Текеша (1172–1200) и Мухаммада (1200–1220). Е.Ю. Гончаров считал, что данные монеты попали в Нижнее Поволжье с беглецами от монгольской экспансии (Гончаров, 2011, с. 149). Однако не исключён вариант, что это возможное материальное свидетельство активизации торговли, а не только миграций.

Возможным свидетельством наличия связей между дельтой Волги и Юго-Западным Прикаспием являются поставки свинца из Шиза и Арапа (Источники..., 2007, с. 132–133), а также сфероконусы закавказских типов на Самосдельском городище (Зиливинская, 2011, с. 13–35).

Торговые связи Нижнего Поволжья с Азербайджаном ярче всего прослеживаются по глазурованной керамике и стеклянным изделиям, производившимся в городах «иранского мира», включая Ширван (Мурадалиева, 2010, с. 224). Морские перевозки этих товаров из Баку и Дербента подтверждаются находками керамики на дне Каспия (Мурадалиева, 2010, с. 220).

На Самосдельском городище обнаружены ранние импорты X в. – чаши с бесцветной/зеленоватой поливой, зафиксированы массовые поставки посуды XI–XII вв., имеющие прямые аналоги в Дербенте. С Дербентом Самосделку связывает идентичность технологии обжига (посуда в горне укладывается «горками», оставляя специфические следы на боках соседних сосудов), наличие бракованных экземпляров. Возможно, в городе Саксине работали мастера – выходцы из Дербента. Основные типы керамики, встречающиеся в Саксине и на территории Азербайджана, – это чаши с зеленой поливой и гравировкой, полихромные изделия в технике «сграффито» (аналоги Шамкиру XI–XII вв.) (Dostiyev, 2010, с. 140, 157).

Особый интерес представляют крупные чаши на дисковидном поддоне с полихромным декором, аналогичные находкам в Старой Гяндже (Левиатов, 1940, рис. 24) и Орен-Кале (XII – 1 пол. XIII вв.) (Якобсон, 1959, рис. 3а).

При этом клейма на сосудах из Орен-Калы (включая экземпляры с «сетчатым» узором) доказывают их местное производство и торговые связи с Самосделкой (Якобсон, 1959, с. 289, рис. 9; Левиатов, 1940, рис. 38).

Ключевым аргументом, подтверждающим связь между оренкалинской и самосдельской керамикой, служит мастерская надпись на одной из чаш: «Сделал Махмуд, сын Юсуфа гончар» (Волков, 2000, с. 46). Любопытно, что в Орен-Кале обнаружен фрагмент аналогичной чаши с подписью мастера Юсуфа (Гюзальян, 1965, с. 22), что позволяет предположить родственную связь между создателями этих сосудов. Хотя данное предположение остаётся гипотетическим, оно убедительно свидетельствует о тесных культурных контактах между Саксином и Орен-Калой (Волков, 2000, с. 46).

Эти характерные чаши, широко распространённые в Закавказье в XII – первой половине XIII века (Якобсон, 1959, с. 256), встречаются и в других регионах – единичные экземпляры в Болгаре (Полубояринова, 2008, с. 58, 60) и на городище Сарайчик (Самашев и др., 2008, с. 174). Подобное распределение позволяет реконструировать маршруты их распространения: сначала в Саксин, затем – вверх по Волге и на восток, в казахстанские степи.

Итак, на основе всего вышесказанного мы можем констатировать, что Нижневолжский регион в эпоху Средневековья представлял собой перекрёсток торговых путей, а точнее – точку, где сходились и распределялись торговые потоки сложной системы каспийской торговли и восточноевропейской торговли. Через «бутылочное горлышко» нижневолжских торговых городов, где происходила перевалка товаров с морских судов на речные, и наоборот, проходили товары, следовавшие как с юга на север, так и с севера на юг. Тут встречались балтийский и волынский янтарь с закамскими и зауральскими мехами, средневолжский лес с нижневолжскими кожами и солью, вяленой рыбой и рыбьим клеем, а также с персидским и арабским серебром, закавказской и иранской глазурованной посудой, самоцветами Урала и Афганистана. Важнейшими пунктами морской и речной торговли в Нижнем Поволжье являлись в хазарское время город Итиль (Атиль), а в XI–XIV вв. – сменивший его город Саксин.

ЛИТЕРАТУРА

Абу Хамид ал-Гарнати. Сочинения. М.: Директ-Медиа, 2010. 184 с.

Артамонов М.И. История хазар. СПб.: Лань, 2001. 688 с.

Ашурбейли С. История города Баку. Период средневековья. Баку: Азернешр, 1992. 424 с.

Бартольд В.В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира // Сочинения. Т. II Ч. I. М.: Восточная литература, 1963. С. 651–772.

Болдырева Е.М. Влияние городов Северного Кавказа на Нижнее Поволжье в домонгольский период (по материалам раскопок городища Самосделка) // Северокавказский город в региональном историческом процессе. Материалы Международной научной конференции (Каспийск, 18–19 сентября 2012 г.) / Отв. ред. Э.М. Далгат. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН; АЛЕФ, 2012. С. 75–77.

Болдырева Е.М. Поливная керамика Нижнего Поволжья в X – 1-й пол. XIV вв. (по материалам Самосдельского городища). Дисс. … канд. ист. наук. М.: МГУ, 2016. 250 с.

Васильев Д.В. Нижнее Поволжье в хазарскую эпоху (VIII-X вв.). Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2021. 58 с.

Васильев Д.В. Новые данные о городе и области Саксин // Поволжская археология. 2015. № 2 (12). С. 189–267.

Васильев Д.В., Сьянова О.А. Свинцовые изделия из материалов Самосдельского городища // Астраханские краеведческие чтения. Вып. 4 / под ред. А.А. Курапова. Астрахань: Сорокин Роман Васильевич, 2012. С. 36–42

Верхотуров Дмитрий. Древние города Мангышлака. Dialog.kz 15 сентября 2009 (Электронный ресурс). Доступно по URL: https://dialog.kz/articles/kultura/2009-09-15/dmitriy-verhoturov-drevnie-goroda-mangyshlaka (дата обращения: 17.11. 2024).

Волков И.В. Ширванский керамический импорт в золотоордынских городах // Средняя Азия. Археология, история, культура. Материалы международной конференции, посвященной 50-летию научной деятельности Г.В. Шишкиной / Ред. Т.Г. Алпаткина, С.Б. Болелов, О.Н. Иневаткина, Т.К. Мкртычев. М.: Государственный музей Востока, 2000. С. 45–50.

Гончаров Е.Ю. Очерк нумизматики Самосдельского городища // Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации / Отв. ред. Д.В. Васильев. Астрахань: Сорокин Роман Васильевич, 2011. С. 146–150.

Гречкина Т.Ю., Зиливинская Э.Д. Отчет о раскопках на Самосдельском городище в Камызякском районе Астраханской области в 2003 году. М., Астрахань, 2004 // Архив ИА РАН.

Гумилёв Л.Н. Открытие Хазарии. М.: Айрис-пресс, 2004. 416 с.

Дубов И.В. Великий волжский путь. Л.: ЛГУ, 1989. 256 с.

Заднепровский Ю.А. Трансазиатский путь – ветвь Шелкового пути по археологическим данным // Заднепровский Ю.А. Древние номады Центральной Азии (сборник статей). СПб.: ИИМК РАН, 1997. С. 79–90.

Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. 1. Горган и Поволжье в IX–X вв. М.: Восточная литература, 1962. 281 с.

Зиливинская Э.Д. О связях Нижнего Поволжья и Северного Кавказа в хазарское время // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа / Отв. ред. М.Б. Мужухоев. Магас: Пилигрим, 2010. С. 140–144.

Зиливинская Э.Д. Раскоп №1 // Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации / Отв. ред. Д.В. Васильев. Астрахань: Сорокин Роман Васильевич, 2011. С. 13–35.

Зиливинская Э.Д., Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю. Раскопки на городище Самосделка в Астраханской области в 2000–2004 гг. // РА. 2006. № 4. С. 24–35.

Иерусалимская А.А. К интерпретации главных трасс Великого шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье // Формирование и развитие трасс Великого шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье. Тезисы докладов международного семинара ЮНЕСКО (Самарканд, 1-6 окт. 1990 г.) / Ред. А.А. Аскаров. Ташкент: Фан, 1990. С. 58–60.

Источники по истории Азербайджана: для семинар. и практ. занятий / Под ред. С. С. Алиярова, Я. М. Махмудова. Баку: Азернешр, 1989. 321 с.

Кушаев Г.А. Этюды предыстории г. Уральска и его округи // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2012. № 1. С. 138–153.

Левиатов В.Н. Керамика Старой Ганджи. Баку: Фан, 1940. 44 с.

Минкевич-Мустафаева Н.В. Раскопки гончарных печей на городище Орен-Кала // Труды Азербайджанской (Орен-Калинской) археологической экспедиции. Т. I / МИА. № 67 / Отв. ред. А.А. Иессен. М.; Л.: АН СССР, 1959. С. 174–185.

Мурадалиева Э. Золотой век городов Азербайджана // Кавказ и глобализация. 2010. Т. 4. Вып. 1–2. С. 217–230.

Полубояринова М.Д. Торговля Болгара // Город Болгар: культура, искусство, торговля / Отв. ред. П. Н. Старостин. М.: Наука, 2008. С. 28–108.

Попов П.В. Керамический комплекс Самосдельского городища IX - XIV вв. Дисс. …канд. ист. наук. М., 2018. 330 с.

Самашев З., Кузнецова О., Плахов В. Керамика Сарайчика (на казахском, русском и английском языках). Алматы: ZUR advertising, 2008. 264 с.

Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л., АН СССР, 1948. 328 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Город и область Саксин в XII–XIV вв. // Древности Восточной Европы / МИА. № 169 / Отв. ред. Л.А. Евтюхина. М.: Наука, 1969. С. 253–261.

Чичко Т.В. Восточная торевтика в системе культурных связей и военно-политической истории населения Прикамья и Приуралья в раннем средневековье (конец VI - первая половина IX вв.). Дисс. … канд. ист. наук. Воронеж, 2016. 259 с.

Яворская Л.В. К проблеме обеспечения мясными продуктами золотоордынских городов Нижней Волги: новые исследования археологических коллекций // Археология Евразийских степей. 2022. № 4. С. 13–19.

Якобсон А.Л. Художественная керамика Байлакана (Орен-Кала) // Труды Азербайджанской (Орен-Калинской) археологической экспедиции. Т. I / МИА. № 67 / Отв. ред. А.А. Иессен. М.; Л.: АН СССР, 1959. С. 219–302.

Янин В.Л. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М.: Языки славянской культуры, 2009. 423 с.

Dostiyev T. Orta Əsr Şəmkir şəhər yeri. Səmkir arxeoloji ekspedisiyasinin tədqiqatlari. Baki, 2010. 268 səhifə.

Информация об авторе:

Васильев Дмитрий Викторович, кандидат исторических наук, доцент, руководитель Школы «Археология Нижнего Поволжья», Астраханский государственный университет имени В.Н. Татищева (г. Астрахань, Россия); старший научный сотрудник, Астраханский музей-заповедник (г. Астрахань, Россия); hvdv@mail.ru

REFERENCES

Abu Hamid al-Gharnati. 2010. *Sochineniia (Works).* Moscow: “Direct-Media” Publ. (in Russian)

Artamonov, M. I. 2001. *Istoriya Khazar (History of the Khazars).* Saint Petersburg: “Lan’” Publ. (in Russian).

Ashurbeyli, S. 1992. *Istoriya goroda Baku. Period srednevekov'ya (History of the city of Baku. The medieval period)*. Baku: “Azerneshr” Publ. (in Russian).

Bartol'd, V. V. 1963. In *Sochineniia (Works)* 2, part 1. Moscow: “Vostochnaya literatura” Publ., 651–772 (in Russian).

Boldyreva, E. M. 2012. In Dalgat, E. M. (ed.). *Severokavkazskiy gorod v regional'nom istoricheskom protsesse* (*North Caucasian city in the regional historical process).* Makhachkala: Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, “ALEF” Publ., 75–77 (in Russian).

Boldyreva, E. M. 2016. *Polivnaya keramika Nizhnego Povolzh'ya v X – 1-y pol. XIV vv. (po materialam Samosdel'skogo gorodishcha) (Glazed pottery of the Lower Volga region in the 10th – 1st half of the 14th centuries)* Diss. of Candidate of Historical Sciences. Moscow (in Russian).

Vasiliev, D. V. 2021. *Nizhnee Povolzh'e v Khazarskuyu epokhu (VIII–X vv.) The Lower Volga Region in the Khazar era (8th –10th centuries))*. Astrakhan: “R. V. Sorokin” Publ (in Russian).

Vasiliev, D. V. 2015. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 12 (2), 189–267 (in Russian).

Vasiliev, D. V., S’yanova, O. A. 2015. In Kurapov A.A. (ed.). *Astrakhanskie kraevedcheskie chteniia (Astrakhan Readings of Local History)* VII. Astrakhan: “Sorokin R.V.” Publ., 36–42 (in Russian).

Verkhoturov Dmitry, 2024. In *Dialog.kz* September 15, 2009 (Electronic resource). Available at: https://dialog.kz/articles/kultura/2009-09-15/dmitriy-verhoturov-drevnie-goroda-mangyshlaka . (accessed: 17.11.2024) (in Russian)

Volkov, I. V. 2000. In Alpatkina, T. G., Bolelov, S. B., Inevatkina, O. N., Mkrtychv, T. K. (eds.). *Srednyaya Aziya. Arkheologiya, istoriya, kul'tura (Central Asia. Archaeology, history, culture).* Moscow: *State Museum of Oriental Art, 45–50 (in Russian).*

Goncharov, E. Yu. 2011. In Vasiliev, D. V. (ed.). *Samosdel'skoe gorodishche: voprosy izucheniia i interpretatsii (Samosdelka Settlement: Issues of Study and Interpretation).* Astrakhan: “Sorokin R.V.” Publ., 146–150 (in Russian).

Grechkina, T. Yu., Zilivinskaya, E. D. 2004. *Otchet o raskopkakh na Samosdel'skom gorodishche v Kamyzyakskom rayone Astrakhanskoy oblasti v 2003 godu (Report on the excavations at Samosdelskoye ащкешашув settlement in the Kamyzyak district of the Astrakhan region in 2003).* Moscow; Astrakhan. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Gumilev, L. N., 2004. *Otkrytie Khazarii (The discovery of Khazaria).* Moscow: “Iris-press” (in Russian).

Dubov, I. V. 1989. *Velikii Volzhskii put' (The Great Volga Route)*. Leningrad: Leningrad State University (in Russian).

Zadneprovsky, Yu. A. 1997. In Zadneprovsky, Yu. A. *Drevniye nomady Tsentral'noy Azii (Ancient nomads of Central Asia)*. Saint Petersburg: Institute of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, 79–90 (in Russian)

Zakhoder, B. N. *Kaspiyskiy svod svedeniy o Vostochnoy Evrope. T. 1. Gorgan i Povolzh'e v IX–X vv. (The Caspian Corpus of Information on Eastern Europe. Vol. 1. Gorgan and the Volga Region in 9th – 10th cc.)* Moscow: “Vostochnaya literatura” Publ. (in Russian).

Zilivinskaya, E. D. 2010. In Muzhukhoev, M. B. (ed.). Problemy khronologii i periodizatsii arkheologicheskikh pamyatnikov i kul'tur Severnogo Kavkaza. XXVI «Krupnovskie chteniya» po arkheologii Severnogo Kavkaza *(Issues of chronology and periodization of archaeological sites and cultures of the North Caucasus. XXVI Krupnov Readings on the Archaeology of the North Caucasus).* Magas: “Pilgrim” Publ., 140–144 (in Russian).

Zilivinskaya, E. D. 2011. In Vasiliev, D. V. (ed.). *Samosdel'skoe gorodishche: voprosy izucheniia i interpretatsii (Samosdelka Settlement: Issues of Study and Interpretation).* Astrakhan: “Sorokin R.V.” Publ., 13–35 (in Russian).

Zilivinskaya, E. D., Vasiliev, D. V., Grechkina, T. Yu. 2006. In *Rossiiskaia Arkheologiia* (*Russian Archaeology*) (4), 24–35 (in Russian).

Ierusalimskaya, A. A. 1990. In Askarov, A. A. (ed.). *Formirovaniye i razvitiye trass Velikogo shelkovogo puti v Tsentral'noy Azii v drevnosti i srednevekov'ye. Tezisy dokladov mezhdunarodnogo seminara YUNESKO (Formation and development of the routes of the Great Silk Road in Central Asia in ancient times and the Middle Ages. Abstracts of the international UNESCO seminar).* Tashkent: "Fan" Publ., 58–60 (in Russian)

Aliyarov, S. S., Makhmudov, Ya. M. (ed.). 1989. *Istochniki po istorii Azerbaydzhana (Sources on the history of Azerbaijan).* Baku: "Azerneshr" Publ. (in Russian).

Kushaev, G. A., 2012. In *Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazakhstana (Issues of History and Archaeology of Western Kazakhstan)* 1, 138–153 (in Russian).

Leviatov, V. N. 1940. *Keramika Staroy Gandzhi (Ceramics of Old Ganja)*. Baku: "Fan"Publ. (in Russian)

Minkevich-Mustafaeva, N. V. 1959. In Iessen, A. A. (ed.). *Trudy Azerbaydzhanskoy (Oren-Kalinskoy) arkheologicheskoy ekspeditsii (Proceedings of the Azerbaijan (Oren-Kala) Archaeological Expedition).* Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 67. Moscow; Leningrad: the USSR Academy of Sciences, 174–185 (in Russian).

Muradalieva, E. 2010. In *Kavkaz i globalizatsiya (The Caucasus and Globalization)* 4 (1–2), 217–230 (in Russian)

Poluboyarinova, M. D. 2008. In Starostin, P. N. (ed.). *Gorod Bolgar. Kul'tura, iskusstvo, torgovlia (City of Bolgar. Culture, Art, Trade).* Moscow: "Nauka" Publ., 28–108 (in Russian).

Popov, P. V. 2018. *Keramicheskiy kompleks Samosdel'skogo gorodishcha IX - XIV vv. (Ceramic complex of Samosdelsky fortified settlement of the 9th - 14th centuries).* Diss. of Candidate of Historical Sciences. Moscow. (in Russian)

Samashev, Z., Kuznetsova, O., Plakhov, V. 2008. *Keramika Saraychika* (na kazakhskom, russkom i angliyskom yazykakh) *(Ceramics of Saraichik hillfort)*. Almaty: "ZUR advertising" Publ. (in Kazakh, Russian and English).

Tolstov, S. P. 1948. *Po sledam drevnekhorezmiyskoy tsivilizatsii (In the footsteps of the ancient Khorezm civilization).* Moscow; Leningrad: the USSR Academy of Sciences (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1969. In Evtyukhova, L. A. (ed.). *Drevnosti Vostochnoi Evropy (K 70-letiiu A. P. Smirnova) (Antiquities of Eastern Europe (to the Anniversary of 70 Years from the Birth of A.P. Smirnov))*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 169. Moscow: "Nauka" Publ., 253–261 (in Russian).

Chichko, T. V. 2016. *Vostochnaya torevtika v sisteme kul'turnykh svyazey i voenno-politicheskoy istorii naseleniya Prikam'ya i Priural'ya v rannem srednevekov'e (konets VI - pervaya polovina IX vv.) (Eastern toreutics in the system of cultural ties and military-political history of the population of the Kama region and the Cis-Urals in the early Middle Ages (late 6th - first half of the 9th centuries))*. Diss. of Candidate of Historical Sciences. Voronezh. (in Russian).

Yavorskaya L.V. 2022. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 13–19 (in Russian).

Yakobson, A. L. 1959. In Iessen, A. A. (ed.). *Trudy Azerbaydzhanskoy (Oren-Kalinskoy) arkheologicheskoy ekspeditsii (Proceedings of the Azerbaijan (Oren-Kala) Archaeological Expedition).* Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 67. Moscow; Leningrad: the USSR Academy of Sciences, 219–302 (in Russian).

Yanin, V. L. 2009. *Denezhno-vesovye sistemy domongol'skoy Rusi i ocherki istorii denezhnoy sistemy srednevekovogo Novgoroda (Monetary and Weighing Systems of Pre-Mongol Rus and Essays on the History of the Monetary System of Medieval Novgorod)*. Moscow: "Yazyki slavianskoi kul'tury" Publ. (in Russian).

Dostiyev, T. 2010. *Orta Əsr Şəmkir şəhər yeri. Səmkir arxeoloji ekspedisiyasinin tədqiqatlari (Medieval Shamkir city site. Research of the Shamkir archaeological expedition)*. Baku (in Azerbaijanian).

About the Author:

Vasiliev Dmitry V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Astrakhan State University. Tatischev St., 20a, Astrakhan, 414056, Russian Federation; Astrakhan Museum-Reserve. Sovetskaya St, 15, Astrakhan, 414000, Russian Federation (Astrakhan, Russia); hvdv@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.05.2025 г.
Статья принята к публикации 21.05.2025 г.

УДК 904/902.672 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.5.252.261

ПАМЯТНИКИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ[1]

©2025 г. Д.З. Сагидуллаев, А.Г. Ситдиков

В представленной статье проводится комплексное исследование археологических памятников улуса Джучи, расположенных в бассейне реки Урал. Основной целью работы является системный анализ и уточнение возможных локаций объектов золотоордынского периода на основе уже выявленных археологических комплексов, а также с привлечением данных исторической картографии. В ходе исследования были использованы методы сравнительного анализа пространственного распределения известных памятников, а также интерпретация исторических картографических источников XIX–XX веков. Особое внимание уделено топографическим особенностям расположения археологических объектов и их связи с сетью караванных путей, отраженных в архивных картографических материалах. Проведенные в 2023 году полевые исследования позволили пересмотреть существующие представления о закономерностях распределения памятников в данном регионе. В результате детального анализа топографии и сопоставления с маршрутами транзитных дорог, зафиксированных в исторических источниках, были выявлены потенциальные направления для поиска новых археологических объектов. Полученные данные свидетельствуют о высокой вероятности обнаружения ранее неизученных памятников золотоордынской эпохи в пределах исследуемого ареала.

Ключевые слова: археология, Золотая Орда, торговые пути, поселение, некрополи, река Урал, Узени, Камыш-Самар

GOLDEN HORDE MONUMENTS IN WEST KAZAKHSTAN REGION[2]

D.Z. Sagidullayev, A.G. Sitdikov

This paper presents a comprehensive study of archaeological sites associated with the Ulus of Jochi located in the Ural River basin. The primary objective of this study is to conduct a systematic analysis and refine the possible locations of Golden Horde sites based on previously identified archaeological complexes, supplemented by historical cartographic data. The study employs comparative analysis methods to examine the spatial distribution of known monuments, along with the interpretation of historical cartographic sources from the 19th and 20th centuries. Particular attention is given to the topographic characteristics of these archaeological sites and their correlation with caravan routes documented in archival cartographic materials. Field studies conducted in 2023 have allowed for a reassessment of existing assumptions concerning the distribution patterns of monuments in the region. Potential areas for the discovery of new archaeological sites were identified as a result of detailed topographic analysis and cross-referencing with historical transit routes. The findings indicate a high probability of locating previously undocumented Golden Horde monuments within the studied area.

Keywords: archaeology, Golden Horde, trade routes, settlement, necropolises, Ural River, Uzeni, Kamysh-Samar

Территория Западно-Казахстанской области занимала приграничное положение с центральными регионами Золотой Орды, выполняя важную транзитную функцию. Основная часть региона расположена в Каспийской низменности и северная зона представляет собой возвышенность «Общий Сырт» с горно-холмистым рельефом и темно-каштановыми почвами. Южные районы относятся к аридной зоне с характерными мелкими

[1] Настоящая работа выполнена при поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования РК в рамках научного проекта ИРН AP19174780, посвященного изучению исторической географии Северо-Восточного Прикаспия в золотоордынский период.

[2] This work was carried out with the support of the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan within the framework of the scientific project IRN AP19174780 dedicated to the study of the historical geography of the Northeastern Caspian region in the Golden Horde period.

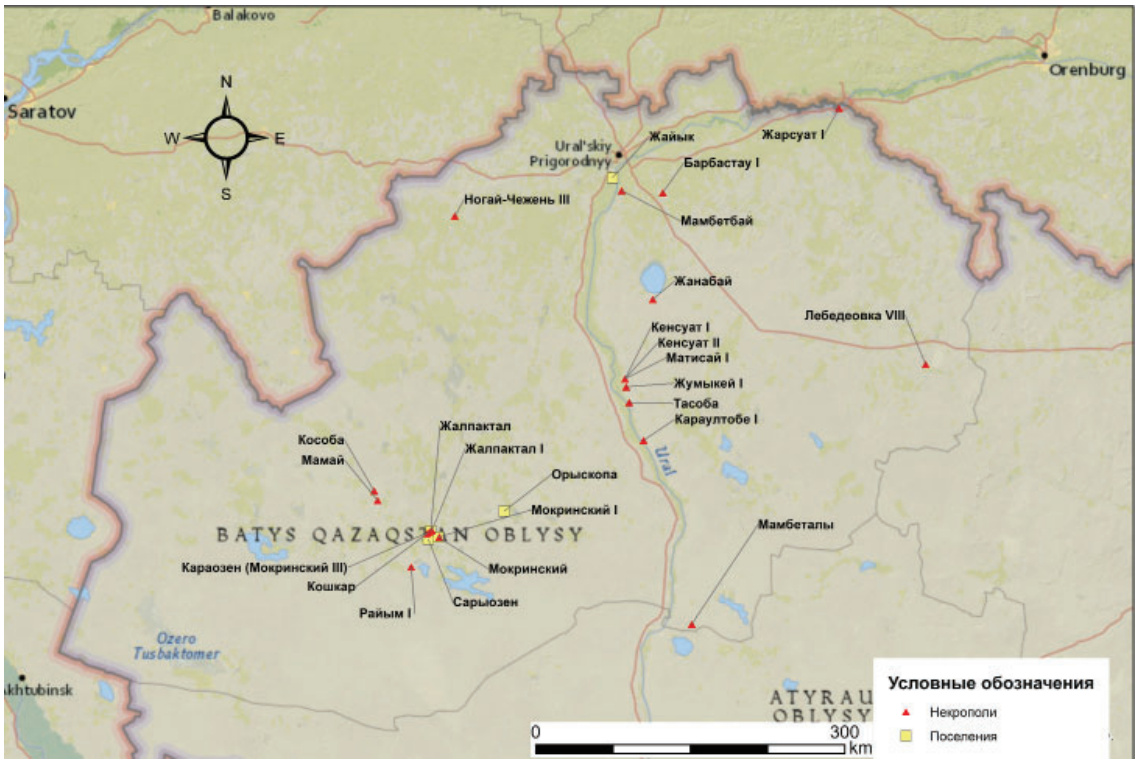

Рис. 1. Золотоордынские памятники Западно-Казахстанской области
Fig. 1. Golden Horde monuments of West Kazakhstan Region

реками, теряющимися в песках. Гидрографическая сеть включает крупные водные артерии – реки Урал, Большие и Малые Узени и малые реки Чижа, Шынгырлау, Анкаты, Шидерты, Оленты, Калдыгайты и др. Регион традиционно развивался в рамках кочевой культуры и укрепление централизованной власти в улусе Джучи способствовало развитию активной торговли, проникновению оседлых традиций Поволжья в Приуралье. Постоянное движение торговых караванов отразилось в материальной культуре региона, в трансформации погребальных обрядов под влиянием ислама.

Комплексное изучение памятников региона впервые было осуществлено в 1970–1980-х годах Г.А. Кушаевым. В результате его исследований были выявлены следующие золотоордынские объекты: Лебедевка, Мокринский I, Барбастау I, Жарсуат I, Мамбетбай, Мамбеталы, Кособа, Мамай, Ногай-Чежин III (Кушаев, 1973; 1980; 1985). Новый этап исследований начался в 2001 году с раскопок К.М. Байпакова (Байпаков, Смагулов и др., 2005) на поселении Жайык. Впоследствии его экспедиция локализовала местонахождение поселения Сарыузень (Байпаков, 2006). С 2010 года под руководством Д.В. Марыксина были организованы раскопки на поселении Жалпактал (рис. 1). Д.В. Марыксин также провел исследования на некрополях Караултобе I, Мокринский I, Жалпактал I, Караозен (Мокринский III), Кошкар, курганный комплекс Райым I (Кригер, Марыксин, 2008; Марыксин, 2009; 2011; 2012; 2013; 2015).

Археологические исследования начала XXI века позволили выявить сеть золотоордынских поселений, обнаружить погребальные комплексы и систематизировать данные по Западно-Казахстанской области.

Восемь ранее не зафиксированных мавзолейных комплексов были выявлены возле Кенсуата и Есенсая в ходе археологических исследований 2023 года на левобережье Урала в Акжаикском районе.

Находясь вблизи заброшенного речного русла XVIII–XX веков, некрополь Кенсуат I (50°00'91.2"C, 51°42'68.7"B) включает два мавзолея, расположенных в 2,5 км к северу от села Кенсуат и в 700 м к западу от трассы Уральск – Базаршолан. Эти сооружения образуют центральный элемент традиционного казахского кладбища, вытянуты по оси север – юг и окружены захоронениями соответствующего периода (рис. 2).

Результаты исследований свидетельствуют, что Мавзолей I обладает эллипсовидной

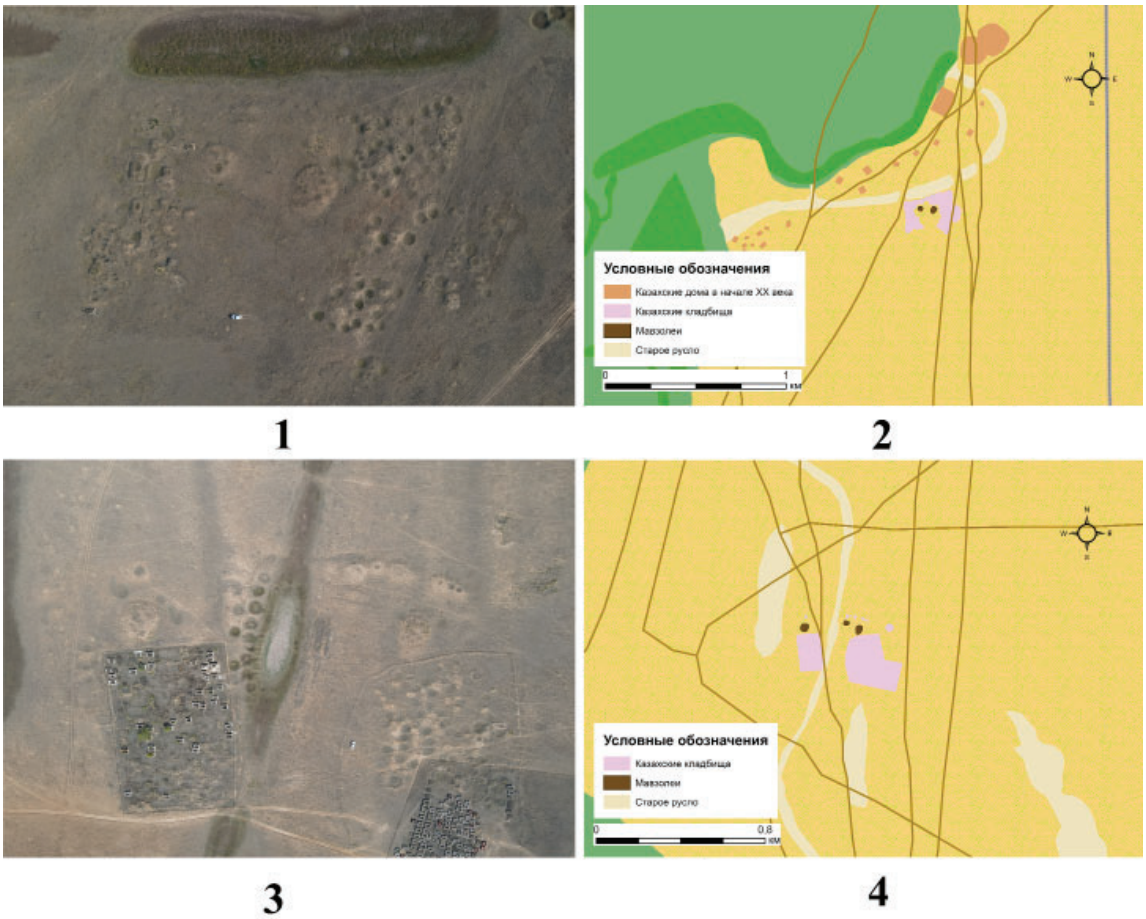

Рис. 2. 1-2 Кенсуат I, 3-4 Кенсуат II
Fig. 2. 1-2 Kensuat I, 3-4 Kensuat II

конфигурацией с северо-южной ориентацией. Данное сооружение, расположенное в 35 метрах восточнее Мавзолея II, имеет следующие габариты: продольная ось – 22 м, поперечная – 16 м при высоте 1 м. В непосредственной близости (5 м к северу) от Мавзолея обнаружена постройка четырёхугольной формы.

Необходимо отметить, что первоначальная форма Мавзолея I претерпела изменения под влиянием как человеческой деятельности, так и естественных факторов деградации. Обнаруженные на территории мавзолея и непосредственно на конструкции фрагменты обожжённого кирпича позволяют предположить существование кирпичной кладки в первоначальном архитектурном решении сооружения.

В пяти метрах к западу от первого мавзолея расположен шестиугольный Мавзолей II с округлыми формами, размеры которого в плане достигают 20×20 м при высоте около 70 см. В сравнении с Мавзолеем I, данный мавзолей отличается лучшей сохранностью, что объясняется минимальными следами антропогенных вмешательств. Единственным заметным дефектом является проседание грунта на южном фасаде, вызванное естественными процессами эрозии. Зафиксированная концентрация фрагментов жжёного кирпича в теле насыпи и прилегающей территории позволяет утверждать, что данный материал составлял основу первоначальной постройки (Сагидуллаев, 2024, с. 12–15).

В окрестностях поселка Кенсуат был зафиксирован комплекс Кенсуат II (49°98'88.7"С, 51°43'33.5"В), включающий парные мавзолейные постройки. Данный археологический объект занимает позицию в 250 метрах восточнее села и примыкает (5 м СЗ) к действующему кладбищу с погребальными памятниками казахского населения начиная с прошлого столетия.

Гидрографическая особенность территории проявляется в том, что участок рассечён древним руслом реки, которое естественным образом делит некрополь на две части. Это русло, вероятно, служило природной грани-

цей между разновременными погребальными комплексами.

На левом берегу старого канала, разделяющего кладбища, расположен Мавзолей I, характеризующийся прямоугольными очертаниями (длина 22 м, ширина 23 м, высота 1,3 м) с ориентацией по меридиану. Археологическая экспертиза выявила следы несанкционированных вмешательств, однако конструктивные особенности сооружения в целом сохранились.

В секторе от севера до запада от мавзолейного сооружения прослеживается группа возвышений. Анализ морфологии объекта позволяет выдвинуть гипотезу о применении в строительстве необожженных кирпичей. В западной части комплекса зафиксирована прямоугольная выпуклость, изолированная от основной постройки конусообразным углублением. Примерно в 40 м к западу локализовано место, предположительно использовавшееся для обжига кирпича.

На правобережье древнего канала, в 40 метрах южнее условного северного ориентира, находится Мавзолей II. Его конструкция представляет собой прямоугольное сооружение размерами 30×20 м с сохранившейся высотой 1,3 м. На поверхности мавзолея зафиксированы следы нескольких грабительских раскопов, выраженных в виде ям, однако общая планиграфическая структура объекта сохранила квадратные очертания.

Археологические исследования периметра мавзолея позволили выявить следы человеческой деятельности, включая группу округлых углублений и частично сохранившиеся элементы древней постройки. При обследовании прилегающей к Мавзолеям I и II территории было обнаружено значительное количество фрагментов керамического кирпича, что может свидетельствовать о наличии вблизи объектов производственной зоны, связанной с изготовлением строительных материалов (Сагидуллаев, 2024, с. 12–15).

Некрополь Матисай I (49°98'21.9"С, 51°43'46.0"В) представлен одиночным мавзолейным сооружением, локализованным в северной части одноимённой местности. Археологический объект расположен в 130 метрах от линии древнего гидротехнического сооружения, огибающего его с южного, юго-западного и западного направлений. Топографически мавзолей удален на 0,9 км к западу от автомобильной дороги Уральск – Базаршолан и на 0,95 км к юго-востоку от населенного пункта Кенсуат. Картографические данные фиксируют наличие нескольких исторических дорожных трасс в непосредственной близости от мавзолея (рис. 3).

Архитектурная форма Мавзолея I представляет собой гексагон с линейными размерами 20×20 м при высоте 1,1 м. В северо-восточном направлении от основного сооружения зафиксировано три антропогенных объекта, интерпретируемых как возможные места обжига кирпича, использовавшегося в строительстве мавзолея. Сохранность первоначальной архитектурной формы мавзолея обусловлена отсутствием следов грабительских раскопок. На поверхности мавзолея и в прилегающей территории зарегистрированы фрагменты кирпича, подвергшегося термической обработке (Сагидуллаев, 2024, с. 12–15).

В 7 км севернее поселка Есенсай в окрестностях местности Жумыкей расположен археологический комплекс Жумыкей I (49°94'53.4"N, 51°44'52.9"E). Объект удален на 350 м в западном направлении от трассы Урал – Базаршолан и находится южнее древнего водного пути, ныне используемого для аккумуляции талых вод. В состав некрополя входят три мавзолейных сооружения, окруженных с северо-западной и юго-восточной сторон остатками исторических гидротехнических систем.

В западном секторе археологического комплекса находится Мавзолей I, удаленный на 70 метров в южном направлении от водного канала. Прилегающая территория сохраняет следы исторического пути сообщения, который проходил в западной части и пересекал речную переправу. В северном направлении от мавзолея наблюдаются антропогенные углубления. Размеры сооружения составляют 30×25 м при высоте 1,5 м. Первоначальная прямоугольная конфигурация мавзолея нарушена в результате антропогенного воздействия, о чём свидетельствуют многочисленные поверхностные повреждения.

Мавзолей II занимает центральную часть некрополя, удалён на 45 м от канала. Сооружение имеет гексагональную форму с размерами 25×20 м и высотой 1,4 м. В прилегающей территории зафиксированы следы грабительских раскопок, приведших к разрушению южной части мавзолея и его частичному обрушению. В зоне распространения разру-

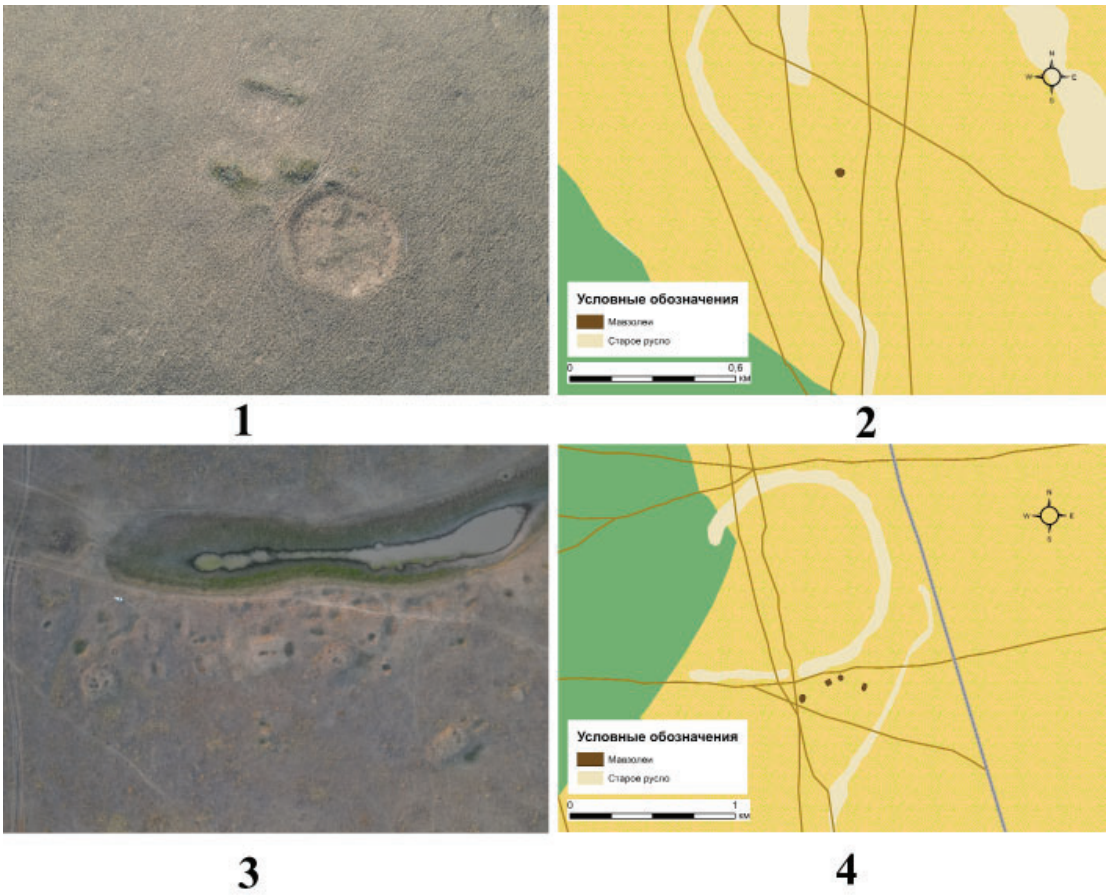

Рис. 3. 1-2 Матисай I, 3-4 Жумыкей I
Fig. 3. 1-2 Matisay I, 3-4 Zhumykey I

шений отмечены многочисленные фрагменты обожжённого кирпича.

Восточный сектор археологического комплекса содержит Мавзолей III, удаленный на 110 м от канала. Конструкция прямоугольной конфигурации (30×18 м) сохранила высоту 1,2 м. Археологические исследования выявили искусственные углубления в северной и восточной зонах, а также многочисленные фрагменты обожженного кирпича на поверхности и вблизи сооружения (Сагидуллаев, 2024, с. 12–15).

В ходе полевых исследований северного побережья озера Орыскопа (Жангалинский район) выявлено средневековое поселение площадью 500×300 м (49°29'30.6"С, 50°38'03.0"В). Археологический объект находится в пойменной местности, где зафиксировано массовое скопление средневековой керамики. Поселение, окруженное речной протокой, имеет единственный подход с северо-запада. В настоящее время речные берега полностью покрыты тростниковыми зарослями (рис. 4).

При изучении курганов в речной пойме (400 м на восток от Жанажола) обнаружены многочисленные черепки средневековой посуды. Поселение находится в 500 м к западу от Мокринского I могильника (координаты: 49°09'58.03"N, 49°80'38.06"E), отделяясь от основного течения Большого Узеня, чьи воды огибают село с востока и вливаются в старое русло. Предположительно, это поселение могильника Мокринский I (Сагидуллаев, 2024, с. 12–15).

Основная часть известных памятников на территории Западно-Казахстанской области сосредоточена в бассейнах рек Урал, Большой и Малый Узень. Вдоль реки Урал, в среднем течении, расположен некрополь Жарсуат I, вблизи города Уральска – поселение Жайык, а также Мамбетбай и Барбастау I, между селами Кенсуат и Караултобе находятся Кенсуат I, Кенсуат II, Мэтисай I, Жумыкей I, Караултобе I, в направлении Базаршолан – Кызылкога расположен Мамбеталы. Все эти памятники, кроме поселения Жайык, находятся на левой стороне Урала.

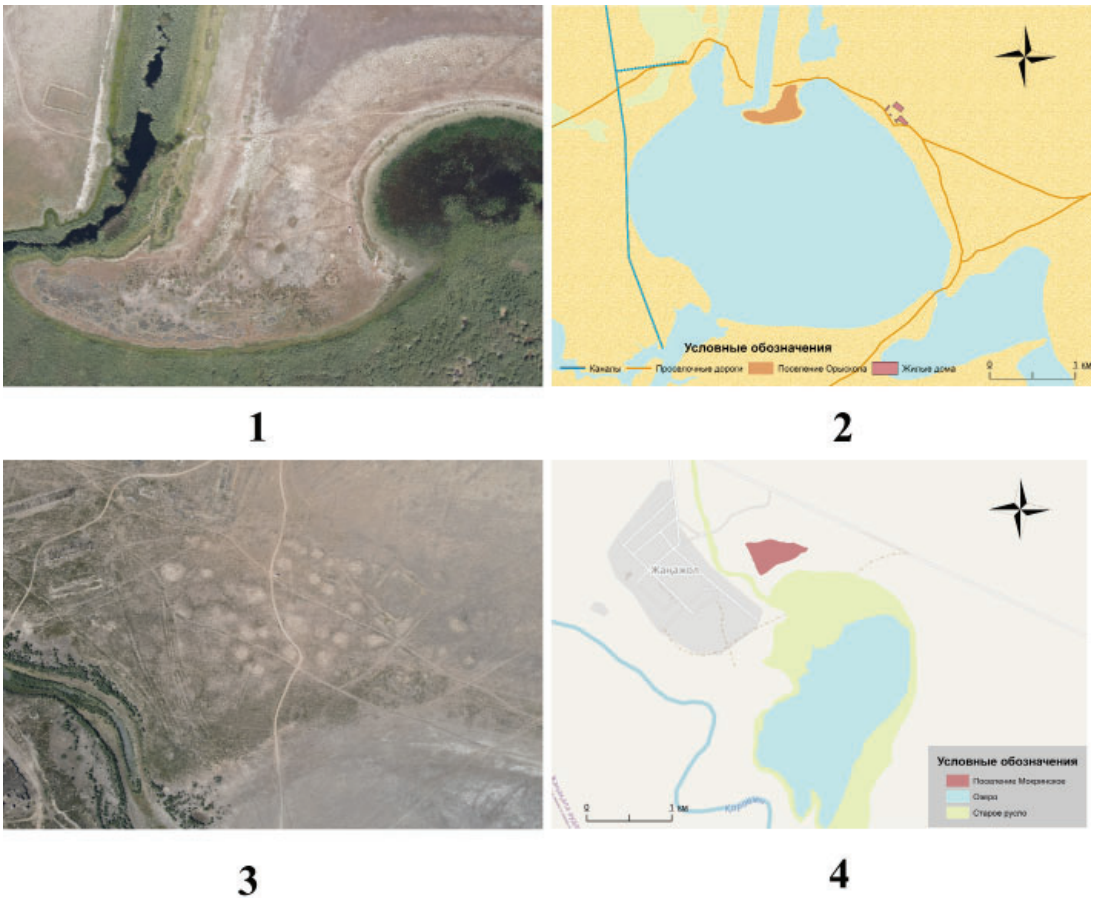

Рис. 4. 1-2 поселение Орыскопа, 3-4 поселение Мокринское
Fig. 4. 1-2 Oryskopa settlement, 3-4 Mokrinskoe settlement

Кроме того, на левой стороне Урала, к югу от озера Чалкар, находится могильник Жанабай и в районе Чингирлау, у села Сегизсай, расположен курганный комплекс Лебедевка.

В районе слияния рек Большой и Малый Узень, в Камыш-Самарском регионе, сосредоточена значительная часть средневековых поселений и захоронений.

В этой местности обнаружены поселения Жалпактал, Сарыозен, Мокринский, Орыскопа и могильники Мокринский I, Жалпактал I, Караозен, Кошкар, Райым I, Кособа, Мамай. Кроме того, в бассейне реки Чижа находится группа захоронений Ногай-Чежин III.

Вышеупомянутые регионы выделяются как основные центры сосредоточения памятников Золотой Орды на территории Западно-Казахстанской области, что обуславливает необходимость изучения следов их связей с памятниками других регионов.

То, что территория Западно-Казахстанской области расположена вблизи центральных районов улуса Джучи, а также факт прохождения торговых путей через территории районов Жанакала и Бокей Орды (регион междуречья Волги и Урала), особенно в направлениях Укека и Нового Сарая, не является случайностью.

Однако в нашем исследовании мы сочли необходимым провести сравнительный анализ информации о том, по каким именно направлениям эти пути подходили к известным нам памятникам, используя для этого как современные карты, так и исторические карты с обозначением старых дорог.

Прежде всего, обратимся к памятникам, известным по предыдущим исследованиям, но чье точное местоположение на сегодняшний день остается неопределенным, как указано на «Карте археологии Казахстана» и в исследованиях В.Л. Егорова.

На «Карте археологии Казахстана» под номером 1926 значится средневековое поселение и могильник у села Калмыков (ныне Тайпак), тогда как в списке объектом с неустановленным точным местоположением под номером 11 указано средневековое поселение в Калдыгайтинской волости (Акишев, Кушаев и др., 1960).

Кроме того, в работе В.Л. Егорова, опубликованной в 1985 году, упоминается поселение под названием Маулимберди в Актюбинской области, на берегу реки Ойыл, близ границы с Западно-Казахстанской и Атырауской областями (Егоров, 1985). Однако на сегодняшний день населенный пункт с названием Маулимберди в Актюбинской области на реке Ойыл неизвестен.

Тем не менее ближе всего к границе этих двух областей, в Акжаиксом районе, к востоку от села Базартобе, расположен крупный могильник под названием Маулимберди. По нашему предположению, В.Л. Егоров мог обозначить этот близлежащий район, а указанное на археологической карте неустановленное поселение и известный сегодня Маулимбердинский могильник могут быть связаны с местоположением данного средневекового памятника.

Нашу точку зрения подтверждают карты XIX – начала XX веков. А.И. Левшин (Левшин, 1831), составивший карту населенных пунктов на левой стороне Урала, нанес на карту «старую ногайскую» дорогу от Сарайчика до Ургенча, также указал путь, начинающийся у мавзолея Бакаш-аулие, пересекающий реки Сагыз, Жынгылды, Карабау и Ойыл и ведущий к Калмыковскому форпосту.

Упомянутая «старая ногайская» дорога, как нам известно, являлась торговым путем времен Золотой Орды, и мы можем наблюдать, что казаки продолжали пользоваться этими старинными маршрутами.

На карте Киргизской степи Оренбургского ведомства 1865 года (Карта, 1865) старые дороги показаны расходящимися в двух направлениях: от Таскешу к Сарайчику и к Калмыкову. От Калмыкова путь продолжался дальше, пересекая верховья рек Караозен и Сарыозен, огибал Рынь-пески по окраине, обходил озеро Эльтон и направлялся к Саратову. Кроме того, на карте обозначена дорога, ведущая от Уральска к Караозену.

На карте казахов Внутренней (Букеевской) Орды 1842 года (Карта, 1842) дорога, идущая от Уральска, проходила через Глиненский форпост (ныне село Жанаказан) и разделялась на два направления: первое – к Ханской Орде, второе – к городищу Селитренному (Сарай-Бату).

Дорога в направлении Селитренного пересекала Рынь-пески, тогда как путь к Ханской Орде, огибая Рынь-пески по окраине, вел к ставке в Жаскусе. От ханской ставки пути вновь расходились: северное направление, огибая Эльтон, шло к Саратову, и западное направление вело к Черному Яру (в направлении Сарай-Берке).

На карте уральских казаков 1890 года (Карта, 1890) обозначена дорога от Калмыкова к Глиненскому. Этот путь начинался от Калмыкова и проходил через озера Жалтырколь и Кысык-камыш (в районе современного села Жанакала), достигая конечного пункта.

На нефтяной карте Жайык-Эмбинского района 1932 года (Карта, 1932) были обозначены следующие маршруты: от Таскешу до Калмыково, далее в район Караозен и Сарыозен с продолжением пути к Ханской Орде и Астрахани.

На этой же карте отдельно показана дорога со стороны Таскешу, которая в районе Базаршолана поворачивала на север, шла к Уральску по левой стороне реки Урал, от Базаршолана поднималась вверх, проходя близ Калдыгайтинской волости, следовала вдоль современных Маулимбердинских могильников, огибала озеро Шалкар с правой стороны, шла вдоль горы Сантас, пересекала реку Барбастау, впадающую в Жайык, и направлялась в Уральск.

На карте переселенцев Уральского уезда 1909 года (Карта, 1909) указано, что данная дорога пересекала реку Барбастау, вела к Меновому двору (ныне село Подстепное), в месте пересечения Барбастау к ней присоединялось ответвление, основной путь переходил реку Урал в районе устья Барбастау. Этот район находится вблизи современного села Кемер, и здесь расположен некрополь Мамбетбай, где проводил раскопки Г.А. Кушаев. Вблизи дороги от Базаршолана до Менового двора расположены следующие: Караултобе I, Тасоба, Жумыкей I, Матисай I, Кенсуат II, Кенсуат I.

Подводя итоги, следует отметить, что на территории Западно-Казахстанской области выявлено пять поселений и около 20 погребальных комплексов золотоордынского периода, расположенных преимущественно вдоль водных источников в бассейне реки Урал, а также в районах Большого и Малого Узеней. Безусловно, эти памятники стали известны благодаря проведенным на сегодняшний день исследованиям. Однако мы полагаем, что анализ дорожных связей между этими объек-

тами позволит выявить новые археологические памятники.

Что касается торговых путей, идущих из Ургенча в Нижнее Поволжье, они могли проходить по двум основным направлениям: первое –Таскешу → Сарайчик → устье Урала → вдоль побережья Каспия; второе – Таскешу → Калмыково (ныне село Тайпак) → озера Едилсор и Кысык-камыш → реки Большие и Малые Узени → далее через Сорайдын к Сарай-Берке и Укеку, либо южнее – к Сарай-Бату.

Сопоставление известных археологических памятников с дорожной сетью, зафиксированной на исторических картах, представляет значительный интерес для будущих исследований и может стать важным направлением дальнейшей научной работы.

ЛИТЕРАТУРА

Археологическая карта Казахстана: Реестр / Сост. Е.И. Агеева, К.А. Акишев, Г.А. Кушаев и др. Алма-Ата: АН КазССР, 1960. 449 с.

Байпаков К.М. Отчет по теме: «Культурное наследие Западно-Казахстанской области: городище Жайык» 2005 года. Алматы, 2006. 126 с. // Архив Института археологии имени А.Х. Маргулана. Д. 2725.

Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ахатов Г.А. Средневековое городище Жайык. Алматы: Credo, 2005. 222 с.

Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. М.: Наука, 1985. 245 с.

Карта Внутренней Киргизской Орды, 1842 г.

Карта земли Уральского казачего войска, 1890 г.

Карта Киргизской степи Оренбурского ведомства, 1865 г.

Карта Тургайско-Уральского переселенческого района, Уральский уезд Уральской области, 1909 г.

Карта Урало-Эмбенского нефтеносного района, 1932 г.

Кригер В.А., Марыксин Д.В. Могильник Караултобе I (к вопросу о захоронениях в сырцовых оградках) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2008. № 1. С. 193–207.

Кушаев Г.А. Отчет об археологических раскопках в Уральской области в 1972 г. Уральск, 1973, 29 с. // Фонд научной библиотеки Западно-Казахстанского университета им. М. Утемисова. Д.4579.

Кушаев Г.А. Отчет об археологических раскопках и микроразведках 1985 г. в Каменском районе Уральской области. Уральск, 1985, 25 с. // Фонд научной библиотеки Западно-Казахстанского университета им. М. Утемисова. Д. 4589.

Кушаев Г.А., Кокебаева Г.К. Отчет об археологических раскопок Уральского пединститута в 1979 году. Уральск, 1980 г. 44 с. // Фонд научной библиотеки Западно-Казахстанского университета им. М. Утемисова, Д. 4595.

Левшин А.И. Карта земель принадлежащих Киргиз-Казакам и Туркестана. 1831 г.

Марыксин Д.В. Могильник эпохи Золотой Орды Мокринский I (по материалам работ 2008 года) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2009. №1. С. 246–272.

Марыксин Д.В. Отчет о раскопках курганного комплекса Лебедевка VIII, Мокринский I, Караозен и городища Жалпактал в 2011 году. Алматы, 2012. 33 с. // Архив Института археологии имени А.Х. Маргулана, дело 3033.

Марыксин Д.В. Отчет о раскопках городища Жалпактал, поселения Бауржан-Аяк и курганных комплексов Кошкар и Карозен в 2012 г. Уральск, 2013. 27 с. // Архив Западно-Казахстанского центра истории и археологии.

Марыксин Д.В. Отчет о раскопках курганных комплексов Райым I, Алебастрово I, Сегизсай (Лебедевка) VIII и городища Жалпактал в 2014 г. Алматы, 2015. 41 с. // Архив Института археологии имени А.Х. Маргулана. Д. 3204.

Марыксин Д.В., Джубанов А.А. Отчет о раскопках курганного комплекса Жалпактал I и городища Жалпактал. Алматы. Уральск, 2011. 120 с. // Архив Западно-Казахстанского центра истории и археологии.

Сагидуллаев Д.З. Результаты археологических исследований в Западно-Казахстанской области в 2023 году // Вопросы гуманитарных наук. 2024. № 4 (133). С. 12–15.

Информация об авторах:

Сагидуллаев Дарын Зайнуллаевич, доктор философии (PhD), преподаватель Западно-Казахстанского университета им. М. Утемисова (г. Уральск, Республика Казахстан); daryn_sagidullin@mail.ru

Ситдиков Айрат Габитович, доктор исторических наук, академик Академии Наук Республики Татарстан, директор Института археологии им. А.Х. Халикова (г. Казань, Россия); sitdikov_a@mail.ru

REFERENCES

Ageeva, E. I., Akishev, K. A. (comp.). 1960. *Arkheologicheskaya karta Kazakhstana (Archaeological Map of the Kazakhstan).* Alma-Ata: *Academy of Sciences of the Kazakh SSR* Publ. (in Russian).

Baipakov, K. M. 2006. *Otchet po teme: «Kulturnoe nasledie Zapadno-Kazakhstanskoi oblasti: gorodishe Zhaiyk» 2005 goda (Report on the Topic: "Cultural Heritage of the West Kazakhstan Region: Zhaiyk Settlement" in 2005).* Almaty. Archive of the Institute of archaeology named after A.Kh. Margulan (in Russian).

Baipakov, K. M., Smagulov, E. A., Akhatov, G. A. 2005. *Srednevekovoe gorodishche Zhaiyk (Medieval Fortified Site of Zhayyk)*. Almaty: "Credo" Publ. (in Russian).

Egorov, V. L. 1985. *Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordy v XIII–XIV vv.* (*Historical Geography of the Golden Horde in the 13th–14th Centuries*). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

1842. *Karta Vnutrenney Kirgizskoy Ordy (Map of the Inner Kyrgyz Horde)* (in Russian).

1890. *Karta zemli Ural'skogo kazachego voyska (Map of the land of the Ural Cossack Army*) (in Russian).

1865. *Karta Kirgizskoy stepi Orenburskogo vedomstva (Map of the Kirghiz steppe of the Orenburg Department*) (in Russian).

1909. *Karta Turgaysko-Ural'skogo pereselencheskogo rayona, Ural'skiy uezd Ural'skoy oblasti (Map of Turgaysko-Uralsky resettlement district, Uralsky district of the Ural region)* (in Russian).

1932. *Karta Uralo-Embenskogo neftenosnogo rayona (Map of the Ural-Emmbensky oil-bearing region)* (in Russian).

Kriger, V. A., Maryksin, D. V. 2008. In *Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazakhstana (Issues of History and Archaeology of Western Kazakhstan)* (1), 193–207 (in Russian).

Kushaev, G. A. 1973. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh v Ural'skoy oblasti v 1972 g. (Report on archaeological excavations in the Ural region in 1972).* Fund of the Scientific Library named after M. Utemisov West Kazakhstan University, dossier 4579 (in Russian).

Kushaev, G. A. 1985. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh i mikrorazvedkakh 1985 g. v Kamenskom rayone Ural'skoy oblasti (Report on archaeological excavations and micro-surveys in 1985 in the Kamensky district of the Ural region).* Fund of the Scientific Library named after M. Utemisov West Kazakhstan University, dossier 4589 (in Russian).

Kushaev, G. A., Kokebaeva, G. K. 1980. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopok Ural'skogo pedinstituta v 1979 godu (Report on the archaeological excavations of the Ural Pedagogical Institute in 1979).* Fund of the Scientific Library named after M. Utemisov West Kazakhstan University, dossier 4595 (in Russian).

Levshin, A. I. 1831. *Karta zemel' prinadlezhashchikh Kirgiz-Kazakam i Turkestana (Map of lands belonging to Kyrgyz Cossacks and Turkestan)* (in Russian).

Maryksin, D. V. 2009. In *Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazakhstana (Issues of History and Archaeology of Western Kazakhstan)* (1), 246–272 (in Russian).

Maryksin, D. V. 2012. *Otchet o raskopkakh kurgannogo kompleksa Lebedevka VIII, Mokrinskiy I, Karaozen i gorodishcha Zhalpaktal v 2011 godu (Report on the excavations of the mound complex Lebedevka VIII, Mokrinsky I, Karaozen and the settlement of Zhalpaktal in 2011).* Almaty. Archive of the Institute of Archaeology named after A.Kh. Margulan (in Russian).

Maryksin, D. V. 2013. *Otchet o raskopkakh gorodishcha Zhalpaktal, poseleniya Baurzhan-Ayak i kurgannykh kompleksov Koshkar i Karozen v 2012 g. (Report on the excavations of the Zhalpaktal settlement, the Baurzhan-Ayak settlement and the Koshkar and Karozen kurgan complexes in 2012).* Almaty Archive of the West Kazakhstan Center of Archeology and History (in Russian).

Maryksin, D. V. 2015. *Otchet o raskopkakh kurgannykh kompleksov Rayym I, Alebastrovo I, Segizsay (Lebedevka) VIII i gorodishcha Zhalpaktal v 2014 g. (Report on the excavations of the burial mounds of Raiym I, Alabastrovo I, Segizsay (Lebedevka) VIII and the settlement of Zhalpaktal in 2014).* Almaty. Archive of the Institute of Archaeology named after A.Kh. Margulan, dossier 3204 (in Russian).

Maryksin, D. V., Dzhubanov, A. A. 2011. *Otchet o raskopkakh kurgannogo kompleksa Zhalpaktal I i gorodishcha Zhalpaktal (Report on the excavations of the Zhalpaktal I kurgan complex and the Zhalpaktal settlement).* Archive of the West Kazakhstan Center of Archeology and History (in Russian).

Sagidullaev, D. Z. 2024. In *Voprosy gumanitarnykh nauk (Issues of Humanitarian sciences)* 133 (4), 12–15 (in Russian).

About the Authors:

Sagidullayev Daryn Z. Doctor of Philosophy (PhD), Lecturer at M. Utemisov West Kazakhstan University, Uralsk, Republic of Kazakhstan, 090000; daryn_sagidullin@mail.ru

Sitdikov Ayrat G. Doctor of Historical Sciences, Academician of the Tatarstan Academy of Sciences, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

Статья поступила в журнал 24.04.2025 г.
Статья принята к публикации 18.07.2025 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.5.262.275

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ВОДЯНСКОГО ГОРОДИЩА ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2023-2024 ГГ.

©2025 г. А.С. Лапшин, И.Ю. Лапшина

Археологические исследования на Водянском городище в 2023–2024 гг. выявили несколько хозяйственных объектов, связанных с металлургическим производством и функционировавших в 40-50-х гг. XIV в. В результате раскопок собрана коллекция красноглиняной и поливной керамики, медных и серебряных монет, а также находок, представленных разнообразными ремесленными городскими изделиями XIV в. из глины, стекла, кости, бронзы и железа. Найдены украшения из полудрагоценных камней и поделочных минералов, а также золотой перстень с арабографической надписью. Материалы, полученные ходе раскопок 2023-2024 гг., свидетельствуют, что исследованный участок также входил и в границы района городской застройки конца XIV в. эпохи хана Токтамыша. Раскопки позволили уточнить и несколько расширить западную границу распространения слоя этого периода в данном районе Водянского городища. Раскопанные участки увеличили территорию исследованной прибрежной линии городища, что на 3-4 года позволит предотвратить разрушение культурного слоя обвалами берега в этой части памятника.

Ключевые слова: археология, Золотая Орда, Нижняя Волга, Водянское городище, раскоп, металлургический горн, керамика, украшения, лазурит, монеты, перстень с арабографической надписью.

RESULTS OF ARCHAEOLOGICAL STUDIES AT VODANSK SETTLEMENT BASED ON EXCAVATION MATERIALS OF 2023-2024

A.S. Lapshin, I.Yu. Lapshina

Archaeological studies at Vodyansk settlement in 2023-2024 revealed several household items related to metallurgical production that existed in 1340-1350s. The excavations provided a collection of red-clay and glazed pottery, copper and silver coins, as well as finds represented by a variety of urban craftsmanship products of the 14th century made of clay, glass, bone, bronze and iron. Jewelry made of semi-precious stones and ornamental minerals was found, as well as a gold signet ring with an Arabic inscription. The materials obtained during the excavations of 2023-2024 confirm that the investigated site was also located within the boundaries of the urban development area of the late 14th century of the Toktamysh Khan period. The excavations clarified and expanded the western boundary of the distribution of this period's layer in this area of Vodyansk settlement. The excavated areas increased the territory of the investigated coastal line of the settlement, which will prevent the destruction of the cultural layer by bank collapses in this part of the monument for 3-4 years.

Keywords: archaeology, Golden Horde, Lower Volga, Vodyansk settlement, excavation, metallurgical kiln, ceramics, jewelry, lapis lazuli, coins, signet ring with Arabic inscription.

В 2023–2024 гг. Волго-Ахтубинская археологическая экспедиция продолжила исследования разрушающихся участков прибрежной части Водянского городища (рис. 1). Данные работы являются частью планомерных раскопок в научных и охранных целях, которые проводятся здесь уже более 30 лет с 1992 г. В 2023 и 2024 гг. на городище исследован участок, где выявлен ряд объектов, которые возможно отнести к единому комплексу 40–50-х гг. XIV в., связанному с металлургическим производством.

В раскопе I-2023 исследованы остатки горна и две ямы, предназначенные для сброса шлаков и золы. Горн сохранился довольно плохо, но, судя по установленным его конструктивным особенностям и найденному материалу, это был горн для выплавки кричного железа сыродутным способом. Сохранилась яма прямоугольной формы, стенки которой были обложены крупными бутовыми камнями, а устье топки оформлено кладкой из жженых кирпичей (рис. 2: 1, 2). Рядом с ямой зафиксировано пятно из обожжённой глиня-

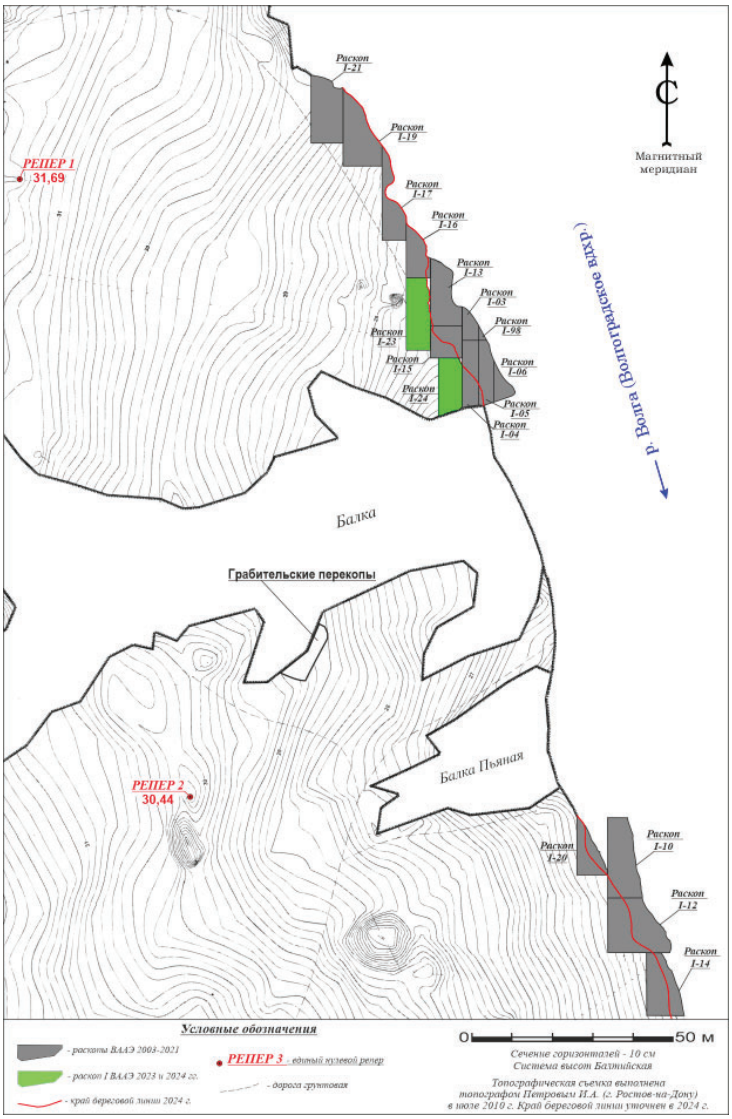

Рис. 1. План расположения раскопов на Водянском городище в 2023-24 гг. Автор рисунков А.С. Лапшин.
Fig. 1. Layout of excavations at Vodyansk fortified settlement in 2023-2024. Illustrations by A.S. Lapshin.

ной обмазки и большого количества мелких древесных углей (рис. 2: 2). Наиболее вероятно, это остатки разрушенной верхней части (купола) горна, который был глинобитным. Частично этот горн был разобран при сооружении более поздней печи 2.

Судя по зафиксированным остаткам, горн представлял собой двухчастную шахту, образованную облицованной в нижней части крупными камнями ямой, над которой возвышался глинобитный купол и куда загружались прослойки железной руды и древесного угля. Воздушные каналы для нагнетания воздуха в шахту могли располагаться в нижней трети глинобитного купола, но не сохранились.

С функционированием горна, несомненно, были связаны две хозяйственные ямы 174 и 184, расположенные рядом с ним (рис. 2: 2). При разборке заполнения достаточно глубокой ямы 184 обнаружено большое количество древесных углей и остатков металлургического шлака. В её заполнении также была найдена сильно прокаленная железная трубка, очевидно представлявшая собой навершие сопла для нагнетания воздуха в камеру горна. А в яме 174 обнаружен не только сброс золы и углей, но и фрагмент железной крицы.

Строительство и использование обнаруженного горна датируется находкой в заполнении его ямы медной монеты 50-х г. XIV в. (чекан Сарай ал-Джадида, с изображением цветочной розетки). Аналогичная монета 50-х гг. XIV в. периода правления хана Джанибека найдена и в заполнении ямы 174.

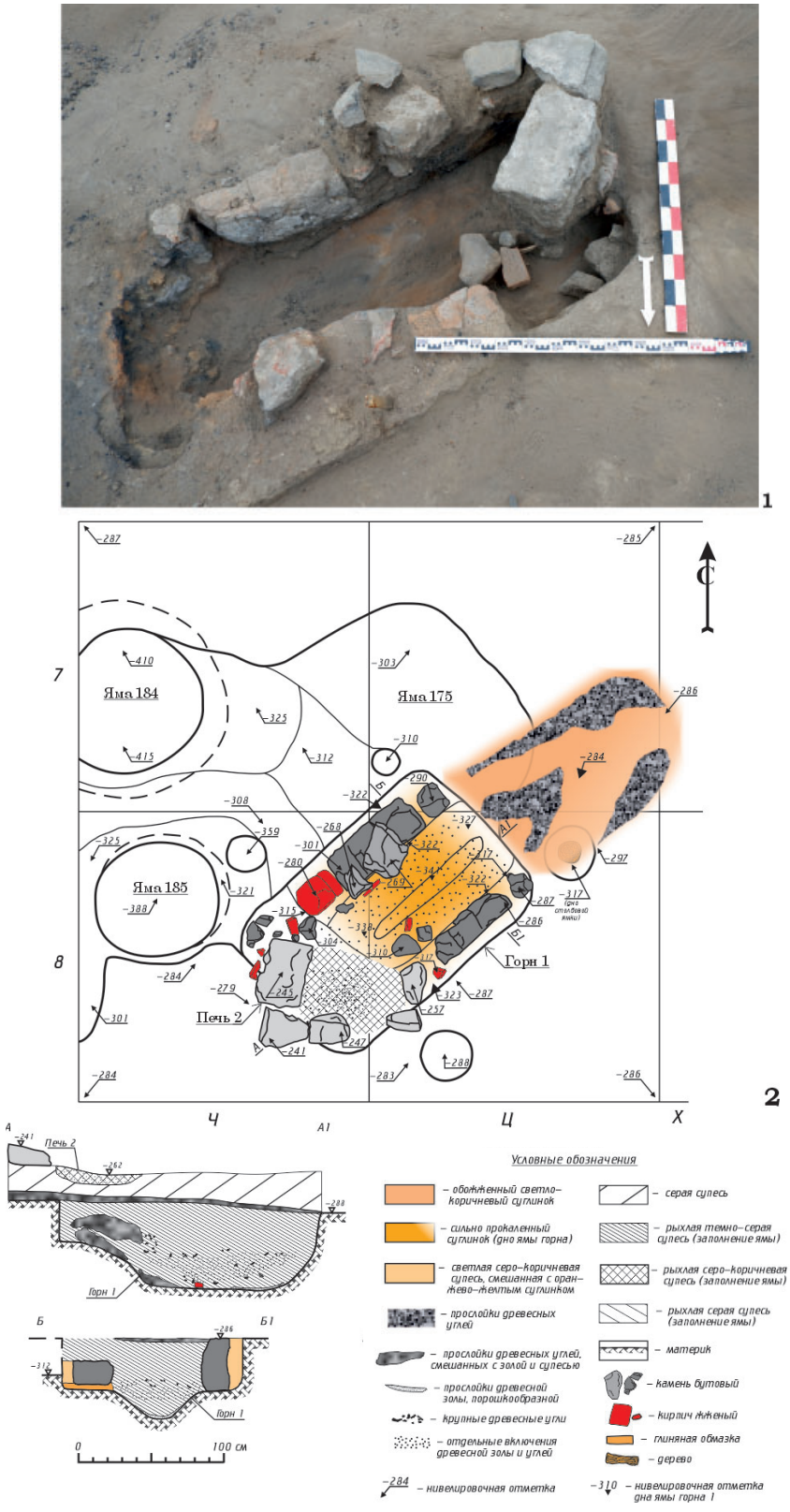

Рис. 2. Водянское городище. Раскоп I-2023. Яма горна 1 и печь 2 после выборки заполнения (1); план горна 1, печи 2 и ям 175, 184, 185. Автор фото и рисунков А.С. Лапшин.

Fig. 2. Vodyansk settlement. Excavation I-2023. Pit of metallurgical furnace 1 and oven 2 after sampling of filling (1); plan of metallurgical furnace 1, oven 2 and household pits 175, 184, 185. Photo and illustrations by A.S. Lapshin.

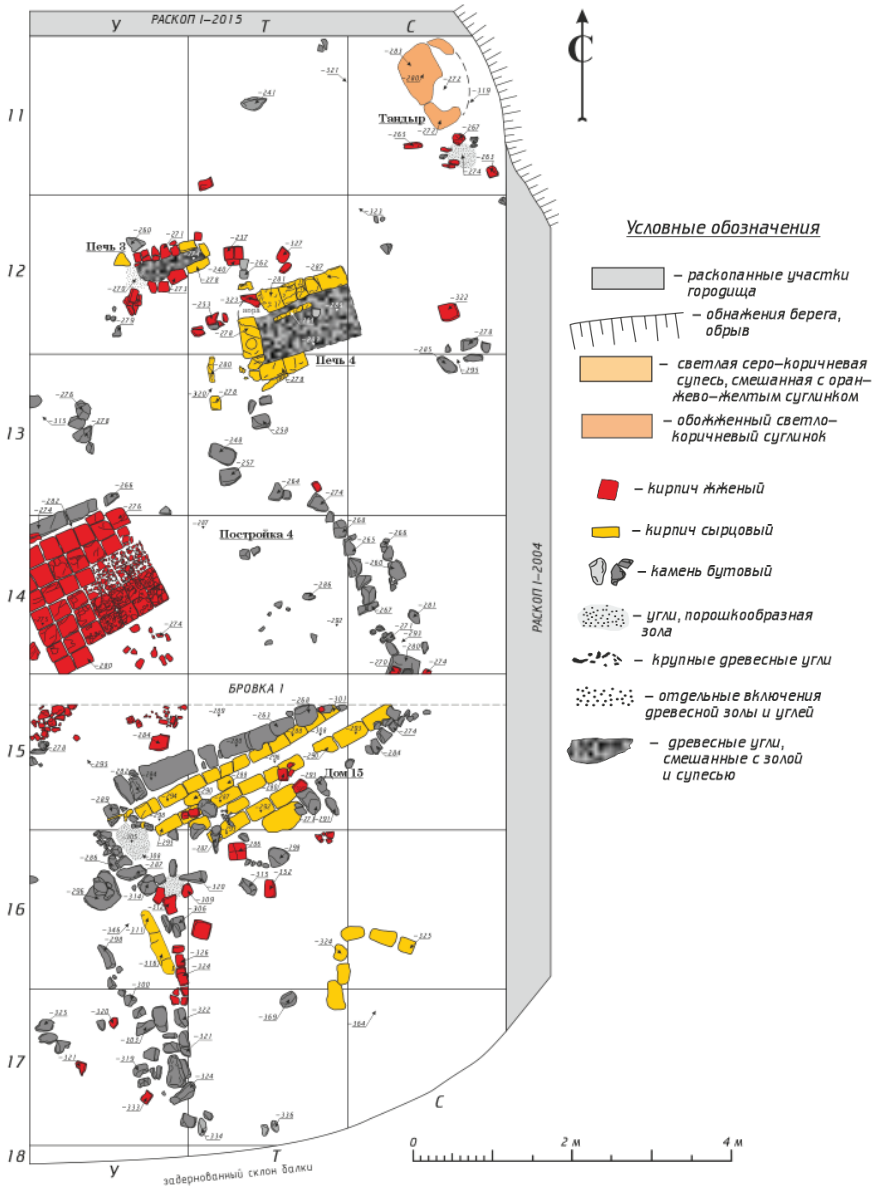

Рис. 3. Водянское городище. План раскопа 2024 г. Автор рисунка А.С. Лапшин.
Fig. 3. Vodyansk settlement. Plan of excavation of 2024. Illustration by A.S. Lapshin.

Сыродутные горны для производства железа и чугуна, имеющие некоторые схожие конструктивные особенности (частично заглубленные в грунт; с глинобитной или кирпичной облицовкой ям), известны как в домонгольский период, например в Болгаре, так и в золотоордынское время XIV в. (Бадеев, 2022, с. 66–69; Рязанов, 2011, с. 36–37; 94–95).

На раскопе I-2024 выявлены остатки постройки 4 и дома 15 (рис. 3). Постройка 4 исследована частично, т. к. её западная часть уходила за пределы раскопа. Постройка 4 представляла собой остатки каменного цоколя прямоугольного в плане здания, ориентированного длинной осью по линии ВСВ – ЗЮЗ. Внутри постройки, у её северо-западной стены, расчищена кирпичная вымостка пола в виде квадратной площадки (рис. 4: 1).

К югу от постройки 4 выявлены остатки дома 15, причем он был пристроен к южной стене постройки 4, которая являлась общей для этих сооружений (рис. 3). Внутри дома, вдоль и параллельно общей с постройкой 4 стены, был устроен двухканальный кан удлиненно-прямоугольной в плане формы. Топкой кана являлась разрушенная печь, расположенная в СЗ углу дома.

В северной части раскопа обнаружены остатки двух печей (рис. 3). От печи 3 сохра-

Рис. 4. Водянское городище. Раскоп I-2024. Кирпичная вымостка пола внутри постройки 4 (1); остатки каменного фундамента стены постройки 4 и кана из сырцовых кирпичей дома 15 (2). Автор фото А.С. Лапшин.
Fig. 4. Vodyansk settlement. Excavation I-2024. Brick floor paving inside building 4 (1); remains of the stone foundation of the wall of building 4 and the adobe brick kan of house 15 (2). Photo by A.S. Lapshin.

нилась лишь часть узкой топочной камеры, углубленной в грунт, верхний уровень которой был обложен кирпичной кладкой в 1 ряд. Печь 4 имела прямоугольную в плане форму, вытянутую по линии ВСВ – ЗЮЗ. При разборке слоя у печи 4 обнаружены фрагменты железного металлургического шлака. Печи 3 и 4, судя по расположению в слое на одной глубине, относятся к одному периоду и датируются находкой в заполнении печи 3 медной монеты 40-х г. XIV в.

В постройке 4 отсутствовали сооружения, связанные с отоплением (печи, кан, суфы), поэтому она, скорее всего, была связана с каким-то производственным назначением. Датируется этот объект 40–50-ми гг. XIV в. Две монеты с изображением двуглавой птицы найдены в центральной части постройки 4, относятся к 40-м гг. XIV в. И постройка, и пристроенный к ней дом функционировали одновременно, что также подтверждает находка монеты 50-х гг. XIV в. в месте расположения кана дома 15.

На раскопе 2024 г. в слое обнаружено значительное количество фрагментов железного шлака. В раскопе 2023 года, на смежном участке, был обнаружен металлургический горн для выплавки кричного железа, а в раскопе 2004 г., примыкающем к восточной стенке раскопа 2024 г., в слое также обнаружено большое количество (около 400) кусков железного шлака (Мыськов, 2004, с. 7, 10, 14). Все эти обстоятельства позволяют полагать, что постройка 4, печи 3 и 4 были связаны с металлургическим производством и составляли с горном, обнаруженным в 2023 г., единый

комплекс, функционировавший в 40–50-х гг. XIV в. На этом участке городища металлургический горн выявлен впервые. Близкий по размерам и назначению горн обнаружен только в южной части прибрежной полосы городища (Лапшин, Мыськов, 2013, с. 89–90, 129).

В раскопе I-2023 основную массу находок в культурных напластованиях и хозяйственных ямах составляли фрагменты круговой красноглиняной посуды – кувшины различного объема, миски, тарелки, горшки.

Кроме обычной, обнаружена серия фрагментов парадной посуды из глины, кашина, украшенной полихромной росписью и покрытой глазурью (рис. 5). Большинство из них – это образцы красноглиняной расписной посуды с глазурью зеленого цвета гончарных мастерских юго-восточного Крыма и Закавказья. Примечательны находки нескольких фрагментов кашинной керамики с бесцветной глазурью т. н. «тимуридского» стиля, характерного для гончарного производства Средней Азии и Ирана второй половины XIV в. Её отличает кобальтовая роспись ярко-синего цвета на белом фоне (рис. 5: 4, 5). Такая цветовая гамма и мотивы росписи посуды в этот период хорошо известны и в Китае, где в период династии Мин получает широкое распространение фарфор с росписью типа «кобальт» (Булатов, 1974, с. 137–138; Смагулов, 1989, с. 439–443). Редкой находкой является фрагмент чаши или кубка из белого плотного кашина, покрытого непрозрачной белой глазурью и расписанного с обеих сторон сложным растительным и псевдоэпиграфическим полихромным надглазурным орнаментом (рис. 5: 8). Он выполнен коралловой и темно-синей эмалями и золочением в технике «минаи». Такая керамика производилась иранскими мастерами и являлась предметом импорта в Золотую Орду в XIV в. Образцы такой посуды известны в находках из раскопок золотоордынских городов – Селитренного городища, Увека, Азака, Маджар (Булатов, 1968, с. 106–107; Кравченко, 2012).

Индивидуальные находки, найденные в слое и заполнении ям, представлены разнообразными ремесленными изделиями XIV в. из глины, стекла, кости, цветных металлов и железа (рис. 6: 1–10).

Находки элементов архитектурного декора представлены красноглиняными кирпичами с поливой бирюзового цвета, кашинными плитками от мозаичных панно. Редким образцом

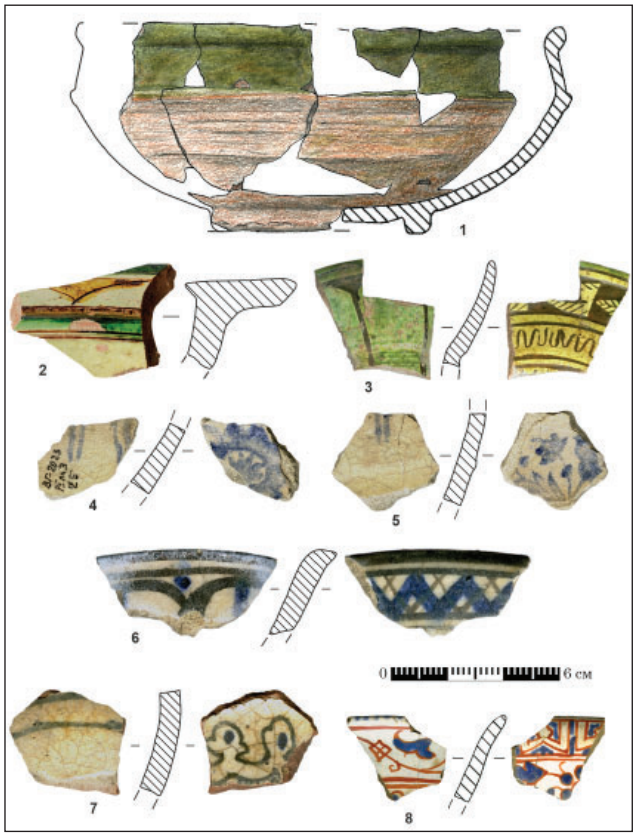

Рис. 5. Водянское городище. Раскоп I-2023. Фрагменты красноглиняных поливных (1-3) и кашинных поливных (4-8) сосудов. Автор фото и рисунков А.С. Лапшин.

Fig. 5. Vodyansk settlement. Excavation I-2023. Fragments of red clay glazed (1-3) and cashin glazed (4-8) vessels. Photo and illustrations by A.S. Lapshin.

является фрагмент такой плитки с надглазурной полихромной росписью, сложным растительным орнаментом и золочением, напоминающим технику росписи иранской кашинной посуды типа «минаи» (рис. 6: 1).

Из стенок красноглиняных сосудов делались пряслица – утяжелители для ручных деревянных веретен. Похожие на них обточенные керамические обломки являлись, по-видимому, фишками для настольных игр. Изделия из бронзы представлены различными бытовыми и производственными предметами. Это детали мерной ложки, наперсток для шитья, элементы поясных и сбруйных наборов (пряжка, заклепки), бронзовые гвоздики (рис. 6: 2–5). В заполнении одной из ям найдено миниатюрное литое дисковидное зеркало из бронзового сплава (рис. 6: 6). Из предметов косторезного ремесла примечательной находкой является сунак (рис. 6: 7). Это изделие из трубчатой кости МРС, которая выполняла

Рис. 6. Водянское городище. Раскоп I-2023. Изразец кашинный поливной (1), предметы бронзовые (2-6), предмет костяной (7), предметы стеклянные (8, 10), бусина сердоликовая (9), кристалл горного хрусталя (11), подвеска лазуритовая (12).
Автор фото и рисунков А.С. Лапшин.

Fig. 6. Vodyansk settlement. Excavation I-2023. Cashin glazed tile (1) bronze items (2-6), bone item (7), glass items (8, 10), carnelian bead (9), rock crystal (11), lapis lazuli pendant (12). Photo and Illustrations by A.S. Lapshin.

для маленького ребенка роль мочеотводника и являлась деталью детского горшка (тувака). Такие устройства использовали в колыбелях типа бешик, широко распространенных в культуре народов Центральной Азии и Кавказа (Сейдалиев, Сейдалиева, 2021, с. 190–191; Зиливинская, 2023, с. 197). Изделия из стекла представлены предметами женских украшений – бусами различной формы и расцветки и фрагментом перстня. Также найдены фрагменты небольшого тонкостенного стеклянного флакона (рис. 6: 8).

В слое раскопа I-2023 г. найдены украшения из полудрагоценных камней и поделочных минералов. Это граненая бусина из сердолика темно-красного цвета (рис. 6: 9). Сердоликовые бусы такого бипирамидального типа имеют 12 боковых граней и являются самыми многочисленными находками в золотоордынских городах (Полубояринова, 1993, с. 21–33). Сердолик был распространенным полудрагоценным камнем, используемым для изготовления украшений, и ему, как и другим камням, придавались и магические свойства. В исламском мире этот камень рассматривался как талисман богатства. Пророку Мухаммеду приписываются следующие слова: «Кто носит в перстне сердолик, тот постоянно пребывает в благоденствии» и «Носите перстень с сердоликом, ибо, поистине, он изгоняет бедность» (Фахретдинова, 1983, с. 64; Костюкевич, 2020, с. 88).

Найден необработанный кристалл горного хрусталя длиной 2,7 см (рис. 6: 11). В городах Золотой Орды изделия из горного хрусталя представлены бусами, вставками, подвесками, а также необработанными кристаллами (Полубояринова, 1993, с. 33–37, 63; Гончарова и др., 2016, с. 83). Многочисленные месторождения этой крупнокристаллической прозрачной разновидности кварца известны на Украине, Урале, в Средней Азии – на территории современного Казахстана и Таджикистана (Памир) (Ферсман, 1974, с. 177; Киевленко, Сенкевич, 1983, с. 172–173). Известный средневековый персидский ученый, автор трудов по минералогии Ал-Бируни упоминает о прямом экспорте горного хрусталя из Кашмира, как в виде сырья, так и изделий (Абу Райхан Бируни, 1963, с. 172).

Редкой находкой является фрагмент подвески, изготовленной из лазурита – сульфатсодержащего непрозрачного минерала, относящегося к группе содалитов (Киевленко, Сенкевич, 1983, с. 18). Подвеска имела ромбическую форму, в месте расположения одного из углов имеется горизонтальная канавка от просверленного сквозного отверстия для подвешивания (рис. 6: 12). Один край подвески обломан. С обеих сторон предмета нанесен гравированный, низкорельефный узор в виде двух горизонтальных линий в верхней части подвески и отходящих от нее косых двойных линий. Аналогичные или близкие по форме изделия из этого камня найдены и на других золотоордынских городищах: Селитренном, Болгаре, Азаке, Увеке, но являются единичными находками (Полубояринова, 1993, с. 65–66; Гончарова и др., 2016, с. 80; Кубанкин,

Ситдиков, 2024, с. 172). Минерал, из которого изготовлена подвеска, имеет плотную, тонкозернистую структуру и насыщенный синий цвет, без видимых включений или прожилок другого оттенка. Наиболее ценными как раз являются камни однородного, насыщенного индигово-синего, густо-синего цвета, получившие название «ниили», менее – небесно-синие или голубые – «асмани» – и зеленовато-синие – «суфси» (Киевленко, Сенкевич, 1983, с. 19). Название «лазурит» происходит от персидского слова, означающего «синий» (Митчелл, 1982, с. 148). Лазурит, ляпис-лазурь, или «бухарский камень», относится к наиболее высоко ценимым непрозрачным поделочным минералам. В Средней Азии лазурит употреблялся и в лечебных целях – при меланхолии, бессоннице и глазных болезнях (Семенов, 1912, с. 311). Наиболее известное и древнее месторождение лазурита Сары-Санг, дающее самый ценный и лучший по качеству камень, расположено в провинции Бадахшан – исторической области Памира на севере горной гряды Гималаи (современная территория районов юго-восточного района Таджикистана, северо-восточного Афганистана) (Абу Райхан Бируни, 1963, с. 182; Макарова, 1962, с. 127; Сарианиди, 1968, с. 9; Киевленко, Сенкевич, 1983, с. 21). Но его месторождения были известны и в других горных районах Средней Азии – около Бухары, Самарканда и Ташкента, Южном Прибайкалье (Массон, 1953, с. 10; Киевленко, Сенкевич, 1983, с. 24).

Украшения в виде подвесок из лазурита близкой формы и размеров известны в археологических памятниках тюркских и монгольских кочевников и более раннего времени (X–XIII вв.) на широкой территории от Сибири до Кавказа (Макарова, 1962, с. 128–129; Казаков, 2020, с. 34–36). В степной части Волго-Донского региона такие подвески обнаружены в могильнике X–XII вв. городского населения Саркела – Белой Вежи на Нижнем Дону. Они входили в состав наборных ожерелий из сердоликовых и стеклянных бус (Артамонов, 1958, рис. 60, с. 81; Казаков, 2020, с. 33).

Регионами, где различные полудрагоценные и поделочные камни (сердолик, горный хрусталь) подвергались обработке, Ал-Бируни называет Басру, Кашмир, Бадахшан и Хорасан (Леммлейн, 1963, с. 358). Оттуда эти изделия или сырье с торговыми караванами попадали в города Ирана, Хорезма и далее в золотоордынские земли через Каспийское море в низовья Волги или севернее, сухопутным путем, на Среднюю Волгу к Болгару. Наличие украшений из различных привозных материалов – свидетельство налаженных торговых связей Поволжья со странами Востока в золотоордынский период истории.

На раскопе I-2023 г. в слое и заполнении хозяйственных ям найдена 51 монета. Серебряных монет – 5, медных – 46. Подавляющее большинство нумизматического материала (49%) относится к периоду строительства и расцвета города 30–50-е гг. XIV в. Это монеты с изображением барса, двуглавой птицы, цветочной розетки, чеканенные в Сарае, Азаке, Барджине, Мохши в период правления ханов Узбека и его сына Джанибека. Но довольно значительное количество (31%) составляют монеты 80–90-х гг., чеканенные при хане Токтамыше в Сарае, Крыму, Азаке, Орде, Едиле. Некоторые из них имеют надчекан «Адиль» (عدل), характерный для монет этого времени. Две такие медные монеты были отчеканены в Хорезме[1].

В раскопе I-2024 основную массу находок в культурных напластованиях и хозяйственных ямах составляли фрагменты красноглиняной посуды, сформованной на гончарном круге. Керамика представлена в основном некрупными фрагментами, т. к. в слое обломки посуды, как правило, сильно измельчены и раздавлены. Были найдены фрагменты кувшинов с петлевидными ручками, крупных тарных сосудов для воды или зерна, светильников в форме плошек, горшков. Необходимо отметить и находку придонной части толстостенного глиняного сфероконуса – сосуда с приостренным дном для транспортировки и хранения химических веществ, таких как ртуть. Такие сфероконические сосуды хорошо известны в средневековых материалах Ближнего Востока, Средней Азии, Закавказья, а также и в золотоордынских городах (Ртвеладзе, 1974, с. 280–284; Волков, 2004, с. 145–149; Нуретдинова 2011, с. 51–62). Находки сфероконусов зачастую связаны с ремесленно-производственными комплексами вблизи металлургических или обжигательных горнов, в том числе и на Водянском городище (Михальченко, 1974, с. 49–50; Нуретдинова, 2011, с. 59; Лапшин, Мыськов, 2013, с. 89).

На раскопе в 2024 г. обнаружено несколько небольших фрагментов парадной посуды

Рис. 7. Водянское городище. Раскоп I-2024. Предметы из рога и кости (1-3), каменный кубик (4), предметы бронзовые (5-8), золотой перстень-печатка (9). Автор фото и рисунков А.С. Лапшин и В.Н. Конкин.
Fig. 7. Vodyansk settlement. Excavation I-2024. Items made of horn and bone (1-3), stone cube (4), bronze items (5-8), golden signet ring (9). Photo and illustrations by A.S. Lapshin and V.N. Konkin.

из глины, кашина, украшенной полихромной росписью и покрытой глазурью. Примечательна находка фрагмента кольцевого поддона от поливного кашинного сосуда. Фрагмент является керамическим браком, т. к. в процессе обжига сосуд был перекален, что свидетельствует о производстве такого типа поливных кашинных сосудов на Водянском городище.

Изделия из обожженной глины представлены биконическим пряслицем, фрагментом грузила для рыболовного промысла. Из обломков керамики изготовлялись разные фишки для настольных игр (рис. 8: 1, 2). К игральным предметам, возможно, относятся и два небольших глиняных шарика (рис. 8: 3). Однако такие шарики помещали и внутрь узкогорлых кувшинов (афтоб) для предотвращения случайного проливания жидкости (Мыськов, 1992, с. 31). Предметом для игры является шестигранный кубик из камня (рис. 7: 4).

Редкой находкой, связанной с игровым досугом, является шахматная фигурка арабского типа, которые отличала схематичность и условность изображаемых деталей и форм. Она выточена на токарном станке из рога благородного оленя[2]. Фигурка имеет форму короткого цилиндра, на основаниях которого сохранились концентрические врезные линии, образовавшиеся в процессе обточки. На боковой поверхности на ровно срезанной площадке, вырезана рельефная фигура в виде равнобедренного треугольника, боковые грани которого оформлены узкими прямоугольными фасками, а у основания нанесены две тонкие врезные горизонтальные параллельные линии (рис. 7: 1). Находки шахматных фигур хотя и являются достаточно редкими, но известны на очень широкой территории как на Востоке, так и в Западной Европе, т. к. к XIV в. игра в шахматы получила уже широкое распространение. Наиболее близкие аналогии фигуре, найденной в 2024 г., известны в слоях XIII–XIV вв. Новгорода и Смоленска. Судя по ближайшим известным арабским прототипам и древнерусским шахматам арабского типа, которые имеют аналогичный треугольный выступ, найденная в 2024 г. фигура может быть атрибутирована как ферзь (Рыбина, 1991, с. 87, 92, 97). Это четвертая такая находка на Водянском городище. В 2004 г. найдено ещё три шахматных костяных фигурки, которые по аналогиям других шахматных наборов могут быть атрибутированы как «слон» и две «пешки». Примечателен тот факт, что они обнаружены на соседнем с 2024 г. раскопе. Подобные находки свидетельствуют о том, что население Водянского городища практиковало в свободное время различные логические игры, в том числе и высокоинтеллектуальные, такие как шахматы.

Находки шахматных фигур, хотя и являются достаточно редкими, известны на очень широкой территории как на Востоке, так и в Западной Европе, т. к. к XIV в. игра в шахматы получила уже широкое распространение (Линдер, 1994, с. 20–24, 28–31, 37). Значительное количество шахматных фигур в последние

годы археологических исследований обнаружено в слое золотоордынского времени XIII–XIV вв. центральной части Болгара (Бадеев, 2022, с. 131–134).

Изделия из бронзы представлены различными украшениями и бытовыми предметами: перстнями (рис. 7: 7, 8), наперстком для шитья (рис. 7: 6), элементами поясных и сбруйных наборов (рис. 7: 5). Кованые железные изделия представлены инструментами в виде небольших лопаток, одна из которых имеет стержевидную рукоятку (рис. 8: 4). Найдены два железных рыболовных крючка (рис. 8: 6, 7), черешковый наконечник стрелы (рис. 8: 5).

Бытовые изделия из кости и рога представлены обломком рогового кочедыка – стержневидного инструмента для плетения рыболовных сетей (рис. 7: 2), а также костяной застежкой-пуговицей (рис. 7: 3).

Наиболее яркой индивидуальной находкой 2024 г. является перстень-печатка из металла жёлтого цвета с гравированной эпиграфической надписью (рис. 7: 9). Судя по отсутствию патины и окислов он изготовлен из золота или золотого сплава. Он был обнаружен при переборке отвального грунта восточной части раскопа. Это первое такое изделие, найденное на Водянском городище за все годы исследований. Перстень представляет собой тонкое кольцо с литым, припаянным к нему плоским щитком миндалевидной формы. Диаметр кольца внешний – 1,8 см, внутренний – 1,65 см. Ширина кольца (шинки) 18 мм, толщина 1 мм. Длина щитка по большой оси 1,2 см, ширина 0,6 см, толщина 0,2 см. Вес изделия 2,17 г. Внешний край кольца украшен с двух сторон короткими насечками и гравировкой в виде коротких изогнутых линий, образующих косой меандровидный узор. Орнамент выполнен очень тонким резцом (штихелем). По краю внешней площадки щитка нанесен тонкий врезной ободок, внутри которого расположена четырехстрочная горизонтальная надпись, разделенная тремя ровными врезными линиями. Между линиями, в четыре строки, нанесены отдельные знаки. Они представлены короткими вертикальными штрихами, косыми крестами, а также знаками, напоминающими в прямом изображении арабские буквы (لـ) и цифры (٨ ٢). Закономерности в их расположении не отмечается, они нанесены в строках в разном сочетании. Рельефная глубина нанесенных знаков в строках может указывать

Рис. 8. Водянское городище. Раскоп I-2024. Керамические предметы (1-3), железные предметы (4-7). Автор фото и рисунков А.С. Лапшин и В.Н. Конкин.

Fig. 8. Vodyansk settlement. Excavation I-2024. Ceramic items (1-3), iron items (4-7). Photo and Illustrations by A.S. Lapshin and V.N. Konkin.

на то, что перстень использовался владельцем как печать, поэтому надпись, возможно, должна читаться зеркально. Перстни и кольца хорошо известны в материалах золотоордынского времени как городских, так и кочевых памятников. Но орнамент на них представлен геометрическим или растительным мотивом, либо читаемыми арабографическими надписями благопожелательного или охранительного характера. В большинстве своем такие изделия изготовлены из медного сплава, реже из серебра. В данном случае перстень свидетельствует о достаточно высоком социальном или особом статусе его владельца. Следует также отметить, что внутренний диаметр кольца небольшой и составляет всего 1,65 см, поэтому наиболее вероятно, что оно было женским.

На раскопе 2024 г. в слое всего найдено 79 монет. Семь из них серебряные, 72 – медные.

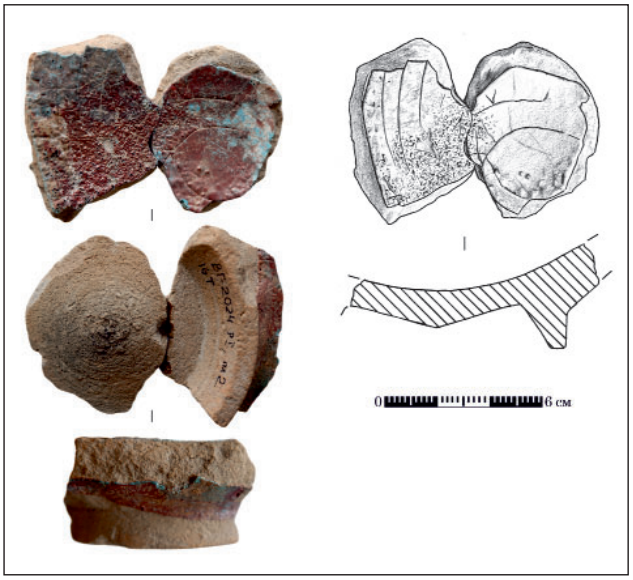

Рис. 9. Водянское городище. Раскоп I-2024. Фрагмент кашинного поливного сосуда (керамический брак). Автор фото и рисунка А.С. Лапшин.
Fig. 9. Vodyansk settlement. Excavation I-2024. Fragments of cashin glazed vessel (defective ceramics). Photo and illustrations by A.S. Lapshin.

Наиболее ранние монеты, обнаруженные в раскопе, датируются 20-ми гг. XIV в. Это медные монеты с изображением пятиконечной звезды (1321–1322 гг.) и сокола (1325–1326 г.), чеканенные в период правления хана Узбека. Подавляющее большинство (54,4%) нумизматического комплекса относится к периоду строительства и расцвета города 30–50-х гг. XIV в. Это монеты с изображением барса, двуглавой птицы, цветочной розетки, чеканенные в период правления ханов Узбека и его сына Джанибека. Найдено также несколько монет чекана 1360–1361 гг. хана Хызра, выпущенных в Сарае и Гюлистане. Монеты 80–90-х гг., чеканенные при хане Токтамыше, составляют 16,5% от общего числа. Большинство из них имеют надчекан «Адиль» (لدع). К этому же периоду относится комплексная находка из пяти серебряных монет, сложенных стопкой. Возможно, они находились в потерянном кошельке. Аналогичная находка обнаружена в 2015 г. на смежном с раскопом 2024 г. участке и состояла из шести серебряных монет. Датируются они 80-ми гг. XIV в.

Материалы, полученные ходе раскопок 2023–2024 гг., свидетельствуют о наличии в этой части памятника культурного слоя и городской застройки 80–90-х гг. XIV в. эпохи хана Токтамыша. Исследования последних лет позволили уточнить и несколько расширить западную границу распространения слоя данного периода на территории Водянского городища. Впервые на этом участке городища выявлен комплекс сооружений середины XIV в., связанный с металлургическим производством. Раскопанная в 2023–2024 гг. площадь увеличила территорию исследованной прибрежной зоны городища, что на 3–4 года позволит предотвратить разрушение культурного слоя обвалами берега в данной части памятника.

Примечания:

[1] Определение монет из раскопок 2023 г. выполнено Е.Ю. Гончаровым (научный сотрудник Института востоковедения РАН).

[2] Предварительное определение сырья для изготовления шахматной фигурки выполнено Л.В. Яворской (с.н.с. лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН).

ЛИТЕРАТУРА

Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед Ал-Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей (минералогия). Л.: АН СССР, 1963. 518 с.

Артамонов М.И. Саркел – Белая Вежа // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. 1 / МИА № 62 / Отв. ред. М.И. Артамонов. М.; Л.: АН СССР, 1958. С. 7–84.

Бадеев Д.Ю. Объекты черной металлургии // Центральный базар Болгара и его окружение (междисциплинарные исследования по материалам раскопок 2011–2019 гг.) / Отв. ред. В.Ю. Коваль. М.; СПб.: Нестор-История, 2022. С. 66–69.

Бадеев Д.Ю. Предметы для игр (шахматы, фишки, кости) // Центральный базар Болгара и его окружение (междисциплинарные исследования по материалам раскопок 2011-2019 гг.) / Отв. ред. В.Ю. Коваль. М.; СПб.: Нестор-История, 2022. С. 130–136.

Булатов Н.М. Классификация кашинной поливной керамики золотоордынских городов (по материалам Царевского, Селитренного и Маджарского городищ) // СА. 1968. № 4. С. 95–109.

Булатов Н.М. Кобальт в керамике Золотой Орды // СА. 1974. № 4. С. 135–141.

Волков И.В. Химическая посуда в золотоордынских городах // 125 лет Обществу археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Проблемы историко-культурного развития Волго-Уральского

региона: Сборник научных докладов и сообщений. Ч. 1. Археологические исследования / Отв. ред. С.И. Валиулина. Казань: Казан. гос. ун-т, 2004. С. 145–149.

Гончарова С.А., Широченко Э.Б., Харенко М.В., Гончаров М.Ю., Масловский А.Н., Минаев А.П., Юдин Н.И. Археологические исследования в городе Азове в 2013-2014 годах // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2013-2014 гг. Вып. 29 / Отв. ред. А. А. Горбенко. Азов: Азовский музей-заповедник, 2016. С. 50–126.

Зиливинская Э.Д. О детях в Золотой Орде // Материалы VII Всероссийской Нижневолжской археологической конференции / Отв. ред. Д.В. Васильев. Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2023. С. 196–199.

Казаков А.А. О культурно-хронологической принадлежности памятников с лазуритовыми подвесками на территории Алтайского края и Республики Алтай // Теория и практика археологических исследований. 2020. Т. 29, № 1. С. 23–49. DOI: 10.14258/tpai(2020)1(29).-02.

Киевленко Е.Я., Сенкевич Н.Н. Геология месторождений поделочных камней. М.: Недра, 1983. 263 с.

Костюкевич А.В. Культурно-экономические контакты Полоцкой земли и Средней Азии (по материалам сердоликовых и хрустальных бус) // Фундаментальные проблемы гуманитарных наук: опыт и перспективы развития исследовательских проектов РФФИ: Материалы всероссийской научной конференции с международным участием (Барнаул, 24–26 сентября 2020 года) / Отв. ред. Т.П. Сухотерина Барнаул: АлтГПУ, 2020. С. 81–89.

Кравченко С.А. Керамика «минаи» из Азака // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 11. Золотоордынское время / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2012. С. 73–96.

Кубанкин Д.А., Ситдиков А.Г. Города не исчезают... История Укека в находках (каталог выставки). Казань: АН РТ, 2024. 252 с.

Лапшин А.С., Мыськов Е.П. Исследования на Водянском городище в 2011–2012 гг. Волгоград: Перо, 2013. 216 с.

Лемлейн Г.Г. Минералогические сведения, сообщаемые в трактате Бируни // Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед Ал-Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей (минералогия). Л.: АН СССР, 1963. С. 292–418.

Линдер И.М. Мир шахматных фигур. М.: Изд-во АО «Х.Г.С.», 1994. 288 с.

Макарова Т.И. Украшения и амулеты из лазурита у кочевников X–XI вв. // Славянские древности / Археологический сборник. Вып. 4 / Отв. ред. М.И. Артамонов. Л.: ГЭ, 1962. С. 127–134.

Массон М.Е. К истории горного дела на территории Узбекистана. Ташкент: АН УзССР. 1953. 75 с.

Митчелл Р.С. Названия минералов. Что они означают? М.: Мир, 1982. 248 с.

Михальченко С.Е. Сфероконусы Поволжья // КСИА. Вып. 140 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1974. С. 46–51.

Мыськов Е.П. Отчет о раскопках Водянского городища, проведённых Волго-Ахтубинским отрядом археологической экспедиции Волгоградского педагогического института в 1992 г. // Архив ВОКМ. № 82, 82а.

Мыськов Е.П. Отчет об археологических исследованиях, проведённых Волго-Ахтубинской археологической экспедицией Волгоградского государственного педагогического университета на Водянском городище в Дубовском районе Волгоградской области и разведках в Клетском и Фроловском районах Волгоградской области в 2004 году // Архив ВОКМ. № 200, 200а.

Нуретдинова А.Р. Сфероконические сосуды: проблема атрибуции // Ученые записки Казанского государственного университета. 2011. Т. 153. Гуманитарные науки. Кн. 3. С. 51–62.

Полубояринова М.Д. Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. М.: ИА РАН, 1993. 112 с.

Ртвеладзе Э.В. Сфероконические сосуды из Маджар // СА. 1974. № 4. С. 280–284.

Рыбина Е.А. Из истории шахматных фигур // СА. 1991. № 4. С. 86–101.

Рязанов С.В. Металлургия железа на Южном Урале в XIII-XIV вв. Уфа: ИЭИ УНЦ РАН, 2011. 124 с.

Сариаиди В.И. О великом лазуритовом пути на древнем Востоке // КСИА. Вып. 114 / Отв. ред. Т.С. Пассек. М.: Наука, 1968. С. 3–9.

Сейдалиев Э.И. Сейдалиева Д.Э. Детская гигиена в традиционной культуре средневекового тюркского населения Крыма (о редкой группе глазурованной керамики из раскопок золотоордынского Солхата) // Этнография Крыма XIX-XXI веков и современные этнокультурные процессы. Симферополь, 28–30 сентября 2017 года. Вып. 4 / Ред. В.Е. Науменко. Симферополь: Антиква, 2021. С. 190–198.

Семенов А.А. Из области воззрений мусульман Средней и Южной Азии на качества и значения некоторых благородных камней и минералов // Мир ислама. 1912. Т.1. № 3. С. 293–321.

Смагулов Е.А. «Тимуридский керамический стиль» как отражение интеграционных межкультурных процессов // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций / отв. ред. В.М. Массон. Алма-Ата: Наука, 1989. С. 438–451.

Фахретдинова Д.А. Ювелирное искусство Мавераннахра // Художественная культура Средней Азии IX–XIII вв. / Отв. ред. Л.И. Ремпель. Ташкент: Изд-во лит. и искусства, 1983. С. 49–68.

Ферсман А.Е. Рассказы о самоцветах. М.: Наука, 1974, 262 с.

Информация об авторах:

Лапшин Андрей Сергеевич, кандидат исторических наук, Институт Востоковедения РАН (г. Москва, Россия); alapsh@mail.ru

Лапшина Ирина Юрьевна, кандидат исторических наук, Волгоградский государственный медицинский университет (г. Волгоград, Россия); ilapsh97@inbox.ru

REFERENCES

Abu-r-R-Rayhan Muhammad ibn Ahmed Al-Biruni. 1963. *Sobranie svedeniy dlya poznaniya dragotsennostey (Collection of Knowledge for Jewelry Studies)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Artamonov, M. I. 1958. In Artamonov, M. I. (ed.). *Trudy Volgo-Donskoy arkheologicheskoy ekspeditsii (Proceedings of the Volga-Don Archaeological Expedition)* I. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 62. Moscow; Leningrad: the USSR Academy of Sciences, 7–84 (in Russian).

Badeev, D. Yu. 2022. In Koval, V. Yu. (ed.). *Tsentral'nyy bazar Bolgara i ego okruzhenie (mezhdistsiplinarnye issledovaniya po materialam raskopok 2011–2019 gg.) (The central bazaar of Bolgar and its surroundings (interdisciplinary research based on materials from 2011–2019 excavations))/*. Moscow; Saint Petersburg: "Nestor-Istoriya" Publ., 66–69 (in Russian).

Badeev, D. Yu. 2022. In Koval, V. Yu. (ed.). *Tsentral'nyy bazar Bolgara i ego okruzhenie (mezhdistsiplinarnye issledovaniya po materialam raskopok 2011–2019 gg.) (The central bazaar of Bolgar and its surroundings (interdisciplinary research based on materials from 2011–2019 excavations))/*. Moscow; Saint Petersburg: "Nestor-Istoriya" Publ., 130–136 (in Russian).

Bulatov, N. M. 1968. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 95–109 (in Russian).

Bulatov, N. M. 1974. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 135–141 (in Russian).

Volkov, I. V. 2004. In Valliulina, S. I. (ed.). *125 let obshhestvu arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete. Problemy istoriko-kul'turnogo razvitiya Volgo-Ural'skogo regiona. Arkheologicheskie issledovaniya: sb. nauchnykh dokladov i soobshheniy (The 125th Anniversary of the Society of Archaeology, History and Ethnography under Kazan University. Issues of Historical and Cultural Development of the Volga-Ural Region. Archaeological Studies: Collection of Scientific Works and Reports)* 1. Kazan:Kazan State University, 145–149 (in Russian).

Goncharova, S. A., Shirochenko, E. B., Kharenko, M. V., Goncharov, M. Yu., Maslovsky, A. N., Minaev, A. P., Yudin, N. I. 2016. In Kiiashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v Azove i na Nizhnem Donu v 2013–2014 g. (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 2013–2014)* 29. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Open-Air Museum, 50–126 (in Russian).

Zilivinskaya, E. D. 2023. In Vasil'ev, D. V. (ed.). *Materialy VII Vserossiyskoy Nizhnevolzhskoy arkheologicheskoy konferentsii (Proceedings of the 7th All-Russian Lower Volga Archaeological Conference).* Astrakhan: "Sorokin Roman Vasil'evich" Publ., 196–199 (in Russian).

Kazakov A.A. 2020. In *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy* (*Theory and Practice of Archaeological Research)* 29 (1), 23–49 (in Russian).

Kievlenko, E. Yu., Senkevich, N. N. 1983. *Geologiya mestorozhdeniy podelochnykh kamney (Geology of ornamental stone deposits)*. Moscow: "Nedra" Publ. (in Russian)

Kostyukevich, A. V. 2020. In Sukhoterina, T. P. (ed). Fundamental'nye problemy gumanitarnykh nauk: opyt i perspektivy razvitiya issledovatel'skikh proektov RFFI *(Fundamental Problems of the Humanities: experience and development prospects of RFBR research projects).* Barnaul: Altai State Pedagogical University, 81–89 (in Russian).

Kravchenko, S. A. 2012. In Evglevskii, A. V. (ed.). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 11. Donetsk: Donetsk National University, 73–96 (in Russian).

Kubankin, D. A., Sitdikov, A. G. 2024. *Goroda ne ischezayut... Istoriya Ukeka v nakhodkakh (katalog vystavki) Cities do not disappear.... History of Ukek in findings (exhibition catalogue).* Kazan: Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Lapshin, A. S., Mys'kov, E. P., 2013. *Issledovaniya na Vodyanskom gorodishche v 2011–2012 gg. (Research on the Vodyansk settlement in 2011–2012)* Volgograd: "Pero" Publ. (in Russian).

Lemmlein, G. G. 1963. In Abu-r-R-Rayhan Muhammad ibn Ahmed Al-Biruni. *Sobranie svedeniy dlya poznaniya dragotsennostey (Collection of Knowledge for Jewelry Studies)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 292–418 (in Russian).

Linder, I. M. 1994. *Mir shakhmatnykh figure (The world of chess pieces).* Moscow: "AO «X.G.S.»" Publ. (in Russian)

Makarova, T. I. 1962. In Artamonov, M. I. (ed.).*Slavianskie drevnosti (Slavic Antiquities).* Series: Arkheologicheskii sbornik (Archaeological Collected Articles) 4. Leningrad: State Hermitage Museum, 127–134 (in Russian).

Masson, M. E. 1953. *K istorii gornogo dela na territorii Uzbekistana (To the history of mining in the territory of Uzbekistan).* Tashkent: Academy of Sciences of the Uzbekistan Soviet Socialist Republic (in Russian).

Mitchell, R. S. 1982. *Nazvaniya mineralov. Chto oni oznachayut?* (*The Names of the Minerals. What Do they Mean?)* Moscow: "Mir" Publ. (in Russian)

Mikhalchenko, S. E. 1974. In Kruglikova, I. T.(ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 140. Moscow: "Nauka" Publ., 46–51 (in Russian).

Myskov, E. P. 1992. *Otchet o raskopkakh Vodyanskogo gorodishcha, provedennykh Volgo-Akhtubinskim otryadom arkheologicheskoy ekspeditsii Volgogradskogo pedagogicheskogo instituta v 1992 g. (Report on the excavations of Vodyansk settlement conducted by Volgo-Akhtubinsk detachment of the archaeological expedition of Volgograd Pedagogical Institute in 1992).* Archive of the Volgograd Regional Museum of Local Studies. Doisser 82, 82a (in Russian).

Myskov E.P. 2004. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh, provedennykh Volgo-Akhtubinskoy arkheologicheskoy ekspeditsiey Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta na Vodyanskom gorodishche v Dubovskom rayone Volgogradskoy oblasti i razvedkakh v Kletskom i Frolovskom rayonakh Volgogradskoy oblasti v 2004 godu (Report on archaeological research conducted by Volgo-Akhtubinsk Archaeological Expedition of Volgograd State Pedagogical University at the Vodyansk settlement in Dubovsk district of Volgograd region and reconnaissance in Kletsk and Frolovsk districts of Volgograd region in 2004).* Archive of the Volgograd Regional Museum of Local Studies. Doisser 200, 200a (in Russian).

Nuretdinova, A. R. 2011. In *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki (Scientific Bulletin of the Kazan University. Series: Humanities)* 153. Book 3, 51–62 (in Russian).

Poluboiarinova, M. D. 1991. *Ukrasheniia iz tsvetnykh kamnei Bolgara i Zolotoi Ordy (Jewelry of Gemstones found in Bulgar and the Golden Horde)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, Institute for Archaeology (in Russian).

Rtveladze, E. V. 1974. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 280–284 (in Russian).

Rybina, E. A. 1991. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 86–101 (in Russian).

Ryazanov, S. V. 2011. *Metallurgiya zheleza na Yuzhnom Urale v XIII-XIV vv. (Iron metallurgy in Southern Urals in 13th-14th centuries).* Ufa: R.G. Kuzeev Institute of Ethnological Research, Ufa Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Sarianidi, V. I. 1968. In Passek, T. S.(ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 114. Moscow: "Nauka" Publ., 3–9. (in Russian).

Seydaliev, E. I. Seydalieva, D. E. 2021. In Naumenko, V. E. (ed.). *Etnografiya Kryma XIX-XXI vekov i sovremennye etnokul'turnye protsessy (Ethnography of the Crimea of the 19th–21st centuries and modern ethnocultural processes)* 4. Simferopol: "Antikva" Publ., 190–198 (in Russian).

Semenov, A. A. 1912. In *Mir islama (The World of Islam)* 1 (3), 293–321 (in Russian).

Smagulov, E. A. 1989. In Masson, V. M. (ed.). *Vzaimodeistvie kochevykh kul'tur i drevnikh tsivilizatsii* (*Interaction of Nomadic Cultures and Ancient Civilizations).* Alma-Ata: "Nauka" Publ., 438–451 (in Russian).

Fakhretdinova, D. A. 1983. In Rempel, L. I. (ed.). *Khudozhestvennaya kul'tura Sredney Azii IX–XIII vv. (Artistic culture of Central Asia IX-XIII centuries).* Tashkent: "Literature and Art" Publ. (in Russian).

Fersman, A. E. 1974. *Rasskazy o samocvetah (Stories of gems).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian)

About the Authors:

Lapshin Andrey S., Candidate of Historical Sciences, Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences, Rozhdestvenka St., 12, Moscow, 107031, Russian Federation, alapsh@mail.ru

Lapshina Irina Yu., Candidate of Historical Sciences, Volgograd State Medical University, Pavshikh Bortsov sq., 1, Volgograd, 400066, Russian Federation, ilapsh97@inbox.ru

Статья поступила в журнал 30.04.2025 г.
Статья принята к публикации 31.07.2025 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.5.276.289

МЕЧЕТЬ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КРЕПОСТИ АРАБАТ[1]

©2025 г. Е.А. Айбабина, Д.А. Ломакин

Рассмотрена история создания, функционирования и изучения мечети, к настоящему моменту утраченной, располагавшейся на территории Арабатской крепости – единственного османского укрепления на побережье Азовского моря в Крыму. Проанализированы различные группы источников: записки путешественников (Эвлия Челеби, ученый-энциклопедист П. С. Паллас и др.), картографические материалы, среди которых выделяются работы Гийома Ле Вассера де Боплана середины XVII века, а также планы российских военных топографов конца XVIII века. Информативными являются выявленные фотоснимки рассматриваемой мечети, выполненные в 20-х годах XX века, а также работы этого же периода художника К. Ф. Богаевского, запечатлевшего памятник с фотографической точностью. Задействованные материалы позволили восстановить облик мечети, выполнить ее архитектурный и стилистический анализ. Архитектурно-археологический памятник отнесен к типу «провинциальных» османских культовых сооружений, распространение которых засвидетельствовано, в основном, в степных и предгорных районах полуострова.

Ключевые слова: Арабат, крепость, мечеть, архитектурный анализ, история изучения.

ARABAT MEDIEVAL FORTRESS MOSQUE[2]

E.A. Aibabina, D.A. Lomakin

The paper addresses the history of creation, functioning and study of the mosque, now lost, located on the territory of Arabat fortress – the only Ottoman fortification on the coast of the Sea of Azov in the Crimea. Various groups of sources were analyzed: notes by travelers (Evliya Chelebi, encyclopedic scientist P. S. Pallas, etc.), cartographic materials, in particular the works by Guillaume Le Vasseur de Beauplan of the mid-17th century, as well as plans by Russian military topographers of the late 18th century. The identified photographs of the mosque in question, made in the 1920s of the XX century, are highly informative, as well as the works of the same period by Feodosia artist K. F. Bogayevsky, who depicted the monument with photographic accuracy. The materials involved allowed to restore the appearance of the mosque, and to perform its architectural and stylistic analysis. The architectural and archaeological monument is attributed to the type of 'provincial' Ottoman religious buildings, the spread of which is mainly noted in the steppe and foothill areas of the peninsula.

Keywords: Arabat, fortress, mosque, architectural analysis, study history.

Крепость Арабат – единственная османская крепость (Белик, 2016, с. 57–69) на крымском побережье Азовского моря, расположенная примерно в двух километрах на северо-запад от современного села Каменское на основании Арабатской косы, разделяющей озеро Восточный Сиваш и Азовское море и протянувшейся с юго-востока на северо-запад на 120 км в направлении материка. Этимология названия окончательно не установлена, при этом наиболее вероятным вариантом видится происхождение от арабского слова «الرباط» («рабат» или «рибат») – «укрепленный военный лагерь», «пограничный военный пост». Крепость имела пятиугольную форму, была защищена рвом. Занимая возвышенную часть основания Арабатской стрелки, являлась важным звеном фортификационной линии (вместе с крепостями Перекоп и Ени-Кале), прикрывающей полуостров с севера и северо-востока.

В отечественной историографической традиции принято связывать первое достоверное упоминание крепости с работой француз-

[1] Работа выполнена при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках госзадания № FZEG-2023-0004 по теме «Исторический опыт межэтнического взаимодействия в Крыму с древности до Нового времени».

[2] The work was carried out with the support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation within the framework of state task No. FZEG-2023-0004 on the topic "Historical Experience of Interethnic Interaction in Crimea from Antiquity to Modern Times".

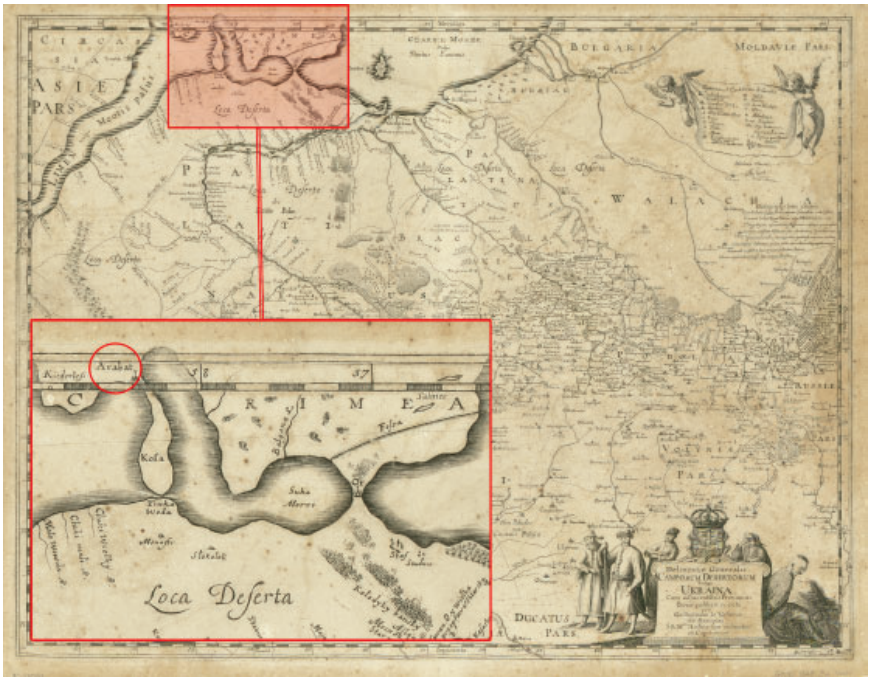

Рис. 1. «Delineatio Generalis Camporum Desertorum vulgo Ukraina» («Общий план безлюдных земель, обычно называемых Украиной»), южная ориентация, 42×54,5 см, масштаб 1:1800000. Автор – Гийом Ле Вассер де Боплан, гравер Вильгельм Гондиус. 1648 г., Данциг. Выделено расположение крепости Арабат.

Fig. 1. Delineatio Generalis Camporum Desertorum vulgo Ukraina, south orientation, 42×54.5, scale 1:1800000. Author - Guillaume Levasseur de Beauplan, engraver - Wilhelm Gondius. 1648, Danzig. The location of Arabot fortress is highlighted.

ского военного инженера и картографа Гийома Ле Вассера де Боплана, который в конце 20-х – начале 30-х гг. XVII в. был приглашён Сигизмундом III на службу в Речь Посполитую как старший капитан артиллерии и военный инженер с целью укрепления юго-восточных границ государства. В 1648 г. в Данциге осуществлено издание карты под заголовком «Delineatio Generalis Camporum Desertorum vulgo Ukraina» («Общий план безлюдных земель, обычно называемых Украиной») (рис. 1). На ней укрепление отмечено как «Arabat». В своих воспоминаниях о службе польскому королю (1-е издание – 1650 г., Руан; 2-е издание – 1660 г., Руан) Боплан, никогда не бывавший в Крыму, пользуясь лишь рассказами местных жителей и путешественников, следующим образом описал крепость: «Арабат или Орбаток – это каменный замок, который имеет одну башню, построенную на самом перешейке полуострова, заключенного между Лиманом и Тонкой водой. Этот перешеек имеет не более 1/8 мили в ширину и прегражден полисадом от одного моря до другого. Казаки называют полуостров косой, т. к. он имеет форму косы. Здесь содержатся ханские табуны, в которых насчитывают не менее 70 000 лошадей» (Ляскоронский, 1901, с. 20). Согласно А.А. Новосельскому, в сентябре 1646 г. и апреле 1647 г. донские казаки вместе с «охочими людьми» совершали набеги на «Арбаток» (Новосельский, 1948, с. 383, 387). Успехом завершился только второй из них, т. к. в первом случае помешал шторм, разбивший казацкие лодки.

В 1666 г. описание крепости Арабат оставил турецкий путешественник Эвлия Челеби. В местечке Хан-Кышласы он встретил крымского хана Мухаммеда IV Герая. С этого момента началось путешествие по Крымскому ханству и Кефинскому эялету. Один из разделов его путевых заметок посвящен Арабатской крепости: «Эта большая и мощная каменная башня круглой формы стоит на мысе Крымской земли, выступающем в Азовское море, на плоском месте <…>. Её построил наш господин Мухаммед Герай-хан в ... году. <…> Действительно, это прочная и мощная башня. Окружность ее составляет целых сто пятьдесят шагов. Там есть начальник крепости, сто пятьдесят секбанов, отличный склад оружия. Пушки шахи и шахане стоят у бойниц. В сторону Крыма на высоком месте открываются железные ворота. Башня эта крыта досками, это высокий купол» (Челеби, 2017, с. 214–215).

О каком Мехмеде Герае говорится в повествовании Э. Челеби – не ясно. Наиболее вероятно, что турецкий автор, упоминая строителя крепости, имел в виду Мехмеда IV Герая, дважды занимавшего крымский престол (1641–1644 и 1654–1666 гг.) и именно во время правления которого он оказался на крымской земле. Но здесь, скорее, должна

идти речь не о строительстве, а о восстановлении фортификационных сооружений и об их укреплении в период второго правления.

Эвлия Челеби посетил Арабат через три десятилетия после крупных набегов казаков на Крымский полуостров. При этом важнейшей целью, как правило, являлись ханы, скрывающие за своими стенами внушительную добычу. Первенство же принадлежало караван-сараю Карасубазара, т. к., кроме того, что он был самым обширным в городе, там располагался один из крупнейших невольничьих рынков Крымского ханства. Наиболее удачные казацкие походы состоялись в 20–30-х гг. XVII в. (1624, 1628, 1630 и др.), когда значительная часть Карасубазара была сожжена, а Большой Таш-хан неоднократно разграблен. Эти события нашли многочисленные отражения в историографии (Новосельский, 1948, с. 136; Описание…, 1902, с. 98, 120; Сухоруков, 1903, с. 138).

Не исключено, что именно регулярные успешные казацкие рейды вглубь полуострова продемонстрировали слабые места в обороне ханства, вынудили всерьез задуматься об укреплении рубежей. Визирем Сефером Гази-агой был предпринят ряд решительных действий в этом направлении – в частности, осуществлена существенная перестройка и укрепление Арабатской крепости, что значительно затрудняло врагу не только проход по Арабатской косе, но и высадку на Азовское побережье Крыма, способствовало контролю Акманайского перешейка, что, в свою очередь, гарантировало защиту от проникновения врага вглубь полуострова со стороны Керченского полуострова (Ломакин, Ломакина и др., 2023, с. 545).

В ряде источников датой строительства указан 1703 год (Памятники…, 1983, с. 333). Это верно лишь отчасти – в это время крепость приобрела современные очертания. В 1699 г. для контроля Керченского пролива начато строительство крепости Ени-Кале, основные работы по возведению которой были окончены через четыре года. Не исключено, что европейские инженеры, под непосредственным руководством которых осуществлялись строительные работы, в дальнейшем были привлечены к укреплению Арабатской крепости. Имя одного из них сохранилось – итальянец, принявший ислам и состоявший на службе у турецкого султана, Мустафа, или Мехмед, Голоппо. В результате крепость Арабат приобрела классические черты европейской фортификации. Повышенное внимание к укреплению со стороны Османской империи в этот период во многом объясняется тем, что в 1696 г. русскими войсками был взят Азов. Это, в свою очередь, делало уязвимым все азовское побережье Крыма.

Очередной строительный этап относится ко времени правления Арслана Герая (1748–1756), основной задачей которого являлось восстановление ханства после разрушительных крымских походов русской армии, укрепление его экономики и обороноспособности. В 1756–1757 гг. на территории крепости возведено здание казарм, дом управляющего гарнизоном, хаммам. К этому же времени относится строительство мечети. Таким образом, мечеть Арабатской крепости является одной из наиболее поздних периода Крымского ханства на территории полуострова, но в то же время одной из наименее изученных. Это во многом объясняется возведением постройки вдали от крупных городских центров, ее значительным отдалением от основных торговых путей и традиционных маршрутов путешественников, массово посещавших полуостров начиная с последней четверти XVIII века.

Одно из наиболее ранних описаний постройки представлено на страницах работы В.Х. Кондараки, подготовленной к 100-летнему юбилею присоединения Крыма к России. Он опубликовал путевые записки своего деда, сопровождавшего Ф.О. Черного во время его научной астрономической экспедиции в Крым, состоявшейся в 1785 г. Участники экспедиции, выполняя основные работы, обратили внимание на обилие археологических памятников в Крыму, в служебной переписке с Академией наук ими были указаны места расположения и описаны многие архитектурно-археологические комплексы (Непомнящий, 2008, с. 173–174). О мечети Арабатской крепости сказано следующее: «Строения крепости состоят: из мечети со сводами. Из надписи, находящейся над дверьми оной, явствует, что она построена султаном Мустафой III, почему и его именем называется. Внутри мечети на стенах написаны имена владеющего тогда в Крыму хана Арслан Герая и ближних его. Баня турецкая со сводами, которая теперь требует починки, а построена для пешего турецкого гарнизона вместе с мечетью» (Кондараки,

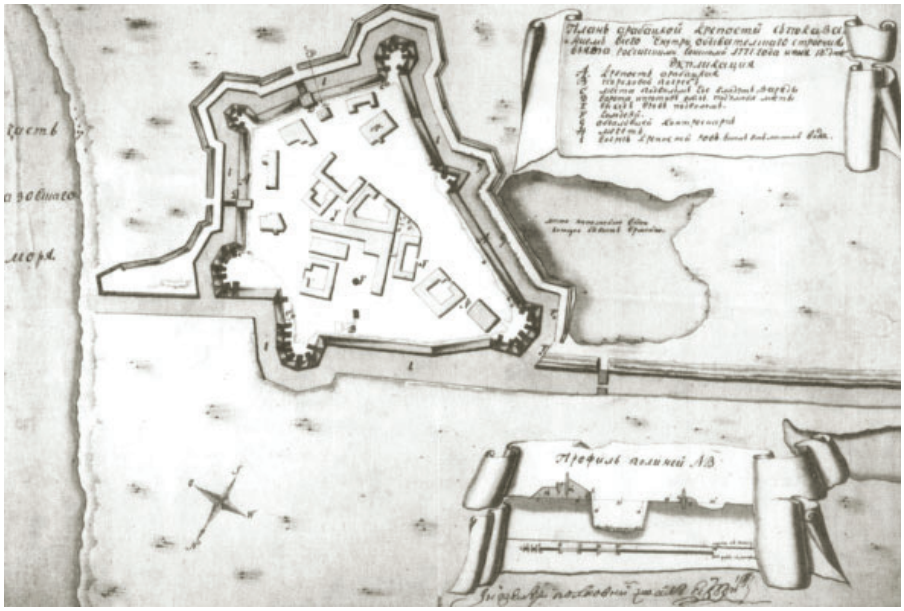

Рис. 2. План крепости Арабат, 1771 г. (РГВИА. Ф. 349. Оп. 3. Д. 1470).
Fig. 2. Arabat Fortress Plan, 1771 (Russian State Military Historical Archive).

1883, с. 59). Из короткого, но информативного сообщения следует, что мечеть носила имя турецкого султана Мустафы III, правившего в 1757–1774 гг., о чем сообщал приведенный тарих, видимо располагавшийся над порталом. Вероятно, ее строительство было начато при Арслане Герае (в 1756 г.), а завершено уже после 1757 г.

Дальнейшие упоминания мечети Арабатской крепости связаны с исследовательской деятельность П.С. Палласа. Академик, находясь в Крыму и исследуя побережье Азовского моря, «нашел нужным посетить эту крепость и идущую за нею косу» (Паллас, 1999, с. 118): «Крепостца Арабат находится непосредственно в самом начале косы, между Сивашом и Азовским морем <…>. Она состоит из полигона в семь правильных бастионов <…>. В крепости видны только: каменная хорошо построенная мечеть с минаретом, плохой дом коменданта и несколько солдатских помещений, частью под землей, частью под валом» (Паллас, 1999, с. 118). Примечательно, что в приведенном фрагменте работы П.С. Палласа еще упоминается минарет мечети, видимо вскоре утраченный.

В фондах Главного инженерного управления (Ф. 349) и Военно-ученого архива (Ф. 846) Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА, Москва) выявлен ряд планов Арабатской крепости, позволяющих достоверно определить расположение

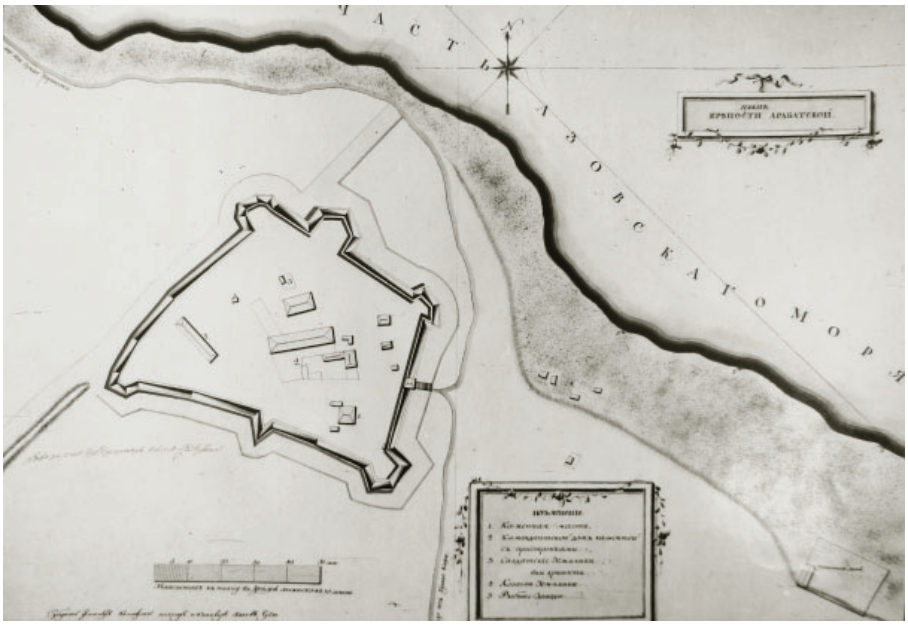

Рис. 3. План крепости Арабат, 1799 г. (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16, т. 3. Д. 20159, ч. 2. Л. 17).
Fig. 3. Arabat Fortress Plan, 1799 (Russian State Military Historical Archive).

мечети на ее территории. Наиболее ранний из них датирован 1771 годом (рис. 2) (Каталог…, 1905, с. 202, запись № 785, 786) и был составлен после того, как крепость Арабат была взята русскими войсками под командованием генерал-майора князя Ф.Ф. Щербатова (Генеральный план…, 1771). Рассмотрим также план крепости, вошедший в Атлас Новороссийской губернии, изданный в 1799 г. (рис. 3) (Атлас…, 1799, ч. 2, л. 17).

План крепости Арабат 1771 г. в экспликации обозначен как «План арабацкой крепости с показанием всего внутри обывательнаго строения, взята Российскими войсками 1771 года июня 18 дня» (рис. 2). Мечеть изображена в южной части крепости, вблизи южного бастиона. Она показана в виде прямоугольника с небольшим выступом у северо-западного угла – минаретом. Прямоугольный план мечети, возможно, включает примыкающие к ней пристройки. Все сооружения внутренней части крепости располагаются в центральной части территории, не примыкая к оборонительной линии. Мечеть находилась на слабо застроенном южном участке, вблизи главных ворот, ведущих в степную часть окружающего пространства. Южное расположение мечети, очевидно, связано с религиозным характером постройки.

Месторасположение мечети в южной части крепости отмечено и на «Плане крепости Арабатской» 1799 г. (рис. 3). Мечеть обозначена квадратным знаком с небольшими строениями у северо-западного (минарет) и юго-западного углов. На плане крепости 1799 г. показано меньше зданий внутренней застройки территории. Документ также зафиксировал обстановку вокруг крепости: размещение казацких «землянок» близ берега моря, дороги из «города Перекопа» и «города Кафы» и др.

План мечети снят Б.Н. Засыпкиным (Непомнящий, 2022) в 1928 г. (Засыпкин, 1931, с. 45, прим. 2; Мирас-Наследие…, 2017, с. 11, рис. 573) (рис. 4)[1]. На нем мечеть – квадратное купольное здание с михрабной нишей в южной стене и входным проемом в северной. Обозначены окна нижнего яруса, по два в каждой стене. На плане мечети у северо-западного угла показан небольшой выступ, который можно трактовать как место минарета, что соответствует фотоснимкам и зарисовкам мечети.

Характеризуя типы крымских средневековых мечетей полуострова и выделяя в них базиличные и купольные, Б.Н. Засыпкин отметил в последних, строившихся в течение позднего этапа, следы влияния османской архитектуры. Он определил черты тектоники мечетей этого «провинциального» направления: «На основном кубическом основании меньший кубический массив со скошенными углами, который служит для главного перехода к восьмигранному барабану, увенчанному шатровой кровлей, так что внутренний купол совершенно скрыт» (Засыпкин, 1927, с. 143–144). Среди подобных мечетей он выделил мечети в селах Карагоз, Колеч-Мечеть, мечети Феодосийского и Евпаторийского районов (Засыпкин, 1927, с. 143, 146). Принадлежность арабатской мечети к купольному османскому типу отмечена в работе В.П. Кирилко и С.Г. Бочарова при рассмотрении схожей мечети из Центрального Крыма – селения Шейх-Кой (Кирилко, Бочаров, 2015, с. 112–113; Ломакин, Айбабина, 2022).

В 1856 г. в Лондоне незначительным тиражом (не более 500 экземпляров) был напеча-

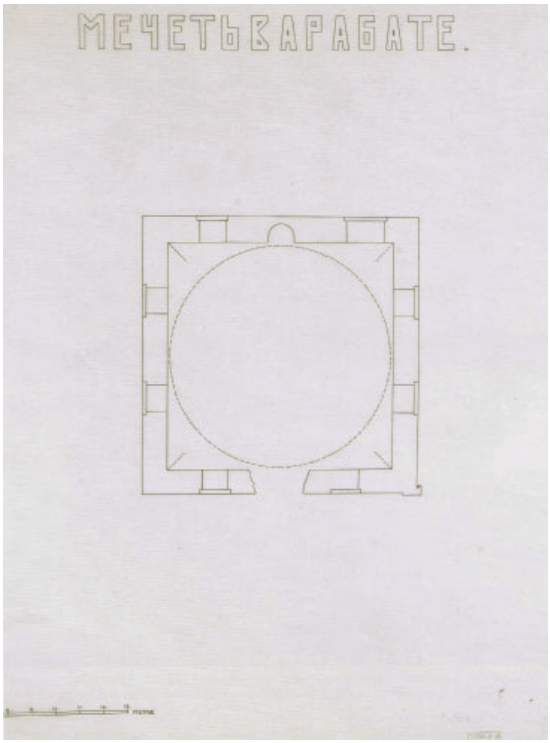

Рис. 4. План мечети крепости Арабат. Калька, тушь. 1928 г. Автор – Б. Н. Засыпкин (ГНИМА, Р V-3813).
Fig. 4. Arabat Fortress Mosque Plan. Tracing paper, mascara. 1928. Author – B. N. Zasypkin (Shchusev State Scientific Research Museum of Architecture).

Рис. 5. «Fort Arabat» (Крепость Арабат), 20х28 см. Рисунок Карло Боссоли, литография Уильяма Уолтона. 1856 г., Лондон. Из альбома «The Beautiful Scenery and Chief Places of Interest throughout the Crimea».
Fig. 5. Fort Arabat, 20x28. Drawing by Carlo Bossoli, lithography by William Walton. 1856, London. From the album The Beautiful Scenery and Chief Places of Interest throughout the Crimea.

тан альбом цветных литографий Карло Боссоли (Bossoli, 1856), включивший 52 работы с видами Крыма. Вероятно, они были выполнены на протяжении 1840–1842 гг., когда итальянец швейцарского происхождения по приглашению М.С. Воронцова путешествовал по полуострову, где окончательно сложилась его творческая манера художника (Мальгина, 2006, с. 24–25; Пейзажи…, 2014, с. 5). В альбоме представлена литография «Fort Arabat» («Крепость Арабат») (рис. 5) (Пейзажи…, 2014, с. 53, 73), являющаяся одним из наиболее ранних изображений крепости.

Крепость зарисована в отдалении, с юго-восточной стороны, на фоне степного пейзажа с кромкой берега Азовского моря (справа) и Сиваша (слева). Выделена в виде цельного объекта с геометрически четкими линиями земляного бруствера и каменной облицовки крепостного вала, шпицами бастионов, аркой главных южных крепостных ворот. Внутри крепости видны лишь крыши нескольких строений, среди которых можно предположить шатровую кровлю самого высокого сооружения – мечети, находящейся вблизи ворот. На берегу у моря стоят дома, расположение которых показано еще на плане 1799 г. Преувеличенная компактность, некоторое нарушение пропорций в рисунке фортификационного ансамбля не вполне отвечают планам и сохранившемуся облику крепости. Подобное несоответствие в изображении архитектурных объектов и элементов ландшафта отмечено исследователями крымской серии пейзажей в ряде работ Карло Боссоли (Мальгина, 2006, с. 25).

В 1854 г. мечеть Мустафы III упомянута в работе подпоручика Корпуса штурманов А.М. Сухомлина: «В самом южном углублении залива расположена старинная крепость

Рис. 6. Укрепления Арабатской крепости, на дальнем плане справа – купол мечети, вид с северо-запада, 1920-е гг. Фотоснимок, 8х10,7 см. Фотограф не установлен (ГНИМА ОФ-20/4438).
Fig. 6. Fortifications of Arabat fortress. In the background on the right is the dome of the mosque, viewed from the northwest, 1920s. Photo, 8x10.7. Unknown photographer (Shchusev State Scientific Research Museum of Architecture).

Рис. 7. Мечеть Арабатской крепости, вид с юго-востока, 1920-е гг. Фотоснимок, 8,2х10 см. Фотограф не установлен (ГНИМА ОФ-20/4441).
Fig. 7. Mosque of Arabat fortress, viewed from the southeast, 1920s. Photo, 8.2x10. Unknown photographer (Shchusev State Scientific Research Museum of Architecture).

Арабат, ныне совершенно оставленная. Рвы, контрфорсы и мечеть с куполом сохранились ещё; последняя открывается с моря за 10 миль и указывает плавателям место Арабата. Около крепости расположены: бедный хуторок, состоящий из 17-ти дворов, и станция. У берега видны сваи прежде бывшей здесь пристани и колодезь, но вода в нём совершенно солёная» (Сухомлин, 1854, с. 36–37). Из фрагмента следует, что накануне Крымской войны крепость Арабат не использовалась, при этом основные постройки, включая мечеть, к этому моменту сохранялись. После окончания боевых действий и подписания Парижского мирного договора Арабат окончательно утратил военное значение, крепость на долгие годы оказалась в забвении. В 1871 г. она упоминается уже в качестве «упраздненной» (Военное обозрение, 1871, с. 25, 35).

После установления советской власти на территории Крымского полуострова, в начале 1920-х гг. в селении Арабат (после 1944 г. – Рыбацкое) было организовано рыбное коллективное хозяйство, использующее в хозяйственных целях сохранившиеся постройки крепости. Мечеть Мустафы III, несмотря на недовольство местного населения, большинство которого составляли крымские татары, была превращена в сельский клуб.

Архитектурный облик мечети восстановлен благодаря фотоснимкам 1920-х гг., зафиксировавшим памятник с разных сторон и расстояния, выявленным в фондах Государственного музея архитектуры имени А.В. Щусева (ГНИМА, Москва) (рис. 6–10). Общий вид мечети в системе крепости выполнен с северо-западной стороны (рис. 6). Виден облицованный камнем западный фронт крепостного вала с бастионом, кладка облицовки местами утрачена. Мечеть на фотоснимке выделяется как наиболее значительная по высоте постройка внутри крепости.

Фотоснимки 20-х гг. XX в. зафиксировали состояние мечети в период, когда были утрачены минарет и пристройка с северной стороны. Мечеть – здание кубического объема с уступчатым переходом к основанию барабана, высоким восьмигранным барабаном и сферическим куполом – снята с юго-восточной и северо-западной сторон (рис. 7, 8). Окна нижнего яруса большие, со стрельчатыми арками снаружи и полукруглыми внутри здания, по два на каждой стене. Окна верхнего яруса стрельчатой формы, по одному на каждой стене, кроме северной. Проемы окон выложены горизонтальными рядами пиленого камня. Барабан без окон, купол сложен из горизонтальных рядов плинфы, внешняя облицовка не сохранилась. На северной и западной стенах в их верхней части находятся ряды отверстий для балок перекрытия пристроек, причем на северной стене проделан дополни-

Рис. 8. Мечеть Арабатской крепости, вид с северо-запада, 1920-е гг. Фотоснимок, 10,9х16,6 см. Фотограф не установлен (ГНИМА ОФ-6088/3).
Fig. 8. Mosque of Arabat fortress, viewed from the northwest, 1920s. Photo, 10.9x16.6. Unknown photographer (Shchusev State Scientific Research Museum of Architecture).

Рис. 9. Мечеть Арабатской крепости, фрагмент интерьера, 1920-е гг. Фотоснимок, 11х8 см. Фотограф не установлен (ГНИМА ОФ-20/4442).
Fig. 9. Mosque of Arabat fortress, a fragment of the interior, 1920s. Photo, 11x8. Unknown photographer (Shchusev State Scientific Research Museum of Architecture).

тельный горизонтальный паз для крепления кровли пристройки (рис. 8). В северо-западном углу заметны остатки кладки примыкавшего к нему минарета. Изображений минарета не сохранилось, вероятно, его тектоника была подобна аналогичным сооружениям однотипных мечетей полуострова (Зиливинская, 2020, с. 325, 327). Круглое отверстие в грани барабана, вероятнее всего, было пробито во время артиллерийской бомбардировки крепости (рис. 8). Мечеть симметрична, тесаные блоки внешней облицовки тщательно подогнаны, придают цельность массивному кубическому объему здания.

Снимки деталей внутренней части мечети демонстрируют способ перехода от кубического объема к сфере купола, представляющий собой сочетание тромпов с дополняющими их с боковых сторон парусными элементами, что также получило отражение на плане мечети (рис. 4, 9). Купольная кладка была выполнена из горизонтальных рядов плинфы (рис. 10). Арки свода выложены из тесаного камня и опирались на кладку на уровне выступа стен основного объема. Внутренняя часть мечети, как и купол, оштукатурена и побелена. Отсутствие подробных снимков интерьера мечети не позволяют судить о ее декорировании (деревянные антресоли?, оформление михраба?).

Мечеть крепости Арабат соответствует разновидности, которую Б.Н. Засыпкин определил как «провинциальный» тип поздних мечетей крымского полуострова, испытавших влияние османской культовой архитектуры (Засыпкин, 1927, с. 143–144). Здания подобного типа сооружались в разных районах Крыма, особенно в степной или близкой к ней зоне полуострова. В их декорировании использовались сполии с резными деталями сельджукской орнаментики из более ранних

Рис. 10. Мечеть Арабатской крепости, внутренний вид купола, 1920-е гг. Фотоснимок, 10,1х8,1 см. Фотограф не установлен (ГНИМА ОФ-20/4443).
Fig. 10. Mosque of the Arabat fortress, interior view of the dome, 1920s. Photo, 10.1x8.1. Unknown photographer (Shchusev State Scientific Research Museum of Architecture).

Рис. 11. Богаевский К. Ф. Арабат-мечеть с крепостной стеной. Бумага, акварель. 31х50,6 см. 1920-е. (ФКГА, инв. № РГ 529).
Fig. 11. Bogaevsky K. F. Arabat Mosque with a fortress wall. Paper, watercolors. 31x50.6. 1920s. (I. K. Aivazovsky Feodosia Art Gallery).

Рис. 12. Богаевский К. Ф. Арабатская крепость. Пороховой погреб и мечеть. Бумага, акварель. 27,7х50,5 см. 1926 г. (ФКГА, инв. № РГ 421).
Fig. 12. Bogaevsky K. F. Arabat fortress. Powder cellar and mosque. Paper, watercolors. 27.7x50.5. 1926 (I. K. Aivazovsky Feodosia Art Gallery).

построек (Кирилко, 2016). Подобный архитектурный тип мечетей, видимо, был достаточно востребованным благодаря своей композиционной выразительности, массивности, доминированию сооружений в среде городской и поселковой застройки, в «плоском» ландшафте равнинной части края.

Важнейшим источником, дополняющим выявленные фотоснимки с изображением мечети крепости Арабат, являются практически единовременные с ними акварели К.Ф. Богаевского. Невозможность полноценной охраны памятников привела к необходимости их срочной графической фиксации, что было поручено Крымским областным комитетом по делам музеев и охране памятников старины, искусства, природы и народного быта (КрымОХРИС) феодосийскому художнику. Высокий уровень профессионализма и доскональный подход к работе обеспечили ряд достоинств собрания: точность рисунков и передачи архитектоники памятников, детализация изображений. Учитывая отсутствие единовременных фотоснимков или их малое количество, работы К.Ф. Богаевского являются важным источником при проведении реконструкций и реставраций объектов, восстановлении их первоначального облика. «Охрисовская» серия работ художника наиболее полно опубликована М.А. Ломакиной, детально рассмотрены акварели с изображением мечети Арабатской крепости (Ломакина, 2020, с. 104–122; Ломакина, Ломакин, 2019) (рис. 11–16).

Окончательно постройка уничтожена в годы Великой Отечественной войны. При отступлении советских войск осенью 1941 г. мечеть, служившая ориентиром для немецких дальнобойных орудий, была взорвана. Археологические исследования комплекса Арабатской крепости проведены фрагментарно. Раскопки 1988 г. (Колтухов, 1988) под руководством А.Г. Герцена и С.Г. Колтухова носили характер предварительных работ для разработки плана мероприятий по благоустройству территории памятника и проведения неотложных консервационных мер (Герцен, Колтухов, 2009, с. 155). В течение

Рис. 13. Богаевский К. Ф. Руины Арабатской крепости с мечетью. Бумага, акварель. 33,1х50,9 см. 1920-е. (ФКГА, инв. № РГ 485).
Fig. 13. Bogaevsky K. F. Ruins of Arabat fortress and mosque. Paper, watercolors. 33.1x50.9. 1920s. (I. K. Aivazovsky Feodosia Art Gallery).

Рис. 14. Богаевский К. Ф. Разрушенная мечеть. Бумага, акварель. 36,2х50,5 см. 1924 г. (ФМД, инв. № Г-5, КП 59/4).
Fig. 14. Bogaevsky K. F. Destroyed mosque. Paper, watercolors. 36.2x50.5. 1924 (Theodosian Museum of Antiquities).

Рис. 15. Богаевский К. Ф. Арабат. Мечеть. Бумага, акварель. 31,6х47,6 см. 1920-е. (ФКГА, инв. № РГ 476).
Fig. 15. Bogaevsky K. F. Arabat. Mosque. Paper, watercolors. 31.6x47.6. 1920s. (I. K. Aivazovsky Feodosia Art Gallery).

одного археологического сезона были частично изучены морские ворота крепости, пороховой погреб, хаммам и мечеть. Прямоугольный фундамент последней, выявленный на возвышенности в юго-западной части крепостного двора, был лишь оконтурен, что требовалось в соответствии с задачами предреставрационных работ. В процессе расчистки выявлены

Рис. 16. Богаевский К. Ф. Арабатская мечеть. Бумага, акварель. 28,9х51 см. 1920-е. (ФКГА, инв. № РГ 474).
Fig. 16. Bogaevsky K. F. Arabat Mosque. Paper, watercolors. 28.9x51. 1920s. (I. K. Aivazovsky Feodosia Art Gallery).

значительные деформированные фрагменты свода, что указывало на разрушение постройки путем направленного взрыва. Основание минарета, находившегося у северо-западного угла мечети, обнаружено не было (Герцен, Колтухов, 2009, с. 155).

Выявленные архивные материалы, а также изображения мечети на фотоснимках и графике 20-х гг. XX в. позволили воспроизвести местоположение, определить типологию, рассмотреть архитектурные особенности утраченного к настоящему моменту памятника. Исследование подобного комплекса источников является плодотворным в деле историко-архитектурного изучения ряда тем и вопросов – культурных связей полуострова с иными регионами, развития и эволюции архитектурных, строительных технологий и форм.

Примечание:

[1] В одном из современных научных изданий (Мирас-Наследие…, 2017, с. 11, рис. 573) план датирован 1926 г., однако сам Б.Н. Засыпкин отметил, что мечети в Арабате и в селении Шейх-Кой им обследованы в 1928 г. (Засыпкин, 1931, с. 45, прим. 2).

ЛИТЕРАТУРА

Атлас Новороссийской губернии, 1799 г. // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16, т. 3. Д. 20159.

Белик Ю.Л. Османские оборонительные сооружения на Керченском полуострове (XVII – XVIII вв.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 236 с.

Военное обозрение Одесского военного округа / Под ред. полковника Крживоблоцкого. Одесса: тип. П. Францова, 1871. 632 с.

Генеральный план крепости Арабат, 1771 г. // РГВИА. Ф. 349. Оп. 3. Д. 1470.

Герцен А.Г., Колтухов С.Г. Археологические работы в Арабатской крепости // Северное и Западное Причерноморье в античную эпоху и средневековье: материалы 11-го заседания Совместных комиссий по истории, археологии, этнологии и фольклористике при Президиуме НАН Украины и Академии Румынии / Крымское отделение Института археологии НАН Украины; под ред. С. Г. Бочарова, В. Кожокару. Симферополь: Таврия. 2009. С. 144–172.

Засыпкин Б.Н. Памятники архитектуры крымских татар Крым // Крым. 1927. № 2. С. 113–168.

Засыпкин Б.Н. Памятники монументального искусства Советского Востока // Художественная культура Советского Востока / Под ред. И. Н. Бороздина. М.; Л.: Academia, 1931. С. 18–49.

Зиливинская Э.Д. Однокупольные мечети в Крымском ханстве // МАИЭТ. 2020. Вып. 25. С. 322–358.

Каталог Военно-ученого архива Главного штаба / Сост. кап. Бендер; под ред. полк. Вивьен-де-Шатобрена. Т. 1, отд. 1, отд. 2, ч. 1. СПб.: Бережливость, 1905. 466 с.

Кирилко В.П. Сполии в архитектуре Крымского Ханства // Материалы Конгресса исламской археологии России и стран СНГ / Отв. ред. Х.М. Абдуллин, А.Г. Ситдиков. Казань: Институт археологии АН
Кирилко В.П., Бочаров С.Г. Малоизвестная средневековая мечеть в центральном Крыму (Шейх-Кой) // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 4, ч. 2. С. 111–118.

Колтухов С.Г. Полевые материалы Арабатской археологической экспедиции, 1988 г. // НА ИАК РАН. Ф. О-1. Оп. 1. Д. 2154, 2155.

Кондараки В.Х. В память столетия Крыма. М.: тип. В. В. Чичерина, 1883. 145 с.

Ломакин Д.А., Айбабина Е.А. Мечеть в селении Шейх-Кой (Давыдово) по фотоматериалам из личного фонда А. Л. Ротача в Центральном государственном архиве литературы и искусства // МАИЭТ. 2022. Вып. 27. С. 684–709.

Ломакин Д.А., Ломакина М.А., Айбабина Е.А. Торговая крепость «Великого советника»: караван-сараи средневекового Карасу // МАИЭТ. 2023. Вып. 28. С. 541–575.

Ломакина М.А. Крымские древности в акварелях К. Ф. Богаевского: к 150-летию со дня рождения художника / Биобиблиография крымоведения. Вып. 30. Симферополь: Н. Оріанда, 2020. 448 с.

Ломакина М.А., Ломакин Д.А. Арабатская крепость в акварелях К. Ф. Богаевского // Труды всероссийской научно-практической конференции «V Феодосийские научные чтения. Крым: история и современность – проблемы и решения» (г. Феодосия, 23–24 мая 2019 г.). Феодосия: Феодосийский музей древностей, 2019. С. 187–192.

Ляскоронский В.Г. Гильом Левассер де Боплан и его историко-географические труды относительно Южной России: 1. Описание Украины [от пределов Московии до границ Трансильвании. Перевод со 2-го французского издания 1660 г.], 2. Карты Украины. Киев: тип. И. И. Чоколова, 1901. 37 с.

Мальгина М.Р. Виды Крыма первой половины XIX века. Каталог литографий из собрания Крымского республиканского краеведческого музея. Симферополь: Сонат. 2006. 260 с.

Мирас-Наследие. Татарстан-Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 гг.: в 3 т. Т. 3 / Сост. и отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Казань: Астер Плюс, 2017. 720 с.

Непомнящий А.А. Начало научного изучения Крыма // Историческое наследие Крыма. 2008. № 21. С. 168–195.

Непомнящий А.А. Новые материалы к биографии Б. Н. Засыпкина // МАИЭТ. 2022. Вып. 27. С. 711–723.

Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л.: АН СССР, 1948. 448 с.

Описание Черного моря и Татарии, составил доминиканец Эмиддио Дортелли д'Асколи, префект Кафы, Татарии и проч. 1634 // ЗООИД. 1902. Вып. 24. С. 93–180.

Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах / Научное наследство. Вып. 27. М.: Наука, 1999. 246 с.

Памятники градостроительства и архитектуры Украинской ССР: в 4-х т. Т. 2 / Гл. ред. Н.Л. Жариков, отв. ред. И.А. Игнаткин. Киев: Будивельник, 1983. 336 с.

Пейзажи и достопримечательности Крыма в рисунках Карло Боссоли / вступ. статья и комм. Е. Б. Вишневской. Симферополь: Салта, 2014. 75 с.

Сухомлин А.М. Лоция Азовского моря и Керчь-Еникальского пролива. Николаев: тип. Черноморского гидрографического депо, 1854. 96 с.

[Сухоруков В.Д.] Историческое описание земли Войска Донского. Новочеркасск: Обл. Войска Донского стат. ком., 1903. 440 с.

Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области: извлечение из сочинения турецкого путешественника XVII века / Вступ. ст., пер. с османского языка и комм. Е. В. Бахревского. Симферополь: Медиацентр им. И. Гаспринского, 2017. 312 с.

Bossoli C. The Beautiful Scenery and Chief Places of Interest Throughout The Crimea from Paintings by Carlo Bossoli. London, Day&Sons lithographers, 1856.

Информация об авторах:

Айбабина Елена Акимовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры геометрического и компьютерного моделирования энергоэффективных зданий Института «Академия строительства и архитектуры», Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Россия); AibabinaE@mail.ru

Ломакин Дмитрий Анатольевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Россия); LomakinDA@mail.ru

REFERENCES

1799. *Atlas Novorossiyskoy gubernii (Atlas of Novorossiysk province).* Russian State Archive of Military History. Fund 846. Inv.16, dossier 20159 (in Russian).

Belik, Yu. L. 2016. *Osmanskie oboronitel'nye sooruzheniya na Kerchenskom poluostrove (XVII – XVIII vv.) (Ottoman defensive structures on the Kerch Peninsula, 17th – 18th centuries)*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani of the Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Krzhivoblotsky, (ed.). 1871 Voennoe obozrenie Odesskogo voennogo okruga *(Military review of the Odessa Military District)*. Odessa: "P. Frantsov" Publ. (in Russian).

1771. *General'nyy plan kreposti Arabat (General layout of Arabat Fortress)*. Russian State Archive of Military History. Fund 349. (in Russian).

Gertsen, A. G., Koltuhov, S. G. 2009. In Bocharova S.G., Kozhokaru V. (eds.). *Severnoe i Zapadnoe Prichernomor'e v antichnuyu epohu i srednevekov'e (North and West Black Sea Area during Antiquity and the Middle Ages).* Simferopol: "Tavriya" Publ., 144−172 (in Russian).

Zasypkin, B. N. 1927. In *Krym (Crimea)* (2), 113–168 (in Russian).

Zasypkin, B. N. 1931. In Borozdin, I. N. (ed.). *Khudozhestvennaya kul'tura Sovetskogo Vostoka (Artistic culture of the Soviet East)*. Moscow; Leningrad: "Academia" Publ., 18–49 (in Russian).

Zilivinskaya, E. D. 2020. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* (25), 322–358 (in Russian).

Vivienne de Chateaubrin (ed.). 1905. *Katalog Voenno-uchenogo arkhiva Glavnogo shtaba (Catalog of the Military Scientific Archive of the General Staff)*. Vol. 1, part 1. Saint Petersburg: "Berezhlivost'" Publ. (in Russian).

Kirilko, V. P. 2016. In Abdullin H.M., Sitdikov A.G. (eds.). *Materialy Kongressa islamskoy arkheologii Rossii i stran SNG (The Materials of the Congress of Islamic Archaeology of Russia and CIS countries).* Kazan: Institute of archaeology named after A. Kh. Khalikov, TAS, 160–169 (in Russian).

Kirilko, V. P., Bocharov, S. G. 2015. In *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv (Bulletin of the Kazan State University for Culture and Arts)* 4(2), 111–118 (in Russian).

Koltukhov, S. G. 1988. *Polevye materialy Arabatskoy arkheologicheskoy ekspeditsii (Field materials of the Arabat archaeological expedition)*. Scientific Archive of the Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences. F. O-1, Inv. 1, dossier 2154, 2155 (in Russian).

Kondaraki, V. Kh. 1883. *V pamjat' stoletija Kryma (In memory of the centenary of Crimea)*. Moscow: "V. V. Chicherin" Publ. (in Russian).

Lomakin, D. A., Aibabina. E. A. 2022. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* (27), 684–709 (in Russian).

Lomakin, D. A., Lomakina, M. A., Aibabina, E. A. 2023. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* (28), 541–575 (in Russian).

Lomakina, M. A. 2020. *Krymskie drevnosti v akvarelyakh K. F. Bogaevskogo: k 150-letiyu so dnya rozhdeniya khudozhnika (Crimean antiquities on watercolor paintings by K. F. Bogaevsky: the 150th anniversary of the artist)*. Series: Biobibliografiya krymovedeniya (Bio-bibliography of Crimean Studies) 30. Simferopol: "N. Orianda" Publ. (in Russian).

Lomakina, M. A., Lomakin, D. A. 2019. In *Trudy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «V Feodosiyskie nauchnye chteniya. Krym: istoriya i sovremennost' – problemy i resheniya» (g. Feodosiya, 23–24 maya 2019 g.). (Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference 5th Feodosia Scientific Readings. Crimea: History and Modernity – Problems and Solutions (Feodosiya, May, 23–24. 2019)*. Feodosiya: "Feodosiyskiy muzey drevnostey", 187–192 (in Russian).

Lyaskoronsky, V. G. 1901. *Gil'om Levasser de Boplan i ego istoriko-geograficheskie trudy otnositel'no Yuzhnoy Rossii (Guillaume Levasseur de Beauplan and his historical and geographical works about Southern Russia)* 1, 2 Kiev: "I. I. Chokolov" Publ. (in Russian).

Mal'gina, M. R. 2006. *Vidy Kryma pervoy poloviny XIX veka. Katalog litografiy iz sobraniya Krymskogo respublikanskogo kraevedcheskogo muzeya (Views of Crimea in the first half of the 19th century. Catalog of lithographs from the collection of the Crimean Republican Museum of Local Lore)*. Simferopol: "Sonat" Publ. (in Russian).

Bocharov, S. G., Sitdikov, A.G. (eds.). 2017. *MIRAS−NASLEDIE. Tatarstan – Krym. Gorod Bolgar i izuchenie tatarskoj kul'tury v Tatarstane i v Krymu v 1923−1929 godah: v 3-kh tomah (MIRAS−NASLEDIE. Tatarstan and Crimea. The City of Bolgar and the study of Tatar culture in Tatarstan and the Crimea in 1923−1929: in 3 volumes)* 3. Kazan: "Aster Plyus" Publ. (in Russian).

Nepomnyashchy, A. A. 2008. In *Istoricheskoe nasledie Kryma (The Historical Heritage of Crimea)* 21, 168–195 (in Russian).

Nepomnyashchy, A. A. 2022. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* (27), 277–306 (in Russian).

Novosel'skij A. A. 1948. *Bor'ba Moskovskogo gosudarstva s tatarami v pervoy polovine XVII veka (The struggle of the Moscow state with the Tatars in the first half of the 17th century)*. Moscow, Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

In 1902. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii drevnostei (Notes of the Odessa Society of History of Antiquities)* 24, 93–810 (in Russian).

Pallas, P. S. 1999. *Nabliudeniia, sdelannye vo vremia puteshestviia po iuzhnym namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793–1794 gg. (Observations made during a Journey across the Southern Governorates of the Russian State in 1793–1794).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Zharikov, N. L. (ed.). 1983. *Pamyatniki gradostroitel'stva i arkhitektury Ukrainskoy SSR (Monuments of urban construction and architecture of the Ukrainian SSR)* 2. Kiev: "Budivel'nik" Publ. (in Russian).

Vishnevskaya E. B. (ed.). 2014. *Peyzazhi i dostoprimechatel'nosti Kryma v risunkakh Karlo Bossoli (The beautiful scenery and chief places of interest throughout the Crimeau from paintings by Carlo Bossoli)*. Simferopol: "Salta" Publ. (in Russian).

Sukhomlin, A. M. 1854. *Lotsiya Azovskogo morya i Kerch'-Enikal'skogo proliva (The location of the Sea of Azov and the Kerch-Yenikalsky Strait)*. Nikolaev: "tip. Chernomorskogo gidrograficheskogo depo" Publ. (in Russian).

Sukhorukov, V. D. 1903. *Istoricheskoe opisanie zemli Voyska Donskogo (Historical description of the land of the Don Army)*. Novocherkassk: "Chastnaja donskaja tipografiya" Publ. (in Russian).

Chelebi, E. 2017. *Kniga puteshestviya. Krym i sopredel'nye oblasti. (Izvlecheniya iz sochineniya turetskogo puteshestvennika XVII veka*). *(Book of Travel. Crimea and the Neighbouring Regions. (Extracts from a Work by a 17th Century Turkish Traveler).* Simferopol: "Mediatsentr im. I. Gasprinskogo" Publ. (in Russian).

Bossoli, C. *1856.The Beautiful Scenery and Chief Places of Interest Throughout The Crimea from Paintings by Carlo Bossoli*. London: "Day&Sons lithographers" Publ. (in English).

About the Authors:

Aibabina Elena. A. Candidate of Historical Sciences, Associate professor, V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Vernadsky Ave., 4, Simferopol, 295007, Republic of Crimea, Russian Federation; AibabinaE@mail.ru.

Lomakin Dmitry. A. Candidate of Historical Sciences, V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Vernadsky Ave., 4, Simferopol, 295007, Republic of Crimea, Russian Federation; LomakinDA@mail.ru

Статья поступила в журнал 14.03.2025 г.
Статья принята к публикации 16.04.2025 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 9. 904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.5.290.298

КОНФЛИКТ «ПРОВИНЦИЯ – ЦЕНТР» В КРЫМСКОМ ИЗМЕРЕНИИ: СОПЕРНИЧЕСТВО Н. И. РЕПНИКОВА И Н. Л. ЭРНСТА ЗА ЛИДЕРСТВО В ИЗУЧЕНИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА ЭСКИ-КЕРМЕН (1927–1929 ГГ.)

©2025 г. А.А. Непомнящий, Д.А. Ломакин

На основе обширного комплекса архивных материалов из центральных архивохранилищ Российской Федерации рассмотрено научное противостояние во второй половине 20-х годов XX века авторитетных археологов – представителя столичной интеллектуальной среды Н. И. Репникова и крымского ученого Н. Л. Эрнста. Конфликт, возникший, прежде всего, из-за чрезмерных амбиций первого из них, представлял собой борьбу за прерогативное право Н. И. Репникова на исследование средневекового городища Эски-Кермен и его ближайшей округи. В конфликт, острая фаза которого продолжалась более двух лет, были втянуты не только крупные ученые-историки, но и целый ряд научных организаций Советского Союза, что свидетельствует о его масштабах. Проанализированы причины и предпосылки рассматриваемого столкновения интересов, представлены его итоги и последствия, как для каждого из участников конфликта, так и для дальнейшего изучения памятника.

Ключевые слова: Н. И. Репников, Н. Л. Эрнст, средневековый город Эски-Кермен, научный конфликт, археологическое исследование, история изучения.

‘PROVINCE–CENTER’ CONFLICT IN THE CRIMEAN DIMENSION: COMPETITION BETWEEN N. I. REPNIKOV AND N. L. ERNST FOR LEADERSHIP IN THE STUDY OF ESKI-KERMEN MEDIEVAL TOWN (1927–1929)

A. A. Nepomnyashchy, D. A. Lomakin

The paper examines the scientific confrontation in the second half of the 1920s between authoritative archaeologists – a representative of the capital’s intellectual society N. I. Repnikov and a Crimean scientist N. L. Ernst based on a vast set of archival materials from the central archives of the Russian Federation,. The conflict, which arose primarily due to the excessive ambitions of the former, was a struggle for the exclusive prerogative right of N. I. Repnikov to study the medieval settlement of Eski-Kermen and its immediate vicinity. Not only leading historians, but also a number of scientific organizations of the Soviet Union were drawn into the conflict, the acute phase of which lasted for more than two years, which testifies to its scale. The causes and prerequisites for the clash of interests in question are analyzed, and its results and consequences are presented, both for each of the conflict participants and for further study of the monument.

Keywords: N. I. Repnikov, N. L. Ernst, Eski-Kermen medieval town, scientific conflict, archaeological study, study history.

В начале 20-х годов XX века впервые возник научный интерес к изучению средневекового византийского города-крепости Эски-Кермен, расположенного в юго-западном Крыму в 14 км от Бахчисарая. В 1921 г. профессор Таврического университета, заведующий Центральным музеем Тавриды Н.Л. Эрнст приступил к эпизодическому исследованию городища (О деятельности…, 1929).

Эрнст Николай Львович (1889–1956) (рис. 1) родился 23 августа в Киеве. В 1907 г. окончил гимназию в г. Глухове, в 1911 г. – историческое отделение философского факультета Берлинского университета. С 1912 г. – библиотекарь университета Св. Владимира (г. Киев). В 1918–1921 гг. – первый заведующий Академической библиотекой Таврического университета, с 1918 по 1922 гг. – приват-доцент, профессор (с 1920 г.) кафедр российской истории и немецкого языка этого вуза. В 1920–1922 гг. – заведующий Центральным музеем Тавриды (Симферополь), в 1922–1937 гг. – заведующий археологическим отделом музея, заместитель директора по научной

Рис. 1. Николай Львович Эрнст
Fig. 1. Nikolay Lvovich Ernst

Рис. 2. Николай Иванович Репников
Fig. 2. Nikolai Ivanovich Repnikov

работе, организатор научного крымоведения. С 1923 г. – секретарь Таврического общества истории, археологии и этнографии, с 1930 г. – председатель Общества (Непомнящий, 2012; Непомнящий, 2017).

С 1923 г. на территории средневекового городища проводили работы представители Севастопольского музея краеведения (СМК). В 1928 г. Центральными государственными реставрационными мастерскими (ЦГРМ) под патронатом Главнауки Наркомпроса РСФСР организована Эски-Керменская экспедиция, которую возглавил Н.И. Репников.

Репников Николай Иванович (1882–1940) (рис. 2) родился в Санкт-Петербурге. В 1902 г. окончил Императорское Санкт-Петербургское коммерческое училище, после чего поступил в Археологический институт. Тогда же занял должность внештатного научного сотрудника Археологической комиссии. С 1904 г. по 1908 г. обучался на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета. В 1904 и 1906 гг. изучал некрополь античной Ольвии и средневековую крепость Ак-Керман. С 1910 г. трудился в этнографическом отделе Русского музея. Тогда же осуществил масштабные археологические исследования Старой Ладоги (до 1913 г.). В годы гражданской войны в Петрограде занимал должность секретаря Главного управления архивными делами под руководством С.Ф. Платонова. В 1921–1923 гг. – заведующий книжным пунктом петроградского Дома искусства. С 1924 г. по 1926 г. – преподаватель ленинградского фотокинотехникума, в 1928–1929 гг. – сотрудник Центральных государственных реставрационных мастерских. Раскопки Н.И. Репникова в Крыму начались с 1903 г. и продолжались с перерывами до конца жизни, при этом основное внимание уделялось памятникам раннего Средневековья полуострова. К значимым результатам привели его исследования могильника Суук-Су (1903 г.) и базилики в Партените (1907 г.) В 1927 г. начаты работы по изучению Эски-Кермена (Виноградов, 2018, с. 16–24; Тункина, 2017, с. 512–513).

Работы экспедиции 1928 г. подтвердили гипотезу о существовании на плато в период Средневековья крупного поселения с мощными оборонительными сооружениями. Для амбициозного и уже достаточно опытного к тому моменту археолога Н.И. Репникова, после революционных событий фактически оказавшегося на задворках «большой науки» и несколько лет «прозябавшего» в рядовом техникуме, исследование Эски-Кермена могло стать шансом вновь заявить о себе. Для этого в духе времени требовались «новаторские» идеи и «революционный» подход к изучению

памятника. Именно так появилась, казалось бы, немыслимая концепция об Эски-Кермене – Доросе – столице крымских готов, которую еще со времен исследований Ф.А. Брауна принято было связывать с Мангупским городищем. Для закрепления успеха было необходимо начать масштабные археологические исследования памятника, где даже на поверхности видны были остатки фундаментальных построек, а раскопки некрополя сулили находки артефактов, не уступающих находкам из исследованного им готского могильника Суук-Су. Оставалось лишь устранить «конкурента» в лице Н.Л. Эрнста...

Итогом амбициозных планов Н.И. Репникова стал острый многолетний конфликт из-за прерогативного права исследования эски-керменского городища, в который оказались втянутыми не только сами участники, но и видные представители научной общественности, а также ведущие научно-исследовательские организации страны. Важно отметить, что летом 1929 г. на территории памятника планировались работы совместной советско-германской экспедиции, чем в том числе обусловлено повышенное внимание высокопоставленных чиновников и ученых «наивысшего ранга» к Эски-Кермену, а следовательно – и к конфликту Н.И. Репникова и Н.Л. Эрнста.

В 1927 г. Н.И. Репников, во многом благодаря ходатайству заведующего Государственным Херсонесским музеем К.Э. Гриневича и при поддержке реставратора древнерусской живописи Г.О. Чирикова, был привлечен к работам в ЦГРМ – он руководил раскрытием и изучением фресок Георгиевского храма в Старой Ладоге. Сотрудничество с ЦГРМ дало возможность получить Н.И. Репникову «Открытый лист» на работы в Крыму. Перспектива начала работ на территории Эски-Кермена под эгидой Реставрационных мастерских обеспокоила Н.Л. Эрнста.

Находясь на должности заведующего археологическим отделом ЦМТ, он обратился в Главнауку НКП РСФСР, уведомив курирующую научные изыскания организацию о том, что им уже начаты исследования Эски-Кермена, и на территории памятника под его руководством уже не один год проходят научные работы. Главнаукой в официальном письме ГАИМК в апреле 1927 г. было предложено предоставить Н.И. Репникову для проведения археологических работ памятники Мангупа и Сюрени, изучение Эски-Кермена предполагалось оставить Н.Л. Эрнсту (О раскопках…, 1927, л. 3). Однако подобное «разделение полномочий» (О раскопках…, 1927, л. 4) было резко отвергнуто Н.И. Репниковым в его записке от 9 мая, адресованной ГАИМК. В нарастающий конфликт вскоре был вовлечен Народный комиссариат просвещения Крымской АССР. Нарком просвещения Крымской АССР Усеин Вели Балич подержал Н.Л. Эрнста. Тем самым местный чиновник отстаивал права находящегося в его ведомстве Центрального музея Тавриды (О раскопках…, 1927, л. 5, 8).

16 февраля 1928 г. на заседании Крымской комиссии ГАИМК Н.Л. Эрнст прочел доклад «Эски-Кермен и пещерные города Крыма», в котором были озвучены дальнейшие планы по изучению городища (О работах…, 1928, л. 1–1 об.). Н.И. Репников в свою очередь заручился поддержкой Севастопольского музея краеведения, представители которого также проявляли интерес к исследованию Эски-Кермена. Его сотрудниками направлена коллективная резолюция в Академию наук СССР, где признавалось, что исследование памятника велось Н.Л. Эрнстом с 1921 г. Однако при этом подчеркивалось, что «первым углубленно-научным его изучением <…> являются раскопки 1926 г., которые велись <…> Репниковым и были поставлены безукоризненно широко <…> в тесном <…> контакте с <…> Севастопольским музеем краеведения» (Тункина, 2008, с. 250).

В «Выписке из протокола Общего собрания работников Севастопольского музея краеведения» от 9 апреля 1929 г. отдельно отмечалось, что до 1926 г. основной объем работ по исследованию памятника был выполнен севастопольскими краеведами. По просьбе Н.И. Репникова в документе сделана примечательная ремарка, указывающая на то, что исследования СМК «нельзя смешивать» (О деятельности…, 1929) с работами Н.Л. Эрнста. Данный ход Н.И. Репникова достаточно легко объяснить – незадолго до этого Г.А. Бонч-Осмоловский, соратник Н.Л. Эрнста, знавший его не понаслышке и хорошо знакомый с результатами проводимых им изысканий, заявил о неоспоримых правах последнего на изучение памятника. По мнению лидера севастопольских краеведов, директора СМК П.П. Бабенчикова, подобная трактовка Г.А. Бонч-Осмоловского явля-

лась «безосновательной» (О деятельности…, 1929).

На объединенном заседании ЦГРМ и Московского отделения Общества по изучению Крыма в феврале 1929 г., посвященном проблемам изучения крымских готов, с докладом выступил сотрудник ЦГРМ, профессор-искусствовед А.И. Анисимов, поддержавший Н.И. Репникова. Оба исследователя были сотрудниками Реставрационных мастерских, а также входили в состав Эски-Керменской археологической экспедиции этой организации. О регулярных научных контактах обоих свидетельствует выявленная переписка в фондах Отдела рукописей Государственной Третьяковской галереи (Письма Н.И. Репникова…, 1921–1928). На заседании выступил и сам Н.И. Репников, ознакомивший присутствующих с полученными результатами изучения Эски-Кермена и возможными перспективами. Лейтмотивом доклада стала уже озвученная ранее идея Эски-Кермена – Дороса, в которой первый из них отождествлялся со столицей крымских готов. Данный тезис Н.Л. Эрнст считал ошибочным, связывая центр Готии с Мангупом.

Член-корреспондент РАН Ю.В. Готье, председательствовавший на заседании вместо С.Ф. Платонова (не смог присутствовать из-за неотложных дел), после окончания мероприятия, 18 февраля 1929 г., сообщал последнему в Ленинград, что Н.И. Репников «затянул» свой доклад более чем на час, видимо, «жалея пропустить что-либо из того, что им было написано» (Письма и телеграмма Ю.В. Готье…, 1908–1930, л. 34).

В марте 1929 г. состоялось объединенное заседание Комиссий АН СССР (Археографической, Византийской, Комиссии по истории знаний), посвященное теме открытия Н.И. Репниковым готской столицы. С докладами выступили А.И. Анисимов, В.А. Брим, а также Н.И. Репников, ознакомивший присутствующих с результатами работ Эски-Керменской экспедиции в 1928 г. (Тункина, 2008, с. 249–250).

Хорошо знавший В.И. Вернадского по совместной работе в Таврическом университете, Н.Л. Эрнст решил написать прежде всего ему. Тем более что именно В.И. Вернадский и С.Ф. Платонов, зная о работах Н.Л. Эрнста на Эски-Кермене и не имея представления о разведках там Н.И. Репникова, содействовали привлечению именно Н.Л. Эрнста к разработке данного сюжета (Непомнящий, 2012, с. 212–214). В письме от 21 марта 1929 г. подчеркивалось, что изучение Эски-Кермена Н.Л. Эрнстом было начато еще в 1921 г., о чем свидетельствует его доклад на Керченской конференции 1926 г. и неоднократные сообщения в ГАИМК по этому вопросу. Николай Львович сетовал на то, что Репников оттеснил его от исследования городища «при помощи способов и приемов, которые сделали невозможной совместную с ним работу» в дальнейшем, отметив, что «подобные склоки в научной работе производят всегда крайне угнетающее впечатление и только вредят делу» (Письма Н.Л. Эрнста…, 1929, л. 1). Н.Л. Эрнст также выразил надежду на возможность продолжить изучать Эски-Кермен, однако при условии, что это не будет приводить к конфликтным ситуациям и мешать научным изысканиям.

Председатель Таврического общества истории, археологии и этнографии, авторитетнейший историк-краевед А.И. Маркевич также не остался в стороне. В письме С.Ф. Платонову от 12 апреля 1929 г. он представил свой взгляд на стремительно развивающийся конфликт между двумя археологами, каждый из которых добивался в АН СССР права организовать свою экспедицию по изучению средневекового Эски-Кермена, причем не исключалась их одновременная работа. В подобном варианте А.И. Маркевич усомнился: «Вдвоем они сразу переругаются» (Письма А.И. Маркевича…, 1928–1929, л. 28). При этом, несмотря на крайне напряженные отношения Н.И. Репникова и Н.Л. Эрнста и, казалось бы, сложившуюся безвыходную ситуацию, А.И. Маркевич советовал С.Ф. Платонову привлечь обоих археологов к изучению средневекового города, учитывая их солидный накопившийся к тому моменту опыт проведения археологических работ, так как «оба они дополняют друг друга».

В ответном письме А.И. Маркевичу, датированном 30 мая 1929 г., С.Ф. Платонов сообщал, что в научных кругах Ленинграда стал распространяться слух о плагиате в работах Н.Л. Эрнста. Впервые подобная мысль прозвучала 9 мая в докладе В.И. Равдоникаса в ГАИМК и сводилась к тому, что Николаем Львовичем в своих трудах были неправомерно использованы фрагменты рукописей А.Л. Бертье-Делагарда. С.Ф. Платонов также

отметил, что он обратился к А.И. Полканову с просьбой проверить, насколько данные слухи правдоподобны (Письмо С.Ф. Платонова…, 1929, л. 1).

В письме С.Ф. Платонову от 24 мая 1929 г. А.И. Маркевич как председатель ТОИАиЭ обозначил серьезную обеспокоенность враждебными по отношению друг к другу взглядами Н.И. Репникова и Н.Л. Эрнста. Арсений Иванович, выразив надежду, что «самолюбие и того, и другого лица будет принесено в жертву науке», заключил: «Участие обоих в Эски-Керменских раскопках не может не вызывать сочувствия, равно как и устранение того или другого должно вызывать только сожаление» (Письма А.И. Маркевича…, 1929–1930, л. 3–4).

С.Ф. Платонов по вопросу исследования Эски-Кермена регулярно общался и с Н.И. Репниковым. Он давно знал Николая Ивановича и с 1922 г. переписывался с ним. Часть писем Н.И. Репникова к академику сохранилась. Из контекста общения становится понятным, что это лишь отдельные послания из постоянной многолетней переписки. Н.И. Репников регулярно информировал академика о ходе исследований средневекового города (Письма и телеграммы Н.И. Репникова…, 1922–1929). В личном архиве С.Ф. Платонова сохранились фрагменты «Дневника раскопок готского городища в Эски-Кермен (Крым)» 1928 года, который вел Н.И. Репников (Дневник раскопок…, 1928).

На запрос С.Ф. Платонова о возможном заимствовании Н.Л. Эрнстом наработок А.Л. Бертье-Делагарда без ссылки на эти исследования лидер советского краеведения Крыма, директор Центрального музея Тавриды (именно в этом учреждении хранился архив Александра Львовича) А.И. Полканов ответил в письме от 13 июля 1929 г. Сообщалось, что среди имеющихся в ЦМТ материалов ученого нет неопубликованных работ. Также было установлено, что с документами А.Л. Бертье-Делагарда Н.Л. Эрнст вовсе не работал, что полностью исключало всякие неправомерные действия с его стороны. А.И. Полканов заключил: «Все слухи, распространяемые в Питере некоторыми лицами об Эрнсте, являются явно недобросовестными» (Письмо А.И. Полканова…, 1929). В июне 1929 г. библиотекарем ЦМТ Д.С. Спиридоновым составлен рапорт о возможности использования материалов из архива А.Л. Бертье-Делагарда, который недавно поступил в фонды учреждения. В документе отмечалось, что работы покойного ученого были приняты в библиотеку ЦМТ в 1927 г. и с этого момента еще не выдавались на руки исследователям (Материалы о раскопках…, 1929, л. 17).

На основании документа, подготовленного Д.С. Спиридоновым, А.И. Полкановым составлена справка, копии которой были отправлены в научные учреждения, так или иначе причастные к продолжавшемуся конфликту археологов. Предоставленный директором Центрального музея Тавриды документ полностью исключал возможность неправомерного использования рукописного наследия А.Л. Бертье-Делагарда Н.Л. Эрнстом. В документе также был отмечен вклад Н.Л. Эрнста в изучение средневекового памятника: «<…> Центральный музей Тавриды неоднократно в период 1921–1926 гг. командировал Н.Л. Эрнста для работ на Эски-Кермене <…>. В Центральном музее Тавриды имеется большое количество снятых Н.Л. Эрнстом на Эски-Кермене фото-негативов, обмеров и зарисовок и собранного им подъемного археологического материала» (Материалы о раскопках…, 1929, л. 24). Об участии Н.Л. Эрнста в исследовании Эски-Кермена в первой половине 20-х годов также свидетельствовали заведующий Крымской областной опытно-показательной школой (учащиеся которой привлекались к раскопкам), известный историк-регионовед П.В. Никольский (Справка…, 1929) и местные жители деревни Черкес-Кермен, расположенной близ средневекового городища (Материалы о раскопках…, 1929, л. 27). А.И. Полканов переслал С.Ф. Платонову эти документы.

Наибольшего напряжения конфликт достиг к лету 1929 г. В это время С.Ф. Платонов планировал поездку в Крым, поводом для которой стала организация готовившейся совместной советско-германской археологической экспедиции по изучению готских древностей. Он предполагал после отдыха на Южном берегу полуострова встретиться с немецкими учеными и вместе с ними посетить Эски-Кермен (Непомнящий, 2018, с. 184–185).

Н.И. Репников готовился к очередному сезону полевых работ, сулившему, учитывая визит немецкой делегации, принести ему мировую славу и известность. Он стремился

всеми возможными способами закрепить за собой «исключительное право» на исследование средневекового города. На заседаниях Крымской комиссии ГАИМК 28 марта и 9 мая 1929 г. Н.И. Репников и поддерживавший его В.И. Равдоникас безосновательно обвиняли Н.Л. Эрнста не только в непрофессиональном подходе к исследованию памятника, но и по-прежнему – в плагиате. Ученому приписывалось использование под своим именем рукописей и чертежей А.Л. Бертье-Делагарда (Дело…, 1929, л. 45–57), а также работ А.С. Уварова, являвшихся частью архива бывшей Таврической ученой архивной комиссии (Дело…, 1929, л. 45–57).

В такой обстановке 8 июля 1929 г. Н.Л. Эрнстом отправлено письмо С.Ф. Платонову, к которому прилагались собранные им справки от различных учреждений, подтверждающие работы Н.Л. Эрнста на городище с 1921 г., подчеркивалось, что он «не нуждался в какой-либо загробной помощи А.Л. Бертье-Делагарда». Автором письма отдельно отмечалось, что он «совершенно никому не навязывал своего участия в работах на Эски-Кермене» и никого с городища «не вытеснял». Н.Л. Эрнст также заключил, что в сложившейся ситуации «все равно и с Н.И. Репниковым, и рядом с ним работать было бы невозможно» (Письма Н.Л. Эрнста…, 1929, л. 2).

С начала августа 1929 г. С.Ф. Платонов находился на отдыхе в Гаспре (Удостоверения…, 1929). Однако, так и не дождавшись визита в Крым немецких ученых Г. Финдейзена и И. Зауера, представителей Общества взаимопомощи немецкой науке, которые должны были определить объем работ и финансирования планируемой масштабной советско-германской археологической экспедиции в следующем году, вынужден был вернуться в Ленинград ввиду начала работы Комиссии по проверке аппарата учреждений АН СССР. Встреча немецких ученых была поручена академиком А.И. Маркевичу. 9 сентября 1929 г. С.Ф. Платонов получил от крымоведа детальный отчет о визите немецких коллег (Письма А.И. Маркевича…, 1929–1930, л. 13–14). А.И. Маркевич также сообщал 13 сентября: «Я принял все старания, чтобы в должной мере заинтересовать немцев Эски-Керменом в интересах осуществления проблемы снаряжения целой экспедиции немецких ученых в Крым для раскопок в этом пункте в следующем году» (Письма А.И. Маркевича…, 1929–1930, л. 17). Позже, 23 сентября, он заключил: «Самое важное – немцы в высшей степени довольны всем виденным в Крыму, в частности в Э[ски]-К[ермене], и проблема крупных раскопок в будущем году упрочилась» (Письма А.И. Маркевича…, 1929–1930, л. 18).

В поездках по Крыму с целью осмотра готских памятников немецких ученых сопровождал Н.Л. Эрнст. Одним из важнейших пунктов запланированной «экскурсионной программы», естественно, был Эски-Кермен, где в это время продолжала работу экспедиция под руководством Н.И. Репникова. Таким образом, неизбежной стала встреча двух непримиримых соперников. Однако ни в коем случае нельзя было «ударить в грязь лицом» перед всей немецкой исторической наукой, которую представляли в данном случае Г. Финдейзен и И. Зауер. К тому же Н.И. Репников отлично понимал, что «на кону» солидная сумма, которая может быть выделена немецкими исследовательскими обществами на проведение работ под его началом. Позже, уточняя детали осмотра немецкими учеными Эски-Кермена и проводившихся там археологических работ, А.И. Маркевич подчеркнул: «Эрнст и Репников вели себя корректно в кругу гостей-немцев». Однако при этом он отметил, что «было нелегко» уговорить обоих «не выносить конфликт на суд иностранцев ради достоинства науки» (Письма А.И. Маркевича…, 1929–1930, л. 21 об.). 19 сентября 1929 г. детальный отчет о пребывании немцев в Крыму Н.Л. Эрнст отправил С.Ф. Платонову, в котором подытожил: «<…> Я старался сделать все возможное, чтобы обставить гостей удобствами и чтобы показать им все существенные пункты в Крыму, связанные с готами, и состоял при них неотступно, руководя каждым шагом. Мне кажется, что все произошло более или менее гладко <…>. Во всяком случае, они рассыпались в благодарностях» (Письма Н.Л. Эрнста…, 1929, л. 7–8).

Ввиду различных причин, прежде всего политических, планируемая советско-германская археологическая экспедиция так и не состоялась. Острый конфликт между Н.И. Репниковым и Н.Л. Эрнстом, в который оказались втянутыми различные научные организации, постепенно сошел на нет, хотя каждый из археологов остался при своем мнении, продолжая при случае отстаивать

свою позицию. Н.И. Репников фактически вышел победителем из этого противостояния, достигнув основных целей, которые он преследовал изначально: ему удалось не только отстранить Н.Л. Эрнста от исследований памятника, но и практически замкнуть на себе изучение Эски-Кермена. «Высокоинтеллигентный» и «крайне порядочный» Н.Л. Эрнст, в свою очередь, был вынужден столкнуться не только с непониманием и высокомерием, но и с откровенным хамством «столичных авторитетов».

ЛИТЕРАТУРА

Виноградов Ю.А. Н. И. Репников: штрихи к портрету // Гераклейский сборник 1936 г. / Материалы и источники по изучению хоры Херсонеса Таврического. Вып. 1 / Под ред. Ю.А. Виноградова, Т.Н. Смекаловой. СПб.: Алетейя, 2018. С. 16–24.

Дело Крымской комиссии. 1929 г. // ИИМК РАН НА РО. Ф. 2. Оп. 1 (1929 г.). Д. 40. Л. 1–98.

Дневник раскопок готского городища в Эски-Кермен (Крым). 1928 г. // РНБ ОР. Ф. 585. Оп. 1. Д. 702. Л. 1–2.

Материалы о раскопках готского города Эски-Кермен в Крыму. 1929 г. / РНБ ОР. Ф. 585. Оп. 1. Д. 703. Л. 1–50.

Непомнящий А. А. Профессор Николай Эрнст: страницы истории крымского краеведения / Биобиблиография крымоведения. Вып. 15. Киев: Стилос, 2012. 464 с.

Непомнящий А.А. «Рапорт об Эски-Кермене» Н. И. Репникова академику С. Ф. Платонову: неизвестная рукопись // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Исторические науки. 2017. Т. 3 (69). № 4. С. 78–83.

Непомнящий А.А. Академик С. Ф. Платонов и крымоведение / Биобиблиография крымоведения. Вып. 27. Белгород: Константа, 2018. 216 с.

О деятельности Севастопольского музея краеведения. Выписка из протокола общего собрания от 9 апреля 1929 г. // ИИМК РАН НА РО. Ф. 2. Оп. 1 (1929 г.). Д. 97. Л. 1–1.

О работах Н. Л. Эрнста в Крыму. 1928 г. // ИИМК РАН НА РО. Ф. 2. Оп. 1 (1928 г.). Д. 134. Л. 1–6.

О раскопках Н. И. Репникова в Крыму. 1927 г. // ИИМК РАН НА РО. Ф. 2. Оп. 1 (1927 г.). Д. 153. Л. 1–14.

Письма и телеграмма Ю. В. Готье С. Ф. Платонову. Москва. 1908–1930 гг. // РНБ ОР. Ф. 585. Оп. 1. Д. 2705. Л. 1–41.

Письма и телеграммы Н. И. Репникова С. Ф. Платонову. Ленинград, Севастополь и др. 1922–1929 гг. // РНБ ОР. Ф. 585. Оп. 1. Д. 4014. Л. 1–10.

Письма А. И. Маркевича С. Ф. Платонову. Симферополь. 1928–1929 гг. // РНБ ОР. Ф. 585. Оп. 1. Д. 3486. Л. 1–36.

Письма А. И. Маркевича С. Ф. Платонову. Симферополь, Ленинград. 1929–1930 гг. // РНБ ОР. Ф. 585. Оп. 1. Д. 3487. Л. 1–38.

Письма Н. И. Репникова А. И. Анисимову. 1921–1928 гг. // ГТГ ОР. Ф. 68. Оп. 1. Д. 320–324.

Письма Н. Л. Эрнста С. Ф. Платонову. Симферополь, Старый Крым. 1929 г. // РНБ ОР. Ф. 585. Оп. 1. Д. 4721. Л. 1–8.

Письмо А. И. Полканова С. Ф. Платонову. Симферополь. 1929 г. // РНБ ОР. Ф. 585. Оп. 1. Д. 3887. Л. 1–1.

Письмо Н. Л. Эрнста В. И. Вернадскому. Киев. 1929 г. // РНБ ОР. Ф. 585. Оп. 1. Д. 6743. Л. 1–2.

Письмо С. Ф. Платонова А. И. Маркевичу. Ленинград. 1929 г. // РНБ ОР. Ф. 585. Оп. 1. Д. 1845. Л. 1–1.

Справка об участии в организации школьных археологических экспедиций (1923–1929 гг.), выданная Н. Л. Эрнсту зав. Областной опытно-показательной школой. Симферополь. 1929 г. // РНБ ОР. Ф. 585. Оп. 1. Д. 6742. Л. 1–1.

Тункина И.В. К истории изучения «готской проблемы» в советской археологии в 1920-х – начале 1930-х гг. // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. 3 / Отв. ред. А. П. Деревянко, Н. А. Макаров. М.: ИА РАН, 2008. С. 249–251.

Тункина И.В. Репников Николай Иванович // Русское Археологическое общество за третью четверть века своего существования, 1897–1921: исторический очерк / сост. и отв. ред. И.В. Тункина. М.: Индрик, 2017. С. 512–513.

Удостоверения и талон С. Ф. Платонова на право проезда из Ленинграда в Севастополь и обратно, выданные Центральной комиссией по улучшению быта ученых. Ленинград, 1929 г. / РНБ ОР. Ф. 585. Оп. 1. Д. 1044. Л. 1–2.

Информация об авторах:

Непомнящий Андрей Анатольевич, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и всеобщей истории исторического факультета, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Россия); dr.aan@mail.ru

Ломакин Дмитрий Анатольевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Россия); LomakinDA@mail.ru

REFERENCES

Vinogradov Yu. A. 2018. In Vinogradov, Yu. A., Smekalova, T. N. (eds.) *Gerakleiskii sbornik 1936 g. (Heraclea Collection of 1936).* Saint Petersburg: “Aleteiia” Publ., 16–24 (in Russian).

1929. *Delo Krymskoj komissii (The Case of the Crimean Commission)*. Manuscript Department of the Scientific Archive of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. Fund 2, dossier 40 (in Russian).

1928. *Dnevnik raskopok gotskogo gorodishcha v Eski-Kermen (Krym) (Diary of excavations of the Gothic settlement in Eski-Kermen. Crimea)*. Manuscripts Department of the Russian National Library. Fund 585, dossier 702 (in Russian).

1929. *Materialy o raskopkakh gotskogo goroda Eski-Kermen v Krymu (Materials on excavations of the Gothic town of Eski-Kermen in Crimea)*. Manuscripts Department of the Russian National Library. Fund 585, dossier 703 (in Russian).

Nepomnyashchy, A. A. 2012. *Professor Nikolaj Jernst: stranicy istorii krymskogo kraevedenija (Professor Nikolai Ernst: pages of the history of Crimean local history)*. Series: Biobibliografiia krymovedeniia (Biobibliography of Crimean Studies) 15. Kiev: “Stilos” Publ. (in Russian).

Nepomnyashchy, A. A. 2017. In *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki.* (*Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Hystorical sciences)* Vol. 3 (69), no 4, 78–83 (in Russian).

Nepomnyashchy, A. A. 2018. *Akademik S. F. Platonov i krymovedenie (Academician S.F. Platonov and Crimean studies)*. Belgorod: “Konstanta” Publ. (in Russian).

1929. *O deyatel'nosti Sevastopol'skogo muzeya kraevedeniya. Vypiska iz protokola obshchego sobraniya ot 9 aprelya 1929 g. (The activities of the Sevastopol Museum of Local History. Extract from the minutes of the general meeting on April 9, 1929)*. Manuscript Department of the Scientific Archive of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. Fund 2, dossier 97 (in Russian).

1928. *O rabotakh N. L. Ernsta v Krymu (The works of N. L. Ernst in the Crimea)*. Manuscript Department of the Scientific Archive of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. Fund 2, dossier 134 (in Russian).

1927. *O raskopkakh N. I. Repnikova v Krymu (N. I. Repnikov's excavations in Crimea)*. Manuscript Department of the Scientific Archive of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. Fund 2, dossier 153 (in Russian).

1908–1930. *Pis'ma i telegramma Yu. V. Got'e S. F. Platonovu (Letters and telegram by Y. V. Gauthier to S. F. Platonov)*. Moscow. Manuscripts Department of the Russian National Library. Fund 585, dossier 2705 (in Russian).

1922–1929. *Pis'ma i telegrammy N. I. Repnikova S. F. Platonovu. (Letters and telegrams by N. I. Repnikov to S. F. Platonov.* Leningrad, Sevastopol, etc. Manuscripts Department of the Russian National Library. Fund 585, dossier 4014 (in Russian).

1928–1929. *Pis'ma A. I. Markevicha S. F. Platonovu (Letters by A. I. Markevich to S. F. Platonov).* Simferopol. Manuscripts Department of the Russian National Library. Fund 585, dossier 3486 (in Russian).

1929–1930. *Pis'ma A. I. Markevicha S. F. Platonovu (Letters by A. I. Markevich to S. F. Platonov).* Simferopol, Leningrad. Manuscripts Department of the Russian National Library. Fund 585, dossier 3487 (in Russian).

1921–1928. *Pis'ma N. I. Repnikova A. I. Anisimovu (Letters by N. I. Repnikov to A. I. Anisimov)*. Manuscripts Department of the State Tretyakov Gallery, dossier 320–324 (in Russian).

1929. *Pis'ma N. L. Ernsta S. F. Platonovu (Letters by N. L. Ernst to S. F. Platonov).* Simferopol, Stary Crym. Manuscripts Department of the Russian National Library. Fund 585, dossier 4721 (in Russian).

1929. *Pis'mo A. I. Polkanova S. F. Platonovu (Letter by A. I. Polkanov to S. F. Platonov. F. Platonov)* Simferopol. Manuscripts Department of the Russian National Library. Fund 585, dossier 3887 (in Russian).

1929. *Pis'mo N. L. Ernsta V. I. Vernadskomu (Letter by N. L. Ernst to V. I. Vernadsky).* Kiev. Manuscripts Department of the Russian National Library. Fund 585, dossier 6743 (in Russian).

1929. *Pis'mo S. F. Platonova A. I. Markevichu (Letter by S. F. Platonov to A. I. Markevich).* Leningrad. Manuscripts Department of the Russian National Library. Fund 585 (in Russian).

1929. *Spravka ob uchastii v organizatsii shkol'nykh arkheologicheskikh ekspeditsiy (1923–1929 gg.), vydannaya N. L. Ernstu zav. Oblastnoy opytno-pokazatel'noy shkoloy (Certificate of participation in the organization of school archaeological expeditions (1923–1929), issued to N. L. Ernst by the Head of the Regional Experimental Demonstration School)* Simferopol. Manuscripts Department of the Russian National Library. Fund 585, dossier 6742 (in Russian).

Tunkina, I. V. 2008. In Derevyanko, A. P., Makarov, N. A. (eds.). *Trudy II (XVIII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Suzdale 2008 g. (Proceedings of the 2nd (18th) All-Russia Archaeological Congress in Suzdal, 2008)* III. Moscow: “Nauka” Publ., 249–251 (in Russian).

Tunkina I. V. 2017. In Tunkina, I. V. (ed.). *Russkoe Arkheologicheskoe obshchestvo za tret'yu chetvert' veka svoego sushchestvovaniya, 1897–1921: istoricheskiy ocherk (The Russian Archaeological Society in the Third Quarter of a Century of its Existence. 1897–1921: A Historical Essay)*. Moscow: “Indrik Publ.”, 512–513 (in Russian).

1929. *Udostovereniya i talon S. F. Platonova na pravo proezda iz Leningrada v Sevastopol' i obratno, vydannye Tsentral'noy komissiey po uluchsheniyu byta uchenykh (S. F. Platonov’s certificates and coupon for the right of travel from Leningrad to Sevastopol and back, issued by the Central Commission for the Improvement of the Living Conditions of Scientists.* Leningrad. Manuscripts Department of the Russian National Library. Fund 585 (in Russian).

About the Author:

Nepomnyashchy Andrey A. Doctor of Historical Sciences, Professor, V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Vernadsky Avenue, 4, Simferopol, 295007, Republic of Crimea, Russian Federation; Dr.aan@mail.ru

Lomakin Dmitry. A. Candidate of Historical Sciences, V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Vernadsky Avenue, 4, Simferopol, 295007, Republic of Crimea, Russian Federation;LomakinDA@mail.ru

Статья поступила в журнал 03.04.2025 г.
Статья принята к публикации 30.05.2025 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

ХРОНИКА

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.5.299.313

«РАБОТАЮ ПО-ПРЕЖНЕМУ В ОБЛАСТИ АРХЕОЛОГИИ»: ПИСЬМА В. Ф. СМОЛИНА Э. Х. МИННЗУ (1922, 1927, 1929 ГГ.)[1]

©2025 г. С.В. Кузьминых, К.А. Руденко

Публикуются письма и почтовые открытки известного российского археолога и историка В.Ф. Смолина британскому историку античности Э.Х. Миннзу, относящиеся к 1920-м годам. Они отложилась в фонде Миннза в рукописном отделе библиотеки Кембриджского университета (Minns Add. 7722). Открытка и письма 1922 и 1927 гг. отправлены Смолиным из Казани, в годы его работы в Восточном педагогическом институте, открытка 1929 г. – из Севастополя, когда он возглавил Херсонесский историко-археологический музей. Переписка характеризует научную и педагогическую деятельность Смолина, прежде всего, в Татарстане и Чувашии, отражает стремление ученого восстановить прерванные коммуникации с зарубежными коллегами. Общение с крупнейшим европейским антиковедом начала XX века, к сожалению, оказалось недолгим и осталось эпизодом в непростой жизненной судьбе казанского профессора. Тем не менее, письма В. Ф. Смолина сохранили важную информацию, которая будет востребована при воссоздании полноценной научной биографии ученого.

Ключевые слова: В. Ф. Смолин, Э. Х. Миннз, археология Волжско-Камского края, переписка, издательские планы, обмен литературой.

“MY WORK IN ARCHAEOLOGY CONTINUES”: LETTERS BY V. F. SMOLIN TO E. H. MINNS (1922, 1927, 1929)[2]

S. V. Kuzminykh, K. A. Rudenko

Letters and postcards by renowned Russian archaeologist and historian V.F. Smolin to British expert in ancient history E.H. Minns dating back to the 1920s are being published. They are deposited in the Minns collection at the Department of Manuscripts of the Cambridge University Library (Minns Add. 7722). The postcard and letters of 1922 and 1927 were sent by Smolin from Kazan during his years of work at the Eastern Pedagogical Institute, the postcard of 1929 – from Sevastopol, when he headed the Chersonesos Historical and Archaeological Museum. The correspondence characterizes Smolin's scientific and pedagogical activity, primarily in Tatarstan and Chuvashia, and reflects the scientist's desire to restore interrupted communications with his foreign colleagues. Communication with the largest European classical scholar of the early 20th century was unfortunately short-lived and remained an episode in the difficult life of the Kazan professor. Nevertheless, V. F. Smolin's letters preserved important information that will be highly valued by anyone recreating the scientist's complete academic curriculum vitae.

Keywords: V. F. Smolin, E. H. Minns, archaeology of the Volga-Kama region, correspondence, publishing plans, literature exchange.

Имя В.Ф. Смолина (1890–1932) хорошо известно специалистам-археологам и историкам Античности (рис. 1). Виктор Федорович является основоположником многих направлений археологии Среднего Поволжья – от эпохи бронзы (прежде всего в области изучения абашевской культуры) и до Средневековья (Кузьминых, 2004, с. 3). Его исследования

[1] Авторы признательны за помощь при работе над статьей Т.А. Прохоровой (Севастополь), И. А. Шутелевой и Н. Б. Щербакову (Уфа), А. Л. Нуретдиновой (Казань), Е. П. Михайлову (Чебоксары). Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта № 25—18—00790 «Отечественная археология в системе международных научных коммуникаций между двумя мировыми войнами» в Институте археологии РАН.

[2] The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of project No. 25-18-00790 “Russian Archaeology in the system of international scientific communications between the two World Wars” at the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences.

Рис. 1. Профессор Восточного педагогического университета В. Ф. Смолин. Сайт КФУ.
Fig. 1. Professor of the Eastern Pedagogical University V. F. Smolin. KFU website.

в области булгаристики были важным шагом к систематизации историко-археологического знания по волжским булгарам (Руденко, 2014, с. 447–451, 612).

Виктор Смолин родился в поселке при знаменитом Верхне-Баранчанском заводе Екатеринбургского уезда Пермской губернии (ныне пос. Баранчинский близ г. Кушвы Свердловской области), возникшем в середине XVIII века. Отец был железнодорожным служащим, работал в дальнейшем в Челябинске и Томске, где прошли детство и юность нашего героя. В Томске Виктор окончил гимназию и в 1909 г. поступил на историко-филологический факультет Казанского университета, выбрав основным поприщем своей научной деятельности Античность.

Намереваясь специализироваться в области греко-римской истории, Смолин прерывает учебу в Казани, в 1911 г. уезжает в Германию, поступает на историческое отделение философского факультета Лейпцигского университета. Помимо учебы в Лейпциге и Галле с 1913 г., он начинает работать над диссертацией об экономической жизни греческих колоний северного побережья Черного моря под руководством ведущего немецкого антиковеда Эрнста-Вальфрида (Эрнста Романовича) фон Штерна (Кузьминых, 2004, с. 3, 4), до 1911 г. являвшегося профессором Новороссийского университета (Фролов, 2011). Археологией в эти годы Смолин не занимался. С началом Первой мировой войны и вступлением в нее 1 августа 1914 г. Российской империи прервались его научные занятия в Галле – 5 августа он вернулся в Казань, где был вынужден восстановиться на тот же третий семестр в университете, с которого отчислился в 1911 году. В итоге обучение в России и Германии длилось 10 лет: Смолин окончил Казанский университет 30 мая 1918 г. (Кузьминых, 2004, с. 4).

Начавшиеся в 1914 г. Обществом археологии, истории и этнографии при Казанском Императорском университете масштабные раскопки на Болгарском городище привлекли внимание студента Смолина, чему способствовало и влияние его научного руководителя профессора М.М. Хвостова[1]. К этой теме он подошел фундаментально, приняв в 1915–1916 гг. участие в раскопках памятника (Смолин, 1919; 1919а) и написав конкурсное сочинение «Болгары в свете исследования за последние 40 лет». В ноябре 1917 г. оно было удостоено золотой медали Казанского университета[2] и рекомендовано к публикации. Очерк планировалось поместить в качестве вступления в книге А.М. Тальгрена о булгарских древностях коллекции В.И. Заусайлова (Tallgren, 1918). Из-за прервавшейся в 1918 г. переписки с финским ученым этот замысел в первоначально оговоренном виде[3] осуществить не удалось – Смолин использовал очерк в публикациях и лекционных курсах, а также в рецензии на книгу Тальгрена (Смолин, 1925в). В итоге к окончанию университета две темы – история античной и скифской эпох Северного Причерноморья и археология Волжской Булгарии – стали доминантами в его творчестве последующих лет.

В разгар гражданской войны, в 1918 г., вместе со значительным контингентом педа-

гогов и студентов Казанского университета, в том числе со своим учителем М.М. Хвостовым, Виктор Смолин эвакуируется в Томск – город детства, в котором живут его родители и старший брат Николай Федорович Смолин (1888–1962), в будущем известный русский и советский художник-портретист. Оба брата оставили зримый след в культурной и научной жизни Томска (Славин, 1991, с. 107). Здесь Виктор Федорович преподает в университете и гимназии, много работает в области археологии и краеведения, на музейном и общественном поприще, как при правительстве адмирала А.В. Колчака, так и при Советской власти (Кузьминых, 2004, с. 8, 9).

Осенью 1920 г. Смолин наконец-то с трудом вырвался в Казань к семье, которая без него бедствовала, но вывезти ее в Томск из-за прогрессирующего туберкулеза жены не удалось. Вскоре он получил временную работу в университете и обратился в НКП РСФСР о переводе из Томского в Казанский университет; 20 августа 1921 г. Виктор Федорович утверждается преподавателем ФОН Казанского университета. В конце 1921 г. Смолин, поддержанный университетской профессурой, избирается профессором Восточной академии, а в 1922 г. возглавил кафедру археологии Восточного педагогического института, в который была преобразована Восточная академия (Кузьминых, 2004, с. 11, 12).

Именно ко времени работы Смолина в ВПИ относятся его письма профессору Эллису Ховеллу Миннзу (1874–1953), британскому археологу, историку Античности и слависту (Clark, 1985; Бонгард-Левин и др., 2003, с. 477, 478) (рис. 2). Миннз на рубеже XIX–XX веков совершил несколько поездок в Россию. Он получил возможность изучить в подлинниках археологические, этнографические и исторические материалы с огромной территории Европейской России, в том числе в Казани, познакомился со многими отечественными историками и археологами, с которыми долгие годы, несмотря на войны и революции, поддерживал дружескую переписку (Бонгард-Левин, 1997, с. 303–328; Бонгард-Левин и др., 2003, с. 477). Это подтверждает часть опубликованных писем Миннза и его российских корреспондентов из эпистолярного собрания ученого в университете Кембриджа и других архивов (Бонгард-Левин, 1997; Бонгард-Левин и др., 2003; Колеснікова, 2006; Костенко, 2016; Кузьминых, Усачук, 2017; Кузьминых и др., 2020; 2023). Венцом изучения материалов, собранных в России, стал фундаментальный для европейской науки того времени труд «Скифы и греки» (Minns, 1913). Классическая работа британского археолога во многом стимулировала интерес к древней истории и археологии Северного Причерноморья не только в Европе, но и у русских ученых.

Рис. 2. Диснеевский профессор археологии Э. Х. Миннз. Интернет.
Fig. 2. Disney Professor of Archaeology E. H. Minns. The Internet.

Исследования Миннза по истории и археологии античных центров Причерноморья и его варварской периферии, вероятно, оказали важное влияние на выбор научного пути Смолина в студенческие годы. Не случайно его открытка в Кембридж (№ 1) открывается перечислением посланных Илье Егоровичу (так величали Миннза коллеги в России) изданных и готовящихся к изданию статей по скифской и античной проблематике.

В открытке и письмах 1922 и 1927 гг., относящихся к казанскому периоду жизни и творчества ученого (Кузьминых, 2004, с. 11–19), выражены не только научные интересы Виктора Федоровича, но и его попытка восстановить прервавшиеся после революции и гражданской войны научные связи и выйти за рамки малотиражных российских изданий (рис. 3). Понятно стремление Смолина опубликовать что-либо из своих работ в Европе. Частично этот план был реализован в

Рис. 3. Открытка В. Ф. Смолина (16.01.1922). Автограф. Cambridge University Library, Minns Add. 7722.
Fig. 3. Postcard by V. F. Smolin (16.01.1922). An autograph. Cambridge University Library, Minns Add. 7722.

1926 г. в журнале «Eurasia Septentrionalis Antiqua», в котором при содействии его основателя и редактора А.М. Тальгрена вышла статья о раскопках Абашевского могильника (Smoline, 1926). Раскопки этого эпонимного памятника положили начало изучению уникальной восточноевропейской культуры бронзового века (Михайлов, Кузьминых, 2003, с. 30; Кузьминых, 2004, с. 16, 17) (рис. 4).

Смолин, безусловно, ощущал дефицит научного общения в Казани (хотя и был в центре деятельности ряда научных и краеведческих обществ и организаций). Переписка в те годы, за отсутствием личных встреч, была единственной возможностью обмениваться мнениями с коллегами-профессионалами и быть в курсе как археологических, так и исторических новостей и открытий. Эти темы постоянны не только в его письмах иностранным ученым Э.Х. Миннзу, А.М. Тальгрену, Е. Хейкелю, но и российским – В.А. Городцову, А.А. Захарову, И.Н. Бороздину, К.Э. Гриневичу, Б.Э. Петри, В.В. Бартольду и др. (Кузьминых, 2004, с. 16, 20; Валеев и др., 2024).

В публикуемых письмах казанского периода обращают на себя внимание не только планы полевых археологических исследований, реализованных в Татарской и Чувашской республиках (см. прим. 13), а также перечень изданных книг и статей. Важно увидеть, что же ему удалось претворить в жизнь. В реальности – очень немногое. Ряд научных трудов и учебников Виктор Федорович создавал в надежде на издание, и это проговаривается в его письмах Миннзу, Тальгрену, коллегам в Москве и Ленинграде. Но в российской провинции издательства и типографии, особенно в годы «новой экономической политики», работали в основном по коммерческим заказам: научная литература дохода не приносила. Не случайно в библиографии Смолина этих лет заметен явный крен в краеведческую

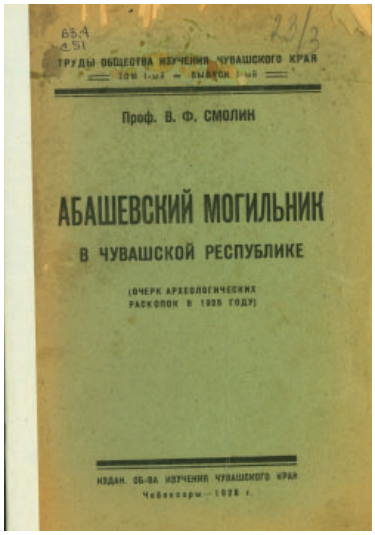

Рис. 4. Титульная страница авторского экземпляра книги «Абашевский могильник». Пятигорский краеведческий музей.
Fig. 4. Title page of the author's copy of the book “Abashevsky burial ground”. Pyatigorsk Museum of Local Lore.

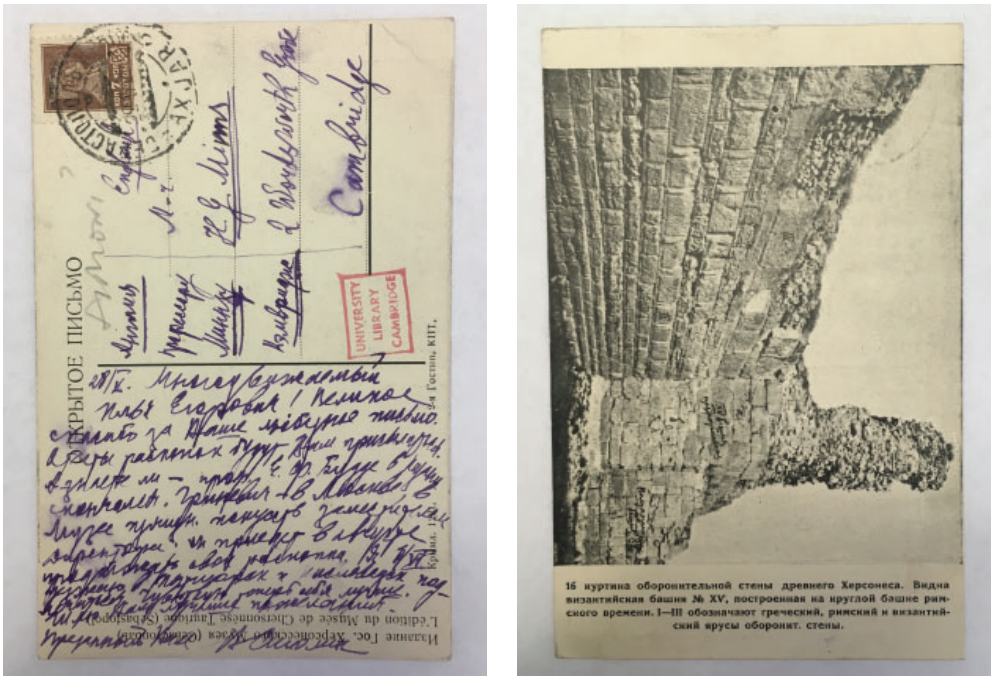

Рис. 5. Открытка В. Ф. Смолина (28.05.1929). Автограф. Cambridge University Library, Minns Add. 7722.
Fig. 5. Postcard by V. F. Smolin (05/28/1929). An autograph. Cambridge University Library, Minns Add. 7722.

тематику, которая гораздо активнее поддерживалась властями национальных республик, нежели работы сугубо академического характера.

Не случайным является и вопрос казанского ученого британскому коллеге: «могут ли Ваши журналы заинтересоваться древностями Волжско-Камской Булгарии?» (письмо № 3). Виктор Федорович был заинтересован в продвижении за рубежом, в том числе в Великобритании, прежде всего своих работ по булгарской проблематике. Вопросы, связанные с изданием трудов по истории и археологии Волжско-Камской Булгарии, являются постоянными в его письмах Тальгрену (РОНБФ. Coll. 230.10). Смолин надеется на содействие редактора ESA в публикации на немецком языке книги «Kurze Geschichte des bulgarischen Reiches an der Wolga und Kama» (в письме от 28.04.1927), но в рабочем архиве финского археолога рукопись этой книги отсутствует, да и вряд ли бы Тальгрен издал рукопись объемом более восьми авторских листов при переполненном в 1920-е годы издательском портфеле журнала (Кузьминых, Салминен, 2016). Казанский ученый работу над книгой, скорее всего, не завершил.

В письмах Виктора Федоровича основная информация касается его текущей жизни и деятельности. Она с полнотой отражена в наших комментариях. Крайне редко Смолин реагирует на какие-либо события в жизни Миннза, который в письме в Казань от 18.03.1927 (№ 3), в частности, сообщал, что избран профессором археологии по факультету археологии и антропологии Кембриджского университета (см. подробнее: Бонгард-Левин и др., 2003, с. 477). При этом он постоянно благодарит британского коллегу за присланные книги и оттиски статей, спрашивает, над чем тот работает в настоящее время, о чем пишет, справляется о его здоровье. Все эти вопросы, конечно же, адресовал ему и Миннз.

Майская открытка 1929 г. из Севастополя завершает диалог в переписке В.Ф. Смолина и Э.Х. Миннза (рис. 5). «Год великого перелома», «дело» академика С.А. Жебелёва и другие связанные с ними репрессивные кампании по дискредитации творческой и научной интеллигенции еще старой – дореволюционной – формации не оставляли шансов таким ученым, как Смолин, оставаться на плаву в сложившейся политической реальности перевода науки на «марксистские рельсы». Виктор Федорович резко оборвал свои контакты с Миннзом и Тальгреном, оставил Крым (рис. 6), переехав в 1931 г. в Пятигорск, где стал научным сотрудником районного краеведческого музея на ниве массовой политико-просветительской работы. Послед-

Рис. 6. В. Ф. Смолин с семьей среди развалин Херсонеса. Фото из Государственного музея-заповедника "Херсонес Таврический"
Fig. 6. V. F. Smolin and his family among the ruins of Chersonesos. Photo from the "Tauric Chersonesos" State Museum-Reserve

няя научная работа об аланских катакомбах на Рим-горе близ Кисловодска опубликована еще до переезда в Пятигорск (Смолин, 1928)[4]. Здесь Смолин не проработал и двух лет, уйдя из жизни 27 октября 1932 г. в возрасте 42 лет (Кузьминых, 2004, с. 21). Увы, больное сердце, подорванное в годы испытаний и борьбы за существование, непростая жизненная судьба, не позволившая ему «стать своим среди чужих», не оставили Виктору Федоровичу Смолину шансов реализовать в советскую эпоху свой весомый научный и педагогический потенциал.

Примечания:

[1] Хвостов Михаил Михайлович (1872–1920), историк античности, профессор Казанского и Томского университетов; см. подробнее (Шофман, 1979).

[2] Отметим, что первую золотую медаль В.Ф. Смолин получил за сочинение «Пантикапей по литературным и археологическим памятникам» в 1915 г. (Кузьминых, 2004, с. 5).

[3] См. письмо В.Ф. Смолина А.М. Тальгрену от 18.07.1917 (РОНБФ. Coll. 230.10).

[4] В.Ф. Смолин разделил катакомбы на одно-, двух-, трехкамерные, но А.П. Рунич считает, что проходы между гробницами были сделаны грабителями и Смолина они ввели в заблуждение – отсюда и появились многокамерные гробницы (Рунич, 1970, с. 200, 201).

***

№ 1 [почтовая карточка]

16 января 1922 г.
Казань

Многоуважаемый Профессор! После многих лет перерыва хочется снова завязать с Вами переписку[1]. Как-то идут Ваши работы по Скифии?[2] Я кроме пересланных Вам («О передвиж[ении] гер[одотовых] скифов» [Смолин, 1915][3] и «О названии Черного моря в древности» [Смолин, 1918]) написал: 1) «К вопросу об источниках Страбона к Боспорскому царству» [Смолин, 1919]; 2) «Главная династия скифских царей» [Смолин, 1915а] и 3) «Падение Археанактидов на Боспоре»[4]. Готовлю книгу о милетских колониях вообще[5]. Написал несколько статей и книг по истории Камско-Волжской Болгарии[6]. При первой же возможности вышлю Вам кое-что. Привет Вам! Буду благодарен, если сообщите о научных новостях. Всего доброго!

В. Смолин (профессор Казанского университета)

№ 2

8 февраля 1927 г.
Казань

Многоуважаемый Илья Егорович!

Почти два года вылежала моя книжечка о развалинах Булгара в типографии. Наконец, вышла на русском и татарском яз[ыках] [Смолин, 1926а; 1926б]. Появлению других моих рукописей не вижу конца[7].

«По развалинам древнего Булгара» послал Вам вчера заказным письмом. Это, конечно, весьма популярный очерк, где останавливаться на ряде научных проблем (напр[имер], в области архитектуры) мне не пришлось.

Давно я Вам не писал и ничего от Вас не получал.

Поэтому, приезжая в Керчь на конференцию археологов[8], я имел большое желание Вас встретить и лично с Вами познакомиться. Но Вас не было. Это меня удивило. Я полагал, что Вы непременно там будете.

Работаю по-прежнему в области археологии[9], хотя в нынешнем году имею 4 часа лекций и то по общей истории.

Лето проработал на раскопках в Чувашской Республике[10]. В октябре ездил в Кисловодск, немножечко подлечился. Вообще теперь чувствую себя значительно лучше[11].

Весной устраивал выставку каменных орудий Волжско-Камского края[12].

Работаю над окончанием книги «Археология Волжско-Камского края». Хотел бы закончить к весне[13].

К скифам и греческим колониям подхожу лишь в часы досуга. Не хочется отрываться и забывать их[14].

Как-то Вы работаете и что пишете?

Буду рад получить от Вас сообщение о Вашем здоровье, благополучии и научных работах.

Всего доброго!

Всегда готовый к услугам и искренне преданный Вам В. Смолин.

Казань, ул. Чехова, д. № 45.

№ 3

1 апреля 1927 г.
Казань

Многоуважаемый Илья Егорович!

Спасибо Вам за письмо от 18/III, которое я получил, по-видимому, с запозданием.

Надеюсь, теперь для Вас уяснился вопрос с кафедрой по археологии[15] и мне очень интересно Ваше решение.

В скором времени пошлю Вам оттиски некоторых моих работ.

Кажется, буду иметь возможность поместить в печати некоторые очерки о милетских колониях по сев[ерному] берегу Черного моря[16].

Такая перспектива, а, быть может, даже только призрак ее подталкивают к работе с новой энергией.

У нас весна. Снег стаял. И на Казанке началась передвижка льда. К 1 мая ожидают вскрытия Волги.

К 25 мая закончатся занятия со студентами. Летние мои планы неясны пока[17]. Возможно, что копать не буду, так как с осени придется читать также курсы по всеобщей истории, к которым надо поработать!

Август и половину сентября думаю совершенно отдыхать на каком-нибудь курорте.

Я не имею возможности в последние годы следить за английскими археологическими журналами. Имеют ли они интерес до археологии России? В частности, меня интересует: могут ли Ваши журналы заинтересоваться древностями Волжско-Камской Булгарии?

В английской литературе об этих древностях нет сведений, кроме тех, которые сообщил Э. Турнерелли[18]. Мне бы очень хотелось дать несколько очерков; переводчик у нас есть хороший и надежный.

Так, напр[имер], я мог бы дать очерки: 1) «Остатки (или развалины) городов Волжско-Камск[ой] Булгарии»; 2) «Состояние изучения древностей Волжско-Камской Булгарии»; 3) «Краткий исторический очерк Волж[ско]-Камской Булгарии»[19].

Я был бы Вам признателен, если бы Вы могли мне посоветовать: кому мне следовало бы предложить указанные очерки, и представляют ли они интерес для английских журналов. Вашим содействием в этом направлении Вы меня очень обяжете.

Еще раз благодарю Вас за книгу о китайских древностях[20]. Прекрасная книга! И я часто к ней обращаюсь.

Позвольте пожелать Вам всего доброго!

Преданный Вам В. Смолин

P.S. В 1928 г. – 50-летний юбилей Общества Археол[огии], Истор[ии] и Этнографии при Каз[анском] Университете[21]. Будем издавать сборник[22]. Не дадите ли статью? Ведь Вы – действит[ельный] член этого общества.

№ 4 [почтовая открытка][23]

28 мая 1929 г.
Севастополь

Многоуважаемый Илья Егорович!

Великое спасибо за Ваше любезное письмо. Отчеты раскопок будут Вам присылаться[24]. А знаете ли – проф. Е. Ф. Будде в Казани скончался[25]. Гриневич[26] – в Москве, в Музее изящн[ых] искусств, заместителем директора. Он приедет в августе продолжать свои раскопки. Я 1/VI уезжаю в Пятигорск и Кисловодск подлечиться. Чувствую теперь себя лучше.

Шлю Вам лучшие пожелания.

Преданный Вам В. Смолин.

Примечания:

[1] Не исключено, что В. Ф. Смолин переписывался с Э. Х. Миннзом в годы своей учебы в Германии, но письма той поры в архиве Кембриджского университета не отложились.

[2] Э. Х. Миннз после издания своей знаменитой книги (Minns, 1913) к исследованиям по археологии и истории Скифии возвращался в ряде работ; см. подробнее (Бонгард-Левин и др., 2003, с. 478).

[3] Здесь и далее в тексте писем в квадратных скобках даны ссылки на соответствующие работы В. Ф. Смолина с тем, чтобы отличить их от литературы, цитируемой в комментариях. В квадратных скобках заключены также восстановленные пропуски в сокращенных словах и фразах.

[4] Печатная и рукописная версия статьи в архивах отсутствует.

[5] Судя по всему, план остался не реализованным.

[6] Публикации В. Ф. Смолина были связаны либо с преподавательской деятельностью (Смолин, 1921), либо с заказами краеведческих организаций Чувашии (Смолин,1921а; 1921б; 1921в; 1921г), реже с какими-либо значимыми историческими событиями, например, подготовкой и празднованием 1000-летия прибытия арабского посольства Ибн-Фадлана к булгарам в 922 г. (Смолин, 1922). Единичны среди них публикации по археологической тематике (Смолин, 1921д). К 1922 г. у Смолина фактически были опубликованы две монографии по волжским булгарам: «К вопросу о происхождении камско-волжских болгар: (Разбор главнейших теорий)» и «Прошлое чувашского народа» (Руденко, 2014, с. 447, 448).

[7] См. список не изданных рукописей В. Ф. Смолина, упомянутых в его переписке с коллегами или сохранившихся в архивах (Кузьминых, 2004, с. 26).

[8] Речь идет о 1-й конференции археологов СССР в Керчи в 1926 г.; см. подробнее (Бороздин, 1926; Мацулевич, 1926).

[9] Из полевых работ важно отметить разведочные работы в Казанском кремле, окрестностях и на улицах Казани, в Болгаре, Чувашии, раскопки Абашевского могильника (Смолин, 1928; Smoline, 1927), средневекового (именьковского и булгарского) Балымерского городища «Шолом» и ананьинского Морквашинского могильника (Смолин, 1927; Кузьминых, 2004, с. 13–16). Из научных публикаций обращают на себя внимание не только «Археологический очерк Татреспублики» (Смолин, 1926), но и статьи об истории города Бряхимова (Смолин, 1925), булгарском Донауровском кладе золотых изделий (Смолин, 1925а; 1925б), новом типе декоративных топориков Казанского края (Смолин, 1926д), заметки о различных памятниках и Ерыклинском кладе медных и бронзовых предметов раннесрубной культуры (Смолин, 1926е), а также серия рецензий (см. их перечень: Кузьминых, 2004, с. 24, 25). В сферу занятий археологией, безусловно, входило ведение студенческого археологического кружка в ВПИ, эксперименты со студентами по лепке керамики, лекции для учащихся и учителей о приемах учета археологических памятников и др. (Там же, с. 13).

[10] См. краткую информацию о работах 1925 г. в Чувашии (Смолин, 1926в; Михайлов, Кузьминых, 2003).

[11] В. Ф. Смолин с детства страдал тяжелой формой порока сердца. Его освободили от воинской повинности в годы Первой мировой войны и не призвали в гражданскую. С годами приступы болезни становились все более тяжкими. Болезнь вынуждала Виктора Федоровича во время раскопок и разведок, на службу в университет и ВПИ в Казани, с лекциями в Татарской и Чувашской республиках, а затем и в Крыму передвигаться на лошади. Лечение в Кисловодске отчасти облегчало течение болезни (Кузьминых, 2004, с. 17, 18).

[12] В письме от 25.03.1926 г. В. Ф. Смолин сообщает А. М. Тальгрену, что в апреле откроет выставку и что в

настоящий момент работает над составлением ее каталога (РОНБФ. Coll. 230.10).

[13] Вероятно, В. Ф. Смолин планировал издать расширенный вариант «Археологического очерка» (Смолин, 1926). В одном из писем А. М. Тальгрену (10.01.1927) указывается объем рукописи – 12 печатных листов (РОНБФ. Coll. 230.10), но, судя по всему, книга не была закончена. Рукопись не отложилась в архивах.

[14] Речь идет о первоначальном направлении исследований В. Ф. Смолина в области античной и скифской истории и археологии (Кузьминых, 2004, с. 3–6), но в начале и середине 1920-х годов Виктор Федорович опубликовал лишь некрологи о Б. А. Тураеве и В. В. Латышеве (Смолин, 1920; 1921е), статью «Новости в хеттском вопросе» (Смолин, 1923). Статья «К вопросу об источниках Страбона к Боспорскому царству» (Смолин, 1929) пролежала в издательстве более 10 лет (Зуев, 2021).

[15] Судя по всему, в письме Э. Х. Миннза речь шла о том, что в 1927 г. он получил влиятельную должность диснеевского профессора археологии на факультете археологии и антропологии Кембриджского университета. Миннз стал шестым «диснеевским» профессором в истории университета (Бонгард-Левин, 1997, с. 315; Бонгард-Левин и др., 2003, с. 477).

[16] Судя по всему, план остался не реализованным.

[17] В 1927 г. В. Ф. Смолин предполагал продолжить исследования в Чувашии, но, судя по всему, эти планы не осуществились. В то же время удалось провести раскопки Морквашинского могильника (см. подробнее о памятнике: Халиков, 1977, с. 44–50; Патрушев, 1990). Материалы без научного отчета и полевой документации перед отъездом из Казани в Севастополь Смолин передал в 1928 г. в Государственный исторический музей (Збруева, 1952, с. 307, 308).

[18] Турнерелли Эдуард (1813– после1854), английский художник, писатель, преподаватель английского языка в Казанском Императорском университете (1837–1844). Наибольшую известность получили его гравюры видов Казани, изданные в 1839 г. (Турнерелли, 1839). После отъезда из России опубликовал два тома воспоминаний о жизни и работе в Казани. На родине писал статьи по истории России.

[19] Речь идет о переработке уже опубликованных очерков (Смолин, 1921; 1925; 1926; 1927а).

[20] Речь идет, вероятнее всего, о каталоге шведского археолога и геолога Йохана (Юхана) Гуннара Андерссона (Andersson, 1926), с которым Миннз был дружен долгие годы, судя по их переписке (Cambridge University Library, Minns Add. 7722) и отзывах Миннза о его работах в письмах М. И. Ростовцеву и А. М. Тальгрену (Бонгард-Левин, 1997; Бонгард-Левин и др., 2003).

[21] В. Ф. Смолин был в составе юбилейной комиссии и принимал деятельное участие как в организации юбилея Общества (Адлер, 1929; Бороздин, 1929; Ильинский, 1929), так и научной сессии 25–27 января 1929 года. Однако в заседаниях самой археологической секции он не выступал, а в начале следующего месяца перевелся в Херсонесский музей и покинул Казань. Весомой причиной отъезда, не исключено, был интерес к нему со стороны НКВД. Эта служба, вероятно, обратила внимание на его контакты с А. М. Тальгреном, которого на юбилее ОАИЭ осудили за антисоветские высказывания, связанные с известным «делом» академика С. А. Жебелёва (см. подробнее: Тункина, 2000). В это же время в казанской печати развернулась кампания по разоблачению работ и взглядов известного историка Н. Н. Фирсова, которого возводили не только в ранг мелкобуржуазного ученого, но и врага Советской власти, напоминая о сотрудничестве Фирсова с белочехами в 1918 г. (Ермолаев, Литвин, 1976). Борьба против «фирсовщины» могла стать (и в итоге стала) катализатором гонений на старую казанскую профессуру. Виктору Федоровичу могли вспомнить его томские «каникулы» под властью Верховного Правителя Сибири адмирала А. В. Колчака. Именно поэтому перевод Смолина в Херсонесский музей в феврале 1929 г. воспринимается столь неоднозначно: дело было, видимо, не только в его болезни и необходимости перемены климата. В 1930 г. на него в Крыму было заведено уголовное дело. Впрочем, оно было закрыто в начале 1931 г. (Кузьминых, 2004, с. 19, 20; Руденко, 2014, с. 356, 357).

[22] Юбилею посвящен специальный выпуск «Известий» Общества (ИОАИЭ. 1929. Т. XXXIV, вып. 3–4).

[23] На лицевой стороне открытки фотография развалин Херсонеса. Печатный текст под фото: «16 крутина оборонительной стены древнего Херсонеса. Видна византийская башня № XV, построенная на круглой башне римского времени, I–III обозначают греческий, римский и византийский ярусы оборонительной стены». На фото – подписи чернилами рукой В. Ф. Смолина (рис. 6).

[24] К. Э. Гриневич информировал Э. Х. Миннза об итогах раскопок 1928 г. на Гераклейском полуострове (см. его письма британскому ученому (Cambridge University Library, Minns Add. 7722, box 591), и Смолин откликается на запрос Миннза, тем более что им написано предисловие к «Отчетной выставке результатов раскопок Гераклейского полуострова» (Смолин, 1929а). В 1929 г. Гриневич прервал переписку с Миннзом. В собрании Кембриджского университета его письма за этот и последующие годы отсутствуют. Подобный ход событий в связи с «делом» академика С. А. Жебелёва был для Гриневича – не только ученого, но и советского чиновника – вполне прогнозируемым.

[25] Будде Евгений Федорович (1859–1929), филолог, ученый-славист, профессор Казанского Императорского университета; в советское время профессор Восточного педагогического института; см. подробнее (Васюкова, 2004).

[26] Гриневич Константин Эдуардович (1891–1970), археолог-антиковед, историк искусства, музейный деятель; см. подробнее (Тункина, 2008, с. 565).

ЛИТЕРАТУРА

Адлер Б.Ф. 50-летие Общества археологии, истории и этнографии // Северная Азия. 1929. № 1. С. 118–119.

Бонгард-Левин Г.М. М. И. Ростовцев и Э. Х. Миннз: от Скифии до Китая и Японии // Скифский роман / Отв. ред. Г. М. Бонгард-Левин. М.: Рос. полит. энциклопедия, 1997. С. 305–328.

Бонгард-Левин Г.М., Бухарин М.Д., Тункина И.В. Скифский мир М. И. Ростовцева и Э. Х. Миннза // Парфянский выстрел / Под ред. Г. М. Бонгарда-Левина, Ю. Н. Литвиненко. М.: Рос. полит. энциклопедия, 2003. С. 477–544.

Бороздин И.Н. Археологические памятники юга СССР и Керченская археологическая конференция // Новый Восток. 1926. № 15. С. 189–201.

Бороздин И.Н. Пятидесятилетие Общества археологии, истории и этнографии при Казанском гос. университете им. В. И. Ленина // Новый Восток. 1929. Кн. 25. С. 371–373.

Валеев Р.М., Валеев Р.М., Валеева Р.З. В. Ф. Смолин в Казани (1909–1929 гг.): письма академику В. В. Бартольду (1921–1925 гг.) // Археология Евразийских степей. 2024. № 1. С. 202–222.

Васюкова И.А. Будде Евгений Федорович // Большая российская энциклопедия 2004–2017. Новая версия. М., 2004. Доступно по URL: https://old.bigenc.ru/linguistics/text/3449663 (дата обращения: 23.05.2025)

Ермолаев И.П., Литвин А.Л. Профессор Николай Николаевич Фирсов: очерк жизни и деятельности. Казань: Казан. ун-т, 1976. 102 с.

Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху / Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. V / МИА. № 30. М.: АН СССР, 1952. 326 с.

Зуев В.Ю. Сканы из моей библиотеки: статья В. Ф. Смолина об источниках Страбона о Боспорском царстве. Доступно по URL: https://vk.com/doc732654_588710043?hash=WA8VUMin1SWbH2Xrqmmzloxlr6k5jvpV3459dS02hCc&dl=AU0ZC4phBW3RjpGuXMQE4cdUORLtLwKz4c0QytsISbw&api=1&no_preview=1 (Дата обращения: 11.03.2021).

Ильинский Л.К. Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете // Краеведение. 1929. Т. VI. № 9. С. 529–534.

Колеснікова В.А. Листування В. В. Хвойки с Е. Міннзом як джерело для створення наукової біографії В. В. Хвойки // Археологія. 2006. № 1. С. 48–59.

Костенко А. Посилка «Кембридж — Херсон» або про наукові контакти Еліса Міннза та Віктора Гошкевича // Scriptorium nostrum. 2016. № 3 (6). С. 7–24.

Кузьминых С.В. Виктор Федорович Смолин / Выдающиеся ученые Казанского университета. Казань: Казан. ун-т, 2004. 30 с.

Кузьминых С.В., Салминен Т. А. М. Тальгрен – редактор журнала «Eurasia Septentrionalis Antiqua» // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения) / Отв. ред. В.В. Бобров. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2016. С. 40–44.

Кузьминых С.В., Усачук А.Н. «С нетерпением жду ответа от Вас» (письма Н.Е. Макаренко Э.Х. Миннзу) // Ex Ungue Leonem: Сборник статей к 90-летию Льва Самуиловича Клейна / Отв. ред. Л.Б. Вишняцкий. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 64–92.

Кузьминых С.В., Шутелева И.А., Щербаков Н.Б. От гипотез к теории: эпистолярный дискурс Э.Х.. Миннза и А. М. Тальгрена // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Т. III / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. Самара: СГСПУ, 2020. С. 137–139.

Кузьминых С.В., Шутелева И.А., Щербаков Н.Б. Российская археология в эпистолярном наследии А. М. Тальгрена и Э. Х. Миннза // У истоков советских археологических школ (1918–1950): матер. VII Междунар. науч. конф. / Отв. ред. И.А. Сорокина. М.: ИА РАН, 2023. С. 45–48.

Мацулевич Л.А. Конференция археологов СССР в Керчи // Сообщения [Сб. РАИМК]. 1926. Т. I. С. 271–286.

Михайлов Е.П., Кузьминых С.В. В. Ф. Смолин и Абашево: К истории археологического изучения Чувашии // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие / Ред. В. С. Бочкарев и др. Чебоксары: ЧГИГН, 2003. С. 12–34.

Патрушев В.С. Новые исследования Пустоморквашинского могильника // Новые источники по этнической и социальной истории финно-угров Поволжья: 1 тыс. до н. э. – 1 тыс. н. э. / Отв. ред. Ю. А. Зеленеев. Йошкар-Ола: МарГУ, 1990. С. 25–74.

Руденко К.А. История археологического изучения Волжской Булгарии (X – XIII вв.). Казань: РИЦ «Школа», 2014. 768 с.

Рунич А.П. Катакомбы Рим-горы // СА. 1970. № 2. С. 198–210.

Смолин В.Ф. О передвижении геродотовых скифов в Переднюю Азию // Ученые записки Казанского университета. 1915. Т. 82, кн. 5, отд. наук. С. 1–26.

Смолин В.Ф. Главная династия скифских царей по Геродоту // Гермес. 1915а. № 17–18. С. 390–394.

Смолин В.Ф. К вопросу о названии Черного моря в древности // ЗООИД. 1916. Т. 53. С. 90–95.

Смолин В.Ф. Отчет об археологических раскопках в Болгаре в июне 1915 года // ИОАИЭ. 1919. Т.. XXX, вып. 1. С. 67–73.

Смолин В.Ф. Краткий отчет о раскопках в Болгарах летом 1916 года // ИОАИЭ. 1919а. Т. XXX, вып.. 1. С. 113–116.

Смолин В.Ф. Профессор Борис Александрович Тураев [Некролог] // Казанский музейный вестник. 1920. № 7–8. С. 83–84.

Смолин В.Ф. К вопросу о происхождении народности камско-волжских болгар: (Разбор главнейших теорий). Казань: Чуваш. отд. Гос. изд. Каз. п/отд., 1921а. 56 с.

Смолин В.Ф. Прошлое чувашского народа / пер. на чув.яз. С. Фомина. Казань: Изд. Центр. Чуваш. отдела при Наркомнаце РСФСР, 1921а. 96 с.

Смолин В.Ф. Опыт инструкции по составлению археологических карт. Казань: Госиздат, Чуваш. отд-ие, 1921б. 16 с.

Смолин В.Ф. Предки чуваш: Булгары в истории Среднего Поволжья // Канаш. 1921в. 30, 31 марта, 1, 2, 6, 7, 9, 12, 14–16, 19, 20, 25 апреля, 13, 14, 19 мая (на чув. яз.).

Смолин В.Ф. Перед тем, как приступить к изучению прошлого родного края // Канаш. 1921г. 22. 30 ноября, 5 декабря (на чув. яз.).

Смолин В.Ф. Чаша с оленем из Болгар: К изучению «болгарской керамики» // Казанский музейный вестник. 1921д. № 1. С. 73–77.

Смолин В.Ф. Академик В. В. Латышев [Некролог] // Казанский библиофил. 1921е. № 2. С. 70–72.

Смолин В.Ф. Литературная весть тысячелетней давности о местном крае (юбилейная заметка) // Казанский библиофил. 1922. № 3. С. 32–36.

Смолин В.Ф. Новости в хеттском вопросе // ИОАИЭ. 1923. Т. XXXII, вып. 2. С. 219–226.

Смолин В.Ф. Болгарский город Бряхимов // ИОАИЭ. 1925. Т. XXXIII, вып. 1. С. 131–145.

Смолин В.Ф. Клад восточных золотых предметов из болгарского города Джуке-Тау // ВНОТ. 1925а. № 3. С. 16–28.

Смолин В.Ф. Донауровский клад из Чистопольского кантона Татреспублики // Новый Восток. 1925б. № 8–9. С. 390–391.

Смолин В.Ф. Рец.: Tallgren A. M. Collection Zaussaïlov au Musée National de Finlande a Helsingfors. II. Monographie de la section de l'âge du fer et l'epoque dite de Bolgary. Helsingfors, 1918. 59 p., XII pl. // ВНОТ. 1925в. № 1–2. С. 63–65.

Смолин В.Ф. Археологический очерк Татреспублики // Материалы по изучению Татарстана. Вып. 2 / Ред. Г. Г. Ибрагимов, Н. И. Воробьев. Казань: Бюро краеведения при Акад. центре ТНКП, 1926. С. 5–70.

Смолин В.Ф. По развалинам древнего Булгара: Спутник экскурсанта. Обзор развалин древнего города. Казань: Госиздат ТССР, 1926а. [4], 86, [1] с.

Смолин В.Ф. По развалинам древнего Булгара: Спутник экскурсанта. Обзор развалин древнего города / пер. на тат. яз. И. Рамиева. Казань: Госиздат ТССР, 1926б. 95 с.

Смолин В.Ф. Раскопки в Чувашской республике [в 1925 г.] // Новый Восток. 1926в. № 12. С. 343–345.

Смолин В.Ф. Раскопки «Шолома» в селе Балымерах Спасского кантона Татреспублики в 1924–1925 гг. (краткий обзор) // ИОАИЭ. 1926г. Т. XXXIII, вып. 2–3. С. 113–130.

Смолин В.Ф. Новый тип декоративного топорика Казанского края // ВНОТ. 1926д. № 4. С. 132–134.

Смолин В.Ф. Археологические заметки: 1) К топографии Казанского Кремля; 2) Разрушение могил близ Свияжска; 3) Неолитическая стоянка близ дер. Займище около Казани; 4) Случайная находка бронзовых предметов в Казанском крае // ВНОТ. 1926е. № 4. С. 72–76.

Смолин В.Ф. Археологические разведки в Чувашской республике в 1926 г. // ИОАИЭ. 1927. Т.. XXXIII, вып. 4. С. 15–32.

Смолин В.Ф. Охрана и ремонт булгарских развалин в прошлом: Краткий исторический очерк // МОРРП. 1927а. Вып. 1. С. 5–16.

Смолин В.Ф. Абашевский могильник в Чувашской республике: (Очерк археол. раскопок в 1925 г.). Чебоксары: Общество изучения Чувашского края, 1928. 56 с.

Смолин В.Ф. Катакомбы на Рым-горе близ Кисловодска // Краеведение на Северном Кавказе. 1928. № 1–2. С. 87–90.

Смолин В.Ф. К вопросу об источниках Страбона к Боспорскому царству // ИТОИАЭ. 1929. Т. 3 (60). С. 66–71.

Смолин В.Ф. Предисловие // Отчетная выставка результатов раскопок Гераклейского полуострова (7 авг. – 4 сент. 1929 г.) под руководством К. Э. Гриневича. Севастополь: 2-я гостип. Крымполиграфтреста, 1929а. С. 3.

Тункина И.В. «Дело» академика Жебелёва // Древний мир и мы. Классическое наследие в Европе и России. Вып. II / Отв. ред. А.К. Гаврилов. СПб.: Алетейя, 2000. С. 116–161.

Тункина И.В. (сост.). Биографический словарь-указатель // Бузескул В.П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и в начале XX века. СПб.: Индрик, 2004. С. 477–831.

Турнерелли Э. Виды Казани, рисованные с натуры. [Б. м.] : [б. и.], 1839. 29 л. илл.

Фролов Э.Д. Немецкий профессор в русском университете: Эрнест Романович фон Штерн (1859–1924 гг.) // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего Нового времени. Вып. 3 / Ред. Г. Е. Лебедева. СПб.: СПбГУ, 2001. С. 29–52.

Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.). М.: Наука, 1977. 262 с.

Шофман А.С. Михаил Михайлович Хвостов / Замечательные ученые Казанского университета. Казань: Казан. ун-т, 1979. 112 с.

Andersson J.G. Draken och de främmande djävlarna. Stockholm: Bonniers, 1926. 454 p.

Clark Grahame. Ellis Hovell Minns // Proceedings of the British Academy. 1985. № 71. P. 597–602.

Minns E.H. Scythians and Greeks. A Survey of Ancient History and Archaeology on the North Coast of the Euxine from the Danube to the Caucasus. Cambridge: University Press, 1913. 720 p.

Smoline V. La nécropole d'Abachévo: (Court aperçu des recherches archéologiques faites en 1925) // ESA. 1927. Vol. I. Pp. 85–94.

Tallgren A.M. Collection Zaussaïlov au Musée National de Finlande a Helsingfors. II. Monographie de la section de l'âge du fer et l'epoque dite de Bolgary. Helsingfors: Édite par la Commission des Collections Antell, 1918. 59 p., XII pl.

Информация об авторах:

Кузьминых Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); kuzminykhsv@yandex.ru

Руденко Константин Александрович, доктор исторических наук, Казанский государственный институт культуры (г. Казань, Россия); murziha@mail.ru

REFERENCES

Adler, B. F. 1929. In *Severnaya Aziya (North Asia)* 1, 118–119 (in Russian).

Bongard-Levin, G. M. 1997. In Bongard-Levin, G. M. (ed.). *Skifskiy roman (The Scythian Romance).* Moscow: "Ros. polit. Entsiklopediya' Publ., 305–328 (in Russian).

Bongard-Levin, G. M., Bukharin, M. D., Tunkina, I. V. 2003. In Bongard-Levin, G. M., Litvinenko, Yu. N. (*eds.). Parfyanskiy vystrel (The Parthian Shot).* Moscow: "Ros. polit. Entsiklopediya' Publ., 477–544 (in Russian).

Borozdin, I. N. 1926. In *Novyi Vostok (New East*) (15), 189–201 (in Russian).

Borozdin, I. N. 1929. In *Novyi Vostok (New East*) (25), 371–373 (in Russian).

Valeev, R.M., Valeev, R. M., Valeeva, R. Z. 2024. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 202–222 (in Russian).

Vasyukova, I. A. 2004. In *Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia (Great Russian Encyclopedia*). 2004–2017. Moscow. Available at: URL: https://old.bigenc.ru/linguistics/text/3449663 (accessed 23.05.2025) (in Russian).

Ermolaev, I. P., Litvin, A. L. 1976. *Professor Nikolay Nikolaevich Firsov: ocherk zhizni i deyatel'nosti (Professor Nikolai Nikolaevich Firsov: an essay on his life and work).* Kazan: Kazan State University (in Russian).

Zbrueva, A. V. 1952. *Istoriia naseleniia Prikam'ia v anan'inskuiu epokhu (History of the Population of the Kama River Region in the Ananyino Time)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Urala i Priural'ia (Materials and Research on the Archaeology of Ural and the Cis-Urals Area) V. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 30. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Zuev, V. Yu. *Skany iz moey biblioteki: stat'ya V. F. Smolina ob istochnikakh Strabona o Bosporskom tsarstve (Scans from my library: V. F. Smolin's article on Strabo's descriptions of the Bosporan Kingdom).* Available at: URL: https://vk.com/doc732654_588710043?hash=WA8VUMin1SWbH2XrqmmzloXLR6k5jvpV3459dS02hCc&dl=AU0ZC4phBW3RjpGuXMQE4cdUORLtLwKz4c0QytsISbw&api=1&no_preview=1 (accessed 11.03.2021) (in Russian).

Il'inskii, L. K. 1929. In *Kraevedenie (Local history)* VI (9), 529–534 (in Russian).

Kolesnikova, V. A. 2006. In *Arkheologia (Archaeology)* (1), 48–59 (in Ukranian).

Kostenko, A. 2016. In *Scriptorium nostrum* 3 (6), 7–24 (in Ukranian).

Kuzminykh, S. V. 2004. *Victor Fedorovich Smolin.* Series: Vydayushchiesya uchenye Kazanskogo universiteta (Outstanding scientists of Kazan University). Kazan: Kazan State University (in Russian).

Kuzminykh, S. V., Salminen, T. 2016. In Bobrov, V. V. (ed.). *Arkheologicheskoe nasledie Sibiri i Tsentral'noy Azii (problemy interpretatsii i sokhraneniya) (Archaeological heritage of Siberia and Central Asia (issues of interpretation and preservation)).* Kemerovo: "Kuzbassvuzizdat" Publ., 40–44 (in Russian).

Kuzminykh, S. V., Usachuk, A. N. 2017. In Vishniatsky, L. B. (ed.). *Ex Ungue Leonem: Sbornik statej k 90-letiyu L`va Samuilovicha Klejna (Ex Ungue Leonem: Collection of Papers for the 90th Anniversary of Lev Samuilovich Klein)*. St. Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ., 64–92 (in Russian).

Kuzminykh, S. V., Shuteleva, I. A., Shcherbakov, N. B. 2020 In Derevianko, A. P., Makarov N. A., Mochalov, O. D. (eds.). *Trudy VI (XXII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Samare (Proceedings of the 6th (22nd) All-Russia Archaeological Congress at Samara)* Vol. III. Samara: Samara State Pedagogical University, 137–139 (in Russian).

Kuz'minykh, S. V., Shuteleva, I. A., Shcherbakov, N. B. 2023. In Sorokina, I. A. (ed.). *U istokov sovetskikh arkheologicheskikh shkol (1918–1950) (At the origins of the Soviet archaeological schools (1918-1950)).* Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 45–48 (in Russian).

Matsulevich, L. A. 1926. In *Soobshcheniia RossiyskoyAkademii istorii material'noi kul'tury (Bulletins of the Russian Academy of the History of Material Culture*) 1, 271–286 (in Russian).

Mikhailov, E. P., Kuzminykh, S. V. 2003. In Bochkarev, V. S. et al (eds.). *Abashevskaya kul'turno-istoricheskaya obshhnost': istoki, razvitie, nasledie (The Abashevo cultural and historical communion: Genesis, Development, Heritage).* Cheboksary: Chuvash State Research Institute for Humanities, 12–34 (in Russian).

Patrushev, V. S. 1990. In Zeleneev, Yu. A. (ed.). *Novye istochniki po etnicheskoy i sotsial'noy istorii finno-ugrov Povolzh'ya. I tys. do n. e. – I tys. n. e. (The new sources on the ethnic and social history of the Finno-Ugric peoples of the Volga region. 1st millennium BC – 1st millennium AD)*. Yoshkar-Ola: Mari State University Publ., 25–74 (in Russian).

Rudenko, K. A. 2014. *Istoriia arkheologicheskogo izucheniia Volzhskoi Bulgarii (X – nachalo XIII v.) (History of Archaeological Studying of Volga Bulgaria (10th — the Beginning of the 13th Century))*. Kazan: "Shkola" Publ. (in Russian).

Runich, A. P. 1970. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 198–210 (in Russian).

Smolin, V. F. 1915. In *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki (Scientific Bulletin of the Kazan University. Series: Humanities)* 82. Book 5, 1–26 (in Russian).

Smolin, V. F. 1915. In *Germes* (17–18), 390–394 (in Russian).

Smolin, V. F. 1916. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii drevnostei (Notes of the Odessa Society of History of Antiquities)* 53, 90–95 (in Russian).

Smolin, V. F. 1919. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan University)* XXX (1). Kazan, 67–73 (in Russian).

Smolin, V. F. 1919. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan University)* XXX (1). Kazan, 113–116 (in Russian).

Smolin, V. F. 1920. In *Kazanskii museinyi vestnik (Kazan Museum Bulletin)* (7–8), 83–84 (in Russian).

Smolin, V. F. 1921. *K voprosu o proiskhozhdenii narodnosti kamsko-volzhskikh bolgar: (Razbor glavneyshikh teoriy)* (*On the question of the origin of the Kama-Volga Bolgars: (Analysis of the main theories))*. Kazan, Chuvash branch of the state publishing house of Kazan polit. Department (in Russian).

Smolin, V. F. 1921. *Proshloe chuvashskogo naroda (The past of the Chuvash people).* Kazan: "Tsentr. Chuvash. otdela pri Narkomnatse RSFSR" Publ. (in Russian).

Smolin, V. F. 1921. *Opyt instruktsii po sostavleniyu arkheologicheskikh kart (Experience in the preparation of archaeological maps)*. Kazan: "Gosizdat" Publ. (in Russian).

Smolin, V. F. 1921. In *Kanash*. March 30, 31, 1, 2, 6, 7, 9, 12, 14-16, 19, 20, 25 April, 13, 14, 19 May (in Chuvash).

Smolin, V. F. 1921. In *Kanash* (22) November, 30, December, 5 (in Chuvash).

Smolin, V. F. 1921. In *Kazanskii museinyi vestnik (Kazan Museum Bulletin)* 1, 73–77 (in Russian).

Smolin, V. F. 1921. In *Kazanskiy bibliofil (Kazan Bibliophile)* 2, 70–72 (in Russian).

Smolin, V. F. 1922. In *Kazanskiy bibliofil (Kazan Bibliophile)* 3, 32–36 (in Russian).

Smolin, V. F. 1923. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan University)* XXXII (2). Kazan, 219–226 (in Russian).

Smolin, V. F. 1925. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan University)* XXXIII (1). Kazan, 131–145 (in Russian).

Smolin, V. F. 1925. In *Novyi Vostok (New East*) (3), 16–28 (in Russian).

Smolin, V. F. 1925. In *Novyi Vostok (New East*) (8–9), 390–391 (in Russian).

Smolin, V. F. 1925. In *Vestnik nauchnogo obshchestva tatarovedeniia (Bulletin of the Scientific Society for Tatar Studies).* 1–2, 63–65 (in Russian).

Smolin, V. F.1926. In Ibragimov, G.G., Vorob'ev, N. I. (eds.). *Materialy po izucheniyu Tatarstana (Materials on the study of Tatarstan)* 2. Kazan: "Byuro kraevedeniya pri Akad. tsentre TNKP" Publ., 5–70 (in Russian).

Smolin, V. F. 1926. *Po razvalinam drevnego Bulgara: Sputnik ekskursanta. Obzor razvalin drevnego goroda (Through the ruins of ancient Bulgar: A tourist's guide. Overview of the ruins of the ancient city).* Kazan: "Gosizdat TSSR" Publ. (in Russian).

Smolin, V. F. 1926. *Po razvalinam drevnego Bulgara: Sputnik ekskursanta. Obzor razvalin drevnego goroda (Through the ruins of ancient Bulgar: A tourist's guide. Overview of the ruins of the ancient city)*. Kazan: "Gosizdat TSSR" Publ. (in Russian).

Smolin, V. F. 1926. In *Novyi Vostok (New East*) (12), 343–345 (in Russian).

Smolin, V. F. 1926. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan University)* XXXIII (2–3). Kazan, 113–130 (in Russian).

Smolin, V. F. 1926. In *Vestnik nauchnogo obshchestva tatarovedeniia (Bulletin of the Scientific Society for Tatar Studies).* 4, 132–134 (in Russian).

Smolin, V. F. 1926. In *Vestnik nauchnogo obshchestva tatarovedeniia (Bulletin of the Scientific Society for Tatar Studies).* 4, 72–76 (in Russian).

Smolin, V. F. 1927. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan University)* XXXIII (4). Kazan, 15–32 (in Russian).

Smolin, V. F. 1927. In *Materialy po okhrane, remontu i restavratsii pamiatnikov TASSR (Materials on the Protection, Repair and Restoration of Monuments in TASSR)* 1. Kazan, 5–16 (in Russian).

Smolin, V. F. 1928. *Abashevskiy mogil'nik v Chuvashskoy respublike: (Ocherk arkheol. raskopok v 1925 g.). (Abashevo burial ground in the Chuvash Republic: (Essay on archaeological excavations in 1925)).* Cheboksary (in Russian).

Smolin, V. F. 1928. In *Kraevedenie na Severnom Kavkaze (Local history in the North Caucasus)* 1–2, 87–90 (in Russian).

Smolin, V. F. 1927. In Ernst, N. L. (ed.). *Izvestiya Tavricheskogo obshhestva istorii, arkheologii i etnografii (Proceedings of the Taurida Society for History, Archaeology, and Ethnography)* 3 (60). Simferopol, 66–71 (in Russian).

Smolin, V. F. 1929. In *Otchetnaya vystavka rezul'tatov raskopok Gerakleyskogo poluostrova (7 avg. – 4 sent. 1929 g.) pod rukovodstvom K. E. Grinevicha (Report exhibition of Heracles Peninsula excavation results (August 7 – September 4, 1929) under the supervision of K. E. Grinevich).* Sevastopol: "2-ya gostip. Krympoligraftresta" Publ., 3 (in Russian).

Tunkina, I. V. 2000. In Gavrilov, A. K. (ed.). *Drevniy mir i my. Klassicheskoe nasledie v Evrope i Rossii (The ancient world and us. Classical heritage in Europe and Russia)* II. Saint Petersburg: "Aleteiia" Publ., 116–161 (in Russian).

Tunkina, I. V. 2004. In Buzeskul, V. P. *Vseobshchaya istoriya i ee predstaviteli v Rossii v XIX i v nachale XX veka (Universal history and its representatives in Russia in the 19th and early 20th centuries).* Saint Petersburg: "Indrik" Publ., 477–831 (in Russian).

Turnelli, E. 1839. *Vidy Kazani, risovannye s natury (Views of Kazan, drawn from nature)*. (in Russian).

Frolov, E. D. 2001. In Lebedeva, G. E. (ed.). *Problemy sotsial'noy istorii i kul'tury srednikh vekov i rannego Novogo vremeni (Issues of social history and culture of the Middle Ages and Early Modern Times).* Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, 29–52 (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1977. *Volgo-Kam'e v nachale epokhi rannego zheleza. VIII–VI vv. do n. e. (The Volga-Kama Region in the Beginning of the Early Iron Age (8th–6th Centuries BC))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Shofman, A. S. 1979. *Mikhail Mikhaylovich Khvostov (Mikhail Mikhailovich Khvostov).* Series: Zamechatel'nye uchenye Kazanskogo universiteta (Remarkable scientists of Kazan University). Kazan: Kazan State University (in Russian).

Andersson, J. G. 1926. *Draken och de främmande djävlarna*. Stockholm: Bonniers.

Clark Grahame, 1985. In *Proceedings of the British Academy*. № 71, 597–602.

Minns, E. H. 1913. *Scythians and Greeks. A Survey of Ancient History and Archaeology on the North Coast of the Euxine from the Danube to the Caucasus*. Cambridge: University Press.

Smoline, V. 1927. In *ESA*. 1927. Vol. I, 85–94 (in French).

Tallgren, A. M. 1918. *Collection Zaussaïlov au Musée National de Finlande a Helsingfors. II. Monographie de la section de l'âge du fer et l'epoque dite de Bolgary*. Helsingfors: Édite par la Commission des Collections Antell.

About the Authors:

Kuzminykh Sergey V. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; kuzminykhsv@yandex.ru

Rudenko Konstantin A. Doctor of Historical Sciences, Kazan State Institute of Culture, Orenburgsky tract St., 3, Kazan, 420059, Republic of Tatarstan, Russian Federation; murziha@mail.ru

Статья поступила в журнал 23.05.2025 г.
Статья принята к публикации 11.06.2025 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902:903 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.5.314.323

АНДРЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ЧИЖЕВСКИЙ И АНАНЬИНСКИЙ МИР В ЕГО ЖИЗНИ И НАУЧНОЙ СУДЬБЕ

© 2025 г. Э.И. Оруджов, С.В. Кузьминых, А.В. Шипилов, Е.М. Черных, В.Е. Шурыгин

Статья посвящена известному российскому археологу Андрею Алексеевичу Чижевскому, чья профессиональная деятельность охватила без малого четыре десятилетия. Как и многие сверстники, с азами археологии юбиляр познакомился еще в школьные годы. Юношеское увлечение историей и археологией привело его в Казанский государственный университет, в стенах которого он сделал первые профессиональные шаги в науке под руководством таких опытных исследователей, как А.Х. Халиков, Е.П. Казаков, П.Н. Старостин. Особое внимание в статье уделено научным разысканиям ученого, включая многолетнее изучение памятников эпох энеолита, бронзы и раннего железа Волго-Уральского региона, а также характеристике основных направлений его научно-исследовательской деятельности (построение культурно-хронологической периодизации ананьинской культурно-исторической области, трансформация погребального обряда от эпохи раннего металла до раннего железного века, реконструкция геологического и геоморфологического строения мысов и оборонительных сооружений ананьинских городищ, обоснование наличия земледелия у населения АКИО и др.).

Ключевые слова: А.А. Чижевский, археология Волго-Уралья, энеолит, маклашеевская культура, ананьинская культурно-историческая область.

ANDREY ALEKSEEVICH CHIZHEVSKY AND THE ANANYINO WORLD IN HIS LIFE AND SCIENTIFIC FATE

E.I. Orudzhov, S.V. Kuzminykh, A.V. Shipilov, E.M. Chernykh, V.E. Shurygin

The article is dedicated to renowned Russian archaeologist Andrey Alekseevich Chizhevsky, whose professional activity spanned almost four decades. Like many of his peers, he familiarized with the basics of archaeology in his school years. His youthful passion for history and archaeology led him to Kazan State University, where he took his first professional steps in science under the guidance of such experienced researchers as A.Kh. Khalikov, E.P. Kazakov and P.N. Starostin. Special attention is paid in the paper to the scientific studies by the scientist, including the long-term study of the monuments of the Eneolithic, Bronze and Early Iron periods of the Volga-Ural region, as well as the characteristics of the main directions of his research activities (cultural and chronological periodization of the Ananyino cultural and historical region, transformation of the funeral rite from the early metal period to the Early Iron Age, reconstruction of the geological and geomorphological structure of the capes and defensive structures of Ananyino fortified settlements, substantiation of the existence of agriculture practiced by the population of the Ananyino cultural and historical region, etc.).

Keywords: A.A. Chizhevsky, archaeology of the Volga-Urals, the Eneolithic, Maklasheevo culture, Ananyino cultural and historical region.

Старший научный сотрудник отдела первобытной археологии Института археологии имени А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан, кандидат исторических наук, признанный специалист по археологии эпох раннего металла и раннего железа Волго-Уральского региона, Андрей Алексеевич Чижевский празднует свой 60-летний юбилей 10 октября 2025 года.

Результаты исследований А.А. Чижевского получили заслуженное признание коллег не только в России, но и за ее пределами. Сфера научных интересов ученого охватывает тысячелетнюю историю Волго-Уральского региона. А.А. Чижевский является автором восьми монографий и 163 статей, изданных в российских и зарубежных научных журналах.

Крупнейшими научными достижениями Чижевского в археологии стали выход в свет под его редакцией двух томов семитомного академического издания «Археология Волго-Уралья» (2021) и написание глав 1-го тома «Истории России» (Кузьминых, Чижевский, 2025; Кузьминых, Чижевский, Васкул, 2025;

Кузьминых и др., 2025). В ходе подготовки фундаментальных коллективных монографий «Энеолит и бронзовый век» (727 стр.) и «Ранний железный век» (627 стр.) Андрей Алексеевич проделал большую организационную и редакторскую работу, привлек крупнейших отечественных специалистов по археологии энеолита, бронзового и раннего железного веков. Лично им подготовлены 10 авторских разделов и глав. Под его руководством авторскими коллективами проведена масштабная аналитическая работа, представлен современный академический взгляд на более чем полуторавековой опыт археологических исследований эпохи первобытности на территории одного из наиболее значимых историко-культурных регионов Северной Евразии. В этих томах представлены новые концепции формирования и взаимодействия культурных образований Волго-Уралья на протяжении эпох раннего металла и раннего железа. Оба тома получили высокую оценку археологов, историков, специалистов смежных дисциплин и позволили по-новому взглянуть на археологические данные, сделали их основой для комплексной реконструкции истории населения Волго-Уральского региона в эпоху первобытности.

Участие А.А. Чижевского в подготовке глав для книги 1 первого тома «Истории России» – труда, отражающего современный уровень изучения древних культур на территории современной России, является признанием высокого научного авторитета ученого, вошедшего в авторский состав уникальной коллективной монографии.

Путь в науку начался для Андрея еще в юности с интереса к истории и археологии. В шестнадцатилетнем возрасте он впервые принял участие в археологической экспедиции под руководством Е.П. Казакова, которая проводила исследования на Чишминском курганном комплексе в Актанышском районе Республики Татарстан. По окончании школы Андрей (рис. 1) подает документы и сдает вступительные экзамены на исторический факультет Казанского государственного университета, однако с первого раза поступить не удалось, после чего последовала служба в армии. Сразу после ее прохождения летом 1986 г. он все же поступил на истфак Казанского университета (Бугров, Галимова, 2015, с. 333–337).

Рис. 1. На фото А.А. Чижевский, 23 года
Fig. 1. Photo of A.A. Chizhevsky at the age of 23

Первой университетской экспедицией для него была археологическая практика под руководством А.Х. Халикова, Ф.Ш. Хузина. По воспоминаниям Андрея Алексеевича, она стала ярким событием для студентов, закончивших первый курс. На раскопки он поехал уже подготовленным, с опытом участия в археологических исследованиях – в этой связи часть работы со студентами руководители практики возложили на его плечи. Уже с первого курса Андрей стал участвовать в работе археологического кружка Казанского университета, а позже стал его старостой вплоть до окончания учебы (рис. 2). Совместно с однокурсниками-кружковцами выпускал студенческую газету «Следы веков», где начинающие археологи делились своими впечатлениями от летних поездок и экспедиционным фольклором, знакомили с первыми научными трудами. В этой газете А.А. опубликовал одну из своих первых статей, посвященную экспедиции 1988 г. на II Коминтеровский могильник под руководством Е.П. Казакова (Следы веков…, 1988). С этого года он активно включился в полевую археологическую работу в качестве самостоятельного исследователя, проведя разведочные поиски на территории Апастовского, Буинского и Тетюшского районов Республики Татарстан. В 1989 г. под его руководством отрядом университетской экспедиции проведены раскопки на Степановском I городище (Чижевский, 1989). Но подлинным вхождением в археологию стало для Чижев-

Рис. 2. Заседание археологического кружка КГУ. На фото в центре Чижевский А.А., справа Галимова М.Ш., Губайдулин А.М., слева Лазарев Ю, Истомин К.Э.
Fig. 2. Meeting of the archaeological circle of KSU. In the center of the photo is A.A. Chizhevsky, on the right are M.Sh. Galimova and A.M. Gubaidulin, on the left are Yu. Lazarev and K.E. Istomin

ского исследование городища Сорочьи горы в 1990 г., где ему посчастливилось участвовать в широкомасштабных охранных раскопках на известном памятнике ананьинской культуры под руководством А.Х. Халикова (Чижевский, 1990).

Результаты первых экспедиций были представлены на Урало-Поволжских археологических студенческих конференциях в 1988 (УПАСК-XX, Куйбышев), 1989 (УПАСК-XXI, Ижевск) и 1990 гг. (УПАСК-XXII, Уфа) (Следы веков…, 2006, с. 8). На этих же конференциях Андрей Алексеевич представил на суд коллег части написанной им под руководством П.Н. Старостина дипломной работы «Типологический анализ керамики именьковской культуры». В 1991 г. он закончил университет.

Получив высшее образование, А.А. Чижевский продолжил обучение в аспирантуре при ИЯЛИ КНЦ АН СССР, где специализировался на изучении археологических культур позднего бронзового и раннего железного веков Среднего Поволжья и Прикамья. Его учителями в археологии стали такие известные ученые, как А.Х. Халиков, Е.П. Казаков, С.В. Кузьминых и В.Н. Марков. С 1991 г. более 10 лет Андрей Алексеевич проработал в Главном управлении госконтроля охраны и использования памятников истории и культуры Министерства культуры Республики Татарстан. За это время им были осуществлены масштабные археологические исследования: разведки, в ходе которых проводился мониторинг и определение границ территорий памятников археологии, а также охранно-спасательные раскопки на объектах в зонах подтопления Нижнекамского и Куйбышевского водохранилищ. Именно в эти годы им проведены раскопки могильников Мурзихинского I и II, Рысовского, позволившие определиться с направлением научно-исследовательской деятельности и сформировать источниковую базу для будущей кандидатской диссертации (Бугров, Галимова, 2015, с. 334, 335).

Аспирантский этап научной деятельности завершился защитой в 2002 г. в Институте археологии РАН кандидатской диссертации на тему «Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках (Прединаньинская и ананьинская культурно-исторические области)», выполненной под руководством С.В. Кузьминых и Е.П. Казакова. Официальные оппоненты В.А. Иванов и В.А. Кореняко высоко оценили научный уровень диссертации. Ее рукопись легла в основу вышедшей через несколько лет монографии под тем же названием (Чижевский, 2008). Автору удалось проследить процесс развития погребально-поминального обряда у населения Волго-Камья в конце II – начале I тыс. до н. э. На основании проведенного анализа А.А. Чижевский: 1) подтвердил гипотезу С.В. Кузьминых и В.Н. Маркова о том, что ананьинская культурно-историческая область является «разнокультурным и неоднородным в этническом плане образованием»; 2) выделил основные признаки погребально-поминального обряда для каждой из культур АКИО; 3) реконструировал процесс погребения усопшего в ананьинском обществе; 4) связал изменение погребального обряда в раннем железном

веке с сильным влиянием степных культур Евразии при сохранении автохтонных традиций позднебронзового века. Эта работа внесла значительный вклад в изучение процессов трансформации погребальной и поминальной практики от эпохи раннего металла до раннего железного века в одном из ключевых регионов Северной Евразии.

Последующие этапы научной деятельности А.А. Чижевского были нацелены на исследование ряда нерешенных проблем археологии Волго-Камья позднего бронзового и раннего железного веков. Первая из них связана с изучением ананьинских мысовых городищ. С 2012 г. под его руководством совместно с геологом-геоморфологом Асией Абдулкадировной Хисяметдиновой инициированы комплексные обследования этой группы памятников. В ходе проведенных работ были выполнены: мониторинг и топографическая съёмка с применением современных технологий геопозиционирования, подробно исследованы и описаны конструкции геолого-геоморфологического строения мысов, а также оборонительных сооружений выразительной серии городищ раннего железного века, расположенных вдоль рек Волги, Камы и Вятки. Итоги проведённой работы нашли отражение в многочисленных публикациях (Черных, Чижевский, Хисяметдинова, 2013; Чижевский и др., 2014; 2016а; 2016б; 2017; 2018; 2019; Чижевский, Хисяметдинова, 2020; Хисяметдинова, Чижевский, 2014; 2018).

В монографии «Оборонительные сооружения мысовых городищ Волго-Камья в раннем железном веке и раннем Средневековье» (Чижевский, Хисяметдинова, 2020) обобщены итоги длительных научных изысканий, посвящённых исследованию этой группы городищ и их геолого-геоморфологических особенностей. Но на этом изучение «оборонительной» проблематики не завершилось: Андрей Алексеевич с коллегами и своими учениками каждый год старается обследовать те городища, которые «ожидали» своей очереди в предшествующие годы.

Одним из ключевых направлений научной деятельности А.А. Чижевского совместно с С.В. Кузьминых стало создание единой культурно-хронологической периодизации ананьинской культурно-исторической области (АКИО) (Кузьминых, Чижевский, 2014; Чижевский, 2017; 2020). Благодаря усилиям исследователей было сформировано четкое разделение АКИО на три основных периода, каждый из которых разделяется на отдельные этапы. Такое систематическое деление позволило существенно повысить точность хронологической классификации артефактов и памятников ананьинского времени.

Для каждого выделенного периода разработано подробное описание, включающее характерные признаки материальной культуры, а именно: особенности керамической посуды, украшений, оружия, орудий труда. Эти характеристики служат основой для идентификации культурных слоев и датировки находок.

Данная периодизация получила широкое признание среди ученых и активно используется в исследовании древностей раннего железного века Волго-Уралья, включая такие академические издания, как «История России» и «Археология Волго-Уралья», университетские учебные пособия и энциклопедические отечественные и зарубежные справочники (Канторович, Кузьминых, 2023; Kuzminykh et al., 2024). Точность и детализированность предложенной периодизации позволяет проводить эффективные сопоставления различных категорий изделий и обеспечивает надежность выводов относительно исторической последовательности событий и динамики развития культур ананьинского мира.

В настоящее время А.А. Чижевский совместно с учеными из Чехии и Канады работает над проблемой выявления археологических и археоботанических следов наличия земледелия в культурах раннего железного века Волго-Камья. Первые научные результаты, полученные в ходе этого проекта, нашли отражение в недавно опубликованной статье «К вопросу о земледелии в ананьинской культурно-исторической области» (Чижевский, Пономаренко, Оруджов, 2025).

Обладая необходимой квалификацией и энциклопедическими знаниями, Андрей Алексеевич привнёс немалый вклад не только в исследование памятников раннего железного века, но и неолита, энеолита и бронзового века. Ключевым объектом в этих разысканиях стал Мурзихинский II могильник. В ходе работ на памятнике, кроме погребений маклашеевской культуры финала эпохи бронзы и постмаклашеевской культуры АКИО, были

Рис. 3. Посещение Ананьинского могильника участниками круглого стола «Древности Нижнего Прикамья и 160 лет археологии Ананьинского могильника» 23-25 мая 2018 г. На фото в центре Чижевский А.А., слева Черных Е.М., справа Усачук А.Н.

Fig. 3. A visit to the Ananyinsky burial ground by participants of the "Antiquities of the Lower Kama Region and 160th Anniversary of the Archaeology of the Ananyinsky Burial Ground" round table on May 23-25, 2018. In the center of the photo is A.A. Chizhevsky, on the left is E.M. Chernykh, on the right is A.N. Usachuk

выявлены 20 погребений эпохи энеолита. В их пределах удалось зафиксировать неординарный обряд захоронения. Умерших хоронили в сидячем или скорченном положении, их сопровождал яркий и богатый погребальный инвентарь (украшения из сланцевых подвесок, различные орудия труда). В результате радиоуглеродного анализа установлено, что эти погребения датируются серединой V тыс. до н. э. (Чижевский, Шипилов, 2021).

В дальнейшем А.А. Чижевский совместно с А.В. Шипиловым предпринял анализ усть-камских энеолитических могильников. В результате удалось выявить локальные особенности этих памятников, дать их подробную характеристику, наметить хронологию и периодизацию могильников усть-камского типа (Чижевский, Шипилов, 2024).

В своих научных изысканиях А.А. Чижевский активно опирается на статистические методы археологического исследования. Это наглядно демонстрируют как его ранние труды (Чижевский, 2002), посвященные изучению погребальных древностей Волго-Камья конца II – начала I тыс. до н. э., так и опыт кластерного анализа орнамента энеолитической керамики и оценки сходства археологических памятников (Бушуев, Чижевский, Шипилов, 2010).

А.А. Чижевский внёс значительный вклад в развитие археологии Волго-Камья, став одной из ключевых фигур в формировании современной парадигмы изучения ананьинской культурно-исторической области. Его исследовательская деятельность и личные качества

Рис. 4. Всерос. конференция с междунар. участием «Ананьинский мир: процессы культурогенеза в финале эпохи бронзы и раннем железном веке в Северной Евразии (к 130-летию со дня рождения Б.С. Жукова)». Елабуга, октябрь 2022 г. На фото Чижевский А.А. и Руденко Г.Р. во время экскурсии на Ананьинский могильник.

Fig. 4. All-Russian Conference with International Participation of "The Ananyinsky World: Cultural Genesis Processes at the End of the Bronze Age and the Early Iron Age in Northern Eurasia (dedicated to B.S. Zhukov's 130th Anniversary)". Yelabuga, October 2022. Photo of A.A. Chizhevsky and G.R. Rudenko during an excursion to the Ananyinsky burial ground.

служат вдохновляющим примером для настоящих и будущих поколений учёных.

Обращает на себя внимание уважительное отношение юбиляра к научному наследию его предшественников и учителей. Наилучшим примером тому не только труды А.А. Чижевского, публикация монографий классиков ананьинской археологии В.Н. Маркова (не изданная при его жизни) и Л.И. Ашихминой, но и серия всероссийских научных конференций «Ананьинский мир: археология бронзового и раннего железного веков Северной Евразии» (рис. 3; 4), проводимых регулярно начиная с 2008 года. Каждая конференция собирает в своем кругу исследователей России, ближнего и дальнего зарубежья, маститых и начинающих, заинтересованных в успешном решении значимых научных проблем первобытной археологии, и посвящается памяти того или иного выдающегося исследователя волго-уральской археологии. Предстоящая – ноябрьская – конференция в Елабуге посвящается 130-летию со дня рождения Алексея Викторовича Шмидта. Изданные материалы конференций «Ананьинский мир» являются основополагающими трудами, во многом уже изменившими наши представления о древностях эпох бронзы и раннего железа севера и северо-востока Европы.

Своими достижениями в науке мы, авторы этой статьи, во многом обязаны Андрею Алексеевичу и благодарны ему за дружеское участие, готовность делиться идеями и материалами, опыт совместных исследований. Путь А.А. Чижевского в науке для нас, его коллег и учеников, является ярким примером самоотверженного служения отечественной археологии, стремления к объективности и точности в исследованиях, приверженности высоким стандартам этики и профессионализма.

Рис. 5. На фото А.А. Чижевский с супругой Татьяной Евгеньевной
Fig. 5. Photo of A.A. Chizhevsky with his wife Tatiana Evgenievna

Желаем Вам, дорогой Андрей Алексеевич, доброго здоровья, новых творческих успехов и, конечно, удачи во всех Ваших начинаниях. И пусть семья остается хорошим тылом Вашему делу (рис. 5).

ЛИТЕРАТУРА

Бугров Д.Г., Галимова М.Ш. К 50-летию А. А. Чижевского // Поволжская археология. 2015. № 4 (14). С. 333–337.

Бушуев А.С., Чижевский А.А., Шипилов А.В. Возможности кластерного метода анализа орнамента керамики и оценки сходства археологических памятников // Учёные записки Казанского государственного университета. 2010. Т. 152, кн. 3, ч.1. С. 19–29.

Канторович А.Р., Кузьминых С.В. Территория России в эпоху раннего железного века // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. Доступно по: URL: https://bigenc.ru/c/rossiia-istoriia-rannii-zheleznyi-vek-c0db4c/?v=9068756 (дата обращения: 21.11.2023).

Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Хронология раннего периода ананьинской культурно-исторической области // Поволжская археология. 2014. № 3 (9). С. 101–137.

Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Глава 3. Культуры развитого энеолита: Могильники усть-камского типа – первые металлоносные памятники в неолитической среде северной лесостепи // История России: в 20 т. Т. 1: Древние культуры на территории современной России (до середины I тыс. н. э.). Кн. 1: Каменный век и эпоха раннего металла / Отв. ред. Н.А. Макаров, П.Г. Гайдуков. М.: Наука, 2025. С. 380–383.

Кузьминых С.В., Чижевский А.А., Васкул И.О. Глава 6. Первая фаза раннего железного века. Культуры востока и северо-востока Русской равнины // История России: в 20 т. Т. 1: Древние культуры на территории современной России (до середины I тыс. н. э.). Кн. 2: Ранний железный век и античная цивилизация / Отв. ред. Н.А. Макаров, П.Г. Гайдуков. М.: Наука, 2025. В печати.

Кузьминых С.В., Чижевский А.А., Перескоков М.Л., Васкул И.О., Черных Е.М. Глава 6. Вторая фаза раннего железного века. Культуры востока и северо-востока Русской равнины // История России: в 20 т. Т. 1: Древние культуры на территории современной России (до середины I тыс. н. э.). Кн. 2: Ранний железный век и античная цивилизация / Отв. ред. Н.А. Макаров, П.Г. Гайдуков. М.: Наука, 2025. В печати.

Ранний железный век / Археология Волго-Уралья. Т. 3 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. 676 с.

Список Урало-Поволжских археологических конференций, в которых принимали участие члены археологического кружка КГУ // Следы веков. 60-летию археологического кружка посвящается / Отв. ред. С.И. Валиулина. Казань: КГУ, 2006. С. 8.

Студенческая стенгазета «Следы веков» // Археологический музей КФУ. 1988. Ф. 4. Оп. 1.

Хисяметдинова А.А. Чижевский А.А. Геологические и геоморфологические реконструкции строительных технологий оборонительных сооружений раннего железного века на Каме и Вятке // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани Т. IV / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, А.Г. Ситдиков. Казань: Отечество, 2014. С. 353–356.

Хисяметдинова А.А. Чижевский А.А. Методические аспекты изучения оборонительных сооружений городищ Волго-Камья раннего железного века - раннего средневековья // Поволжская археология. 2018. № 1 (23). С. 107–136.

Черных Е.М., Чижевский А.А., Хисяметдинова А.А. Итоги литолого-стратиграфического анализа оборонительных сооружений Скорняковского городища на р. Вятке // Историко-культурное наследие – ресурс формирования социально-исторической памяти / Отв. ред. Е.М. Черных. Ижевск: УдГУ, 2013. С. 200–207.

Чижевский А.А. Отчет о разведках в Тетюшском и Буинском районах ТАССР в 1989 г.// Археологический музей КФУ. Ф. 3. Оп.1. Д. 39.

Чижевский А.А. Отчет об исследованиях Сорочьегорского городища в 1990 г. // Археологический музей КФУ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 40.

Чижевский А.А. Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках (предананьинская и ананьинская культурно-исторические области) / Археология евразийских степей. Вып. 5. Казань: Школа, 2008. 172 с.

Чижевский А.А. Памятники позднего периода ананьинской культурно-исторической области // Археология Евразийских степей. 2017. № 4. С. 196–256.

Чижевский А.А. Ананьинская культурно-историческая область // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Т. II / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. Самара: СГСПУ, 2020. С. 132–133.

Чижевский А.А., Пономаренко Е.В., Вязов Л.А., Хисяметдинова А.А., Блинников М.С. Оборонительные сооружения и палеоландшафт Троицко-Урайского I городища // Поволжская археология. 2019. № 3 (29). С. 128–146.

Чижевский А.А., Пономаренко Е.В., Оруджов Э.И. К вопросу о земледелии в ананьинской культурно-исторической области // Поволжская археология. 2025. № 1 (51). С. 35–46.

Чижевский А.А., Хисяметдинова А.А. Оборонительные сооружения мысовых городищ Волго-Камья в раннем железном веке и раннем средневековье // Археология Евразийских степей. 2020. № 2. С. 5–277.

Чижевский А.А., Хисяметдинова А.А., Вязов Л.А., Лыганов А.В., Хуснутдинов Э.А. Исследование оборонительных сооружений Маклашеевского II городища в 2014 г. // XV Бадеровские чтения по археологии Урала и Поволжья: материалы всероссийской научно-практической конференции (г. Пермь 9-12 февр. 2016 г.) / Отв. ред. Головчанский Г.П., Коренюк С.Н., Юкова М.К. Пермь: ПГНИУ, 2016а. С. 119–125.

Чижевский А.А., Хисяметдинова А.А., Спиридонова Е.А., Алешкинская А.С., Кочанова М.Д. Оборонительные сооружения городища Гремячий Ключ // Поволжская археология. 2017. № 3 (21). С. 221–243.

Чижевский А.А., Хисяметдинова А.А., Спиридонова Е.А., Алешкинская А.С., Кочанова М.Д. Тихогорские I и II городища, комплексные исследования оборонительных сооружений // Археология Евразийских степей. 2018. № 2. С. 310–336.

Чижевский А.А., Хисяметдинова А.А., Спиридонова Е.А., Алешинская А.С., Кочанова М.Д., Асылгараева Г.Ш. Результаты комплексного исследования Сорочьегорского городища // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 241–262.

Чижевский А.А., Черных Е.М., Хисяметдинова А.А., Митряков А.Е., Спиридонова Е.А., Кочанова М.Д., Алешкинская А.С. Скорняковское городище на Вятке / Археология евразийских степей. Вып. 22. Казань: Казанская недвижимость, 2016б. 156 с.

Чижевский А.А., Шипилов А.В. Ранние энеолитические могильники Усть-Камья // Энеолит и бронзовый век / Археология Волго-Уралья. Т. 2 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 140–163.

Энеолит и бронзовый век / Археология Волго-Уралья. Т. 2 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. 728 с.

Kuzminykh S.V., Chizhevsky A.A., Vaskul I.O., Krenke N.A., Lopatina O.A., Pereskokov M.L., Stolyarov E.V. The Early Iron Age Western Forest Zone // Encyclopedia of Archaeology, 2nd Edition, vol. 4 / Eds. Rehren, T., Nikita, E. London: Academic Press, 2024. P. 683–711.

Информация об авторах:

Оруджов Эдуард Игоревич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); orudzhov.eduard@mail.ru

Кузьминых Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии Российской академии наук (г. Москва, Россия); kuzminykhsv@yandex.ru

Шипилов Антон Валентинович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); Shipilov_anton@mail.ru

Черных Елизавета Михайловна, кандидат исторических наук, профессор, кафедра истории Удмуртии, археологии и этнологии, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия); emch59@mail.ru

Шурыгин Владислав Евгеньевич, хранитель Археологического музея, ассистент кафедры археологии и этнологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); vladislavsurygin08@gmail.com

REFERENCES

Bugrov, D.G., Galimova, M.Sh. 2015. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 14 (4), 333–337 (in Russian).

Bushuev, A. S., Chizhevsky, A. A., Shipilov, A. V. 2010 In *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia Gumanitarnye nauki (Scientific Bulletin of the Kazan State University. Series: Humanities)*. Vol. 152, book 3, part 1, 19–29 (in Russian).

Kantorovich, A. R., Kuzminykh, S. V. In *Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia (Great Russian Encyclopedia*). Available at: URL: https://bigenc.ru/c/rossiia-istoriia-rannii-zheleznyi-vek-c0db4c/?v=9068756 (accessed: 21.11.2023) (in Russian).

Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. 2014. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 9 (3), 101–137 (in Russian).

Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. 2025. In Makarov, N. A., Gaidukov, P. G. (eds.). *Istoriia Rossii (History of Russia)* Vol. 1, Book 1. Moscow: "Nauka" Publ., 380–383 (in Russian).

Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A., Vaskul, I. O. 2025. In Makarov, N. A., Gaidukov, P. G. (eds.). *Istoriia Rossii (History of Russia)* Vol. 1, Book 2. Moscow: "Nauka" Publ. (in print) (in Russian).

Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A., Pereskokov, M. L., Vaskul, I. O., Chernykh, E. M. 2025. In Makarov, N. A., Gaidukov, P. G. (eds.). *Istoriia Rossii (History of Russia)* Vol. 1, Book 2. Moscow: "Nauka" Publ. (in print) (in Russian).

Sitdikov, A. G., Chizhesky, A.A. (eds.). 2021. *Rannii zheleznyi vek (Early Iron Age)*. Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 3. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

In Valiulina, S. V. (ed.). 2006. *Sledy vekov. 60-letiyu arkheologicheskogo kruzhka posvyashchaetsya (Traces of Centuries. Dedicated to the 60th anniversary of the archaeological circle).* Kazan: Kazan State University, 8 (in Russian).

1988. *Studencheskaya stengazeta «Sledy vekov» (Student wall newspaper "Traces of centuries").* Archaeological Museum of Kazan (Volga Region) Federal University. F. 4. Inv. 1 (in Russian).

Khisiametdinova, A. A., Chizhevsky, A. A. 2014. In Sitdikov A. G., Makarov N. A., Derevianko A. P. (eds.). *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani (Proceedings of the 4th (20th) All-Russia Archaeological Congress in Kazan)* IV. Kazan: "Otechestvo" Publ., 353–356 (in Russian).

Khisiametdinova, A. A., Chizhevsky, A. A. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 23 (1), 107–136 (in Russian).

Chernykh, E. M., Chizhevsky, A. A., Khisyametdinova, A. A. 2013. In Goldina, R. D. (ed.). *Istoriko-kul'turnoe nasledie – resurs formirovaniia sotsial'no-istoricheskoi pamiati grazhdanskogo obshchestva (XIV Baderovskie chteniia): Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Historical and cultural heritage-a resource for the formation of social and historical memory of civil society (15th Bader reading): Materials of the all-Russian scientific and practical conference).* Izhevsk: Udmurt State University, 200–207 (in Russian).

Chizhevsky, A. A. 1989. *Otchet o razvedkakh v Tetyushskom i Buinskom rayonakh TASSR (Report on exploration in the Tetyushsky and Buinsky districts of the TASSR).* Archaeological Museum of Kazan (Volga Region) Federal University. F. 3. Inv. 1, dossier 39 (in Russian).

Chizhevsky, A. A. 1990. *Otchet ob issledovaniyakh Soroch'egorskogo gorodishcha v 1990 g. (Report on the study of Sorochyegorsky fortified settlement in 1990).* Archaeological Museum of Kazan (Volga Region) Federal University. F. 3. Inv. 1, dossier 40 (in Russian).

Chizhevsky, A. A. 2008. *Pogrebal'nye pamiatniki naseleniia Volgo-Kam'ia v finale bronzovogo – rannem zheleznom vekakh (predanan'inskaia i anan'inskaia kul'turno-istoricheskie oblasti) (Burial sites of the population of Volga-Kama in the Final Bronze – Early Iron Ages (pre- Ananyino and Ananyino cultural and historical areals)).* Series: Arkheologiia evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 5. Kazan: "Shkola" Publ. (in Russian).

Chizhevsky, A. A. 2017. In *Arkheologiia evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)* 4, 196–256 (in Russian).

Chizhevsky, A. A. 2020 In Derevianko, A. P., Makarov N. A., Mochalov, O. D. (eds.). *Trudy VI (XXII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Samare (Proceedings of the 6th (22nd) All-Russia Archaeological Congress at Samara)* Vol. II. Samara: Samara State Pedagogical University, 132–133 (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Ponomarenko, E. V., Vyazov, L. A., Khisiametdinova, A. A., Blinnikov, M. S. 2019. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 29 (3), 128–146 (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Ponomarenko, E. V., Orudzhov, E. I. 2025. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 51 (1), 35–46 (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Khisyametdinova, A. A. 2020. *Oboronitel'nye sooruzheniya mysovykh gorodishch Volgo-Kam'ya v rannem zheleznom veke i rannem srednevekov'e (Defensive Structures of the Forts on Promontories of the Volga-Kama Region in the Early Iron and Early Middle Ages)*. Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of Eurasian Steppes) 2. 5–277 (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Khisiametdinova, A. A., Vyazov, L. A., Lyganov, A. V., Khusnutdinov, E. A. 2016. In Golovchanskiy, G. P. (ed.). *XV Baderovskie chteniia po arkheologii Urala i Povolzh'ia (15th Bader Readings on Archaeology of the Urals and the Volga Region)*. Perm: Perm State National Research University, 119–125 (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Khisiametdinova, A. A., Spiridonova, E. A., Aleshkinskaya, A. S., Kochanova, M. D. 2017. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 21 (3), 221–243 (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Khisiametdinova, A. A., Spiridonova, E. A., Aleshkinskaya, A. S., Kochanova, M. D. 2018. In *Arkheologiia evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)* 2, 310–336 (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Khisiametdinova, A. A., Spiridonova, E. A., Aleshkinskaya, A. S., Kochanova, M. D., Asylgaraeva, G. Sh. 2014. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Anan'inskii mir: istoki, razvitie,*

sviazi, istoricheskie sud'by (The World of Ananyino: Origins, Evolution, Relations, Historical Fate). Series: Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 20. Kazan: "Otechestvo" Publ., 241–262 (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Chernykh, E. M., Khisiametdinova, A. A., Mitriakov, A. E, Spiridonova, E. A., Kochanova, M. D., Aleshinskaia, A. S. 2016. *Skorniakovskoe gorodishche na Viatke (Skorniaki hillfort on the Vyatka River).* Series: Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of Eurasian Steppes) 22. Kazan: "Kazanskaia nedvizhimost'" Publ. (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Shipilov, A. V. 2021. In Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Eneolit i bronzovyi vek (Eneolithic and Bronze Age)*. Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 2. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 140–163 (in Russian).

Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A. A. (eds.). 2021. *Eneolit i bronzovyi vek (Eneolithic and Bronze Age)*. Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 2. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A., Vaskul, I. O., Krenke, N. A., Lopatina, O. A., Pereskokov, M. L., Stolyarov, E. V. 2024. In Rehren, T., Nikita, E. (eds.). Encyclopedia of Archaeology. 2nd Edition. vol. 4. London: Academic Press, 683–711 (in English).eds.). Encyclopedia of Archaeology. 2nd Edition. vol. 4. London: Academic Press, 683–711 (in English).

About the Authors:

Orudzhov Eduard I. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; orudzhov.eduard@mail.ru

Kuzminykh Sergey V. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; kuzminykhsv@yandex.ru

Shipilov Anton V. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Shipilov_anton@mail.ru

Chernykh Elizaveta M. Candidate of Historical Sciences, Professor, Udmurt State University. Universitetskaya St., 1, Izhevsk, 426034, Udmurt Republic, Russian Federation; emch59@mail.ru

Shurygin Vladislav E. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; vladislavsurygin08@gmail.com

Статья поступила в журнал 30.09.2025 г.
Статья принята к публикации 15.10.2025 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.5.324.337

МУЗЕЮ АРХЕОЛОГИИ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН - 20 ЛЕТ: ИТОГИ МУЗЕЙНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ УЧРЕЖДЕНИЯ АКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКИ

©2025 г. В.С. Баранов, В.А. Валеева, Е.В. Волкова, К.С. Гирфанова, П.Ю. Каплан, Л.Э. Макласова, Р.Р. Мухаметшин, Н.Р. Садриев, А.Г. Ситдиков

В статье представлены итоги двадцатилетней деятельности Музея археологии Республики Татарстан как структурного подразделения Института археологии им. А. Х. Халикова АН РТ. В контексте работы МАРТ рассмотрены вопросы камеральной обработки, реставрации, музейного хранения археологических предметов, а также сбора и систематизации отчётной документации, полевых дневников и архивов исследователей. Подчёркнута ключевая роль археологического наследия и научного фонда музея в обеспечении исследовательской деятельности и значение цифровой трансформации археологических материалов в процессе их интеграции в Государственный каталог Музейного фонда РФ и онлайн-ГИС «Культурное наследие Татарстана и татарского народа». В статье приводятся статистические данные по основным направлениям работы, освещается участие МАРТ в создании новых музейных пространств и в международных проектах. Музей представлен как важный исследовательский и методический центр академической археологии Татарстана, сочетающий традиционные методы с современными цифровыми технологиями.

Ключевые слова: Музей археологии РТ, археологические коллекции, цифровизация, деятельность музея, реставрация и консервация, биоархеологический фонд, музеефикация археологического наследия.

THE 20TH ANNIVERSARY OF THE MUSEUM OF ARCHAEOLOGY OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN: THE RESULTS OF MUSEUM ACTIVITIES IN THE CONTEXT OF THE ACADEMIC SCIENCE INSTITUTION

V.S. Baranov, V.A. Valeeva, E.V. Volkova, K.S. Girfanova, P.Yu. Kaplan, L.E. Maklasova, R.R. Mukhametshin, N.R. Sadriev, A.G. Sitdikov

The paper presents the results of the twenty years of activity of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan as a structural unit of the Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. The issues of desk processing, restoration, museum storage of archaeological items, as well as the collection and systematization of accounting documents, field diaries and archives of researchers were considered in the context of MART's work. The authors emphasize the key role of the archaeological heritage and the scientific fund of the museum in research activities and the importance of digital transformation of archaeological materials in the process of their integration into the State Catalog of the Museum Fund of the Russian Federation and the online GIS Cultural Heritage of Tatarstan and the Tatar people. The paper provides statistical data on the main work areas, and highlights the participation of MART in the creation of new museum spaces and in international projects. The museum is presented as an important research and methodological center of academic archaeology of Tatarstan, combining traditional methods with modern digital technologies.

Keywords: Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, archaeological collections, digitalization, museum activities, restoration and conservation, bioarchaeological fund, museification of archaeological heritage.

В сентябре 2025 года Музей археологии Республики Татарстан (МАРТ) отметил своё 20-летие. Распоряжение Кабинета Министров Республики Татарстан о его организации № 1428-р было подписано 8 сентября 2005 года, после чего Музей как структурное подразделение Академии наук Республики Татарстан был учрежден в составе Института истории им. Ш. Марджани АН РТ. В 2014 году, после обособления Национального центра археоло-

гических исследований Института истории в самостоятельную структуру – Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, музей вошел в его состав. Необходимость сохранения многочисленных археологических коллекций для научных и научно-просветительских целей была отражена в уставных документах Института археологии и стала одной из стратегических задач его деятельности.

Создание Музея археологии Республики Татарстан было предопределено систематическим ведением археологических исследований на территории региона и формированием богатых предметных коллекций, ведущих свою историю с 1950-х годов. К моменту его основания в 2005 году казанскими археологами, работавшими в системе академической науки, было накоплено значительное число археологических материалов. Эти коллекции, ежегодно пополнявшиеся в результате исследований на территории республики, составили прочную основу будущего музейного фонда (Абдуллин и др., 2015, с. 259). Начало собранию было положено сотрудниками Сектора археологии и этнографии Института языка, литературы и истории Казанского филиала Академии наук СССР (КФАН СССР), продолжилось в Отделе археологии Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, преобразованного в 1996 году в Национальный центр археологических исследований. Исследования выдающихся археологов казанской школы – Н.Ф. Калинина, А.Х. Халикова, Е.А. Халиковой, Е.П. Казакова, Т.А. Хлебниковой, П.Н. Старостина, Р.С. Габяшева, В.Н. Маркова и других – определили основной состав коллекций музея.

Учреждение Музея археологии РТ было направлено на создание необходимых условий сохранения этого богатейшего археологического наследия и развитие научной, культурно-образовательной и выставочной деятельности. Основные направления работы музея, как на момент его создания, так и сейчас, включают хранение археологических коллекций и полевой документации, реставрацию и консервацию предметов, исследовательскую, экспозиционную, экспертную и образовательную деятельность. Сохранение археологического собрания и его документального сопровождения как достояния академической науки и носителя достоверной научной информации определяет социальную миссию МАРТ, обеспечивая накопление знаний и их представление в качестве объекта культурного наследия.

В разное время эти задачи решал коллектив музея под руководством В.А. Харитоновича, Х.М. Абдуллина, А.С. Мухаметшиной, Е.М. Макаровой, В.Н. Бахматовой, Е.Ф. Шайхутдиновой.

До создания музея археологические находки хранились в подсобных помещениях филиала Академии наук СССР – КФАН СССР (ныне Федеральный исследовательский центр «Казанский научный центр Российской академии наук», ул. Лобачевского, 2/10) и в помещениях Института истории им. Ш. Марджани (ул. Кремлевская, 10). Их хранение осуществлялось по коллекциям, учёт ограничивался правилами фиксации археологических материалов при полевых археологических работах, предполагавшими наличие на предметах полевого шифра с информацией о месте и времени проведения исследований и сопровождение полевой описью и полевым паспортом (т. н. «этикеткой»). Распоряжение о создании Музея археологии РТ определило размещение археологических коллекций в здании бывшего Спасо-Преображенского собора, церкви Николы Ратного и подвальных помещениях Присутственных мест на территории Государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника «Казанский Кремль». В 2005 г. было впервые централизованно определено место хранения археологических коллекций, которым стали помещения Присутственных мест Казанского кремля.

Первые 10 лет работы были временем организационного становления, концептуального осмысления целей и задач музейной работы (Мухаметшина А.С., 2019). В этот период первоочередной задачей стало формирование системы хранения и учета археологических коллекций, создание материальной базы музея. После размещения их в здании Присутственных мест в первое десятилетие нового века была начата масштабная работа по систематизации материалов исследований Татарской археологической экспедиции (1960–1970-е), материалов изучения Танкеевского могильника (1961–1988) (Баранов, Валеева, 2025), Тенишевского могильника (1982–1987) (Голубева и др., 2022), Раннеболгарской археологической экспедиции (1970–1980, 2004–2006), Нижнекамской архе-

ологической экспедиции (2004–2005), материалов изучения Казанского кремля и г. Казани (раскопки и сборы 1996–2005) и археологического комплекса Джукетау (1991–2009) (Набиуллин, 2019). В этой связи большое значение имела работа по выработке научно-методических принципов хранения археологических коллекций с учётом их особенностей (фрагментарность, массовость, наибольшая информативность в коллекционной совокупности и в привязке к памятнику). Так как раскопки археологического объекта фактически приводят к его разрушению и переходу включённых в него комплексов в состояние фиксированной информационной группы данных, связанная с ним генетически и территориально совокупность предметов становится единственным материальным свидетельством существования этого памятника (Бердникова, 2010). Поэтому сохранение физической целостности археологической коллекции в максимальном объёме и в привязке к археологическому объекту, а также полное сохранение всей отчётной документации стало приоритетной методологической задачей Музея археологии РТ при организации комплексного хранения археологических коллекций. В настоящее время данная задача реализуется МАРТ путём организации в составе музейного собрания самостоятельного раздельного учёта и хранения археологических коллекций и связанных с ними документов (полевых материалов, отчётов, фотоматериалов, материалов персоналий и т. п.). Сформированы фонд «Археология» и «Научный фонд» при сохранении информационной связи между ними.

Научный фонд, созданный и регламентированный «Положением о Научном фонде», наряду с вещевыми коллекциями, имеет особое значение для музея. В отличие от археологических предметов, он аккумулирует документальные источники, отражающие не только непосредственное проведение археологических работ, но и сам процесс развития археологической академической науки. В его составе находятся отчёты экспедиций, полевые дневники, карты, графические материалы, фотодокументация, рукописи и личные архивы исследователей. Структура фонда включает фонд научной документации, библиотечных коллекций, обменно-резервный фонд и страховой электронный фонд.

Научный фонд играет двойную роль: с одной стороны, он является архивом археологической науки Татарстана, сохраняя историю исследований от середины XX века до наших дней; с другой – выступает исследовательской платформой, без которой невозможна подготовка сводов археологических памятников, диссертаций и монографий. Он тесно интегрирован с фондами археологических предметов: документы и отчёты формируют контекст для изучения артефактов, что позволяет воспринимать оба фонда как взаимосвязанные элементы единой научной системы.

Особо важным направлением стало участие Научного фонда в формировании и наполнении сведениями Геоинформационной системы «Культурное наследие Татарстана и татарского народа» (Ситдиков, Саттаров, 2023, с. 337). По состоянию на 2025 год ГИС аккумулировала более 97 000 единиц информации, включая сводные материалы свыше 16 тысяч памятников археологии (Мухаметшин и др., 2024). Существенная часть этих данных поступила именно из Научного фонда: отчётов экспедиций, картографических материалов, архивных документов. Включение материалов фонда в цифровую платформу делает их доступными для анализа в междисциплинарных исследованиях: археологических, исторических, лингвистических и этнологических (Хамидуллин и др., 2023; Мухаметшин Р.Р., Галяутдинов М. И., 2024). Материалы Научного фонда не только систематизируются и сохраняются, но и активно включаются в процессы цифровой трансформации гуманитарных наук. Они формируют основу для цифровых атласов, пространственных реконструкций и новых образовательных продуктов, что позволяет музею быть частью глобальной инфраструктуры цифрового наследия.

Фонд «Археология» пополняют прежде всего предметы материальной культуры, полученные в результате исследований сотрудниками Института. Коллекции принимаются в Музей в полном объеме и хранятся по смешанному территориально-хронологическому принципу, исходя из которого они поделены на три основные территориальные группы. Большую часть собрания составляют материалы археологических памятников Республики Татарстан, которые документируют и актуализируют исторические процессы, происходящие на территории региона

с верхнего палеолита до позднего Средневековья и Нового времени. Важная часть коллекции – материалы из раскопок Казани, которые позволяют проследить градостроительную историю города со времени его основания. Необходимо отметить, что сотрудники Института постоянно ведут археологические работы за пределами Республики Татарстан по различным исследовательским программам, поэтому часть коллекций, полученных в результате этих исследований, поступает на хранение в МАРТ. Эти материалы составляют третью группу хранения. Важное место в этой связи занимают работы, которые проводятся в рамках Государственной программы «Сохранение национальной идентичности татарского народа» (Ситдиков и др., 2022; Ситдиков, Саттаров, 2023), учрежденной в 2014 г. Программа направлена на проведение историко-археологических исследований средневековых городов и изучение историко-культурного тюрко-татарского наследия, поэтому археологические исследования ведутся на территории Наровчатского (Пензенская область) и Селитренного городищ (Казаков, Пигарёв, 2024; Зеленеев, Пигарев, Ситдиков, 2024), мавзолеев у с. Лапас (Астраханская область) (Пигарев, Ситдиков, 2023; Ситдиков, Пигарев, Сарыбаев, 2023), в Касимове (Рязанская область) (Ахметгалин, Амиров, 2024; Ахметгалин, Ситдиков, 2025), на Увекском городище (Недашковский, 2025) и поселении «Хмелевка-1» (Саратовская область), на курганном могильнике эпохи тюркских каганатов Винновка V (Самарская область), в Республике Алтай (Урбушев, 2025), а также на средневековых городищах Кен-Булун (Куклина, Кольченко, 2024; Камышев, Кольченко, 2023) и Бурана в центральной части Чуйской долины (Кыргызстан) и Бай-Балык (Монголия). Эти работы не только в значительной степени расширяют географию поступлений в фонды музея и создают возможность для широких научных исследований, но и позволяют сконцентрировать в одном месте предметы материальной культуры с территории огромного евразийского пространства для их реализации в различных выставочных и иных музейных проектах. Необходимо отметить, что информация о количественном составе археологических коллекций этих памятников также отражается на портале Геоинформационной системы «Культурное наследие Татарстана и татарского народа», свидетельствуя о проведённой с данными вещевыми материалами научно-методической работе и о возможности использования этих находок для научных исследований.

Важной задачей стало формирование в музее системы учёта археологических коллекций, которые объективно делится на две основные группы, отличающиеся как хронологически, так и по степени их информационного и документального сопровождения, влияющего на возможность их адаптации в музейной среде (в частности, приём на ответственное хранение, алгоритм которого задаётся законодательством и инструктивными документами МК РФ). Первая группа включает материалы (с 1950-х гг. до 2014), накопленные до установления ныне действующих правил музейного приёма археологических коллекций. Вторая формируется из материалов, получаемых в результате текущих археологических работ и подлежащих учёту согласно требованиям Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 N 73-ФЗ (далее – N 73-ФЗ), вступивших в силу с 22.10.2014 в части, касающейся изменения порядка проведения археологических полевых работ и передачи археологических находок в государственную часть Музейного фонда (пункт 13 статьи 41.1), а также в части государственного учета музейных предметов в соответствии с Федеральным законом «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» от 26.05.1996 N 54-ФЗ (далее - №54-ФЗ) (статья 6).

Решение о создании электронной базы данных археологических коллекций МАРТ по тому же территориально-хронологическому принципу позволило выработать критерии подхода к систематизации археологического собрания. В результате достаточно кропотливой работы стало возможным определить его количественный состав. Всего к моменту создания музея насчитывалось свыше 3300 коллекций с 500 716 единицами хранения, из этого числа по РТ – 2920 коллекций с 336 355 ед. хр.; по городу Казани и Кремлю – 352 коллекции с 133 749 ед. хр.; по регионам Российской Федерации – более 10 коллекции с 30 612 ед. хр.

Вместе с тем велась работа по проверке фактического наличия коллекций 1960–1978 гг. на основании полевых шифров. В ходе данной работы было установлено, что в собрании музея имеются коллекции, имеющие лакуны в документальном сопровождении, связанные с недостатками хранения коллекций в домузейный период (отсутствие полевых описей, утрата полевых шифров или полевых паспортов). Для организации их учета на Ученом совете Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ 22 февраля 2018 года было утверждено Положение о Дофондовом хранении археологических коллекций (ДФХ). Учреждение такого статуса, который представляет собой дополнительную форму учета и хранения археологических коллекций, фактически находящихся в хранении МАРТ, ставило целью обеспечить сохранность музейных коллекций, поступивших на хранение с 1954 по 2014 гг., и подготовить их к передаче на постоянное хранение в соответствии с современными требованиями законодательства.

В настоящий момент в Музее археологии РТ структурно оформлены три направления деятельности, исполняемые в рамках сформированных для этих целей лабораторий и рабочих групп: камеральная обработка археологического материала, его реставрация и консервация, учетно-хранительская работа. В реализации той части работы, которую можно охарактеризовать как экспозиционно-представительская и экспертно-методическая деятельность, как правило, принимает участие весь коллектив музея, поскольку их специфика требует самого разного рода знаний и компетенций.

Камеральная обработка археологических предметов является составной частью археологического исследования. Она направлена на первичное изучение и систематизацию археологических материалов и позволяет подготовить их последующую передачу на хранение в государственные музеи в соответствии с российским законодательством (N 73-ФЗ; N 54-ФЗ, Приказ Министерства культуры РФ от 23 июля 2020 г. N 827 «Об утверждении Единых правил организации комплектования, учета, хранения и использования музейных предметов и музейных коллекций»). В ходе камеральной обработки ведется непосредственная работа с предметами: очистка от почвенных загрязнений, шифрование, первичное описание (материал, размеры, технология изготовления, сохранность, местонахождение), составление полевой описи на основе сведений полевых паспортов, статистическая обработка. Полученная при этом полевая опись фактически определяет количественный и качественный состав коллекции археологических материалов, полученных во время археологических работ на определенном памятнике за определенный отрезок времени, ограниченный временем действия разрешительных документов на проведение археологических работ (открытый лист), и прилагается к научному отчету, составляемому по результатам археологических исследований. Она также может единовременно служить первичным учётным документом, сопровождающим археологическую коллекцию для последующей передачи ее в музей. В Музее археологии РТ работы с коллекциями проводятся сотрудниками камеральной лаборатории МАРТ (совместно с передающим материалы исследователем), которая была включена в состав музея в 2015 г. После проведения камеральной обработки эти материалы поступают сначала во временное, а после проведения историко-культурной экспертизы и решения ЭФЗК – на постоянное хранение в Музей археологии РТ. Таким образом осуществляется научное комплектование и пополнение собрания музея.

Учёт, хранение, научное изучение и публичное представление музейного собрания занимают центральное место в работе Музея археологии РТ. Для решения этих задач в 2015 г. была создана рабочая группа «Музейный учет и хранение». В это время были заведены книги поступлений МАРТ, создана Экспертная фондово-закупочная комиссия, разработана и утверждена внутримузейная инструкция, заключен договор между Министерством культуры РФ, Министерством культуры РТ и Академией наук РТ о передаче в безвозмездное пользование музейных предметов. С 2015 г. началось документирование процессов передачи археологических коллекций в Музей археологии РТ. При сдаче коллекций стали оформляться акты приема на временное хранение до рассмотрения экспертной фондовой-закупочной комиссией. В период с 2014 по 2024 г. на временное хранение поступило 206 220 ед. хр. более чем с 400 памятников.

Таблица 1. Включение археологических предметов Музея археологии РТ в ГК МФ РФ.
Table 1. Inclusion of archaeological items of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan in the State Catalog of the Ministry of Culture of the Russian Federation

год	ед.хр., включенных в ГК МФ РФ
2019	159
2020	1410
2021	4824
2022	2695
2023	2437
2024	2910
Итого:	14435

После проведения историко-культурной экспертизы археологические коллекции и предметы, проходя через систему государственного первичного (в Главной инвентарной книге музея) и централизованного (в Госкаталоге МФ РФ) учета, становятся частью музейного собрания МАРТ и Музейного фонда РФ.

В 2015 г. археологические коллекции, поступающие в Музей археологии РТ, были разделены на коллекции основного (ОФ) или научно-вспомогательного (НВФ) фондов. Позднее, с принятием Единых правил, в 2020 году был выделен также сырьевой фонд (СНФ) и фонд массовых археологических предметов (МАП). С 2015 по 2024 г. согласно форме статистической отчетности 8-НК в собрании Музея археологии РТ значится 128 807 ед. хр. в составе 408 коллекций, из них включено в государственную часть Музейного фонда РФ 16 004 ед.хр. ОФ, 25 374 ед.хр. МАП, 58 455 ед.хр. НВФ, 28 974 ед.хр. СНФ, прошедших первичный учет. Разнообразие форм музейного учета оставляет возможность для проведения научных исследований археологических предметов, а также позволяет более гибко осуществлять музейную политику фондообразования. Хранение коллекций текущих исследований, как и коллекции ДФХ, осуществляется по территориально-хронологическому принципу и имеет следующее количественное соотношение: 226 коллекций – с территории РТ, 152 – с территории Казани, 30– с территории РФ.

Согласно требованиям законодательства в настоящее время все новые поступления в обязательном порядке в течение 60 дней с момента государственной регистрации в Главной инвентарной книге музея заносятся в Государственный каталог Музейного фонда РФ (ГК). Таким образом осуществляется учет музейных предметов в масштабе всей страны, что позволяет получить единый информационный ресурс о всех музейных коллекциях РФ. Централизованный учет включает в себя внесение сведений о музейных предметах и коллекциях и присвоение каждому из них уникального идентификационного номера. В ГК вносятся название предмета, его описание, материал, техника изготовления, место находки или из какой коллекции происходят, размер, вес предмета (если необходимо), обязательный пункт – датировка предмета или принад-

Таблица 2. Прием на временное хранение до рассмотрения на ЭФЗК в Музей археологии РТ с 2014 по 2024 годы
Table 2. Admission for temporary storage before consideration by the Expert Stock and Procurement Commission at the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan from 2014 to 2024

Год	Количество памятников	Количество ед. хр.	Количество актов
2014	3	656	3
2015	31	6074	9
2016	48	13295	19
2017	55	12803	34
2018	61	28117	30
2019	76	23283	49
2020	52	33967	40
2021	64	9672	26
2022	33	11049	30
2023	45	34336	40
2024	26	32968	26
Итого:	494	206 220	306

лежность к археологической культуре. Работа МАРТ с ГК Музейного фонда РФ началась в 2019 г. К настоящему времени в Государственный каталог внесено 90,2% от общего количества предметов основного фонда музея, что, несомненно, должно способствовать популяризации археологического наследия Татарстана. При этом благодаря внесению информации в Госкаталог проблема публичного представления музейных археологических предметов может быть решена только частично, так как из всего объема археологических предметов МАРТ, включенных в государственную часть Музейного фонда РФ, фотографии только 6,6% предметов, включенных в ГК, открыты для просмотра. Кроме того, как показывают практика и научные исследования, фотографии, размещенные в ГК, зачастую носят ознакомительный характер «для последующего натурного изучения в музее» и не претендуют на полноценную научную публикацию (Камалеев, 2019, с. 76).

Важным направлением в деле сохранения историко-культурного наследия является проведение реставрационно-консервационных работ на археологических предметах. Научная реставрация музейных предметов и археологических находок как направление деятельности музея сформировалась в 2006 г. в структуре Института истории им. Ш. Марджани АН РТ. С 2006 г. отдел возглавляла Р.Х. Храмченкова. С 2010 по 2013 г. реставрационные работы велись преимущественно в рамках сотрудничества с Республиканским Фондом возрождения памятников истории и культуры, усилия которого были направлены на развитие Болгарского музея-заповедника, музея «Остров-град Свияжск», иных памятников истории и культуры, расположенных на территории Татарстана. Уникальные находки из металла, органических материалов (дерева, текстиля, кожи) и керамики, полученные в результате масштабных археологических изысканий на данных памятниках, прошли и масштабную консервационно-реставрационную обработку. Результатом этих работ стало создание двух крупных музейных пространств – Музея Болгарской цивилизации в г. Болгаре (открыт в 2013 г.) и Музея археологического дерева на о. Свияжск (открыт в 2018 г.).

С 2014 г. при обособлении Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ реставрационная деятельность осуществлялась в сформированном Реставрационно-аналитическом отделе. Она была организована по трем направлениям: реставрация органических материалов (текстиль, кожа, древесина), реставрация металла (черного и цветного) и реставрация силикатных материалов (керамика, стекло, камень). В 2017 г. в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации № 1262 «О внесении изменений в Положение о лицензировании деятельности по сохранению объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации» от 17 октября 2017 г. весь штат отдела прошел аттестацию Министерства культуры РФ в области реставрации культурных ценностей. За период существования отдела с 2014 по 2018 гг. была выполнена реставрация археологических 15 993 предметов из металла, керамики и органических материалов. В 2019 г. Реставрационно-аналитический отдел вошел в состав Музея археологии РТ в качестве рабочей группы. За 2019–2024 гг. была проведена научная реставрация 2141 археологических предметов: 1557 ед. хр. из собрания Музея археологии РТ, 584 ед. хр. из фондов других музеев Республики Татарстан, в том числе других субъектов РФ (Ростовская, Оренбургская, Саратовская области). За указанный промежуток времени количество отреставрированных из фондов Музея археологии РТ предметов имеет следующее соотношение: 111 археологических предметов из камеральной лаборатории, 480 археологических предметов из дофондового хранения, 966 – из музейного собрания.

Помимо реставрационной деятельности в музее активно развивается направление мониторинга физического состояния археологических предметов, что направлено на выявление тех из них, которые находятся в стадии активного разрушения, чему подвержено большинство археологических материалов в постраскопочный период. Мониторинг позволяет проводить оценку состояния сохранности и последующую противоаварийную обработку значимых археологических коллекций, что позволяет сохранить физическую целостность предметов до момента передачи в реставрацию. Важным результатом обеспечения учета и физической сохранности археологических коллекций музейного собрания МА РТ является возможность их дальнейшего исследования и публикации. Институт археологии АН

РТ активно проводит естественно-научные исследования предметов из керамики, стекла, нумизматического материала, изделий из цветного металла, строительных материалов. На основе археологических коллекций изучаются ремесленные традиции, связанные с кузнечным и чугунолитейным ремеслом.

Составной частью Музея археологии РТ является биоархеологический фонд, в котором хранится одна из крупнейших в России коллекций образцов палеогенетического материала, включающая сухие костные останки со всего региона Волго-Уралья за период более 10 тысяч лет. Её формирование началось с середины 70-х годов XX в. и связано с именем казанского антрополога Р.М. Фаттахова. В 2014 г. в Институте археологии им. А.Х. Халикова АН РТ отдельным научным подразделением была создана биоархеологическая лаборатория под руководством И.Р. Газимзянова. В 2016 году на заседании Учёного Совета ИА было принято «Положение о Фонде биоархеологческих материалов», закрепившем статусы антропологической и археозоологической коллекций в качестве составных частей Фонда при биоархеологической лаборатории. В 2017 году произошло структурное укрупнение, и лаборатория, потеряв самостоятельный статус, вошла в отдел геоинформационных технологий, который стал отделом археобиологии и информационных технологий под руководством Г.М. Сайфутдиновой. В рамках данного отдела в 2019 году под руководством Л.В. Яворской началась научно-организационная деятельность «группы археобиологических исследований», которая в августе того же года была переведена в отдел средневековой археологии, в котором сотрудники группы продолжали выполнять те же задачи по исследованию биоархеологических материалов вплоть до 2024 года. В настоящее время группа продолжает работу в составе Музея археологии РТ, а Фонд биоархеологических материалов входит в музейное собрание.

Численность коллекций биоархеологического фонда приближается к 6 тыс. индивидов и демонстрирует охват от эпохи позднего неолита до XIX в. (казанские раскопки). Объём и качественное состояние биоматериалов позволяет проводить множество обширных междисциплинарных исследований, в том числе и молекулярно-генетических. При этом используются не только классические антропологические методы, но и активно развивающиеся перспективные междисциплинарные направления, такие как биоархеология, палеодемография, палеопатология (Боруцкая, Васильев, Газимзянов, 2007, с. 413–418; Волкова и др., 2016, с. 226–247). На основе материалов фонда был проведен ряд палеогенетических исследований патогенов, в том числе и с международным участием. В ходе этих работ были обнаружены древнейшие европейские штаммы чумы из некрополей Болгара и Лаишевского комплекса (Института истории человека Общества Макса Планка (Йена, Германия)) (Spyrou M. A. et al., 2016, p. 874–881; Spyrou M. A. et al., 2019, p. 1–13). Продолжаются исследования возбудителя сальмонеллёза, популяционные исследования по митохондриальному геному, Y-хромосоме, а также полногеномные исследования в сотрудничестве с Лабораторией Дэвида Райха «Ancient DNA, Biology, and Disease» (Department of Genetics, Harvard Medical School (Boston, USA)); Отделением биологии и экологии Остравского университета (г. Острава, Чехия); Католическим университетом Петра Пазманя (г. Будапешт, Венгрия); Исследовательской группой венгерской предыстории Института археогеномики (HUN-REN Research Centre for the Humanities, г. Будапешт, Венгрия); Лабораторией исторической генетики, радиоуглеродного анализа и прикладной физики Московского физико-технического института (МО, г. Долгопрудный); Группой методов высокопроизводительного секвенирования Геномного центра ФГАО ВО «Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н.И. Пирогова» (г. Москва). Результаты говорят в пользу преемственности и связей европейских популяций с популяциями Урало-Поволжья по историческим геномам, что подтверждается археологическими данными.

Масштабные археологические работы на таких памятниках, как Болгарское городище, остров-град «Свияжск», требовали такой же работы и по представлению широкой публике результатов научных изысканий. Музей археологии РТ становится партнером выставочных проектов: экспозиционный потенциал археологических коллекций МАРТ реализуется через участие в выставочных проектах других музеев (Казанский Кремль, Остров-град Свияжск, Болгарский музей-заповедник,

Билярский музей-заповедник и др.). В рамках культурно-образовательной деятельности Музей археологии РТ с 2005 по 2024 год принял участие в 32 выставочных проектах и демонстрировал свои находки в десяти экспозициях восьми музеев с 5621 ед. хр. В настоящее время МАРТ является участником семи действующих экспозиций (Музей Болгарской цивилизации в Болгарском государственном историко-архитектурном музее-заповеднике, Музей археологического дерева «Татарская слободка» в Государственном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике «Остров-град Свияжск», экспозиция в «Музее Лаишевского края имени Г.Р. Державина», Музей Спасской башни и Музей истории государственности татарского народа и РТ в Государственном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике «Казанский Кремль»; приходской музей истории Петропавловского собора и музей в Пещерном храме собора Казанской иконы Божьей Матери Казанской епархии РПЦ). Археологические предметы и коллекции Музея археологии РТ востребованы на выставках и экспозициях музеев РТ, что в очередной раз доказывает ценность и уникальность археологического собрания музея и выполнение МАРТ своей социальной функции по демонстрации населению богатого археологического наследия Республики Татарстан.

В разные годы сотрудники музея принимали участие в разработке музейных пространств, действующих по настоящее время (Музей Болгарской цивилизации, 2013; Музей «Казанская панорама», 2016; Музей археологического дерева «Татарская слободка», 2018; Музей Спасской башни, 2023). Комплексы необходимых работ для реализации данных проектов включали проведение археологических исследований, написание технического задания для проектирования здания, художественное проектирование, разработку научной концепции, отбор предметного ряда, консервацию и реставрацию археологического материала, непосредственный монтаж экспозиции, научные консультации и отбор материалов для создания мультимедийной продукции. Итоги работ в этом направлении подтверждаются наградами в том числе и международного уровня:

Государственная премия РТ им. Габдуллы Тукая за создание художественно-пространственной экспозиционной инсталляции, 2016 (Музей Болгарской цивилизации);

Макарьевская премия за работу «Научная концепция Музея археологического дерева Свияжск Республики Татарстан», 2020 (Музей археологического дерева «Татарская слободка»);

Премия «Европейский музей года», 2021 (Музей археологического дерева «Татарская слободка»);

Победитель фестиваля Международного комитета ICOM, 2022 (Музей «Казанская Панорама»);

Лауреат премии «Золотой Трезини» (Музей «Спасская Башня»);

«Лучший реализованный проект реставрации», золотой диплом, 2023 (Музей «Спасская Башня»).

Параллельно выстраивается работа по созданию собственного музейного пространства: начинаются подготовительные работы к созданию экспозиции Музея археологии РТ. Первоначально под экспозицию музея было передано здание бывшей церкви Николы Ратного в Казанском Кремле, но уже в 2017 г. в это здание перевезли все археологическое собрание из помещений Присутственных мест. Это потребовало организационных усилий; чтобы не разрушить сложившуюся систему хранения археологических коллекций уже в новых помещениях, временно об экспозиции пришлось забыть. В настоящее время фондохранилище музея по-прежнему занимает все помещения в здании бывшей церкви Николы Ратного.

Экспозиция Музея археологии РТ, проектирование которой ведется в настоящее время, будет охватывать все периоды истории региона и его населения с древнейших времен до позднего Средневековья и Нового времени. Была написана научная концепция экспозиции музея, подготовлены проекты художественных решений. В рамках создания экспозиции продолжаются работы по реставрации уникальных находок с археологических памятников для будущей экспозиции Музея археологии РТ.

Первые 10 лет музейного строительства были временем организационного становления, концептуального осмысления целей и задач музея, миссией которого должно было стать материальное и информационное сохранение археологического наследия региона,

собранное представителями академической науки. С созданием Музея археологии РТ многочисленные археологические коллекции были систематизированы в музейном собрании, выстроена система их хранения и музейного учета, согласованная с нормами законодательства РФ.

Усилиями руководства Республики, Академии наук РТ, Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ были созданы условия для реставрации и сохранения археологических предметов. За 20 лет своего существования Музей археологии РТ смог стать крупнейшим хранилищем археологических коллекций, полученных с территории города Казани и Республики Татарстан. В результате музейной работы была обеспечена доступность вновь принятых музейных предметов и коллекций для научно-исследовательской деятельности в области археологии, нумизматики, эпиграфики; для музейного экспонирования, научной каталогизации и издательской деятельности. Музейное собрание МАРТ активно используется в качестве источниковой базы для проведения научно-исследовательской, научно-просветительской работы, создания музейных экспозиций, воплощения в жизнь различных проектов в музейной, издательской и учебной сфере, создания научно-методической основы для графических и скульптурных реконструкций, объемно-пространственных макетов и 3D-моделей. Музей археологии РТ в составе Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ является единственным музеем на территории республики, принимающим на хранение археологические коллекции в том объеме, историко-культурном и хронологическом разнообразии, которые позволяют накапливать методический опыт работы с этими материалами. Формирование при этом необходимых компетенций и знаний создают возможности для методической работы по музейному хранению и экспонированию археологических предметов и коллекций.

ЛИТЕРАТУРА

Абдуллин Х.М., Баранов В.С., Дроздова Г.И., Мухаметшина А.С., Ситдиков А.Г. 10 лет Музею археологии Республики Татарстан Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ // Поволжская археология. 2015. № 3 (13). С. 256–263.

Ахметгалин Ф.А., Амиров Ш.Ш. Археологические исследования мавзолея хана Шах Али // Археология Евразийских степей. 2024. № 2. С. 44–55. DOI: 10.24852/2587-6112.2024.2.44.55.

Ахметгалин Ф.А., Ситдиков А.Г. Новые археологические исследования ханской столицы города Касимова // Поволжская археология. 2025. № 1 (51). С. 227–236. DOI: 10.24852/pa2025.1.51.227.236.

Баранов В.С., Валеева В.А. Археологическая коллекция Танкеевского могильника из собрания март: опыт музейной систематизации // Археология Евразийских степей. 2025. № 2. С. 30–36. DOI: 10.24852/2587-6112.2025.2.30.36.

Боруцкая С.Б., Васильев С.В., Газимзянов И.Р. Палеодемографические и палеопатологические аспекты исследования детских погребений Усть-Иерусалимского могильника (г. Болгар) // ВА. Вып. 15. М., 2007. С. 413–418.

Волкова Е.В., Кирягин К.В., Ситдиков А.Г., Харламова Н.В. Палеопатологическая характеристика средневекового населения Болгара (по материалам раскопа CXCI) // Поволжская археология. 2016. № 4 (18). С. 226–247.

Голубева Е.Н., Галимова М.Ш., Бахматова В.Н. Экспериментально-трасологическое исследование каменных подвесок из энеолитических погребений в устье Камы // Поволжская археология. 2022. № 3 (41). С. 107–119. DOI: 10.24852/pa2022.3.41.107.119.

Единые правила организации комплектования, учета, хранения и использования музейных предметов и музейных коллекций, утв. приказом Министерства культуры РФ № 827 от 23. 07.2020 г.

Зеленеев Ю.А., Пигарев Е.М., Ситдиков А.Г. Нижневолжский центр Улуса Джучи в XIII-XV вв.: историко-археологическая реконструкция (к 770-летию города Сарай) // Археология Евразийских степей. 2024. № 2. С. 82–88. DOI: 10.24852/2587-6112.2024.2.82.88.

Казаков П.В., Пигарёв Е.М. Свинцовые грузики Селитренного городища: типология и классификация // Поволжская археология. 2024. № 4 (50). С. 167–181. DOI: 10.24852/pa2024.4.50.167.181.

Камалеев Э.В. Каталогизация археологических коллекций в музеях на примере каталогов Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева // Археология Евразийских степей. 2019. № 5. С. 75–80.

Камышев А.М., Кольченко В.А. Монеты с городища Кен-Булун в Кыргызстане (из раскопок 2022-2023 гг. И случайных находок прежних лет) // Поволжская археология. 2023. № 4 (46). С. 173–186. DOI: 10.24852/pa2023.4.46.173.186.

Куклина А.А., Кольченко В.А. Итоги исследования массовой керамики с раскопов 2022 г. на средневековом городище Кен-Булун (Чуйская долина, Кыргызстан) // Поволжская археология. 2024. № 2 (48). С. 26–42. DOI: 10.24852/pa2024.2.48.26.42.

Мухаметшин Р.Р., Гатиатуллин А.Р., Ситдиков А.Г., Хамидуллин М.Р. Онлайн-ГИС "Культурное наследие Татарстана и татарского народа": перспективы развития // Международный форум KAZAN DIGITAL WEEK – 2024 (9–11 сентября 2024) . Ч. 1 / Под общ. ред. Р.Н. Минниханов, сост.: Р.Ш. Ахмадиева, Р.Н. Минниханов. Казань: ОСП «НЦБЖД АН РТ», 2024. С. 1411–1417.

Мухаметшин Р.Р., Галяутдинов М. И. Библиотеки академических институтов в эпоху цифровизации // Научные и технические библиотеки. 2024. № 5. С. 118–129. DOI 10.33186/1027-3689-2024-5-118-129.

Набиуллин Н.Г. Из истории формирования коллекций Джукетау // Археология Евразийских степей. 2019. № 5. С. 24–29.

Недашковский Л. Ф. Костяные изделия, предметы из неопределенных материалов и прочие источники с Увекского городища по архивным данным // Поволжская археология. 2025. № 2 (52). С. 165–171. DOI: 10.24852/pa2025.2.52.165.171.

Пигарёв Е.М., Ситдиков А.Г. Мавзолейный комплекс у с. Лапас Астраханской области (из полевого дневника В.В. Дворниченко) // Поволжская археология. 2023. № 2 (44). С. 209–220. DOI: 10.24852/pa2023.2.44.209.220.

Постановление Правительства Российской Федерации № 1262 «О внесении изменений в Положение о лицензировании деятельности по сохранению объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации» от 17 октября 2017 г.

Приказ Минкультуры России от 01.12.2017 N 2012 "Об утверждении Положения о Государственном каталоге Музейного фонда Российской Федерации" (Зарегистрировано в Минюсте России 08.11.2018 N 52642)

Приказ Министерства культуры РФ от 23 июля 2020 г. N 827 «Об утверждении Единых правил организации комплектования, учета, хранения и использования музейных предметов и музейных коллекций»

Распоряжение Кабинета Министров Республики Татарстан № 1428-р от 08.09.2005 г.

Ситдиков А.Г., Пигарев Е.М., Сарыбаев М.К. Комплекс мавзолеев у с. Лапас: к вопросу об атрибуции памятника // Археология Евразийских степей. 2023. № 6. С. 259–270. DOI: 10.24852/2587-6112.2023.6.259.270.

Ситдиков А.Г., Сайфутдинова Г.М., Мухаметшин Р.Р. Интеграция результатов исследований проекта «Засечные линии» в геопортал Российского исторического общества // Международный форум KAZAN DIGITAL WEEK – 2023 (Казань, 20–22 сентября 2023) / Отв. ред. Р.Н. Минниханов. Казань: ГБУ «НЦБЖД», 2023. С. 1117–1121.

Ситдиков А.Г., Саттаров Р.Р. Общие сведения о научной деятельности Института археологии имени А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстана в 2022 году // Археология Евразийских степей. 2023. № 1. С. 358–377. DOI: 10.24852/2587-6112.2023.1.358.377.

Ситдиков А.Г., Саттаров Р.Р., Асылгараева Г.Ш. Общие сведения о научной деятельности Института археологии имени А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстана в 2021 году // Археология Евразийских степей. 2022. № 1. С. 237–255. DOI: 10.24852/2587-6112.2022.1.237.255.

Урбушев А.У. Новые местонахождения наскальных изображений в долине реки Каракол (Центральный Алтай): к вопросу о редокументировании памятников наскального искусства // Поволжская археология. 2025. № 2 (52). С. 100–108. DOI: 10.24852/pa2025.2.52.100.108.

Федеральный закон РФ "Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации" N 73-ФЗ от 25 июня 2002 г.

Федеральный закон РФ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 N 73-ФЗ

Федеральный закон РФ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» от 26.05.1996 N 54-ФЗ

Хамидуллин М.Р., Мухаметшин Р.Р., Ямалтдинов И.И. Интеграция модуля работы с фольклорными материалами в онлайн-ГИС «Культурное наследие Татарстана и татарского народа» // Международный форум KAZAN DIGITAL WEEK – 2023 (Казань, 20–22 сентября 2023) / Отв. ред. Р.Н. Минниханов. Казань: ГБУ «НЦБЖД», 2023. С. 1133–1139.

Хузин Ф.Ш., Ситдиков А.Г. Казанская археологическая школа: итоги и перспективы развития // Поволжская археология. 2014. № 3 (9). С. 6–40.

Spyrou M. A. et al. Historical Y. pestis Genomes Reveal the European Black Death as the Source of Ancient and Modern Plague Pandemics // Cell Host & Microbe. 2016. Vol. 19. P. 874–881.

Spyrou M. A. et al. Phylogeography of the second plague pandemic revealed through analysis of historical Yersinia pestis genomes // Nature Communications. 2019. Vol. 10, 4470. P. 1–13.

Информация об авторах:

Баранов Вячеслав Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); sl.baranov@mail.ru

Валеева Валентина Александровна, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); valushka.valeeva@mail.ru

Волкова Елизавета Валерьевна, младший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); erminea.wolf@gmail.com

Гирфанова Ксения Сергеевна, заведующая Музеем археологии РТ, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); girfanova.ks@yandex.ru

Каплан Полина Юрьевна, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); kapolina15@gmail.com

Макласова Людмила Эдуардовна, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); maklasova_luda@mail.ru

Мухаметшин Рамис Рустамович, заведующий отделом, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); rom.fig@mail.ru

Садриев Наиль Равильевич, младший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); nail.sad@mail.ru

Ситдиков Айрат Габитович, доктор исторических наук, академик АН РТ, профессор, директор, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); sitdikov_a@mail.ru

REFERENCES

Abdullin, Kh. M., Baranov, V. S., Drozdova, G. I., Mukhametshina, A. S., Sitdikov, A. G. 2015. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 13 (3), 256–263 (in Russian).

Akhmetgalin, F. A., Amirov, Sh. Sh. 2024. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 44–5530–36 (in Russian).

Akhmetgalin, F. A., Sitdikov, A. G. 2025. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 51 (1), 227–236 (in Russian).

Baranov, V. S., Valeeva, V. A. 2025. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 30–36 (in Russian).

Borutskaya, S. B., Vasil'ev, S. V., Gazimzyanov, I. R. 2007. In *Voprosy antropologii (Issues of Anthropology)* (15), 413–418 (in Russian).

Volkova, E. V., Kiryagin, K. V., Sitdikov, A. G., Kharlamova, N. V. 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 18 (4), 226–247 (in Russian).

Golubeva, E. N., Galimova, M. Sh., Bakhmatova, V. N. 2022. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 41 (3), 107–119 (in Russian).

Edinye pravila organizatsii komplektovaniya, ucheta, khraneniya i ispol'zovaniya muzeynykh predmetov i muzeynykh kollektsiy, utv. prikazom Ministerstva kul'tury RF № 827 ot 23.07.2020 g. (Uniform rules for the organization of acquisition, accounting, storage and use of museum items and museum collections, approved by Order of the Ministry of Culture of the Russian Federation No. 827 dated 23.07.2020) (in Russian).

Zeleneev, Yu. A., Pigarev, E. M., Sitdikov, A. G. 2024. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 82–88 (in Russian).

Kazakov, P. V., Pigarev, E. M. 2024. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 50 (4), 167–181 (in Russian).

Kamaleev, E. V. 2019. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5, 75–80 (in Russian).

Kamyshev, A. M., Kolchenko, V. A. 2023. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 46 (4), 173–186 (in Russian).

Kukulina, A. A., Kolchenko, V. A. 2024. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 48 (2), 26–42 (in Russian).

Mukhametshin, R. R., Gatiatullin, A. R., Sitdikov, A. G., Khamidullin, M. R. 2024. In Minnikhanov, R. N., Akhmadieva, R. Sh. (eds.). *Mezhdunarodnyy forum KAZAN DIGITAL WEEK – 2024 (Proceedings of the International Forum KAZAN DIGITAL WEEK – 2024).* Part 1. Kazan: Scientific Center of Safety Research, 1411–1417 (in Russian).

Mukhametsin, R. R., Galyautdinov, M. I. 2024. In *Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki (Scientific and Technical Libraries)* 5, 118–129 (in Russian).

Nabiullin, N. G. 2019. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5, 24–29 (in Russian).

Nedashkovskii, L. F. 2025. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 52 (2), 165–171 (in Russian).

Pigarev, E. M., Sitdikov, A. G. 2023. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 44 (2), 209–220 (in Russian).

Postanovlenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii № 1262 «O vnesenii izmeneniy v Polozhenie o litsenzirovanii deyatel'nosti po sokhraneniyu ob"ektov kul'turnogo naslediya (pamyatnikov istorii i kul'tury) narodov Rossiyskoy Federatsii» ot 17 oktyabrya 2017 g. (Decree of the Government of the Russian Federation No. 1262 On Amendments to the Regulation on Licensing Activities for the Preservation of Cultural Heritage Sites (Historical and Cultural Monuments) of the Peoples of the Russian Federation dated October 17, 2017) (in Russian).

Prikaz Minkul'tury Rossii ot 01.12.2017 N 2012 "Ob utverzhdenii Polozheniya o Gosudarstvennom kataloge Muzeynogo fonda Rossiyskoy Federatsii" (Zaregistrirovano v Minyuste Rossii 08.11.2018 N 52642) (Order of the Ministry of Culture of the Russian Federation dated 01.12.2017 N 2012 On Approval of the Regulations on the State Catalog of the Museum Fund of the Russian Federation (Registered with the Ministry of Justice of the Russian Federation on 08.11.2018 No. 52642)) (in Russian).

Prikaz Ministerstva kul'tury RF ot 23 iyulya 2020 g. N 827 «Ob utverzhdenii Edinykh pravil organizatsii komplektovaniya, ucheta, khraneniya i ispol'zovaniya muzeynykh predmetov i muzeynykh kollektsiy» (Order of the Ministry of Culture of the Russian Federation No. 827 dated July 23, 2020 "On Approval of Uniform Rules for the organization of acquisition, accounting, storage and Use of Museum Objects and Museum Collections") (in Russian).

Rasporyazhenie Kabineta Ministrov Respubliki Tatarstan № 1428-r ot 08.09.2005 g. (Decree of the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan No. 1428-r dated 08.09.2005) (in Russian).

Sitdikov, A. G., Pigarev, E. M., Sarybaev, M. K. 2023. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6, 259–270 (in Russian).

Sitdikov, A. G., Saifutdinova, G. M., Mukhametshin, R. R. 2023. In Minnikhanov, R. N., Akhmadieva, R. Sh. (eds.). *Mezhdunarodnyy forum KAZAN DIGITAL WEEK – 2023 (Proceedings of the International Forum KAZAN DIGITAL WEEK – 2023).* Kazan: Scientific Center of Safety Research, 1117–1121 (in Russian).

Sitdikov, A. G., Sattarov, R. R. 2023. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 358–377 (in Russian).

Sitdikov, A. G., Sattarov, R. R., Asylgaraeva, G. Sh. 2022. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 237–255 (in Russian).

Urbushev, A. U. 2025. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 52 (2), 100–108 (in Russian).

Federal'nyy zakon RF "Ob ob"ektakh kul'turnogo naslediya (pamyatnikakh istorii i kul'tury) narodov Rossiyskoy Federatsii" N 73-FZ ot 25 iyunya 2002 g.(Federal Law of the Russian Federation On Cultural Heritage Sites (Historical and Cultural Monuments) of the Peoples of the Russian Federation No. 73-FZ dated June 25, 2002) (in Russian).

Federal'nyy zakon RF «Ob ob"ektakh kul'turnogo naslediya (pamyatnikakh istorii i kul'tury) narodov Rossiyskoy Federatsii» ot 25.06.2002 N 73-FZ (Federal Law of the Russian Federation "On Cultural Heritage Sites (Historical and Cultural Monuments) of the Peoples of the Russian Federation" dated 25.06.2002 N 73-FZ) (in Russian).

Federal'nyy zakon RF «O Muzeynom fonde Rossiyskoy Federatsii i muzeyakh v Rossiyskoy Federatsii» ot 26.05.1996 N 54-FZ (Federal Law of the Russian Federation " On the Museum Fund of the Russian Federation and Museums in the Russian Federation" dated 05.26.1996 N 54-FZ) (in Russian).

Khamidullin, M. R., Mukhametshin, R. R., Yamaltdina, I. I. 2023. In Minnikhanov, R. N., Akhmadieva, R. Sh. (eds.). *Mezhdunarodnyy forum KAZAN DIGITAL WEEK – 2023 (Proceedings of the International Forum KAZAN DIGITAL WEEK – 2023).* Kazan: Scientific Center of Safety Research, 1133–1139 (in Russian).

Khuzin, F. Sh., Sitdikov, A. G. 2014. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 9 (3), 6–40 (in Russian).

Spyrou, M. A. et al. 2016. In *Cell Host & Microbe*. Vol. 19, 874–881 (in English).

Spyrou, M. A. et al. 2019. In *Nature Communications*. 2019. Vol. 10 (4470), 1–13 (in English).

About the Authors:

Baranov Vyacheslav S. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sl.baranov@mail.ru

Valeeva Valentina A. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; valushka.valeeva@mail.ru

Volkova Elizaveta V. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; erminea.wolf@gmail.com

Girfanova Kceniya S. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; girfanova.ks@yandex.ru

Kaplan Polina Yu. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; kapolina15@gmail.com

Maklasova Lyudmila E. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; maklasova_luda@mail.ru

Mukhametshin Ramis R. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; rom.fig@mail.ru

Sadriev Nail. R. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; nail.sad@mail.ru

Sitdikov Ayrat G. Doctor of Historical Sciences, Academician of the Tatarstan Academy of Sciences, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

Статья поступила в журнал 24.09.2025 г.
Статья принята к публикации 22.10.2025 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

УДК 902 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.5.338.349

РЕЦЕНЗИЯ НА КОЛЛЕКТИВНУЮ МОНОГРАФИЮ «СРЕДНИЕ ВЕКА (VIII – НАЧАЛО XIII ВВ.). ВОЛЖСКАЯ БОЛГАРИЯ. ФИННО-УГОРСКИЙ МИР. КОЧЕВНИКИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ» (ТОМ 5) ИЗ СЕРИИ «АРХЕОЛОГИЯ ВОЛГО-УРАЛЬЯ» В 7 ТОМАХ. КАЗАНЬ, 2022

©2025 г. С.Г. Боталов

Рецензия тома 5 из серии «Археология Волго-Уралья» посвящена истории и археологии «Средние века (VIII – начало XIII вв.). Волжская Болгария. Финно-угорский мир. Кочевники Восточной Европы». Территориально регион исследования охватывает огромную область на севере – европейский северо-восток, южное Среднее Поволжье, включающее районы Закамья, Предволжья и Предкамья. С юга с этим регионом контактировало население Южного Урала с ландшафтно-локальными микрорайонами: Бугульминско-Белебеевская возвышенность, Тайнинская и Месягутовская лесостепь, Дёмско-Чермасанский степной коридор и лесостепное и степное Зауралье, которые входят в территорию Башкортостана, Оренбургской и Челябинской областей, а также районы Донецкого края. В историко-культурной хронологии в монографии разбираются аспекты археологии Хазарского каганата и его периферии, Волжской Болгарии и народов Поволжья, входивших в ее состав и соседствующих с ней, а также памятников Поволжья и Приуральского Башкортостана.

Ключевые слова: археология, Хазарский каганат, Волжская Болгария, памятники Новинскинского типа, кыпчаки, печенеги.

REVIEW ON THE COLLECTIVE MONOGRAPH “THE MIDDLE AGES (VIII – EARLY XIII CENTURIES). VOLGA BOLGARIA. FINNO-UGRIAN WORLD. NOMADS OF THE EASTERN EUROPE" (VOL. 5) FROM THE SERIES "ARCHAEOLOGY OF THE VOLGA-URALS" IN 7 VOLUMES. KAZAN, 2022

S.G. Botalov

Review is dedicated to the volume 5 of the series “Archaeology of the Volga-Urals”. The volume contains information about the history and archaeology of the Middle Ages (VIII – early XIII centuries) – Volga Bolgaria, Finno-Ugrian world, nomads of the Eastern Europe. Geographically, the region under study covers a huge area – the European North-East, the southern Middle Volga region, including Trans-Kama, Cis-Volga and Cis-Kama. From the south, the peoples of the Southern Ural interact with the population of this region. The Southern Ural includes landscape-local microdistricts: the Bugulma-Belebey upland, the Taininskaya and Mesyagutvo forest steppe, the Dyoma-Chermasan steppe corridor and the forest steppe and steppe Trans-Ural. All these territories are included in the territory of Bashkortostan, the Orenburg and Chelyabinsk regions, as well as the districts of the Donetsk region. In the historical and cultural chronology, the monograph deals with aspects of the archaeology of the Khazar Khaganate and its periphery, Volga Bolgaria and the peoples of the Volga region that were part of it and neighboring with it, as well as sites of the Volga region and the Urals of Bashkortostan.

Keywords: archaeology, Khazar Khaganate, Volga Bolgaria, Novinki type sites, Kipchaks, Pechenegs.

В последние годы большой Урало-Поволжский и Западно-Сибирский макрорегион оказался в орбите глобальный обобщающих исследований по древней и средневековой истории.

Предлагаемая коллективная монография продолжает своеобразную эстафету осуществленного тремя годами ранее проекта 8-томного издания «История Южного Урала» (Мосин, 2019; Южный Урал в начале эпохи металлов…, 2019; Таиров, 2019; Боталов, 2019; У истоков южноуральских народов…, 2019; Самигулов, Маслюженко, Моисеев, 2019; Свистунов, Тептеев, 2019; Южный Урал. Век двадцатый, 2019) и обширной коллективной монографии «Западная Сибирь в эпоху раннего Средневековья: взаимодействие этнокультурных общностей» (Западная Сибирь…, 2022).

В этой связи следует отметить положительную динамику в расширении масштаба региональных проектов. Если начало двухтысячных ознаменовалось выходом в свет узкорегиональных изданий («Древняя история Южного Зауралья» в 2-х томах, «История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней» в 6 книгах, «История татар с древнейших времен» в 7-ми томах, «История башкирского народа» в 7-ми томах (Древняя история Южного Зауралья, 2000; История Самарского Поволжья…, 2000; История татар…, 2002; 2006; 2009; 2013; 2013а; 2014; 2014а; История башкирского народа, 2009–2012), то сегодня появляются работы, посвященные масштабным макрорегиональным исследованиям, к которым относится предлагаемый проект «Археология Волго-Уралья» в 7-ми томах (Средние века (VIII – начало XIII вв.) …, 2022).

Рецензируемый в настоящем отзыве том V посвящен археологии Волжской Болгарии, финно-угорскому миру и тюркоязычным кочевникам в средние века (VIII – начало XIII в.), написанный 38-ю авторами из различных городов и научных учреждений (Средние века (VIII – начало XIII вв.). …, 2022).

Структура этого издания распределена по трем разделам.

В первом разделе обобщены исследования археологических памятников Волго-Уралья VIII – начала X вв., предшествующих времени образования Болгарского государства. Разноязычные племена Среднего Поволжья и Прикамья, оставившие археологические памятники этого времени, приняли участие в формировании этнических основ населения Волжской Болгарии. Второй раздел целиком посвящен археологии Волжской Болгарии – раннефеодального государства, сыгравшего наряду с параллельно существовавшей Древней Русью исключительно важную роль в истории народов Восточной Европы. В третьем разделе книги обобщены археологические материалы финно-угорских и тюркоязычных соседей Волжской Болгарии X – начала XIII вв. (с. 5).

Территориально регион исследования охватывает огромную область на севере – европейский северо-восток, южное Среднее Поволжье, включающее районы Закамья, Предволжья и Предкамья. С юга с этим регионом контактировало население Южного Урала с ландшафтно-локальными микрорайонами: Бугульминско-Белебеевская возвышенность, Тайнинская и Месягутовская лесостепь, Дёмско-Чермасанский степной коридор и лесостепное и степное Зауралье, которые входят в территорию Башкортостана, Оренбургской и Челябинской областей.

Историографический раздел (с. 5–8) и источниковая база помещены во Введении издания (с. 8–13). В нем подробным образом отражен процесс накопления исторических сведений о средневековой истории региона от первых полевых изысканий Н.П. Рычкова (1770), П.С. Палласа (1788) и И.И. Лепехина (1795) до масштабных исследований корифеев средневековой истории второй половины XX века Волго-Уралья – А.Х. Халикова, В.Ф. Геннинга, Ф.Ш.Хузина, А.П. Смирнова, Р.Д. Голдиной, В.А. Оборина, Г.А. Архипова, Г.И. Матвеевой и др.

Глава 1 посвящена памятникам Южного Средневолжья хазарского времени (с. 16–31), автором главы Н.А. Лифановым проделана большая и качественная работа по систематизации раннесредневековых материалов Среднего Поволжья. Имеющиеся памятники по погребальному обряду и вещевому материалы автор разбил на пять культурных типов: новинкинский, уреньский, кайбельско-автозаводский, прикамский и субботцевский.

Безусловно, общие характеристики рассматриваемых памятников ярко отражают их культурное своеобразие. Особым образом это относится к двум первым культурным типам – известным комплексам новинкинского типа и курганов кочевой элиты могильников Шировка и Урень II (с. 22–23).

Бесспорно, определенно культурное своеобразие просматривается в трех оставшихся культурных типах. Однако по нашему представлению крайне неудачно выбрано название пятого – субботцевского типа. Предпочтя это определение, автор вслед за А.В. Комаром хотел подчеркнуть явное отличие от салтово-маякских материалов типа Немчанка, Золотая Нива, «116 км» и др., связывая их с венгерским или мадьярским. Что касаемо района Среднего Поднепровья, где обнаружено небольшое число памятников этого типа, содержащих чуть более двух десятков артефактов, выделение их из общей среды салтовских материалов было уместно и типологически верно. Однако для районов Среднего Поволжья, изобилующих вслед за южноуральскими памятниками материалами мадьярского типа, вряд ли правомерно прибегать к данному определению. Тем более что сегодня после многолетних исследований погребального комплекса Уелги, а также находок на Актюба и в Нижнем Яру мы постепенно приходим к выводу, что появление мадьярского (или карпатского) стиля связано с работами Южного Урала. Хотя, безусловно, остается в силе предпочтение автора.

На наш взгляд весьма удачной и наглядной явилась хронологическая схема средневековых древностей региона, которую поместил в заключительном хронологическом разделе Н.А. Лифанов. Три главы первого раздела посвящены исследованиям известных поволжских средневековых могильников: Большетарханский (гл. 2, с. 32–50, автор Е.П. Казаков); Танкеевский (гл. 4, с. 58–86, автор Е.П. Казаков) и Большетиганский (гл. 5, с. 87–104, авторы Е.П. Казаков, А.Г. Ситдиков и Ф.Ш.Хузин).

Безусловно, эти главы являются своеобразными источниковедческими разделами по истории населения Волжской Болгарии с конца VII по X века. Они построены по единому описательному алгоритму, позволяющему составить исчерпывающее впечатление о культуре волжских булгар на различных этапах своего развития. Заключительные строки этих глав, касающиеся этнокультурной интерпретации населения оставившего эти некрополи, также не вызывают сомнения. Если на раннем этапе (рубеж VII–VIII вв.) большетарханское население представляет собой относительно однородную болгарскую генерацию, то на последующих этапах в Танкеевском и Большетиганском могильниках наблюдается яркий процесс микширования и ассимиляций болгар с местными финно-угорскими племенами и уральским протовенгерским населением. Это хорошо иллюстрируется прежде всего на керамическом материале: относительно однородный состав кувшинов болгаро-хазарского облика в Большетарханском могильнике (с. 39, рис. 6) сменяется ярким многообразием керамической гончарной и самолепной посуды Танкеевского могильника (с. 66–68, рис. 8–10) и, наконец, Большетиганский комплекс, который в подавляющем количестве составляют образцы горшков восточного неволинско-ломоватовского и кушнаренковско-караякуповского облика (с. 94, рис. 7). В одной из глав авторы делают совершенно правомерный вывод, что материалы Больших Тиган и Танкеевки, а также памятники кушнаренковского типа, выявленные преимущественно в восточных районах Татарстана, только дополняют друг друга. Они показывают, что игнорировать в процессе формирования населения Волжской Болгарии участие данного компонента нельзя, учитывая, что часть протовенгров не ушла вместе с основной группой на запад, а осталась на прикамских землях, подвергалась ассимиляции, но сохраняла еще свое этническое самосознание вплоть до монгольского времени (с. 83–84).

Данные источниковедческие главы отвечают всем современным научным требованиям обобщенной публикации макроисточника. Однако остается сожалеть, что при наличии широко распространенной полноцветной печати в данное издание не вошли фотоснимки таких важных артефактов, которыми являются предметы ременной гарнитуры, украшения и керамическая посуда. Этот факт, безусловно, снижает целостное восприятие источника.

Главы 3 и 6 раздела 1, а также глава 7 раздела 3 посвящены материалам кочевнической тематики. Закономерно, что главы «Караякуповские памятники Башкирского Приуралья» (с. 51–57) и «Памятники кочевников степного и лесостепного Предуралья» (с. 105–124) были написаны известным специалистом этой тематики В.А. Ивановым.

В главе 3 автор подробным образом производит типологическое и статистическое сравнение двух культурных типов: кушнарен-

ковского и караякуповского, приводя единое картографирование (с. 52, рис 1) и единые статистические таблицы особенностей погребального обряда (с. 56–57, таб. 1). По мнению автора результаты сравнительного анализа показали что кушнаренковская и караякуповская представляют собой две самостоятельные культуры.

На территории Предуралья они известны уже в сложившемся виде, последовательно сменяя друг друга в течение конца VI–VII (или начала VIII) вв. (кушнаренковская культура) и VIII–IX вв. (караякуповская культура), где они сформировались.

Прекращение функционирования памятников кушнаренковской культуры очевидно было связано с появлением в Предуралье носителей караякуповской культуры – древних угров-мадьяр (венгров) – во второй половине VIII в. Возможно, «кушнаренковцы» растворились среди своих этнических сородичей, возможно, какая-то их часть ушла за Каму (Кузебаевское, Благодатское, Верхне-Постольское городища) и Волгу (Тетюшское II городище). Что касается самих «караякуповцев», то их исчезновение с территории Предуралья в середине IX века является непосредственным отражением начала древневенгерской миграции в составе «семи племен Хетумогер» на запад в поисках новой родины (с. 55).

В качестве уточнения своей точки зрения заметим, что кушнаренковско-караякуповский керамический комплекс формируется в лесостепном Зауралье в недрах Бакальского историко-культурного горизонта в IV–VI вв. Последующее его развитие в этом восточном регионе происходит в единых комплексах и сосуществует вплоть до X века (Граултры, Наровчатка, Уелги). На позднем этапе население этих культурных типов взаимодействует с петрогромско-юдинским населением – носителем керамики гребенчато-шнуровым орнаментом.

В главе 6 В.А. Ивановым подробным образом описываются историко-культурные процессы, происходившие в огромном регионе степного и лесостепного Предуралья, охватывающие степи Западного Казахстана, Нижнего Поволжья, Оренбуржья и лесостепного Прикамья и Зауралья. Особо ценной деталью данного исследования является наложение процесса историко-культурной трансформации на карту ландшафтно-климатических колебаний за последние 2,5–2 тысячелетия (с. 105–107).

Статистическая систематизация археологических данных и соотношение их с историческими сведениями позволила раскрыть яркую картину огузо-печенежской и кимако-кыпчакской истории, происходившей в границах исследуемого региона и за его границами (с. 110–118). Особо автор характеризует угорские памятники лесостепного Приуралья и Зауралья, называя их памятниками мрясимовского или постпетрогромского типа. Они появляются здесь после ухода мадьяр на свою карпатскую родину (с. 118–121).

Тему автора продолжает глава 7 раздела 3, где В.А. Ивановым рассматриваются кочевнические материалы кыпчако-половецкого круга (вторая пол. XI – начало XIII вв.). Автор со свойственной ему статистической скрупулезностью рассматривает весь имеющийся на сегодняшний день арсенал кыпчакских погребений с региона от левобережья Волги до Тобола, хорошо иллюстрируя опорные материалы и вещевые комплексы таблицами. Наложив археологические данные со сведениями письменных источников, автор вслед за Р.Г. Кузеевым приходит к важному выводу, что период XI – начало XIII вв. был периодом кульминации кыпчакской интеграции различных по происхождению степных племен в Дешт-и-Кыпчаке и началом «активного проникновения кыпчакских и кыпчакизированных групп в Приуралье и Зауралье, что предопределило кыпчакское направление развития этноязыковых процессов в Башкирии (с. 747).

Продолжают тему кочевнической археологии Д.В. Васильев и Э.Д. Зиливинская, написавшие главу 7 «Памятники Нижнего Поволжья VIII–X вв. (с. 125–147), и Кравченко Э.Е. главой 8 «Памятники хазарского времени в Донецких степях» (с. 148–171).

Главы представляют собой качественную публикацию в первом случае погребальных, во второй – поселенческих комплексов хазарского периода в степном регионе от Нижней Волги до долин Дона и Приазовья. Особым аспектом главы 7 является вопрос локализации хазарской столицы Итиль. По вполне аргументированному мнению авторов наиболее вероятным местоположением ее является Самосдельское городище (с. 142–147). Другой раздел этих авторов был посвящен памятникам

Нижнего Поволжья в X–XIII вв. (с. 752–768, раздел 3, глава 8), который продолжает логику предыдущей главы авторов, но уже в период огузов и печенегов.

Удачно сопоставляя исторические и археологические данные из области и города Саксина, материалов X–XIV вв. Самосдельского городища авторы воссоздают яркую картину торгово-экономического, культурного и религиозного облика населения области Саксин (с. 762–768).

Глава 8 (автор Кравченко Э.Д.) представляет собой внушительный обзор средневековых археологических комплексов донецкой степи. Фактически глава представляет собой описание историко-культурного облика большой области Хазарского каганата, где дается характеристика как небольших поселков сельскохозяйственной округи (неукрепленные поселения), так и большие укрепленные городища типа Осиянская Гора, Маяки, Сидоровский комплекс и др., а также могильники зливкинского типа (с. 149–171).

Поселенческие материалы сельской округи (пос. Казачья Пристань, Старица, пос. Грузское 8, пос. Великая Шишовка, пос. Обрыв 2 и др.) создают определенную объемность рассматриваемых материалов. В этой связи основные построения о внедрении в среду населения пеньковской культуры нового хазарского компонента, что привело к формированию салтовской культуры в середине VIII в., представляются нам более чем убедительными.

Две главы (раздел 1, глава 9, с. 172–181 и раздел 3, глава 1, с. 602–616, авторы Белорыбкин Г.Н., Вихляев В.И., Зеленеев Ю.А.) посвящены материалам средневековой мордвы Окско-Сурского-Цнинского междуречья соответственно VIII – первой половины IX в. и X–XIII вв.

Отличительной особенностью этих глав является чрезвычайная лаконичность и структурная четкость. По единому алгоритму последовательно располагаются описательные абзацы, характеризующие могильники, погребальный обряд и поселенческую культуру населения, далее приводятся основные хронологические реперы различия и в заключении этнокультурная и общеисторическая характеристика отдельных этапов. Возможно авторы этих глав именно так представляли свои задачи в построении материала. Однако, на наш взгляд, слабая иллюстративность данных разделов (отсутствие сводных таблиц керамического материала, карт поселенческих комплексов VIII–X вв., материалов известнейших погребальных комплексов: Крюковско-Кужновского, Лядинского, Елизавет-Михайловского и др.) не позволили создать полноценную картину особенностей культурогенеза представленного материала.

Ярким и наглядным отличием от предыдущих являются главы Л.М. Белавина и Н.Б. Крыласовой «Памятники Среднего Предуралья» VIII–X вв. (глава 10, раздел 1, с. 184–213) и «Памятники Среднего Предуралья X–XIII вв. (глава 5, раздел 3, с. 685–718). Авторы подробным образом описывают и хорошо иллюстрируют материалы ломоватовской культуры. При этом в качестве иллюстративного материала приводятся результаты исследования наиболее ярких археологических комплексов: Рождественского и Баяновского могильников, Запосельского и Лаврятского, Купросского и др. (с. 187–207). В заключительной части главы 10 авторы помещают внушительный ряд сводных таблиц по керамике (с. 208, рис. 24), украшениям и деталям костюма (с. 209, рис. 25), женским украшениям (с. 210, рис. 26) и поясным наборам (с. 212, рис. 29), а также реконструкциям женского костюма и внешнего облика баяновцев (с. 211, рис. 27, 28).

В главе 5 (раздел 3) авторы в большей степени посвятили вопросам материальной и хозяйственной жизни, а также духовной культуре населения Среднего Предуралья в позднеломоватовское и родановское время. В большей степени они уделили внимание поселенческой архитектуре и быту, хотя особо в погребальном обряде они уделяют вопрос о переходе прикамского населения к мусульманской традиции (с. 692–694, рис. 5).

В историко-культурном очерке, помещенном в конце главы (с. 712–718), на наш взгляд, логично и аргументировано производится окончательная корректировка средневековых культур Пермского Прикамья, и границы ломоватовской и родановской культур устанавливаются на рубеже XI–XII вв. С точки зрения авторов родановская культура XII–XV в. представляется финно-угорской культурой, ставшей отчасти культурой предков коми-пермяцкого народа (особенно на этапе XIII–XV вв.), имеет много общего с соседними чепецкой и вымской археологическими культурами (с. 718).

Две главы (глава 11 раздела 1 (с. 214–236) и глава 6 раздела 3 (с. 719–740) посвящены памятникам Северного Приуралья (бассейн Вычегды и Мезени). Авторы Э.А. Савельева и А.М. Мурыгин подробным образом описывают историко-культурные особенности макрорегиона, включающего в свой состав комплексы бассейна Вычегды, Мезени, Печоры и верховья Камы, входящие в состав ванвиздинской, а впоследствии вымской культуры (с. 219–221, рис. 1; с. 722–725, рис. 1).

При составлении глав авторы предприняли традиционный алгоритм изложения характеристики материла по культурному принципу. В этой связи характеристика ванвиздинской и вымской культур добротно оснащены изобразительными и описательными материалами, что позволяет составить полное впечатление о предмете исследования (с. 221–235, рис. 2–12; с. 724–739, рис. 2–10).

Данные главы дают достаточно яркое представление о культуре средневековых вычегорских пермян, которые по мнению Э.А. Савельевой являются предками современных коми-зырян.

Еще три главы посвящены разбору археологических культур и памятников, составляющих их расположение на северо-западной и северо-восточной периферии Волжской Болгарии: «Памятники Ветлужско-Вяткинского междуречья» (глава 2 раздела 3, автор Никитина Т.Б.), «Памятники бассейна Чепца» (глава 3 раздела 3, автор Иванова М.Г.) и «Памятники Камско-Вятского междуречья. Чумойтлинская культура» (глава 4 раздела 3, автор Р.Д. Голдина). Данные разделы построены по тому же культурологическому принципу, что и главы Савельевой Э.А., Мурыгина А.М.). Описывая и систематизируя полученные материалы, авторы подробным образом разбирают основные черты хозяйства и культуры населения обозначенных регионов. Резюмируя итоги своих реконструкций Т.Б. Никитина в заключительной части главы приводит сложную картину этнокультурных предпочтений, которые сегодня сложились в археологической литературе на этнокультурный облик населения Ветлужско-Вятского междуречья. Несмотря на существующие в литературе точки зрения о наличии удмуртского, прикамско-пермского (угорского) населения, автор остается на позициях, что основная часть автохтонного населения связана с марийской культурой (с. 643), однако на протяжении XII–XIII вв. происходят кардинальные изменения в этническом составе населения Ветлужско-Вятского междуречья, причиной этого являются множественные межэнические контакты с волжскими финнами, мерянами, муромой, мордовским и, вероятно, славянским населением. Эти многочисленные контакты славяноязычных финнов с местным населением отразились в своеобразии марийского этногенеза (с. 648–649).

В этой связи более выгодное положение в вопросе этнокультурогенеза имело удмуртское население чумойтлинской культуры камско-вятского междуречья. По мнению Р.Д. Голдиной одно из возможных объяснений этого – Южная Удмуртия была одним из наиболее стабильных, относительно спокойным районом, который был огражден от южных и западных соседей крупными реками – Вяткой и Камой. Современные материалы позволяют говорить о том, что южная группа представляет собой одну из древнейших в этногенезе удмуртского народа (с. 684).

Безусловно, более осложненными условиями этногенеза располагало население чепецкой культуры. По мнению автора главы Ивановой М.Г. в период с XI по XII вв. чепецкое население вступало во взаимодействие с различными этническими группами, результаты которых были неоднозначны для развития культуры: от осевших на чепецкой земле единичных вещей до усвоения новых элементов в материальной и духовной культуре, заимствований в языке. Но они не меняли общего пермского характера культуры. Именно в этот период в начале II тысячелетия н.э. формируются основные этнические черты в материальной и духовной культуре, происходят изменения в экономике, выразившиеся в росте удельного веса пашенного земледелия в комплексном хозяйстве, развитии металлургии, кузнечного и ювелирного ремесел, домашних производств. Однако крайне неблагоприятная ситуация сложилась к XIII веку, когда в связи с монголо-татарским нашествием и вызванными им перемещениями населения окружающих территорий, прервала и деформировала процессы социально-экономического и этнокультурного развития (с. 666–667).

Раздел 2 полностью посвящен археологии Волжской Болгарии (глава 1–8, с. 237–529).

Закономерно, что он занимает 1/3 всего издания. В этом и заключительном разделе 4, посвященном этнокультурным процессам в Волго-Уралье VIII–XIII вв. и монголо-татарскому завоеванию Волжской Болгарии (глава 1, 2, с. 769–792). Главы представленных разделов выстраивают впечатлительную цивилизационную панораму, которую составляют города, селения, ремесленные центры, монументальная и сельская архитектура, товарно-денежные отношения, в общем вся многогранная и богатая материальная и духовная культура Волжской Болгарии.

Закономерно, что основную нагрузку в написании этих разделов и глав взяли на себя казанские коллеги, хотя часть параграфов, посвященных исследованиям болгарских памятников округи средневекового государства, были добротно написаны иногородними авторами («Древняя Алабуга», Нигамаев А.З. (Елабуга), с. 320–329; «Муромский городок и его округа», Кочкина А.Ф. (Самара), с. 329–342; «Красносюндюковское городище», Семыкин Ю.А., Гисматуллин М.Р. (Ульяновск), с. 342–352; «Юловское и Золотаревское городища», Белорыбкин Г.Н. (Пенза), с. 352–366; «Гончарное производство», Кокорина Н.А. (Москва), с. 486–503).

Наиболее объемный авторский вклад в написание раздела 2 «Археология Волжской Болгарии» были внесен бесспорно корифеем болгарской археологии Ф.Ш. Хузиным. Он фактически открывает вводным параграфом «Территория и этнический состав населения» (глава 1, с. 237–244) и завершает «Монголо-Татарским завоеванием» (раздел 4, глава 2, с. 784–792) изложение сложной и многоаспектной темы, которой является археология и история Волжской Болгарии.

В соавторстве с другими исследователями Ф.Ш. Хузин создает целый ряд параграфов к главе 2, посвященных столицам и городищам Волжской Болгарии.

Так, в соавторстве с Губайдуллиным А.М. они создают обзорно-обобщающую статью «Общие сведения о городищах: типология и фортификация» (глава 2, с. 245–255), где благодаря обобщению гигантского материала по архитектуре фортификации, авторы производят общую типологизацию городищ. Всего ими выделено четыре типа городищ по форме рельефа и их фортификационным особенностям, а также отдельно учтены типы входов, проездов и цитаделей. В итоговой части авторы разделяют социальный статус отдельных городских центров как: общегосударственные столичные центры с ярко выделенной полифункциональностью – Биляр; центры отдельных земель-княжеств – Сувар, Ошель, Джукетау, Кашан, Алабуга, Муромский городок на Самарской Луке, Юлово на Суре, Афкуль в Пермском Предуралье; средние и малые города типа Старого Нохрата, Хулаша, Щербеньского I городища – центры определенной сельскохозяйственной округи; крупные торговые или торгово-ремесленные центры – г. Болгар, Измерское, Лаишевское поселения, древняя Казань (с. 256).

Далее Ф.Ш. Хузин является основным соавтором в четырех разделах, посвященных исследованиям наиболее археологического изучения городских центров: «Домонгольский Болгар» в соавторстве с Барановым В.С. и Ситдиковым А.Г. (с. 256–267); «Билярское городище и его округа» в соавторстве с Шакировым З.Г. (с. 267–285); «Город Сувар» в соавторстве с Шарифуллиным Р.Ф. (с. 285–293), «Древняя Казань» в соавторстве с Ситдиковым А.Г. (с. 304–320), «Другие археологически исследованные городища» в соавторстве с Губайдуллиным А.М. и Измайловым И.Л. (с. 366–377). Все вышеозначенные разделы отличаются большой информативностью, поскольку содержат гигантские материалы многолетних исследований. Изложение их осуществлялось по особому интегральному алгоритму, который вероятнее всего был изначально предложен Ф.Ш. Хузиным.

Последующие тематические главы 3–8 второго раздела (с. 378–600), посвящены особенностям архитектуры, хозяйства, ремесла, торговым отношениям и духовной культуре болгарского населения сельской округи и городов.

Глава 3 «Монументальные здания, рядовые жилища и хозяйственные постройки» (с. 378–407), написанная также Ф.И. Хузиным, является украшением раздела 2. Изобилующая иллюстративным археологическим материалом, изображениями архитектуры, реконструкциями духовных, дворцовых и общественных комплексов она позволяет раскрыть тот высокий исторический статус цивилизационной Волжской Болгарии накануне монгольского нашествия.

Авторская глава 4 «Сельские поселения» (с. 408–433) и параграф главы 5 «Цветная металлургия и ювелирное дело» (с. 463–486) принадлежат перу К.А. Руденко, который известен своей скрупулезностью и систематичностью. В этой связи автор и в этом случае смог исследовать и разобрать тот не всегда благодатный материал, который предоставляют памятники сельской округи, и распределил его по хронологические этапам и технологическим группам производства объекта, а также вещевым комплексам. Дробную типологию предметов цветной металлургии автор продолжает в тематическом параграфе главы 5 (с. 463–486).

Основная часть главы 5 раздела 2 посвящена хозяйству населения Волжской Болгарии (с. 434–529), которая раскрывает весь спектр производственной деятельности населения этого государства: «Сельское хозяйство: земледелие, животноводство», авторы Асылгараева Г.Ш., Халиков Н.А., Хузин Ф.Ш. (с. 434–443); «Промыслы: охота, рыболовство, бортничество, смолокурение», автор Валиев Р.Р. (с. 444–449). «Городское ремесло» полноценно включает все особенности: «Черная металлургия и кузнечное дело», автор Семыкин Ю.А. (с. 449–463), «Гончарное производство», автор Кокорина Н.А. (с. 463–486), «Стеклоделение», автор Валиулина С.Н. (с. 503–521), «Косторезное дело», авторы Шакиров З.Г., Пальцева Д.У. (с. 521–529), и уже упомянутый параграф «Цветная металлургия», написанный Руденко К.А. (с. 463–486).

Глава 6 раздела 2 посвящена внутренней и внешней торговле, авторы Валеев Р.М, Мухаметшин Д.Г. (с. 530–555), содержит весьма интересные сведения по торговообмену, денежному хождению и маршрутам внешней и внутренней торговли Волжской Болгарии. Возможно авторы, в предпочтении предоставить всестороннюю информацию по вышеназванным вопросам, не посчитали необходимым расширить список возможных иллюстраций и ограничились тремя страницами рисунков.

Две заключительные главы 7, 8 раздела 2 посвящены соответственно оружию и воинскому снаряжению, автор Измайлов И.Л. (с. 556–584) и духовной культуре населения Волжской Болгарии, авторы Измайлов И.Л. (с. 585–592) и Давлетшин Г.М. (с. 593–600).

В главе 7 на наш взгляд наиболее интересным и исторически информационным является раздел, посвященный организации болгарского войска (с. 577–584), где автор подробно разбирает военное дело волжских болгар в период X–XI и XII–XIII вв. Информация о наличии в болгарском войске составляющих из различных административных областей и городов, со стороны союзных, покоренных народов, а также наемных отрядов, хорошо проецируется на всю политическую структуру Болгарского государства (с. 578, рис. 27).

В разделе, посвященном проблемам распространения ислама в Волжской Болгарии, Измайлов И.Л., на наш взгляд, приходит к очень важным наблюдениям и выводам, что Волжская Болгарии начала знакомится с исламом в начале – середине IX в., а в начале X в. становится средневековым государством с исламом в качестве официальной религии. Одновременно ислам проникает в самые широкие слои болгарского общества, и уже с конца X века мусульманский погребальный обряд и другие нормы ислама (запрет на употребление в пищу свинины и т. д.) безраздельно господствуют в народной среде. Есть основания полагать, что ислам в Болгарии, учитывая ее пограничное положение на «краю исламской ойкумены», был более ортодоксальным и строгим, чем в ряде других стран ислама (с. 592). В этой связи на территории этого государства не было сколько-нибудь значительного иноконфессионального населения, кроме купцов и дипломатов, а язычников не было вообще. Представления о существовании некоего массива языческого «финноугорского» населения следует считать ошибочным, основанном на манипулировании некоторыми видами археологических находок, в первую очередь украшениями, которые, очевидно, не несли ни этнокультурной, ни конфессиональной нагрузки, а их распространение являлось результатом господствовавшей тогда своеобразной моды.

Глава 1 последнего 4 раздела написана Газимзяновым И.Р. (с. 770–783). Масштаб исследования, предпринятый этим антропологом, впечатляет. Выводы, к которым приходит автор, также не вызывают сомнения. Безусловно средневековое население лесостепной зоны Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья накануне монгольского завоевания в антропологическом плане характеризова-

лось (в основном) европеоидными формами мезоморфного типа, варианты которого различались по степени выраженности монголоидных черт. В сложении физических особенностей населения Волжской Болгарии, судя по данным археологии и антропологии, принимали участие как «местные» финно-угорские группы поволжско-уральского генезиса, так и тюркоязычные группы во главе с ранними болгарами (праболгарами), переселившимися на Среднюю Волгу с территории распространения памятников салтово-маяцкой археологической культуры. Однако завершение ассимиляционных процессов между различными этнокультурными компонентами в рамках Болгарского государства было прервано монгольским нашествием (с. 780).

Однако остается не совсем понятная корректность межгруппового анализа, когда выборка серий производилась в большом хронологическом диапазоне (от V–X вв. (Варнинский, Поломский могильники) до XIII в.) и в пределах гигантского макрорегиона. Думается, что рациональнее и полезнее всего было бы произвести сравнение в рамках этапов (X–XI и XII вв. – начало XIII в.) существования Волжской Болгарии среди городских центров и регионов этого государства. Таково было предпочтение уважаемого нами специалиста, и мы не в коей мере не пытаемся оспорить его результаты.

В заключительном разделе 4, как мы уже упоминали, финальной статьей является глава 2, написанная Ф.Ш. Хузиным (с. 784–792), последними строками которой является заключение о том, что монголы нанесли огромный урон Волжской Болгарии. Массовое физическое уничтожение населения, разорение городов и сел пагубно отразилось на состоянии экономики и культуры болгарского народа. Страна потеряла свою самостоятельность, государственность и стала одним из улусов нового монгольского государства – Улуса Джучи (Золотой Орды) (с. 792).

В этой связи следует заметить, что, несмотря на бесперспективность сослагательных наклонений в истории, стоит признать, что в случае с Волжской Болгарией монгольское нашествие действительно явилось своеобразным рубежом и особым цивилизационным сломом в дальнейшем развитии этого удивительного средневекового государства.

ЛИТЕРАТУРА

Боталов С.Г. Эпоха Великого переселения народов и раннее средневековье Южного Урала (II–VIII вв.) / История Южного Урала. Т. 4. Челябинск: ЮУрГУ, 2019. 400 с.

Древняя история Южного Зауралья. Каменный век. Эпоха бронзы / Этногенез уральских народов. Т. 1 / Отв. ред. Н.О. Иванова. Челябинск: ЮУрГУ, 2000. 540 с.

Древняя история Южного Зауралья. Ранний железный век и средневековье / Этногенез уральских народов. Т. 2 / Отв. ред. Н.О. Иванова. Челябинск: ЮУрГУ, 2000. 494 с.

Западная Сибирь в эпоху раннего Средневековья: взаимодействие этнокультурных общностей / Отв. ред. Н.П. Матвеева. Тюмень: Тюменского государственного университета, 2022. 260 с.

История башкирского народа: в 7 т. Т. I. / Отв. ред. В.В. Овсянников, В.К. Федоров, Ф.Г. Хисамитдинова. М.: Наука, 2009. 403 с.

История башкирского народа: в 7 т. Т. II. / Отв. ред. В.В. Овсянников, В.К. Федоров, Ф.Г. Хисамитдинова. М.: Наука, 2012. 411 с.

История башкирского народа: в 7 т. Т. III. / Отв. ред. И.Г. Акманов, И.М. Гвоздикова, В.В. Трепавлов, Ф.Г. Хисамитдинова. М.: Наука, 2011. 480 с.

История башкирского народа: в 7 т. Т. IV. / Отв. ред. А. З. Асфандияров, Ю. М. Абсалямов, Р. Н. Рахимов, Ф. Г. Хисамитдинова. СПб.: Наука, 2011. 480 с.

История башкирского народа: в 7 т. Т. V. / Отв. ред. М.М. Кульшарипов, К.К. Каримов, М.Н. Фархшатов, Ф.Г. Хисамитдинова. СПб.: Наука, 2010. 468 с.

История башкирского народа: в 7 т. Т. VI. / Отв. ред. М.М. Кульшарипов, К.К. Каримов, М.Н. Фархшатов, Ф.Г. Хисамитдинова. М.: Восточная литература, 2011. 392 с.

История башкирского народа: в 7 т. Т. VII. / Отв. ред. М.А. Аюпов, М.М. Кульшарипов, С.Н. Семенов, М.Н. Фархшатов, Ф.Г. Хисамитдинова. Уфа: Гилем, 2012. 418 с.

История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век / Ред. А.А. Выборнов и др. Самара: СНЦ РАН, 2000. 223 с.

История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век / Ред. Ю.И. Колев, А.Е. Мамонов, М.А. Турецкий. Самара: СНЦ РАН. 2000. 336 с.

История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье / ред. И.Н. Васильева, Г.И. Матвеева. М.: Наука, 2000. 423 с.

История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. XVI век – первая половина XIX в. / Ред. Э.Л. Дубман, Ю.Н. Смирнов. М.: Наука, 2000в. 287 с.

История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Вторая половина XIX века – начало XX века / Ред. И.С. Кабытов, Н.Н. Кабытова. М.: Наука, 2000г. 236 с.

История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. XX век (1918–1998) / Ред. Н.Н. Кабытова, Л.В. Храмков. М.: Наука, 2000д. 232 с.

История татар с древнейших времен в семи томах. Т. 1. Народы степной Евразии в древности / Отв. ред. С.Г. Кляшторный. Казань: Рухият, 2002. 960 с.

История татар с древнейших времен в семи томах. Т. II. Волжская Булгария и Великая степь / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: РухИЛ, 2006. 1056 с.

История татар с древнейших времен в семи томах. Т.III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII- середина XV в. / Науч. ред. М.А. Усманов. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. 1051 с.

История татар с древнейших времен в семи томах. T.IV. Татарские государства XV–XVIII вв. / Науч. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. 1112 с.

История татар с древнейших времен в семи томах. Т. V. Татарский народ в составе Российского государства (вторая половина XVI–XVIII вв.) / Науч.ред. И.А. Гилязов, Б.И. Измайлов. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014а. 1112 с.

История татар с древнейших времен в семи томах. Т. VI. Формирование татарской нации XIX – начало XX в./ Науч.ред. И.К. Загидуллин. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. 1236 с.

История татар с древнейших времен в семи томах. Т. VII. Татары и Татарстан в XX – начале XXI в. / Науч.ред. Р.Р. Салихов. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013а. 1073 с.

Мосин В.С. Южный Урал в каменном веке / История Южного Урала. Т. 1. Челябинск: ЮУрГУ, 2019. 408 с.

Средние века (VIII – начало XIII вв.). Волжская Болгария. Финно-угорский мир. Кочевники Восточной Европы / Археология Волго-Уралья. Т. 5 / под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. Ф.Ш. Хузин, Т.Б. Никитина. Казань: АН РТ, 2022. 888 с.

Самигулов Г.Х., Маслюженко Д.Н., Моисеев М.В. Южное Зауралье (первая треть XV–конец XIX века) / История Южного Урала. Т. 6. Челябинск: ЮУрГУ, 2019. 432 с.

Свистунов В.М., Тептеев А.Г. Горнозаводская политика России и заводы Южного Урала (1734–1900) / История Южного Урала. Т. 7. Челябинск: ЮУрГУ, 2019. 432 с.

Таиров А.Д. Южный Урал в эпоху ранних кочевников / История Южного Урала. Т. 3. Челябинск: ЮУрГУ, 2019. 400 с.

У истоков южноуральских народов. Южный Урал в эпоху Золотой Орды (IX– начало XV в.) / История Южного Урала. Т. 5 / сост. С.Г. Боталов. Челябинск: ЮУрГУ, 2019. 392 с.

Южный Урал. Век двадцатый / История Южного Урала. Т. 8 / сост. и науч. ред. И.В. Сибиряков. Челябинск: ЮУрГУ, 2019. 432 с.

Южный Урал в начале эпохи металлов. Бронзовый век / История Южного Урала. Т. 2 / Ред. А.В. Епимахов Челябинск: ЮУрГУ, 2019. 432 с.

Информация об авторе:

Боталов Сергей Геннадьевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия); ведущий научный сотрудник, Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск, Россия); grig@csc.ac.ru

REFERENCES

Botalov, S. G. 2019. *Epokha Velikogo pereseleniya narodov i rannee srednevekov'e Yuzhnogo Urala (II–VIII vv.) (The Migration Period and the Early Middle Ages of the Southern Ural (II–VIII centuries)).* Series: Istoriya Yuzhnogo Urala (History of the Southern Urals) 4. Chelyabinsk: South Ural State University (in Russian).

Tairov, A. D. 2000. In Ivanova, N. O. (ed.). *Drevniaia istoriia Iuzhnogo Zaural'ia (Ancient History of the Centre Northern Eurasia) Kamennyy vek. Epokha bronzy (The Stone Age. The Bronze Age)*. Series: Etnogenez ural'skikh narodov (Ural's People Ethnic Genesis) 1. Chelyabinsk: South Ural State University, 3–205 (in Russian).

Tairov, A. D. 2000. In Botalov, S. G., Grigor'ev, S. A., Mosin, V. S., Tairov, A. D. *Drevniaia istoriia Iuzhnogo Zaural'ia (Ancient History of the Centre Northern Eurasia) Rannii zheleznyi vek i srednevekov'e (Early Iron Age and Middle Ages)*. Series: Etnogenez ural'skikh narodov (Ural's People Ethnic Genesis) 2. Chelyabinsk: South Ural State University, 3–205 (in Russian).

Matveeva, N. P. (ed.). 2022. *Zapadnaya Sibir' v epokhu rannego Srednevekov'ya: vzaimodeystvie etnokul'turnykh obshchnostey (Western Siberia in the Early Middle Ages: the interaction of ethnic-cultural communities).* Tyumen: Tyumen State University (in Russian).

Ovsyannikov, V. V., Fedorov, V. K., Khisamitdinova, F. G. (eds.). 2009. *Istoriia bashkirskogo naroda: v 7 tomakh (History of the Bashkir People in 7 Volumes)* 1. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Ovsyannikov, V. V., Fedorov, V. K., Khisamitdinova, F. G. (eds.). 2012. *Istoriia bashkirskogo naroda: v 7 tomakh (History of the Bashkir People in 7 Volumes)* 2. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Akmanov, I. G., Gvozdikova, I. M., Trepavlov, V. V., Khisamitdinova, F. G. (eds.). 2011. *Istoriia bashkirskogo naroda: v 7 tomakh (History of the Bashkir People in 7 Volumes)* 3. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Asfandiyarov, A. Z., Absalyamov, Yu. M., Rakhimov, R. N., Khisamitdinova, F. G. (eds.). 2011. *Istoriia bashkirskogo naroda: v 7 tomakh (History of the Bashkir People in 7 Volumes)* 4. Saint Petersburg: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kul'sharipov, M.M., Karimov, K. K., Farkhshatov, M. N., Khisamitdinova, F. G. (eds.). 2010. *Istoriia bashkirskogo naroda: v 7 tomakh (History of the Bashkir People in 7 Volumes)* 5. Saint Petersburg: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kul'sharipov, M.M., Karimov, K. K., Farkhshatov, M. N., Khisamitdinova, F. G. (eds.). 2011. *Istoriia bashkirskogo naroda: v 7 tomakh (History of the Bashkir People in 7 Volumes)* 6. Moscow: "Vostochnaya literatura" Publ. (in Russian).

Ayupov, M. A., Kul'sharipov, M.M., Semenov, S. N., Farkhshatov, M. N., Khisamitdinova, F. G. (eds.). 2012. *Istoriia bashkirskogo naroda: v 7 tomakh (History of the Bashkir People in 7 Volumes)* 7. Ufa: "Gilem" Publ. (in Russian).

Vybornov, A. A., et al. (eds.). 2000. *Istoriia Samarskogo Povolzh'ia s drevneishikh vremen do nashikh dnei. Kamennyi vek (History of the Samara Volga Region from Antiquity to the Present Day)*. Samara: Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Kabytov, I. S. (ed.). 2000. *Istoriia Samarskogo Povolzh'ia s drevneishikh vremen do nashikh dnei. Bronzovyi vek (History of the Samara Volga Region from the Most Ancient to Modern Times. The Bronze Age)*. Samara: Russian Academy of Sciences, Samara Scientific Center (in Russian).

Vasil'eva, I. N., Matveeva, G. I. (eds.). 2000. *Istoriya Samarskogo Povolzh'ya s drevneyshikh vremen do nashikh dney. Ranniy zhelez-nyy vek i srednevekov'e (History of the Samara Volga Region from Antiquity to the Present Day. Early Iron Age and Middle Ages).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Dubman, E. L., Smirnov, Yu. N. (eds.). 2000. *Istoriia Samarskogo Povolzh'ia s drevneishikh vremen do nashikh dnei. XVI vek – pervaya polovina XIX v. (History of the Samara Volga Region from Antiquity to the Present Day. XVI century – the first half of the XIX century).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kabytov, I. S., Kabytova, N. N. (eds.). 2000. *Istoriia Samarskogo Povolzh'ia s drevneishikh vremen do nashikh dnei. Vtoraya polovina XIX veka – nachalo XX veka (History of the Samara Volga Region from Antiquity to the Present Day. The second half of the XIX century – the beginning of the XX century).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kabytova, N. N., Khramkov, L. V. (eds.). 2000. *Istoriia Samarskogo Povolzh'ia s drevneishikh vremen do nashikh dnei. XX vek (1918–1998) (History of the Samara Volga Region from Antiquity to the Present Day. XX century (1918–1998)).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

In Kliashtornyi, S. G. (ed.). 2009. *Istoriia tatar s drevneishikh vremen v semi tomakh. T. 1. Narody stepnoi Evrazii v drevnosti (History of the Tatars since Ancient Times in seven volumes. Volume 1. Peoples of Steppe Eurasia during Prehistory).* Kazan: "Rukhiiat" Publ. (in Russian).

In F. Sh. Khuzin (ed.). 2006. *Istoriia tatar (History of the Tatars)* 2. Kazan: "RukhIL" Publ., (in Russian).

In Usmanov, M. A. (ed.). *Istoriia tatar s drevneishikh vremen v semi tomakh. Tom III: Ulus Dzhuchi (Zolotaia Orda). XIII –seredina XV (History of the Tatars since Ancient Times in seven volumes. Volume 3: The Ulus of Jochi (the Golden Horde). 13th – mid. 15th cc.)*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences(in Russian).

Mirgaleev, I. M. (ed.). 2014. *Istoriia tatar s drevneishikh vremen v semi tomakh. T. 4. Tatarskie gosudarstva XV–XVIII vv. (History of the Tatars since Ancient Times in seven volumes. Volume 4. The Tatar states of the XV–XVIII centuries).* Kazan: Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Gilyazov, I. A., Izmailov, B. I. (eds.). 2014. *Istoriia tatar s drevneishikh vremen v semi tomakh. T. 5. Tatarskiy narod v sostave Rossiyskogo gosudarstva (vtoraya polovina XVI–XVIII vv.) (History of the Tatars since Ancient Times in seven volumes. Volume 5. The Tatar people in the Russian state (the second half of the XVI–XVIII centuries)).* Kazan: Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Gilyazov, I. A., Izmailov, B. I. (eds.). 2013. *Istoriia tatar s drevneishikh vremen v semi tomakh. T. 6. Formirovanie tatarskoy natsii XIX – nachalo XX v. (History of the Tatars since Ancient Times in seven volumes. Volume 6. Formation of the Tatar nation, the XIX – early XX century).* Kazan: Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Salikhov, R. R. (ed.). 2013. *Istoriia tatar s drevneishikh vremen v semi tomakh. T. 7. Tatary i Tatarstan v XX – nachale XXI v. (History of the Tatars since Ancient Times in seven volumes. Volume 7. Tatars and Tatarstan in the XX – early XXI century).* Kazan: Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Mosin, V. S. 2019. *Yuzhnyy Ural v kamennom veke (The Southern Ural in the Stone Age*). Series: Istoriya Yuzhnogo Urala (History of the Southern Urals) 1. Chelyabinsk: South Ural State University (in Russian).

Sitdikov, A. G., Khuzin, F. Sh., Nikitina, T. B. (eds.). 2022. *Srednie veka (VIII – nachalo XIII vv.). Volzhskaya Bolgariya. Finno-ugorskiy mir. Kochevniki Vostochnoy Evropy (Middle Ages (VIII – beginning of the XIII centuries). Volga Bolgaria. Finno-Ugric world. Turkic-speaking nomads)*. Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 5. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Samigulov, G. Kh., Maslyuzhenko, D. N., Moiseev, M. V. 2019. *Yuzhnoe Zaural'e (pervaya tret' XV–konets XIX veka) (The Southern Trans-Ural (the first third of the XV-the end of the XIX century)).* Series: Istoriya Yuzhnogo Urala (History of the Southern Urals) 6. Chelyabinsk: South Ural State University (in Russian).

Svistunov, V. M., Tepteev, A. G. 2019. *Gornozavodskaya politika Rossii i zavody Yuzhnogo Urala (1734–1900)* (*Mining policy of Russia and the factories of the Southern Ural (1734–1900)*). Series: Istoriya Yuzhnogo Urala (History of the Southern Urals) 7. Chelyabinsk: South Ural State University (in Russian).

Tairov, A. D. 2019. *Yuzhnyy Ural v epokhu rannikh kochevnikov (The Southern Ural in the era of early nomads).* Series: Istoriya Yuzhnogo Urala (History of the Southern Urals) 3. Chelyabinsk: South Ural State University (in Russian).

Botalov, S. G. (comp.). 2019. *U istokov yuzhnoural'skikh narodov. Yuzhnyy Ural v epokhu Zolotoy Ordy (IX– nachalo XV v.) (At the origins of the South Ural peoples. The Southern Ural in the era of the Golden Horde (IX– early XV century)).* Series: Istoriya Yuzhnogo Urala (History of the Southern Urals) 5. Chelyabinsk: South Ural State University (in Russian).

Sibiryakov, I. V. (comp.) 2019. *Yuzhnyy Ural. Vek dvadtsatyy (The Southern Urals. The twentieth century).* Series: Istoriya Yuzhnogo Urala (History of the Southern Urals) 8. Chelyabinsk: South Ural State University (in Russian).

Epimakhov, A. V. (ed.). 2019. *Yuzhnyy Ural v nachale epokhi metallov. Bronzovyy vek (The Southern Ural at the beginning of the metal era. The Bronze Age).* Series: Istoriya Yuzhnogo Urala (History of the Southern Urals) 2. Chelyabinsk: South Ural State University (in Russian).

About the Author:

Botalov Sergey G. Doctor of Historical Sciences,Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, S. Kovalevskoy St 16, Yekaterinburg, 620108, Russian Federation; South Ural State University, Lenin prospekt, 76, Chelyabinsk, 454080, Russian Federation; grig@csc.ac.ru

Статья поступила в журнал 27.06.2024 г.
Статья принята к публикации 04.07.2025 г.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
АН СССР – Академия наук СССР
АО – Археологические открытия.
АЭМК – Археология и этнография Марийского края
ВА – Вопросы антропологии
ВАУ – Вопросы археологии Урала.
ВДИ – Вестник древней истории
ГАИМК – Государственная Академия материальной культуры
ГИК – главная инвентарная книга
ГИМ – Государственный исторический музей
ГИС – геоинформационная система
ГК – Государственный каталог
ДА – Донская археология
ДГУ – Днепропетровский государственный университет
ДонНУ – Донецкий национальный университет
ДФХ – Дофондовое хранение
ИА АН СССР – Институт археологии АН СССР
ИА РАН – Институт археологии РАН.
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии СО РАН
ИИ АН РТ – Институт истории АН РТ
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
ИЯЛИ КФАН СССР – Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова КФАН СССР
КАЭЭ – Камская археолого-этнографическая экспедиция ПГГПУ
КГПИ – Куйбышевский государственный институт
КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН/ СССР
КСИИМК – Краткие сообщения и доклады Института истории материальной культуры АН СССР/ Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КФАН СССР – Казанский филиал АН СССР
КФУ – Казанский федеральный университет
МарГУ – Марийский государственный университет
МарНИИЯЛИ – Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории имени В.М. Васильева
МАРТ – Музей археологии Республики Татарстан ИА АН РТ
МАЭ ИАЭ УНЦ РАН – Музей археологии и этнографии Института этнологических исследований Уфимского научного центра РАН.
МГУ – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.
МИА – Материалы и исследования по археологии
МИАР – Материалы и исследования по археологии России. М.
МК РФ - Министерство культуры Российской Федерации
НМ РБ – Национальный музей Республики Башкортостан
ОГАУ – Оренбургский государственный аграрный университет
ОГПУ – Оренбургский государственный педагогический университет.
ОФ – основной фонд
ПГГПУ – Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет.
РА – Российская археология
РАН – Российская академия наук.
РГО – Российское географическое общество
РПЦ – Русская православная церковь
РСМ – Раннеславянский мир.
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СГСПУ – Самарский государственный социально-педагогический университет
СНИУ – Самарский национальный исследовательский университет им. ак. С.П.Королёва
СНФ – сырьевной научный фонд
СНЦ РАН – Самарский научный центр РАН
СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук
Труды КАЭЭ – Труды Камской археолого-этнографической экспедиции
УАВ – Уфимский археологический вестник
УЗ ПГУ – Ученые записки Пермского государственного университета
УрО РАН – Уральское отделение РАН
ЭФЗК – Экспертная фондово-закупочная комиссия

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Все сведения для авторов, касающиеся подачи статей, порядка их рассмотрения, рецензирования, инструкций и рекомендаций по оформлению материалов, вопросов регулирующих взаимоотношения автора и издателя представлены на сайте журнала по адресу:

http://evrazstep.ru/index.php/aes/author_guidelines

Порядок приема материалов

№ 1 (февраль) – не позднее 1 декабря
№ 2 (апрель) – не позднее 1 февраля текущего года
№ 3 (июнь) – не позднее 1 апреля текущего года
№ 4 (август) – не позднее 1 июня текущего года
№ 5 (октябрь) – не позднее 1 августа текущего года
№ 6 (декабрь) – не позднее 1 октября текущего года

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, редакционной коллегией не рассматриваются!

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале и на сайте журнала.

INSTRUCTIONS FOR AUTHORS

All information for authors concerning the submission of papers, the procedure of their examination, review, instructions and recommendations for the execution of materials, issues regulating the communication between the author and the publisher are provided on the journal's website at:

http://evrazstep.ru/index.php/aes/author_guidelines

Manuscripts shall be submitted by the following dates:

Vol.1 (February) – not later than December 1 of the current year
Vol.2 (April) – not later than February 1 of the current year
Vol.3 (June) – not later than April 1 of the current year
Vol.4 (August) – not later than June 1 of the current year
Vol.5 (October) – not later than August 1 of the current year
Vol.6 (December) – not later than October 1 of the current year

Manuscripts not meeting the specified requirements in terms of execution shall not be examined by the editorial board!

These instructions come into effect since their publication in the journal and on the journal's website.

Журнал основан в мае 2017 г.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–79080
от 28 августа 2020 г. выдано Роскомнадзором
Оригинал–макет – *А. С. Беспалова*
Технический редактор *И.А. Першагина*
420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30
Дата подписи в печать 30.10.2025
Дата выхода в свет 31.10.2025
Формат 60×84 1/8
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 41,85
Тираж 1000 экз. Первый завод 100 экз. Заказ №
Свободная цена
Отпечатано с готового оригинал-макета в типографи "Orange Key"
420015, г. Казань, ул. Галактионова, 14

16+

